

КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Литературный ежегодник

Орган творческого объединения писателей Коломны

ИЗДАЁТСЯ КОМИТЕТОМ ПО КУЛЬТУРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА КОЛОМНА

Выходит с 1997 года

2011

ВЫПУСК
ПЯТНАДЦАТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ
КОЛОНКА

НАМ 15 ЛЕТ!

ПРОЗА

М.В. ЛОМОНОСОВ

БОГИНЯ, ДЩЕРЬ БОЖЕСТВ, НАУКИ
ОСНОВАВШИХ 5

Виктор МЕЛЬНИКОВ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА 7

ВО СЛАВУ КОЛОМНЫ, МОСКВЫ
И РОССИИ 17

Артур МАКАРОВ

ПРИДУРКИ. Рассказ 29

Александр ЗАЙЦЕВ

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА. Рассказ 45

Владимир ПРОНСКИЙ

ВКУС ТЕРЕНТЬЕВКИ. Рассказ 55

Сергей КАЛАБУХИН

И ПОПУСТИЛ ГОСПОДЬ... Рассказ 63

Сергей МАЛИЦКИЙ

ТРИ СЕСТРЫ. Сказка 75

ПОЭЗИЯ

БЫЛА ВОЙНА

ВОСХОЖДЕНИЕ К ДОСТОЕВСКОМУ

МУЗЫКА

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Олег КОЧЕТКОВ

СЕМЕЧКИ. Лирическая поэма 85

ИЗ КОЛОМЕНСКОЙ ТЕТРАДИ 99

Виктор МЕЛЬНИКОВ

ВРЕМЯ ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ 121

Алексей КУРГАНОВ

МАЛЬЧИК. Рассказ 125

СТИХИ, ПРИШЕДШИЕ

С ВОЙНЫ 141

Владимир ВИКТОРОВИЧ

ДОСТОЕВСКИЙ.

ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА 171

Татьяна КОНДРАТОВА

КОЛОМЕНСКАЯ ВЕТВЬ РОДА

ДОСТОЕВСКОГО 189

Наталья КОЧЕТКОВА

ФЕРЕНЦ ЛИСТ — ГРЁЗЫ ЛЮБВИ 201

Екатерина БЫЧКОВА, Наталия

ДЕМПКЕ, Лариса РЯБКОВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

БИОГРАФИЙ 217

Виктор МЕЛЬНИКОВ

ТРИ ПОЭТА 241

Иван ЩЕБЛЫКИН

СЛУЖЕНИЕ ОТЧИЗНЕ. К 300-летию

со дня рождения М.В. Ломоносова 271

КОЛОМЕНСКИЕ
ТАЙНЫ

РОДИМАЯ СТОРОНА

ГРАЖДАНИН
КОЛОМНЫ

Геннадий ГОРЛАНОВ
ЛИТЕРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ
МОЯ ЖИЗНЬ.
К 200-летию со дня рождения
В.Г. Белинского 289

Андрей ГРУНТОВСКИЙ
СЛОВО О РУБЦОВЕ.
К 75-летию со дня рождения 301

Роман СЛАВАЦКИЙ
КОЛОМНЫ ПОТАЁННЫЙ
СКЛАДЕНЬ 341

Валерий ЯРХО
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ 357

Ольга ЮРИКОВА
ДНЕВНИК ПОХОДА
НА КУЛИКОВО ПОЛЕ 377

Алексей ВУЛЬФОВ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ 401

Лилия ПАВЛОВА
СКАЗАНИЕ О БОБРЕНЕВСКОМ
МОНАСТЫРЕ. К 630-летию обители ..417

Уильям БРУМФИЛД
ОТКРЫВАЯ РОССИЮ 427

Нисон ВАТНИК
ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ СЕНСАЦИЯ..... 437

ПАМЯТИ МАСТЕРА 449

ВОЛШЕБНЫЕ СИЛУЭТЫ

Чего только мы не перевидали в удивительные Лажечниковские дни 2010 года! 23 сентября на первом этаже Дома Лажечникова открылась долгожданная экспозиция, повествующая о быте Коломны рубежа XVIII—XIX веков. Таинственные тени прошлого сошлись под массивными сводами эпохи Елисаветы Петровны. А на следующий день в этом же главном доме усадьбы, только на втором этаже, в ампирных интерьерах открылась конференция «Лажечников и провинциальная Россия», на которой герои лажечниковского времени ожили в своеобразном архивном детективе. Чудесным дополнением стали сочные силуэты памятника писателю. Скульптор Владимир Потлов представил доработанный проект материала, над которым он трудился не один год.

И наконец 25 сентября, когда Лажечникову исполнилось 220 лет, весь Старый город превратился в огромную книжную иллюстрацию. В усадьбе романиста молодые актёры устроили костюмированный бал, а в кремле на улице Лажечникова дефилировала публика в нарядах позапрошлого века.

А в это время выставочный зал в Брусенском переулке открыл экспозицию-комментарий к «Беленьким, чёрненьким и сереньким». И на фоне портретов и цитат актёры театра «Пилигрим» оживляли страницы Лажечникова не только искусной игрой, но и силуэтами, которые в полутьме за экраном двигались, точно живые.

И так на один день вся Коломна превратилась в огромный «волшебный фонарь»!

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ (1711–1765)

...Науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же — иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения. Слог его, ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему предложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова, и требовать, чтобы человек, умерший 70 лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики. Как будто нужны для славы великого Ломоносова мелочные почести модного писателя!

*А.С. Пушкин. О предисловии г-на Лемонте
к переводу басен И.А. Крылова*

* * *

**Богиня, дочь божеств, науки основавших
И приращенье их тебе в наследство давших,
Ты шествуешь по их божественным стопам,
Распростираючи щедроты светлость нам.
Мы, признаваясь, что едва того достойны,
Остались бы всегда в трудах своих спокойны;
Но только к славе сей того недостает,
Чтоб милость к нам твою увидел ясно свет.
Дабы признали все народы и языки,
Коль мирные твои дела в войну велики.
Дабы украшенный твоей рукой Парнас
Любителей наук призвать возвысил глас
И, славным именем гремя Елисаветы,
При лике их расторг завистников наветы.
Теперь Германия войной возмущена,**

Рыдания, и слез, и ужаса полна;
За собственных сынов с парнасскими цветами
Питает сопостат с кровавыми мечами.
Любитель тишины, собор драгих наук,
Защиты крепкия от бранных ищет рук.
О коль велики им отрады и утехи:
Воследуют и нам в учениях успехи
И славный слух, когда твой университет
О имени твоём под солнцем процветет,
Тобою данными красуясь вечно правы
Для истинной красы Российския державы.
И юношество к нам отвсюду притекут
К наукам прилагать в Петрове граде труд.
Петрова ревность к ним, любовь Екатерины,
И щедрости твои воздвигнут здесь Афины.
Приемлемые в них учены пришлецы
Расширят о тебе в подсолнечной концы,
Коль милосерда ты, коль счастлива Россия,
Что царствуют с тобой в ней времена златья!
Рушитель знания, свирепой брани звук
Под скипетром твоим защитник стал наук,
Что выше мнения сквозь дым, сквозь прах восходят,
Их к удивлению, нас к радости приводят.
Мы соружим похвал тебе, Минерве, храм,
В приличность по твоим божественным делам;
В российски древности, в Натуры тайны вникнем
И тьмами уст твои достоинства воскликнем.
Коль счастлив оный день, коль счастлив буду я,
Когда я, среди российских муз стоя,
Благодаяние твое представлю ново.
Великостью его о как возвышу слово!
Тогда мой средственный в российской речи дар
В благодарении сугубой примет жар.
Когда внимания сей глас мой удостоишь
И искренних сердец желанья успокоишь,
Ты новы силы нам, богиня, подаришь,
Драгое Отчество сугубо просветишь.
Сие исполнится немногими чертами,
Когда рука твоя ущедрится над нами:
Для славы твоя, для общего плода,
Не могут милости быть рано никогда.

Первая половина февраля 1761 года

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Вот он — юбилейный номер «Коломенского альманаха»!

За эти пятнадцать лет наш ежегодник стал неотъемлемой частью коломенского духа. По его страницам, словно по листкам календаря, размечается жизнь Коломны. И в этом есть своя скрытая и древняя логика...

Дело в том, что слово «альманах» переводится с арабского как «астрономический календарь, новогодний подарок».

«Классический» альманах выходил один раз в год и часто, кроме художественных произведений и научных статей, содержал сведения из различных областей общественной деятельности и знания, приближаясь к типу календарей-справочников. Первоначально это были почти всегда только астрономические календари и таблицы. Попав в Европу после Крестовых походов, альманахи расширили тематику. В них стали помещать астрологические указания, предсказания и разные заметки. Например, французский «Almanache royal» (выходил с 1679 года в Париже) содержал сведения о дворцовых праздниках и ежегодных парижских ярмарках. С 1699-го в нём печатались также сведения по генеалогии французского королевского дома, родовые и послужные списки дворян и высшего духовенства. Такого рода альманахи постепенно стали появляться и в других странах. Некоторые из них стали включать, помимо астрологических и календарных сведений, анекдоты, стихотворения и короткие рассказы.

В Западной Европе большое распространение получили литературные альманахи. Первые литературные аль-

*Почтовая марка
«Коломенский кремль
(1525–1531)». 1971 год.
Художник А.И. Калашников*

странах, были распространены разного рода (рукописные и печатные) сборники произведений духовного и светского содержания, астрономические таблицы, служившие «настольными книгами», которые можно считать своеобразными «праальманахами».

В 1771 году вышли «Российский Парнас», подготовленный М.М. Херасковым в Петербурге, а также «Распускающийся цветок», составленный в 1787 году из произведений питомцев Благородного пансиона при Московском университете. В конце 20-х — начале 30-х годов XIX века в России ежегодно выходило около двадцати альманахов! А.С. Пушкин в 1827 году писал: «Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о её движении и успехах». Позднее В.Г. Белинский назвал эту эпоху «альманачным периодом» и резюмировал, что в 20–30-е годы «русская литература была по преимуществу альманачною».

Вспомним наиболее значимые русские альманахи. «Полярная звезда» (1823–1825; 3 книги) — альманах издавался А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым с участием Ф.В. Булгарина, А.С. Грибоедова, В.А. Жуковского, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, П.А. Вяземского, В.К. Кюхельбекера, Ф.Н. Глинки и других; «Мнемозина» (1824–1825; 4 книги) — альманах издавался В.Ф. Одоевским и В.К. Кюхельбекером с участием А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Е.А. Баратынского; «Северные цветы» (1825–1831) — издавались А.А. Дельвигом и О.М. Сомовым.

С тем же названием — «Северные цветы» — с 1901 по 1904 год (четыре выпуска) и ещё в 1911 году (пятый и последний выпуск) выходил альманах символистов.

В нашем городе на протяжении восьми веков традиция выпуска литературного ежегодника как-то не утвердилась. Поэтому пятнадцатилетнее

манахи появились во Франции в середине XVIII века («L'almanach des muses», Париж, 1746–1833). Из более поздних известны «Almanach de la littérature, du théâtre et des beaux-arts» (1853–1869), «Almanach parisien» (1862–1870). В Германии первым литературным альманахом был «Musenalmanach», выходящий в Гёттингене в 1770–1807 годах, затем «Musen-Almanach» — ежегодный сборник не публиковавшихся ранее стихотворений, издававшийся Ф.Шиллером (1796–1800).

Появление альманаха в России обычно связывают с именем Н.М. Карамзина — зачинателя новой русской журналистики, создаваемой с учётом европейского опыта. Но ещё задолго до его «Аглаи» (1794–1795) и «Аонид» (1796, 1797, 1799), действительно построенных во многом по образцу европейских, прежде всего французских «календарей муз», в России, как и в других

Почтовый блок «Историко-архитектурные памятники России». На марке — Московский Кремль. На полях блока — боевые башни Псковского и Новгородского кремлей, Смоленской крепости, Коломенского и Нижегородского кремлей. 1971 год. Художник А.И. Калашиков

существование «Коломенского альманаха» — событие неординарное вообще, а в условиях нашего времени — особенно знаменательное.

Можно ли считать «Коломенский альманах» действительно первой ласточкой и были ли у него какие-то, пусть дальние, «родственники»? По воспоминаниям старожилов, записанным сотрудниками краеведческого музея, в 1914–1916 годах в женской (здание нынешнего медучилища) и мужской (штаб артучилища) гимназиях выходили рукописные альбомы, в которых наряду с другими материалами публиковались литературные опыты учащихся (стихи и проза).

После революции, в 1918 году, в Коломне стал выходить журнал «Бедняк» (орган Коломенского комиссариата культпросвета), который объявил себя «голосом и вождём бедняков города и деревни», а также неперIODический журнал «Труд и свет», где печатались и литературно-художественные произведения (издатель — Коломенский союз кооперативов).

В первой половине 20-х годов журналов становится больше, их содержание — разнообразнее. «Наковальня» и «Коломенский рабочий» выходили как бесплатное приложение к городской газете. В них публиковались произведения разных авторов, например рассказы М.Праскунина, Н.Сидоренко, А.Мхова, А.Лешина, очерки Н.Керова о прошлом древнего города...

70–90-е годы прошлого века можно назвать временем бурного расцвета нашего краеведения. Одна за другой появляются книги очерков, сборники, альбомы... **Марки и почтовые конверты**, посвящённые Коломне, мы представляем нашим читателям в этом номере.

«Коломенский альманах» первоначально выходил в октябре–ноябре, но однажды, в 2007 году, мы выпустили его в мае — к Дню славянской письменности и культуры, и с тех пор это стало традицией.

* * *

Да, нашему альманаху уже пятнадцать лет! Три пятилетки. И дело даже не в круглой дате. А в том, что за эти годы читатель приобрёл пятнадцать тысяч томов коломенской литературы.

Маркированный конверт со спецгашением «800 лет городу Коломне». 1977 год. Художник Л.Кулиева

Для истории полтора десятилетия — даже не время. Так — миг, мгновение. Несерьёзность, в которую, однако, порой умещаются целые эпохи. Например, та же, слава Богу, канувшая в Лету «перестройка».

А для нас? Кажется, что вот только-только радовались первому номеру, а поглядеть на «первопроходцев» — ох как все не помолодели... А сколько траурных рамок — знаков невозвратимых утрат — появилось за эти годы на страницах нашего альманаха! Нет уже среди нас Константина Григорьевича Петросова, Юрия Колесникова. Нет и ещё одного замечательного человека — всегда спокойного, с необыкновенно приятными, добрыми глазами, рассудительного и деликатного, житейски мудрого Михаила Павловича Маношкина. Ушёл от нас и порывистый, отстаивавший свою и только свою точку зрения до самого победного и безоговорочного конца Вячеслав Дёгтев, и удивительно светлый человек с добрейшим сердцем и постоянной улыбкой Лёва Авдеев. Ну вот не поворачивается язык называть его официально — Львом! И дальше в этом скорбном списке — Владимир Васильевич Васильев, ведущий научный сотрудник ИМЛИ Российской академии наук, чья статья «Художник великой чести» была опубликована в нашем альманахе в 2005 году, и именно за неё мы были награждены специальным Дипломом Союза писателей России. И я-то знаю: он был настоящим другом нашего альманаха! А Валерий Ковалёв? Да вот он, перед глазами! Со своим характерным прищуром-полуулыбкой, прирождённый рассказчик, человек совестливый, участливый, обладающий удивительным даром открывать прошлое

так естественно и непринуждённо, как говорят о сегодняшнем, настоящем... Уже не позвонит, метая «громы и молнии», Михаил Абакумов.

Но приходят новые авторы, с новыми идеями, мыслями, предложениями и проектами. Смена поколений, смена караула на страже границ русской литературы.

Множество добрых слов было сказано в адрес нашего ежегодника, и не только в России, но и за её пределами. Почётные награды и признание в литературном мире свидетельствуют: альманах как духовное явление состоялся.

* * *

Стало традицией открывать очередной номер стихами юбилейного года. В этом году исполняется 300 лет со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова. По широте и размаху знаний, научной деятельности русский гений сравним только с титанами Возрождения. Он был первым русским учёным-естествоиспытателем, одним из основоположников физической химии, поэтом, историком, художником. Ломоносов — создатель современного русского стихосложения. Именно он вместе с Третьяковским сформировал ту силлаботоническую систему, по которой пишут нынешние, в том числе и коломенские поэты.

Ломоносов мечтал создать русскую науку и русскую литературу не по образцу западных, а на своей, исконной, родной почве. В 1747 году он напечатал «Риторику», годом позже — «Российскую грамматику». В своих одах он выражал надежду на лучшее будущее России.

Любимый герой Ломоносова — Пётр Великий. Он для него — «строитель, плаватель, в полях, в морях герой». Неутомимый работник, призывающий своим примером и других трудиться на благо Отечества.

Хотя вослед иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру,
Не вымышленных петь намерен я богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.

Пётр Великий, овладевший многими ремёслами, любивший всё делать своими руками, был сродни самому Ломоносову. Устами Петра Ломоносов говорит о своей мечте — открытии Северо-восточного морского пути:

Колумбы русские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток...

Ломоносов мечтал создать «героическую поэму» о Петре I, но успел написать только две песни.

В стихах Ломоносова мысль учёного сочетается с фантазией поэта.

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна.

«Слог его, — писал Пушкин, — ровный, цветущий и живописный, заемлет главные достоинства от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оногo с языком простонародным».

Именем Михаила Васильевича Ломоносова назван основанный им, а теперь крупнейший русский университет.

Помнят великого учёного и на его родине, русском Севере.

В городе Архангельске именем Ломоносова назван драматический театр. Здесь с 1969 года регулярно проводятся Ломоносовские чтения.

Рядом с театром находится Центральная городская Ломоносовская библиотека, открытая в 1911 году, к 200-лeтнему юбилею учёного, и выросшая из небольшой читальни в библиотеку с большим книжным фондом.

У здания Архангельского лесотехнического института находится одна из достопримечательностей города — памятник М.В. Ломоносову. Это первый памятник выдающемуся учёному. Установлен в 1832 году. Создан известным русским скульптором, ректором Петербургской академии художеств Иваном Петровичем Мартосом, автором памятника Минину и Пожарскому в Москве на Красной площади.

И у нас в Коломне одна из улиц носит имя основоположника русской науки. А в альманахе ему посвящена статья Ивана Щеблыкина.

* * *

Ломоносова, пришедшего из глубочайшей провинции, В.Г. Белинский назвал «Петром Великим русской литературы» и считал, что с его «Оды на взятие Хотина» «по справедливости должно считать начало русской литературы». И в наши времена, когда отечественная литература залита мутным потоком грязи и пошлости, всё важнее становится значение русской провинции, в которой ещё сохранился дух высокого искусства.

А наша малая родина — древнее Подмоскoвье с его глубокой истoрией — даёт нам благодатный материал. Здешними вотчинами владели великие князья и цари Московские, знатное столичное боярство. Но не только истoрией, церковными святынями и старинными мануфактурами гордится наша земля. Проникновенная и величавая краса подмоскoвной природы — вот что издавна влекло сюда людей искусства.

Прекрасное Борисоглебское озеро, таинственные леса и парки, широкие равнинные просторы... На этой благословенной земле отдыхал от столичной суеты А.И. Куприн, здесь жила и похоронена замечательная певица Е.П. Лунина-Риччи. Владельцы усадьбы Троицкое-Раменское князья Голицыны-Прозоровские основали текстильную фабрику. А обустроил её, уже при новом владельце, расширил и вывел на одно из первых мест в России первый русский директор Ф.М. Дмитриев. «Человек был русский из народа, страстно любивший народ, он сделал для него всё, что мог, а всё, что он сделал, было до того разумно, искренне и, следовательно, полезно, что он приобрёл общую любовь там, где жил и умер», — писал о нём скульптор Марк Антокольский.

На тех же землях, вблизи платформы Прозоровская, строитель Московско-Рязанской железной дороги Н.К. фон Мекк (сын К.Ф. и Н.Ф. фон

Маркированный конверт со спецгашением «800 лет городу Коломне». 1977 год. Художник Л. Зайцев

Мекк) начал строительство «города-сада» для служащих дороги. В посёлке (ныне Кратово Раменского района) были устроены бульвары, мостовые, канализация, курсировали трамваи, были проведены электрическая и телефонная сеть, водопровод. Проектировались также больница, туберкулёзный и общий санатории (в одном из санаторных зданий в современном городе Жуковском располагается муниципальный театр «Стрела»), церковь, здание для общественных собраний с театром, читальней и библиотекой и целый небольшой квартал с общежитием для детей служащих, не живущих в посёлке.

А неподалёку, в Малаховке, находилась дача Николая Дмитриевича Телешова (1867–1957), основателя и первого долготетного директора музея МХАТ, где этот великий русский подвижник устраивал, как и в московском своём доме на Покровском бульваре, «Литературные среды». На них, как это хорошо известно, собирался весь цвет тогдашней реалистической русской литературы — приезжал туда и А.П. Чехов, постоянными участниками были А.М. Горький, А.С. Серафимович, С.Г. Скиталец, Леонид Андреев, братья Ю.А. и И.А. Бунины, А.И. Куприн, В.В. Вересаев, появлялся и Ф.И. Шаляпин.

И эта творческая аура, озаряющая ближайшие окрестности Коломны, даёт авторам альманаха своего рода подпитку и высочайшие образцы творчества.

Имя И.А. Бунина особенно дорого нам. Наверное, никто с такой человечностью и в то же время так утончённо не говорил языком русской новеллы. Рассказы о любви («Митина любовь», «Солнечный удар»,

Маркированный конверт «Монумент воинам-коломенцам, павшим в годы Великой Отечественной войны». 1978 год. Художник Л. Зайцев

сборник «Тёмные аллеи»), философские новеллы и необычная по жанру «Жизнь Арсеньева» вместе с другими произведениями Бунина обогатили русское и мировое искусство XX века.

Пришла пора возродить традиции нашей классической новеллы, в которой видно живое дело, действуют нормальные люди, которых что-то интересует, которые пытаются что-то понять, выразить и создать.

* * *

Читатели часто говорят: «У вас в альманахе очень высокая планка. Не опускайте её». А как же иначе? Ведь главная наша цель — борьба за чистоту русского языка, сохранение и по возможности — возрождение истинно литературного стиля, которые — и язык, и стиль, — именно в сегодняшнее время испытывают жесточайшее давление со стороны так называемой эрзац-культуры, не только западной, но и доморощенной.

О многострадальная русская литература! Каждая эпоха — клубок, казалось бы, неразрешимых противоречий... И наше время — не исключение. Кто-то скажет: мол, здесь дело в том, что самое чтение сейчас воспринимается не как творчество, а всего лишь как средство получения информации. Зачем книга, если есть Интернет?

Думаю — ерунда всё это. Никакой Интернет не заменит общения с книгой. В любом томе, вышедшем из типографии, скрывается своя магия. И это чудо общения с живой книгой не заменят никакие «электронные носители». Так, на заре кинематографии говорили, что театр умрёт,

Коломна

*Конверт первого дня со спецгашением «Коломенский кремль». 2009 год.
Дизайнеры Х.Бетрединова и А.Керносов*

не выдержав конкуренции с фильмами. Но сегодня скорее уж кинозалы испытывают кризис, а театры живы-здоровы. Отчего так? Да оттого, что никакие спецэффекты не смогли заменить актёрского искусства, сценического волшебства.

Станислав Говорухин однажды сказал: «Человек, который в детстве не приучил себя к чтению, не сделал его привычкой, без которой он не может жить, человек, путешествующий по жизни без книги, — тщетный человек. Потому что в его духовном воспитании не участвовали великие педагоги — писатели».

Но какие бы социальные перевороты ни происходили, русские инженеры, врачи, учителя никуда не денутся. А если сохраняется культурная среда, то и литература найдёт своего читателя. Пусть льётся с телеэкранов и газетных страниц поток пошлости и «желтизны». Мы, писатели, как белорусские партизаны, окопаемся в отечественной провинции, но на милость американщине не сдадимся. Ничего, и не такое выдерживали!

* * *

Пятнадцать лет, пятнадцатый номер... У Федерико Феллини есть фильм «Дорога». В советском прокате он назывался «Они бродили по дорогам». В картине рассказывается о тяжёлой жизни бродячих комедиантов. Сюжет довольно грустный: циркач Дзампано, звероподобный силач, берёт себе в помощницы девочку-подростка Джельсомину. Точнее, покупает её у матери, нищей крестьянки. Обучает цирковому ремеслу,

дрессирует, словно животное. Однажды Джельсомина заболевает и становится в тягость своему хозяину. Дзампано оставляет её и продолжает свой путь в одиночестве. Затем его начинают мучить угрызения совести, он воет от ярости и бессилия, но изменить уже ничего нельзя.

Почему я вспомнил этот фильм? Просто эта работа великого режиссёра переросла своё кинематографическое назначение и превратилась в притчу. В поэтическое иносказание о смысле жизни. О трагической разобщённости людей в мире. Здесь сталкиваются не просто разные социально-психологические типы, а именно разные жизненные начала. Фильм — да, жесток. Но финал его — не безнадёжен. Он даёт ощущение катарсиса, то есть духовного преображения через сочувствие и сострадание. На мой взгляд, это именно то, чего так остро не хватает нашей именно сегодняшней литературе.

Другой фильм — «А корабль плывёт...», не менее известный (впрочем, за всеми этими многочисленными сериалами и абстрактно-фантастическими «аватарами» сегодня прочно забытый). Его сюрреалистическая атмосфера удивительно подходит к современной ситуации. Сегодня по телевизору жирные бюрократы рассуждают о «демократии», извращенцы и негодяи разглагольствуют о «свободе творчества», а армада российской культуры держит свой веками выверенный курс. И пожалуй, уместно вспомнить слова великого мастера сцены Михаила Ивановича Царёва: «Корабль наш большой, тяжёлый, и пока мы его развернём по течению, уже нужно разворачивать заново. Поэтому мы идём своим курсом».

«Коломенский альманах» — один из кораблей этой флотилии. И он идёт «по волнам памяти» уже пятнадцать лет. Идёт, несмотря ни на бури, ни на штормы, ни на самое тяжкое, что может случиться для морехода в пути, — полный штиль.

Команда есть, команда опытная, в ней — и «морские волки», и юнги, набор (и отбор) которых продолжается из номера в номер. Оснастка крепкая, паруса прочные, и они надёжно «держат ветер». На флаге главной мачты — божественная Муза. Порт приписки — благословенная Коломна.

ВО СЛАВУ КОЛОМНЫ, МОСКВЫ И РОССИИ¹

В.И. Шувалов,
глава города Коломны

Дорогие мои земляки — коломенцы!

Сегодня нашему «Коломенскому альманаху» исполнилось пятнадцать лет. Каждый год — это новый том, и на книжной полке выстроилось уже полтора десятка книг. Красивых, умных, содержательных, наполненных талантливыми произведениями. Под их обложками беседуют, обмениваются мыслями, раскрывают грани своего творчества писатели и поэты, краеведы и филологи, художники и искусствоведы.

Альманах — результат коллективного творчества. Десятки людей вкладывают дарование, душу, время, чтобы разработать концепцию выпуска, провести исследовательскую работу, отшлифовать каждое слово. И вниманию читателей является драгоценный сплав упорного многолетнего труда творческого коллектива.

Особо хочу сказать о Викторе Мельникове. В нём сочетаются редкие качества главного редактора: умение восхищаться чужим талантом, организовать, увлечь, повести за собой. Его громадная работоспособность, литературный и художественный вкус сделали альманах лучшим изданием не только в Московской области, но и одним из лучших в стране. Ни в одном городе, исключая столичные, не издаётся ничего подобного. Виктор Мельников стал собирателем талантов, продолжателем традиций, заложенных ещё великим русским романистом И.И. Лажечниковым. А галерея литературных «полотен» стала визитной карточкой современной Коломны.

Литературно-художественный сборник — один из памятников исторического периода, в котором мы живём. И, может быть, гораздо более значительный, чем памятники, высеченные в камне или отлитые в бронзе. Ведь книги живут вечно.

Поздравляю наш «Коломенский альманах», его создателей, авторов и всех, кто к нему причастен, с юбилеем! Пусть новые и новые тома продолжают беречь умы, согревать души, восхищать и вдохновлять. Пусть миру являются новые и новые талантливые имена. И каждый год, взяв в руки только что увидевшую свет, ещё пахнущую типографской краской свежизданную книгу, мы сгорали бы от нетерпения дожидаться вечера, сесть в любимое кресло, включить настольную лампу и погрузиться в удивительный мир литературы, который делает нас чище и мудрей.

---

¹ Редколлегия «КА» благодарит В.Н. Крупина за название этого раздела.

Г.К. Ратникова,

министр культуры правительства Московской области

Уважаемые друзья!

Примите искренние поздравления по случаю 15-летия со дня выпуска первого номера литературно-художественного сборника «Коломенский альманах».

Все прошедшие годы редакционный коллектив, работая над этим уникальным изданием, популяризировал творчество молодых писателей и поэтов, преданных историческому и художественному наследию Коломны.

На страницах сборника регулярно публиковали свои материалы и признанные мастера российской словесности, прозаики и краеведы.

Во многом благодаря «Коломенскому альманаху» у читателей есть прекрасная возможность познакомиться с лучшими образцами отечественной литературы, поэзии, краеведения, живописи прошлых лет и современными художниками, так или иначе связанными с историей города, с историей Подмосковья.

Несомненно, «Коломенский альманах» — издание нужное и полезное, а читательская любовь и признание — яркое тому подтверждение.

Желаю редакционной коллегии сборника плодотворной творческой работы в деле изучения богатейшего исторического наследия Коломны и всего Подмосковья, интересных публикаций на страницах новых номеров «Коломенского альманаха».

О.П. Кубышкина,

*исполнительный директор Российского книжного союза в Подмосковье,
директор Московской областной государственной детской библиотеки*

Уважаемый Виктор Семёнович!

Уважаемые авторы «Коломенского альманаха»!

Примите искренние поздравления с вашим маленьким юбилеем! За пятнадцать лет созданный вами альманах прошёл плодотворный путь и стал одним из лучших литературных изданий в Московской области.

Талантливая литература всегда объединяет людей, делает их более мудрыми, дарит возвышенные чувства и добрые мысли. Это важно во все времена. История предстаёт в честных и правдивых произведениях замечательных прозаиков и поэтов — лауреатов литературных премий, победителей конкурсов и фестивалей. Благодаря вашим усилиям в нас пробуждается совесть, справедливость, сочувствие друг к другу.

Именно вы защищаете границу нравственности и морали, помогаете понять время, судьбы людей и страны. Вклад авторов альманаха в дело общего социокультурного поля Подмосковья очень значителен. Вы сохраняете и развиваете традиции великой литературы на нашей земле, тесно связанной с именами А.С. Пушкина, А.А. Блока, А.П. Чехова и многих-многих других.

Сегодня невозможно представить древнюю Коломенскую землю без вашего ежегодника.

Спасибо вам за наших детей: своим изданием вы воспитываете душевных, образованных людей! Спасибо за наш первый совместный молодёжный фестиваль «Моя новая книга» в 2009 году. Верим, что он станет доброй традицией.

Мы вместе, помогая друг другу, будем добиваться новых успехов в литературном и жизненном пространстве!

Творите! Дерзайте! Радуйте нас новыми произведениями! Желаем вам неослабевающей читательской популярности, крепкого здоровья и большого личного счастья!

Г.В. Иванов,
первый секретарь Союза писателей России

Б.А. Орлов,
*председатель
Санкт-Петербургской писательской организации*

В.П. Смирнов,
секретарь Смоленской писательской организации

Е.Ю. Юшин,
*секретарь правления
Союза писателей России*

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляем «Коломенский альманах» со славным юбилеем!

Вы много сделали для развития литературы в Подмосковье в нелёгкие перестроечные годы, сплотив вокруг себя авторов с активной жизненной позицией. На ваших страницах слышится голос времени, развиваются лучшие традиции русской литературы. Искренне желаем коллективу редакции и авторам альманаха творческих успехов, праведных трудов, вдохновения и благодарных читателей.

В.Г. Бояринов,
*председатель правления Московской городской организации
Союза писателей России*

В.Г. Дагуров,
*секретарь правления Московской городской организации
Союза писателей России по связям с общественностью*

«Коломенский альманах» в 2011 году отмечает своё 15-летие. Для периодического литературного издания это возраст зрелости. Родился альманах в прошлом веке, в 1997 году, благодаря подвижничеству труду писателя Виктора Мельникова. Удивительно, что не коломенец по рождению, Виктор Семёнович, переехав жить в этот древний русский город, так проникся любовью к нему и разнообразием творчества местных литераторов и художников, что у него возникла добрая идея собрать их талантливые произведения под обложкой «Коломенского альманаха». Кстати, обложка — несомненный шедевр талантливого фотохудожника Юрия Колесникова: птица, парящая в вольном полёте над могучей башней Коломенского кремля. Эта яркая поэтическая метафора как бы задаёт тон всему содержанию альманаха.

Первый же номер «Коломенского альманаха», посвящённый 820-летию Коломны, стал заметным явлением современной литературы. Последующие выпуски альманаха расширили круг авторов поэзии и прозы, литературоведов и краеведов. На цветных вклейках и обложках альманаха широко представлены работы подмосковных художников и фотомастеров. За эти годы заметно возросло число авторов — в «Коломенском альманахе» стало престижно опубликоваться. На сегодняшний день, несмотря на обилие подобных изданий, это, несомненно, лучший в России литературный альманах.

Конечно, выход издания стал возможен благодаря поддержке главы городского округа Коломна В.И. Шувалова, ректора Коломенского государственного педагогического института А.Б. Мазурова и коломенских меценатов. Это веление нынешнего времени и хороший пример в духовном обновлении нашей России.

Пожелаем же создателям и авторам «Коломенского альманаха» успехов в достижении новых высот творчества.

В.Н. Крупин,

сопредседатель Союза писателей России

Оглядываясь на прошедшие двадцать лет, несчастные для России в области социально-экономической, мы должны сказать доброе слово о тех, кто не сдался перед натиском чужебесия, для кого любовь к России измеряется трудами во славу её. Гибли или теряли тиражи многие русские журналы, но на смену им возникали новые.

«Коломенский альманах» был первым в ряду таких изданий. Районный, городской журнал, он быстро стал известен как пример для подражания. В нём сочетался высокий уровень художественной прозы и поэзии со смелой и точной публицистикой. Он поддерживал людей искусства, художников, музыкантов, публиковал неизвестные исторические материалы.

Сейчас такое время, когда каждый год надо считать за три. Умножим число пятнадцать на три и пожелаем юбиляру прежней бодрости, тер-

пения, молитвенности и осознания необходимости служения альманаха Коломне, Москве и всей России.

Т.С. Жучкова,

директор Коломенской городской библиотеки им. В.В. Королёва

Вот уже пятнадцать лет «Коломенский альманах» с успехом знакомит своих многочисленных читателей с лучшими произведениями писателей, поэтов, критиков, публицистов. Продолжая и развивая замечательные традиции русской словесности, альманах заслужил искреннее уважение любителей литературы, став своего рода энциклопедией культурной жизни города Коломны.

Все эти годы редакция «Коломенского альманаха» открывала для читателей новые имена. Многие известные сегодня писатели и поэты начинали на этих памятных страницах, поднимая нравственные и этические проблемы, делясь с читателями своими радостями и бедами.

«Коломенский альманах» интересно читать, потому что на его страницах публикуются строки, чутко и тонко отображающие все нюансы современной эпохи. Сегодня в каждой из четырнадцати библиотек Коломенской городской ЦБС хранятся многолетние подборки альманаха, и не просто хранятся, а востребованы и любимы коломенскими читателями. Спасибо вам за захватывающие душевные слова на страницах альманаха!

Сердечно поздравляем редакцию вашего альманаха с юбилеем!

Примите наши поздравления и благодарность за интересные и яркие материалы, публикуемые «Коломенским альманахом». Желаем дальнейшей плодотворной работы и долгого творческого общения с читателями, новых золотых строк, замечательных идей и их блестящего воплощения.

В.Л. Аникеева,

директор Коломенской районной библиотеки им. И.И. Лажечникова

Каждый раз, держа в руках очередной выпуск «Коломенского альманаха» со знакомой обложкой, мы ждём новых встреч с творчеством наших современников. Для библиотеки им. И.И. Лажечникова настоящим подарком стал выпуск прошлого года, посвящённый 220-летию писателя. Казалось, все публикации о жизни и творчестве И.И. Лажечникова прочитаны, весь Интернет перевернут, благодаря конференциям известно, в каких направлениях идут исследования учёных. И вдруг такая роскошная подборка публикаций и великолепные фотоиллюстрации! Тотчас были внесены дополнения в текст экскурсии по музею истории библиотеки.

Следование сложившимся традициям и постоянный поиск нового — вот то, что, на наш взгляд, делает «Коломенский альманах» интересным

читателю на протяжении пятнадцати лет. Альманах затрагивает самые разнообразные темы и поэтому всегда оказывается в центре краеведческих выставок, проходящих в библиотеке.

Популярности альманаха способствует творческая энергия и открытость для общения его главного редактора Виктора Мельникова. Сельским библиотекарям надолго запомнилась встреча с писателем в читальном зале библиотеки им. И.И. Лажечникова. В нынешнее время сложно уследить за всеми книжными новинками, а тем более приобрести их в фонды сельских библиотек. Но «Коломенский альманах», отражающий всю панораму литературной жизни края и её историю, занимает на их полках почётное место. Многие из его выпусков имеют дарственную надпись главного редактора.

Что можно пожелать редакции «Коломенского альманаха»? Наверное, интересных встреч, новых творческих идей и их успешного воплощения.

В.С. Листов,

*доктор искусствоведения, профессор
Российского государственного
гуманитарного университета*

Рад приветствовать «Коломенский альманах» в день его юбилея. На мой взгляд, это издание делается людьми творческими, сочетающими в своей работе всё лучшее, что отличает литераторов великой российской столицы и великой российской провинции. До сих пор каждый выпуск альманаха был событием. Позвольте надеяться, что так впредь и будет.

А.С. Арзуманов,

директор Коломенского краеведческого музея

Удивительно богата сокровищами культуры земля Подмосковья! Словно сказочное ожерелье, охватывает столицу созвездие древних городов, монастырей, исторических усадеб. И одна из самых драгоценных жемчужин в этом ожерелье — старинная Коломна.

Со времён Средневековья сопровождает её литературная и художественная слава. И в наши времена культура Коломны достойно продолжает многовековые традиции. «Коломенский альманах» — самое яркое подтверждение этих слов.

Стоит открыть любой номер, и перед глазами предстанут многоцветная палитра коломенских живописцев, работы прозаиков и поэтов, глубокие исследования филологов. Наверное, в этом удивительном сочетании Прошлого и Настоящего и заключается загадочное обаяние подмосковного ежегодника.

В «Коломенском альманахе» принимают участие признанные литераторы со всей России, его называют одним из лучших литературно-художественных изданий страны. И я желаю редколлегии альманаха, всем его авторам творческого долголетия и вдохновения. И пусть каждый номер альманаха становится лучше предыдущего!

Г.С. Шувалов,

автор «Коломенского альманаха»

Пятнадцатилетие на первый взгляд вроде бы и не такой уж большой юбилей. Но это именно на первый взгляд. А если вспомнить те годы, когда начинался «Коломенский альманах», то картина получается несколько иная. В переломные 90-е у города было много забот и помимо литературы. Так что находилось достаточно людей, которые отрицательно отнеслись к идее поддержки коломенского ежегодника.

И всё же история показала, что решение тогда было принято правильное. «Коломенский альманах» не только достиг высокого уровня: он в известном смысле стал символом города, одним из ярчайших явлений его культуры. Думается, что наши потомки будут судить о нас именно по «Коломенскому альманаху».

Обращает на себя внимание, с какой бережностью наши писатели и учёные обращаются с наследием предков. И нынешние труженики культуры стараются не уступать своим предшественникам, достойно поддерживать высокий уровень, заданный мастерами прошлого.

Не случайно администрацией города учреждена медаль имени И.И. Лажечникова, нашего самого знаменитого литератора-земляка. Это специальная городская награда за гуманитарные достижения, за сохранение коломенской традиции в нашей культуре. Пусть светлый талант Ивана Ивановича Лажечникова, его доброта, патриотизм и человечность озаряют путь наших современников!

М.Я. Арензон,

учредитель издательского дома «Ять»

Говорят, хороший человек — не профессия. Для России — это особенно актуально. Маниловские всхлипы на кухне под водочку: «Дело делать надо!» — картина знакомая, если — не знаковая.

И вдруг в Коломне появляется вроде бы интеллигент (прости, Господи, прозаик!), но — оборотистый, пробивной, напористый, с идеей собрать под одной «крышей» людей творческих — пишущих, рисующих, философствующих. В альманах!

И ладно — сказал. Сделал! И делает — уже пятнадцать лет.

И если бы платили за это хорошо. Счас! Практически на голом энтузиазме бессменного редактора и его таких же «высокооплачиваемых»

помощников за эти годы собран богатейший материал. Бесценный реализованный пример того, что в духовном плане может дать русская «провинция», если — есть запрос.

Низкий поклон за это Виктору Семёновичу, настоящему подвижнику, талантливому писателю и просто замечательному человеку, и всем, кто его поддерживает.

С громадным уважением к тому, что сделано и — надеюсь, ещё будет сделано.

Н.Н. Дранеева,

директор Центра «Знание — Коломна»

Уважаемый Виктор Семёнович!

За пятнадцать лет своего существования «Коломенский альманах» приобрёл широкую известность не только в Коломне, но и в России, получил множество положительных отзывов, рецензий в самых авторитетных литературных изданиях.

И в том, что славное имя Коломны звучит на российских литературных просторах, есть Ваша большая заслуга!

От имени лекторов общества «Знание» города Коломны мы благодарим Вас, Виктор Семёнович, и редколлегию «Коломенского альманаха» за плодотворный труд, вложенный в издание ежегодника. И нет таких слов, которые вполне выразили бы нашу благодарность!

Доколе есть на земле Коломенской такие люди, как Вы, — нерушимо будет стоять слава Московского края — священная Коломна.

В.Н. Нестеров,

читатель

За прошедшие годы «Коломенский альманах» успел стать настоящим символом Коломны, её, так сказать, словесным гербом. Критики единодушны: в современной России трудно отыскать ежегодник, который и по дизайну, и по добротности литературного материала мог бы сравниться с «Коломенским альманахом».

Путь альманаха к сердцам читателей был непростым. Сборник создавался и создаётся на общественных началах, за счёт бескорыстного энтузиазма редакционной коллегии, спонсорской помощи людей, которые понимают значение культуры в обществе. Этим людям — особенная благодарность!

Альманах на своих страницах публикует замечательные литературные произведения наших земляков, не даёт им пылиться в ящиках письменного стола, открывает дорогу к широкой читательской аудитории. Именно благодаря альманаху открыто столько талантливых и замечательных имён. Желаю редакционной коллегии духовных и физических сил в мужественном служении нашей вечной Коломне!

В нашей семье каждый год все с нетерпением ждут нового выпуска «Коломенского альманаха». Мы бережно храним каждый номер. Это чтение для всех нас: здесь есть много интересного и поучительного и для внуков-школьников, и для взрослой дочери (она — технолог, увлекается живописью), и для сына-инженера, который интересуется краеведением.

Каждый номер несёт много нового, интересного. Вот десятый (тоже юбилейный!) выпуск альманаха. Писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов, часто бывавший в нашем городе. Мы знаем, что у него много замечательных рассказов о нашей древнерусской природе. В десятом номере «Коломенского альманаха» — его рассказ «Ава», о Коломне времён Первой мировой войны, о тогдашней молодёжи. Как певец природы, с любовью описывает автор наш городок в прошлом: его цветущие по весне яблоневые сады, тенистый запрудный (Купеческий) сад, весь в густой узорчатой листве, и зимой — голубые высокие сугробы. Ясно и живо представляем мы себе «белую Пушкинскую» улицу, по которой бегут на занятия гимназистки с книжками. Знакомясь с героями, мы как бы беседуем с ними, переживая трагические события тех далёких лет...

А близ Коломны, в Щурове, находится (правда, в сильно перестроенном и запущенном состоянии) усадьба Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. В тринадцатом номере «Коломенского альманаха» можно прочесть его записки разных лет, повествующие о людях, временах, событиях позапрошлого столетия. Один из умнейших, интереснейших людей того времени рассказывает читателю много любопытного.

Альманах не только «открывает» новых авторов, но и знакомых нам поворачивает неожиданной гранью их таланта: прекрасные поэты Владимир Дагуров и Валерий Капралов (последний — наш земляк, учился в щуровской школе № 29) представили на страницах альманаха свои талантливые рассказы, а прозаик М.П. Маношкин, оказывается, писал стихи...

Как об искреннем, правдивом рассказчике хочется сказать о редакторе «Коломенского альманаха» Викторе Семёновиче Мельникове. Больше всего мне понравилась его повесть «Зелёный крест» (2000, № 4), построенная на конкретном местном материале. Автор в своих произведениях идёт в ногу с жизнью, ничего никогда не приукрашивая. Раскрывает глубокие нравственные общечеловеческие проблемы, что так важно в наше нелёгкое и такое «смутное» время. Произведения Мельникова заставляют задуматься, пересмотреть что-то в себе. Такова маленькая повесть «Грешные деньги» (2006, № 10). А рассказ «Последний урок» в предыдущем, четырнадцатом номере? Это крик души автора: как же так — в смрадном, грязном, глухом подвале погибает неплохой по сути, интеллигентный человек, в прошлом учитель истории?! Опомнитесь, люди!

Оглядитесь! Можно ли так жить?.. Гибель Сыченникова — это жестокий урок обществу, всем нам... Я читала и плакала.

И, наконец, о наших замечательных художниках и фотографах, которые так щедро, с душой украшают все номера «Коломенского альманаха». Без них он был бы маловыразительным.

Недавно ушёл из жизни народный художник России Михаил Георгиевич Абакумов. Но его работы навсегда останутся с нами, на страницах альманаха. И наши дети и внуки будут смотреть на эту заснеженную или всю в зелёной листве Коломну, на Оку и заокское приволье. И вспоминать добрым, благодарным словом ушедшего Мастера.

Останутся нетленными и репродукции с исторических картин Геннадия Петровича Сорогина, и портреты и этюды Евгения Гринина, Геннадия Савинова, да и многих ещё других. И как прекрасный сон о прошлом, явятся через года и века нашим потомкам фотографии Ю.Л. Имханицкого, А.М. Дудкина, ушедшего Ю.Д. Колесникова...

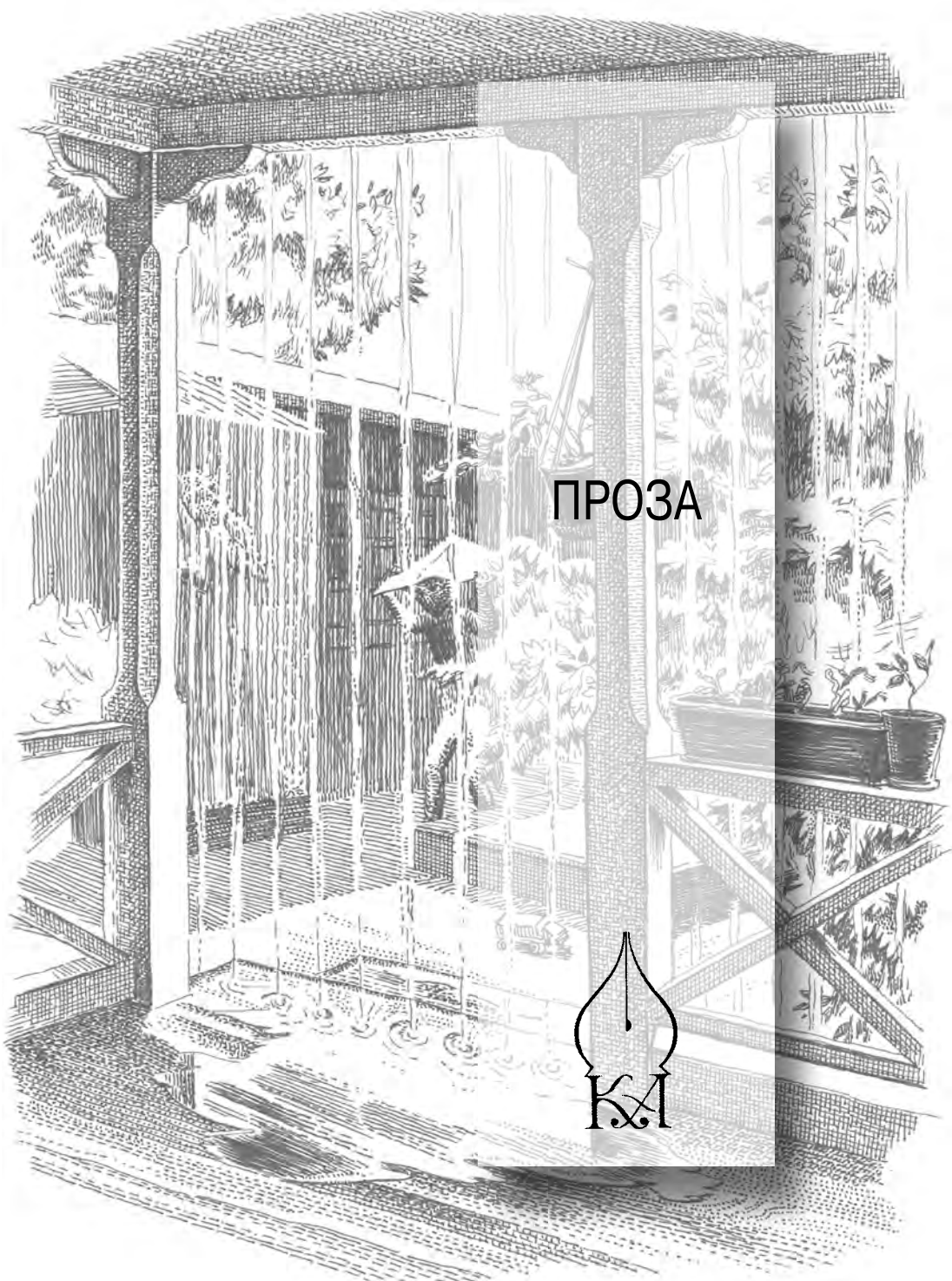
Долгого и светлого пути тебе в грядущие годы, «Коломенский альманах»!

ХРОНИКА

Культура — градообразующая сила

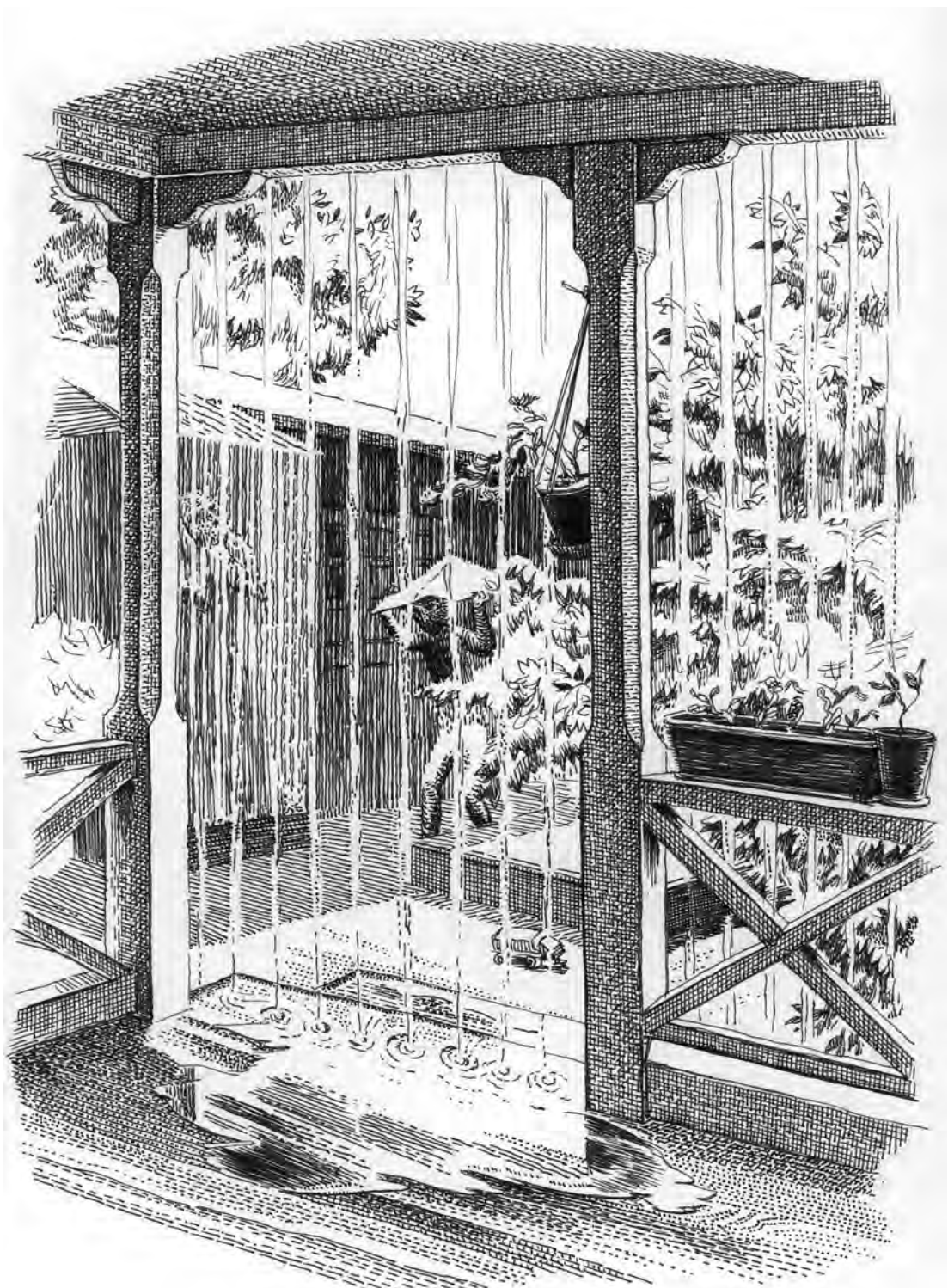
Очередное признание того факта, что Коломна — один из крупнейших литературных центров Подмосковья, произошло 16 февраля 2011 года. В этот день в зале Конькобежного центра Московской области «Коломна» подводились итоги социально-экономического развития города за минувший год и ставились задачи на 2011-й. По установившейся традиции в завершение собрания глава города вручил награды руководителям предприятий, показавших лучшие результаты работы в 2010 году. Творческое объединение писателей Коломны впервые за всю многолетнюю историю проведения подобных собраний было награждено почётным дипломом, подписанным главой городского округа В.И. Шуваловым.

«За большой вклад в развитие культуры города Коломны, активное участие в патриотическом воспитании населения» — такая формулировка не только свидетельствует о признании несомненных заслуг коломенских литераторов, объединённых сегодня вокруг своего печатного органа — ежегодника «Коломенский альманах», которому в этом году исполняется 15 лет, но и вдохновляет их на создание новых литературных произведений высокого художественного уровня, сформировавшегося в городе ещё со времён «первого русского романиста» И.И. Лажечникова. Весьма примечателен и многозначителен тот факт, что литераторов отметили на этом форуме в одном ряду с крупнейшими предприятиями и учреждениями, показавшими высокие производственные достижения. Тем самым городские власти подчеркнули, что уделяют пристальное внимание не только экономике, но и культурной составляющей жизни нашего древнего города, считают культуру такой же градообразующей силой.

ПРОЗА

Графика Василины Королёвой

Артур Сергеевич Макаров родился в Ленинграде в 1931 году. Детство провёл в посёлке Пески Коломенского района, где в конце 80-х годов XX столетия жил и работал на даче своих приёмных родителей — кинорежиссёра С.А. Герасимова и актрисы Т.Ф. Макаровой.

Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Дебютировал в журнале «Новый мир» рассказом «Дома» (1966), который был высоко оценен А.Твардовским.

Рассказ «Придурки» содержит узнаваемый коломенский мотив и повествует о конфликте сохранивших в тяжёлую годину христианские нравственные устои людей с представителями «хомо советикус».

Умер писатель в 1995 году.

Текст, предложенный читателям, публикуется с любезного разрешения вдовы Артура Сергеевича — Людмилы Александровны Макаровой.

РАССКАЗ

ПРИДУРКИ

Осень удалась не в осень, и всё вокруг силилось если и не вернуть лето, то удержать нынешнюю тёплую и ласковую пору. Взгорки на припёке ярко зеленели, лист не хотел опадать, а там, где опал, казалось, вот-вот наново пойдут взбухать почки.

Не знаю, радовался ли, подобно мне, погоде Калиныч, но шагал он против обыкновения молча, не отвлекая назойливыми поминаниями прошлых былей и небылей, как повелось всегда, при наших совместных походах.

Мы прошли Овдокимову ниву — березняк, белеющий с обеих сторон дороги, поднявшись на бугор, миновали гарь и вышли к Юдиной ниве: тёмным зарослям ольшаника, осины и редких ёлок.

На одной ниве некогда собирал урожай безвестный мне Овдоким, на другой, год от года меняя пот на зерно деда Калиныча, — кривой и упрямый Иуда.

В который раз, задумавшись о том, как странно и, видимо, невозвратно были отданы лесу прежде культурные земли в центре страны, я не заметил, что мой спутник замедлил шаги, едва не ткнулся лицом в пахнущий хлебом ватник, и мы оба стали.

— Кто же это, а? — голос Калиныча, кроме интереса, выдавал волнение, и, посмотрев на влажный песок лесной дороги, я оторопел сам.

Частые следки босых ног отпечатались на песке, уходили в сторону, куда направлялись мы, и память услужливо вытолкнула сведения об аукалках, листованках, болотяницах и шишигах, накопленные за время жизни в этих краях.

Ну, а кто шёл? Тепло — теплом, да чем теплей день, тем студёней его утро, а земля до солнца и вовсе холодна... И часто ли встретишь кого босого в октябре?

— Угрешний след, — подтвердил Калиныч. — Кому бы только обувку беречь? Ну-ка, ну-ка... Быдто с палочкой идено? Глянь.

Рядом со следами, верно, попадались неглубокие ямки-точки, кое-где видневшиеся запятыми, если посошок приволакивали, прежде чем опереться.

— Не иначе как бабка-ведуныя. — Мой спутник поднял крылья ушанки с кожаным верхом, и, неразвязанные, они придавали ему залихватский вид. — Не робко станет тебе такую встренуть?

Белым днём и с товарищем особенно не заробеешь, к тому же и его Петровна совсем не скрывала, что кое-что может сама.

— Я особо не в силах чего многого, — делилась она как-то, — но Дунькиной козе сделать могу, Сергеич. Когда и завтра ярочка не разродится — стало быть, Дунька устроила, кому ещё? Ну так и ейной животине не гулять, обопётца, увидишь!

Поэтому и сказал, что на настоящую ведуныю поглядеть интересно, и с места мы взялись, как в марш-броске, навёрстывать упущенное.

Через полчаса дорога выбежала на длинное поле, зажатое лесом, и в конце его обозначилось нечто на фоне жёлтой стерни.

Старуха шла с палочкой, и годы согнули её так, что, подойдя вплотную, я наблюдал лишь горб спины, обтянутый старой кофтой неопределённого цвета, линялую юбку и забрызганные песком бледные ножки под ней. Нас она не слышала.

— Воо-от кто! — ахнул Калиныч и, подскочив и взяв старую за локоть, размягчённо забубнил: — Дай я тебе помогу, Арсеньевна, куда же ты собралась одинёшенька?

— Ах, оставьте, пожалуйста, эту никчёмную деликатность!

Она строптиво отпрянула, и я увидел загорелое сморщенное лицо с красными язвами век.

— Это же я, Федя, — уговаривал Калиныч, — Федя Кожанов, милая моя Арсеньевна... Не признала?

— Федя... Фёдор Калинович, вы? А-а... Совсем не слышу, представьте! Видите ли, Петя в город уехал, а мне крайне необходимо попасть на почту... Ходит автобус от Хатькова, не знаете?

— Ходит, Арсеньевна, ходит, так тебе ещё пять вёрст идтить! Ты бы...

Арсеньевна встрепенулась, всмотрелась в меня незряче:

— Кто с вами, Фёдор Калиныч? Вы не один!

— Сосед это мой, москвич. Мы на озеро к рыбакам сладились, да проводим тебя теперь.

— Покорно благодарю, я в провожатых не нуждаюсь! Тем более в московских... Ступайте, ступайте, Фёдор Калиныч, прошу вас!

Пятилась, размахивала рукой с лёгкой палочкой в ней, и то ли солнечный рассвет так кривил её лицо, то ли я ошибся, завидев на нём явное выражение брезгливости.

С тем мы и ушли, и шли молча, пока не свернули на тропку и не миновали частый ельник.

— Откуда эта женщина? — спросил я, когда сели курить на тёплый мшистый бугор. — И слепая, и разговаривает... странно.

— Да не, — снял и подложил под себя шапку Калиныч, — не, ещё не совсем слепая, будто и видит, где темно, где белей... А откуда? Так я у ей учился и знаком хорошо, даже очень. Помнишь, усадьбу тебе указывали, как на Плешанов хутор идти?

— Помню, — вспомнил я неожиданную в лесу аллею столетних трухлявых берёз.

— Живали там बारे, и последнего я застал, даже говаривал с им. Леликов ему фамилия была, а дочка евоная явилась будто не в себе, умом двинутая... Нет, — так и умная, и разговором хорошая, да смотри сам: мужиков ей не надо было, забав никаких, а взялась учить детей. При её такой силе-возможности! Построила школу, созвала ближних ребят, а после и тех, кто в округе жил, так для их нарошный дом срубила, где спать, а корми-или-и их! В общем, как щас внуки мои в этом живут... Как его?

— В интернате.

— Точно. Только мой Коля за их питание туда масло носит, и картошку, и мясо даёт, а тех она сама питала-одевала. Понял теперь, в чём у ей дело было? Ну вот... Я её в возрасте застал, так при ей из прошлых учеников в помощниках уже состояли, кто к науке ловчей оказался... И вот эта, Настасья Арсеньевна как раз, а тогда — Настя. Собою видная такая была, румяная и чем мужику попользоваться имела, хе-хе-хе, но тоже в учительство ударилась. Я сам два года ходил, как раз грамоте научила, и бросил: батька взял себе пособлять. Ну, после революция началась, их, конечно, сам понимаешь, Леликовых тех... И я видел, как на телеге сидели отъезжавши... Не!

Калиныч отчего-то взликовал, долго не мог унять и закашлялся. Но, отдышавшись, не потерял вспомнутого:

— Не... Ага! Их, значит, в отъезд отправлять и собрались все, а Леликов обошёл своё, поклонился дому, плачет. Жалко, видишь, ему было, что всё его такое доброе наше стало! Барин... Уж я к телеге пошёл, и дочь тама сидит, и старуха сама, а Васька-Красный и вспомни... «Братцы, — кричит, — братцы! Он ить наше трудовое увозит, неужели дадим?» Многие и не уразумели, про што орёт, раз тем одни узелки дали собрать, а это он про зубы бариновы...

— Про какие зубы? — не понял я тогда.

— Каки-ие? У-уу! У ево во рту четыре золотых было: ясные, блёские, самой-самой пробы золото подыскал. Понял? Ну вот... Тута молоток Васька нашёл и выколотку, выколотку наставит к зубу — щёлк! — на место зуба — дырка... Таким манером все четыре взял, с тем Аркадий Семёнович от нас и отбыл. Ох, смеялись же все, Сергеич, а я чуток и забыл тебе рассказать! Да-а.

— А почему его так звали — Красный?

— Это он привычку имел: в самую студёную пору ходить грудь голомя. Нагорит от морозу, а он трёт и смеётся: хорошо, мол! Понял?

— Понял. Так что же с Анастасией Арсеньевной стало?

— А чего? Замуж вышла, раз школу прикрыли, стали они хозяйствовать, как все, и дети после народились. Трое. И жили бы, Сергеич,

как положено, кабы не то учение... Ну гляди — пришло время, стали в колхозы нас, а она мужику своему: не пойдём! Их сперва так да саяк, раз не кулаки, а после — что делать? — прибрали куда-то. Дети по людям жили, а годами и они вернись обратно. Мы сразу: пожалуйста в коллектив, примем с душой, не глядя, что такие. Ей, Арсеньевне, мужик говорит-просит: пойдём... А она — нет! Ну, тогда поимели снисхождение к детям и его одного убрали. Там и помер зато. Да-а... Ведь какая баба, Сергеич, — приехали раз активисты, крышу разобрали, совестят, что идти в колхоз, не то послезавтра приедем — по окна избу разберём... Не идёт! По окна разобрали, а они в баню жить... Землю у них запахали, а она с мальцами лопатой её обратно и своё содит! Чисто смучала всё начальство вконец... Тут ещё пока ладно, а дале старшому в армию надо — не пускает, и всё! Его, конечно, в тюрьму, два года отбыл, вернулся... другой раз в колхоз зовут их, и другой раз не идут. Всё порядком не упомяну, а только война возьми и явись. Так она старшого первым днём без повестки за порог выпихнула, на прощанье погулять, как положено, не дала, во как!

— Вернулся он?

— Какое... Теперь смотри: в таких обстоятельствах ей льгота предоставлена за ево была, и приехали люди с хорошим к ней, с приветом и пенсией. Она же их с порога — вон! Сын, мол, не вас, он родину защищал, а я за сынову кровь пользоваться не хочу... Так и уехали, а у ей уж в те поры и другой пошёл воевать.

— Тоже убили?

— Не. Будто она ему сказала: иди, но людей не стреляй. Это немцы, по её, — люди! Он в обозах был, в санитарях, в командах земляных... Вернулся, ага... Петя-поп.

— Почему — поп? Это она про него вспомнила сейчас?

— Ну. А почему... Ну сначала не трогали их после войны, и женился даже. Детей завёл... Уж я помню хорошо, как к ним прокурор заехал и начальник милиции сам. Говорят: «Как же вы так, без света, без радио, без клуба некультурно живёте, не годится это совсем! Идите в колхоз добром...» Тогда она и спросила: «Вы читать можете?» Им дивно стало, и будто над ними насмехается... «Можем, конечно», — говорят. Достала с-под образов газетку жёлтенькую, старую, — прочтите, — суёт. И там, значит, написано, вроде что в колхозы принудительно не собирать и прочее, а подпись — Ульянов. Понял? Ленин, значит... Во как умыла! Они уехали. Так вот всё жили покуда, лопатой свой надел копали, косили его, а жили бедно. Но пришёл другой закон, чтоб всем работать по местам, как положено... А Пётр — где? Где он работал? Себе одному? Не-е, шалишь! Его тогда взяли, и — сколько он? — шесть или восемь годов тама был... Ну, жена его не дура, натерпевшись, взяла детей и к родным подалась. Навовсе. Вот и живут щас они, Сергеич, вдвоём, мать с сыном, за свою придурость, живут — страхота поглядеть, я у них зимней охотой грелся — ночевал и такой обстановки жизни знать не хочу! Он в бороде, на образа крестится, а в дому — темнота, голость, поесть — картошка мятая да молоки... Тьфу! Пошли лучше, нам лошадь не подадут и сидеть время нет, верно?

Ещё звали его Колчаком, называли баптистом, чаще — Петя-поп, придурком — мало кто.

Их хозяйство стояло на полпути от большака до нашей деревни, и, проходя или проезжая, я видел иногда бородатого мужчину, реже видел согбенную его мать. Мне очень хотелось познакомиться с этой семьёй, но повода не находилось, а идти незванным казалось неловким.

От рыбачивших на лесных озёрах мужиков, от безрассудных шофёров, решавшихся пробраться к нам, и от разных людей я слышал, что Петя-поп на руку чист до удивления и не возьмёт ничего не только с застрявшей в ручье и оставленной на ночь машины, но даже из сети, даже если рыба гниёт, доведись хозяину не прийти поглядеть снасть день-другой.

Словом — придурок форменный.

А познакомились случайно... Уже в ноябре, но ещё не в стужу, а в мокрый снег, шёл я к себе от автобуса с тяжёлым рюкзаком и вымок изрядно. К тому же хотелось курить, и, завидев в придорожных кустах дымок, пошёл туда, не зная к кому. Подле небольшого костёрка стояла скотина: шесть овец, плотно сбившись в одну мохнатую грудку, и небольшая чёрно-белая корова с короткими толстыми рогами. Овцы сразу повернули ко мне обманчиво-умные морды, а корова так и смотрела в огонь, и от него её глаза чудно сверкали. Кругом темнели мокрые деревья, таял снег на ещё не остывшей земле, и снег падал с неба...

— Вы идите к огню, — сказали близко. — И мешок под ель снимите...
Здрасте.

Петя-поп неслышно оказался рядом, не прикрытая бородой кожа лица была красной, и светлые глаза выделялись особо. Я поздоровался и назвался.

— Знаю, знаю, и уж простите, а и наведаться к вам собирался не однажды, были намерения.

— А почему не пришли? Я был бы рад.

— Отчего уж — рады? Да так, если посудить, а я в тиши и одиночестве не думать не могу. Раньше, когда череп ломило, я травы заваривал, но бросил, поскольку понял, что это от раздумий непрестанных... Вы позволите ваших закурить? Мои кончились.

— Пожалуйста... Только они крепкие очень, это — кубинские, сигарный табак.

Овцы оробели, едва я приблизился к огню, а корова всё смотрела, вытянув шею, и вот теперь подошла, шумно вздохнула и ткнулась мне в плечо влажным кожаным носом.

— Смотрите, как она к вам! — удивился хозяин. — Так ты человека и признала, Тамара?

За ней приблизились овцы, а когда мы сели, животные стояли сзади вплотную и будто слушали нас.

— Сена этот год мало собрал, зато и пасу, пока снег не лёг...

— А зачем пасёте? Волков боитесь?

— Волки не явились ещё, рано. Это дальше... А свой выводок рядом местился, они соседей не тронут нипочём. Оттого пасу, что всё равно за мной ходить станут, как пойду куда, а там им нельзя питаться, не наша земля... Вы ведь против войны?

— Я? Ну... разумеется, что в войне хорошего... Разве вы — за?

— Какое! Я на них гляжу, на скотов своих. Думаю: не режь каждый год от нужды или жалости, так через два мне их и не прокормить ни за что. Как бы вот люди жили, не случись от начала войн, голодов и болезней разных? Ещё бы и полный век был каждому дан... Не прокормиться ведь, и один одному мешать станет. И ещё спросить хочу: за что артистам такая воля дана?

— Я не очень пойму, что вы имеете в виду... О какой воле говорите?

— О такой, что им позволено мысли высказывать запретные и суждения даже... Они будто не своё передают, я понимаю, но убедительность так и так остаётся, и неглупый человек задуматься может и задумывается. Пусть этот артист противника каждого изображает или заблуждающегося, но если его слово правдиво, то правда оттого тише не звучит... И получается, что возвещается истина через малых сих! Выходит, избраны они свыше, и им почёт особый положен от людей. Не думаете?

— Так, как вы, не задумывался... У вас, значит, радио есть?

— Сын заездом оставил коробочку маленькую, — признал он неохотно. — Питание к ней редко найдёшь и дорого.

И вовсе спрятал лицо при неосторожном следующем вопросе.

— Ваши родные в Риге живут? Я там бывал. Хороший город...

— В Риге, в Риге... Правда, крепок ваш табачок, то ли яснее голова, то ли кружит её, не разберу. Вы сами что — работаете?

Объяснил, как сумел. Он кивал, пока я говорил, когда кончил — бросил редкий прямой взгляд.

— Тяжкую ответственность взяли... Или — нет? Мне это далеко, могу недопонять, а только судить-осуждать не берусь. И вообще-то мы сами никого судить не вправе.

— Зачем так категорично... Чтобы нам неосудными жить?

Он усмехнулся, глядя на дымный конец сигареты.

— Вы сразу личную выгоду предусматриваете... Она не мешает, верно. Но я считаю, оттого судить не можем, что сами себя редко понимаем и то, что нам нужно и полезно. Иногда желаешь трепетно, а случись потвоему — и понял, что желал пустого, и даже вредным тебе оно оборачивается. Ещё хорошо, если скоро твоё сбывается... А когда человек на пустую и вредную мечту долгие годы тратит? Придёт в конце жизни к плачевному результату, а сил на иное не осталось, и положенный срок вышел. Мұка!

Снег поплыл крупно и густо, лицо противно намокло, холодные потоки сползали за ворот. Его бороду смешно забило белым, окурок в толстых пальцах намок, и, спасая оставшееся, он часто и жадно затягивался.

— ...и мучаем себя сами, много более, чем нас могут измучить другие. Размышляя, тянемся к познанию, познание те размышления усугубляет, тяжким гнётом гнетёт. И виной тому — досужное время! Не должен человек иметь много досуга, а должен, как определено ему, шесть дней работать вполне и лишь седьмой отдыхать, но отдыхать и веселиться в кругу семьи. Веселиться именно, а не мыслить, если создал, чем веселить душу и тело: детишек, еду и питьё.

Он взглянул на меня и заторопился, неправильно поняв, почему я ёжусь.

— Вы не согласны, вижу... Но смотрите, до чего нескромно возвысились мы над природой. Это мы считаем, что возвысились... Во всём, даже в самом естественном естестве! И зверь и птица для утехи и продолжения рода имеют в году короткое время, а остальное — потомство пестуют и кормятся, для него силы набираясь. Мы же на все дни растянули это время и готовы многие тому предаваться постоянно. Во-от как... Вы молока хотите?

— Нет, спасибо, мне идти пора...

— А то я вынесу, животов загнав, попейте... Не хвастая скажу, что молоко вкусное. Насчёт жирности и прочего не знаю, а вкус отменный, и кто пил — тоже хвалят.

— Мне идти, ждут меня. Вы заходите, тогда и поговорим... на досуге.

— Вот, вот. Должно, и зайду, как хозяйство отпустит. И урок один есть, я его кончить скоро обещал, а всё тяну. Ну, путь вам добрый, недалеко теперь осталось, дойдёте...

Я дошёл благополучно, а его слова насчёт урока запомнил и лишь позже и случайно узнал, что дело было в том, что вязал он свитер мужику из соседней деревни. Он брался вязать и носки, и вязанки — так зовутся у нас рукавицы, — брался, чтобы заработать денег на курево и керосин.

Ещё соглашался рубить бани, и лес выбирал сам и тщательно, а уж потом хозяин на выбранное получал разрешение где положено. И «голландки» клал удачно, но все эти работы принимал на себя при крайней нужде и не для каждого.

Так повелось, что всякий раз, выезжая в Москву, я встречал его, направляясь к проезжей дороге, всякий раз и удивляясь, и радуясь обязательной встрече <...>.

Встречаться встречались и говорили о многом, а к себе не пригласил ни разу, и это меня и удивляло, и обижало отчасти. Я же знал, что, случись увязнуть в снегу машине или колёсному трактору, и бездействующий тракторист шёл к нему ночевать, не встречая отказа, и Калиныч не раз ночевал, припозднившись с охоты. А меня не звал зайти, и попал я к ним случайно.

Тоже шёл налегке к автобусу, а из русла ручья — на дорогу, в самые ноги, выпрыгнули две лайки с толстыми хвостами. Ещё три выпрыгнули на дорогу подальше, метрах в тридцати, и тех я узнал сразу. Два первых волка скачками бросились прочь, и скачком я метнулся в сторону к торчащей из снега сушине, разом сломив её неизвестно зачем, потому что вся пятёрка след в след ушла за поворот, и я стоял один, по пояс в снегу, с сушиной в руках, а скула горела, насколько задетая о шершавый ствол старой ели.

Потом, озираясь, брёл, сжимая нехитрое оружие; метров через двести волчий след потянулся с дороги влево, и тут я освободил руки, поздно сообразив, что и занимал их напрасно: хотели бы напасть, так уж напали бы, да про такое не слыхали в наших местах.

Петра Александровича встретил скоро, мы покурили, разговаривая, и, когда собрался идти дальше, он сказал нерешительно:

— Вы не зайдёте к нам лицо обмыть? Удивятся люди, что у вас лицо в крови, думать разное станут и говорить того хуже...

— Кровь? — Я не поведал ему о недавней встрече, но теперь, потрогав лицо, нащупал запёкшееся место. — Верно... Вы сразу и не сказали...

— Так и вы мне промолчали — откуда. Я и то не вдруг собрался вам предложить, мало ли... Так — зайдёте?

Сеней при избе не было — лишь приступки к площадке перед дверью, а за ней вошедшего встречали косовато сложенная печь и густой дух очень простого житья. За проёмом казёнки я увидел также грубо устроенную «голландку» посреди комнаты, но Пётр Александрович проём задёрнул занавеской, а мне шапкой смёл место на лавке у стола.

— Рукомойник вон, на стене, умойтесь и садитесь, я картошку достану, она горячая. Любите с молоком картошку? А то и с маргарином можно, есть сейчас у нас маргарин...

Смотрел он в сторону, выглядел против обыкновения смятенным, и я понял, что он стесняется неказистости жилья и боится, что я замечу эту стеснительность. И тогда я решил остаться подольше, прикинув, что к поезду успею и на попутном лесовозе.

Увидев появившуюся на столе ополовиненную бутылку коньяка, подивился молча, а он пояснил сразу:

— Москвичи с охотой ночевали прошлый год — оставили мне. Я от кашля пользовался, а сейчас выпьем.

Привычная эта бутылка выглядела здесь, как ёлочное украшение в ящике старых гвоздей, а подле присоединившегося скоро чугуна с картошкой — иначе, но тоже странно.

Ещё не успели выпить, как за занавеской зашаркали шаги, и к нам вышла Анастасия Арсеньевна.

— Кто тут у нас, Петя?

Я встал, поздоровавшись, назвал, извинился, что беспокоил.

— Какое беспокойство, любезный мой? Это вам должны быть мы признательны, что не погнушались нами, а Петя уж так беседами вашими доволен... Сами видите, какая у него доля!

Вглядываясь в меня незряче, ещё благодарила, затем звенящим от негодования голосом поведала, как таскали у них осенью картошку разные люди, как недавно на тракторе увезли последний стог сена и нечем теперь кормить скотину.

— ...с нами всякий волен поступать по желанию, раз мы изгой! Знают, что не будет им за то суда человеческого, а про Божий суд им неведомо, несчастным...

— Ступайте, ступайте, мама, — морщась, брал её под руки Пётр Александрович. — Ну, что это вы? Вам лежать надо, и холодно здесь.

Уложил, вернулся и вновь перекрестился на образа, садясь к столу.

— Извините нас... Ну, на доброе ваше здоровье!

— И вам всего хорошего.

Выждав несколько, я спросил про то, о чём она говорила; он ответил не сразу, обмакивая картошку в соль.

— Забывается мамаша или считает, как ей хочется... Гряды наши кабаны рыли, ночами ходили. Я взялся городьбу городить, так гвоздей

нет, а лыком колья вязавши, долго прозабавился. Нынче не пороются, отгородились.

— А сено?

— Сено? Сено увезли, точно. Клинские мужики увезли, ходил я к ним...

— И что они?

— А что? Говорят: иди по-хорошему, раз рёбра целые, а когда хочешь, и жаловаться иди. Знают, что не пойду.

— Но отчего, Пётр Александрович? Вы единоличник, хорошо, но паспорт у вас гражданина, и воевали вы как гражданин... Закон обязан вас охранять...

Светлые его глаза взглянули сквозь меня, и впервые увиделось мне в них нечто безумное, хотя слова последовали здравые вполне.

— Скотину жалко мне, верно. Но и себя, Сергеич, жалко больше. Легко ли своей волей под нож идти? Пускай уж, выкрутимся... Берите, берите картошку, она будто удалась, я люблю её есть.

Чёрно-белый кот шмякнулся с печки, безобоязненно подойдя, потёрся о мои ноги, заурчал.

— Кыш, нахальный, нет тебе у нас ничего! Обленел совсем, а молодым чего только не носил в дом... Вальдшнепов, тетёр, даже зайцев волочил, поверьте. Я как услышу, что тяжёлое на избу несёт, так знаю — зайца. Он и не сердился — если отберу... Коты только молодые охотятся, а как заматереют, так заленятся... Я налью?

То ли давно не ел я с картошкой молока, то ли и верно, оно было отменным, но хвалил искренно.

— Хорошее, хорошее, говаривал вам... Вот только вопрос у меня: что такое закон и правильно ли, что он есть?

Слушая мою бормотню, кивал согласно, выслушав, усмехнулся.

— И всё-то неясно мне... До шестьдесят первого — так, кажется? — был человек всё же, а вышел новый закон — и стал я преступник, жизни не меняя. Сказали, что туняец, раз нигде не работаю, взяли от семьи, осудили... Начальник лагерный — опытный и умный мужик был, он каждого заключённого вглубь видел, и такие, кто иной раз другой статьёй прикрывались, ему враз заметны становились. Да-а... Он мне прямо говорил: этот закон не против тебя придуман, а ты за что попал — сам знаешь, и мне тебя жаль. Жаль, говорит, потому, что той статьёй осуждённые на волю выйдут, а ты ещё посидишь — подумаешь. И вышло по его...

— Как это, Пётр Александрович?

— А так, что водили меня из лагеря каждые четыре месяца в местный совет. Приведут, спросят так: пойдёшь куда на работу? Я скажу — нет, мне дома работы не унять... Меня и отведут обратно, до другого раза. Мне, видите ли, четыре года судом определили, а был я там восемь. Так у них получилось для меня... Всё бы ничего, жаль, жена не дождалась — уехала, дочку с сыном забрав. Вы что не пьёте?

— Я пью...

— И хорошо. Мужик я тёмный, Сергеич, но гордыню свою гоню и гнету посылно. Матушка меня в юности наставляла: заповеди Божьи чтить, трудись прилежно, помни, что ты русский человек, гордыню сми-

ряй... После уж ничего не говорила, разве помолимся вместе. Она скоро надо мной возвысится, недолго ей бедовать, а мне здесь повек оставаться. Про эту землю мой прадед думал, дед вполне денег насобирает без малости, а отец купил. Они за неё жизни отдали, и мне оставить всё это никак нельзя. Существование наше почти у предела невозможного, сами видите, но посещает меня мысль, что судьба моя для всего человечества что-то значит. Отчего бы такая гордость и значит ли, как считаете?

И я сказал, что, по-моему, — значит, а больше не смог сказать ничего.

Ко мне он пришёл неожиданно. То есть я и думал о нём и надеялся, что зайдёт, но как раз приехали из Москвы двое охотников, и я водил их лесом. А в этот день вернулись, и жена сказала, что у нас гость и поджидает давно.

Сложилось всё неудачно. Он не предвидел сборища, московские мои приятели, наслышанные о нём, глядели ему в рот, с готовым благоговением заблудших людей, ждали чуда от праведника, изречённой мудрости. Пётр Александрович стеснялся, да ещё принесла нелёгкая Калиныча, а тот всё про жизнь и знал и понимал досконально. Старшиной он был некогда в армии и по природе своей был старшина, на меня навалиться не мог, гостей ещё не раскусил, кто почём, а зашедший ненароком придурак случился как раз.

— ...такую жизнь ведёшь при наших законах на благо человека и государства всего социализма! Тебе взять себя в руки и определиться, как мои сыновья, годы твои не велики ещё, и стал бы похож на людей, а они тебя простят, если будешь работать и себя соблюдать. Ты об этом, что я считаю, как думаешь?

— Как прикажете...

— Вот за то уважаю. А не, — ты ещё пойми, что я тебе годами отец и видал всё и знаю, а мать твоя мужика своего сгубила и тебя наставила дуром, и при ейной юбке с седой бородой жить смех один. Мы сейчас полное развитие имеем, баба и та при старости лет пенсию может получать, а тебе околевать одному. Сын пишет?

— Случается вроде.

— Детей не позорь! Он ещё с тебя спросит, а я научу, как увижу приехавши, чтоб всю бытность твою разрушил, как в силу войдёт...

Уняли Калиныча не скоро, когда время стало позднее и подступила к старику сонливость. Но и сами устали, и с гостем разговора никакого не состоялось. Помню лишь, как спросил его москвич:

— Не трогают вас сейчас?

— Молчат, — пожал плечами Пётр Александрович.

— И то хорошо, может быть, и забыли.

— Э-э, нет, молчание оно хуже тревоги... Ночью спать не даёт.

Утром поднялся он по-тёмному, в сених вынул из заплечного мешка флягу Тамариного молока и ссыпал на пол картошку.

— Понравилась вам моя, вот и поешьте с молоком. Этот год картошки хорошо собрал, а не запомнил — когда сажал и как. Надо бы записать... Я вот хозяин, — он рассмеялся, — а про землю и сельское хозяйство ничего-то не знаю!

Тогда мне показалось, что он прикидывается, и лишь позже, встречаясь ещё, я понял, что так оно и есть. И верно: с отцом довелось ему жить ребёнком и немного, поскольку тот сначала сидел вместе с матерью, а недолго после побыв при семье, вновь был взят и там умер. В молодые годы Пётр Александрович больше ждал разных наездов да перелопачивал запаханную колхозом свою землю, нежели занимался ею, затем нахаживался на фронте, затем познакомился впервые с судом, законом и неволей, пусть и ненадолго поначалу. А в период между первой и второй, уже долгой, отсидкой заняла все помыслы образовавшаяся семья, но про это время он почти ничего не рассказывал.

Не рассказывал, но часто и страстно прорывались у него мысли и слова об отцовстве, о своём отце поминал не иначе как с влажными глазами и считал, что Отечество наше потому и зовётся Отечеством, что в нём земля отца, его начало и главенствующая его воля составляют или должны составлять суть сыновней жизни.

Однажды едва не обидел его изрядно.

В тот раз торопился очень, ибо задержался в Москве слишком долго и к месту на дороге, откуда до дома оставалось лишь двадцать километров, приспел четырнадцатого апреля в девять утра.

А этим днём как раз явилась Пасха, везде её праздновали, и в нашей маленькой деревеньке изготовились давно. И хотя жильцов в ней осталось по пальцам счесть и были они соседями, но, истово расцеловавшись с утра, начнут пить и ходить один к другому радостные, да в полдень уже пьяные, и тогда кто знает, что упомянут мне из неперменных обид, а в доме моём одна женщина и ласковые охотничьи собаки.

Ещё надо было благополучно миновать большую деревню Заборье, да не сошлось по-моему: выбежал из избы лесник Иван Степанович, на ходу с удовольствием плача, коря, что я погнушался да затаил какое-то зло, раз иду мимо в такой праздник, и пришлось его утешать, утешение это, ещё спустя час, отыгрывалось торопливо сработанной самогонкой, и к Лихуше, где жил Пётр Александрович, я подошёл не в духе.

Да и какая Лихуша, раз одна его изба и осталась?

Над ней распахнулось большое синее небо, стояла изба в краю просторного поля у обширного леса, и ото всего этого казалась особенно маленькой и жалобной.

А яркий день набух весной, булькали на ближних мхах тетерева, ошалелые селезни посвистывали крыльями, выискивая уток на лесных отмочинах, и рядом со всем этим было особенно муторно от выпитого, и гнул к раскисшей дороге небрежно уложенный рюкзак.

И пошёл я стороной от избы.

Пётр Александрович вышел враспояску под густые, никогда не резанные яблони, остановился, глядя на меня, и пришлось сделать вид, что обходил грязь, хотел войти в калитку с другой стороны изгороди. Помогая снять рюкзак, не смотрел в глаза, я понял, что он знает, как мне хотелось пройти не заходя, и раскаяние позволило вполне искренне поздравить:

— С праздником вас, Пётр Александрович!

— И вас, и вас, Сергеич... Заходите, как раз вы, да.

— Как матушка ваша, здорова?

— А нет, плоха нынче. Заходите...

Сидел у него ещё человек, как оказалось — один из двух охотников, нашедших пристанище здесь. Стояла на столе бутылка разведённого спирта, её окружали припасы, и мы сразу начали.

Я тогда и заметил, что выпивает он с удовольствием, а больше почему-то огорчила беззащитная жалость, с которой набрасывался после выпитого на роскошные московские закуски. У меня был и в гостях и на людях и держался изо всех сил, а тут сидел дома, иное получалось дело, и хватал, суя в бороду, и колбасу и сыр, едва не с вожделенным постаныванием накидывался на селёдку. Я старался не наблюдать его, осуждал себя за испытываемую досаду, и при всём том он стал мне виден ближе и лучше, и многое в его жизни стало видно яснее.

Позже, когда постоялец его, блаженно помаргивая, отвалился у окна в дрёму, мы начали говорить, но в соседней комнате зашевелилась, охая, Анастасия Арсеньевна, и тогда ушли на двор. Он, спохватившись, выгнал скотину, овцы сперва разбежались, но скоро собрались к нам.

— Похоже, что заведётся у меня живьё, — кивнул на них. — Сколько лет никак не велись, а тут разом и ягнились, и вот сегодня коровка телилась. На Пасху! Не знаете — к добру это или к худу?

— Не знаю. Но думаю, что к добру.

— И я так считаю. Не-ет, Сергеич, можно, очень даже можно хорошо жить на земле своим хозяйством. И чтобы просто жить, не в роскошь, то не слишком придётся трудов положить, и отдыхать время хватит. Особенно если ты таков, что скотина у тебя ведётся. А она не у каждого ведётся, Сергеич. Почему — не знаю, а не у каждого... Я ведь ещё без лошади, лопатой землю мучаю, а кабы лошадь! Вот скоро начну ковырять землю, близится самое...

Я поглядел на обширное поле за частоколом.

— Зачем же лопатой... Начнут то поле пахать, так вам за бутылку любой тракторист надел поднимет. Ещё спасибо скажет!

— Он скажет, — согласился Пётр Александрович. — Только мне этого нельзя, Сергеич. Когда б машина его была, тогда — да, так она не его, государственная... Ничего-оо, управимся. Верите, даже жду, как начать придётся! Вам, кажется, понять трудно.

— Нет, я понимаю. Иногда сам возле начала работы хожу, знаю, что ещё не время, но уже скоро всё подготовится, подойдёт...

— Вот-вот, правильно. Я как сына просил, чтобы на земле остался! Живи, говорю, где хочешь, только в России, и кем хочешь в колхозе или совхозе, да на земле... Нет — пошёл в училище механическое. Пойти пошёл, а его с прошлого года к тем машинам на ремонт поставили, что в мелиративной команде работают! Я ему и сказал: что же, Ваня, значит, пришёл ты болота осушать, на землю пришёл, да с другой стороны... И ты на свой заработок хорошую семью не прокормишь, самому лишь бы, да кое-как, а на земле прокормил бы... Да. Вот и города обширнейшие создают, и все туда уходят, а основа жизни тут остаётся. Как же дальше будет?

— Не знаю...

— Кто-то должен знать. Вы дорогой шли, так раньше кругом хутора стояли, люди жили, и жили крепко. Это ведь за малое время обосновались, когда на хутора стали рекомендовать! Всё успели: и лес свалить да сжечь, пни выковырять, землю под пашню привести... И разжились. Думали, что стали хозяева, а стали они кулаки, хотя тот путь жизни им самой властью был обозначен. Тут моё понимание кончается, Сергеич, тут какую-то иную суть предусматривали, а зачем и почему — мне понять не дано. Не просто всё отобрать — отобрали, а ещё самих извели... Таинственно это! Не находите?

— Нахожу... Матушка ваша не встаёт?

— Она полную ночь при корове была, устала сильно. Ещё печалуется, что в такой день службу послушать хочется... Ей уж не слушать — ближняя церковь за девяносто вёрст. И вот опять: религия разрешена нам, а церквей не заводят совсем, и даже книгу божественную не купить нигде. И ведь не плохому учат в них. — Он помолчал и сказал тише, иным голосом: — Возлюби ближнего своего... А, Сергеич?

— Да... Но и церковь стала иной. И священники иными стали, более мирскими, современными, что ли... Я одного знавал под Коломной: дом, машина, на моторной лодке по реке гонял.

— Не имеет значения! — живо возразил он. — Их и жизнь обязывает страхолюдями не быть, и даже если жизненное поведение их отвлекает от размышлений о сути всего, — не имеет значения, хоть и жалко, конечно. Служат они великому и великие слова возвещают, вот что важно. Есть слова, что одним звучанием своим многое несут, хотя и просты вовсе. Истина, Любовь, Долг, Верность, Отечество... Ничто не проходит бесследно, это я понял. И многие поняли, раз возвещают: человек человеку — друг, товарищ и брат. Но лучше — возлюби ближнего своего! Да-а... Вы что? Уходить?

Я объяснил, почему тороплюсь, и он согласился сразу.

— Ступайте... И мне понять бы раньше, ну да ладно. Охота начинается, так заходите, я место нашёл, где мошники играть собираются. Вам они интересны?

— Очень!

Одни глухари интересовали меня этой весной, однако весна сломалась в самом начале, снега в лесу оставалось по пояс, и такого, что не добраться к глухарю ни за что. Знакомые тока опостытели после неудач, я решил поискать новые, вспомнил о предложении Петра Александровича, а вспомнив, стал собираться к нему. Только он меня опередил.

— К вам баптист заявился, — подошёл ко мне в магазине мой сосед Кошелёк, он же Дубок, он же Бармалей. — Я на мотоцикл сажусь, гляжу, к вам тащится. Ну и есть придурок: я прошу — стой, покурить дам; а он воротился, говорит: «От каталки твоей пахнет худо». С утра не пришлось хватить ничего, раз вчера всё выпил, не то бы врезал ему...

Был мой сосед ростом немногим выше мотоцикла, любил показаться боевитым и страдал оттого много. Да в этот раз помог: за сто граммов довёз к дому быстро, по его выражению, — ментом!

Пётр Александрович остался ночевать, но вечернюю беседу не рас-

тягивал — чувствовал себя неважно, а назавтра сладились не рано отправиться к нему, чтобы мне поохотиться в тех местах.

Утром, пока растапливалась плита на дворе, я взялся за эспандер и тут заметил, что моя гимнастика смутила его. Он явно не ждал подобного легкомыслия, этакой несолидной забавы, я ронял себя в его глазах, и он, видимо, огорчался тому, даже страдал.

— Вам лучше топор взять, да к дровам, Сергеич, вот и было бы и ваше нужное, и дело хорошее. Или с лопатой поработать... А это пустое.

— Отчего же? Размяться с утра хорошо, и для работ сил прибавится.

— Сила как раз от работы, и сила полезная. А это баловство, можно сказать, глупое... Уж простите.

Я и сам чувствовал себя зачастую неловко, упражняясь на виду у трудившихся людей, объяснял себе, как неверно испытывать подобное, раз сделал свою работу, но его слова опять и задели, и испортили удовольствие и нужность гимнастики. В отместку предложил ему опробовать снаряд: непривычный к подобным движениям, он не смог с ним справиться, и я в дешёвом превосходстве нашёл мимолётное утешение.

После завтрака, ещё молча, вышли на дорогу к Лихуше.

Постепенно он оттаял, указывая места бывших жилищ, рассказывал, кто чем занимался, кроме земледелия, и что возил в город.

— Возить по этим дорогам! — обмолвился я, обходя рытвины. — Как они колёс напасались...

— Дороги тогда были, Сергеич, — катышем катись, и было их много больше... А вот усадьба — знаете? — как раз матушка здесь училась и учительствовала помаленьку.

— Она всё болеет? Вы не сказали, что с ней, я бы лекарств захватил...

— Лекарства без пользы. Она, видите, похудела иначе, хоть и годы её за восьмой десяток. Душой плоха стала, ослабла. В правильности жизни не сомневается, то есть не жизни, а поступков своих, — поправился он, — но всё размышляет, вольна ли была отца к такому концу приводить и прочее. Будто от неё зависело что... А и зависело, Сергеич! — сказал удивлённо. — Я ведь сам на неё больше, чем на родителя, глядел. И по времени общения и по сути самой... Смотрите, как, а?

И опять замолчал надолго.

Жил я у них несколько дней. Спали мы не в избе, а на хлеву, на сене, при ночных морозах надев валенки и укрывшись овчинным накидом. В первое утро Пётр Александрович сводил меня на ток, но, не зная охоты, очень мешал, не дал убить двух глухарей, подшумев их в решающие моменты. Я ходил потом один, днём спал, готовясь к тяге вальдшнепов, а их было множество, хотя тянули неважно из-за холодов.

И беседовали много, и много услышал я о жизни края, в каком жил, меньше, но полнее — от Анастасии Арсеньевны, больше и несвязней — от него. От этих бесед, от общения с этими людьми и решил уйти вскоре, хотя планировал задержаться долее.

Их рассказы томили меня. Утром, уходя на охоту, я уже не попадал в искомое одиночество, в отдалённую от многого тишину. Вокруг пробуждались в кустарниках хутора и деревни, сквозь чащобу молодого леса ломились дороги, волновались хлеба на заболоченных луговинах. И я

нет-нет, но думал и думал о том, как же случилось, что столько крови, ненависти и слёз дали неумолимо выжать из себя люди во имя того, чтобы земля, за которую уплатилось столь жестокой ценой, заросла хламными породами деревьев, затянулась ржавой водой. Как явилось, что в исконно русских краях удачливое воровство ныне становится много выше трудолюбия, агрессивное хамство возвысилось до нормы поведения, таимая прежде жестокость стала обыденной. Как? И с трудом нажитая мной скорлупа, сплав прагматизма, привычной способности не замечать очевидного и укоренившейся намеренной глухоты, натягиваемая с каждым пробуждением для общения с себе подобными, отвалилась, будто короста, а я неожиданно осознал, что и вижу, и слышу, и ощущаю, как иной и почти нормальный человек, и это было мучительно.

И ещё было страшно.

В эти минуты я боялся не чего-то и не кого-то, а себя, возникающей во мне решимости жить не по велению устоявшегося бытия, насилующего моё покорно поддающееся сознание, я боялся именно сознания своего, диктующего стать иным и жить иначе. И этот унижительный страх рождал смятение и гнев, и не было более мне покоя там, куда шёл искать его.

Последний вечер пришёл дождём, поначалу я обрадовался, что он пусть и холоден, да мелок, и вальдшнепы потянут лучше. Но дождь усилился, сёк сильней и сильней, и идти домой было бы глупо под ним.

Решив ночевать у них и в эту ночь, возвращался под дождём краем леса, не разобрав в сумерках, что за тёмное медленно движется неподалёку, остановился, изготовил ружьё.

Пётр Александрович шёл от неблизкой к жилью баньки, держа шапку в руке, помахивая ею в размер несвязным словам. А под молодой сосёнкой привстал, поймав ртом длинную хвою, сильно дёрнул ветку, обдав себя капелью.

Я обождал, пока стих, удаляясь, его рыдающий смех, невкусно покурил в сырости, прежде чем явиться.

В хлеву, где спали, пришлось сгрести сенишко, раз сыпало и сыпало в прорехи крыши, и легли в избе: я — на печи, Пётр Александрович — на лавке у стола.

На новом месте засыпалось не очень, тяжёлый воздух туго шёл в лёгкие, и забылся я поздно.

— Петенька, — позвала старуха среди ночи отчётливо, я проснулся, и он сразу встал, будто не спал, и подошёл к ней. — Тяжко мне что-то, Петя, прочти истинное, пожалуйста.

Шаркнула о коробок спичка, вспыхнул и притух, но вот уже стал постоянным слабый свет. Зашелестели страницы, унимая хрипкое ночное дыхание, он медлил, откашлявшись, начал читать.

Простые и значительные слова древней книги совсем отогнали мой сон, и я тоже слушал, думая о многом и о том, что никак не вязалось со звучащими в тёмных стенах заповедями и наставлениями. Думал о том, что совершал неправильно, и о том, что неправильно и несправедливо ещё совершу, о женщинах, каких любил, и о той, что люблю, о намеченных убийствах живого, о том, как страстно хочу убить и вскоре убью обязательно. Я жалел себя и других, но себя неизмеримо больше, умилялся

тому, какой бываю хороший, благостно горевал, что мне пока не везёт, и уверялся всё больше, что должно повезти обязательно, должно всё измениться и я буду жить с теми, кого люблю, и так, как мне этого давно хочется. А все вокруг поймут, какой я, и будут уважать и любить меня тоже... И ещё и ещё желал всего этого живо и страстно, уверяясь всё более в счастливом исходе желаемого, зная, что никогда и ничего сбыться не может.

Пётр Александрович всё читал, и слова, произносимые им, опять воспринимались мною, я лежал и слушал, думая теперь про всё, что он читал.

— ...ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете...

— Петя, подожди... Петя, простишь ли ты меня?

— Зачем вы об этом, мамаша? Я вами доволен, видите, что почитаю, а помнить и почитать буду, покуда жив... Лежите спокойно.

— Ах, сыночек, сыночек!

— Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даёте десятину с мяты, аниса и тмина и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать и того не оставлять...

В голосе его исчезла хрипота, он дышал свободно и чисто, и выговаривал чисто и свободно, словно в яркий полдень на весеннем настое.

— Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри оне полны хищения и неправды...

Я ушёл вскоре после того, как погас светильник и рядом заснули. Придя к своему дому, выпустил собак и долго сидел с ними, радуясь, что они меня любят и всегда ждут меня.

А через несколько дней уехал в город, где всё тяжелей и тяжелей находиться, спать, думать и работать, но без которого никак не обойтись, раз так устроил себе житьё, как всё нескладно устраиваем мы себе. И в городе часто думал о двух людях, живущих среди России, особенно о старой женщине, впервые увиденной мною на осенней дороге в хмуром лесу.

Я дивился величию её натуры, стойкости духа и сохранённой до предела цельности. Задумываясь день ото дня, уместна ли в наше время небезопасная способность иметь принципы, я с горечью понимаю, насколько несравнима моя нравственная основа с той, какую имеет она, скорблю о несовершенстве своей, но в самые тяжкие минуты жизни вспоминаю опять тёмные строения на пространстве, окаймлённом лесом, связанный лыком частокол вокруг них, ласковую ручную скотину, трудовой запах застенчивой и доброй бедности, и мне становится легче и хочется увидеть всё это снова.

Александр Николаевич Зайцев родился в 1939 году в Баку, но детство его прошло в Хабаровске. С 1946 года жил в Москве, а в 2005 году переехал в Коломну.

Окончил физический факультет Московского государственного университета. Кандидат физико-математических наук. Вся его судьба связана с этим университетом, где он до сих пор и работает.

Автор более двадцати научных работ. В 2009 году в Коломне вышли две книги его прозы. Сборник рассказов «Записки шабашника» особенно полюбился коломенцам. Содержание этой книги навеяно главным образом личными летними шабашными скитаниями.

Коломна приобрела ещё одного интересного прозаика.

РАССКАЗ

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

Лев осмотрелся. Ну да, он же на концерте, слушает фортепианный концерт Грига. А что же было? Он точно знал, что не спал. «Может, сознание потерял? — подумал он. — Да нет, свалился бы с кресла, да и вообще с какой стати?» Нет, что-то другое, но в течение какого-то времени он ничего не видел, ничего не слышал, он был вне этого зала, но не вспоминалось, где, как долго и что там происходило.

Он смотрел на сцену. Концерт исполнялся на двух фортепиано. На дальнем играл худой молодой парень с внешностью типичного пианиста: всё у него было длинное — рост, волосы, ноги, руки; рядом с ним сидела красивая женщина, ведущая программу концерта, и переворачивала ему ноты. На ближнем к зрителям рояле играл его полный антипод: у него всё было короткое — рост, руки, ноги, обширную лысину окаймляли коротенькие седые волосы, лет ему было за пятьдесят. Играл он без нот, на клавиатуру не смотрел. Движения его рук, всего корпуса, сопровождавшие игру, были энергичнее и даже больше по амплитуде, чем у длинного молодого. Особенно много он двигал головой, не обременённой необходимостью смотреть в ноты, — он откидывал её далеко назад, бросал низко на грудь, то на одно, то на другое плечо, поворачивал то налево, то направо; когда его лицо обращалось в сторону зала, было видно, что глаза у него закрыты. И Льву вдруг показалось, что этот человек пребывает в таком же состоянии, в котором он сам только что находился: вот он за-

кончит играть, «вернётся» в этот зал, посмотрит по сторонам и будет вспоминать, где он присутствует, как сюда попал и что исполнял. Да, вспомнил он, ведь я когда-то очень давно читал что-то подобное. То ли певец, то ли скрипач во время выступления, сам не зная почему, впал в какой-то транс и при этом завораживал своих слушателей подобно мифологическим сиренам. «Может быть, и вот этот коренастый еврей обладает такой же способностью, — подумалось Льву, — и это он меня загнипотизировал».

Он ещё два раза проваливался или улетал, непонятно было, какое определение тут больше подходило, в это новое для него состояние, возвращаясь из которого себя в нём не помнил. Момент возвращения осознавался чётко и помнился, моментов же ухода, «исчезновения», того, что было непосредственно перед этим, он вспомнить не мог.

Фортепианный концерт кончился. На сцену вышла женщина и стала в сопровождении молодого пианиста исполнять песни и романсы на музыку Грига. Магия исчезла, и Лев чувствовал, что больше на этом концерте он себя не проявит. Было ли дело в том, что изменилась музыка, или в том, что ушёл пожилой пианист, или в чём другом — он не знал, но понять ему это хотелось. Мысли его в сопровождении песен Грига текли вяло, медленно, и весь он был очень расслабленный, ленивый. Ему вспомнилось, что подобным образом он чувствовал себя, когда приходилось морозным зимним вечером выходить под звёзды из кондовой деревенской баньки — те же лёгкость дыхания, расслабленность и ощущение чистоты не только кожи, но и всего нутра. Только сейчас было ощущение, что парили, мочалили и веничили его не снаружи, а изнутри, и все эти шлаки, всё лишнее, ненужное его организму ушло не через кожу, а было втянуто вовнутрь и там то ли сгорело, то ли с чем-то аннигилировало, то ли было извергнуто вовне.

Льву вспомнился отец, который не воспринимал классическую музыку, по его же собственному выражению, она в него «не входила» или даже вызывала раздражение. А вот на семьдесят шестом году жизни она в него проникла сразу и глубоко. Он так об этом рассказывал:

— В три часа «нащупал» (последние годы жизни отец был слепым), как обычно, кухню, чтобы послушать там по радио последние известия. Прослушал. А потом, трудно объяснить, словно очухался от какого-то забытья, не пойму, что со мной было, да и вообще — где я, тишина. Ну, что на кухне нахожусь, это я быстро определился, и то, что «известия» слушал, быстро вспомнил, а что со мной потом было — не пойму, не помню. Погоди, думаю, вроде музыка была, или показалось? Тут радио заговорило, и объявили, что передавали какое-то (не помню) произведение Баха. С тех пор как услышу, что собираются исполнять того же Баха, Бетховена или Моцарта, сажусь около радио — и стал удовольствие получать от этой музыки под конец жизни. Чудеса.

Вспомнив этот рассказ отца, Лев решил, что вряд ли тут дело в пианисте. А в чём — он установить не успел, концерт закончился. Зрители зааплодировали, начали подниматься, Лев тоже поднялся и негромко аплодировал. Состояние его было странным: ему казалось, что управляет собою не он сам, а делает это какая-то внешняя сила, которая застави-

ла его встать, двигает сейчас его руками, хлопая ладошкой о ладошку. В голову его сами собой заплывали какие-то мысли, воспоминания, он не успевал на них сосредоточиться, они уплывали, сменялись другими. И не было сил и, главное, желания сбросить с себя это наваждение или оцепенение и снова стать самому себе хозяином.

Взгляд Льва остановился на стоявшей далеко впереди женщине, он вспомнил её, и все его дальнейшие воспоминания и мысли оказались сосредоточенными только на ней. В ожидании начала концерта Лев, расположившись в выбранном им кресле, разглядывал рассаживающуюся публику, переводя взгляд с одной фигуры на другую до тех пор, пока не увидел эту женщину, входившую в зал. Она выбрала ряд, расположенный непосредственно перед тем, в котором он уже сидел, и пошла вдоль него. Проходя мимо Льва, она повернула голову в его сторону и на него посмотрела, но, увидев, что и он на неё смотрит, тут же отвернулась и, сделав ещё пару шагов, села. А Лев, изучая сзади её полупрофиль, вспоминая лицо, очертания всей её фигуры, пытался понять, чем же она так приковала к себе его внимание. Лет ей было где-то около сорока. Во всех пропорциях внешнего облика этой женщины была заложена какая-то гармония. Её крупная голова посажена на высокую шею, не на длинную и тонкую, что было бы уродливо, а именно на такую, чтобы выглядело красиво. На крупном лице — большие глаза, глаза тёмные, опять же в гармонии со слегка смуглой кожей и чёрными блестящими, как антрацит, волосами. Волосы были собраны в большой пучок на затылке и скреплены длинными заколками. Льву вдруг представилось, как он одним движением выдёргивает эти заколки, и эти волосы блестящей чёрной лавиной обрушиваются ей на спину, отбрасывая её голову слегка назад. «Странно, такая привлекательная женщина — и одна, — подумал Лев. — А может, попробовать с ней познакомиться после концерта?»

Народ вяло продолжал наполнять зал. Лев увидел, что к «его» женщине приближается троица чем-то неприятных, не понравившихся ему людей. Первым шёл человек лет семидесяти, слегка сутулый, в старомодном пиджаке с двумя орденскими колодками; он медленно двигался вдоль кресел, всё время слегка вертя головой в разные стороны, словно обстреливая глазами зал. Когда он стрельнул во Льва, ему показалось, что это глаза голодной крысы. За ним шествовали две маленькие сухонькие старушки, которые, подобно своему предводителю, зыркали глазами во все стороны. Глаза у них были на удивление одинаковые, слишком молодые и чистые для их возраста, но было в них что-то хищное, алчущее. Они показались Льву похожими на старых пиявок, ищущих, к кому присосаться.

Сутулый медаленосец уселся рядом с понравившейся Льву женщиной, хотя ряд, в котором она сидела, был почти пустой, к нему присоединились предводимые им пиявочки. Женщина тут же резко поднялась, вышла в проход между рядами, спустилась далеко вниз, где нашла себе место в одном из первых рядов. Она встала и сделала первые шаги столь стремительно, что её платье кольхнулось в одну, потом в другую сторону, на мгновение оно плотно облепило сзади её тело, так

что обозначилось богатство и изящество его форм. И желание Льва познакомиться с ней преобразовалось в уверенность, что он непременно это сделает.

Но как? Женщина эта не была похожа на таких, которые легко идут на знакомство со случайно повстречавшимися мужчинами. «Ничего, — решил Лев, — мы же трудностей не боимся. Главное, чтобы сразу не прогнала или не сбежала, а слушала, и нужно говорить долго и красиво». И он стал сочинять речь, которая должна была, по его мнению, если не очаровать, то хотя бы увлечь эту даму. Ну, скажем, так.

«Вы знаете, я вот сидел, ожидая начала концерта, и увидел вас входящей в зал, после чего никого, кроме вас, я уже не видел, пока эти мерзкие старикашки вас от меня не прогнали. А образование у меня естественно-научное, видимо, поэтому меня тянет во всём непонятном разобраться, причины отыскать. И вот я потом, вместо того чтобы музыку слушать, всё думал, понять пытался, чем же вы меня так к себе приковали. Глаза у вас мягкие, добрые, хорошие, никакого ведьмачества в них не проглядывается. На какую-нибудь модную сейчас фотомодель вы тоже не похожи, да и не в моём они вкусе, эти фотомодели. А потом я вспомнил. Я, знаете, люблю на художественные выставки ходить: идёшь, на одну картину посмотришь, на другую, и вдруг какая-то тебя поймает, остановит, а когда очнёшься, то и сказать не можешь, сколько времени она тебя продержала. А в чём дело — непонятно. Ну и тут я решил — мне, видимо, не разобраться, чем вы меня притянули. Музыка надо слушать. Зачем на концерт пришёл?»

Тут у Льва вышел затык: всё, что дальше приходило ему в голову, ему не нравилось, и заканчивать так речь тоже не годилось. Он промаялся так некоторое время, прежде чем процесс снова пошёл. «Но долго слушать музыку вы мне не дали. Вспомнился мне вдруг, не знаю почему, известный храм Покрова на Нерли, что во Владимирской области. От его созерцания тоже трудно оторваться. Но причины его очарования считаются известными, и они в том, что в соотношения между всеми размерами и размерами его деталей заложено так называемое “золотое сечение”. Вот мне и подумалось: а нет ли в пропорциях вашего лица, вашей фигуры того же сечения, и захотелось даже их обмерить, чтобы это установить. Что за бред пошёл, — прервал своё сочинительство Лев, — фигуру обмерять сразу рвёшься. Так грубо, по-кавалерийски ещё, может быть, переть можно, если в ресторане с женщиной знакомишься, а не на концерте».

И вот это слово «ресторан», залетевшее ему в голову, всё оборвало. Сначала он просто подумал: «Батюшки, а когда же это я в последний раз в ресторане-то был?» И тут же он вспомнил о своей сегодняшней жизни и о том, что пришёл он на этот концерт в надежде, что удастся хотя бы на время забыть о ней, полностью от неё отрешиться. И это сразу получилось: как только он вошёл в зал, то ли стены полностью заэкранировали его от внешнего мира, то ли аура этого зала его всего поглотила и вытеснила из головы всё иное. А вот этот мерзкий «ресторан» всё напомнил и испортил. «Да, — горько усмехнулся Лев, — кавалер». И он перестал думать о женщине и стал ждать начала концерта.

Но вот сейчас, после концерта, на котором с ним произошло что-то непонятное, он, снова увидев эту женщину, спокойно решил, что он проводит её или, во всяком случае, попытается это сделать. «Деньги — фигенги, — думал он, — причём здесь это, если мне хочется и она будет не против, так в чём дело?» И вместе с первыми потянувшимися к выходу из зала зрителями Лев двинулся в раздевалку. Быстро одевшись, он вышел на улицу и, отойдя метров на семьдесят, стал ждать.

Через несколько минут вышла и она и, пройдя несколько шагов, посмотрела далеко вперёд. Льву показалось, что она увидела его и тут же снова опустила голову. Это его приободрило: он вспомнил, как перед концертом, прежде чем сесть перед ним, она тоже на него взглянула, и он подумал: «Может быть, и она меня заметила». После того как женщина прошла метрах в десяти в стороне от него, он выбросил сигарету и стал не спеша догонять женщину. Поравнявшись с ней, он произнёс:

— Здравствуйте. Вы извините, ради Бога, что я к вам пристаю, но это, видимо, музыка Грига нагнала на меня труднопреодолимое желание с вами познакомиться.

Лев сделал паузу, ожидая, не поддержит ли женщина сразу беседу, но она молчала. Тогда он продолжил:

— Меня назвали Львом, — он снова замолчал, надеясь, что и она назовёт своё имя, но не дождался и спросил сам: — А вас как зовут?

Женщина продолжала безмолвствовать. Но её молчание не было отторгающим, она продолжала идти, не ускоряя шага, словно считая, что этот мужчина ещё просто недостаточно потрудился для того, чтобы узнать её имя. Лев стал вспоминать свою незаконченную речь, но начать её не успел. Женщина наконец сказала тихо:

— Наташа.

— Наташа? А мне показалось, что в вашем облике есть что-то мусульманское, — вырвалось у Льва неожиданно для него самого. Он даже не увидел, а скорее почувствовал, как в ответ на эту его реплику чуть-чуть вздрогнули её плечи, и понял, что не ошибся.

Назвав своё имя, женщина снова молчала. Молчал теперь и Лев. Главное было сделано, знакомство состоялось, и теперь можно было несколько расслабиться. Но тут опять какая-то сила взяла Льва под свой контроль, и он стал говорить не заготовленную речь, а объяснять, что происходило с ним во время концерта. Он рассказывал Наташе, как он непонятно куда улетал, потом возвращался и снова исчезал; он старался как можно понятнее передать ей то состояние какого-то оцепенения и безволия, в которое ввергла его эта музыка. Когда он стал говорить, что сейчас, после концерта, он чувствует себя словно вымытым и вычищенным изнутри, она повернула к нему голову, впервые, пока они шли вместе, прямо на него посмотрела и сказала слегка вопросительно:

— Так это же хорошо?

— Хорошо, — согласился Лев и прекратил свои излияния.

На этот раз молчание было коротким. Заговорила Наташа.

— А может быть, вы это в какие-то свои прошлые жизни улетали, если, конечно, верить в реинкарнацию, — произнесла она несколько

робко, опасаясь, вероятно, того, что этот незнакомый ей человек вообще ничего не слышал про эту самую реинкарнацию, а если и слышал, то считает всё это полнейшей чушью. — Я где-то читала, — продолжила она, — что в произведениях Лермонтова так много не свойственной его юному возрасту мудрости оттого, что он помнил свои предшествующие жизни, из которых он уходил значительно более старшим. А эта его последняя так ему не нравилась, что он сам стремился её поскорее покинуть: ведь он так издевался над этим бедным недалёким Мартыновым, что тот просто не мог не вызвать его на дуэль.

— Вы знаете, я слышал другое объяснение феномена Лермонтова, — ответил Лев. — Он ведь с раннего детства воспитывался своей бабушкой в её имении изолированно от сверстников и вообще от внешнего мира. Бабушка же его была женщиной сильной, во многих отношениях незаурядной. И она вложила в него в готовом виде много своего собственного опыта. Наверное, слишком много, во всём нужна мера.

— Ах, у вас такая интерпретация, — несколько разочарованно произнесла Наташа.

— Да нет, у меня нет тут никакой своей интерпретации, — сказал Лев. — Что же касается реинкарнации, так я не то что верю, я, пожалуй, просто не сомневаюсь в том, что она существует. Мне даже кажется, что я знаю двух женщин, которые в каких-то прошлых жизнях меня рожали. А вот с моей шестилетней внучкой была у меня, похоже, в одной из этих прошлых жизней сильная любовь, и она, сдаётся мне, в отличие от меня иногда что-то о том вспоминает, правда, чем дальше, тем реже. Когда она ещё совсем маленькая была, она никак не принимала, что называть меня следует дедушкой, а звала только Лёвой, а то и Лёвкой. Наиболее настойчиво переучить её старалась моя тогда ещё живая мама. Однако, терпеливо выслушав её объяснения, внучка только тяжело вздыхала: «Ой, бабуль, да Лёва — это просто мой лучший друг! Ты ничего не понимаешь!» Или вот, несколько раз случалось. Гуляем мы с ней по лесопарку. Она вдруг остановится, повернётся ко мне, голову поднимет, смотрит на меня, и глаза у неё как-то взрослеют, и говорит: «Лёва, я тебя очень люблю!» А неделю назад зашёл я её навестить, и она со мной такую игру затеяла. Сняла с дивана подушки, уложила их на пол, на ковёр, и заявила, что это яхта и что мы поплывём на ней во Францию. Ну, уселись мы на ковёр между подушек, она объявила, что плыть мы будем девять дней. Сидим, болтаем, называть она меня снова стала по имени. Потом говорит: «Ночь наступает, спать пора, ложись». Я лёг, она меня пледом накрывает и рядом ложится ко мне под плед. Кладёт руку ко мне на грудь и прижимается, я поворачиваю к ней голову, и становится мне не по себе: глаза у неё совсем не детские, так смотрит женщина, предвкушающая приближающееся совсем не детское наслаждение. Сажусь я быстрее: «Утро, — говорю, — уже наступило, пора дальше плыть». Через пару минут она меня снова спать укладывает: следующая, мол, ночь наступила, и опять то же самое. «Ночь» на пятую я уже не выдержал, вылез из «яхты» и говорю ей: «Смотри-ка, так вот ведь уже Франция, приплыли, а ты говорила, что целых девять дней плыть». А она продолжает лежать под пледом, смотрит на меня вверх

глазами взрослой, охваченной желанием женщины и говорит: «Ну лят со мной, ну так хорошо будет». Говорит так, словно она это своё хорошо уже не раз имела. У меня даже мурашки по спине пошли. И такое у неё только со мной бывает.

Наташа остановилась, повернулась ко Льву, глаза её были широко раскрыты и сияли.

— Какая прелесть! — сказала она.

Лев не понял, что во всём этом уж такого прелестного, но ни спорить с ней, ни спрашивать объяснений не стал. Они пошли дальше. Оба снова молчали, но Лев чувствовал, что в процессе этого молчания его связь с Наташей продолжает укрепляться. Словесное общение между ними словно было только разведкой, и после того как эта разведка установила, что между ними существует согласие, понимание, в контакт вступили их то ли души, то ли духи или, как сейчас говорят, ауры. Они прощупывали друг друга и, видимо, тоже обнаруживали между собой согласие и гармонию, проникали друг в друга, перепутывались. Лев заметил, что идёт уже не в метре от неё, как прежде, а рядом, и они иногда прикасаются друг к другу плечами.

— Вы не обратили внимания? — прервала молчание Наташа. — Афиша в Доме культуры висит. Завтра там выступает исполнительница русских народных песен.

Лев понял, что она ждёт теперь от него приглашения сходить с ним вместе на этот концерт, но на этот её намёк никак не среагировал. Он видел эту афишу, исполнительница народных песен ценила себя намного выше (100 рублей за билет), чем пианисты, исполнявшие Грига (10 рублей за билет), так что при своём безработном состоянии и солидных долгах на эту исполнительницу он не тянул. Не дождавшись ответа на этот свой вопрос, Наташа задала другой:

— А вы часто ходите на концерты?

— Нет, — ответил Лев, — довольно редко. Дома музыку слушаю.

— Какую? — спросила она.

— Разную, больше классику.

— А знаете, сейчас можно в консерваторию попасть, в будни это совсем просто.

Теперь она приглашала его в консерваторию, слушать любимую им классику, приглашала столь откровенно, что игнорировать это предложение было уже неприлично. Но Лев не знал, что сказать, и он продолжал делать вид, что не понимает её намёков. Они дошли до автобусной остановки. Наташа остановилась, остановился и Лев. Он подумал, что коли он игнорирует её намёки на продолжение знакомства, то она может и не пожелать, чтобы он продолжал провожать её и в автобусе. Но он ошибся.

— Может быть, мы пешком пойдём? — сказала она. — Если напрямую через лесопарк, то я тут недалеко живу.

— С удовольствием, — ответил Лев, — я люблю пешком.

Они двинулись. И Льва снова подхватила какая-то сила и понесла. Он стал говорить то, чего говорить вовсе не собирался. О том, как круто изменилась его жизнь: наука, которой он прежде спокойно занимался,

стала никому не нужна, на ней стало не прожить, а то, что он пока что делает, всё не то, и надо как-то резко всё менять. Он старался не жаловаться, а просто как бы рассуждал, но всё равно это ни к чему было излагать сейчас женщине. Лев это знал, но не мог остановиться.

Остановила его она.

— Так это же у всех сейчас так, — сказала она грустно и добавила после небольшой паузы: — Вот мой муж работал инженером в институте, а сейчас какой-то коммерцией занимается.

Слово «муж» словно ударило Льва. Не потому, что он считал, что она одинока. Просто он был целиком поглощён общением с этой женщиной и был не в состоянии о чём-то ещё задумываться. Все каналы, связывающие его с внешним миром, сосредоточились на ней одной. А это слово словно оторвало часть из них от неё, и они вернулись на привычное место. Подобным образом подействовал на него и влетевший ему в концертном зале в голову «ресторан». Конечно, у неё есть какая-то своя жизнь, которой он совсем не знает, и, наверное, как у большинства, она сейчас непростая.

Ему стало жалко этого мужа. Занимается какой-то мерзкой коммерцией, пашет наверняка целыми днями, рвёт себе нервы, добывает деньги, красиво одевает жену, а она ходит днём на концерты и предлагает понравившемуся мужчине продолжать с ней такое времяпровождение. И Лев подумал, что это, пожалуй, и хорошо-то, что он из-за своего безденежья оказался не в состоянии это предложение принять. Ну сходили бы раз-другой в консерваторию, а потом не стали бы после неё расставаться и пришли бы к нему домой, и в конце концов оказались бы вместе в постели, а потом она ушла бы и ночью легла спать с мужем. Лев поморщился. Но, правда, тут же ему подумалось, что это он просто старый стал и потому такой праведник. Вот прежде в командировке в ресторане, если понравится какая-нибудь женщина, начинал её добиваться и ни на миг не задумывался, есть у неё муж или нет. Однако тут же он себе возразил — нет, там разогретая алкоголем похоть правит, здесь совсем иное.

Лев посмотрел на Наташу. Она шла, тоже задумавшись о своём.

— А детей у вас много, Наташа? — спросил он. Она не отвечала, Лев решил, что она не услышала вопроса, и уже собрался повторить его, когда она тихо сказала:

— Двое.

И после длинной паузы совсем едва слышно добавила:

— Было. Сейчас один.

Видимо, их ауры действительно сильно переплелись. Те боль и страдание, которые возникли в ней от воспоминаний, вызванных его вопросом, пронзили и его. Он вздрогнул, его зубы стиснулись и слегка скрипнули, глаза прищурились. Его рука слегка коснулась её спины, будто он желал через это прикосновение разделить её боль, передать ей своё сочувствие и сострадание. Она поняла, чуть заметно кивнула. Льву стало понятно, почему она так интересуется реинкарнацией, верит в неё. Они снова шли молча, Лев поглядывал на Наташу. Она помрачнела, ушла в себя и, похоже, про Льва забыла. А он стал чувствовать, как возникшая

между ними невидимая связь, их единство начали ослабевать и исчезать, и они снова становились чужими. Он сильно жалел, что задал этот вопрос, но как было знать? Лесопарк кончился. Наташа замедлила шаги и совсем остановилась. Она посмотрела на Льва, в глазах её появились напряжение и даже настороженность. Она сказала ему мягко, но решительно:

— Я тут уже близко живу. Я пойду, а вы погуляйте ещё по лесу, мне кажется, вам нужно ещё погулять.

Он прочитал её мысли. Сейчас, когда невидимые связи между ними исчезли, они стали всего-навсего полчаса знакомыми людьми, в общем-то ничего не знающими наверняка друг о друге. И она подумала что-то вроде такого: «А что это вообще-то за человек? Я же не знаю его совсем. Кто знает, что ему нужно? Зачем ему показывать, где я живу, ещё отстаивать не захочет. Сейчас много разных ходит». Но расставаться так с ней Льву очень не захотелось.

— Наташа, — сказал он, — в тот момент, как только вы скажете, чтобы я вас покинул, я тут же повернусь и уйду. Если вы хотите, чтобы это прямо сейчас произошло, — хорошо.

Но, говоря это, он и выражением лица, и взглядом, и движениями рук, сопровождавшими эти его слова, и интонацией голоса стремился дать ей понять, что ему очень не хочется с ней расставаться и что ему следует верить. И она поверила, глаза её помягчели, она виновато улыбнулась, словно прося прощения, и они снова пошли вместе.

Лев опять испытывал новое для него ощущение, которое он узнал только сегодня с этой женщиной. Ему казалось, что он чувствует свою ауру и посредством её — ауру Наташи, и «слушал», как они снова начинают проникать друг в друга, переплетаться, и начинает быстро восстанавливаться состояние странного блаженного единения между ними. Он был уверен, что и она ощущает то же самое. Слова сейчас были лишними.

Лев не знал, сколько времени они так шли, наверное, недолго, прежде чем она остановилась около высокой одноподъездной башни. Они стояли некоторое время молча, продолжая купаться друг в друге. Первой освободилась от этого завораживающего оцепенения Наташа. Она кивнула головой в сторону подъезда и сказала:

— Вот я и пришла, здесь я живу.

И, опустив глаза, стала ждать.

А Лев вдруг почувствовал, как неизвестная ему внешняя сила, которая уже несколько раз сегодня исподволь, как бы исподтишка, направляла его поведение, сейчас властно и жёстко берёт его в свои руки. Он не понял, что с ним происходит, испугался, резко встряхнулся и, забыв обо всём, весь отдался напряжению, борьбе с этой непонятной, обволакивающей, сковывающей его мощью. Но оказался слаб. «Она» взяла его рукой руку Наташи, поцеловала её его губами и его голосом произнесла:

— Большое спасибо за прогулку. Было очень приятно с вами познакомиться и пообщаться.

Она вскинула голову, глаза её расширились и стали очень светлыми, они смотрели прямо Льву в зрачки. Он почувствовал, как под действием

этого взгляда давление на него начинает ослабевать и сознание просветляется. И этому просветляющемуся сознанию показалось, что и в неё вселился какой-то демон, который силой этого взгляда пытается освободить Льва и удержать его около этой женщины. Но и он не потянул. Чужая воля заставила Льва молча ей поклониться, развернула кругом и повела прочь. Сделав своё дело, она быстро его отпустила.

Он продолжал идти в том же направлении, хотя его и сильно тянуло вернуться, но даже ещё не совсем чётко работающей головой он осознавал, что поезд ушёл и возвращаться глупо. Хотя он и не понимал, что с ним происходило, но всё равно ему было обидно и стыдно и перед женщиной, и перед собой за свою немощь. «Урод!» — бросил он грубо и мощно в свой адрес и вдруг почувствовал, как от этого окрика что-то чужеродное, таившееся в его глубинах, отлетело, и он вернулся в своё привычное состояние и снова был полным хозяином себе, и был абсолютно уверен, что нет сейчас над ним никакой силы, которая могла бы заставить его делать то, что он не хочет.

Лев успокоился. «Да чего там, — думал он, — дом, где живёт, знаю, от моего минут пятнадцать ходу всего. Будет желание — я её отдежурю. Деньги где зарабатывать — вот о чём сейчас соображать надо». Он шёл домой, чувствуя, как сами собой ускоряются его шаги и как он начинает наливаться новой свежей силой и злостью.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Владимиру Крупину — 70!

Исстари слава нашего древнего града держится на коломенских москвичих и московских коломенцах. И мы не забыли, что Владимир Крупин трижды бывал у нас, чтобы работать в тишине священной русской провинции, вдали от столичной суеты. Тут создавалась проза, чистая и прозрачная, точно осененный образком родник под кронами старинных деревьев на берегу реки.

Владимир Николаевич, родной наш человек! Вы близки нам не только внешним обликом вятича, но и духом православным, трудолюбием и прямоотой. Вы по праву можете называться коломенцем. И сегодня мы поздравляем Вас с юбилеем не по обязанности, а по близости сердечной. Пусть Господь продлит Ваши дни, дарует Вам крепость духовную и телесную! Надеемся ещё не раз увидеть труды Ваши на страницах «Коломенского альманаха». Да и Вы не забывайте город, где Вас помнят, любят и ждут.

Коллектив редакции

Владимир Дмитриевич Пронский родился в Рязанской области. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Москва» и во многих других журналах и газетах, а также в коллективных сборниках. Издавался в ближнем и дальнем зарубежье.

Владимир Пронский — автор многих книг повестей и рассказов, романа-трилогии «Провинция слёз». Печатался в седьмом номере «Коломенского альманаха». Лауреат премии имени А.С. Пушкина Московской писательской организации, Международной литературной премии имени Андрея Платонова.

Член Союза писателей России.

РАССКАЗ

Владимир ПРОНСКИЙ

ВКУС ТЕРЕНТЬЕВКИ

Евгений Ремизов ехал из Москвы на встречу одноклассников с особым настроением: очень надеялся встретить Викторию, потому что тридцать лет не видел её и почти ничего не знал о ней. Изредка бывая в родном Пронске, он, конечно, встречал знакомых, иногда в разговорах с ними вскользь упоминалась Виктория Китаева, или Вика, но не более того. Тогда всякий раз закипала мысль самому что-либо разведать, но сделать это было непросто: мешала старая обида, родившаяся, казалось, из ничего.

Они той весной неожиданно поссорились, когда она отказалась идти в кино, а он, в отместку, отправился в Дом культуры с её подружкой. Вот, собственно, и вся измена. Но в тот же вечер, узнав о предательстве, Вика устроила истерику, пожаловалась матери, что Женя бросил, унизил, та, наверное, подумала бог знает что, а когда на следующий день Евгений пришёл мириться с Викторией, вытолкала его взашей, сказав: «Чтобы вас, молодой человек, я боле не видела в нашем доме!» Он по-настоящему обиделся, и более даже не на её всегда сердитую мать, будто работавшую воспитателем не в детском садике, а в колонии строгого режима, а на саму Вику. Ведь она ничего не сделала, чтобы уладить конфликт, а Ремизову даже показалось, что она сама прогнала, не захотела выслушать, вдруг превратившись в равнодушного и чужого человека. Будто они никогда не сидели в палисаднике под старинной терентьевкой в пору её цветения, будто не хрустели румяными яблочками с фиолетовым

отливом, подбирая их с земли и вытирая руками. Ранние яблоки удивительно и неповторимо пахли, на вкус казались немного пресноватыми, но сочными, после них очень хотелось целоваться. И они целовались, чувствуя на губах этот вкус. Не смущало и то, что сидели под окнами, темневшими в ночи на фоне белёных стен, и Викина мать вполне могла наблюдать за ними, потому что на одном окне шторка всегда была сдвинута. Вика почему-то разрешала целовать себя только под окнами, словно выполняла чьё-то указание.

Став по-настоящему взрослым, Ремизов всё понял: и Викину мать, оберегавшую дочку, и саму Вику, не хотевшую расстраивать её. А тогда очень обиделся, но не сделал Вике ничего плохого: и сам держался на расстоянии, и других парней не подпускал.

Летом он подал документы в радиотехнический институт и успешно сдал вступительные экзамены. Годы учёбы проскочили быстро, хотя иногда казалось, что они бесконечны, особенно если в карманах не оставалось ни копейки. Но из любой ситуации находился выход: то сам подрабатывал, то перепадало от родителей. И всё это длилось до тех пор, когда он получил диплом и был распределён в коломенское КБ как специалист по радиоэлектронике. Неожиданно хорошо начал *получать* (слова «зарабатывать» тогда почти не существовало). Пришёл достаток, а вместе с ним и желание устроить жизнь. Ремизов женился, вскоре одна за другой появились дочери, в воспитании которых он почти не участвовал, так как пропадал на работе, где делал успехи. Они были замечены, и через пять лет его перевели на головное предприятие, базировавшееся в Москве. Вскоре он купил трёхкомнатную кооперативную квартиру и стал полноправным москвичом. Только бы жить и жить, но тут началась перестройка: военно-промышленный комплекс начали разваливать, и Ремизов остался не у дел. Но не без знаний и опыта. Пошёл работать в коммерческую структуру. К тому же квартира досталась ему почти даром. Помнится, половинный остаток взносов однажды заплатил с одной полочки, потому что зарабатывал уже по новым ценам, а выплачивал за квартиру по старым.

Всё это происходило, казалось, недавно, но успело вырасти целое поколение, для которого тогдашние события — что Октябрьская революция для Ремизова. Всё — история! В те годы, пока были живы родители, он раз в год заглядывал в Пронск, иногда проездом на юг или с юга. Потом, после их смерти, продал с братом дом и приезжал на родину одним днём: наведёт порядок на могилках — и назад. И в отпуск перестал навещаться, так как зачастил за границу. С той самой поры, когда жена вдруг вспомнила молодость и начала капризничать.

— Дочек выдали замуж? Выдали! Теперь надо о себе подумать! — говорила она, и Евгений легко поддавался её капризам, потому что и самому хотелось побывать там, куда долгое время было запрещено выезжать из-за государственных секретов, которыми когда-то владел.

Но теперь он далёк от того, что и секретами-то перестало быть, — создавал программное обеспечение для фирм и в отпуске был волен ехать куда захочет, хотя в последние годы всё чаще вспоминался тихий Пронск. А когда месяц назад неожиданно позвонила одноклассница Зина Крупина, где-то раздобывшая его телефон, и пригласила на встречу выпускников, Ремизов тотчас согласился приехать, потому что сразу вспомнил Викторину и очень захотел увидеть её. Ведь это такой замечательный и естественный повод, что лучшего и не придумать!

Поэтому и ехал Евгений с особенным чувством, пообещав жене вернуться на следующий день. Ехал ровно настолько, чтобы встретиться с одноклассниками, погулять, а потом, отославшись, отправиться назад. Обычно он замирал душою от вида, открывавшегося от поворота на Пронск, когда взгляд охватывал привычные очертания Покровского холма, на котором живописно прилепился этот древний городок, и убегал в неохватное пространство, в старину называемое Диким полем, открывавшееся за широкой долиной Прони. Нет, сегодня не до красот, пусть и родных. Сегодня в мыслях только она, Вика!

Ремизов оставил машину во дворе дома школьных учителей, а Валентина Ивановна — добрая душа — пригласила на ночлег, если вдруг появится такая необходимость. Ремизов знал, что дом Ананьевых всегда открыт для учеников, и многие из них, при необходимости, принимали такое гостеприимство. Принял и он.

— Мы-то с Виктором Аркадьевичем всё лето в доме ютимся, а тебе постелю в беседке... Как хорошо в саду, на свежем воздухе! — сказала Валентина Ивановна, потряхивая золотистой причёской.

— *Mersi beaucoup, mon professeur!*¹ — ответил Ремизов по-французски, потому что когда-то она преподавала ему этот язык, и приветливо, благодарно улыбнулся.

Учительница поняла его настроение и подыграла:

— *Pas de quoi!*²

Пока они болтали, с веранды пришёл Виктор Аркадьевич — чернобровый, строгий на вид даже и тогда, когда улыбался. Говорил с Ремизовым охотно, но от встречи с учениками отказался, стеснённый радикулитом. Когда Валентина Ивановна собралась, он осторожно добрался до калитки и указал на мелькавших у школы нарядных людей:

— Ваши уже собираются...

До школы всего-то полсотни шагов. Обычно в последние годы говорили: «до новой школы», потому что старой более не существовало. Лет уж десять прошло, как тогдашний руководитель района переполошил Пронск, узаконив снос старинного здания, остатки которого бесцеремонно спустили под бугор, хотя были предложения использовать трёхэтажное массивное здание с цокольным этажом по другому назначению. Теперь время отдалило тогдашние баталии, и с каждым годом всё меньше вспоминали о старой школе, построенной век назад фон Дервизом — выходцем из семьи обрусевших немцев, а все встречи выпускников начинались на ступеньках новой, расположившейся на месте городского парка.

Из трёх классов их выпуска собралось человек двадцать пять. Кого-то Ремизов узнал сразу — это более относилось к мужской половине, кого-то нет — особенно располневших одноклассниц, но все в конце концов распознали друг друга.

К началу встречи столы в вестибюле были накрыты, и после вступительных слов Валентины Ивановны (казалось, что она совсем не изменилась) все чинно расселись, и начались тосты: за учителей, за старую школу, за родной Пронск!

¹ Большое спасибо, учитель! (*фр.*)

² Не за что! (*фр.*)

В перерыве, когда Володя Агапов, блеснув матовой лысиной, взял баян, Ремизов отозвал в сторонку Крупину, жившую в Пронске и всё обо всех знавшую, и тихо спросил:

— Зин, а что же Китаева не приехала?

Цветущая от хорошего настроения и внимания одноклассников, высокая Зина подозрительно улыбнулась, полюбопытствовала:

— Что, старая любовь не ржавеет?!

— Да так просто спросил...

— Ладно уж — «так просто»... Приболела она. А зимой мать похоронила — никак в себя не придёт. Так что позвони, помоги отвлечься. Сейчас телефон дам...

Пока одноклассники, разбившись на пары, устроили танцы, Зина достала из сумки записную книжку, авторучку, записала и оторвала листок с номером мобильного телефона Виктории:

— Прямо сейчас и звони в Рязань! Узнай, где она. Может, задерживается?!

— Ещё на мужа нарвусь...

— Они развелись. Она теперь одна, не считая сына... Спроси, почему не приехала. Да на чай напросись... Тебя учить, что ли, надо?!

— Попозже позвоню, — отговорился Ремизов и понял, что смутился от подсказок суетливой Зинаиды, хотя внешне не выдал смущения.

Ему действительно захотелось тотчас позвонить Виктории, узнать, почему не приехала, и, быть может, рвануть к ней. И он поехал бы, но вспомнил, что пропустил несколько рюмок, и теперь машина недоступна до завтрашнего дня. «Это и к лучшему, — подумал Евгений, — нечего пороть горячку!» И чтобы забыться и более не угнетать себя печалью воспоминаний, ворвался в круг танцующих и крикнул баянисту:

— Цыганочку, маэстро!

— С выходцем! — поддержала Ремизова крепенькая, всегда улыбающаяся Татьяна Хоботкова.

И понеслось... Одноклассники плясали так, словно забыли о тридцати годах, прошедших после юности. Когда утомились, вышли на воздух. Мужчины закурили, а Ремизов неожиданно разговорился с Валентиной Ивановной. Беседовал с ней, будто с родной матушкой. Вопросы самые обычные, какие задают все матери: о семье, детях, работе. И Ремизов с лёгкостью рассказывал о себе и находил в этом радость.

Потом они не раз садились и выходили из-за столов, пели, танцевали. Только под вечер Валентина Ивановна оставила их, когда самые стойкие и общительные переместились во фруктовый бар, закрытый в тот день, но Зина Крупина добыла ключи. Они устроили складчину: запаслись вином, фруктами, конфетами и продолжили гулянье дотемна.

В какой-то момент Ремизов решил прогуляться: ему захотелось побыть одному, чтобы остыть от впечатлений, да и просто передохнуть. Сперва он даже и не понял, почему пошёл к заводской окраине, — получилось само собой, но чем далее уходил от светившегося огнями бара, тем сильнее хотел посмотреть на дом Вики. Хотя бы издали. Редкие фонари освещали дорогу, и вскоре он остановился перед тёмными окнами, наполовину заслонёнными разросшимися мальвами, от которых веяло горьковатым ароматом. За окнами угадывались занавески, но на одном окне, напротив сохранившейся скамьи, занавеска

была сдвинута, как в прежние годы, словно в доме продолжал кто-то жить и теперь наблюдал за Евгением. Знобкую эту мысль он быстро отогнал, вспомнил, как когда-то здесь целовался с Викторией, вспомнил и скособочившуюся от старости терентьевку и даже увидел мелькнувшие в свете уличного фонаря яблоки. Сорвал одно, надкусил — она, терентьевка! Вкус ничуть не изменился, даже показался более ароматным, чем прежде. Он с необыкновенной остротой всколыхнул воспоминания, даже показалось, что Вика где-то совсем рядом... И неудержимо захотелось поговорить с ней. Он достал листок с телефоном, нисколько не колеблясь набрал номер и после нескольких гудков услышал взволнованный голос, который, как показалось, совсем не изменился.

— Кто это? — осторожно спросила она.

Чтобы не спугнуть, Евгений сказал как можно спокойнее:

— Здравствуйте, Виктория! Вам звонят из Пронска. Моя фамилия Ремизов. Я вместе с вами учился! — И после паузы, в которую Виктория, видимо, что-то соображала, Евгений добавил мягче: — Вика, это я — Ремизов! Вспомнила?

— Ремизов... — повторила она его фамилию почти по слогам. — Вспомнила, Женя, вспомнила...

— Узнал сегодня твой телефон и решил позвонить. Не разбудил?

— Я ещё не укладывалась...

— А мы гуляем... Тебя не хватает!

— Крупина звонила, но я не смогла приехать, очень занята...

— Жалко, так хотелось увидеться... Вот сейчас сижу на нашей лавочке, ем терентьевку и тебя вспоминаю... Помнишь терентьевку?

— Помню, всё прекрасно помню... Ты, слышала, в Москве живёшь? Женат?

— Да. Две дочери, обе замужем. Жду внучку.

— А у меня сын... Всё в холостяках ходит. Мужа, как ты, наверное, знаешь, нет: был да сплыл... Вот сейчас говорю с тобой, а совсем не представляю, каким ты стал: перед глазами прежний вихрастый Женька.

— В чём же дело?! Завтра буду возвращаться в Москву, можно увидеться, поговорить.

Она задумалась, а когда молчание затянулось, порывисто спросила:

— Ты действительно хочешь увидеть меня?

— Если бы не хотел — не звонил...

— Когда завтра приедешь?

— После обеда: надо сперва побывать у родителей на могилках...

— Как справишься и будешь выезжать, позвони.

— Договорились!

Он отключил телефон, какое-то время сидел на скамейке недвижно и вспоминал разговор, показавшийся сном и заставивший быть задумчивым, даже печальным. И всё вдруг показалось печальным, даже бледно-розовые цветущие мальвы и одиноко скрипевший сверчок. Сорвав несколько яблок, Ремизов пошёл назад, но в баре огней уж не было. Он отправился к Ананьевым. Увидел, что Валентина Ивановна ждёт его.

— Bonsoir!³ — заглянув на веранду, шутливо сказал Ремизов, настраиваясь на иной лад.

³ Добрый вечер! (фр.).

Учительница улыбнулась:

— Нагулялись?

— Да, Валентина Ивановна!

— Под душ пойдёшь?

— Обязательно! — поспешно согласился упарившийся за день Ремизов.

— Тогда включу горячую воду.

— Спасибо, не надо, обольюсь холодной — это приятнее и полезнее!

Душ был летним, от дома к нему тянулись трубы от газовой колонки, и при желании можно было окатиться тёплой водой, но Ремизову захотелось по-настоящему остыть, привести мысли в порядок. Когда облился и, не вытираясь, вышел в сад, где находился гостевой дом-беседка, то было так знобоко и радостно, словно родился заново. И появилась необыкновенная ясность в мыслях. А в мыслях только она, Вика. Даже звонок жене не отвлек.

Виктория же после разговора с Ремизовым не спала полночи. Ей вспоминалось, как по телу побежали мурашки, когда услышала голос Евгения, как чуть не задохнулась от нехватки воздуха... Сын в этот вечер отсутствовал, и она могла говорить спокойно, если можно говорить спокойно с человеком, который жил в душе с тех самых пор, когда они расстались. И, главное, не виделись, хотя первые годы жизни в Рязани она знала, что он учится в радиотехническом. Сама она тогда пыталась поступить в медицинский, но не удалось. Устроилась санитаркой в больницу, надеясь, что характеристика с работы поможет. Но — тщетно. И она оставила мечту о медицине: отдала документы в техническое училище, а после училища попала на завод. Так с тех пор и работала в ремонтном цехе: сперва слесарем по ремонту приборов, а потом табельщицей. Там же познакомилась с будущим мужем. После свадьбы несколько лет снимали квартиру, а со временем им выделили комнату в общежитии для семейных на Вокзальной улице. Радовались тогда своему углу, в котором, как оказалось, они застряли на долгие годы. И ничего не получалось с квартирой. Одно время почти дождались, но муж попал в вытрезвитель, и их отодвинули в конец очереди. А потом и вовсе всё переменялось в стране — об улучшении жилищных условий забыли, а когда вспомнили, пришло новое поветрие: ипотека. Начали строить дом для работников, но к тому времени Виктория жила без мужа, уставшего «гнить», как он говорил, в общаге, и стартовых денег на ипотеку не имелось. И от сына ждать помощи не приходилось, потому что тот с пятнадцати лет связался с какой-то компанией, и что бы мать ему ни говорила, как ни увещевала — ничто не помогало. Неделями где-то пропадал, а как появлялся — денег ему давай! Ну и какая после этого ипотека?! А как бы хотелось пожить в отдельной квартирке. Э-х! А в последние годы не до неё стало. Другая мысль засела в голове — о собственной ноге, потому что с некоторых пор, походив по врачам, Вика узнала, что у неё артроз тазобедренного сустава. Болезнь прогрессировала, и всё шло к операции, хоть завтра могли послать. Правда, операция по замене сустава платная, стоит немалых денег. Виктория, конечно, понемногу копила, но в какой-то момент поняла, что её накопления отстают от инфляции. Если три-четыре года назад эндопротез стоил полторы тысячи долларов, то теперь цена взлетела трижды. На импортный же вообще не замахнёшься. В минуты отчаяния у неё возникала мысль всё бросить, уехать в Пронск и жить в родительском доме. На её век хватит! Но когда так думала, то невольно в мыслях

возникал сын. Ведь без неё совсем пропадёт. А взять с собой — там работы нет. Да и не поедет он — разве расстанется с друзьями?!

За мыслями и думами не заметила, как заснула. А проснулась — солнышко на деревьях играет.

— Ну, девушка, и хватила! — рассмеялась над собой.

Позавтракав, решила прибраться в комнате на тот случай, если вдруг придётся пригласить Евгения. Начала с пустых пивных бутылок, оставленных сыном под столом, которые специально не выносила несколько дней, — ждала, когда сын догадается выбросить. Но теперь пришлось это сделать самой. Ведь не будешь показывать nepотребство постороннему, хотя и не чужому, человеку: ещё подумает, что она любительница пива. Потом заново застелила диван сына, аккуратно заправила свою кровать за тяжёлой тёмно-вишнёвой ширмой, украшенной несколькими рядами целующихся голубей. Сделав влажную уборку, от которой линолеум заблестел как новый, решила поджарить курицу, чтобы угостить Евгения, если ему вдруг захочется перекусить. Пока жарилась курица, Виктория нарезала колбаску и сыр, помыла молодую картошку, чтобы отварить, когда придет Женя... В общем, всё делала по уму, но в последний момент вдруг спохватилась: а может, ему и не надо ничего? Может, он бывает в таких престижных клубах и ресторанах, что на её еду и не взглянет?! Да и как поведёшь мимо вахтёрши?! Ведь со стыда сгоришь! От этой внезапно кольнувшей мысли Викторию даже в жар бросило. Она задыхнулась от обиды на свою неустроенную жизнь, из-за которой не может по-человечески принять гостя. На какое-то время отчаялась, а потом подумала: «Обойдётся без приглашения! Приглашение-то заслужить надо! А что он сделал особенного? Когда-то вильнул хвостом и был таков! А теперь любовь вспомнил! Как мило!»

Она неожиданно быстро охладела к предстоящей встрече, а когда после полудня позвонил Ремизов — говорила без вчерашнего придыхания.

— Увидимся? — сразу спросил Евгений.

— Можно... — всё-таки согласилась, но не особенно уверенно.

— Где?

— Например, на 1-й Рязани... У входа на вокзал... Когда тебя ждать?

— Буду через час, я на машине. Увидишь юношу в красной рубашке и синих джинсах, значит, это я... А тебя как узнать?

— Сама подойду... — не стала она ничего объяснять, решив, что дальше привокзальной площади и шага не ступит.

Обычно в город Виктория выбиралась с тросточкой, особенно зимой, когда скользко, но сегодня, собравшись на свидание, отказалась от неё. Зато зачем-то взяла хозяйственную сумку. Вышла пораньше, чтобы понаблюдать, как Ремизов подъедет. Любопытно посмотреть на него сперва издали, сравнить теперешнего с тем, которого знала когда-то, а потом подойти, улыбнуться и сказать: «Ну, здравствуй, Ремизов Женя! Вот ты каким стал!» Она остановилась во дворе рядом с вокзалом, села на скамеечке. Со стороны и не догадаешься, что эта полноватая женщина в просторном сиреневом платье и с неровно покрашенными губами пришла на свидание.

Наблюдая за площадью, Виктория вскоре увидела высокого, с залысинами мужчину в красной тенниске и синих джинсах, выбравшегося из тёмно-зелёной иномарки, и поняла, что это и есть Ремизов. К тому же он был с цветами, что подтверждало её догадку. Надо было сразу подойти, но

чувства в этот момент смешались, перескакивая от воспоминаний к сегодняшнему дню, к самому Ремизову, нетерпеливо прохаживавшемуся перед входом... Вот он достал телефон и позвонил, пытаясь, видимо, узнать, где она, а Виктория, спохватившись, вспомнила, что свой телефон забыла. Она тотчас поднялась, чтобы более не заставлять себя ждать, но через несколько шагов, показавшихся необычно неуклюжими (именно из-за своей неуклюжести не поехала на встречу с одноклассниками), почувствовала, как от волнения заколотилось сердце... Нет, в таком состоянии она не могла идти, не могла говорить с Женей — не знала, о чём надо говорить. И почему-то сделалось нестерпимо стыдно за утиную походку, к которой сама привыкла, но которой сейчас ошарашит Ремизова. Ведь он ехал на встречу с юной и нежной Викой, какую помнил со школьных лет, а увидит перед собой расплывшуюся хромоногую тётку. И какое у него после этого будет настроение, какое потом впечатление увезёт с собой?! Ведь будет ругать себя и проклинать её за то, что осмелилась показаться в таком убогом виде! Зачем всё это? Чтобы потом всю оставшуюся жизнь сниться ему в страшных снах?!

Она вернулась, осторожно уселась на скамеечку и, закрывшись сумкой, тихо заплакала. Рядом гудели электровозы, надоедливо зазывали пассажиров таксисты, шаркали прохожие. Некоторые предлагали помощь, но она лишь вздыхала и мотала головой. Сколько так томилась — не помнила. А когда более или менее успокоилась, то вытерла платочком слёзы, невольно посмотрела на вокзал и не увидела на ступеньках мужчину в красной рубашке... И, как ни странно, ей стало легче, словно успела спастись от смерти. А обида? На кого обижаться? На судьбу, что ли? Но её не переделаешь, не развернёшь вспять, как бы ни хотелось. Да и поздно поворачивать...

Виктория кое-как доплелась до общежития, молча прошла мимо вахтёрши, о чём-то спросившей. Но Виктория не поняла, о чём именно. И, держась за перила, тяжело поднялась на второй этаж, а в комнате упала на кровать. Здесь уж дала волю слезам.

Несколько раз металлически дребезжал на столе телефон. Она знала, что это Ремизов, но трубку не брала — не было сил говорить с ним. Под вечер, когда он, видимо, вернулся к жене, сигналы прекратились. Правда, Евгений звонил в другие дни. Виктория хватала трубку, думая, что это сын, но, услышав голос Ремизова, отключала телефон, даже не пытаясь хоть что-то объяснить.

И он всё понял и не стал больше навязываться, всё-таки печалась от несостоявшейся встречи и сожалел о том, что и Вику напрасно взбаламутил, и сам обжётся, желая вернуть то, что, наверное, вернуть невозможно. Да, похоже, и нечего было возвращать, если школьная привязанность окончательно зарубцевалась, не успев перерасти в нестерпимое обоюдное чувство, способное заслонить все препятствия.

Какое-то время о поездке в Пронск ему напоминали лишь яблоки, которые возил с собой. Но вскоре они сморщились, усохли, как мало-помалу усохли и его воспоминания. Ремизов, наверное, навсегда забыл бы пустые переживания. Но через неделю вернулся и неожиданно, словно весенний ветер, разволновал давний вкус терентьевок, сохранившийся с юности и совсем, оказывается, не изменившийся за все эти годы. Такие, казалось, долгие, но истекшие одним днём.

Сергей Владимирович Калабухин родился в Коломне в 1958 году. Окончил восьмилетнюю школу № 5, потом экспериментальный класс школы № 9, затем — факультет АСУМИСИ им. В.В. Куйбышева. Инженер-электромеханик. Работает на Коломенском тепловозостроительном заводе.

Верный сторонник дефицитного ныне жанра научной фантастики. Наряду с фантастикой пишет реалистические рассказы и яркие публицистические статьи. Его произведения печатались в коломенских и ярославских газетах. В 2008 году вышла книжка избранных произведений «Лабиринт чувств».

В 2010 году создал в сети Интернет сайт «Коломенская библиотека», на котором публикуются в основном произведения коломенских авторов и классиков мировой литературы, а также выкладываются электронные версии «Коломенского альманаха».

Живёт в Коломне.

РАССКАЗ

И ПОПУСТИЛ ГОСПОДЬ...

Злой, как собака, я ввалился в духоту бревенчатого поселкового магазина. В этот послеобеденный час в нём почти никого не оказалось, только молоденькая продавщица доставала из ящика бутылки с водкой и заполняла ими пустые полки, да у прилавка маялся какой-то маленький, похожий на бомжа мужичонка.

— Где у вас тут дом 48-В? — рявкнул я с порога.

Очередная бутылка выскользнула у девушки из рук, и запах разлитой водки моментально заглушил все остальные.

— Ты что, мужик, очумел? — повернулся ко мне покупатель. — Рази ж можно в такой момент под руку говорить?

— Извините! — раздражённо буркнул я застывшей продавщице. — Я заплачу за разбитую бутылку, только ответьте на мой вопрос.

Та молча взяла веник и начала заметать осколки.

— Понятно, — процедил я. — Посёлок сплошных партизан! Вот только я не из гестапо, а вы не на допросе.

Я повернулся к жадно приносившемуся местному аборигену.

— Может, вы проводите меня к этому дому? Пузырь за мной.

— Серый, ты? — неожиданно заулыбался тот. Его зубы напоминали остатки полуразрушенного гнилого забора, окружавшего покосившуюся голубятню рядом с поселковым магазином. — Вот так встреча! Это ж я, Толян. Мы с тобой в детстве в одном доме жили, на Ленина, помнишь? Только я в первом подъезде, а ты в четвёртом.

— Толян? Извините, что-то не припомню. Я жил когда-то на улице Ленина. Но...

— Клава, дай-ка нам пару «Кристалла». Ща мы с тобой, Серёга, раздавим эти пузырьки, и ты всё вспомнишь.

Я полез за портмоне, но Толян возмущённо отмахнулся и, достав несколько смятых бумажек из кармана драных джинсов, бросил их на прилавок. Продащица с непонятной мне ненавистью сунула моему неожиданному знакомцу две бутылки водки, как-то брезгливо, даже с отвращением, взяла деньги и положила в кассу. На меня она старалась не смотреть.

В дом Толян меня не пригласил. Мы устроились в саду, за старым железным столиком под цветущей яблоней. Смахнув рукавом грязной водолазки хлопья облупившейся краски и прочий мусор, Толян расстелил газету, придавил её по краям консервами и банками с соленьями, сноровисто нарезал крупными кусками хлеб.

— Ну что, за встречу? — Наконец он перестал суетиться.

— За встречу, — согласился я, хотя так и не смог его вспомнить.

— Двадцать лет прошло, — захрустел огурцом Толян. — И я бы тебя не узнал, если б...

Он не договорил и начал разливать по второй.

— Слушай, Толян, что за народ тут у вас в посёлке живёт? Поверишь, кого ни спрошу, где этот чёртов дом, никто не отвечает! Шарахаются, как от чумного. А номеров на домах нет. Ты-то хоть покажешь?

— Это ты верно сказал: чёртов дом. Зачем он тебе?

— Да вот, жена прочла объявление в газете. Хозяева предлагают продать или обменять на квартиру в городе. А ей уж очень хочется огород завести, живность всякую. Мне этого не понять, я в городе вырос, а она — деревенская. В деревню я бы ни за что не поехал, а сюда, в посёлок, можно.

— Моя тоже деревенская была, — загрустил вдруг Толян. — Это её дом. Сам помнишь, как трудно было тогда с жильём. Вот я и попал сюда, в примачи. Да особо и не сопротивлялся. Мне с Любашей моей и в шалаше был бы рай. Теперь один вот кукую. Давай за наших жён!

Мы выпили. Я не стал расспрашивать Толяна, что стало с его Любашей. По всему видно, что он давно уже живёт один. Огород зарос сорняками, никакой живности во дворе не видать, одет Толян, как бездомный, давно не брит и не мыт. И дом выглядит таким же неухоженным и пустым, как хозяин. И даже крыша так же криво накрывает почерневшие брёвна, как засаленная кепка голову Толяна.

— Далеко отсюда номер 48-В?

— Рядом, — хмуро ответил Толян, яростно взрезывая тупым ножом какую-то рыбную консерву. — Только тебе там искать нечего.

— Почему это?

— Потому. Скажи своей жене, что дом тот давно продан. Это когда-то здесь было село — Протопопово называлось. А теперь город вокруг, трамвай ходит, и мы сейчас — посёлок имени Кирова, да и то только по названию, а по факту — городской район. Олигархи как обезумели. Скупают дома и участки, дворцы строят, газ с электричеством провели, телефонный кабель тянут. Ко мне вон тоже регулярно подкатывают,

гады! То золотые горы сулят, то утопить пьяного в колодце грозят или сжечь в доме — всё одно, говорят, твою развалюху сносить!

Толян слил остатки водки в свой стакан и быстро выпил.

— Ты сюда, Серёга, больше не приезжай. И жене своей втолкуй: пусть ищет дом где угодно, только не в нашем посёлке. А лучше оставайтесь в своей квартире.

Толян проводил меня до трамвайной остановки.

— Прощай, Серёга. Так и не вспомнил меня? Ладно, я не обижаюсь. А школу нашу спортивную помнишь?

* * *

— Тяни носок! — громкий шлепок, и я чуть не падаю с турника от жгучей боли. Сквозь выступившие слёзы вижу, как тренер, идя по залу, щедро раздаёт шлепки и ругательства. Почему он был так груб и жесток с нами, мальчишками и девчонками, пришедшими к нему учиться спортивной гимнастике? Натура у него была такая или просто срывал на отданных в его власть безответных детях своё дурное настроение? К тому же хорошего настроения у этого человека никогда не было. Вымещал на нас обиду за собственную неудавшуюся спортивную судьбу? Или неудачи в личной жизни? А может, это был общепринятый тогда метод, стандарт спортивного воспитания молодёжи? В западных боевиках мастер-азиат часто бьёт своего ученика бамбуковой палкой, когда тот что-то неправильно делает. Но этот ученик — уже здоровый мужик, пытающийся стать «круче» своего «близнеца-злодея», а не десятилетний ребёнок. Неужели жестокость и побои — метод воспитания спортсмена?

Через несколько лет, уже будучи студентом института и посещая занятия по гимнастике, а затем по тяжёлой атлетике, я ни разу не видел, чтобы тренеры кого-нибудь били, оскорбляли или даже просто повышали голос. Но было уже поздно: между детской спортивной школой и институтом пролегли годы без спорта, определившие мою судьбу. Спорт перестал меня привлекать. И не только грубиян-тренер был тому причиной.

Наша детская спортивная школа занимала здание церкви Петра и Павла на старом купеческом кладбище. Кроссы мы бегали вдоль красивой кирпичной стены, порой прыгая через могилы. Отдыхали, сидя на поваленных мраморных надгробиях, рассматривая непривычные надписи с ятями и фитами о «рабах Божиих». Могилы нас не пугали.

Несмотря на грубость и побои тренера, я продолжал ходить в спортшколу. Но город рос, и старое купеческое кладбище неожиданно оказалось в его новом «центре», причём власти именно здесь решили построить здание горсовета. Партийное и городское начальство не желало наблюдать из окон своих кабинетов кладбище явных врагов советской власти: купцов и именитых горожан дореволюционного периода. Было решено кладбище «перенести» и создать на этом месте мемориальный парк с аллеей героев, скульптурой Родины-матери и «вечным огнём». Мраморные надгробия были снесены, «лишние» вековые деревья спилены. Экскаватор рыл огромный котлован под мемориал. Рабочие несли

жёнам найденные в могилах старинные монеты, кольца и перстни, а пацаны тащили в свои дворы черепа и кости. Несколько дней на крышах многих домов щёлкали на ветру челюстями надетые на телевизионные антенны черепа, вызывая восторг у дворовых банд. Мы, дети, не понимали всего ужаса происходящего. Взрослые молчали, но кто-то всё же лазил по ночам на крыши и снимал черепа. А днём пацаны приносили со «стройки» новые и насаживали на антенны.

Спортивная школа в кладбищенской церкви Петра и Павла была ликвидирована, и вместо неё там создали музей боевой славы. Через несколько дней я принёс туда ордена и медали деда, но директор отказался их принять, так как я не мог ничего рассказать о военных подвигах, за которые были вручены эти награды. Дед никогда не рассказывал мне о войне. И в этом музее для его орденов и медалей не нашлось места. С тех пор я в него никогда больше не ходил. А награды деда висят у меня дома на стене, на самом видном месте.

* * *

— Серый, ты? Опять?

— Привет, Толян. Вот приехал. Ты ведь меня обманул в прошлый раз. Дом-то, 48-В, до сих пор не продан. Жена опять объявление в газете прочла.

— Что ж, видно, не зря судьба нас с тобой опять свела. Не ходи ты туда! Я ж тебе говорил: ищите себе дом где угодно, только не в нашем посёлке.

— Да почему?

— Посмотри на меня. — Толян снял кепку. По его совершенно лысой голове змеились страшные шрамы. — Видишь, что со мной тут стало? А Любаша моя, дети наши — вообще сгинули! И не только они. Думаешь, почему тебе никто дорогу к тому дому не показывает? Не задумывался, почему этот проклятый дом никак постоянного хозяина найти не может? Почему за дом с огромным участком практически в черте города, а не где-то за пятьдесят километров в захолустной деревушке, просят так мало?

— Чего ты меня пугаешь? Чем? А что мало просят и обменять на квартиру согласны, так в газете прямо написано: дом требует ремонта. Вот я и хочу посмотреть, в каком он состоянии, что за участок. Чего ты так возбудился-то, Толян?

— Да, мотыльки летят на свечу и сгорают... Пойдём, Серёга, возьмём у Клавы пару пузырей, закусь какую-нибудь. Я расскажу тебе всё, что знаю и помню про тот дом. А там решишь, захочешь ли ты его смотреть...

На этот раз мы сидели внутри. Небо с утра хмурилось, и теперь по железной крыше гулко хлестал дождь. Электричества в доме не было, окна почему-то наглухо прикрывали ставни, и мы беседовали в жёлтом круге света допотопной керосиновой лампы.

— Ну что, так и не вспомнил меня?

— Извини, Толян. Дом на Ленина помню, школу спортивную тоже...

— Ладно, не ломай голову. Щас раздавим первую, я тебе такой «маячок» зажгу...

Пока хозяин готовил стол, я малость осмотрелся. В зыбком свете керосиновой лампы многолетняя грязь, пропитавшая некогда пёстрые домотканые дорожки половичков, смотрелась каким-то абстрактным узором. Печь зияла открытым «ртом», полным слежавшейся золы и какого-то мусора. Её когда-то белые бока покрывали серые разводы пыли, паутины и отпечатки ладоней, по-видимому, пьяного хозяина и его гостей. За печкой виднелась широкая двуспальная кровать, от которой воняло несвежим бельём.

— Давай откроем окошко? — предложил я. — Тут у тебя явно не хватает озона.

— Нельзя. У меня ставни забиты намертво гвоздями. Потерпи, скоро привыкнешь. А дождь кончится — тогда, если захочешь, в сад переберёмся, под яблоню.

— Ну рассказывай, — закусив первую, попросил я. — Давай свои «маячки».

— Торопись? Школу спортивную, говоришь, вспомнил? А помнишь, почему ты перестал в неё ходить?

— Так ведь закрыли её! Кладбище снесли, мемориальный парк там нынче.

— Да, понятно теперь, почему ты меня никак вспомнить не можешь. Я догадывался, потому и не обижаюсь. Наливай! Ух, хороша, зараза! Повезло: не подделка попалась. Настоящая, «кристалловская».

Так вот, Серёга, школу нашу спортивную тогда вовсе не закрыли, а перевели в другое место. Но ты в новое помещение ни разу не пришёл. Заболел ты сильно, после того как на наших глазах склеп вскрыли. Помнишь?

* * *

На кладбище было несколько склепов. Этот стоял в стороне от других, прилепившись к кирпичной ограде, и даже простых могил рядом с ним почему-то не было, хотя в иных местах холмики теснились чуть ли не вплотную. В отличие от прочих склепов и надгробий, на этом не было привычных нам надписей: «Здесь лежит раб Божий...» или «Покойся с миром...». Только имя и фамилия. Мы совершенно спокойно лазали в другие склепы. Железные двери и решётки с них давно уже были сняты и сданы пионерами на металлолом. У этого склепа дверь висела, хоть замок и был давно сорван. Никто из нас почему-то не мог заставить себя открыть эту ржавую дверь и войти внутрь. У любого смельчака, пойманного на «слабо», в последний момент отказывали ноги, сердце сжималось от непонятного ужаса, а тело покрывалось мурашками. Кроме того, мы откуда-то точно знали, что внутри всегда полно змей, хотя никогда их не видели вползающими туда или выползающими оттуда. Каких только ужасов ни рассказывали мы друг другу о «вампире из склепа», отдыхая между крессами на поваленных надгробьях. Поэтому, когда кладбище начали «переносить» и бульдозер зарычал рядом с загадочной постройкой, вся наша школа, включая мрачного тренера, бросив занятия, сгрудилась поблизости.

Надо сказать, что власти не все могилы пустили под бульдозер и экскаватор. У многих захороненных на старом кладбище нашлись живые род-

ственники, которым «было оказано содействие» в перезахоронении покойников на новом кладбище. Нашлись такие родственники и у «вампира».

Склеп действительно оказался заполнен змеями, и бульдозерист сначала плеснул внутрь ведро солярки и бросил горящую тряпку. Когда с гадюками было покончено, солнце уже стояло в зените. Но главное препятствие ждало рабочих впереди. Крышка большого саркофага оказалась примурована раствором. Открыть гроб было невозможно, а разбить не позволяла теснота помещения. Выволочь саркофаг наружу не давала узкая дверь. Казалось, склеп был построен уже вокруг захоронения. Были остановлены работы по разрушению «лишних частей кладбищенской ограды», и стенобитная машина начала крушить склеп.

День клонился к закату, первую смену рабочих сменила вторая, набежали тучи, и вскоре заморосил мелкий противный дождь. Но толпа зрителей не расходилась. Наоборот, она увеличилась за счёт пришедших с работы женщин и присланных властями города милиционеров. Наконец матерящиеся рабочие разгребли обломки с огромным трудом разрушенного склепа и начали долбить кувалдами крышку саркофага. Толпа, сминая жидкую цепочку милиционеров, придвинулась поближе, оттеснив нас назад, и мы полезли на уцелевшие кладбищенские деревья, чтобы не пропустить ни одной подробности. Бульдозер и экскаватор давно утихи. Люди стояли молча. Шелест дождя не мог заглушить грохот кувалд. Ветви дерева были скользкие, мокрые листья противно липли к лицу и рукам. Мы с Толяном успели занять самые лучшие места и теперь сидели, как в театре, разве что тряслись от сырости и нетерпения. Саркофаг был прямо под нами.

И вот наконец крышка разбита и удалена вместе с гнилыми остатками гроба. Народ ахнул, увидев вместо скелета сморщенную мумию, к тому же лежащую на животе!

— Ироды! — заахали женщины. — Живьём бедолагу похоронили.

Хмурые родственники, скользя в мокрой жиже земли и мусора, расквашенной техникой и сапогами рабочих, кинулись переносить мумию в приготовленный гроб. Крик ужаса чуть не сбросил нас с дерева. Голова мумии осталась лежать в саркофаге. Она оказалась отрублена! В рот был вбит деревянный кол.

— Упырь! — завизжали в отхлынувшей толпе.

Передние ломились назад, задние напирали вперёд, желая своими глазами рассмотреть происходящее. Мне показалось, что труп открыл глаза. Судорожно всхлипнул рядом со мной Толян. Жёлтые глаза со змеиным вертикальным зрачком уставились прямо на меня.

— Ведьмак! — истошно заголосила какая-то женщина, и я тяжело рухнул с дерева в темноту беспомыслия...

* * *

— Ведьмак... — прошептал я.

— Вспомнил наконец, — довольно ухмыльнулся Толян и разлил по новой.

— Вспомнил. Мы с тобой на одной ветке сидели...

— Да, знатно ты тогда шмякнулся!

— Но почему же ты мне потом ни разу не встречался?

— Ты, Серёга, тогда несколько дней в больнице без сознания пролежал, потом болел долго, а когда выздоровел, твои родители уже с нашего двора переехали куда-то.

— Точно! Я ж после Ленина на Советской жил. Новый двор, новая компания, новая школа. И вместо спортивной меня, помню, в музыкальную записали. Надо же, сколько лет не вспоминал этот отрезок своего детства. Серьёзно, видать, доктора надо мной поколдовали!

— Это, Серёга, не доктора колдовали. Это он.

— Кто?

— Да ведьмак же!

— Погоди, Толян, ты о чём?

— О том. Я ж об этом тебе с самого начала толкую, а ты никак не поймёшь! Здесь он, в том самом сорок восьмом дому обитает, который «В».

— Ты что, очумел? Или водяры перепил? Он же труп давно.

— Был труп. А теперь живее всех живых. Давай ещё по одной. Ты хоть знаешь, кто такие ведьмаки?

— Ну, читал, в кино видел. Бьются с чудовищами, защищают людей...

— Читал он, кино смотрел... — процедил Толян. — Не то читал, Серый, и не то смотрел. Ведьмаки, как и ведьмы, говорят, бывают добрыми. Но это редкость, как те белые вороны. Настоящая сущность ведьмака — зло! А добрые, наверно, только в твоих книжках бывают или в сказках. Эти твари — настоящие оборотни. Могут превращаться в кого угодно. Я даже не представляю, каков их настоящий облик. Может, они и не люди вообще, а какие-нибудь драконы или ещё кто. Все ведьмы подчиняются ведьмаку, потому что он гораздо сильнее любой из них. Ведьмак может дунуть человеку в рот, и у того выпадут все зубы, посмотреть в глаза таким взглядом, что человек тотчас заболит и умрёт. Ты вот выжил. Видать, у мумии не те силы, что у живого и здорового ведьмака.

— И ты говоришь, он здесь?

— Здесь. Крематория у нас нет, а жечь мумию на костре родственники побоялись. Властей побоялись, идиоты, не ведьмака! Привезли мумию сюда, в посёлок, и похоронили на местном кладбище.

А через несколько лет, когда гроб прогнил и на мумию стала лить после дождей земляная жижа, эта тварь ожила, набралась сил и выбралась из могилы. И голова у неё приросла на место!

Вот тогда-то и объявился в здешнем доме 48-В благообразный старичок, Кузьма Кузьмич. Говори что хошь, Серёга, а я так думаю, что это он, тот мертвец, ожил и начал пожирать местных жителей. А те молчат! Страх не даёт им бежать отсюда, а тем более рассказать кому-нибудь вне посёлка о чудовище. Да и кто им поверит? Они и между собой-то никогда не говорят об этой нечисти. Есть такое поверье, Серый, что над тем селом, где жители церковь сломали, какое-то проклятие повисает. Нельзя ведь из храма ничего тащить. А местные до войны не только на попов доносили — они и саму церковь разграбили, растащили всё добро на свои нужды. Одни стены ободранные остались! И теперича все думают, что те злодеяния им аукнулись...

Когда я сюда переехал, ведьмак сожрал уже всех родных моей Любаши. А она мне об этом ни слова! Прямо гипноз какой-то. Я спрашиваю, где твои родители, она мне в ответ, мол, уехали к родичам погостить. Недели проходят, месяцы — от них ни одного письма! А Любаша и не волнуется. Я удивляюсь, а она говорит: «Радуйся, что никто в нашу жизнь не лезет. Разве плохо нам вдвоём?»

Годы прошли, детишки у нас народились, близнецы — Саша и Маша. Как стали бегать по посёлку, так он их и пожрал! Тогда только мне Любаша всю правду и открыла.

Я — в милицию. Участковый у нас из местных был, Пашка Лось. Здоровенный детина, под два метра ростом. Очень волейбол любил. Каждый день с компанией мячиком перебрасывался. А бумаги заполнять для него сущей мукой было. Так он, ежели кто хулиганил, со всей своей волейбольной кодлой приходил и так нарушителя отделывал, что тот потом несколько дней пластом лежал. Зато начальство Пашку уважало. Наш посёлок по всем показателям в передовые вышел, а Пашку у нас забрали — на повышение пошёл.

Ну вот, пришёл, значит, участковый к нам, а дети во дворе играют! Пригрозил мне Пашка морду набить за такие шуточки и пошёл дальше мячик через сетку перекидывать, а вместо детей передо мной уже ведьмак стоит и зенки свои змеиные щурит. «Жди, — говорит, — как только твоих детёнышей переварю, за женой твоей приду». А я стою как каменный. Хочу бежать, ноги не слушаются. Язык примёрз — слова в ответ сказать не могу. Целый час так простоял, как статуя. Уговорил Любашу бежать, но как только за посёлок выйдем, ноги сами назад нас несут. И так тут со всеми! Сколько народу в посёлке ведьмак пожрал, никто не ведаёт. Ежели кто пропадает, родственники говорят, мол, уехал то ли на заработки, то ли к дальним родственникам. К властям никто и не суется. Так и живём.

— Погоди, Толян, а как же ты-то?

— Я-то? Меня он наказать решил. Я ведь, когда он за Любашей пришёл, стрелял в него. Не сам, конечно. Забил намертво ставни, снарядил самострел. Как ведьмак дверь открыл, так заряд картечи ему в брюхо и влепило. А мы-то сами, с Любашей, как парализованные сидели. После выстрела паралич с нас спал. Он когда боль чувствует, контроль над жертвой теряет.

Стала Любаша заговор против него читать, который у местной знахарки взяла, а я на нас и на него святой водой брызгать. Бежать-то бесполезно: дальше околицы не уйдём. Вот и хватались за соломинку, хоть оба тогда неверующими были и даже когда-то в комсомоле состояли.

Только, Серёга, что ему эта картечь и заговоры? Поревел полчаса, а потом встал перед нами здоровёхонек, как ни в чём не бывало! Разозлился только жутко. «Глупые людишки! — шипит. — Я ходил по этим местам, когда даже птиц ещё не существовало. Динозавры служили мне миллионы лет. Я учил ваших волосатых предков добывать огонь. Тысячи лет я был их богом. Они называли меня Велесом и приносили мне жертвы. Когда ваши предки стали жечь идолов и вырубать священные деревья, я ушёл отсюда в места, где меня стали звать Драконом. Я был богом, вои-

ном, учёным, царём! Мне известны все ваши жалкие желания и уловки. Вы всегда были и останетесь только моими игрушками, пищей для ума и тела».

Тут он стал на наших глазах меняться! В какого-то змея превратился. Прямо дракон или огромный крокодил со змеиной головой. И стал на моих глазах Любашу живьём жрать. А я опять стою, как статуя, и даже глаза зажмурить не могу! Натянулся на Любашу, как перчатка на руку, а потом и меня начал заглатывать. Я хоть ничем двинуть не мог, но всё чувствовал! Как только коснулся его поганый язык моей головы, потекла драконья слюна, меня как огнём обожгло! Видать, кислота у него вместо слюны. Слава Богу, в глаза не попало. Только волосы начисто сгорели да вот шрамы остались. Теперь и летом на улице без кепки не выхожу.

— Как же ты выжил?

— Передумал он. «Я сейчас сыт. — говорит. — Живи пока, но помни: с этого момента ты — мой раб. Будешь приводить мне раз в месяц жертву вместо себя. Лучше не из местных. Приведёшь — значит, ещё себе месяц жизни купил, не приведёшь — я тебя сожру, но не сразу, а по частям, и начну не с головы». Вот почему, Серёга, ты меня у трамвайной остановки-то встретил...

— Значит, Толян, ты меня?..

— Да ты что, Серый?! Я ж тебя с самого начала отговаривал. Пусть я — гад распоследний, но уж тебя-то я ему не сдам. Бомжей у вас в городе пока хватает, а тут ещё и всякие гастарбайтеры, беженцы с Кавказа и прочих азиатских республик появились. Да не смотри ты на меня так! Жить, Серёга, всем хочется, а своя рубашка всё же ближе к телу.

Мы выпили очередную. Толян хрустел огурцом, а у меня неожиданно разболелась голова. Перед глазами дрожало какое-то марево.

— Слушай, Толян, если ведьмак — не человек, то откуда взялись «родственники»?

— А ты подумай: ведьмак же оборотень! Ему жить где-то надо. Какого-нибудь купчишку сожрал, а сам под его видом в городе поселился. Но, видать, эту тварь всё же распознали, раз уж в таком виде похоронили. Кто правду знал, мог в Гражданскую или Отечественную сгинуть. А современные «родственники» ни в Бога, ни в чёрта не верили. Парткома больше любой нечисти боялись...

Неожиданно скрипнула дверь, и в горницу вошёл милиционер.

— Так, Трусов, опять у тебя пьянка. Ваши документы, гражданин.

— Это не то... — засуетился вдруг Толян. — Друга я встретил. Двадцать лет не видались. Мы уже заканчиваем. Щас я его на трамвай провожу...

— Какой трамвай? Твой гость на ногах не держится. В вытрезвитель захотели?

— Я в порядке, лейтенант, — прохрипел я, с ужасом чувствуя, что ноги меня в самом деле не держат. — А из документов у меня только пропуск на завод.

— Покажите. У нас сейчас кампания идёт по проверке паспортного режима. Так что ходить по городу без документов я не советую. Тем более распивать спиртные напитки с лицами вроде Трусова. Пропуск я по-

ка забираю. И не возражайте! Переночуете здесь, а утречком явитесь ко мне. Дорогу вам любой укажет. Да вот хоть и Трусов проводит.

— Послушайте, лейтенант...

— Это вы меня послушайте, гражданин! Или ночуете здесь и утром являетесь ко мне для установления вашей личности, или я немедленно доставляю в вытрезвитель, а утром мы опять же займёмся установлением вашей личности. Решайте.

Я молчал, хотя внутри меня всё клокотало. Надо же так влипнуть! И что я скажу завтра жене?

— Вот и ладненько, — улыбнулся участковый, пряча мой пропуск в карман кителя. — И не шумите здесь. Ночь уже на дворе.

Когда за участковым закрылась дверь, я в ярости пнул под столом пустую бутылку.

— Вот чёрт! Откуда он взялся? Когда надо, их не найдёшь, а тут сам заявился.

— Серый, тебе нужно срочно делать ноги! — Толян метнулся к двери. — Запер! Теперь нам точно хана!

— Как это запер? — Я что есть сил рванул дверь на себя и чуть не рухнул. Толян вовремя меня подхватил. Отбросив оторвавшуюся ручку, я вновь кинулся к двери. — Да что этот участковый себе позволяет?

— Ты что, Серый, совсем очумел? Какой там «участковый»? Это ж он был, ведьмак! Я ему сегодня должен был бомжа привести...

— Ведьмак? — Я всё не мог заставить себя поверить в реальность происходящего. — Чего ж ты молчал?

— У тебя ноги отнялись, а мне он язык заморозил. Ладно, видать, судьба, — обречённо махнул рукой Толян. — Давай баррикаду делать. Он небось сейчас тобой оборотился. Пойдёт через посёлок, потом в трамвае с кем-нибудь свару затеет, чтоб свидетели были, что ты из посёлка ушёл. Думаю, час у нас есть.

Мы с трудом придвинули к двери старинный деревянный сервант, не обращая внимания на бьющуюся внутри посуду.

— Тут ему не войти, — удовлетворённо пропыхтел Толян. — Окна тоже забиты. Печь!

Он стал пихать оставшиеся с зимы поленья, пока не забил печной зев под завязку.

— Тут ему теперь тоже не пролезть. Авось продержимся до утра. Днём, на виду у всех, он нас штурмовать не будет. Его время — ночь. Давай, Серёга, устраиваться. Хошь — на кровати, а хошь — на печи.

Я, конечно, выбрал печь. Тряпье, что лежало там, тоже было далеко не первой свежести, но всё же не такое зловонное, как на кровати. Толян не раздеваясь плюхнулся в свою постель и задвинул замызганную занавеску. Как ни странно, мы с ним быстро уснули. Я погрузился в какую-то мутную дрёму, сквозь которую явственно прорывался пьяный храп Толяна.

Неожиданно дверь громко стукнула в стенку серванта. Я попытался скинуть с себя путы сковавшей меня дрёмы, но не смог. Толян встал.

— Толик, открой, это я, — послышалось из-за двери.

Толян всхлипнул. Дверь вновь несколько раз стукнула о придвинутый сервант.

— Толик, ну что же ты? Я соскучилась.
— Любаша, это ты?!

— А кто же ещё, дурной? Открывай скорее! На улице дождь, я вся промокла и замёрзла.

Толян бросился к двери и пыхтя отодвинул сервант.

— Чего это ты вдруг закрылся, дурачок?

Я лежал, не в силах даже открыть глаза. Язык тоже не повиновался, но слух мне не отказал.

Борясь с ужасом и отвращением, я слышал, как Толян с Любашей кинулись на койку. Их возня вызвала у меня тошноту. Я боялся, что меня вырвет и я захлебнусь собственной рвотой, и потому прилагал все силы, чтобы скинуть с себя оцепенение. Но мои усилия были напрасны. Обливаясь потом, я затих, решив немного отдохнуть, накопить силы и попытаться ещё раз. Заткнуть уши я не мог, и потому вскоре холод ужаса покрыл мурашками неподвластное мне тело. Через час возня на койке затихла и начался диалог, который я никогда не забуду. Ведьмак играл со своей жертвой, как кошка с мышью. Он давал Толяну иллюзию счастья обладания любимой женщиной, а потом взамен требовал награду — меня! Толян сопротивлялся как мог, но силы были явно не равны. Наконец, наигравшись, ведьмак встал с кровати. К печи подошла уже не женская, а мужская фигура.

— Гражданин, вставайте! — Цепи с меня спали, и я увидел перед собой давешнего участкового.

— Уже утро? — деланно зевая, слез я с печи.

Видимо, столкновение с ведьмаком в детстве дало мне какой-то небольшой иммунитет к его чарам, и эта тварь не подозревала, что я не спал, всё слышал и теперь точно знал, кто стоит передо мной.

— Нет. Но неожиданно выяснилось, что у меня утром будут другие дела. К тому же вчера у нас распространили инструкцию: по возможности доставлять пьяных и граждан без документов по домам и там, на месте, устанавливая их личности. Потому как спецучреждения сильно переполнены. Так что собирайтесь, поедем сейчас. Только сначала зайдём по одному адресу, тут рядом — дом 48-В, заберём ещё одного без документов. Машина придёт туда.

— Хорошо, только верните мне мой пропуск.

— Пропуск? Зачем он вам сейчас? Вот приедем к вам, тогда и получите. Впрочем...

«Участковый» вынул из кармана пачку документов и в свете лампы стал искать среди них мой.

— Лучше сейчас, — сказал я, дрожащей рукой выливая остатки водки в стакан. — Вон у вас их сколько, чужих документов-то. Неровён час, и я свой на радостях забуду.

«Участковый» испытующе взглянул на меня через стол, и сквозь дрожащее марево вновь скрутившей меня головной боли я увидел на жёлтом фоне вертикальные щели зрачков. В ту же секунду я плеснул водку ему в лицо. Ведьмак заревел — жидкость попала ему в глаза. Схватив со стола лампу, я бросил её в голову чудовища. Живой факел заметался по комнате. Головная боль у меня тут же исчезла.

— Беги, Серёга! — заорал оживший Толян и выпихнул меня за дверь. — Ну-ка, посвети.

Я щёлкнул зажигалкой.

— Вот чем нас этот гад вчера запер, — пробормотал Толян, просовывая в ручку двери рукоятку швабры. — Серёга, там, под крыльцом, канистра с бензином лежит...

— Бежим, зачем тебе эта канистра?

— Ты беги, а мне с этой тварью поквитаться надо.

В комнате с грохотом рухнул сервант, и дверь задрожала под ударами ревушего ведьмака. Я сунул Толяну тяжёлую пластиковую канистру и поджёг вместо свечки веточку из распотрошённого им веника.

— Откуда у тебя бензин?

— А-а, от одного олигарха остался. Тоже приезжал дом смотреть...

Толян плеснул на дверь в горницу, на стены и, когда мы выскочили на крыльцо, бросил в сени горящую веточку. Сквозь вспыхнувшее пламя донёсся яростный рёв ведьмака, неожиданно перешедший в какое-то свистящее шипение. Толян побежал вокруг дома, щедро поливая из канистры стены и ставни.

Я подошёл к колодцу и бросил ведро вниз. То ли водка, то ли нервы, то ли всё вместе навалилось, но меня вдруг скрутила жажда. Появившийся из-за угла Толян вдруг закричал и упал. Я хотел кинуться к нему, но в ужасе застыл. В свете луны и звёзд трава шевелилась. Сотни, а может, и тысячи змей ползли к дому, из которого доносилось шипение ведьмака.

Толян с трудом встал.

— Серёга, лезь на колодец, — прохрипел он, отрывая от себя и отбрасывая извивающихся гадюк.

— А ты?

— Мне конец! Не думай обо мне.

Толян вылил остатки бензина на себя и вцепившихся в него змей. Трава исчезла под живым шипящим ковром.

— Прощай, Серёга! Прости за всё...

Толян, превратившийся в клубок змей, с трудом взобрался на крыльцо, распахнул дверь и упал в ревушее пламя...

— Прощай, Толян, — прошептал я, глядя на всё сильнее пылающий дом. Никто из соседей не спешил на тушение пожара. Не знаю, сколько я просидел на скользком бортике колодца. Когда ведьмак затих, змеикамикадзе, пытавшиеся живым морем затушить огонь, сразу утратили осмысленность своей атаки и быстро исчезли. Трава после них так и не поднялась. С трудом разжав затёкшие руки, мёртвой хваткой вцепившиеся в колодезную цепь, я спустился на землю. Подняв фонтан искр, рухнула прогоревшая крыша. Я вышел за калитку и пошёл по тёмной улице, на которой не горел ни один фонарь и не светилось ни одно окно. Передо мной в зареве пожара шагала моя тень, похожая на силуэт осквернённой, лишённой креста церкви. Я не спешил и не пытался прятать лицо, хотя был уверен, что за мной наблюдают сотни глаз. Никто из жителей посёлка никогда не расскажет властям правду. А смогу ли я сам рассказать её хотя бы жене?

ТРИ СЕСТРЫ

Сергей Вацлавович Малицкий родился в Иркутской области в 1962 году. С 1983 года живёт в Коломне.

В 2000 году вышла первая книга рассказов «Легко».

Произведения печатались в журналах «Москва», «Полдень. XXI век», «Реальность фантастики», в сборниках рассказов издательств «Альфа-книга», «Амфора» и других.

В 2006–2009 годы в издательстве «Альфа-книга» вышли книги «Миссия для чужеземца», «Отсчёт теней», «Камешек в жерновах», «Муравьиный мёд», «Компрессия», «Арбан Саеш», «Оправа для бездны», «Печать льда».

Продолжает профессионально заниматься литературой.

СКАЗКА

В одном царстве-государстве, в затерянном среди лесов и рек провинциальном городке, на окраине затрапезного микрорайона, на третьем этаже панельной пятиэтажки, в обычной однокомнатной квартире жила-была женщина. И было у неё три дочери: старшая — Варвара-краса, чёрные глаза, длинная коса; средняя — Людмила-умница, умный побойтся, дурак не сунется; младшая — Ирка-дурилка, палец в рот не клади, до колен откусит. Любила их мать, души не чаяла. Баловала, а всё одно — к порядку приучала. Жизнь на них положила, здоровье подорвала, но жалости об этом не имела. Об одном у неё была жалость, что счастья дочерей увидеть ей не суждено будет. Так и сказала им, когда пора умирать ей пришла.

— Прощайте, дочки мои славные, милые и любимые. Простите меня, что растила вас, растила, как цветёте вы, оценила, а яблочка с ваших веточек попробовать не успею. Не попотчевать мне уже угощением знатным богатырей-зятьёв, не подержать на руках внуков и внучек, не порадоваться вместе с вами радостью вашей. Но перед смертью хочу одарить вас и дать один наказ. Об отце вашем я не скажу ничего, и вам не след его разыскивать, но для каждой из вас есть от него волшебный подарок.

С этими словами мать вручила Варваре зеркальце, Людмиле ключ, а Ирке носовой платок. Вдохнула и сказала:

— Хоть и кажутся вам эти подарки немудрящими безделушками, но в каждом из них есть смысл. Берегите их и не расставайтесь с ними. Ты, Варвара,

других сестёр краше, тебе недобрых людей, что на твою красоту покушаться готовы будут, опасаться надо. Зеркальце это их распознать и по-может. Оно только правду показывает. Прежде чем с человеком разговор разговаривать или ещё что затевать, посмотри на него через зеркальце, понаблюдай, и всё на свои места сразу встанет, потому как увидишь его таким, какой он есть.

Тебе, Людмила, ума своего бояться надо. С лица ты пригожа, хоть и не слепишь особенной красотой; но когда красота ум не застит, беда от ума случиться может. Как раз тот, кто умнее других, иногда не подумав и поступает. Вот для таких случаев тебе этот ключик. Как почувствуешь, что тебе выбор сделать надобно или когда чужая воля твою волю подчинять станет, коснись этого ключа и подумай: а готова ли ты отдать его, ежели точно будешь знать, что обратно уже не получишь? И стоит ли вставлять его в чужой замок, когда своего не знаешь?

Тебе, Иринка, носовой платок. Какое волшебство в нём, я не знаю, но верь мне, что волшебство в нём особенное. Так что ты живи да прислушивайся, может, и откроется тебе это волшебство, а через него и счастье. А ещё я хочу, дочки мои, — чего бы ни случилось, как бы жизнь с вами ни обошлась, — чтобы не забывали вы друг друга, а в этот день раз в три года приезжали сюда и мамку вашу добром поминали.

Сказала это и померла. Похоронили дочки мамку на городском кладбище, придавили её могилу серым камнем, поплакали, погоревали, однако делать нечего. Поделили они те небольшие денежки, что от мамки остались, собрали вещи, заперли за собой квартиру и отправились куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли, но пролетели первые три года как один день. И как мамка и завещала, собрались через три года дочки её вместе в маленькой однокомнатной квартире. Смахнули пыль, открыли окна, поставили чайник на газ, сели на маленькой кухне и стали друг другу о себе рассказывать.

Первой начала Варвара-краса, которая ещё красивее стала. Выложила она перед собой зеркальце и поведала сёстрам, что, как мамка им сказывала, так и случилось. Не единожды её это зеркальце выручало. Дошла она с этим зеркальцем аж до самой до столицы, устроилась на хорошую работу, сидит в светлых хоромах, на телефонные звонки отвечает да важные бумаги составляет. А вокруг всё вельможи да богатыри, купцы да дружинники князьи. И каждый норовит глаз на неё положить. Но только глаз у них добрый, когда она в глаза им смотрит. А когда через зеркальце — глаз злым становится. Только и сберегается она этим зеркальцем в тех хоромах.

Подхватила рассказ старшей сестры Людмила-умница. Выложила она перед собой ключ и рассказала, что привела её дорога в большой город, где в середине лета ночь как день: куда ни пойдёшь — всюду или река, или море плещется, а по ночам мостки через воду торчком встают. И в том чудесном городе устроилась она на хорошую работу: иноземных гостей встречает, в гостиных дворах размещает, по городу их водит, всякие местные диковинки показывает, сказки сказывает и рассказы о городе

на языке тех иноземцев говорит. И ключ ей в этой работе не единожды услуги выказывал. Не от одной глупости уберёг. А желающих на глупости много, но помнит она, что только ослабишь пальцы — ключ вырвут, а там ищи-свищи ветра в чистом поле. Только этим и сберегается.

Выложила перед собой на стол платок и Ирка-дурилка, и вот что сказала. Шла она, шла — то ли на запад, то ли на восток, то ли на закат, то ли на восход, — но далеко забрести у неё не получилось. Ноги сбила. Оглянулась по сторонам, платок достала, в пальцах помяла, к уху поднесла, носом потёрлась — ничего не обнаружила, не услышала, не почувствовала. Вспомнила про Людмилу-умницу, которая всех других умнее будет, да и на лицо пригожа, и заплакала. Куда ей, дурилке рыжей, у которой только одна наглость за душой и есть, мамкин наказ исполнить? Потянулась она за платком, чтобы слёзы вытереть, и тут ей мысль в голову пришла, что учиться ей надо, чтобы с Людмилой-умницей хоть на одну сотую сравняться. Оглянулась она по сторонам, увидела какое-то училище, где инженеров разных обучают, наглость свою подобрала да и записалась в студенты. И теперь обучение проходит.

Посмеялись над Иринкой сёстры, чай допили да и по сторонам своим разъехались.

Вот едва успел снег три раза страну ту засыпать, а потом стаять без остатка, как ещё три года минуло. Снова сёстры собрались в маленькой квартире: пол вымыли, комнату проветрили, чай вскипятили, сладости на стол высыпали и сели разговоры разговаривать.

Первой начала Варвара-краса, которая не только ещё красивее стала, но и приоделась в дорогую одежду, перстнями дорогими пальцы украсила да и на дорогой машине к дому подъехала. И сказала, что слушала она мамку, да, видно, плохо слышала. Не для того ей было, видно, зеркальце дадено, чтобы себя сберегать, а для того, чтобы людей насквозь видеть и собственную судьбу с их помощью выстраивать. И как только она это поняла, так сразу удача к ней лицом повернулась: деньги у неё появились в достатке, хоромы, в которых она работает, ещё просторней стали, а вельможи разные уже не только мимо её стола проходить стали, но именно её внимания добиваются.

За Варварой рассказ свой и Людмила-умница начала. И она сказала, что слушала мамку, да, видно, плохо слышала. Конечно, не в лад ключ свой встречному-поперечному отдавать, но пользу от этого ключа извлекать всё же надо было. И как только она это поняла, попробовала этим ключом нужные замочки открывать. И сразу после этого удача к ней лицом повернулась: деньги появились, и вот уже она не только иноземцев по городу не водит, но сама к иноземцам ездит, по их городам прогуливается и их диковинки рассматривает.

Вслушала своих сестёр Ирка-дурилка, вздохнула и сказала, что как училась она в училище своём на инженера, так и учится. А на курсе у них девчонок много, и одна другой краше. А она, Ирка-дурилка, со всей своей наглостью и упорством, пусть и не самая страшенькая, но и не красавица точно. Вспомнила она как-то при таких мыслях про Варвару-красу, потянулась за платком, чтобы слёзы вытереть, и тут ей в голову

пришло, что с Варварой ей всё одно не сравняться. Оглянулась она по сторонам, присмотрелась, а людей-то вокруг много — есть и красивые, есть и не очень; только никто этой своей внешности не огорчается. И она не стала. А как слёзы высохли, так и вовсе подумала, что не та красота глаз радует, что с лица льётся, а та, что из глаз сияет и лицо освещает.

Посмеялись над Иринкой сёстры, чай допили да и по сторонам своим разъехались.

Больше тысячи раз пропел петух на утренней зорьке в соседней деревне, со счёта сбился, когда снова сёстры в маленькой квартире собрались. Вещи перебрали, на балконе вывесили, пыль с мебели смахнули, чайку заварили душистого и за разговоры принялись.

Первой, как всегда, начала Варвара-краса. Вздохнула она глубоко и сказала, что всё у неё есть в этой жизни. И деньги, и дом, и муж богатый, а счастья нет. И где это счастье отыскать — она и не знает вовсе. И зеркальце ей в этом не помощник, потому как даже когда нет у неё его под рукой, она словно всех людей через это зеркальце видит.

Второй стала рассказывать Людмила-умница. И тоже вздохнула тяжело. И тоже сказала, что и у неё дом полная чаша: и ребёночек первый родился, и муж хороший, и друзья, и работа, а счастья нет. И откуда счастье берётся — она не знает, и ключ свой уже и не достаёт больше, потому как даже когда в руке он зажат, у неё такое чувство, что спрятан он так, что ни в жизнь его не отыскать.

Третьей стала рассказывать Ирка-дурилка. Улыбнулась она так светло, что вся квартира словно осветилась, и сказала, выложив перед собой платок, что ничего у неё почти нет. Денег маловато. Дом не полная чаша. Муж не богаче других, а некоторых и беднее. И детей пока ещё у неё нет, хотя и ждёт она деток, словно тёплой весны жгучей зимой. А счастье у неё есть. И дал счастье ей это платок. Потому что всякий раз, когда слёзы к глазам у неё подступают и рука за платком тянется, вспоминает она мамкины слова и сама к себе прислушивается. И облегчение приходит.

Пригляделись сёстры к младшей своей и тут только заметили, что она словно переменялась. И одета просто, но со вкусом. И неожиданно красотой какой-то не броской, но настоящей расцвела. А главное — глаза у неё светятся. Счастье из этих глаз так и льётся. Заметили они это и разгневались, что мамка их не по справедливости одарила. Выхватила Варвара у Ирки платок, чиркнула Людмила спичкой и подожгла его. Вспыхнул платок и в пепел рассыпался. А Ирка грустно так улыбнулась, встала из-за стола и сказала, что на сестёр она не в обиде, но только не будет им теперь покоя ни отсель, ни досель, ни за тыном, ни за околицей, покуда они злости в себе не вытравят. А если и вытравят, всё равно покоя не найдут, потому как сколько ниточка ни вьётся, а концами не свяжется. Сказала так и в воздухе растворилась.

Тут только сёстры поняли, какую беду сотворили! Ведь говорила же им мать, чтобы берегли они эти подарки! Значит, была в них волшебная сила! Поплакали сёстры, заплакали, но делать нечего. Надели дорожную одежду, вышли из дома и пошли искать младшую сестру.

И пошли сёстры то ли на запад, то ли на восток, то ли на закат, то ли на восход. Сколько они шли — нам неизвестно; только обувь разбили, платье обтрепали, да и сами поиздержались в дороге. Небо над головами их потемнело, кусты да деревья раскидистые к дороге сдвинулись: не поймёшь, то ли ночь светлая вокруг, то ли день непроглядный. Да и дорога уж в такую тропку превратилась, что и рядом идти не можно, а только след в след. Иди да следи, чтобы острый сук платья не разодрал и тело не расцарапал, да прислушивайся или к скрипу древесному, или к шагам неизвестным за спиной. Холодом с невидимых оврагов повеяло; уж и не рады были сестрицы, что в путь отправились, да вот только не всякая дорога возвращение терпит. Когда пройдено немало — всякий привал манит, а возврат отпугивает да немощью грозит.

Долго ли, коротко ли, только увидела вдруг в стороне Варвара огонёк. Сестру локтем толкнула — не окно ли? Точно, окно! Стойко горит: не мечется, как костёр, не моргает, как огонь болотный.

Свернуть решили сёстры с дороги, на ночлег попроситься; а если с ночлегом сладится, так и воды горячей одолжить, а то и чаем угоститься. Полезли сестрицы через буераки; глянь, а огонька словно и не было. Только на дорожку возвращаться собрались, а огонёк снова за плечами светит. Снова сёстры к свету зашагали, сквозь паутину и сучья проламываясь, о гжучую траву ноги обжигая; а огонь опять то ли в воздухе растворился, то ли лунным лучом истаял, что сквозь тучи упал. Повернулись сестрицы в обратный путь, а огонёк снова за плечом маячит. С полночи так бедолаги по чаще шарили, уже и паутину с лица смахивать перестали, когда догадалась Варвара, как с мороком лесным сладить. Зеркальце достала да через него на огонёк взглянула. Взглянула, да так и обмерла. Не один, а три огонька в зеркальце отразились! Рядком они горели, словно окна в горнице, да близко так, только бузину да калину раздвинуть да по поляне от росы и лунного света серебристой пройти. Минуты не минуло, как калитка в тумане нарисовалась; а за ней дом бревенчатый с высокой крышей, а там уж как по заказу и тучи на небе разбежались, и не только луна на небо выкатилась, а и звёзды, словно просо из худого мешка, высыпали. Прильнули сёстры к окнам, только стёкла в них неровные оказались, светом одаривали, а картинку берегли. Подошли сестрицы к двери и начали в морёное полотно стучать. Стучали, пока кулаки и пятки не сбили, только ни отзвука из дома не вышибли. Тишина стояла что в доме, что вокруг него. Даже птицы лесные примолкли, только ветер сырой подул, поволок по небу тучи ночные, чтобы звёзды спрятать да луну занавесить. Вздохнула тут Людмила, поёжилась и сказала, что нечего стучать, надо в дом войти. Хозяева или отлучились куда, или глухотой страдают. Злые люди окнами в ночи не светят, а добрые разве только на улицу непрошенных гостей выпроводят. Так чего бояться, если они и так на улице?

Подёргали сестрицы дверь за железную скобу, толкнули, снова подёргали. Только дверь и на волосок не сдвинулась, словно гвоздями к косяку прибита была. Тут Людмила и нащупала скважину замочную под ручкой. Нащупала да и о ключе вспомнила. Он словно сам у неё в ла-

дони ожил, плавно в отверстие вошёл, легко повернулся, а там уж дверь сама открылась.

Вошли сестрицы внутрь да так и замерли на пороге. Увидели они горницу в три окна, а в горнице той горели лучинки, да не одна, а сразу семь, причём ни одна из них не коптила и ни одна не сгорала. А между лучинками сидел на лавке дед — сединой за двести лет, в овчинке поверх рубашки-косоворотки да в латаных портах и штопаных носках. Сидел и валенок латал. Заплатку на задник ладил, шилом в кайму тыкал, дратву подсекал да затягивал. Поздоровались сёстры с дедом, поклонились седому, а он в ответ и рта не раскрыл, только глазом из-под мохнатой брови сверкнул да морщины на лбу вспучил. Помолчали сёстры, перемялись с ноги на ногу да разговор завести попытались.

— А что ж ты, дед, валенки подшиваешь? — спросила Варвара-краса. — Или зима на дворе?

Ничего не ответил дед, только опять глазом зыркнул и дратву на палец захлёстывать продолжил. Почувствовала тут Людмила-умница, что холодом по ногам потянуло; наклонилась к окошку, а за ним — белым-бело! Луна на небе всё та же сияет, а под луной-то всё снегом укуталось — и изгородь, и деревья, и трава, а снег всё сыплет и сыплет. Шагнула Людмила-умница ко второму окну, а за ним — черным-черно! Дождь хлещет, стекло захлёстывает, жёлтые листья к раме лепит! Наклонилась к третьему — а там тишь да шелест, только звёзды на небе мерцают да соки весенние в голых стволах шуршат!

Выпрямилась Людмила, дух перевела, оглянулась да Варвару-красу, которая и сама в окна до беспамятства упулиться готова была, локтем толкнула. Дед — сединой за двести лет уж и валенок подшил, и на ногу его натянул, и притопнул, и крикнул, и седину разгладил. Гостьям подмигнул и лучинку задул. Одну замучил да всех ушучил. Разом все семь погасли. Испугались было темноты сестрицы, но тут же другой огонёк в ладонях деда затеплился. Стекло звякнуло, керосином пахнуло, и горница ожила.

— Только для дорогих гостей жгу! — раздался дребезгливый голосок, и поплыла лампа по горнице, старичка за собой повела-поташила, а за ним голосок его тонкий разобрала-расхлестала. — Пойдёмте, дочки-сестрички, чайку попьём да баранки погрызём. Чай с таким, баранки с маком. Кому надо, дам рафинаду.

Из горенки за печку, из-за печки в кухню. С ног да на лавку. За стол да к скатёрке. Самовар медный, зато дом не бедный. Сахар кусками — мёд туесками. Масло слёзками — тянучки полосками. Хлеб тёплый, молоко топлёное. Чай душистый — дед пушистый.

Провёл хозяин ладонью по макушке, серебро распушил, бороду разгладил, чайку из чашки в блюдце плеснул, на зуб кусок сахара поймал, наклонился к столу, губы вытянул и с присвистом погнал чаёк внутрь. Пьёт и на сестриц зыркает да морщины у глаз пучкует.

Хотели налить и себе сестрицы чайку, да вентиль у самовара горячий, не ухватишься. Подал дедок носовой платок, ухватила Людмила-умница платок за уголок, а он тут же в пепел и обратился. Пришлось голыми

пальчиками вентиль выкручивать, чашки двигать да обратно крутить; а чайник заварной, что у самовара на макушке примостился, и того горячий оказался. Вот уж понаморщили сестрицы носы, вот уж сами себе мочки ушные поотдёргивали! Однако чаем разжились, баранками обзавелись. Стали баранки в мёд макать да кусать и чаем запивать. Пьют да на деда смотрят, а он знай себе посвистывает да блюдце кипятком полнит. Однако чай чаем, но надобно и честь знать. Замялась тут Варвара-краса, спросить что-то хотела, да слово изо рта не шло. Обернулась она на сестру, да и та рот раскрывает, а сказать ничего не может. Усмехнулся дед, крякнул, кашлянул, хмыкнул, хрюкнул, локти на стол поставил, щёки надул, улыбку от уха до уха раскинул.

— Кто ты, дедушка? — спросила наконец Варвара и собственному голосу удивилась: таким тихим и тонким он ей показался.

— А ты как думаешь, красавица? — прищурился дед и колпак красный на голову потянул.

— Дед Мороз? — пискнула Людмила.

— Может, и да, а может, и нет, — поскущел дед, но тут же снова улыбку между ушей выстроил. — Однако какой Мороз летом?

— А... в окнах? — не поняла Людмила.

— Так то в окнах! — сдвинул брови дедок и тут же залился дребезгливым смешком. — Ладно, не буду рты вам вязать: спрашивайте, зачем пришли?

— Так мы разве пришли туда, куда шли? — не поняла Людмила.

— Смотри куда шли, — пожал плечами дедок.

— То ли на запад, то ли на восток, то ли на закат, то ли на восход, — пролепетала Варвара. — Куда глаза глядели, туда и летели. А как глаза и ноги устали, так и встали.

— Пришли, значит, — согласился дедок и платок из рукава вытянул. Пот со лба смахнул, нос бугристый и ноздрястый в платок окунул, уголки глаз промокнул и снова платок в рукав отправил.

— Сестра, — прошептала Людмила.

— Сестра, — пискнула Варвара.

— Нет у вас никакой сестры, — ответил дед.

— Как это нет? — не поняла Людмила.

— Так была же! — сморщила носик Варвара.

— Была, — согласился дед, вытащил из рукава платок, сморкнулся в него, встряхнул платочек, тот золой и рассыпался. — Да сплыла.

— Так же нельзя! — закричала Людмила.

— Мы же ничего не сделали! — прошептала Варвара. — Подумаешь, тряпку сожгли! А если бы я зеркальце разбила? А если бы Людка ключик потеряла?

— Дуры вы, — покачал головой дедок и ласково так промурлыкал: — Дурррры! При чём тут платок? При чём тут ключик? Да и зеркальце? Побрякушки! Всё тут! — постучал он себя по голове.

— Тут? — удивилась Варвара, постучав себя по лбу. — У нас? Или у тебя?

— Везде, — оборвал красавицу дед. — Да и что я? Я... вот только в окошки смотрю.

— Ты плохой Дед Мороз, — надула губы Людмила. — Дед Мороз дарит, а ты забираешь!

— Это в сказках Дед Мороз только дарит, — опечалился дед. — Не было у вас сестры! А ну-ка, девка, подай-ка мне вон тот мешочек!

Спрыгнула с лавки Людмила, сдёрнула с полки мешок, протянула деду. Распустил тот бечеву, подхватил со стола стакан, сыпанул в него горсть гороха. Горох — горох, не хорош — не плох, твёрдый — колок, мочёный — ворог, варёный — мягок, зелёный — сладок. На три четверти стакан заполнился. Черкнул дедок по уровню ногтем следок, словно стеклорезом прошёлся. Зажал стакан ладонью да потрянул его пару раз. Там, где три четверти было, чуть за три пятых образовалось. Снова черкнул ногтем дедок, ударил по стакану ложкой, и распался стакан на три части: затычку для подстаканника, пригубник без дна и тонкое прозрачное колечко.

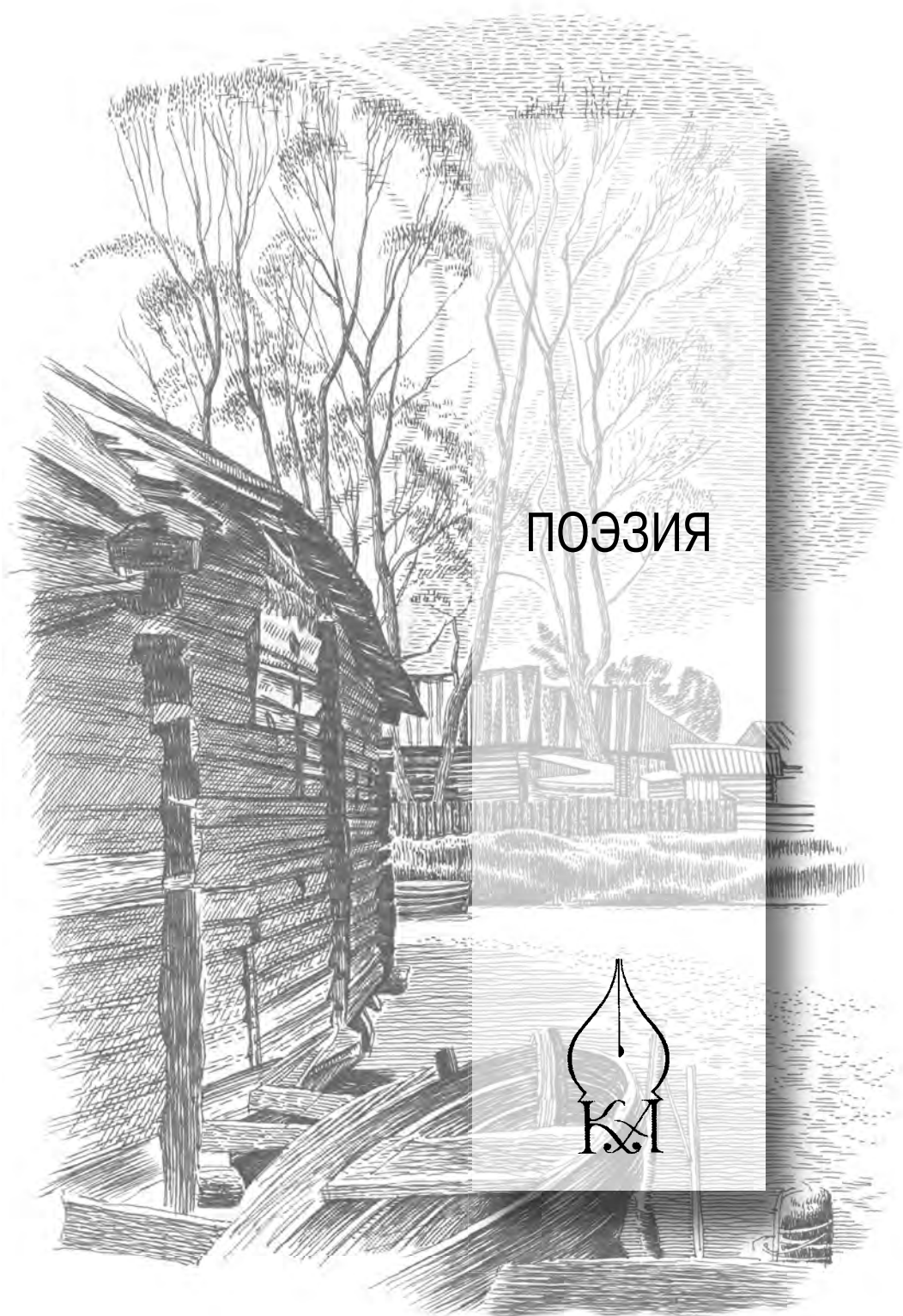
— Вот ваша сестра! — заорал дед и покатил колечко по столу. Соскользнуло оно со стола стеклом, полетело платком да осыпалось пеплом.

— Дед, — прошептала Варвара. — Разве люди — горох?

— А разве нет? — таким же шёпотом ответил дед и смахнул стакан с горохом на пол.

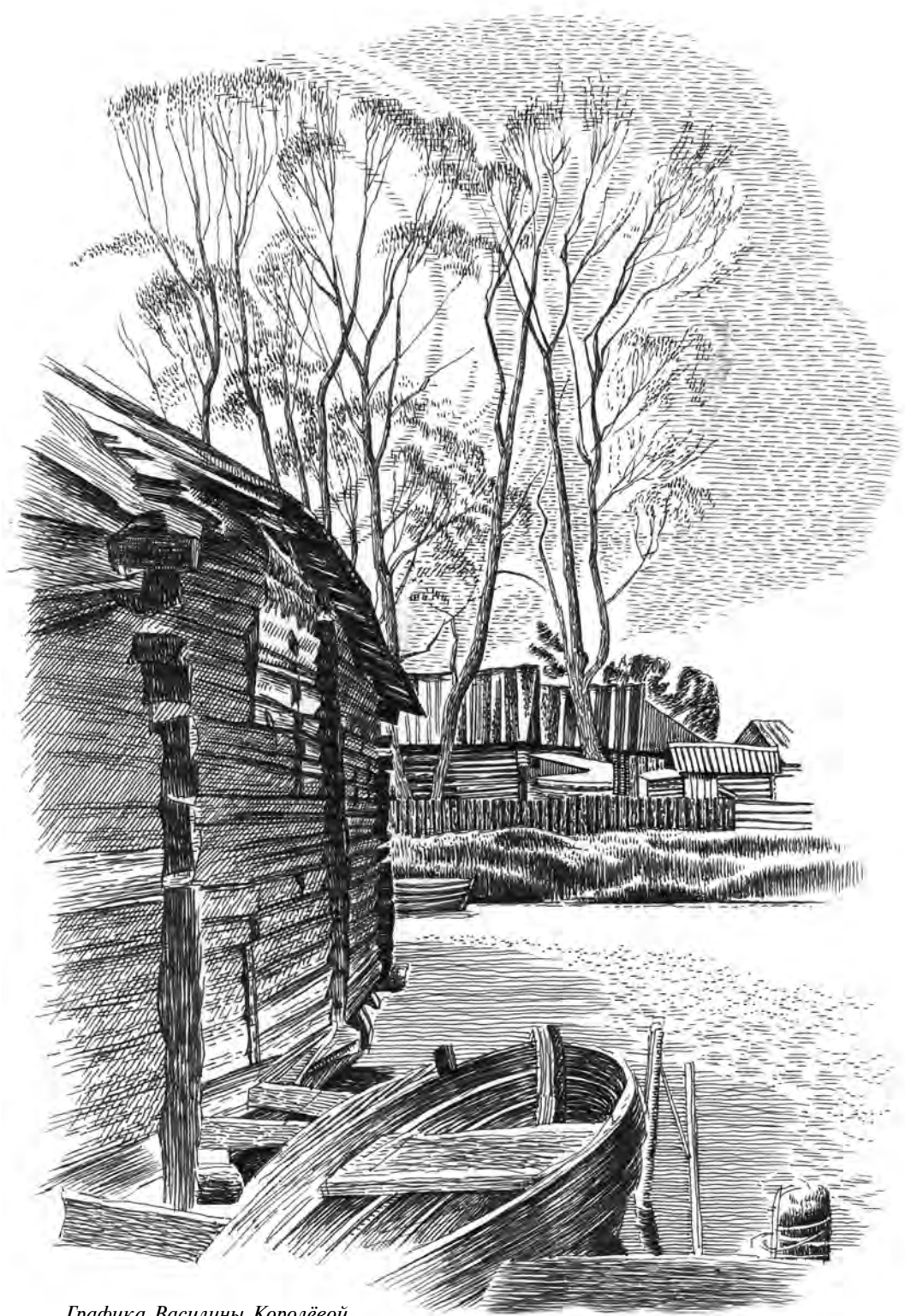
В одном царстве-государстве, в затерявшемся среди лесов и рек провинциальном городке, на окраине затрапезного микрорайона, на третьем этаже панельной пятиэтажки, в обычной однокомнатной квартире жила была женщина. И было у неё две дочери: старшая — Варвара-краса, чёрные глаза, длинная коса; средняя — Людмила-умница, умный по боится, дурак не сунется. Любила их мать, души не чаяла. Баловала, а всё одно — к порядку приучала. Вот и теперь: накормила крох, напоила, спать уложила, подарки под ёлкой спрятала, а сама у телевизора за полночь засиделась и всё словно вспомнить что-то пыталась. Даже шкатулку открыла и погрела в ладонях причудливый ключик и кругленькое зеркальце. Потом постелила на столе байковое одеяльце, включила уют и стала гладить бельё — трусики и маечки, носочки и колготки, рубашки и платьица, платки и платочки. Гладила, пока не закружилась голова и не начали слипаться глаза. Поэтому, когда в дверь позвонили, она не пошла открывать. Только махнула рукой и выдернула из розетки шнур утюга.

— Да ну тебя, дед, с твоими подарками!..

ПОЭЗИЯ

Графика Василины Королёвой

Лирическая поэма «Семечки» написана Олегом Кочетковым в самом начале творческого пути, в 1972 году.

О чём поэма молодого автора? Она автобиографична. Здесь — воспоминания деревенского детства: такая знакомая, обветшавшая высокая церковь без креста; тихая скорбь об ушедших («...дед мой Григорий травую пророс!»). Дворик в Коломне, далёкие друзья детства... И сквозь эти мысли проходит, как видение, светлый образ девочки «в голубеющем платье». Она является поэту и в деревне, и в городе.

Автор назвал поэму «Семечки». В ней есть эпизод, где Олег — совсем ещё мальчишка — свернул голову подсолнуху в огороде соседки. И опять перед ним — призрачная девочка... Казалось бы: ну какая это кража? Мелочи, «семечки» — сказали бы в народе! Но если вдуматься — вся наша жизнь состоит из мелочей.

ПОЭМА

СЕМЕЧКИ

Сошёл налегке...
В «дипломате» томилась
Бутылка «пшеничной»
да палка «салями».
От полустанка
дорога
пылилась,
Слева засаженная
тополями.
Взял в руки туфли
и до колен
Джинсы
вельветовые
закатал.
И...
да пусть будет всяк
благословен,
Кто на пыль детства
босым наступал!
Как она нежно
ступни успокоит,
Давним теплом
овевая вам ноги!
Память ожившую
властно настроит
На размышленья о вашей дороге...
Как вы там здоровы,
в столицах своих,
Среди асфальта,
панельных махин?
Не позабыли ль
в делах городских
Этих пригорков
и этих лощин?
А памяти
если
о них
не осталось,

То где же
                  тогда
                          её жилка живая?
...Так думал, шагая.
                          А сердце сжималось,
Когда узнавал я всё —
                          не узнавая...

* * *

Но вот
                  впереди,
                          без креста,
                                  распокрыта,
Творцами искусными не знаменита —
Высокая церковь,
                          и стая грачей
Кричит,
                  гомонится,
                          взлетает над ней.
В прекрасную ту,
                          голоштанную пору
Сюда забирались,
                          крутили «махру».
Кругом открывалась
                          ребячьему взору
Высокая даль
                          на высоком ветру.
А рядом —
                  погост,
                          в бузине и крапиве.
Как он ещё больше
                          заглох,
                                  одичал!
Последний удел
                          в удивительном мире,
Извечный покой
                          родословных начал...
Жасмин и сирень
                          тянут
                                  буйные ветки.
Кузнечиков стрекот,
                          мельканье стрекоз...
Иду и не вижу
                  хотя бы
                          отметки,

Вздremнул в карауле,
на важном посту,
То вспышкой слабой,
летающей,
мгновенной
Скользнул этот свет
от меня за версту.
И в книгах своих,
выдав дань конъюнктуре,
Когда тискал строки,
с плакатов их взяв,
То чуял тот свет я
на собственной шкуре.
От звёзд исходил он,
от ветра
и трав.
Когда обнимал
одни женские плечи,
А думал
в ту пору
совсем о других,
Когда я нашёптывал
жаркие речи
Одной,
чтоб потом
пересказывать их
Другой,
то всегда,
голубым отливая,
Таинственной девочки
профиль скользил.
Мираж ли то был?
А то будто —
живая,
Сквозила,
являлась она,
где б ни жил!

* * *

Так
кто же —
она?
Размышляя над этим,

Дошёл
наконец
до небыстрой реки.
«Теперь — по колено...» —
я с грустью
отметил,

А были здесь омуты
так глубоки!
Когда с ребятиной деревенской ныряли
И раков ловили
в её берегах!
Здесь даже на спор
редко дна доставали,
Тяня над водою ошмётки в горстях.

* * *

Однажды
проверить
колхозные соты
Ребята на лодке уплыли,
меня
Оставив одежду стеречь.
До икоты
Уже накупавшись
и их прокляня,
От речки подался чуть вверх я
и вышел
К слепящим подсолнухам
возле плетня.
А каждый подсолнух —
куда меня выше!
А каждый подсолнух —
смотрел на меня!
И я открутил
каравай желторотый,
О стебель
шершавый
ладонь исколов.
(Да будьте неладны,
те
долгие соты!)
Тут взял,
открутил,
и всего-то делов!

его
наконец
рассмотрел!).
Такое лицо
я встречал
не однажды.
Всё та же
равнинная
плавность бровей.
Такое лицо
замечал,
верно,
каждый
У мамы своей,
у любимой своей.
Похожими
лица
бывают их странно,
Огромное что-то
одно
их роднит —
Когда они видят
по телеэкрану,
Что кто-то без крова,
поруган,
не сыт.
И пусть далеко
и не нашего края,
И крови не нашей,
и речи другой —
Глядят как на близких
на самых,
вдыхая...
Какое там счастье?
Какой там покой?

* * *

Стою,
не свожу с неё
трудного взгляда,
И голос
как будто
зарос
сон-травой:

«Не ты ли
со мною
была сейчас
рядом?» —

Я в сторону церкви
кивнул головой...

«Да,
я там была...» —
и вздохнула поспешно.

«Откуда ты,
девочка?
Где ты живёшь?»

Хотя
не моё это дело,
конечно,

Но мало ли
что там...
ну кто же ты
всё ж?»

Ах, как же она
на меня
посмотрела —

Из дальних веков,
из того бытия,
Из бездны такой,
из такого предела!

И снова вздохнула:
«Я —
совесть твоя!

Подсолнухи помнишь?..
С тех пор потерялась.
Нечасто являюсь теперь
пред тобой.

Лишь только
когда
позовёт меня жалость,
Когда окликаюсь
твоею
судьбой!»

«И всё —
из-за семечек?..
Ну
и убила!

Да был ведь
тогда
неразумен и мал.

в лицо мне
отечества
ветер
Так сладостно-горько,
что сердце
щемит...

ХРОНИКА

Киев отметил книгу коломенского автора

На днях коломенскому литератору, переводчику «Лимериков» английского поэта XVII века Эдварда Лира Борису Архипцеву пришёл по почте из Киева приятный сюрприз: диплом 12-й Киевской международной книжной ярмарки, которым в номинации «Лучшее переводное издание» отмечены его переводы, представленные сборником «Полный нонсенс! (Поэзия абсурда)» (М.: Изд-во журнала «Москва»). Документ подписан Президентом Украинской ассоциации

издателей и (дословно) книгораспространителей О. Афониним.

Событие, конечно, приятное, нерядовое, но, с другой стороны, не такое уж и неожиданное для литературной Коломны: и отдельные сборники коломенских литераторов, и литературно-художественное издание «Коломенский альманах», и библиотечка альманаха «Коломенский книгочей» — отличаются не только высоким художественным уровнем, но и безупречным полиграфическим исполнением. В этом, несомненно, огромная заслуга главного редактора «Коломенского альманаха», члена Союза писателей России В.С. Мельникова (именно он «курировал» оформление и издание «Лимериков»), обладателя медали имени православного философа Ильина и премии книгоиздателя Сытина. Грамотно, эффектно, умно, тактично оформленная книга всегда пользуется гораздо большим читательским спросом, нежели издание блёклое и невыразительное. Срабатывает старая русская пословица: «По одежке встречают...».

Эта истина в сочетании с действительно талантливым содержанием сработала и в отношении книги Бориса Архипцева: небольшой тираж — 500 экземпляров — разошёлся среди коломенских и подмосковных почитателей поэзии практически в считанные дни.

Издание вряд ли увидело бы свет, если бы не Комитет культуры администрации г. Коломны, который обеспечил его финансирование. Можно только радоваться, что в Комитете работают понимающие, правильно оценивающие культурный уровень (и культурные потребности) своих земляков, неравнодушные к творческим работам коломенских деятелей культуры люди.

Рисунок Евгения Гринина

ИЗ КОЛОМЕНСКОЙ ТЕТРАДИ

Анна АХМАТОВА

ПОД КОЛОМНОЙ

Шервинским

...Где на четырёх высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах,
И течёт московская река, —
Всё бревенчато, дощато, гнато...
Полновесно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,
И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристаен и нежен долгий взгляд.

Николай АНТОНОВ

* * *

На задах деревеньки убогой,
где ночами грустит соловей,
по лощине течёт неглубокой
обмелевший за лето ручей.

Престарелые ивы поодаль
доживают безропотно век.
Скоро примет древесный некрополь
этих дряхлых, незрячих калек.

Им мерещатся прошлого звуки —
будто плещется речка у ног.
А прозреют — ослепнут от муки,
вместо влаги увидев песок.

Он последний родник, одинокий.
Скоро, видно, умолкнет и он.
И умрут эти вётылы, как боги,
от безмолвия новых времён.

Борис АРХИПЦЕВ

ГОРОД НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Помнит град на Оке, как звенели татарские стрелы.
Помнит дикий галоп и предсмертное ржанье коней...
Гордо память хранит о походах в иные пределы
Грозных русских царей и великих московских князей.

Знал часы торжества и годину смятенья и смуты,
Птицей Феникс мой город из пепла не раз восставал...
И Коломенский кремль в роковые, лихие минуты
Был оплотом Москвы, погибал, но столицу спасал!

Вечен времени бег. Он не знает границ и предела.
Но Коломна моя — это город на все времена!
Восемь долгих веков над её головой прошумело —
Год от года всё краше, моложе душою она.

О Коломне пою и сыновней любви не скрываю.
Древний каменный град с детских лет полюбил навсегда.
Пусть века-облака над Коломной моей проплывают —
Неподвластны векам величавой судьбы города!

Татьяна БАШКИРОВА

* * *

Из студёной Оки не испить убежавшей водицы.
Облетающих листьев не красит холодный закат.
Я махну рукавом — разлетятся, как вольные птицы,
Мои резвые годы — их ровным числом пятьдесят.

Мне тринадцатый год... Мой безоблачный день лучезарен.
Комнатушка мала и бедна — что грустить от такой чепухи?
Набирает держава разбег, и наш в космосе первый —
Гагарин,
И о нём я, волнуясь, наивно слагаю стихи!

Тайны девичьи дарим мы щуровским старым аллеям,
В платьях, мамами сшитых, на танцы спешим — не беда!
Мы читаем наивные книжки, но быстро взрослеем,
И кого-то в столицу умчат поезда навсегда...

В ранней розовой юности так побродить захотелось,
Встретить давних, немногих, а ныне ушедших подруг.

Но нагрянули вихри, шальная земля завертелась —
Не бараки — коттеджи по Щурову выросли вдруг.

День сегодняшний встал молчаливой холодной стеною.
В нём — наивный подросток — я места себе не найду.
Я не знаю, не ведаю, что теперь будет со мною, —
Мне — двенадцать, как в том позабытом, далёком году.

Догорает луна, как лимонная стылая корка,
Озаряя окрестности без деревень и садов.
Где напев петушиный, где яблочный запах? — И горько
Видеть ей на земле лишь громады больших городов.

Полыхает в лицо мне, слепя своим светом, реклама,
Люди в бешеном ритме не знают ни ночи, ни дня.
Но я помню молитвы слова, что шептала мне мама, —
Те слова согревают, донныне спасают меня.

Лев БОЛДОВ

* * *

Мы стоим на рязанском ветру
Возле церкви Бориса и Глеба,
Где исклёвано галками небо —
На ветру, на виду, на юру.

Поцелуями слёзы утру —
Это просто от ветра, я знаю.
Пусть затянется рана сквозная,
Как ледком полынья поутру.

Нас ещё не хватились в миру.
Беглецы, отщепенцы, скитальцы,
Мы сплетаем озябшие пальцы,
Высекая огонь на ветру.

Сколько мы отстрадали потерь,
Стиснув челюсти, гордо и молча.
Сколько лет одиночество волчье
Нас гнало из постели в постель!

А теперь, усмиряя хандру,
Мы глядим в просветлевшее небо —
Возле церкви Бориса и Глеба,
На юру, на рязанском ветру.

Ты замрёшь — в ожидании вся.
Взгляд кольнёт с быстротою игольной —
И обрушится звон колокольный,
Над руинами нас вознося!

Михаил БОЛДЫРЕВ

ЛЕДОХОД

Река, вздохнув,
Сорвала льда одежды
И, радостно волной сверкнув,
Рванулась паводком небрежным.
Качнулись в дымке берега,
И встрепенулись в поймах ивы,
Но в медленной агонии снега
Ещё загадочно красивы.
Желанная земля моя!
Умыв лицо в весенней чаше,
Ты, птичьим голосом звеня,
Вдохнёшь тепло согретой пашни.
И, глянув просветлённо вдаль,
Дедок, крестясь неторопливо,
Заметит новую на бабке шаль,
Вздохнёт: «Весна. Ну, слава Богу — живы».

Вячеслав БОТУНОВ

* * *

Сиреневый дождь, словно занавес сцены,
В проёме бетонных кулис,
Прожектор-окно. Декорации-стены,
Начало спектакля про жизнь.
Обыденно всё и намеренно просто,
Как к чаю подать бутерброд.
Мужчина с цветами, обычного роста,
Свидания трепетно ждёт.
Сто тысяч историй на эту похожи,
Истёрты, как временем медь.
Пройдёт — не заметит случайный прохожий,
Пытаясь куда-то успеть.
Ненастье и серость негромко ругая,
От сырости кутаясь в дрожь,
По лужам скользнёт, никогда не узнает,

Что в небе сиреневый дождь.
Старушка прощает важно-надменно,
Свой старенький зонт беребя,
А я, как мальчишка, люблюсь на сцену
В надежде увидеть тебя.

Григорий ВИХРОВ

* * *

Марине Цветаевой

В такой-то век, такого дня
Вихрь сгонит ангелов в долину.
— Марина, защити меня! —
Прошу Цветаеву Марину.
На просьбу нет отказа днесь.
И песня задрожит за песней.
И в прорубь, в ледяную весь
Серебряный бросает перстень.
За ним — второй: ясней вода,
Счастливей обморока счастья.
И вот снимает, сном горда,
Браслет с великого запястья.
Вскипает вена бытия,
Снимая пену наважденья.
И оглашенный, внемлю я:
Храни свои происхожденья.
Не устыдись молить меня,
И женщину, и ветку вербы...
Проси рябину у огня,
Метель, сметающую перлы
В глаза библейского коня.
И мне не так и одиноко,
Когда услышу крик пророка:
— Марина! Защити меня!

Татьяна ВОРОБЬЁВА

ПРОЗВЕНЕЛА В НОЧИ ТЕТИВА

Велигору Коломенскому и Ольгерду Рязанскому

Прозвенела в ночи тетива,
Глухо в стену вонзилась стрела.
Поплыла над дорогой молва,
Закусил вороной удила.

Торопись, воевода велел поспешать.
На подходе враги, беда!
Дольше жизни нам города не удержать,
А закончимся мы — что тогда?

Трёх коней я оставил в пыли.
Выжег очи вечерней зарёй,
А Престольная гаснет вдали
В ожидании тьмы вековой.

Торопись, воевода велел поспешать.
Под стенами враги, беда!
Дольше жизни нам города не удержать,
А закончимся мы — что тогда?

Я последнего злого коня потерял
У высоких княжьих палат,
А Коломенский кремль уже догорал,
И дружину покоил закат.

Княже, я торопился, беда подошла.
Тьма накрыла юго-восток.
От Рязани — зола, и Коломна — дотла
Догорела — княже, твой срок!

Прозвенела в ночи тетива.
Сквозь века долетела стрела,
И гуляет по свету молва:
Воронье грызут удила.

Торопись, воевода велел поспешать,
Тьма под сердцем людским, беда!
Дольше жизни нам города не удержать,
А закончимся мы — что тогда?

Владимир ДАГУРОВ

ПО ГРИБЫ

Валерию Суворову

Была воскресная поездка
в леса по белые грибы.
Мелькали возле перелеска
километровые столбы.

Но, бабье лето созерцая,
не замечал я их совсем —
как вдруг, сознание пронзая,
возникла цифра «27»!

Едва не вырвался мой возглас
пред сумасшествием судьбы —
как будто отмеряют возраст,
а не дистанцию столбы.

Как мал меж ними промежуток —
что годы, что километраж...
И показалось мне, что жуток
был увядающий пейзаж.

Лес запылал протуберанцем,
и бабьим летом вспыхнул зной.
Так облака горят багрянцем,
а предвещают мрак ночной.

Слегка качнувшись на рессорах,
машина вынесла уже
меня к столбу с отметкой «40»
на центробежном вираже.

Но, поравнявшись с этим годом,
я вдруг почувствовал азарт
перед закрытым поворотом,
сулящим в жизни новый старт.

Все люди жаждут обновленья,
и жизнь, достигнув сорока,
меняет круто направленье
для окрыленья и рывка.

Подумать страшно: мчит дорога
и прожит самый лучший срок!
Дано в дорогу было много,
но как я мало сделать смог!

И чем бездумнее движенье,
тем ближе тот послушный столб,
где неминуемо крушенье
и горний ангел скажет: «Стоп!»

Но жил я не один под роком,
а меж людей и пред людьми,

и дьявол брал, и ненароком
я поддавался — чёрт возьми!

Познал с лихвой: мороз и лето,
добро и зло, свет и грехи.
Есть оправданье у поэта —
не дар, не слава, не стихи —

а слёзы женщины печальной
за то, что к ней вернулось вновь
единство троицы венчальной —
Надежда, Вера и Любовь!

Так дерево растёт коряво,
а взглянешь — что за красота!
Жизнь у меня своя, и, право,
она ещё не прожита...

Но тут кончалась автострада,
а с ней — сомнения судьбы,
и было в лес идти нам надо —
по жизнь,

по счастье,
по грибы!

Евгений ЗАХАРЧЕНКО

ОДИНОКИЙ ПОЭТ

Под косматыми струями вешнего ливня
Проходил не спеша одинокий поэт.
Он весне улыбался светло и счастливо,
Будто юность увидел и давний рассвет.

Где-то в сердце, быть может, тревога таилась —
Проступала в морщинах упрямого лба.
Но сияла весна, словно Божия милость,
Словно шла чья-то рядом молодая судьба.

Что там дождик осенний, одинокие стены,
Да хворобы унылые — нынче их нет...
Проходила весна — широко, вдохновенно —
Той же старенькой улочкой, что и поэт.

Хоть рассеян и беден, но кому-то ведь нужен, —
Бесприютной душой это чувствовал он.

А весна будоражила, мчалась по лужам,
Рассыпая капли серебряный звон.

Верил сердцу прохожий — придёт вдохновенье,
И ещё: он не будет в пути одинок,
Ведь под вечер, бывает, сливаются тени...
По-другому весной он и думать не мог.

Екатерина КАНАЙКИНА

* * *

Занесло столичный град по колоколенки.
Ни проехать честным людям, ни пройти.
Вся провинция грустит у телевизора:
Что же — некому столицу подмести?!

А вот — кому таджики —
Горячие, румяные,
Свободные таджики —
Веселье, не пьяные.

Не решается проблема, как ни странно,
От сугробов кадиллаки не спасти.
Не хватает всех детей Таджикистана,
Чтоб опавшую столицу разгрести.

Вадим КВАШНИН

* * *

И
А осень благодатна, и дымком,
Дымком с полей подталкивает в спину.
Стремительно — бегом и кувырком
Скачусь к воде желанной по обрыву.

Восторг и радость! Брызги через край —
Холодными мурашками по коже...
Жизнь бьёт ключом! Её воспринимай
Пронзительней, щемяще и дороже...

Я руки опустил омыть лицо
И влагу благодатную, крутую
Подмя ладонями, блеснуло — не кольцо —
Блестящую монету — золотую!

И это радость! Господи, прости,
Мне радости и счастья было мало!
Сияло солнце, и в моей горсти
Вода червонным золотом сияла!

Водоворотом жизнь мою несло,
Душа по дну водой осенней стыла,
А сердце бурной радостью рвало!
И пыло. И металось. И любило...

II
Прожив с извечным лозунгом «трудись»,
С тех пор я ничего не нажил боле.
Безропотно моё скуднело поле,
И медленно заканчивалась жизнь...

На этом поле, взвыси и на взвозе.

Когда паду холодной головой,
Я заплачу на дальнем перевозе
Единственной монетой — золотой!

Игумен КИРИЛЛ (ФЕДОТОВ)

ПРОЩАНИЕ С КОЛОМНОЙ

Вот я за воротами.
Тяжко обернуться:
Там моя обитель,
Я стою вовне.
Мне уже в Коломну
Больше не вернуться,
Этих стен и башен
Не увидеть мне.

Словно сон кошмарный,
Только не проснуться:
Всё перевернулось
В этом страшном сне.
Мне теперь в Коломну
Больше не вернуться,
Нечего здесь делать
Горемыке мне.

Что же здесь оставлено?
Если обернуться:
Скорби и утраты,
Труд и суета.
Мне назад в Коломну
Больше не вернуться,
Жизнь была наполнена,
А теперь пуста.

Праздники и будни
Чередой совьются
И придут на смену
Этим горьким дням.
Мне уже в Коломну
Больше не вернуться
Поклониться этим
Дорогим камням.

Может, всё наладится,
Может, улыбнется
Мне скупую радостью
Будущие дни...
Только мне в Коломну
Больше не вернуться.
Милая обитель,
Бог тебя храни.

Татьяна КОНДРАТОВА

* * *

— Да врешь ты всё! Твой дед не герой:
Звезду-то на дом не прибили!
Картинка из детства всплывает порой
И льдинкою в памяти стынет.

А он под Курском был, воевал.
Может, погиб, — может, в плен попал...
— Ну что ты всё ходишь в военкомат?
Ходи хоть сто лет, хоть двести...
Он просто пропал без вести.

На нашей улице двадцать пять звёзд —
Домов всего двадцать восемь.
Подсчёт примитивен, и вывод прост:
Под корень костлявая косит!

Но эти-то семьи фронтовиков —
 Живых или мёртвых — героев!
 Так где ж, на земле или среди облаков,
 Пропали другие трое?
 — Опять вы, бабы, взялись кричать?
 Да войте хоть сто лет, хоть двести...
 Ваши — пропали без вести.

Наш дом сгорел тридцать лет назад,
 Потом снесли и деревню.
 Но солнце, как прежде, бросает взгляд
 На опустевшую землю.

И я точно знаю: на небе всегда,
 Пройдёт хоть сто лет, хоть двести,
 Ночью должна загораться звезда —
 Для тех, кто пропал без вести.

Наталья КРАСЮКОВА

* * *

А в метели по улице сотни судеб проносятся —
 Наблюдаю из окон я, вся окутана ладаном, —
 Со снежинками хрупкими в стёкла бьются и просятся
 Сотни жизней причудливых, сотни снов неразгаданных.

И, взлетая над куполом, окунаясь в полночь,
 Пролетаю снежинкою я пути безвозвратные.
 И в стекло, словно бабочка, бьюсь в отчаянье сумрачном,
 За окном пахнет ладаном бесконечность крылатая.

Кто подарит прощение? Кто зажжёт мне пристанище?
 Потерялась в метели я, заблудилась во времени...
 Раньше звёзды вокруг, а теперь — лишь туманище.
 В прошлом грёзы и сны, а сейчас — отвращение.

Электрический свет фосфоритно рассыпался,
 И осталась холодная поднебесная радуга.
 Я когда-то была, но зима беспросыпная
 Разбудила меня, зашептавши вдруг на ухо:

«А в метели по улице сотни судеб проносятся —
 Наблюдаю из окон я, вся окутана ладаном, —
 Со снежинками хрупкими в стёкла бьются и просятся
 Сотни жизней причудливых, сотни снов неразгаданных».

Ирина МАКОВА

КОГДА-НИБУДЬ...

Я когда-нибудь приеду сюда,
Пусть случится это не скоро...
Лучше в мире есть города,
Но мне нужен лишь ЭТОТ город.

Здесь легенда жива в веках:
Под восторженный свист мальчишек
Вдруг, вороной оборотясь,
В небо взмыла Марина Мнишек.

И шумел здесь сосновый бор,
Грел под солнцем свои иголки.
По оврагам следов узор
На снегу оставляли волки.

В честь победы Успенский храм
Князь Донской для людей поставил.
С берегов этих Грозный Иван
На Казань своё войско отправил.

Пусть не много знаю о том —
Всё загадочно и туманно...
Только жив на Арбатской дом,
Тот, что помнит Ахматову Анну...

Лишь по карте пока брожу,
Отмечая свой путь пунктиром.
Но я всё-таки посижу
На скамеечке в парке Мира...

Я когда-нибудь приеду сюда,
Пусть случится это не скоро.
В мире лучше есть города,
Но мне хочется в ЭТОТ город!

Татьяна МАКСИМЕНКО

* * *

Вольюсь в поток огромный...
Вокзал... Часы не врут.
Голутвин под Коломной —
Излюбленный маршрут!

По стёклам электрички
 Плывут, скользят лучи.
 Войдут в вагон сестрички,
 Достанут калачи.

Войдут с клюкой старушки,
 И дачники войдут...
 А солнце льёт веснушки,
 И к ним девчонки льнут.

Вот Радуга — платформа,
 Вот — Отдых, Конев бор...
 Контроль: компостер, форма,
 Эмоций перебор!

Тут бойкие торговки
 Ошпарят кипятком,
 А там цыганки — ловки,
 Следят за кошельком!

Мелькает край озёрный,
 Ковёр зелёных трав,
 Москвы-реки просторный,
 Синяющий рукав.

Студенточки с филфака
 Бормочут про зачёт,
 Про знаки Зодиака,
 Кого к кому влечёт.

Вагон согреет скрипка,
 Шекспировский сонет,
 Печальная улыбка
 И шляпа для монет.

Виктор МЕЛЬНИКОВ

ВЕСНА В КОЛОМНЕ

Птичьи напевы над рощами дальними
 Слышат сугробы небес — облака.
 Робко шагнула весна на проталину —
 Снег отошёл, загрузивши слегка.

Ветер играет цветными афишами,
 Бродит у Пятницких древних ворот.

Над колокольнями, соснами, крышами
Носится с криком пичуг хоровод.

Первый ручей рассыпается искрами,
Точит подтаявший тоненький лёд,
И за трамваями бегают быстрыми,
Не уставая весь день напролёт.

Вечером слышно дыхание холода,
Стынет на крышах дневная капель,
Словно художник волшебного города
Будит в картинах свою акварель.

Михаил МЕЩЕРЯКОВ

ХЛЕБ И МОЛОКО

Пожив немного на земле,
я понял нелегко:
отец похож на чёрный хлеб,
а мать на молоко.

Как боль и память с юных лет,
как чистая вода:
он чёрств и чёрен, этот хлеб,
зато он был всегда.

Я плоть от плоти, тоже плод
от древа своего.
Вот хлеб разломишь — там тепло
под коркой у него.

И молоко — из всей еды —
глоток его возьмёшь:
оно одной с тобой среды,
как будто и не пьёшь.

Что в имени его дано?
Как сок земли живой —
и пахнет выменем оно,
и сеном, и травой.

Мир сладок детства моего —
и хлеб, и молоко.
Как душно хлеба вещество,
как на губах легко

от молока! На дне души
лежат с весенних лет
разбитый маленький кувшин
и этот чёрный хлеб...

Лариса МОРОЗОВА

* * *

...всё ходит по цепи кругом.
А.С. Пушкин

Витает запах травяной
С утра над стриженным бульваром,
Зелёный Пушкин на Сенной
Печальным кажется и старым.

Он — тенью солнечных часов —
Скользит в кругу цепей тяжёлых.
Судьба — лишь эхо вещей слов,
И ясно слышен звон оков
В её насмешливых глаголах.

Но вот уже летит душа,
Чья песнь земная не допета,
Себе одной принадлежа,
Туда, где северное лето

Без ночи днём сменяет день,
Где у окон лиловым воском
Цветёт в Михайловском сирень,
Хохочут барышни в Тригорском.

Чеканя ямбы, конь несётся,
Блестит у стремени вода...
А впереди — любовь, как солнце,
И жизнь, и радость. Навсегда.

Роман СЛАВАЦКИЙ

СКЛАДЕНЬ

Раскрыты вытертые створы,
но он от времени поблёк —
молитвы бронзовый залог,
одетый в тёмные узоры...

Вот так — и наш забытый Город
в земле неведомой залёг,
и золотых икон чертог
покрылся патиной позора.

Но тьма рассыпана слепая;
и вот уж — лики проступают,
и всё вернее и светлей

эмаль горит на медной глади!
...Коломны потаённый складень
сверкнул среди родных полей.

Екатерина УСТИНОВА

* * *

Вы на площади Двух Революций растаяли.
Позаброшенный вождь в небеса мне указывал.
Я растаявшим снегом заедала отчаянье.
Новогодняя ночь со своими проказами...

Отбивают куранты последние сумерки.
Не случилась любовь — ну да Бог с ней и ангелы!
Вы навеки простились с печальными думами.
Я на площади Двух Искуплений растаяла.

* * *

Молчанья двери приоткрою,
Наружу выпущу огонь.
Страшна своею простотою
Твоя открытая ладонь.

Гордыней слабых правит случай
С безумьем наперегонки,
И ты в награду не получишь
Моей протянутой руки.

* * *

Солнца лучик, пойманный зеркалом,
Колос ржи, похожий на гребень...
Как же душу мне исковеркала
Тишины проклятая темень!

Из себя, как из ямы, не выбраться.
Кто расскажет мне, что там выше?
Сёстры-норны задвигали спицами.
Видно, прялки из моды вышли...

* * *

Достучись до Бога — получишь чудо.
Сочини молитву — получишь песню.
А моя дорога лежит *отсюда* —
Отзываться эхом в лесах окрестных.

Два зерна соседних в цепочке судеб:
И вдвоём, и порознь — всегда случайно.
Разбуди дракона — получишь бурю.
Подари колечко — получишь тайну.

Мария ЧИЧЕРИНА

ВДОХНОВЕНИЕ

Вы знаете, какое вдохновенье,
Когда прольётся тихий майский свет?
Зимы ухода замедленье.
И ничего прекрасней в мире нет.
Когда ты видишь: солнце умирает,
И знаешь: вновь рождается оно.
Когда ты смотришь на луну
И твёрдо знаешь,
Что нужно взять чернила и перо.
Как жаль, что многие не понимают
Всех прелестей вот этого труда.

Проходят годы. И поэтов забывают,
Но их творения остались навсегда.
И не понять иному человеку
Хоть маленьких, но всё-таки причуд:
Как важно написать стихотворенье
Лишь потому, что соловьи поют.

Дарья ШМАГИНА

В ЭТОМ ГОРОДЕ...

В этом городе — ветры встречные,
Тишина зыбко гулкая...
В этом городе — слякоть вечная,
Эхо дробное переулками.

В этом городе — небо низкое,
Облаков пелена рваная.

В этом городе хрупкими листьями
Пепла хлопья кружатся пряные.

В этом городе всё забудется,
Растворится в вязком безвременье.
В этом городе часто чудится,
Что, возможно, не всё потеряно.

Это город усталых путников,
Тех, кто выход найти отчаялся,
Город преданных и отступников,
Тех, кто счастлив был и кто маялся.

Этот город — как гость непрошенный,
Может, снегом наваян включенным,
Образ призрачный, образ прошлого,
Заструившийся ровными строчками.

Дарья ШУВАЛОВА

* * *

Я... люблю тебя, кажется,
И всё в жизни не ладится.
И все случаи вяжутся
В одну неурядицу.

Я люблю тебя — мнится мне,
И всё тает на улице.
И с весёлыми лицами
Люди нежно целуются.

Я люблю тебя, видимо,
Как мальчишку та девочка.
И у них всё невиданно,
И у них всё так девственно.

Я люблю тебя искренно.
Я люблю тебя бережно.
Так неистово весело,
Так загадочно сдержанно.

Нина ЩЕГЛОВА

СТАРЫЕ ДОМА

Заброшенные старые дома,
Давнишня зола в остывших печках...
И к вам пришла последняя зима,
Сугробом притулилась на крылечках.
Провалом скорбных и пустых глазниц
Взираете на мир вы удивлённо.
А ваши стены помнят столько лиц —
Весёлых, горьких, ласковых, влюблённых...
Когда бы знать, что будет впереди:
Здесь радовались, мучились, прощались,

Но в долгие осенние дожди
 Под крыши ваши снова возвращались.
 Родные стены согревали кровь,
 И потчевал очаг горячим чаем.
 Хранили вас, как первую любовь,
 И — отчими сердечно величали...
 Вам верится: вернётся детский смех,
 Тепло жилья — не вовсе ж вас забыли!
 Есть маленькая родина у всех —
 Наш старый дом, где мы когда-то жили...

Ольга ЮРИКОВА

* * *

Городок подмосковный с древним кремлём,
 Колокольным звоном в пять часов.
 Родилась, и росла, и жила в нём —
 В доме, где скрипом встречает засов,
 И девчонкой краснеет герань из окон,
 Где из тёплого дерева стены и пол.
 Здесь у бабушки в доме много икон,
 Есть комод и гардины, клеёнка на стол,
 Занавесок крахмальных нехитрый узор,
 Половик домотканый, как будто из трав,
 На кровати железной белеет подзор...
 Молодой, беспокойный у бабушки нрав —
 У плиты да в саду всё хлопочет она,
 Между делом к окну не спеша подойдёт,
 Чутким ликом застынет в окладе окна —
 Бесконечно, безропотно нас она ждёт.
 Мы к истокам своим после дальних дорог,
 Как к живому ключу, прикоснуться спешим,
 И выходит родная встречать на порог —
 Кто бы ни был, гостям она рада своим.
 В дом проходим: на стуле калачиком кот
 Так уютно закутался в старый пиджак.
 «Вон откуда заметила юбку твою», —
 Скажет бабушка вдруг.

Мне суметь бы ей так...

Ухожу.

Долго машет с крыльца: «В добрый час!»

На посту мой солдатик — косынка бела...

«Господи,

ведь она верит в Тебя,

Сделай так, чтоб моя бабушка

вечно жила...»

БЫЛА
ВОЙНА

Графика Василины Королёвой

ВРЕМЯ ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ

В этом году мы отмечаем памятную дату, скорбную как для всей нашей огромной Родины, так и для нашей малой родины — Коломны. Семьдесят лет назад началась Великая Отечественная война.

История первой Отечественной войны странным образом повторилась в войне 1941–1945 годов. Как и в 1812-м, вражеское нашествие миновало город. Но сражения Великой Отечественной ошутимо ударили по Коломне: почти двенадцать тысяч наших земляков не вернулись с фронта.

Тогда, 22 числа, светлым июнем, никто не мог представить, какую страшную цену придётся заплатить за свободу Отчизны. Все верили, что врага победят «малой кровью и на его же территории»; добровольцы с энтузиазмом целыми колоннами шли в военкоматы. Но очень скоро стало ясно, что война окажется вовсе не такой лёгкой, как на киноэкранах...

Фашисты двигались к Москве с ужасающей скоростью, немецкие самолёты уже достигали столицы. Хотя Коломна не вошла в зону активных боевых действий, ледяное дыхание смерти коснулось и нашей земли. Бомбили Пески, погибло несколько человек. Был налёт и собственно на город. На железнодорожном переезде во время бомбёжки погибла бухгалтер Коломзавода, вместе с ней был убит и сопровождавший возчик.

Их похороны на старинном Петропавловском кладбище превратились в настоящую демонстрацию; общая боль сплотила людей. Сейчас никто не по-

Ю.М. Атланов. От Советского информбюро. Из серии «Память детства». 1980 год (фрагмент)

кажет место их погребения. Кладбище закрыли в 1942 году. В 70-е годы некрополь стёрли с лица земли; сегодня здесь Мемориальный парк. Но гранитный монумент, построенный в память коломенцев, погибших в Великой Отечественной, — это не совсем абстрактный памятник, который можно поставить где угодно. Вечный огонь зажжён близ могил нашедших здесь последнее упокоение участников войны, умерших от ран после Победы. По рассказам старожилов, хотя официально кладбище у церкви Петра и Павла было закрыто, захоронения продолжались в частном порядке ещё несколько лет.

Но вернёмся в страшный 1941 год...

Волна эвакуации захватила и Коломну. Огромный Коломзавод поднялся и бесконечной вагонной рекой устремился к Уралу по руслам рельс.

А те, кто остались, — женщины, старики и школьники, — вышли на строительство укреплений. Враг пытался взять столицу «в клещи», танковые корпуса рвались к Туле. И Коломна ошетибилась противотанковыми «ежами», рвами, бронеколпаками и дотами. Военные инженеры чертили план укреплений, рассчитывали систему огневых точек в самом городе и вокруг него. Коломна должна была стать настоящей крепостью.

Берега Оки, на которых в эпоху Средневековья столько раз собирались союзные русские рати, снова стали военной границей. Казалось, совсем недавно Эйзенштейн снимал на этих просторах первые сцены «Александра Невского», а теперь Девичье поле могло превратиться в реальное поле битвы новейшего времени.

Окна домов в городе были крест-накрест заклеены бумажными лентами. Около мостов через Москву-реку и Оку стояли зенитки, и если происходили налёты, председатель городского совета объявлял по радио воздушную тревогу, открывался заградительный огонь, а с неба градом сыпались осколки разорвавшихся снарядов...

С мучительной тревогой ждали почты. Солдатские треугольники брали с надеждой, а обычные конверты — со страхом. В таких официальных конвертах приходили «похоронки» — извещения о смерти. А часто — казённые серые бланки с бездушными словами: «Пропал без вести»... Сколько таких «безвестных» полегло на российских полях! До сих пор поисковые отряды поднимают и сотнями хоронят останки советских солдат.

После войны, несмотря на перенесённые невзгоды, Коломна не только восстановила, но и приумножила прежнюю мощь. Вернулись из эвакуации заводы. Выросли новые, в их числе знаменитый КБМ, где создавали ракетную технику для обороны страны.

Сорок первый год стал жестоким уроком всему народу. Как жаль, что сегодня этот урок забывается... Разрушаются не только культура и образование. Рушится и оборона. Одно за другим закрываются военные училища. В 2010 году приостановлен приём во все военные училища страны (Коломенская правда. 2010. № 56. С. 12). Вот и Коломенское (Михайловское) высшее артиллерийское командное училище расформировано... Привычная картина — курсанты на улицах нашего города —

исчезла. Я всегда с большим трепетом и восторгом относился к ним, будущим военным. Есть такая профессия — защищать Отечество. Люди, выбравшие её, вызывают у меня большое уважение. А теперь у молодых ребят это право отнято... Россия разоружается. Не рано ли? Хотя здесь частица «ся», обозначающая «действие, направленное на себя», неуместна. Скажем прямо: не «Россия разоружается», а Россию разоружают её враги — внешние и внутренние, готовя ей участь Византии... Но вспомним древнюю мудрость: «Vis pascem, para bellum». Да, если хочешь мира — готовься к войне.

Виктор МЕЛЬНИКОВ

НАШИ УТРАТЫ

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА ГУЩИНА

Широко пролёг по Коломне Окский проспект. И там, где выходит он к высокому берегу Оки, воздвиглись, точно крепостные бастионы, корпуса Конструкторского бюро машиностроения. Почти вся жизнь Николая Ивановича Гущина была связана с этой твердыней российской военной науки.

Наш земляк родился в селе Сельникове в 1932 году и, окончив Рязанский радиотехнический институт в 1957-м, пришёл на КБМ. Здесь он вырос в серьёзного учёного, стал кавалером и лауреатом высоких орденов и премий. В тяжёлые 1989–2003 годы Гушин был главным конструктором КБМ. Во многом именно благодаря ему предприятие не погибло в мутное время «разгула демократии».

Но мало кто знал, что за обликом учёного мужа скрывается увлекательный рассказчик. На досуге Николай Иванович писал книгу воспоминаний «Окский проспект». Некоторые главы этого удивительного документально-повествования были опубликованы на страницах «Коломенского альманаха». Ведь учёный был не только внимательным читателем, но и нашим другом. И не раз он выручал альманах в трудную минуту советом и поддержкой.

В 2010-м расстались мы с Вами, Николай Иванович... Но Ваше слово навеки осталось в нашей литературной летописи. И может быть, страницы Ваших воспоминаний ещё увидят свет, прозвучат, словно эхо шагов по просторному Окскому проспекту...

Коллектив редакции

КНИГА-ЗНАМЯ

Кузовкин А.И. Герои-коломенцы. Коломна: Лига, 2010. — 240 с.: илл.

Новая книга Анатолия Кузовкина рассказывает о земляках-коломенцах, обессмертивших свои имена и прославивших нашу Родину. 109 героев — гордость Коломенского края!

Перекрестками трёх веков обозначил Кузовкин хронологию материала. Полвека упорных трудов потребовалось автору, чтобы собрать его.

Роскошная книга подготовлена издательским домом «Лига» к 65-летию Победы. Её страницы шелестят, словно складки военного знамени. И не случайно первые пятьдесят пять очерков — о Героях Советского Союза — воинах Великой Отечественной. А ведь в самом начале поиска известны были лишь двенадцать имён...

Звание «Герой Российской Федерации» присвоено одиннадцати

коломенцам. Семеро наших земляков стали полными кавалерами высокой солдатской награды — ордена Славы, а два уроженца Коломенского района, участники Первой мировой войны, — полными Георгиевскими кавалерами.

Сегодня мало кто знает, что одиннадцать лет в стране существовало почётное звание «Герой Труда». Его с честью носили два жителя Коломны.

Высшая степень отличия — звание Героя Социалистического Труда — была установлена в 1938 году. Первым это звание было присвоено И.В. Сталину, он же был награждён золотой медалью «Серп и Молот» № 1. Коломенская земля гордится тридцатью одним Героем Социалистического Труда, а также единственным из наших уроженцев полным кавалером ордена Трудовой Славы.

Повествование сопровождается небольшими, но важными и познавательными экскурсами в историю учреждения каждой из высших наград страны.

Беря в руки книгу «Герои-коломенцы», мы словно присягаем на верность славе отцов. Поистине, это — книга-монумент. Книга-знамя, украшенная славой георгиевских лент!

Алексей Николаевич Курганов родился в 1958 году в Коломне. Окончил медицинский институт. Работал врачом, журналистом в газетах «Ять», «Региональные вести», в региональной газете «Грань» (город Раменское).

Публиковался в журналах «Воин России», «Молодая гвардия», «Советская милиция».

Дипломант Международного творческого конкурса «Вечная память» (2010), дипломант Международного литературного конкурса «Купель» (Карелия, 2010).

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

РАССКАЗ

Алексей КУРГАНОВ

МАЛЬЧИК

*Памяти отца моего,
Николая Ивановича, по-
свящаю.*

Мой хороший и давний знакомый, Иван Васильевич Однодушнов, всю свою мирную жизнь (почему именно «мирную»? Да потому что была у него ещё и военная, фронтовая) проработал на железной дороге, в депо Голутвин, что в подмосковной Коломне. После окончания железнодорожного училища в Моршанске начинал свой трудовой путь помощником машиниста, потом стал машинистом, со временем перешёл в инструкторы, сам стал машинистов учить. Как вышел на пенсию, депо не бросил, переквалифицировался в экипировщики. Кто не знает — это такой железнодорожный специалист, который укомплектовывает (то есть экипирует) тепловозы всем необходимым для их нормальной работы.

Иван Васильевич — человек немногословный и весьма стеснительный, особенно в отношении фронтовых воспоминаний. Вообще, такую «стеснительную» черту мне приходилось наблюдать не только у него — у многих ветеранов войны. Поневоле создавалось совершенно абсурдное ощущение, что они считают себя чуть ли не виноватыми в том, что, видишь ли, остались живы, а их ребята-сослуживцы, с кем и одной шинелькой накрывались, из одного солдатского котелка хлебали, последним табачком делились, те так и не дожили, так и остались навеки молодыми и весёлыми...

«Разговаривался» он на эту, военную, тему очень неохотно, трудно,

как-то исподволь. Но однажды старый железнодорожник нарушил своё правило. Говорили мы с ним как-то (уж не помню даже, по какому поводу) о телепатии, о мистике, вообще о таинственном, непонятном, что не поддаётся никакому логическому объяснению, да и просто здравому смыслу.

Материализм — это понятие нам вдалбливали в головы ещё со школы. Все эти «необъяснимые» чудеса — чистейшие выдумка и шарлатанство, рассчитанные на людей дремучих и по-детски доверчивых, принимающих всякую ерунду за чистую монету.

— Значит, считаешь, что ничего такого сверхъестественного в жизни нет? — хитро прищурившись, спросил меня тогда Иван Васильевич.

— Да, считаю, — сказал я решительно. — Пример: «феноменальные способности» Вольфа Мессинга, который на самом-то деле был никакой не маг, а просто талантливый психолог со способностями гипнотизёра. И все эти сказки про его дружбу со Сталиным — не более чем трюк, очередная «завлекаловка-развлекаловка», рассчитанная на простодушного, верящего всякой ерунде обывателя.

— Ну-ну, — почему-то задумавшись, ответил Иван Васильевич. — Про Мессинга не знаю, может, и действительно шарлатан, а вот одну историю тебе расскажу. Даже не одну, несколько, но все они связаны одной общей линией. Ты послушай, а вот тогда и реши, есть она, эта самая сверхъестественность, непостижимость для ума человеческого, а может, даже Божье предвидение, или рок, или судьба — в общем, ты понял, что я имею в виду... Или нет. Лично я на этот вопрос пытаюсь найти ответ, считай, всю свою сознательную жизнь — и не нахожу. Такая вот, приятель, совершенно непонятная необъяснимость...

Родился я в 1922 году в деревне Катагоща Михайловского района Рязанской области, тогда ещё губернии. Семья у нас была по нынешним меркам не просто большой, а огромной, а по тогдашним, по деревенским — самой что ни на есть обычной: папаня, маманя, папанины родители — дедушка и бабушка, девять человек нас, ребятшек, — четыре брата и пять сестёр. Да и у нас в деревне, и окрест у всех такие семьи были, с кучей мал мала меньше. Больше того: если в семье один ребёнок или два, то непременно слухи возникали, пересуды, дескать, или мужик слаб, или у бабы нелады по женской линии...

Особо уж богатой наша семья никогда не была, но и мякину с голодухи не жевали. Потому что работали все не покладая рук, с самого малого возраста, и не из-под палки, а в охотку, по давно заведённому правилу-воспитанию: как потопаешь, так и полопаешь. Меня, например, маманя уже с трёх лет в поле с собой брала. Делать-то ничего не заставляла, а всё одно — само присутствие при работе уже настраивало ребёнка на нужную рабочую волну. Такая вот немудрёная, но, как сейчас понимаю, самая действенная педагогика. Потому что пример-то — вот он, перед твоими детскими глазами. Сеет и пашет, косит и стогует, молотит и убирает. Вот и ты, пострелёнок, за папкой и мамкой тянись — не ленись. Так поневоле и тянешься, и втягиваешься. А как же? Положено!

В пять лет я уже и коз пас, и овец, за водой ходил и на огороде копался. Да, крестьянствовать — труд нелёгкий, но благодарный... Хотя глупость я сейчас сказал: лёгкий труд — он никогда благодарным не бывает. Это только у вертопрахов всё и всегда по жизни легко выходит, играючи, несерьёзно. А у нормального человека, работающего, основательность в жизни быть должна, понимать он должен ясно и чётко, для чего живёт, для чего работает, зачем и с какой такой целью.

В тридцатом году, весной, у нашей кобылы Пачки родился жеребёнок. Сколько я таких детёнышей видел, а в этого, уж не знаю и почему, но сразу же, с первых дней буквально по-настоящему влюбился! Да и как было в красоту такую не влюбиться: ножки тоненькие, точёные, подшёрсток нежно-рыженький, пуховой, глаза голубые-голубые, не глаза — небо! А главное, прямо посередине лба — белая звёздочка. Папаня его как увидел, сразу сказал — ай да мальчик! И прямо не в бровь, а в глаз угадал! Так сразу и назвали — Мальчиком. Хорошее имя. Ласковое, светлое, весёлое. Лучше, пожалуй, и не придумать.

И стали мы с ним самые большие, самые близкие друзья. Мальчик за мной, как собачка: куда я — туда и он. Как на верёвочке. Папаня, помню, смеялся всё: ну, два сапога — пара! Куда один, туда и другой! И даже когда жеребёнок подрос, тоже ни на шаг от меня не отставал. Действительно, собачка... А ещё под седло никому, кроме меня, не давался. Вот такой характер! Норовистый, свободолюбивый! И опять папаня смеялся: нет, не крестьянский это конь, не для работы! Прямо-таки царских кровей! Я сначала смеялся насчёт «царских»-то, не верил, а может, так оно и на самом деле было. Ведь ещё старики говорили, что из наших краёв в конюшни Григория Орлова, фаворита Екатерины Великой, его конюшенные коней отбирали. Может, отбирать-то отбирали, а всё же всех до конца так и не забрали, проглядели-проворонили. Может, тогда и спрятался-остался в деревенском табуне какой-нибудь пропущенный «королевич», который и стал потом нашему Мальчику прапрапра... дедом. Как знать, как знать...

Да, хорошо тогда жили. И работали много, но и отдыхать умели. А чего иной раз и не отдохнуть, когда в доме достаток, когда все трудятся, все к делу пристроены. Так бы и жить всю жизнь... Так бы и жить...

Но не получилось всю-то жизнь. В 30-м году пошли по нашим краям великая смута и волнение под очень нехорошими для трудового крестьянства названиями «раскулачивание» и «коллективизация». Среди самых наших местных, самых активных активистов был некий Прошка, но тут повелел он себя величать Прохор Кузьмич. Фамилию называть не буду — может, дети его живы или внуки. Может, нормальные люди, не то что их дед-шалапут. Зачем им жизнь портить? Они-то как раз ни в чём и не виноваты. Так что не будет фамилии. Я — не Прошка с его паскудным характером... Так вот, этот самый Прошка был и шпана шпаной, и лодырь первостатейный. Как раньше говорили: ни пахать, ни сеять,

только на гармошке играть. К слову сказать, такие вот прошки имелись у нас окрест в каждой деревне, да и чего им было не жить: бывало, гармозу свою растянет, пройдётся по улице, а девкам и забава. Какая ему, лоботрясу, яичка вынесет, какая хлебца, молочка, какая и самогоночкой угостит. В общем, каждый, почитай, день и сыт, и пьян, и нос в табаке, и работать не надо. Чего не жить? Красота! Гуляй, рванина!

И как эти самые раскулачивание-коллективизация начались... Прошка — он хитрый был, чёрт! И сообразительный! Сразу сообразил, как надо правильно нос по ветру держать. Смекалистый, чего и говорить, зря, что ли, отец его покойный о его задницу столько вожжей размочалил... Да с этой коллективизацией для него, голодранца, можно сказать, прямо сами собой создались самые сказочные условия! У них ведь вся семья была беднота на бедноте и беднотой погоняла. Да и откуда чему взяться, если не работали? Это при царе они лоботрясами считались, все пальцем на них показывали: дескать, смотрите, люди добрые, до чего в паскудстве своём можно дойти! А теперь сменилась власть, и оказались они сельскими пролетариями. А это что значит? А то, что надрывались и ломали с утра до ночи свои хребты на кулаков-мироедов, живодёров-эксплуататоров! Вот они, настоящие сельские труженики! И наша советская власть никому не позволит их дальше обижать!

Конечно, это сейчас вот кажется смешно: «ломали хребты», «от голодухи загинались». Да что отец его, Кузька-Кузьма, что сам Прошка, они в жизни ничего тяжелее стакана и не поднимали! И чтобы лопату в руки взять или встать за плуг — не, это не про них совершенно! Но зато завидущие были — страсть! И от зависти этой — мстительные и памятливые. Попробуй тронь его — или скотину ночью со двора уведёт, или, того хуже, «красного петуха» в избу запустит. Нет, не вру, не наговариваю! Бывали случаи, и подозрения были, а поймать никак не могли. Чего-чего, а умели, стервецы, концы в воду прятать!

Прошка сразу положил глаз на нашего Мальчика. Он и раньше, сызмальства, с цыганами знался, у них в таборе неделями пропадал. А цыгане, известно, те ещё конокрады. Вот и научился их конокрадской науке и однажды ночью попытался Мальчика со двора свести. Уже и узду набросил, и на морду холстину, чтобы голос не подал. Специалист, что и говорить! Да только Мальчик не так прост оказался! Биться начал, шуметь, кидаться по сторонам. Папаня с Мишкой и Лёнкой, старшими моими братьями, этот подозрительный шум и услышали. Выскочили во двор, прихватили Прошку. Деревенский закон был суров: конокраду — смерть! Но пожалели дурака: всё ж таки живая душа... Нет, наклали-то ему от души, в шесть кулаков, до беспомыслия. Но только до конца грех на душу брать не стали: выживет так выживет, а очокурится — туда ему, ворюге, и дорога... Хотя если бы и укатали до смерти, то в деревне никто бы не осудил: с конокрадами испокон веков в деревнях и сёлах российских не церемонились. Потому что конокрад не просто коня крал. Он семью кормильца лишал. На котором и пащут, и сеют, и урожай убирают, и возят, и ездят, да и много чего ещё... Одно слово — кормилец. Без него — не жизнь. Ложись и помирай.

Но только выжил Прошка, выжил! Такие всегда выживают. Они от кулаков, наоборот, ещё крепче становятся. Отлежался с недельку, кровью похаркал, потом начал потихоньку на улицу выползать. А уже через пару недель опять гармозу в руки — и этаким фертом беззаботным опять вдоль по деревне. И никакого стыда, никакого раскаяния! Да ему и понятий-то таких никогда ведомо не было. Одно слово — гнилой человек. Да и человек ли? Так, человеческий мусор, одно недоразумение... Но злобу на семью нашу, понятно, затаил. Большую злобу! Вечную! Только дай момент!

А тут этот самый момент и представился: комитет бедноты организовался (Прошка — в первых рядах! А как же! Вон уже и красный бант у него на груди!), который наметил под руководством городских большевистских товарищей, которые в кожаных тужурках, по избам идти, трясти кулаков-мироедов, злостных и непримиримых врагов новой, подлинно народной власти. Наша семья, понятно, оказалась одной из первых в этом «справедливом» списке (это Микитка Парамонов папане рассказал. И про список, и про нашу первую очередь. Его тоже по причине бедности в тот комитет запихнули. Хоть один нормальный человек там оказался, не все бедняки жуликами-то были. Вот он, Микитка-то, и шепнул: Прошка постарался).

Ну и чего делать? У них — власть, у них — сила. Против них не попрёшь, а попрёшь — устанешь кровянкой умываться. Их время, мутное, сволочное, так что клоните голову, мироеды-эксплуататоры (ведь и слова-то какие придумали! «Мироеды»! А эти мироеды бывало прямо в поле от усталости падали, их ноги до дому донести не могли). Так что гуляй, рванина, от рубля и выше! Твой теперь, Прошка, праздник!

И вот ночью, как раз перед тем днём, как нас «трясти» были должны, снится мне сон. Как будто сижу я на нашем лугу, внизу — речка Кухлянка, на небе солнышко светит, а вокруг меня Мальчик наш кругами ходит-бегает. Голову набок склонит и смотрит на меня так внимательно-внимательно. Дескать, не кручинься, Ванюшка, держи голову веселей! Всё нормально будет, я тебе обещаю, всё хорошо закончится... И у меня на душе от этого его взгляда вдруг сразу такое спокойствие появилось, такие тишина да благодать разлились! В общем, хорошо всё. И беспокоиться не о чем. Спи, Ванюшка, спи...

А наутро, как и ждали, пришли к нам комбедовцы. Лица у всех суровые, государственно-озабоченные. Сначала объявили, что к чему, и какие мы все есть непримиримые враги советской власти. Потом по комнатам прошлись, потом по чуланам, по сараям. А старшим у них незнакомый мужик был, из города, высокий, в кожаной фуражке. Отца спрашивает:

- Зерно сдал?
- Сдал, — отец отвечает.
- Всё, что положено?
- Что положено. Не верите — проверяйте.

Этот кожаный губы поджал, на нас, ребяташек, взглянул сурово (а мы сидим кучей, друг к другу, как цыплята, прижались, нахохлились. Смотрим на него исподлобья и молчим. Страшно!). Он по дому прошёлся, ещё раз на нас, цыплят, посмотрел. И вдруг рукой махнул своим: всё, осмотр закончен! Ничего и никого не трогать! Претензий у Советской власти к этой семье нет! Пусть живут как и жили. Пошли к следующим!

Ну, тут Прошка, конечно, набычился-надулся, мордой своей бандитской затряс, рот раскрыл, в говно полез. «Да это же, — кричит, — самые первые мироеды! Их первых в Сибирь надо! Сгноить! Расстрелять! Никак оставлять их нельзя!» Но только кожаный глаза нехорошо так сузил, наклонился и что-то быстро ему сказал. Прошка тут же и заткнулся, язык свой поганый сразу проглотил. Не вышло по его, хотя — спал и видел, как в просторы сибирские бескрайние, в которых много душ невинных, «мироедских-эксплуаторских», навечно успокоилось, нас спровадить. А самое-то удивительное, что никого из остальных деревенских «мироедов» они не пощадили! Я сначала подумал, что и мы спаслись благодаря лишь папане и Мишке. Папаня-то наш, он и в германскую воевал, и один год против Деникина в Гражданскую. А как осколки из него от гранаты немецкой, ещё с германской войны в теле застрявшие, там, на деникинском фронте, полезли, то его и комиссовали как невоенноспособного. Вот он из госпиталя в деревню и вернулся. А Мишка, тот целых три года в Гражданскую воевал. Батьку Махно гонял в Первой конной и барона Врангеля по Крыму. Но ведь и у Зениных, и у Мишуковых, и у Голиковых тоже и отцы, и сыновья в Гражданскую воевали, а Витька Евлогов даже с орденом пришёл, Красного Знамени! Да только не помог он, орден-то, Евлоговых всех в одночасье в Сибирь спровадили. А кого оставили, тех вычистили дочиста, так что и Мишуковы, и Микулихины, и Зенины, и Однаковы сами стали беднее бывшего бродяги Прошки, который теперь и не Прошкой стал, а Прохором Кузьмичом, председателем сельского Совета, а значит, законным представителем советской власти в нашей деревне и ещё десяти, которые вокруг.

Я, честно сказать, тогда про тот сон свой, который накануне, перед приходом комбедовцев, приснился, и забыл совсем, и на много лет. Другие дела навалились — да и чего было вспоминать? Сон, он и есть сон. Подумаешь! Чего только не приснится! Как ты сейчас мне сам сказал — несерьёзно это всё, предрассудки, мираж. А мы, комсомольцы, — материалисты. Не верим ни в Бога, ни в чёрта. Как тогда говорили — передовой отряд советской сельской молодёжи...

Прошли годы. Я учился, работал в колхозе, помогал отцу и братьям. Мальчика пришлось сдать в колхозную конюшню, но под узду он всё равно никому, кроме меня, не давался. Так что волей-неволей, а мы вместе оставались, как Прошка на нас зуб ни точил. Кстати, в председателях он долго не задержался: тот же «кожаный», который ходил с ним по нашим избам раскулачивать, и попёр его из сытного председательского

кресла, и не по каким-то идейным соображениям, а за элементарное воровство. В конце концов Прошка спился и ходил по деревне постоянно злой — что-то себе под нос бормочет, окончательно опустился. Бабы его хоть и не привечали, но всё одно жалели: выносил кто яичка, кто масла, кто хлебушка. Русская женщина — она порой до полной непонятности загадочная женщина, и иногда её поведение предсказать совершенно невозможно. Он же, паразит, тебя в тридцатом с детишками из дома на мороз выгонял, ты же сама кляла его самыми последними словами — и на тебе: яичка, хлебушка, самогоночки. И ведь ничего с этим не поделаешь: «А как же? Ить человек всё ж таки! Жа-а-алка!»

Началась война. Встретил я её уже в рядах РККА, Рабоче-Крестьянской Красной армии, в военных лагерях под Нижним Новгородом. В начале июля нашу стрелковую часть срочно перебросили под Смоленск, в самое пекло тамошнего сражения. И не повезло нам: после недели боёв оказались в окружении, да в таком гибельном, что всего за сутки от нашего взвода хорошо если половина осталась, и командира убило. Но вторая половина всё ж таки вырвалась, пошли на восток, к нашим, через леса и болота, да только опять как будто чёрт над нами кружил, опять неудачно: на танки немецкие напоролись. Ах, ох, стрельба, мы мечемся, немцы ржут, за нами на мотоциклетах гоняются, в нас стреляют; мы, кто ещё может, отстреливаемся... Короче, из той половины ещё половину положили да танками для гарантии поутюжили. Они, немцы, господа аккуратные, любили всё основательно делать, с гарантией... Вот, значит, достреляли-подавили, но всё ж таки не всех: наш старшина Просюков, светлая ему память, оставшихся собрал и в болото увёл. Тоже не лучший вариант, но хоть так, всё-таки не плен... И до сих пор не пойму: чего им, немцам, от нас, оставшихся, надо было? Ведь мы уже и без боеприпасов, и из оружия — может, всего штук пять винтовок осталось: то есть сопротивления-то никакого оказать не могли, если только зубами их, гадов, грызть, а они тут же по периметру болотному оцепление выставили, машины подогнали с репродукторами. «Рус зольдат, сдавайс! Гарантируем жизнь!» Некоторые, правда, не сразу, но всё же купились: дрогнули и с поднятыми руками начали на дорогу выходить. Мы, оставшиеся, может, тоже бы их примеру последовали, но только немцы тут глупость совершили, поторопились. Сразу вышедших положили из автоматов, можно сказать — у нас на глазах, даже отвести подальше не догадались. Вот тебе и «гарантируем жизнь». Получили ребята стопроцентные гарантии... Конечно, мы, кто ещё в болоте оставался, выходить раздумали. призадумались: там на сто процентов хана, а здесь хоть один процент, но всё-таки имеется. И процент этот называется чудо. В него, в чудо-то, когда ситуация безвыходная, ох как верить начинаешь! Да во что и в кого угодно поверишь, когда небо-то с овчинку. Тут уже не до марксизма-материализма...

А немцы поняли, что промашку дали, что поспешили, и от этого сильно озлобились (а то всё веселились, носились за нами, как охотники за зайцами) и миномёты подогнали. И опять: «Рус сольдат, сдавайс! Хлеб

и жизнь гарантируем! В противный случай — миномётный обстрел!» Но только протянули они малость с миномётами, смеркаться стало. Ночью-то, когда ни шиша не видно, чего толку мину кидать. Опять же — немецкая педантичность, они не привыкли добром расшвыриваться, у них за каждый истраченный боеприпас обязательно отчитайся... Нет, правда, покидали с полчаса, положили ещё кого-то, а добивание до утра отложили. Решили, что нечего торопиться, всё равно никуда не денемся.

И вот в эту, самую, наверное, мою первую тоскливую ночь приткнулся я к какой-то болотной кочке, глаза закрыл... Всё, думаю, утром конец, отвоевался. А за целый-то день от немецких мотоциклетов да танков по лесу да по болоту до того набегался-уморился, что меня на той кочке и сморило. И снится мне, представляешь, тот сон, десятилетней давности! Луг, речка, солнце и Мальчик. И всё так же смотрит на меня, и голос у меня в ушах: «Не бойся. Всё обойдётся. Всё будет хорошо. Я с тобой...»

Ночью, сквозь дрему, вдруг слышу громкие голоса. Там, на дороге, у немцев моторы урчат-фырчат, гул от машин, крики, команды: «Шнель, шнель!..» И уже под утро всё стихло. Ни громкоговорителей, ни оцепления, никаких «Шнель!». Никого и ничего. Пусто. Непонятно.

Мы сначала-то поосторожничали: вдруг фрицы опять пакость какую придумали? Они на это, чего говорить, мастаки большие были! С час сидим в своём, ставшем уже родным болоте, два, три. И слушаем, слушаем, аж уши от напряжения закладывать начало. Нет, тишина и тишина! Стали с оглядкой выбирать. Смотрим: и на самом деле немцев нету! Ни одного! Вот оно, чудо-то! Сбылся этот самый один-единственный процент! Уже много позже узнали: в это время километрах в десяти наши танки пошли в контрнаступление. Прорвали фронт в глубину до трёх километров, начали крушить вражескую оборону, и немец вынужден был срочно перебрасывать к месту прорыва дополнительные части. Одной из них была и та, которая нас в болоте караулила. Так что, выходит, те танкисты нас и спасли от верной смерти...

В двадцатых числах августа 42-го года наша 96-я стрелковая дивизия оказалась в Сталинграде. Именно 23 августа немцы с плацдарма на левом берегу Дона ударили в стык наших армий и вышли к Волге. Какая там тогда случилась мясорубка — рассказывать не буду, об этом уже рассказано-перерассказано миллион раз, и рассказчиками куда как более опытными и умелыми, чем я. Да, Сталинград... Это были не дни и ночи, а какой-то сплошной полный беспросвет. Где передовая, где мы, где немцы — всё вокруг стреляет, горит, взрывается, кто-то кричит, кто-то уже своё откричал, носом в землю уткнулся...

Меня как-то у внучки в школе, на собрании к очередной годовщине Победы, спросили сначала про бои, понятно, а потом — как там, в Сталинграде, с бытом солдатским было, с кормёжкой? Наверное, голодали? Да какое там, говорю, голодали! И еды, и курева, и водки навалом! Помню, шум поднялся, и среди учеников, а больше среди учителей.

— Как это, дескать, так? Такая битва — а по вашим, Иван Васильевич, словам получается, что там были чуть ли не курортные условия! Что-то

вы совсем не то говорите! Опять же дети слушают. Это, в конце концов, просто непедагогично!

— Да вот вам истинный крест, — отвечаю. — Всего было полно. По крайней мере, у нас в роте. А почему — поясню, ничего удивительного в этом нет. Вот, допустим, у нас утром в составе отделения — пятьдесят бойцов. Старшина и выписывает паёк на пятьдесят, правильно? А к вечеру от этих пятидесяти хорошо если человек двадцать в живых останется. Не возвращать же остатние тридцать пайков обратно на продпункт! Да туда пока и доберёшься, тебя самого тысячу раз или снайпер снимет, или миной немцы пришибут. Так что гуляй, братва, ешь от пуза, кури и выпивай! Однова живём! А уж завтра, кто знает, может, твой паёк кто другой молотить будет. А тебя вместо каши и водки немцы пулями и осколками от души накурмят.

И критики мои сразу успокоились. Да, говорят, не курорт. Совсем. И про непедагогичность вы уж нас, Иван Васильевич, извините. Не дай-то Бог таких курортов...

Наше отделение держало оборону у Дворца пионеров (это километрах в трёх от Волги). Там, повторяю, и передовой-то как таковой не было. Помню, где-то в середине декабря у нас за спиной вдруг стрельба началась. Да и не просто стрельба, а самый настоящий бой. Что такое? Почему у нас в тылу? Оказалось, немцы каким-то непонятным образом проникли через наши боевые порядки, то ли заранее разведали, то ли просто заблудились, и неожиданно напали на штаб дивизии. Штабные, они хоть и военные, а всё же такого, как у нас, непосредственного боевого опыта не имели, пришлось брать в руки автоматы и гранаты и отбиваться. А тут и мы подоспели, ни один немец не уцелел...

Да, народу выкашивало каждый день изрядно, и от этого постоянного ощущения смерти (вот ведь она, рядом ходит, улыбается тебе во все свои гнилые зубы!) чувство самосохранения как-то притуплялось. И если уж совсем не переставали её, смертушки-то, бояться (нет, такого не было. Человек всегда, при любых обстоятельствах, жить хочет. Это уж я точно знаю), то относились к ней вполне спокойно, можно сказать — философски. Дескать, ну что, пришла? За мной? Моя очередь? Ну что ж, значит, пора. Значит, собираюсь.

И вот в одну из ночей он пришёл ко мне, тот старый сон, в котором и луг наш, и речка, солнце и Мальчик. А надо сказать, что весь этот день у меня было самое паскудное настроение: отбивали механический цех, раз пять или шесть ходили в атаку, народу полегло человек тридцать, в том числе и наш командир, старший лейтенант Виктор Лузгин, мой почти что рязанский земляк (я-то — михайловский, а он — из соседнего района, из Скопина) и почти ровесник, он был всего на два года старше. Хороший парень, весёлый, жизнерадостный, даже в самых хреновых ситуациях, когда небо уже с овчинку казалось, и то не унывал. С такими ребятами воевать можно было! И вот погиб. Был от меня метрах в десяти справа, немцы начали миномётный обстрел, вот и попал под мину. Осколками посеколо и грудь, и живот, умирал страшно, весь, от горла

до пупка, развороченный, но хорошо хоть, что недолго мучился, даже в медсанбат не успели начать тащить. Да и чего толку с такими-то ранениями в медсанбате. Мы уже сами тогда лучше любого медика научились определять, кто ещё, может, выкарабкается, а кто уже всё, со святыми упокой... А ведь он, Виктор, чувствовал, что погибнет. За несколько дней о гибели сказал мне прямо, как говорится, открытым текстом:

— После войны съезди к моим, там ведь от вас недалеко до Скопина-то. Расскажи всё как есть, ничего не приукрашивай. Пусть знают.

Я сначала-то и не понял его.

— Чего, — говорю, — рассказать? О чём? Ты себя уже хоронишь, что ли? Не рано? Это ещё на воде вилами написано, кому к чьей родне ехать придётся: мне к твоим или тебе к моим. Все под Богом ходим, а здесь — в особенности.

До сих пор каюсь, что сказал. Дурак был или, может, сгоряча. А он в ответ так посмотрел... Нет, такой взгляд на словах не передашь. И в мирное время его вряд ли увидишь, и никакой, будь ты хоть трижды талантливый, артист такой взгляд не изобразит, не сыграет. Так смотрят люди, которые уже точно знают: в самое ближайшее время его не будет. И кстати, там, в Сталинграде, мне это чувство не у одного него довелось увидеть.

А на следующий день, наутро после этого сна и Витиной гибели, я и сам под миномёты попал. И всю шинельку, да что шинельку — всю гимнастёрку и все штаны с кальсонами, на мне всё в мелкую сечку осколками посеколо! А на теле даже не то что пореза — ни одной царапины! Такого просто не бывает! Фокус хлеще любого циркового! Как бы сейчас сказали, случай для книги Гиннеса. Наши мужики уж на что в этом самом Сталинграде ко всему привыкли, да и то только ахали да головами качали, как меня в этих лохмушках увидели. А замполит ротный — он специально пришёл на меня поглядеть — так и сказал: это, Однодушнов, кто-то за тебя крепко молится. Так и сказал: молится, хотя сам в Бога не верил, да и на других, кто не то чтобы веровал, а только высказывания соответствующие допускал, прямо коршуном бросался. Жёсткий человек был, а вишь ты, даже и его пробило... А я всё же думаю, что там, в окопах сталинградских, многие в Бога поверили.

И ещё был случай, третий за войну. Произошёл он уже в Польше, в начале 45-го, недалеко от Вислы. Приснился мне Мальчик перед тем, как нам выпало городок один братъ, название точно не помню — Бродница, Бродницы... Что-то похожее на наши подмосковные Бронницы. Приятный такой с виду городок, какой-то ненастоящий, игрушечный. И здания там сохранились, и церковка совсем непорученная, не то что в наших русских городах и сёлах. Ещё помню, снежок шёл. Мелкий такой, пушистый. И тишина совсем не военная, по первости даже уши заложило, от непривычки-то... И вот в этом абсолютно мирном раю попали мы в засаду. В самых первых, таких «мирных», спокойных домах, и не в какую-то простую армейскую, а в эсэсовскую. Они ведь, эсэсовцы, те ещё звери были! Все идейные, и сопротивлялись отчаянно, до последнего. Одно слово — зиг хайль! Вот с ними-то мы и схлестнулись. Они, гады, сразу же наших человек пять положили, ещё на ближних

подходах к тем домам. Тактика известная — думали на «хапок» взять, внезапно ошеломить, натиском, а уж потом рассеять и спокойно перестрелять. Только не учли, что и мы к тому времени уже опытными бойцами были, на все их приёмчики нагляделись и напробовались. Да к тому же Сталинград прошли, а это такая школа городского боя, что можно каждому выжившему «сталинградцу» без всякого сомнения звание академика уличных боёв давать, не ошибёшься.

Мы сразу залегли и не мешкая стали их с флангов обходить-окружать, широким охватом. Наша группа — пять человек, за старшего — Иван Поддубняк, старший сержант-разведчик. Здоровенный мужик, кубанский казак, родом из Ейска (мы ещё подтрунивали над ним, величали Поддубным, как знаменитого борца. Тот ведь тоже ейский был, тоже Иван, да и фамилии почти одинаковые). Ворвалась в один из дворов и опять напоролась прямо на них, на эсэсовцев. Сколько их было, не скажу, там считать некогда, но то что больше нас — наверняка. Ну и начались «танцы с девками»...

Схватились насмерть, всё больше на ножах, для автоматов дворик тот был больно тесен. У меня на глазах Поддубняк здорового такого кабана завалил с ефрейторскими погонами. Одним ударом, прямо под левую лопатку, чуть вверх и влево, в направлении плеча. Так нас в штурмовом батальоне учили ещё там, в Сталинграде. Я тоже с одним супостатом схватился. Хоть тощий, чёрт, попался, и в очках, а жилистый! Вцепился в глотку, как клещ, не оторвёшь. Только когда Серёга Максюта его прикладом по башке угостил, пальцы разжал, успокоился. А следом и Серёге другой эсэс тоже голову проломил... Я из-под трупа очкастого выбрался, ещё до конца и распрямиться толком не успел, только глаза поднял, вижу — стоит от меня метрах в трёх, не дальше, эсэс, высокий такой, с мордой разбитой (кто-то из наших успел-таки ему здорово заехать). Щерится зубами выбитыми и автомат на меня направляет. И понимаю я, что всё. Отвоевался. И здесь, сейчас, даже того одного процента, который у меня в том болоте был, нету. Потому что с такого расстояния, метра три, не больше, даже слепой не промахнётся. Как говорят наши немецкие «друзья», вот тебе, Ваня, и полный аллес капут. Заорал я тогда, помню, матом (хотя всю жизнь был небольшой любитель матерщины), кинулся на него, но куда там... Не допрыгнешь, слишком уж большое для прыжка расстояние. И последнее, что увидел, — это как автомат в его руках дёрнулся. В упор стрелял. То есть просто расстреливал...

Очнулся уже в госпитале, в городе Радом (это тоже там, в Польше), через трое суток. А в сознание не приходил, потому что крови потерял изрядно. И мне наш хирург — представляешь! — точь-в-точь те слова повторил, которые я в январе сорок третьего в Сталинграде от замполита нашего услышал: что кто-то за меня очень крепко молится. Филипп Филиппович (мы, раненые, его между собой называли ФЭФЭ) спросил ещё:

— Есть кому молиться-то?

— А как же, — говорю. — Маманя дома, бабушка с дедушкой, сестрёнки. — И вроде бы смехом, а вроде и серьёзно, спрашиваю: — Вот не знаю, а животные умеют молиться?

Думал, смеяться будет. Ошибался я, не засмеялся. Наоборот, внимательно так посмотрел: дескать, с чего это такой оригинальный вопрос? Ну я ему всё и рассказал. И про коллективизацию, и про болото смоленское, и про лохмутки свои сталинградские. Он спокойно так выслушал и на полном серьёзе отвечает: есть, говорит, боец Однодушнов, такое индийское богословское учение. О переселении душ. Заключается в том, что человек, когда умирает, то не исчезает бесследно, а перерождается или в камень, или в растение какое, или в животное, или в другого человека. В школе-то вас с этим, понятно, не знакомили, поскольку мы, материалисты, вообще никакой религии не признаём, хотя правильно поступаем или нет — это очень большой и спорный вопрос... Так вот, может, и твой жеребёнок тоже в прошлой своей жизни человеком был, может, прадедом твоим или в таком подобном роде кем. Вот и оберегает. Поэтому и опять выпал тебе козырной туз. Шесть пулевых ранений в упор — и ни одна из пуль жизненно важные органы не задела! О тебе, боец, в журнале надо бы писать как о редчайшем случае в практике военно-полевой медицины, да вот только писать-то я не мастер, да и некогда сейчас, работы полно. Ты как подлечишься, обязательно какому-нибудь журналисту всё это расскажи. Всё-всё, и в подробностях. Пусть напишет, благо, доказательства у тебя самые что ни на есть наглядные. Вот они, отметины-то от входных, и по животу, и по груди рассыпаны. Доказательства, боец, самые натуральные и самые заметные. На всю твою оставшуюся жизнь...

И знаете, а я ведь тогда и не удивился, что выжил! Нет, вру, конечно, удивился. Но не так уж чтобы очень, чтобы прямо от такого невероятного воскрешения плясать по палате. Потому что перед этими самыми польскими Бронницами знал, что попаду в серьёзную переделку и живым из неё выйду. А почему — теперь уже и сам можешь догадаться. Да-да, накануне ночью и луг был, и речка, и солнце, и Мальчик мне на ухо шепнул, что утром мне очень кисло придётся, но чтобы опять ничего не боялся. Что и на этот раз всё обойдётся. Гарантия!

А я ведь в каждом письме домой спрашивал про него, про Мальчика. И маманя всегда отвечала, что всё нормально, бегают, ждёт меня. И знаете, на душе от этих слов так хорошо становилось, словно не о Мальчике — о невесте, которой у меня тогда ещё и не было, узнавал. Что верная она мне, скучает, ждёт не дожждётся. Такие вести из дома солдата на войне всегда греют, а раз греют, то, значит, и от тоски спасают. Психология! А когда после Победы, которую встретил на немецком острове Рюген, это уже в Балтийском море, домой, в деревню, вернулся (это уже летом было 45-го), то тут-то и узнал, что взяли моего Мальчика в армию ещё осенью 41-го, во время тех самых страшных боёв за Москву. По слухам, попал он в конницу генерала Белова, которая как раз в то самое время по немецким тылам в глубокие рейды ходила да бреши в фронте, между

Зарайском, Серебряными Прудами и ещё, к югу, закрывала. Так он, Мальчик, и пропал. А маманя нарочно писала, что всё, дескать, нормально, не волнуйся. Расстраивать меня не хотела. Наверно, правильно делала. Она у меня умная была, маманя-то. Хоть и три класса всего церковно-приходской школы, да разве в этом дело. Ум, его ни одной школой, ни одним институтом-университетом не воспитаешь. Сколько их, дураков-то дипломированных, среди нас ходит — а толку от них? Вот и я говорю...

— Да, Иван Васильевич, интересный рассказ, — сказал я. — Интересный и, как бы это сказать... Не мистический, нет! Многозначительный. Заставляющий задуматься. Неоднозначный. Прямо кино можно снимать. «Судьба человека 2». Первый-то — шолоховский... И, как понимаю, больше жеребёнок вам не снился?

Мой собеседник в ответ загадочно так усмехнулся в усы.

— Что? Неужели...

— А вот теперь уже заключительная история. Как это говорят — финал! А насчёт того, что не снился, это вы правы. Не снился. Сам пришёл.

— Кто? — не понял я.

— Мальчик.

— Он же погиб! Или не погиб, но всё одно — сгинул. Сами же сказали...

— Сказал, не отрицаю... Не торопись, наберись терпения, ещё немного... И уж коли начали говорить, то послушай для полной, так сказать, законченности моего сегодняшнего повествования...

Случилось это аккурат перед тридцатилетием Победы, в мае 75-го. Я уже много лет на железной дороге работал машинистом, водил тепловоз по ветке между Голутвином и соседними Озёрами. Дистанция недлинная, под сорок километров, дорога спокойная, однопутка, никаких крупных развязок, одни сельские полустанки. В общем, тишь, гладь, Божья благодать и никаких неожиданностей и прочих нервотрёпок.

И вот качу я, значит, вечерним рейсом пассажирские вагоны, которые в это время всегда битком набиты: пять часов, народ с коломенских заводов-фабрик домой возвращается, с первой рабочей смены. Катим нормально, как всегда, с ветерком — и вдруг между Карасёвом и Кудрявцевом метрах в трёхстах перед электровозом выскакивает на полотно жеребёнок. Ножки тонкие, рыженький, а во лбу — это я, когда уже приблизились, рассмотрел — белая звёздочка! Он, Мальчик! Копия! Откуда он взялся! Так не бывает! И знаешь, тут же что-то тяжёлое мне на сердце накатило. Тревога какая-то. Камень. Смотрю на него, и слёзы на глаза наворачиваются (а ведь никогда плаксивым не был). Шурюсь из всех сил, отворачиваюсь, чтобы Валька, помощник мой, не увидел. А то не дай Бог испугается, запаникует, а этого — паники, испуга — железная дорога ох не любит! Одно слово — объект повышенной опасности, здесь

волю своим эмоциям — ни-ни, держи в кулаке! А Мальчик стоит, ножками перебирает и смотрит на нас так грустно и доверчиво. Голову чуть наклонит, ножками посучит — и опять смотрит, смотрит...

Ну, мы, понятно, сигналить: не мешай, уходи с дороги! А он стоит. Не убегает. Ну что тут поделаешь! Не давить же! Включаю экстренное торможение. Валентин на насыпь соскочил, чтобы его с пути согнать, а он, Мальчик-то, ещё раз на тепловоз посмотрел, а потом — не поверите! — прямо на меня взглянул: дескать, здравствуй, Ваняшка, да, это я. Нет, не погиб там, в рейдах у Белова. Выжил, хотя тоже горя хлебнул. Ты больше не ищи меня, Ваняшка, я теперь сам по себе. А сейчас просто захотелось мне тебя увидеть — вот и свиделись. И поаккуратней будь, повнимательней. И тоже, как там, на войне, ничего не бойся. Всё обойдётся, всё хорошо будет. Ты помни обо мне, Ваняш, помни. Ты же знаешь: я не подведу... Потом вздохнул грустно так и в лес убежал. И всё. Пропал. С концами.

Следом Валька вернулся. Матерится!

— Поехали, и так из графика на пятнадцать минут выбились из-за этого оборота.

А у меня сердце всё никак на место не встанет, и тяжесть эта тревожная никак не отпускает. «Нет, — думаю, — что-то здесь не то. Что-то такое состояние, как на фронте».

— Не торопись, — отвечаю. — Давай-ка вдоль полотна пройдемся.

Валька на меня уставился, ничего не понимает.

— Зачем, — спрашивает, — чего мы там не видели?

— Да я, — говорю, — и сам не знаю. Просто хочу.

Он на меня опять смотрит так непонимающе и пальцем у виска вертеть начинает:

— Ты чего, Васильич? Чего придумываешь? Нечего блажить, вон и светофор путевой зелёный свет показывает! Опять же за срыв графика нам с тобой клизма стопроцентная будет обеспечена. Да и ладно клизма, это не привыкать, мало ли их нам вставляли. Одной больше — одной меньше... Главное — премия накроется, вот в чём вся грусть! Так что не чуди, Васильич, нормально всё! Можно ехать, время догонять! Не паникуй понапрасну!

— И всё-таки пройдемся, — говорю я ему. — Лишних пять минут ничего не решат. Тем более что из графика мы всё равно уже выскочили и теперь уже наверняка не догоним.

Валька в ответ засопел сердито: дескать, чудишь, старшой, старость не радость. Но деваться мне некуда, подчиняюсь: раз ты командир — ты и в ответе. Готовься к капитальному промыванию кишок от любимого начальства.

Прошли мы туда, где жеребёнок стоял, — и опаньки! В левом рельсе — трещина! Сантиметров пятнадцать, не меньше! Лопнула, зараза! И когда? Ведь всего час назад из Озёр ехали — и нормально всё, даже не тряхнуло! А тут на тебе, вылезла, лопнула. И какая! Коррозия металла, скрытый заводской брак! Такое хоть очень редко, но бывает, вот мы и сподобились! Да, вот тебе и светофор! Зелёный свет прямиком на небеса! И если бы не Мальчик (а у меня уже и сомнений не осталось, что это

он на рельсы выскочил. А кто же ещё-то? Только он! И звезда во лбу!) — всё! Была бы всем нам — и мне с Валькой, и пассажирам — полная труба! Тем более что вагоны тяжёлые, народу, повторяю, битком. Такая бы давить случилась — не приведи Господь!

Валька, помню, на меня глазищи свои выкатил, воздух ртом хватает, ничего толком сказать не может, только одно:

— Ну Васильич! Ну Васильич! Отец родной! Как же это ты угадал-то! Это ж мы, считай, только что второй раз на свет Божий родились! Ай да жеребёнок! Спаситель! Да ему ноги целовать надо всем нашим сегодняшним поездом со всеми пассажирами!

Тут же, конечно, сообщили с тепловоза на узловую: так, мол, и так. Оттуда, из Голутвина, тут же прилетают на дрезине начальник дистанции, главный инженер, полная грузовая платформа рабочих-путейцев. Да и ничего удивительного — такое чэпэ! Увидели — и тоже как Валька: ахи-охи, руки жмут, в глаза смотрят — как же это вы, мужики, догадались-то? А я Вальке сказал перед этим: про жеребёнка не говори, ни к чему, на смех поднимут. Ну, мы на все расспросы и наврали чего-то. Что, дескать, какой-то подозрительный перестук снизу, со стороны рельсов услышали... Начальник дистанции, Аркадий Александрович, железнодорожник опытный, сам машинистом сколько лет отъездил, не поверил:

— Какой ещё перестук? Это что-то новое в диагностике путевых дефектов! Чудишь, Иван Васильевич! Выкладывай начистоту!

— А чего выкладывать-то, — отвечаю. — Так и было — перестук впереди, по ходу движения! Хочешь верь, хочешь — нет, а трещина-то вот она, в наличии. Не сами же мы её расковыряли. Так что медали нам с Валентином, Аркадий Александрович, полагаются. А лучше денежные премии. За непредвиденную остановку, нарушение графика и удачное избежание клизм.

А утром, как смену сдали, пошли мы с моим помощником, даже по домам не заходя, в церковь. И свечку самую дорогую поставили. Священник спрашивает: за кого? За Мальчика, отвечаю. За жеребёнка. Святой отец сначала рассердился: дескать, идите вон на улицу, там и богохульничайте! А когда я ему рассказал всё — и про вчерашний случай, и про раскулачивание, и про фронт, то гнев свой на милость сменил, сам удивился и только головой качал.

— Да, — сказал, — это вам, мужики, настоящее святое видение было! Ладно, ставьте свечу. Благословляю.

А после церкви, чего уж сейчас скрывать, нарезались мы с Валентином, как говорится, досыта! Как домой пришёл — не помню. Жена даже и не ругалась, только ахала. Она меня такого никогда в жизни не видела... Я ведь там, на бережочке москворецком, где мы с Валькой после церкви расстелились, и ему про Мальчика рассказал. Всё-всё, с самого начала и самыми подробностями. Он хотя и матерщинник был, каких свет не видывал, и хулиган, каких поискать, а и то даже слезу пустил, вот до чего расчувствовался.

— Это, — говорит, — Васильич, тебе надо писателю какому-нибудь рассказать. Это же прямо самая настоящая книжка получается! Кинофильм можно снять! Я бы, — говорит, — ни за что не поверил, если бы ты мне всё это раньше рассказал, а сейчас, когда своими глазами рельсу ту увидел и жеребёнка, верю! Выходит, есть он всё-таки, Бог-то, есть! Хранит нас, грешных!

И вот с тех пор частенько одна мысль стала мне в голову приходить, не давать покоя: а почему именно мне чудеса такие выпали? За какие такие заслуги? Почему именно на мне Господь остановился? И чем это я его так к себе расположил? Ведь никогда примерным христианином или образцовым верующим не был, да и в церковь в пацанах только из-под палки ходил. А уж когда комсомольцем стал, то матери прямо заявил: больше не пойду. Это, как нам на политзанятиях говорят, опимум для народа. Хочешь — ходи сама, а меня больше с собою не таскай. Она, помню, сначала ругаться начала (чего теперь скрывать, если кто её до самых печёнок доставал, то запросто могла и матерком пустить). А когда я уколол её: дескать, что ж ты — богомолка, а лаешься, как пьяный мужик, то рукой махнула, поняла, что бесполезно, и отстала... У нас в родне все мужики такие были: вроде и податливые, невинные и ругаться не любят — но если упрутся, то всё. Насмерть стоят, хоть убивай — с места не сдвинутся. И вот чего хочешь думай, а я теперь твёрдо знаю: никакие это не случайности и никакие не счастливые совпадения. Это мой Мальчик меня от верных гибелей спасал. И знаешь, иной раз фантазировать начинаю и сам себя уверяю, что всё-таки не сгинул он там, в рейдах беловских. Что всю войну прошёл и жил ещё долго-долго, весь свой положенный Богом и судьбою лошадиный век. А то, что домой, в деревню нашу, не вернулся — так что же? Ничего удивительного. Тогда, с войны-то, многие домой не возвращались и никогда не возвратились. Многие на чужой стороне остались. В чужой земле упокоились...

*Ю.И. Пименов. Подбитый
фашистский самолёт.
Северо-Западный фронт. 1943 год
(фрагмент)*

СТИХИ, ПРИШЕДШИЕ С ВОЙНЫ

Время сравнивает их просто:
Станут навеки в строю
Те, кто погиб в девяностых,
Кто в сорок первом — в бою!

Владимир Клепиков

**Степан ЩИПАЧЁВ
(1899–1980)**

* * *

Грозно грянула война,
Разлучила, не спросила.
У иных любовь она
Первым ветром погасила:
В прах — красивые слова!
Но и так, конечно, было:
Ждало сердце год и два,
А на третий позабыло,
Позабыло боль и сны.
А ведь был ещё за третьим
И четвёртый год войны.
Где любовь былую встретим?
Да, воистину светла
Та любовь (был срок не краток),
Что сквозь всю войну прошла
С гордой строгостью солдаток.

После войны

Евгений НЕЖИНЦЕВ
(1904–1942)

*ПУСТЬ БУДУ Я УБИТ
В ПРОКЛЯТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ*

Пусть буду я убит в проклятый день войны,
Пусть первым замолчу в свинцовом разговоре,
Пусть... Лишь бы никогда не заглянуло горе
В твой дом, в твои глаза, в твои девичьи сны...

Пусть не осмелится жестокая рука
Черкнуть в письме, в скупой на чувства фразе,
Что ты в разорванном лежишь противогазе
И бьётся локон твой у синего виска.

Юрий ИНГЕ
(1905–1941)

* * *

Гранитный дом снарядами пронизан,
Навылет — окна, этажи — насквозь,
Как будто смерть взобралась по карнизам
И через крышу вколотила гвоздь.

Торчали кверху рёбра перекрытий
По вертикали срезанной стены,
И мир житейских маленьких событий
Стоял открытым с внешней стороны.

*Н.А. Павлов. После
артобстрела. Ленинград.
1943 год*

Руины вдруг разрушенного быта,
Судьба людей теперь уже не в них;
Дом был как в чьей-то спешке позабытый,
На полуслове прерванный дневник.

И мёртвых тел обугленная масса
Ещё валялась в разных этажах,
И неизвестной женщины гримаса
Рассказывала, что такое страх.

Она лежала, свесясь головою,
Над чёрной бездной битого стекла,
Она повисла вдруг над мостовую
И закричать, наверно, не смогла.

Её лицо, забрызганное кровью,
Уже лишилось линий и примет,
Но как живой стоял у изголовья
Её весёлый радостный портрет.

И всем, кто видел скрюченное тело,
Казалось вдруг, что женщина тепла,
Что карточка от ужаса темнела,
А мёртвая смеялась и жила.

1940

Арсений ТАРКОВСКИЙ
(1907–1989)

* * *

Немецкий автоматчик подстрелит на дороге,
Осколком ли фугаски перешибут мне ноги,
В живот ли пулю вцепит ээсовец-мальчишка,
Но всё равно мне будет на этом фронте крышка.
И буду я разутый, без имени и славы
Замёрзшими глазами смотреть на снег кровавый.

1942

* * *

Стояла батарея за этим вот холмом,
Нам ничего не слышно,
а здесь остался гром.
Под этим снегом трупы ещё лежат вокруг,
И в воздухе морозном остались взмахи рук.
Ни шагу знаки смерти ступить нам не дают.

Сегодня снова, снова убитые встают.
Сейчас они услышат, как снегири поют.

1942

* * *

Мне стыдно руки жать льстецам,
Лжецам, ворам и подлецам,
Прощаясь, улыбаться им
И их любовницам дрянным,
В глаза бескровные смотреть
И слышать, как взывает медь,
Как нарастает за окном
Далёкий марш, военный гром
И штык проходит за штыком.
Уйдём отсюда навсегда.
Там — тишина и поезда,
Мосты, и башни, и трава,
И глаз дневная синева,
Река — и эхо гулких гор,
И пуля звонкая в упор.

144

Николай РЫЛЕНКОВ
(1909—1969)

* * *

Прошедшим фронт,
нам день зачтётся за год,
В пыли дорог сочтётся каждый след,
И корпией на наши раны лягут
Воспоминая юношеских лет.

Рвы блиндажей трава зальёт по склонам,
Нахлынув, как зелёная волна.
В тех блиндажах из юношей влюблённых
Мужчинами нас сделала война.

И синего вина, вина печали,
Она нам полной мерой поднесла,
Когда мы в первых схватках постигали
Законы боевого ремесла.

Но и тогда друг другу в промежутках
Меж двух боёв рассказывали мы
О снах любви, и радостных и жутких,
Прозрачных, словно первый день зимы.

Перед костром, сомкнувшись тесным кругом,
Мы вновь клялись у роковой черты,
Что, возвратясь домой к своим подругам,
Мы будем в снах и помыслах чисты.

А на снегу, как гроздьях горьких ягод,
Краснела кровь. И снег не спорил с ней!
За это всё нам день зачтётся за год,
Пережитое выступит ясней.

1942

Александр ТВАРДОВСКИЙ
(1910–1971)

* * *

Пускай до последнего часа расплаты,
До дня торжества — недалёкого дня —
И мне не дожить, как и многим ребятам,
Что были нисколько не хуже меня.

Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потёртой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

А.С. Жарёнов. Сумерки над Москвой

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А всё ещё бегом бежал,
Да лёд за полу придержал...
Среди большой войны жестокой,

С чего — ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далёкой,
Как будто мёртвый, одинокий,
Как будто это я лежу,

Примёрзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забывший, маленький, лежу.

1943

* * *

Есть имена и есть такие даты, —
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты, —
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

Алексей НЕДОГОНОВ
(1914–1948)

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Роса ещё дремала на лафете,
Когда под громом дрогнул Измаил.
Трубач полка —
У штаба —
На рассвете
В холодный горн тревогу затрубил.

Набата звук,
Кинжальный, резкий, плотный,
Летел к Одессе

За Троянов Вал,
Как будто он не гарнизон пехотный,
А всю Россию к бою поднимал!

Павел ШУБИН
(1914–1951)

ПОЛМИГА

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только
До той вон канавы
Полмига,
Полшага прожить;

Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.

Мне б только
Вот эту гранату,
Злоратно поставив на взвод...
Всадить её,
Врезать как надо,
В четырежды проклятый дзот,
Чтоб стало в нём пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!

...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

1943

*М.И. Самсонов. Подвиг
Валерии Гнаровской.
1984 год*

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ
(1915–1994)

СИРЕНЬ

В окоп донёс июньский день
Умытых листьев шорох,
И пахнет юная сирень
Сильней, чем старый порох.

Хоть вдоль садов проходит фронт,
Но всё цветёт в сирени:
Село, и нежный горизонт,
И голубые тени.

Ты далеко. Тебя здесь нет.
Но для тебя я снова
Собрал трепещущий букет,
Прохладный и лиловый.

В снарядной гильзе он стоит
В землянке батальонной,
Холодным пламенем горит,
Как будто спирт зажжённый.

Придут усталые друзья, —
Им тут светлее станет.
Любовь моя, сирень твоя
Сияет и не вянет.

1943, под Курском

*А.В. Городничев. Цветы Победы.
2005 год*

Константин СИМОНОВ
(1915–1979)

РОДИНА

Касаясь трёх великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Всё, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой её ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трём берёзам,
Далёкую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три берёзы
При жизни никому нельзя отдать.

1941

Иван БАУКОВ
(1909—1977)

* * *

Сорок третий год.
Зима.
Где-то отдых недалече.
Тянет плечи автомат,
И усталость тянет плечи.

Сколько пройдено дорог
Под смертельный визг осколков!
Как я вынести это мог
И откуда силы столько!

Падали. Чего скрывать,
Было так, что впору плакать.
Поднимались, шли опять,
Стиснув зубы, шли на запад.

Тяжела туда верста,
Это каждый русский знает.
Чёртов запад!
Неспроста
Ясный день там умирает.

К.А. Васильев. Тоска по Родине. 1974 год

Николай ГРИБАЧЁВ
(1910–1992)

В ОКОПЕ

Бруствер песчаный смело снарядом,
Пуля свистящую тянет нить.
Раненый друг умирает рядом,
Бредит о сыне и просит пить.

Полдень степной нестерпимо душен,
Небо в дыму, и в огне ковыль,
Десять дорог, на восток идущих,
Воют железом и крутят пыль.

Кони кубанские мнут осоку,
Бьёт по штыкам сумасшедший свет.
Десять дорог... Но для нас к востоку
Нету земли и дороги нет!

Пусть же взмывают «мессеров» крылья,
Танки идут, подминая сад, —
Пусть! Не отыщется силы в мире
Нас хоть на шаг потеснить назад.

150

СТИХИ, ПРИШЕДШИЕ С ВОЙНЫ

Б.М. Неменский. Земля опалённая. 1957 год

Если ж расколет стальную каску
Чёртова смерть на исходе тьмы,
Помните — были верны приказу
И, как мужчины, сражались мы!

Борис КОСТРОВ
(1912–1945)

ПОСЛЕ БОЯ

Портянки сохнут над трубой,
Вся в инее стена...
И, к печке прислонясь спиной,
Спит стоя старшина.

Шепчу: «Товарищ, ты бы лёг
И отдохнул, солдат!»

В.М. Нечаев. В землянке. 1-й Белорусский фронт. 1944 год

Ты накормил, как только мог,
Вернувшихся назад.

Ты не поверил нам. Ну что ж,
В том нет большой беды.
Метёт метель. И не найдёшь
На небе ни звезды.

Твоей заботы нет цены.
Ляг между нами, брат,
Они снежком занесены
И не придут назад».

Михаил ДУДИН
(1916—1994)

СНЕГ

Метель кружится, засыпая
Глубокий след на берегу,
В овраге девочка босая
Лежит на розовом снегу.

Поёт густой, протяжный ветер
Над пеплом пройденных путей.
Скажи, зачем нам снятся дети, —
У нас с тобою нет детей!

Но на привале, отдыхая,
Я спать спокойно не могу:
Мне снится девочка босая
На окровавленном снегу.

1944

*А.И. Харшак. За что?
(Раненый ребёнок). 1942 год*

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ
(1919—1943)

* * *

Мечтатель, фантазёр, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
Вертящихся пропеллерами сабель.

Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд.

За наши судьбы (личные),
За нашу славу (общую),
За ту строку отличную,
Что мы искали ощупью,
За то, что не испортили
Ни песню мы, ни стих,
Давайте выпьем, мёртвые,
За здравие живых.

Александр ЛЮКИН
(1919–1968)

* * *

Надо было послать солдата
На нейтральную
Мины снять.
Целый взвод —
Удальцы ребята.
Каждый хочет согласие дать.

У ребят золотые руки.
У ребят соколиный глаз.
Велики командиру муки —
Рисковать хоть одним из нас.

И молчим мы,
Всё это зная,
И стоит тишина,
Как гроб.

Командир, наконец, выбирает
И целует
Солдата в лоб.

*Е.И. Комаров. Сапёры на улице
Академика Баха (Сталинград). 1943 год*

* * *

Солдату ноги перебило.
И на краю родной земли
Стонал он горько и уныло:
— Братишка, сжался, пристрели.

А за спиной дома горели,
Солдатки плакали в дыму.
И мы его не пожалели,
Мы сохранили жизнь ему.

* * *

Я кланялся свистящим пулям.
Был зелен. Вот, мол, угостят.
А те, что нас подкараулят,
Те пули вовсе не свистят.

Георгий СУВОРОВ
(1919–1944)

* * *

Мы стали молчаливы и суровы.
Но это не поставят нам в вину.
Без слова мы уходим на войну
И умираем на войне без слова.

Всю нашего молчанья глубину,
Всю глубину характера крутого
Поймут как скорбь по жизни светлой, новой,
Как боль за дорогую нам страну.

Поймут как вздох о дорогом рассвете,
Как ненависть при виде вражьих стад...
Поймут — и молчаливость нам простят.

Простят, услышав, как за нас ответят
Орудия, винтовки, сталь и медь,
Сурово выговаривая слово: «Мечь!»

*В.П. Панфилов.
На подступах к Москве.
1955–1956 годы*

Алексей ФАТЪЯНОВ
(1919–1959)

* * *

Как становится тихо
У переднего края,
Вдоль окопов гвоздика
Лепестки расправляет.

И куда ни помотришь —
Всё цветы полевые.
Всё берёзы да зори,
Всё Россия! Россия!

Что ты брови насупил,
Боль души пересилив?
Дальше мы не отступим:
Дальше — сердце России.

Леонид РЕШЕТНИКОВ
(1920–1990)

НОЧНАЯ АТАКА

Прожектор, холодный и резкий,
Как меч, извлечённый из тьмы,
Сверкнул над чертой перелеска,
Помедлил и пал на холмы.

Ф.П. Усыпенко. Ответ гвардейцев-миномётчиков. 1949 год

И в свете его обнажённом,
В сиянии дымном, вдали,
Лежали молчащие склоны
По краю покатой земли.

Сверкая росой нестерпимо,
Белёная, будто мертва,
За еле струящимся дымом
Недвижно стояла трава.

Ф.И. Усыпенко. Ночной бой. 1957 год

Вся ночь, притаившись, молчала,
Ещё не настала пора.
И вдруг вдалеке зазвучало
Протяжно и тихо: «Ура-а-а!»

Как будто за сопкою дальней
Вдруг кто-то большой застонал,
И звук тот, глухой и печальный,
До слуха едва долетал.

Но ближе, всё ближе по полю
Катился он. И, как игла,
Щемящая ниточка боли
Сквозь сердце внезапно прошла...

Но рядом — с хрипеньем и хрустом —
Бежали, дыша горячо,
И сам я летел через бруствер,
Вперёд выдвигая плечо.

Качалась земля под ногами.
Моталась луна меж голов.
Да билось, пульсируя, пламя
На выходах чёрных стволов.

* * *

Сколько их? Не считал, дорогая.
Здесь убитых не любят считать.
В этом поле от края до края
Кровью полита каждая пядь...

Если скажет кто: «Переплатили
Здесь за клочок неудобных полей», —
Ты ответь, что у нас не любили
Торговаться с Отчиной своей.

Май 1942

Давид САМОЙЛОВ
(1920–1990)

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

С.М. Пожарский. Иллюстрации к роману
Н.Атарова «Смерть под псевдонимом».
1957 год

Яков КОЗЛОВСКИЙ
(1921–2001)

* * *

Мы за церквушкой деревенскою,
У тихой рощи на краю,
Хороним Лёльку Воскресенскую,
Погибшую в ночном бою.

Она лежит, не легендарная,
Смежив ресницы, как во сне,
А рядом сумка санитарная
С бинтом багровым на ремне.

Свод неба вместе с лунной долькою
Туманным залит молоком.
Полковник, стоя перед Лёлькою,
Слезу стирает кулаком.

Своё забывший положение,
Седой, выдавший смерть не раз,
«Прощай» ли шепчет иль прощенья
У Лёльки просит в этот час?

А мне бы плакать в одиночестве
Весь день сегодня напролёт...
К торжественной готовясь почести,
Винтовки зарядил мой взвод.

Женат полковник, и, наверное,
Не знает он, лихой в бою,
Что хороню я нынче первую
Любовь мою.

Сергей ОРЛОВ
(1921–1977)

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,

*Н.С. Шеглов. Похороны
товарища. 1942 год*

И Млечные Пути пылят
 Вокруг него с боков.
 На рыжих скатах тучи спят,
 Метелицы метут,
 Грома тяжёлые гремят,
 Ветра разбег берут.
 Давным-давно окончен бой...
 Руками всех друзей
 Положен парень в шар земной,
 Как будто в мавзолей.

Борис БОГАТКОВ
 (1922–1943)

* * *

У эшелона обнимемся,
 Искренняя и большая,
 Солнечные глаза твои
 Вдруг затуманит грусть.
 До ногтей любимые,
 Знакомые руки сжимая,
 Повторю на прощанье:
 «Милая, я вернусь».
 Я должен вернуться, но если...
 Если случится такое,
 Что не видать мне больше
 Суровой родной страны, —
 Одна к тебе просьба, подруга:
 Сердце своё простое
 Отдай ты честному парню,
 Вернувшемуся с войны.

Г.М. Коржев. Проводы. 1967 год

Семён ГУДЗЕНКО
 (1922–1953)

* * *

Мы не от старости умрём —
 От старых ран умрём.
 Так разливай по кружкам ром,
 Трофейный рыжий ром!

В нём горечь, хмель и аромат
Заморской стороны.
Его принёс сюда солдат,
Вернувшийся с войны.

Так почему же он молчит?..
Четвёртый час молчит.
То пальцем по столу стучит,
То сапогом стучит.

А у него желание есть.
Оно понятно вам?
Он хочет знать, что было здесь,
Когда мы были там...

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ
(1922—1996)

* * *

Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я всё забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недалёт.
Я лёд кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лёд —
Я в нём, как мушка в янтаре.)
Ну что с того, что я там был.
Я всё забыл. Я всё забыл.
Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня,
И пламя гильзы в блиндаже.)

Ну что с того, что я там был,
В том грозном быть или не быть.

Я это всё почти забыл.
 Я это всё хочу забыть.
 Я не участвую в войне —
 Она участвует во мне.
 И отблеск Вечного огня
 Дрожит на скулах у меня.

(Уже меня не исключить
 Из этих лет, из той войны.
 Уже меня не излечить
 От той зимы, от тех снегов.
 И с той землёй, и с той зимой
 Уже меня не разлучить.
 До тех снегов, где вам уже
 Моих следов не различить.)

Ну что с того, что я там был!..

Захар ГОРОДИССКИЙ
 (1922–1943)

*Август 1943 года
 Госпиталь 3656*

ПОСЛЕДНЕЕ...

И если мне смерть повстречается близко,
 Уложит с собою в кровать,
 Ты скажешь друзьям, что Захар Городисский
 Никогда не привык отступить.
 Что я, нахлебавшись смертельного ветра,
 Упал не назад, а вперёд,
 Чтоб лишних сто семьдесят два сантиметра
 Вошли в завоёванный счёт.

(Написано за три дня до смерти)

*А.А. Дейнека. Несут раненого.
 1942 год*

Анатолий ЧЕПУРОВ
(1922–1992)

* * *

Мальчиком ушёл я на войну...
Ветер белокурую волну,
Торопясь, погладил и повёл,
На огонь лесов, пожары сёл,
На заводы, надолбы, ежи —
Смерти и бессмертья рубежи.

Камень, бронза, яблоневый сад
Вместо многих мальчиков стоят.
Кровь, что пролилась, — деревьев сок
На лесных полянах, у дорог.
Верность и терпение — гранит,
На котором мужество стоит.

Бронзовая прядь на ветерке,
Меч из бронзы в бронзовой руке.
Трудно в этом воине признать
Сверстника-мальчишку. Только мать
Всё ещё роняет в тишину:
«Мальчиком ушёл он на войну...»

Юлия ДРУНИНА
(1924–1991)

* * *

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя, ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

* * *

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943

С.С. Уранова. Наташа Михалёва
в госпитале. 1949 год

* * *

Целовались.
Плакали
И пели.
Шли в штыки
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

1944

* * *

Не знаю, где я нежности училась, —
Об этом не спрашивай меня.
Растут в степи солдатские могилы,
Идёт в шинели молодость моя.
В моих глазах — обугленные трубы.
Пожары полыхают на Руси.
И снова нецелованные губы
Израженный парнишка закусил.
Нет!
Мы с тобой узнали не по сводкам
Большого отступления страду.
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.
А вечером над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась, —
Быть может, на дороге фронтовой...

1946

Г. Филипповский. Иллюстрации к рассказу Л. Успенского «Стриж второго батальона». 1967 год

* * *

За утратою — утрата,
Гаснут сверстники мои.
Бьют по нашему квадрату,
Хоть давно прошли бои.
Что же делать?
Вжавшись в землю,
Тело брэнное беречь?..

Нет, такого не приемлю,
Разве, друг, об этом речь?
Кто осилил сорок первый,
Будем драться до конца!

Ах, обугленные нервы,
Обожжённые сердца...

Игорь РИНК
(1924–1998)

* * *

Когда беды нахлынул вал
И смерть не хочет дать отсрочки,
В запасе есть ещё сигнал —
Три точки... три тире... три точки.

И от удара вздрогнет мир,
И каждый, кто имеет уши,
Услышит брошенный в эфир
Призыв — «Спасите наши души!»

Мы гибли посреди земли
В глухих ночах при мёртвом штиле.
И никакие корабли
Нас выручать не выходили.

Но мы, об этом не скорбя,
Орали в трубки микрофонов —
Мы вызывали на себя
Огонь своих дивизионов.

Сердца у любящих порой,
Как телефон, что вечно занят,
И нам звонок беды людской
Всё той же болью сердце ранит.

Зовёт спешить, лететь в ночи
По первой телеграфной строчке...
Ты только сердцем протучи:
«Три точки... три тире... три точки...»

П.П. Павлинов. Бой сторожевого катера с вражескими бомбардировщиками

Николай СТАРШИНОВ
(1924–1998)

* * *

Зловещим заревом объятый,
Грохочет дымный небосвод:
Мои товарищи-солдаты
Идут вперёд
За взводом взвод.

Идут, подтянуты и строги,
Идут, скупые на слова.
А по обочинам дороги
Шумит листва,
Шуршит трава.

А.Г. Лысенко. 1941 год (сибиряки). 1961 год

И от ромашек-тонконожек
Мы оторвать не можем глаз.
Для нас,
Для нас они, быть может,
Цветут сейчас
В последний раз.

И вдруг (неведомо откуда
Попал сюда, зачем и как)
В грязи дорожной —
Просто чудо! —
Пятак.

Из желтоватого металла.
Он, как стальная чешуя,
Горит,
И только обметало
Зелёной окисью края.

А вот рубли в траве примятой!
А вот ещё... И вот, и вот...
Мои товарищи-солдаты
Идут вперёд
За взводом взвод.

Всё жарче вспышки полыхают.
Всё тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.

1945

* * *

Ракет зелёные огни
По бледным лицам полоснули.
Пониже голову пригни
И как шальной не лезь под пули.
Приказ: «Вперёд!»,
Команда: «Встать!»
Опять товарища бужу я.
А кто-то звал родную мать,
А кто-то вспоминал чужую.

Когда, нарушив забытьё,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»
А шли и гибли
За неё.

1944

Я БЫЛ КОГДА-ТО РОТНЫМ ЗАПЕВАЛОЙ

Я был когда-то ротным запевалой,
В давным-давно минувшие года...
Вот мы с ученья топаем, бывало,
А с неба хлещет вёдрами вода.

И нет конца раздрыганной дороге.
Густую глину месят сапоги.
И кажется — свинцом налиты ноги,
Отяжелели руки и мозги.

А что поделать? Обратишься к другу,
Но он твердит одно: — Не отставай!..
И вдруг наш старшина на всю округу
Как гаркнет: — Эй, Старшинов, запевай!

А у меня ни голоса, ни слуха
И нет и не бывало никогда.
Но я упрямо собираюсь с духом,
Пою... А голос слаб мой, вот беда!

Но тишина за мною раскололась
От хриплых баритонов и басов.
О, как могуч и как красив мой голос,
Помноженный на сотню голосов!

*К.А. Васильев. Прощание славянки.
1975 год*

И пусть ещё не скоро до привала,
Но легче нам шагается в строю...
Я был когда-то ротным запевадой,
Да и теперь я изредка пою.

1957

Евгений ВИНОКУРОВ
(1925–1993)

НЕЗАБУДКИ

В шинельке рваной, без обуви,
Я помню в поле мертвеца.
Толпа кровавых незабудок
Стояла около лица.

Мертвец лежал недвижно, глядя,
Как коршун медлил вдалеке...
И было выколото: «Надя»
На обескровленной руке.

НЕБО

Однажды, помню, снегу намело...
Замёрзший батальон вошёл в село —
И ни одной невыгоревшей хаты.
Здесь полчаса назад был бой жесток!
Найти бы хоть какой-то закуток,
Чтоб перебились до утра солдаты.
На трупы падал, падал снеговал...

Накрывшийся одолженным тулупом,
Я, передрогший, переночевал
В траншее, там, где труп лежит над
трупом...

И небо надо мной текло, текло...
И как-то так обидно, понапрасну
Я отдавал последнее тепло
Беззвёздному и вечному
пространству.

Д.А. Шмаринов. Возвращение. Из серии
«Не забудем, не простим!». 1942 год

Составил Александр ДОРИН

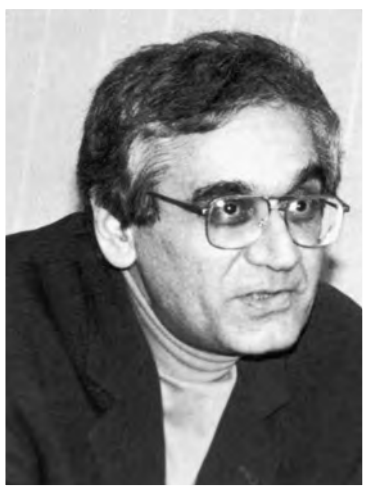

ВОСХОЖДЕНИЕ
К
ДОСТОЕВСКОМУ

Графика Василины Королёвой

Владимир Александрович Викторovich родился в 1950 году в городе Горьком (Нижегнм Новгoроде), где окончил филологический факультет университета.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института.

Вице-президент Российского общества Достоевского. Один из авторов трёхтомной «Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского», многих работ по истории русской литературы.

Организатор и руководитель комплексной экспедиции в родовом имени Достоевских Даровое (Зарайский район Московской области), в течение семи лет работающей над созданием музея-заповедника на земле детства писателя.

Владимир ВИКТОРОВИЧ

ДОСТОЕВСКИЙ. ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА

Ожидания целого народа были сосредоточены в одном человеке, и вдруг этого человека не стало. Так писала о гибели Пушкина «Библиотека для чтения»; из этого журнала, выписанного отцом, пятнадцатилетний Фёдор Достоевский узнал о случившемся. Чуть позже «Современник», оставшийся без редактора, подхватил мысль: «Россия потеряла Пушкина в ту минуту, когда гений его, созревший в опытах жизни, готовился действовать полною силою...»

На тех, кто пришёл в русскую литературу следом за Пушкиным, легла тень недостроенного здания.

А.М. Достоевский вспоминал, как его старшие братья «чуть с ума не сходили, услышав об этой смерти и о всех подробностях её. Брат Фёдор в разговорах с старшим братом несколько раз повторял, что ежели бы у нас не было семейного траура, то он просил бы позволения отца носить траур по Пушкину». Семейный траур — смерть матери. Две эти утраты, вероятнее всего, стали причиной странной «горловой болезни», от которой Фёдор на время потерял голос: он так и остался на всю жизнь «не совсем естественным», и глухие его раскаты («громкий шёпот») четыре десятилетия спустя заворожат слушателей Пушкинской речи.

Д.В. Григорович тоже запомнил: никто из его знакомых так близко не принял общую потерю, как «болез-

*Ф.М. Достоевский. Художник
К.А. Трутовский. 1847 год.
Бумага, итальянский карандаш*

ненно бледный» однокашник по инженерному училищу. Достоевский не мог стоять под окнами умирающего поэта в скорбной толпе, которую современники окрестили «партией, признавшей Пушкина своим главой», но отправляясь в Петербург в мае 1837 года для поступления в училище, братья Михаил и Фёдор сговорились «тотчас же сходить на место поединка и пробраться в бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух».

Заманчиво протянуть прямую линию от этих двух эпизодов к тому открытию Пушкина, которое было совершено поздним Достоевским. Однако прямой линии не было. «Пробраться» к Пушкину — не импульсивно, но осмысленно, с полным пониманием его значения — оказалось гораздо труднее, чем попасть в его опустевшую квартиру.

Фёдор Достоевский принадлежал к первому поколению русских читателей, воспитывавшихся на Пушкине в свои детские и отроческие годы. В одном из его творческих планов читаем: «психологический анализ, как действуют на ребёнка произведения писателей».

Примечателен один эпизод в воспоминаниях брата Андрея.

«Авторитетность Пушкина, как поэта, была тогда менее авторитетности Жуковского даже между преподавателями словесности; она была менее и во мнении наших родителей, что вызывало неоднократные горячие протесты со стороны обоих братьев. Помню, что братья как-то одновременно выучили наизусть два стихотворения: старший брат “Графа Гапсбургского”, а брат Фёдор, как бы в параллель ему, — “Смерть Олега”. Когда эти стихотворения были произнесены ими в присутствии родителей, то предпочтение было отдано первому, вероятно, вследствие большей авторитетности

*М.М. Достоевский. Художник
К.А. Трутовский. 1847 год.
Бумага, итальянский карандаш*

сочинителя. Маменька наша очень полюбила эти два произведения и часто просила братьев произносить их; помню, что даже во время своей болезни, уже лёжа в постели, она с удовольствием прислушивалась к ним».

Этот семейный конкурс Жуковского («Граф Гапсбургский») и Пушкина («Песнь о вещем Олеге») соотносим с историческим эпизодом соперничества двух поэтов и двух вариантов жанра баллады в русской литературе. Энергическая пушкинская простота сменяла велеречивую возвышенность Жуковского. Отрок Фёдор, заучивая Пушкина «как бы в параллель» Жуковскому, очевидно, почувствовал, как одна фабула вырастает из другой, изменяя и варьируя её. Такой нам видится эта домашняя сцена: важно выступающий старший Михаил («О чём же властитель воспеть повелит Певцу на торжественном пире?») и смело — Фёдор («Волхвы не боятся могучих владык... Запомни же ныне ты слово моё»). В обеих балладах повествуется о сбывшемся пророчестве, о неминуемой судьбе, но если Жуковский рассказывает о вознаграждаемом смирении, то Пушкин — о наказанной властительной гордыне. В первом случае благочестивый властелин уважителен к певцу и священнику («Не мне управлять песнопевца душой»), а во втором надменный владыка хотя опасается, но едва ли не презирает «безумного» и неуступчивого вещуна. Четыре десятилетия спустя знаменитый писатель будет потрясать слушателей чтением пушкинского «Пророка», а пока мальчик срывающимся голосом объявляет:

А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещей язык
И с волей небесною дружен.

Жуковский выиграл в том домашнем состязании, да и как могло быть иначе, если непререкаемым арбитром для чтецов был их благонамеренный родитель. Однако заметим: маменька, промолчавшая или согласившаяся, «очень полюбила эти два произведения». Она не прекословила мужнину авторитету, но и Федин выбор не отвергла, проявив склонность к мудрому приятию, всеотзывчивость истинно поэтической натуры.

И ещё нечто символическое видится в этом турнире: в первое соприкосновение пришли два имени, которые можно написать над входом в начальную главу духовной биографии Ф.М. Достоевского: Пушкин и Шиллер, так как «Граф Гапсбургский» — баллада Шиллера в переложении Жуковского.

II

Юный Фёдор Достоевский на первый взгляд не более как глотатель книг, особенно падкий до исторических сочинений, романов и стихов. По количеству прочитанного он далеко опережает своих сверстников. Познакомившись с ним, Д.В. Григорович поражён литературной эру-

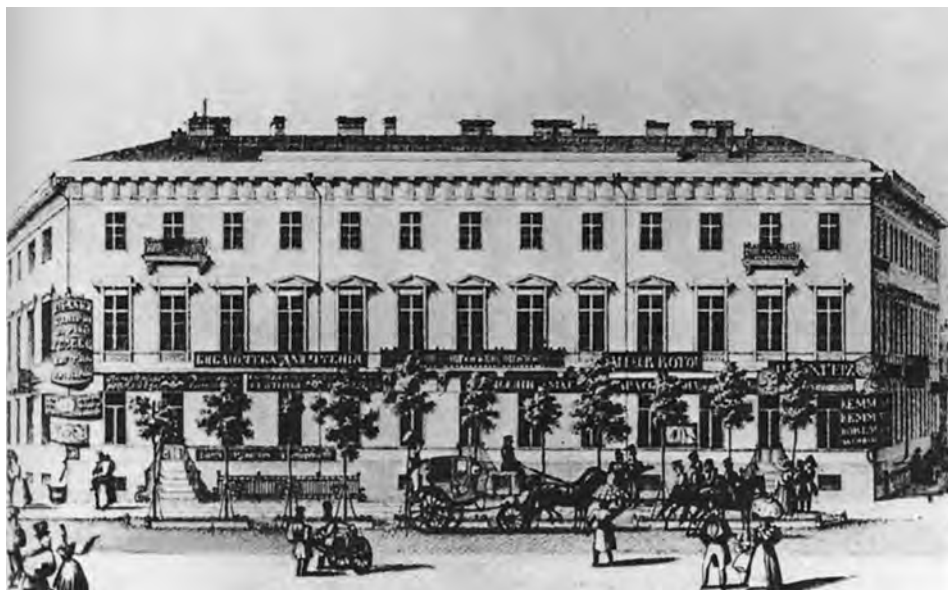
дицией шестнадцатилетнего подростка. За одни каникулы в деревне двенадцатилетний мальчик «прочёл всего Вальтер-Скотта». В неполные семнадцать он отчитывается перед братом Михаилом: прочитан «весь Гофман», «почти весь Бальзак» и Гюго. В восемнадцать «вызубрил Шиллера»... В этом же ряду свидетельство брата Андрея: «чуть не весь Пушкин наизусть». Дело было даже не в количестве прочитанного, а в особом качестве чтения. Впоследствии Н.Н. Страхов напишет: «Фёдор Михайлович был предан литературе всем сердцем, и не только воспитался на Пушкине и Гоголе, но и постоянно ими питался». Характеристика очень верная, хотя несколько вялая, из неё ушла пылкость Достоевского-читателя, присущая ему энергетика сопереживания. Встречавшаяся с писателем в последний год его жизни М.А. Поливанова вспоминала, как он говорил о «Пиковой даме» — «точно в лихорадке, с блеском в глазах». «Тонким анализом проследил он все движения души Германна, все его мучения, все его надежды и, наконец, страшное, внезапное поражение, как будто он сам был тот Германн».

Примерно так же читал он и в юности, точно примеряя чужие одежды. «...Я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времён Нерона, то рыцарем на Турнире, то Эдуардом Глянденингом из романа “Монастырь” Вальтер Скотта <...> развёртываю Шиллера и мечтаю <...> и в Швейцарию хочу бежать, и в Италию, и воображаю перед собой Елисавету, Луизу, Амалию». Чтение — не созерцание, а проживание чужой судьбы, расширение собственного опыта, импульс к жизнотворчеству. В России ещё когда Карамзин, по словам

174

*Вид на Михайловский замок. Неизвестный художник. Начало XIX века. Акварель.
Здесь Достоевский обучался в инженерном училище (1837–1843),
а затем служил в Главном инженерном управлении (1843–1844)*

*Книжная лавка и библиотека Смирдина.
Фрагмент «Панорамы Невского проспекта» В.С. Садовникова (30-е годы).
Своеобразный литературный клуб пушкинского и послепушкинского времени*

Белинского, «приучил, приохотил русскую публику к чтению», формировался такой вот особенный тип книгочех. Отмеченный Пушкиным в «Евгении Онегине» («себе присвоив чужой восторг, чужую грусть»), в «Барышне-крестьянке» и «Метели», он позднее обнаружит себя в Достоевском. А.Л. Бем остроумно назвал его «гениальным читателем». Чтение для него не восприятие, но воссоздание.

Эта особенность духовной природы Достоевского проявилась очень рано. Брат Андрей вспоминал ещё детские проказы, в которых Фёдор был зачинщиком: «тогда уже много читавший», он предлагает играть в любимых героев — индейцев, Робинзона и Пятницу. Книги инсценируются, действие переходит в другое качество, наполняется новым смыслом. Процесс этот описан в «Неточке Незвановой»: «Вообразив себя героиней каждого прочитанного мною романа, я тотчас же помещала возле себя свою подружку-княжну и раздвоявала роман на две части, из которых одна, конечно, была создана мною, хотя я обкрадывала беспощадно моих любимых авторов» (в журнальном варианте далее следовало: «Таким образом я переделала в голове всего Вальтера Скотта по-своему, затем что по канве его романов как-то любовнее принималось моё сердце рассказывать себе же самому, в самых узорчатых, самых прихотливых формах, свои тёплые, прихотливые, досужие грёзы»). Между этими детскими ремейками и собственно писательством, в принципе, не такая уж и большая разница. 16 августа 1839 года начинающий сочинитель признаётся брату: «учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно».

Эрнст Теодор Амадеус Гофман

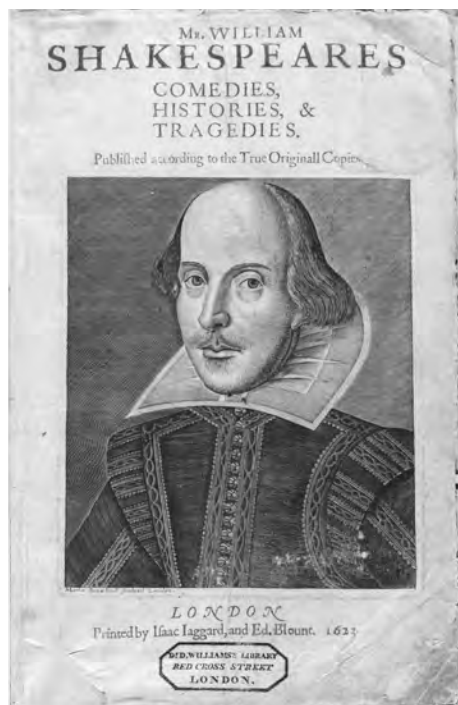
шет брату: «У меня прожект: сделаться сумасшедшим. Пусть люди бешутся, пусть лечат, пусть делают умным». Странное желание для семнадцатилетнего училищного «рябца», полгода назад торжествовавшего, что «наконец-то надел мундир и вступил совершенно на службу царскую». Какой-то иной мундир примеряет он теперь, и не только гофмановский (повесть Гофмана — только толчок, сам «прожект» далеко ушёл от неё).

«...Мне осталось одно в мире: делать непрерывный кейф!» Причина мгновенно поразившего безволия — приоткрывшийся юноше неразрешимый контраст человеческого бытия как «слияния неба с землёю; какое же противозаконное дитя человек, закон духовной природы нарушен <...> мир принял значенье отрицательное...».

Возможно, что заговорил ещё один герой из только что прочитанных книг, а именно бальзаковский Луи Ламбер (в русском назидательном переводе 1835 года: «Созерцательная жизнь Лудвига Ламберта»), познавший двойную природу человека (*homo duplex*). И вместе с тем из-за персонажей Гофмана и Бальзака выступает некий общий прообраз. Кто он? В исповеди юного Достоевского как будто слышится что-то знакомое, будто долетает с далёкой сцены монолог трагического героя. «Но

Письма к брату Михаилу 1838–1840 годов пестрят названиями книг и писательскими именами от Гомера до Бальзака, так что можно было бы составить по ним каталог «Библиотеки начинающего гения», если бы не дефицит библиографической умиротворённости. Книжные списки юного Достоевского скорее сравнимы с пробуждающимся вулканом: о том, что происходит в недрах, можно догадаться по огненным протуберанцам, продуктам «внутреннего сгорания» мировой классики.

По прочтении «Магнетизёра» Гофмана 9 августа 1838 года он пи-

Титульный лист первого издания пьес Шекспира. 1623 год

видеть одну жестокую оболочку, под которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно разбить её и слиться с вечностью, знать и быть как последнее из созданий... ужасно! Как малодушен человек!».

Нет, это пока не Кириллов («Бесы»), ему ещё рано, да и слишком красиво для его косноязычия. У этих речей свой первоисточник: «О, для чего ты крепко, тело человека! <...> // Как гнусны, бесполезны, как ничтожны // Деянья человека на земле! <...> // Когда покоем подарить нас может // Один удар?» (перевод Н.А. Полевого). Что догадка верна, подтверждает следом и сам автор письма: «Гамлет! Гамлет! Когда я вспомню эти бурные, дикие речи, в которых звучит стенанье оцепенелого мира, тогда ни грусть, ни ропот, ни укор не сжимают груди моей...».

Достоевский не только «вспомнит»: как раз дальше в этом же августовском письме 1838 года зайдёт речь о «прожете сделаться сумасшедшим». Он не то чтобы перевоплощается в Гамлета, он в нём находит своё; выражая себя, берёт напрокат чужие слова.

«Бурные, дикие речи» — Шекспир в недавнем (1837 года) переводе Николая Полевого, выразителя бурнопламенного гамлетизма. «Отцом романтизма» провозгласили Шекспира немецкие романтики, за которыми последовали русские. Так и для Достоевского Шекспир — высшее выражение «духа романтизма».

Через два месяца, 31 октября, им владеет всё то же безрадостное настроение, усугублённое первым в жизни провалом (в училище его несправедливо оставляют на второй год): «Брат, грустно жить без надежды... Смотрю вперёд и будущее меня ужасает... Я нахожусь в какой-то холодной, полярной атмосфере, куда не заползал луч солнечный...» Отчаянье приобретает космические масштабы, и литературная параллель не заставляет себя ждать: «...часто бываю в таком состоянии, как, помнишь, Шильонский узник после смерти братьев в темнице... Не залетит ко мне райская птичка поэзии, не согреет охладелой души...»

Сердце, кажется, разбито, но какой-то могучий инстинкт, сильнейший всех огорчений, даже в такую минуту подбирает литературную аналогию, влечёт к перевоплощению, вживанию в чужой образ, незаметно делающийся своим. «Те мысли, которые лучами своими зажигали душу и сердце, нынче лишились пламени и теплоты; или сердце моё очерствело или... дальше ужасаюсь говорить...» Но об этом, об умирании одинокой души, сказано там же:

Мир стал чужим мне, жизнь пуста
.....
И в области весёлой дня
Никто уж не жил для меня;
Без места на пиру земном
Я был бы лишний гость на нём...

Да, это Байрон в исполнении Жуковского («Шильонский узник») естественным образом продолжил тему Шекспира, «сыгранного» Полевым. Собственный духовный кризис, первый искус небытия он пережил **вместе** с любимыми героями, трагически одинокими титанами.

III

Романтизм после бесчисленных споров о нём так и остался тайной, «домовым», неясны даже его границы. Романтизм не закончился «Цыганами» у самого Пушкина, после прощанья с ним в 1824 году он возвратился к нему в 1829-м в «Полтаве». И после Пушкина русский романтизм не раз обнаруживал способность к регенерации: в поэзии Лермонтова, в философических фантазиях Владимира Одоевского, в лирическом парении Фета, в цыганщине Аполлона Григорьева, да и в XX веке место «последнего романтика» никогда не пустовало, — так что прощанье с романтизмом грозит оказаться вечным.

На рубеже 30–40-х годов в романтической школе обучался и Достоевский; к «домашнему» Вальтеру Скотту добавились сильные впечатления, потрясшие чуткую душу: Гофман — Гюго — Бальзак — Жорж Санд, а провинциальную, по определению Белинского, «Библиотеку для чтения» заменили боевой «Московский телеграф», метафизический «Московский наблюдатель», а с 1839-го — мгновенно окрепшие «Отечественные записки»... В этом обращении новых идей и образов, в этом внезапно открывшемся пространстве всемирного романтизма потускнели собственные литературные опыты, детским лепетом показался написанный «роман из венецианской жизни», вероятно, уничтоженный собственноручно. 31 октября 1838 года Достоевский признался брату: «чудные арабески, которые создавал некогда, сбросили позолоту свою».

Безжалостный к себе, он не щадит и брата: «В твоём стихотвореньи “Виденье матери” я не понимаю, в какой странный абрис облёк ты душу покойницы. Этот замечательный характер не выполнен». Одной фантазии, даже облечённой в «хорошие стихи», ему теперь мало: характерность

затребована даже от загробного видения. Слово «характер» в октябрьском письме он повторяет с настырностью неопита, — ещё раньше, 9 августа, величие Бальзака и Гофмана он измеряет созданными ими характерами. Через год — уже цитированное: «учить характеры могу из писателей...».

Школа романтизма для юного Достоевского — школа психологической верности в изображении сильных характеров. Его влечёт к могучим страдальцам Шекспира, Шиллера, Гёте («Фауст, ища беспредельного, необъятного, делается сумасшедшим...» — тень Гамлета, теперь уже отброшенная гётовским героем, вновь не даёт ему покоя). Заклучая порой самые неожиданные союзы, он расширяет владения романтизма, причисляя к ним не только Шекспира, Шиллера и Гёте, что не так уж ново, но — Расина

178

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ

и Корнеля, этих, казалось бы, ветхих кумиров классицизма, как традиционно трактовал их брат Михаил. В «Московском наблюдателе» 1838 года в знаменитой статье Белинского о Гамлете можно было также прочесть, что «гнилой и бессильный французский классицизм слабо привился к свежему и мощному русскому духу». Вопреки новейшим авторитетам юный Достоевский извлекает из запасников литературы пыльные классические мантии и с удовольствием размахивает «деревянным кинжалом Мельпомены» (по ироническому выражению того же наблюдателя из Москвы): его романтический гамлетизм неплохо уживается с гальванизированным классицизмом. «Как это велико всё», — восхищается он Корнелем и Расином. В письме к брату 1 января 1840 года находим настоящий апофеоз «гигантских характеров». Корнелевский Октавий («Цинна») прощает непримиримого врага со словами, ставшими во французском языке формулой великодушия («Soyons amis, Cinna» — «будем друзьями, Цинна»); Горации и Куриации («Гораций»), Родриго и Химена («Сид») соревнуются в величии духа. В них-то Достоевский, отчасти идя по следам Пушкина («Корнеля гений величавый»), отыскивает «высшие идеи романтизма», равно как у Расина. Интересно, что, защищая последнего, он также чуть не повторяет пушкинскую формулу, вряд ли ему тогда известную: «Расин велик, несмотря на узкую форму трагедии». Достоевского-неоклассициста (или, лучше, романтического классициста) восхитили гордые женщины Расина в ореоле всежогой страсти. В «Андромахе» Гермiona, пылая безответным чувством, готова убить возлюбленного, а когда её желание исполнено, она «вдруг» обращает всю ненависть на убийцу, ею же вдохновлённого. Непостижимый алогизм женской страсти, достигший, по Достоевскому, «шекспировского очерка» в «Федре», — та школа гордых характеров, что, несомненно, отзовётся у автора «Идиота» и «Братьев Карамазовых».

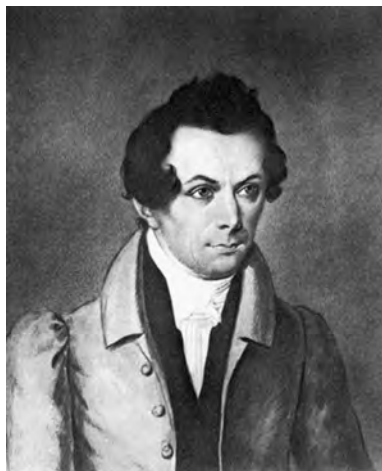
Расин и Корнель в таком прочтении обнаруживали романтический потенциал и вели не только к Шекспиру, но ещё дальше вглубь европейской культуры. Романтизм Достоевского, романтизм без берегов, дошёл-таки до своего первоисточка, то есть до Гомера. «Разве Ахилл Расина не гомеровский?» И корнелевских героев, как ему представляется, можно отыскать «разве у Гомера», в величии и благородстве Аякса, Ахилла, Патрокла. Таким образом, «изучение характеров» мировой классики приводило молодого Достоевского, проявившего поистине пушкинскую всеотзывчивость, к гомеровским первообразам. Своеобразный источниковедческий дар будущего писателя развернулся во всей широте в этом новогоднем (1840 год) письме. Продвигаясь от Байрона к Шиллеру и Гёте, дальше к Расину и Корнелю, ещё дальше — к Шекспиру и, наконец, добравшись до Гомера, Достоевский проходит весь культурно-исторический путь европейского «гордого человека». «Дух романтизма», «высшие идеи его» видятся ему как произрастание зёрен, брошенных на заре европейской цивилизации.

Очевидно, что в таком универсализующем ключе он прочитывал тогда и Пушкина. Посетивший его в Инженерном училище в ноябре 1838 года А.Е. Ризенкамф вспоминал, что Достоевский «с увлечением» продекламировал ему стихи из недавно опубликованных «Египетских

ночей» Пушкина и «Замок Смальгольм» (вольный перевод Жуковского из В.Скотта). Пушкин и Жуковский вновь оказались рядом, соревнуясь и варьируя друг друга. В названных произведениях отразились два эффектных мифа романтизма: красавица, умертвляющая любовников, и возвращение мёртвого возлюбленного. Но что объединяло теперь — в чтении юного Достоевского — энергическую простоту Пушкина с мистической таинственностью Жуковского? Ни то и ни другое, далеко разойдясь в историко-литературном плане, не было отвергнуто примиряющим чтецом. И там и там можно видеть историю гордой и могучей души, не останавливающейся перед преступлением. Ощущал ли он уже тогда эпохальный смысл, который позднее вычитывал в пушкинском сюжете (конвульсии человекобожеской цивилизации), трудно сказать. Можно лишь догадываться, какие образы зрели у начинающего сочинителя, одно несомненно: они должны были синтезировать весь прожитый им многообразный литературный опыт. В этих первых шагах уже заметна особенная, узнаваемая походка. Природу национального гения, проявившуюся в Пушкине, Достоевский определял как всечеловечность, всеотзывчивость. Безграничная открытость мировой культуре, может быть, впервые после Пушкина в такой щедрой полноте проявлялась в новом, ещё никому не известном писателе. Невольно обнаруживая соприродность Пушкину, Достоевский пока не выделяет его как самого близкого себе, напротив, вступив в диалог с литературными гениями, он не находит места Пушкину в первом ряду мировой литературы. Отчего же?

IV

Основная, может быть, идея русского романтизма — самореализация личности. Германская философия, по-своему воспринятая отечественными любомудрами, как бы в обратном движении от Гегеля к Канту, требовала от индивида **осмысленности бытия**. Друг братьев Достоевских И.Н. Шидловский любил повторять фразу, сказанную таким же, как и он, жгучим романтиком Н.Полевым: «На человека надобно смотреть как на средство к проявлению великого в человечестве». В связи с этим в русском философическом романтизме является категория полноты жизни относительно её высшего смысла. 11 октября 1837 года Станкевич записывает: «Если жизнь не полна, значит — мы не так живём».

Н.А. Полевой

В письмах Ф.Достоевского к брату ведущий лейтмотив — призвание. Он рано созревает в понимании собственного предназначения, готовясь заплатить за него высшую цену. Проявляя беспокойство о брате, о его «перспективе жизни»,

выстраивающейся из последовательного ряда поступков, он (19 июля 1840 года) ставит вопрос именно в такой плоскости: «была ли эта деятельность душевная и сердечная чиста и правильна, ясна и светла, как наше собственное стремление к **полной жизни человека**, или неправильная, бесцельная, тщетная деятельность <...> когда сердце разорвано по клочкам, и отчего? От жизни, достойной пигмея, а не великана, ребёнка, а не человека». В этом письме Достоевского находят следы чтения «Героя нашего времени», но ведь и страдания лермонтовского героя — от недоовоплощённости, неполноты бытия, ведущей к утрате смысла.

Видя своё призвание, то есть восполненность — в литературном труде, юный Достоевский в письме к брату настойчиво возвращается к вопросу о назначении поэта вообще. Его волнует трагическое одиночество самого «полного» из людей, «великана» среди «пигмеев», и в цитированном уже письме 31 октября 1838 года он припоминает строки пушкинского стихотворения «Поэту» (1830) о толпе:

И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в дикой резвости колеблет твой треножник!..

Пушкинская тема поэта и толпы с наибольшей силой трагического самоутверждения была продолжена Лермонтовым. Наследник Пушкина пошёл дальше: алтарь поэзии он увидел потухшим, а толпу — злорадно (это уже не «дикая резвость») торжествующей. В «Отечественных записках» 1839 года Достоевский мог прочесть строки жгучего бессилия «русского Байрона» — его стихотворения «Поэт» и «Не верь себе». Но видимо игнорируя своего гениального современника, Достоевский ищет в другом месте, очевидно, потому, что «гордости поэт» (слова Пушкина о Байроне) его уже не устраивает, он ищет воплощения иных ценностных ориентаций. В письме к брату 1 января 1840 года он непомерно (даже в сравнении с самым горячим апологетом — Н.Полевым) возвышает Гюго, исходя из его литературной репутации «вдохновенного ребёнка»: «лирик чисто с ангельским характером, с христианским младенческим направлением поэзии, и никто не сравнится с ним в этом, ни Шиллер (сколько ни христианский поэт Шиллер), ни лирик Шекспир <...>, ни Байрон, ни Пушкин. Только Гомер с тою же непоколебимою уверенностью в призванье, с младенческим верованием в бога поэзии, которому служит он, похож в направленье источника поэзии на Victor'a Hugo...»

В стихах конца 30-х годов Гюго манифестировал идею смирения перед величием природы, смирения, доходящего до самоотвержения, когда по-

Романтический друг братьев Достоевских И.Н. Шидловский

эту предлагалось слиться с природным процессом, став едва ли не безымянной тенью последнего. «В безмолвии окрестном, // Достоин и велик, останься неизвестным — // Вот счастье твое, мыслитель и мудрец!» Этот поэтический альтруизм и подкупил, вероятно, юного Достоевского, представившись христианской альтернативой байроническому «эгоизму» гордости. Счастье самоотдачи, смиренная мудрость лирического героя Гюго, его созерцательная умиротворённость, восходящая к «бессознательной» природе поэзии, для Достоевского идут дальше интеллектуального христианства Шиллера, хотя сам акцент на «младенческом направлении поэзии», очевидно, возник под воздействием идей того же Шиллера, изложенных в знаменитой статье «О наивной и сентиментальной поэзии».

Этим словом (младенчество) перекликался весь треугольник: братья Фёдор и Михаил Достоевские, Иван Шидловский. Последний писал Михаилу 17 января 1839 года: «Ваша поэзия своим изящным характером возвращает меня к младенчеству, к той простоте, чуждой современного суемудрия, Байроновского бешеного эгоизма, без которой нельзя внити в царствие Божие».

Оппозиция Байрону, точнее, байронизму в его всеевропейском значении складывалась ещё внутри романтизма. В Англии (озёрная школа), во Франции (Ламартин, Гюго, Ж.Санд, Мюссе) каждый своим путём возвращался к отвергнутым идеалам христианства. Показательной в этом плане была драма чуткого к новым веяниям Н.Полевого «Уголино» (1838). В ней русский Гамлет (Нино) переходит от праведной, но ослепляющей мести к христианскому примирению и прощению врага (драма

*Гёте и Шиллер, занятые беседой.
Художник И.Г. Шадов. 1804 год*

была написана Полевым через год после перевода «Гамлета»). Юный Достоевский обратил внимание на это произведение; назвав его среди прочитанных книг, он в письме к брату 9 августа 1838 года обещает: «об “Уголино” напишу тебе кой-что-нибудь после». Обещание, скорее всего, осталось невыполненным, но уже само намерение показательно. Драма Полевого была очень несовершенна в своём ультраромантизме, за что её критиковал даже поклонник автора И.Шидловский, но она всё же чем-то покорила и старшего Михаила Достоевского, и Шидловского, и, очевидно, младшего Фёдора: Полевой **проговаривал** в ней все те позиции (опровержение «гордости», реабилитация «смирения»), к которым пришёл тогда и наш треугольник. Куда значительнее, хотя спокойнее, говорил о том же

Пушкин, но его голос не был ими услышан за форсированными модуляциями Полевого.

Цитированное выше письмо Шидловского написано в петербургскую зиму 1839 года, когда он особенно близко сошёлся с Фёдором Достоевским. Тот, в свою очередь, писал брату 1 января 1840 года: «мы разговаривали о Гомере, Шекспире, Шиллере, Гофмане, о котором столько мы говорили, столько читали его». Гофман завершил линейку освоенных литературных миров; Достоевский прочёл и не переведённые ещё «Житейские воззрения кота Мурра», соединившие горькую иронию с преклонением перед художником. Гофмановский Крейслер вполне отвечал представлениям о младенческой мудрости творческого гения, об альтруистическом служении красоте. Образ Крейсера, кажется, выступает из следующего описания жизненной драмы Шидловского, сделанного Достоевским: «Он жил целый год в Петербурге без дела и без службы <...> для того он и приезжал в Петербург, чтобы убежать куда-нибудь. — Взглянуть на него: это мученик! Он иссох; щёки впали; влажные глаза его были сухи и пламенны; духовная красота его лица возвысилась с упадком физической. Он страдал! Тяжко страдал! Боже мой, как любит он какую-то девушку (Marie, кажется). Она же вышла за кого-то замуж. Без этой любви он не был бы чистым, возвышенным, бескорыстным жрецом поэзии...»

Тень Крейсера только мелькнула, и вот уже другая тень поджидает нас: «Пробираясь к нему на его новую квартиру <...> я невольно вспоминал о грустной зиме Онегина в Петербурге (8-я глава). Только передо мною не было холодного созданья, пламенного мечтателя поневоле, но прекрасное, возвышенное созданье, правильный очерк человека, который представили нам Шекспир и Шиллер, но он уже готов был тогда пасть в мрачную манию характеров байроновских».

Пушкинский роман вспоминается Достоевскому по принципу несходства сходного: Шидловский лишь внешне, ситуативно напоминает ему Онегина. В трактовке пушкинского героя Достоевский следует сложившейся его репутации в современной критике — виден лишь сколок с гордого байронического героя. Безапелляционная жёсткость оценки («холодное созданье, пламенный мечтатель поневоле») говорит о том, что суровый критик не поверил искренности и силе чувства, выраженным в письме Онегина к Татьяне. Достоевский, видимо, основывается на авторской характеристике героя как «души холодной и ленивой» (XXI строфа восьмой главы) и совершенно игнорирует чуть более раннюю (IX строфа) авторскую же защиту его: «Зачем же так неблагоприятно // Вы отзываетесь о нём?...» — где среди качеств Онегина назван не только ум, но и, между прочим, «пылких душ неосторожность». Многосоставность и гибкость поэтической характеристики Онегина в распрямляющей трактовке юного Достоевского была утрачена, что оставит свой след и в самых поздних обращениях его к этому образу: сложится стойкий и в принципе над-романный миф о «гордом человеке», корни которого следует искать в романтической юности автора Пушкинской речи.

Следуя логике Достоевского, Онегин — «неправильный» очерк человека, лишённый положительного смысла, веры в идеал, то есть «неполный» человек. «Правильный» и «полный» — у Шекспира (Гамлет)

и Шиллера (Дон Карлос). Выстраивается альтернатива: либо Шекспир с Шиллером, либо Пушкин с Байроном. Шиллерианца Шидловского, по Достоевскому, подстерегает опасность «пасть в мрачную манию характеров байроновских».

Онегинский миф, впервые отразившийся в новогоднем письме Достоевского 1840 года, вновь ведёт его к расширяющимся литературным аналогиям. Отвечая далее на какой-то упрёк брата, автор письма-трактата выстраивает свою парадигму: «Я никогда не делал подобных параллелей, как н<апример>, Пушкин и Шиллер <...> может быть, говоря о чём-нибудь, я поставил рядом Пушкина и Шиллера, но я думаю, что между этими двумя словами есть запятая. Они нимало не похожи друг на друга. Пушкин и Байрон так».

Пушкину, а вместе с ним Байрону не находится места в «правильном» строю Гомера–Шекспира–Шиллера–Гофмана–Гюго. Брат Михаил, ценя поэтическую форму пушкинских стихов, очевидно, поставил их «не в тот» ряд, за что и получил нагоняй: «говоря о форме, ты почти с ума сошёл; я давно уже подозреваю это маленькое беспокойство ума твоего, и не шутя. Недавно ты что-то такое говорил о Пушкине!» Размежевание «формы» и «содержания» пушкинской поэзии едва ли не предваряет критические антитезы Белинского, Чернышевского, Добролюбова, которые сам же Достоевский будет позднее оспаривать, и это не случайно. Будущие антитезы идеологизирующей русской критики складывались в романтической атмосфере конца тридцатых — начала сороковых годов, в эпоху служения «высокому и прекрасному», когда «прекрасное» понималось исключительно как «высокое». Осенью 1839 года Т.Н. Грановский горячо доказывал,

что Пушкину далеко до Шиллера. Даже безотчётно преданный Пушкину Н.В. Станкевич скрепя сердце отказал русскому поэту в «мировом развитии» сравнительно с великими Гёте и Шиллером («у Шиллера в голове “разумная действительность”, прямые человеческие требования», далеко до него Пушкину, даже и с его «целостью чувства»). Можно догадываться, что такую же «любовь» к Пушкину питал и друг-наставник юно-

Дон Карлос и маркиз Поза. Иллюстрация к пьесе Шиллера «Дон Карлос» в переводе М.М. Достоевского (Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей. СПб., 1901)

го Достоевского шиллерианец Иван Шидловский: в его собственных стихах «дух» почти преодолел поэтическую «плоть». Пушкина можно было взять в учителя русского языка или даже «русского чувства» (как выражался Станкевич), поэтической формы, наконец, но вряд ли — в учителя мирового духа.

Внутри кружка Станкевича эту иерархию без видимого успеха оспаривали М.Н. Катков (в предисловии к собственному переводу статьи Варнгагена фон Энзе о Пушкине 1839 года) и Белинский, пребывавший тогда в «примирении с действительностью» и ценивший «поэтическую натуру» Пушкина выше красноречия «полупоэта» Шиллера (не его ли мысль, что «в творчестве сила не в идее, а в форме», из пропушкинской и антишиллеровской статьи 1838 года об «Уголино» повторял брат Михаил, вызвав горячую отповедь Фёдора?). Когда пройдёт «примирение», Белинский отдаст первенство «поэзии содержания», также изменит своё отношение к Пушкину и Катков, уступив силе общего мнения.

Предпочтение, оказанное Шиллеру перед Пушкиным, — разделительный знак, стоящий у порога изначального и в чём-то рокового русского десятилетия. Отсчёт «сороковых годов» следовало бы вести не по календарю, а от смерти Пушкина — так же, как «шестидесятые годы» ведут отсчёт от смерти Николая I. Разминая пластику пушкинского слова (коли так случилось, что Пушкин стал явлением языка), люди сороковых годов, не исключая самых выдающихся, чувствовали какую-то неудовлетворённость, род национально-культурной неполноценности оттого, что не находили в Пушкине **духовной полноты**, для коей искали новых способов выражения — прямых и тем самым якобы адекватных. Как будто Слово — ещё не Дух.

Недооценка слова как утлого вместилища духа вообще характерна для романтиков; в своё время Пушкин счастливо избежал столь очевидного самоедства, но Достоевского оно не обошло. Сочувственным чтением Гюго (тема самоотвержения художника) и одновременно Жуковского («Невыразимое») отзываются строки письма к брату 16 августа 1839 года: «Мне кажется, что нет святее самоотверженника как поэт. Как можно делиться своим восторгом с бумагой. Душа всегда затаит более, нежели сколько может выразить в словах, в красках или звуках. Оттого трудно исполнить идею творчества».

Трудно, но, значит, возможно. Парадокс романтического *Silentium*'а и заключается в том, что романтики берутся выразить — невыразимое. В истории русской литературы тему эту обычно ведут от Жуковского, но Достоевскому, более чем вероятно, был знаком первоисточник. В своих «*Tabulae voltivae*» (1796) Шиллер выразил указанный парадокс в двустихиях «Язык» («С духом бесплотным не может наш дух говорить воплощённый: // Если душа *говорит*, не говорит уж *душа*») и «Художник» («Чем отличается мастер? В чём его тайна и сила? Молча он иногда должен высказывать мысль») (переводы Ф.Миллера и А.Струговщикова).

Возможно, что и тему поэта-«самоотверженника» Достоевский вёл не только от Гюго, но и от Шиллера, от его «*Resignation*». Шиллер–Жуковский и Шиллер–Гюго вполне органично объединились в его сознании, противостояя Пушкину–Байрону. Для русского поэта наступило время если не отчуждения, то охлаждения и, скажем прямо, недопонимания. «Дух сми-

рения, терпения, любви» на пушкинском языке Достоевским ещё не прочитывался, зато легко узнавался на языке Гюго и Шиллера.

V

Нечто наподобие шиллеровского поворота от бури и натиска к Resignation переживает Достоевский летом 1839 года, после смерти (убийства?) отца. На пороге этого нового периода ожидает нас один из самых знаменитых афоризмов Достоевского; вернём его в надлежащий контекст (письмо к брату 16 августа 1839 года): «Душа моя недоступна прежним бурным порывам. Всё в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокою тайну; учиться, “что значит человек и жизнь”, — в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно; более ничего не скажу о себе. Я в себе уверен. Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».

Несколько театральная декламация слышна и здесь, но Гамлет переродился: недавно ещё колебавшийся меж мстостью и самоуничтожением, теперь он, просветлённый, проповедует прощение и любовь, — Гамлет, перетекший в Маркиза Позу и Дон Карлоса. Для последнего, впрочем, были объективные основания: по собственному признанию Шиллера, у его Карлоса «душа шекспировского Гамлета».

В творчестве Шиллера прологом к новому периоду, сменившему бурю и натиск и начинавшемуся «Дон Карлосом», служит горячо любимая Достоевским «Ода к радости». В переводе Тютчева (в 1835 году переизданном) это звучало так:

Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!
Жертвой мести купим друга.
.....
В сердце сыщем откровенье,
Сердце скажет Божество!

В 1861 году Достоевский напишет, что Шиллер «вошёл в плоть русского общества, особенно в прошедшем и запрошедшем поколении. Мы воспитались на нём, он нам родной и во многом отразился на нашем развитии». Любопытно отметить попутно, что не с тихим эстетиком Дружининым, уверявшим, будто влияние Шиллера в России «не было широким и увлекающим», а с бурным реалистом Чернышевским («этому немцу наше общество обязано более, нежели кому бы то ни было из наших лирических поэтов кроме Пушкина») совпал тогда в своей высокой оценке Достоевский. Можно было выйти из Шиллера, но разойтись в разные стороны. Впрочем, дело не в имени, есть Шиллер и Шиллер — Шиллер бури и натиска и Шиллер Resignation. В отличие от Чернышевского, Достоевский вслед за своим кумиром пережил в той же

последовательности **оба** этих периода (и, кажется, не однажды, ибо этот переворот лета 1839 года, о котором мы ведём речь, — «проба» будущего «перерождения убеждений»).

Под раскаты бури и натиска Шиллер рассказал три истории («Разбойники», «Заговор Фиеско в Генуе», «Коварство и любовь») нереализовавшейся любви, зато вполне осуществлённой ненависти и коварства. Таковая односторонность, «неполнота» были трагедией героев и... самого автора. Пережил её как свою и молодой Достоевский. Его первое, ещё детское, но на всю жизнь запомнившееся впечатление — от спектакля «Разбойники» с великим трагиком Мочаловым в роли отчаявшегося гордеца Карла Моора, потерявшего брата, отца, друга, возлюбленную, Бога (как перевёл потом Михаил Достоевский: «Я не хотел Его, когда Он искал меня; теперь я ищу Его — и Он меня не хочет... я не нужен Ему»).

В письме к брату 1 января 1840 года Достоевский выстраивал свою галерею шиллеровских героев: «Карл Моор, Фиеско, Телль, Дон Карлос». Этот ряд, направленный от гордости к прощению, не согласуется с хронологией, следуя которой завершать всё должен «Вильгельм Телль», где Шиллер взялся слить божественное смирение со святой мстью. У Достоевского последовательность иная, разъединяющая: от ненависти к братству («Дон Карлос»).

Очевидна особая роль трагедии «Дон Карлос» в духовной эволюции раннего Достоевского. Шиллеровское понятие прекрасной души (Schöne Seelen) трансформировалось здесь в видение грядущего человека весеннего мира. Ненависть и интриги на мгновение пали перед великодушием, маркизу Позе удалось достучаться до сердца короля, но победа над влиятельностью безжалостного Альбы и тем более Великого Инквизитора призрачна («наш век для идеалов не созрел моих»), она лишь краткий отблеск будущего, «когда от сна восстанет человек» (цитирую по переводу Михаила Достоевского, отредактированному Фёдором), пока же неизбежна гибель представителей золотого века. Этот последний, безусловно, торжествует лишь в самоотверженной дружбе Карлоса и Позы.

Шиллеровский культ высокой дружбы мало сказать восхищает юного Достоевского, его душевная организация требует незамедлительной «пробы». Брат Михаил в это время далеко, да и вообще что-то разладилось тогда в их отношениях, Шидловский весь погружён в собственные страдания, и оба не заходят дальше взаимоодушевляющей рефлексии. Для новоявленного Позы нужен иной материал, и он вскоре подвернулся — это кондуктор старшего класса И.И. Бережецкий, по характеристике училищного воспитателя, «юноша очень талантливый и скромный», почитатель Жуковского и Пушкина. В письме к брату 1 января 1840 года, признаваясь в посетившем его недавно «восторженном состоянии», Достоевский открывает истинную причину неистового увлечения скромным юношей: «Читая с ним Шиллера, я поверял *над ним* и благородного, пламенного Дон Карлоса, и маркиза Позу, и Моргимера». Замечательно поставлены и выделены эти «с ним» — «над ним». Они выдают и характер игры «в Шиллера», и кто был режиссёром; видевший эту «пьесу» свидетельствует: Бережецкий «слушался и повиновался» Достоевскому «как преданный ученик учителю». Род духовного протекционизма был свойственен Достоевскому (ещё

младший брат сетовал, что в детских играх ему доставалась роль Пятницы, а Робинзоном всегда был брат Фёдор, позднее нечто похожее повторялось в дружеских литературных кружках, где он выполнял функцию генератора, раздавая идеи окружающим), но в данном конкретном случае важно подчеркнуть другое. Втягивая «преданного ученика» в рискованный эксперимент, Достоевский «ставит» Шиллера в модернизированных «декорациях» и с необычными «исполнителями»: на место Испании Филиппа II явилось закрытое военно-учебное заведение с его жестокими нравами, а в нём два воинствующих гуманиста, противостоящих извечной дедовщине и сильных взаимной преданностью. Результат шиллеровской прививки оказался столь же драматичным: «Эта дружба так много принесла мне горя и наслаждения! <...> мне больно, когда услышу хотя имя Шиллера». Может быть, поэтому так близки ему оказались шиллеровские «Письма о “Дон Карлосе”», позднейшая переоценка героя автором, упрекавшим теперь своего любимца Позу в деспотизме (впрочем, и в самой трагедии, в финале сам Поза признаёт ошибку в том, что, скрыв свой план от друга, тем самым обратил его в марионетку своих высоких замыслов). Исследователи не без основания относят к опыту дружбы Достоевского с Бережецким одно школьное воспоминание героя «Записок из подполья»: «Был у меня раз как-то и друг. Но я уже был деспот в душе; я хотел неограниченно властвовать над его душой <...>, но когда он отдался мне весь, я тотчас же возненавидел его и оттолкнул от себя, — точно он и нужен был мне только для одержания над ним победы, для одного его подчинения». Следует, правда, заметить, что «деспотизм» маркиза Позы в этом герое Достоевского ушёл далеко от первоисточника, по дороге породнившись с деспотизмом пушкинского Сильвио.

На некоторые дополнительные размышления наводит упоминание у Достоевского рядом с героями «Дон Карлоса» — Мортимера, героя последующей трагедии Шиллера «Мария Стюарт», в какой-то мере развивавшей тему высокого деспотизма «Дон Карлоса» и «Писем о “Дон Карлосе”». Мортимер счастлив отдать свою жизнь за любимую женщину, но сила страсти его такова, что способна уничтожить и самый предмет поклонения. В любви Мортимер самоотвержен и деспотичен одновременно. Это один из наиболее запомнившихся Достоевскому шиллеровских героев, эхо его страсти слышно в романе «Идиот» не только в близком Рогожине, но отчасти и в «бедном рыцаре» Мышкине. Страсть Мортимера возгорается, когда он видит портрет шотландской королевы; это впечатление «в сердце врезалось ему» и ведёт в Англию, в логово врага для спасения прекрасной дамы, а на самом деле на погибель её и свою собственную.

VI

Лучшей школой у живописцев всегда считалось копирование великих мастеров. Проблема в том, что одни так и остаются копиистами, а для других подражание есть проживание чужих идей и образов как своих, и как следствие — их развитие. Такова история ученичества Достоевского: читатель пробудил в нём писателя.

Татьяна КОНДРАТОВА

Татьяна Ивановна Кондратова родилась в городе Наро-Фоминске. С 1978 года живёт в Коломне. Окончила филологический факультет Коломенского государственного педагогического института, работала учителем литературы в школе № 17. Кандидат филологических наук.

Занимается проблемами стиховедения, краеведения, авторской песни.

Имеет публикации по проблемам детского чтения. На филологическом факультете Коломенского государственного областного социально-гуманитарного института ведёт курсы выразительного чтения, введения в филологию, спецкурсы по анализу лирического произведения, а также курс «Литературная Коломна».

КОЛОМЕНСКАЯ ВЕТВЬ РОДА ДОСТОЕВСКОГО

Один из русских классиков теперь уже позапрошлого столетия утверждал, что «история души человеческой... едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа»¹. И без сомнения, история жизни одного человека отражает нашу общую историю, порою в очень драматической форме.

За внешними, совсем неяркими, неприметными событиями жизни человека может быть скрыто очень многое. Часто эти тайны уходят из жизни вместе с людьми, так и остаются неразгаданными. Но к одной такой тайне нам удалось прикоснуться, и связана она и с историей великой русской литературы, и с историей Коломны, с историей Коломенского тепловозостроительного завода. Здесь 38 лет проработала Вера Ивановна Михневич, находившаяся в близком родстве с... автором «Преступления и наказания», «Братьев Карамазовых». Она пришла на завод в 1930 году копировальщицей — на пенсию уходила с должности начальника лаборатории локомотивно-экспериментального цеха. Судьба этой женщины вписана в жизнь завода самого драматического периода его истории: командировка на Ворошиловский завод в 1934 году, эвакуация в Киров в 41-м, потом перевод в Харьков. За эти годы из скромной копировальщицы, чертёжницы Вера Ивановна Михневич стала конструктором, старшим конструктором, руководителем груп-

пы. В характеристике, данной главным конструктором завода Лебедянским, Вера Ивановна названа «по производственной работе стахановцем», она «принимала участие в разработке целого ряда конструкций паровозов в период Отечественной войны, оборонной продукции».

Личное дело Веры Ивановны Михневич, хранящееся в архиве завода, содержит ещё много разных деталей, отражающих время, жизнь завода, страны. Вот некоторые из них: в 1928 году окончила школу-девятилетку с чертёжным уклоном; параллельно с работой на заводе училась в вечернем техникуме, окончила его в 1934 году по специальности «паровозник-конструктор». В 39-м поступила в МЭ МИИТ (на паровозное отделение), но учёбу в институте не завершила: причина понятна — война; Вера Ивановна пишет в анкете, что «ушла с третьего курса, в связи с эвакуацией уехала в Киров».

Любопытно сегодня читать анкеты 30–40-х годов: человек должен был указать не только своё собственное сословие и происхождение, но и происхождение своих родителей, сообщить, чем они «занимались до революции», «владели ли недвижимым и прочим имуществом». Следовало также сообщить, «были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли человек в оппозициях». В более поздних анкетах появились новые графы: «чем занимались во время Великой Отечественной войны», «были ли вы или ваши родственники на оккупированных территориях», «имеются ли родственники за границей». О страхе человека перед графой «происхождение» люди, родившиеся после хрущёвской оттепели, знают, конечно, уже из литературы. С болью писал об этом Твардовский в поэме «По праву памяти»:

Но в те года и пятилетки,
Кому с графой не повезло, —
Для несмываемой отметки
Подставь безропотно чело.

Но в анкете Веры Ивановны Михневич всё выглядело вполне нормально для того времени, вряд ли могло дать пищу для подозрений: *не стояла, не имею, не находилась...* В её личном деле за № 190, заведённом, очевидно, при поступлении на работу в 1935 году после возвращения из Ворошиловграда (дата заполнения листка не указана), сообщается, что по происхождению она служащая, родители — врачи. В автобиографии 1946 года Михневич пишет: «Родилась в 1911 году в селе Богатищеве Каширского уезда Московской области. С 1912 по 1925 год жила в городе Переславле-Залесском Ивановской области. Отец и мать работали земскими врачами. В 1925 году семья переехала в Коломну. Отец работает в больнице при заводе им. Куйбышева, мать — врачом в железнодорожной больнице». А в анкетном листе 1947 года Вера Ивановна даёт более подробные сведения о своих родителях: её отец — «Михневич Иван Михайлович, 1879 года рождения, родился в деревне Дарливая Кричевского района Могилёвской области», мать — «Михневич-Хмырова София Дмитриевна, 1883 года рождения, родилась в городе Рославль Смоленской области». В ещё более поздней анкете (личный листок по учё-

*София Дмитриевна Михневич,
внучатая племянница
Ф.М. Достоевского*

ту кадров, датированный 4 мая 1953 года) Вера Ивановна указывает, что по социальному происхождению её отец — крестьянин, мать — мещанка. В анкете ни слова, ни намёка ни на дворянские корни (отец Достоевского получил право на потомственное дворянство), ни на близкое родство с великим писателем. Да и могло ли быть в то время по-иному? Писатель, осудивший революционный нигилизм, «бесовщину», был исключён не только из школьных программ, но фактически и из самой литературы. Идеи христианского прощения, которые проповедовал Достоевский, не могли быть приняты официальной идеологией. Но для семьи Хмыровых-Михневич Фёдор Михайлович Достоевский был не просто запрещённым писателем, он был *родным* человеком! В семье хранились книги с его автографами, но после эвакуации они исчезли.

В 1966 году Вера Ивановна написала письмо директору музея Достоевского в Москве Г.Ф. Коган, сообщила оставшиеся у неё в памяти детали, связанные с посещением Дарового, тревожилась о судьбе писем Ф.М. Достоевского к её бабушке (С.А. Хмыровой). Она сохранила бесценный альбом семьи Ивановых, который передала в музей Достоевского в Москве. Своё письмо директору музея Достоевского Вера Ивановна Михневич закончила словами: «Когда я была моложе, я как-то мало интересовалась прошлым, а теперь, когда состарилась, стала чаще вспоминать своих родных, которых уже нет». Письма Веры Ивановны Михневич опубликованы в статье Г.Ф. Коган «Письма из Коломны» в книге «Литературные мелочи прошлого тысячелетия» (Коломна, 2001), а также в «Коломенском альманахе» № 5.

Свою тайну Вера Ивановна хранила бережно: мало кто на заводе знал, что она связана кровными узами с великим русским писателем, пророком своего времени — Фёдором Михайловичем Достоевским. Её прабабушка, Вера Михайловна Иванова (1829–1896), — родная сестра Достоевского. Не просто родная сестра, но самая любимая. Жена писателя, А.Г. Достоевская, утверждала, что из «всех своих родных Ф.М. особенно любил сестру Веру Михайловну Иванову и всю её семью»². Именно Вера Михайловна после смерти родителей Достоевского стала хозяйкой имения Дарового, находящейся рядом деревеньки Черемошни, расположенных тогда в Каширском уезде Тульской губернии (ныне Зарайский район Московской области). Она выкупила их у других наследников, потратив на это деньги своего приданого, тем самым спасла, сохранила родовое гнездо Достоевских, приобретённое родителями писателя в 1831 году. С этими местами связаны самые светлые вос-

поминания детства писателя, здесь он узнал жизнь природы, простого народа. Сюда, в Даровое, к сестре Верочке и её семейству Ф.М. Достоевский приехал, уже будучи известным писателем, в 1877 году. В послереволюционные годы в Даровом и Черемошне жили дочери Веры Михайловны — Мария Александровна (последняя владелица усадьбы, создавшая там первый музей Достоевского), Ольга Александровна и Юлия Александровна Ивановы.

Вера Ивановна Михневич также внучка любимой племянницы Достоевского — Софьи Александровны Хмыровой (1846–1907), в девичестве Ивановой, старшей дочери Веры Михайловны. Поскольку муж Веры Михайловны, Александр Павлович Иванов, рано умер, Софье Александровне пришлось помогать матери содержать семью, братьям и сёстрам — получать образование. Она имела литературный талант, занималась переводами с английского и печаталась в журнале «Русский вестник». Достоевский выделял Софью Александровну из многочисленных родственников, его привлекали её интеллигентность, серьёзность.

Великого писателя и Софью Александровну связывала многолетняя переписка. «Милый и добрый друг мой Сонечка... Вы — дитя моего сердца — так я Вас считаю и Ваше имя мне слишком дорого. Вы и сестра и дочь моя»³ — так обращался к ней Достоевский. Об отношении писателя к этой совсем юной девушке свидетельствует и такой отрывок из его письма: «Вас я олицетворяю как мою совесть: как Вы решите, так я и сделаю... я смотрю на Вас как на высшее существо, уважаю беспредельно, а люблю сами знаете как»⁴. Поэтому и не удивительно, что Софье Александровне писатель посвятил свой роман «Идиот». Таким образом, Вера Ивановна Михневич является правнучатой племянницей самого писателя!

Её бабушка, София Александровна Иванова, вышла замуж за Д.Н. Хмырова — талантливого педагога с университетским образованием, преподавателя математики. Семья переехала в Рославль, где в 1883 году родилась её дочь, тоже София, София Дмитриевна Хмырова, в замужестве Михневич — мать Веры Ивановны Михневич.

О Софии Дмитриевне Хмыровой (1883–1960) в «Хронике рода Достоевского», вышедшей в 1933 году, содержатся лишь две характеристики, данные её родными тётками — сёстрами её матери: «Очень добрая, бесребреница» (М.А. Иванова); «Весёлая, общительная» (О.А. Иванова). Сообщается также имя её мужа — Иван Михайлович Михневич. Остальные сведения о ней нам удалось разыскать в Коломне.

Дата переезда семьи Михневич в Коломну не точна: дочь Софии Дмитриевны, Вера Ивановна Михневич, в письме Г.Ф. Коган 4 октября

*Вера Ивановна Михневич,
правнучатая племянница
Ф.М. Достоевского*

София Дмитриевна Михневич (второй ряд, четвёртая слева) и Иван Михайлович Михневич (первый ряд, крайний слева) среди сотрудников больницы Коломзавода. 20-е годы

1966 года пишет, что её мать переехала в Коломну в 1924 или 1925 годах из города Переславль-Залесский, где она работала земским врачом. Эту же дату переезда указывает В.И. Михневич и в автобиографии, хранящейся в архиве тепловозостроительного завода. Однако в этом же архиве мы обнаружили фотографию сотрудников больницы завода им. Куйбышева, датированную 22–23 годами, на которой можно увидеть и Софию Дмитриевну, и её мужа Ивана Михайловича Михневич. На обратной стороне фотографии подпись: «Активисты больницы при Коломзаводе». Среди других фамилий указан И.М. Михневич.

*Иван Михайлович Михневич,
муж Софии Дмитриевны
Михневич*

София Дмитриевна и её муж Иван Михайлович Михневич работали врачами сначала в больнице завода им. Куйбышева, потом вместе с заводом эвакуировались в Киров, а по возвращении из эвакуации София Дмитриевна работала терапевтом в железнодорожной больнице на станции Голутвин. «Старенькая,

седенькая, немногословная, добрая, очень скромная, никогда не вмешивалась в споры, с тихим голосом» — такой запомнили Софию Дмитриевну её коллеги — молодые тогда (1948–1949 годы) врачи А.Д. Васильчикова и Е.Н. Скупченко.

Муж Софии Дмитриевны, Иван Михайлович Михневич, после войны был назначен заведующим терапевтическим отделением городской больницы. В музее ЦРБ имя этого человека упоминается рядом с основоположником коломенской медицины — Брушлинским. В анкете 1953 года Вера Ивановна Михневич сообщает, что её отец умер в 1949 году, а она с матерью-пенсионеркой проживает по адресу: улица Партизан, дом 15 (современная нумерация домов не соответствует послевоенной, теперь это дом № 1 по

улице Партизан). Позже, в 1956 году, София Дмитриевна и Вера Ивановна Михневич переехали на улицу Октябрьской революции (дом 326, кв. 8).

В «Хронике рода Достоевского» о личности Веры Ивановны Михневич сообщалось очень немного: она «в возрасте 13 лет уже кончает школу второй ступени», «способная, развитая, впечатлительная, но также и несколько истеричная»⁵. Теперь, спустя почти семь десятилетий, мы попытаемся восстановить её черты. Вера Ивановна Михневич была одиноким человеком (так следует из всех её анкет), но на заводе она была окружена людьми. И они помогли воссоздать человеческий портрет этой удивительной женщины, которая столько лет молчала о своей тайне, но берегла, хранила её, как тот альбом с семейными фотографиями. Люди, помнящие Веру Ивановну Михневич, откликнулись, помогли найти фотографии семьи Михневич, место её захоронения. Приведу слова тех, кто работал рядом, общался с Верой Ивановной.

Иван Андреевич Игнатенко

Скромница. Очень принципиальная. Настоящий коммунист, активная, грамотная. Помню её жизнерадостной, суетливой. Женщины с ней советовались. У нас были производственные отношения. Она со мною советовалась: кому давать спирт, а кому нет. Однажды забыла ключи, вернулась, а один из сотрудников отливал спирт. Утром Вера Ивановна вся дрожала, бледная, очень переживала из-за этого.

Я ничего не знаю о её личной жизни, были ли у неё родственники.

*Дом, в котором жила семья Михневич
в предвоенные и послевоенные годы.
Улица Партизан*

Вера Ивановна Михневич среди сотрудниц Коломзавода (стоит четвертая справа)

Юрий Николаевич Запезалов

Работал вместе с Верой Ивановной с 1949 по 1966 год. Хорошо помню её: на левой щеке родинка. Отличалась от других женщин походкой, манерой. В ней чувствовалась интеллигентность: руки были красивые. Вера Ивановна не носила платки, ходила только в шапочках, у неё даже шляпка с пером была. Лицо холёное, волосы собраны в пучок. Носила туфельки на каблукках, а сверху надевала галоши. За спиной её называли «уточкой».

Спокойная, замкнутая, рассудительная. Очень активная, общественница. Ездил в театры и нас с собой возила. Дома были книги, слушала хорошую музыку. Поила нас чаем на старой квартире.

Вера Ивановна была председателем цехового комитета. Характер у неё был властный, она с нас много требовала. Она нас замучила своим соревнованием: «Конструкторы тоже должны соревноваться. Надо, чтоб каждый месяц подавали по рацпредложению».

Трудяга. Из отдела уходила последней. За 4 года делали 6 проектов, она крутилась целый день.

Очень отзывчивая, выбивала для нас путёвки, защищала, потому что Лебединский иногда был груб. Однажды даже спасла человека от его гнева — Беленовского Валерия Алексеевича.

Надежда Ивановна Коренева

Вера Ивановна Михневич была добрая, общительная, всем помогала. Когда мой муж заболел, она предложила мне перейти работать в парк, чтобы было побольше времени для дома. Очень человечная, таких сейчас нет. Когда у меня умер муж, она мне два сервиза притащила. Кто квартиры строил, деньгами помогала. У нас лаборан-

том работала Катя Овсянникова, так она ей и деньгами помогала, и обувала, одевала. У неё в Одессе была тётка, она Вере Ивановне очень помогала. У нас говорили, что эта тётка отписала ей 150 тысяч. О себе она ничего не говорила, но Катя сказала, что Вера Ивановна — родственница Достоевского. Мы тогда какой-то фильм смотрели.

Мы все праздники отмечали вместе. Мне Вера Ивановна подарила книгу Некрасова, очень старую.

С братом у неё были прекрасные отношения. Когда умерли родители, она всё ему отдала. Брат жил на Краснопресненской в большом доме, в высотке.

У Веры Ивановны был диабет, она часто лежала в больнице. Стоит, бывало, у крана и пьёт по глоточку воду. Её в коме в больницу забирали. Она любила конфеты, «Маску». Однажды стояла покупала пирожное «Лакомку». Я говорю: «Вам же нельзя, Вера Ивановна!» А она: «Ну, лишнюю таблеточку съем».

На похоронах было очень много народа, вся дорога была выложена цветами.

Маргарита Ивановна Гранова

Взгляд у Веры Ивановны был тяжёлый: смотрела исподлобья. Она была старая, усталая, всё время лежала на столе. Дружила только с мужчинами. С ними могла шушукаться. Им она доверяла, даже оставляла ключи от лаборатории. Но однажды она что-то забыла и вернулась, а один из её друзей отливал спирт. Для неё это было потрясением, она очень переживала.

У неё был диабет, она колола себе уколы. Была одинокой, замкнутой. Характер был строгий, она не кричала, никого не терроризировала. Была очень старообразная, всё время поджатые губы.

Мне она подарила браслет на 21 год. Однажды я вошла в лабораторию, а она спрашивает: «Рит, как ты думаешь, если я этот браслет подарю молодой девушке, он ей понравится?» А я любила побрякушки. «Понравится, — говорю, — он ведь старинный». «Да, он серебряный». Он был простой, как обруч, покрытый эмалью чёрной, а сверху буквы. Я подумала, что от родителей-врачей. Я его, к сожалению, потеряла. Ещё от неё у меня остался крючок для вязания, костяной.

Она была властной, даже вид у неё был тяжёлый. Выходила — все сжимались. Мы, когда не было работы, вязали. Она этому не препятствовала, наоборот, крючок подарила.

Нина Григорьевна Калинина

В детстве жила две недели в семье Михневичей. Потом часто заходила к ним в гости, на пирожки. Семья занимала весь второй этаж дома на ул. Партизан. Туда вела узкая лестница. Дома было много портретов.

Потом, я знаю, что Веру Ивановну сватали за моего дядю Николая Альбова, он был профессором медицины в Москве. Это брат моей мамы. Он дружил с Михневичем (отцом Веры Ивановны), это он просил, чтобы нас приютили в Коломне.

Из этих разноречивых воспоминаний создаётся образ очень сильной личности: волевой, властной, но при этом сердечной, бескорыстной в своей заботе о людях.

В 1969 году Вера Ивановна вышла на пенсию и сразу ушла с завода. Умерла она 2 сентября 1984 года.

У Веры Ивановны был младший брат — Николай Иванович Михневич, который родился в 1913 году (дата в «Хронике рода Достоевского» ука-

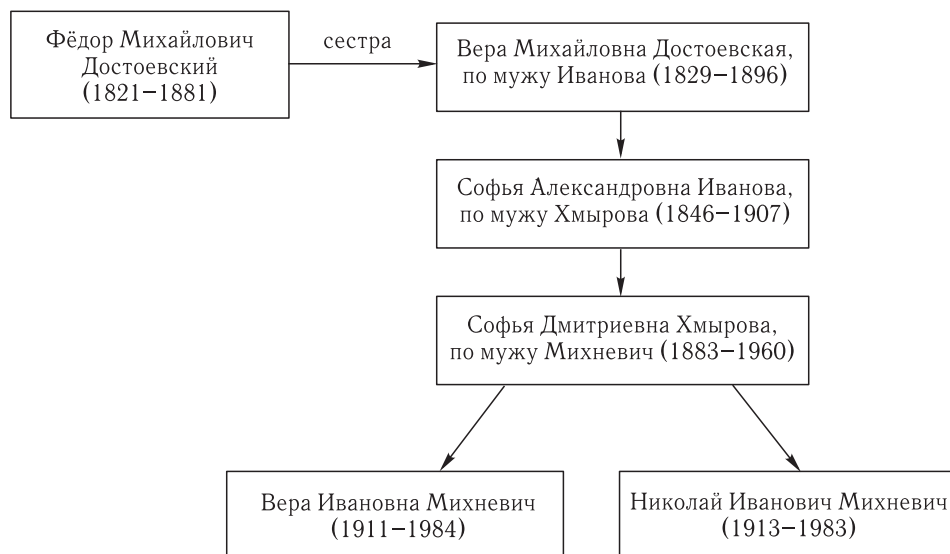

*Николай Иванович Михневич,
правнучатый племянник
Ф.М. Достоевского*

зана ошибочно — «около 1915 года»), умер в Москве в 1983 году. Его тётя Ольга Александровна Иванова отмечала необыкновенные способности своего племянника уже в детском возрасте: «В доме хороший хозяин; охотно исполняет всякую домашнюю работу — может быть и поваром, и конюхом, и плотником, одним словом, “на все руки мастер”. Лучший ученик в классе»⁶. В анкете 1946 года Вера Ивановна пишет, что её брат окончил институт им. Баумана, в настоящее время (в 46-м году) находится в рядах Красной армии. Николай Иванович был заместителем директора по научной работе, заместителем главного конструктора НПО «Красная звезда», лауреатом Ленинской премии. В анкете 1953 года Вера Ивановна сообщает адрес брата — Москва, Лихачёвское шоссе,

д. 25, кв. 10. Известно, что у Н.И. Михневича было два сына, одного из них звали Николаем.

Вера Ивановна Михневич и Николай Иванович Михневич принадлежат к девятому поколению рода Достоевских, который насчитывает уже пять столетий. Схематично степень их родства с великим писателем можно представить так:

И ещё один эпизод из жизни этой семьи привлёк наше внимание. В письме Г.Ф. Коган Вера Ивановна Михневич сообщает, что Ольга Александровна Иванова, родившаяся в 1863 году (ещё одна племянница

Ф.М. Достоевского), которая учительствовала в Черемошне, «переселилась в Коломну (ей было уже 60 лет) и умерла в Коломне в 1941 году в возрасте 86 лет»⁷. Однако в архиве мы не обнаружили свидетельства о факте смерти О.А. Ивановой в 1941 году. По ещё одной версии, Ольга Александровна погибла во время бомбёжки по дороге в Брянск, где жила её приёмная дочь Катя. Однако никаких документальных подтверждений этой версии нет. Следует обратить внимание на некоторую неточность: если считать датой рождения О.А. Ивановой 1863 год, как указано в «Хронике рода Достоевского», то умерла она в возрасте не 86, а 88 лет. Или родилась не в 1863, а в 1865 году. Это несовпадение в два года привело нас к интересной находке. В Коломенском архиве мы обнаружили любопытную запись: в 1967 году в возрасте 102 лет в Федосьинской больнице (доме престарелых) умерла Иванова Ольга Александровна. Возраст значительный, почти фантастический. Но удивительно совпадает с возрастом Ольги Александровны, если принять во внимание эти два не совпавшие в письме года. Дело в том, что в 1941 году семья Михневич была вместе с заводом эвакуирована в Киров. Может быть, Ольга Александровна по каким-то причинам оказалась в этой лечебнице? Конечно, эта история больше похожа на гипотезу. Но как вариант жизни Ольги Александровны Ивановой она может существовать.

Семья Михневич похоронена на Старом кладбище города Коломны. Могилы сохранились. И памятники на них напоминают нам, что именно в нашем городе нашли последний приют представители одной из ветвей рода Достоевского.

P.S. Автор благодарит директора музея завода Светлану Анатольевну Блинову, редактора газеты «Куйбышевец» Екатерину Ивановну Леонову, Юрия Николаевича Запезалова и Маргариту Ивановну Гранову, заведующую отделом ЗАГСа Людмилу Васильевну Богданову, директора музея ЦРБ Лидию Петровну Сивову, главного врача амбулатории железнодорожной станции Голутвин Риву Тагировну Мьяльдину, сотрудников городского архива, директора фирмы «Контур» Константина Юрьевича Львова за помощь при подготовке материала. Думаю, что в Коломне есть люди, которые смогут дополнить историю рода Достоевских, рассказать ещё неизвестные факты из жизни семьи Михневич.

Примечания

¹ *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 498.

² *Волоцкой М.В.* Хроника рода Достоевского. М., 1933. С. 187.

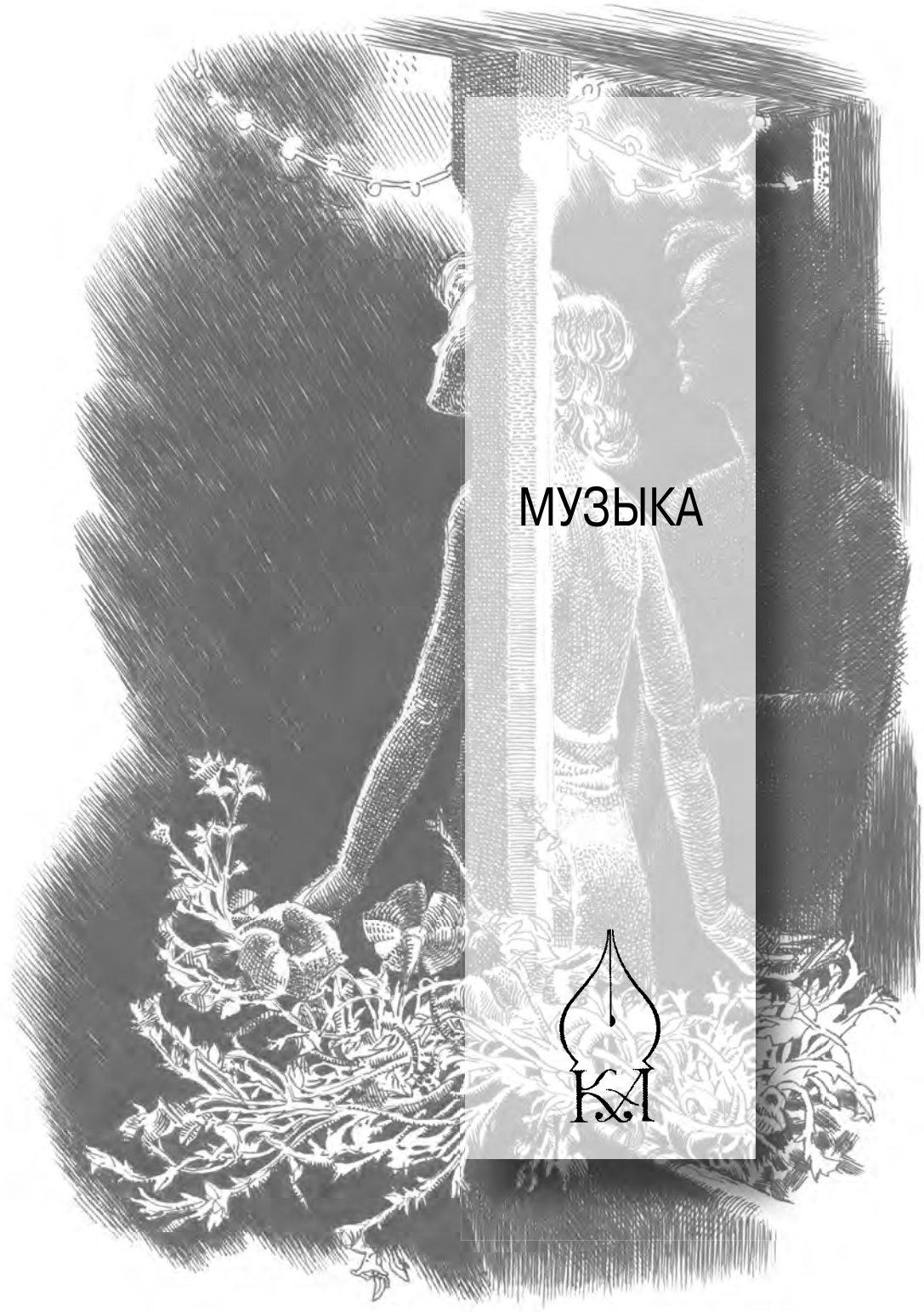
³ Цит. по: *Волоцкой М.В.* Указ. соч. С. 198.

⁴ Там же.

⁵ *Волоцкой М.В.* Указ. соч. С. 345.

⁶ *Волоцкой М.В.* Указ. соч. С. 346.

⁷ *Коган Г.Ф.* Письма из Коломны // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. Коломна, 2001. С. 140.

МУЗЫКА

Графика Василины Королёвой

Наталья КОЧЕТКОВА

***Наталья Михайловна Кочеткова** — преподаватель-музыковед 1-го Московского областного музыкального колледжа. Заслуженный работник культуры России.*

Родилась на Урале, в Пермской области. Окончила музыкальное училище в Рязани, затем консерваторию в Киеве. Самой интересной сферой своей деятельности считает музыкально-просветительскую.

На протяжении сорока пяти лет в периодических изданиях Коломны, Московской области, зарубежья систематически публиковала материалы о наиболее примечательных концертах и событиях училища, составившие значительную страницу летописи культурной жизни города.

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

ФЕРЕНЦ ЛИСТ — ГРЁЗЫ ЛЮБВИ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В ту пору зимнего сезона, когда проходила крещенская ярмарка, Киев становился контрактным городом. Массу приезжих (по официальным данным — около четырёх тысяч человек) составляли: разноязычный торговый люд, владельцы окрестных поместий с чадами и домочадцами, молодёжь, устремившаяся на зимние приёмные экзамены в университет. Днём киевский Подол бурлил ярмаркой, а вечером залы Контрактового дома и университета были отданы музыке: контракты — это и разгар концертного сезона.

Вот в такие оживлённые дни 1847 года по городу пронеслась весть о приезде Ференца Листа, поднявшая всеобщий, невиданный ажиотаж. «Лист — это было первое слово, которым встречал каждый своего знакомого», — пишет очевидец. О нём говорили на улицах, в светских гостиных, в студенческих аудиториях.

К середине XIX столетия Киеву уже не соответствовало определение «ветхого града», каким подчас именовали его газеты. Киевляне были наслышаны о европейской, о мировой знаменитости — «великом Франце», «царе виртуозов», за коим следовал шлейф самых невероятных слухов и легенд. Сейчас слава, опережая музыканта, приближалась через Румынию обертонами громких триумфов. Не потускнели ещё отблески фейерверков в честь маэстро, сопровождавших его выступления в Петербурге и Москве.

*Ф.Лист. С литографии А.Древерна.
1832 год*

Лист и Россия — свой, особый диалог.

Впервые перед ним загадочный суровый край предстал зимою 1842 года. Он прибыл в Петербург по приглашению известного русского «культуртрегера» М.Ю. Виельгорского, с которым встретился и подружился в Риме. Величественный град Петра ждал Листа с нетерпением. Петербург ждал чуда, связанного с его именем. На следующий день после приезда он был представлен императору Николаю I. Гость сразу окунулся в тот круг аристократической петербургской элиты, которой принадлежало верховное руководство культурной жизнью столицы.

Время для гастролей было выбрано как нельзя более удачно. То был традиционный для России концертный сезон, официально

установленный на всё время Великого поста, когда по распоряжению правительства прекращали работу театры. Заветные семь недель поста в обеих столицах превращались, таким образом, в непрерывный «концертный фестиваль» с участием виднейших артистов. Сезоны 42–43 годов отличались небывало высоким подъёмом концертной жизни, полностью опровергавшим обидное представление об имперской столице как о «провинциальной окраине Европы». Панораму музыкальной жизни определяли гастролирующие знаменитые скрипачи: Уле Буль, Анри Вьетан, Кароль Липиньский, пианист Адольф Гензелт (затем оставшийся работать в России), французская пианистка Камилла Плейель — друг Шопена и Листа, и, наконец, Сигизмунд Тальберг, вечный соперник Листа.

Петербург, сам город, не мог оставить равнодушным Листа. В силу художественной натуры он оценил его архитектурное совершенство, строгую красоту дворцовых зданий, изысканное убранство интерьеров, богатство картинных галерей — всё неповторимое достоинство города на Неве. Поражала также роскошь русского двора. Ворвавшись, как комета, Лист озадачил публику неслыханною дерзостью артиста, рискнувшего играть в концерте в одиночестве («в сопровождении своего таланта», по замечанию Гейне) и занимать одной лишь фортепианной музыкой целый вечер! В самом деле, форма сольного концерта, концерттабенда с девизом «концерт — это я» явилась авторским созданием пианиста, которому новаторство было присуще во всём.

Концерттабэнд состоялся в переполненном зале Дворянского собрания, вмещавшем более трёх тысяч человек. Знаток российского искусства

В.В. Стасов рассказывает, как сильно шокировала его, благовоспитанного петербургского юношу, оригинальная внешность Листа, «громадная белокурая грива», украшавшая его голову («таких волос никто не смел носить в России, они были здесь строжайше запрещены»). По желанию знаменитого гастролёра эстрада была воздвигнута в центре зала, «словно остров среди океана, словно высокий престол какой над головами толпы». Появившись в зале вместе с Виельгорским, Лист «протиснулся сквозь толпу и быстро подошёл к эстраде; но вместо того чтобы подняться по ступенькам, вскочил сбоку прямо на возвышение, сорвал с рук белые перчатки и бросил их на пол, под фортепиано, низко раскланялся на все стороны, при таком громе рукоплесканий, какого в Петербурге, наверное, с самого 1703 года ещё не бывало, и сел. Мгновенно наступило в зале такое молчание, как будто все разом умерли, и Лист начал, без единой ноты прелюдирования, виолончельную фразу в начале увертюры “Вильгельма Телля”. Кончил свою увертюру, и пока зала тряслась от громовых рукоплесканий, он быстро перешёл к другому фортепиано (стоявшему хвостом вперёд), являясь лицом то одной, то другой половине зала».

Почти на всех концертах присутствовали члены царской фамилии и представители двора; второй же вечер «изволил удостоить своим присутствием» сам Николай I.

Репертуар «русских концертов» Франца Листа складывался в основном из произведений, доступных широкой публике: транскрипций, фантазий и парафраз на хорошо знакомые темы Россини, Доницетти, Беллини, Мейербера. Их дополняли откровенно эффектные, либо бравурные, либо изящные модные пьесы. Но всегда этот ослепительно блестящий репертуар Лист умел преподнести в мудром соотношении с вечно прекрасным — с симфониями Бетховена, песнями Шуберта, конечно же, в художественных переложениях для фортепиано, которым посвятил он значительную часть своего творчества в бескорыстном благородном служении популяризации музыки великих мастеров. Он отдал дань признательности принявшей его стране, создав транскрипции романсов русских авторов: М.Виельгорского («Любила я»), П.Булахова («Ты не поверишь, как ты мила»), А.Алябьева («Соловей»); сделал блистательное концертное переложение «Марша Черномора» М.Глинки — последние два из названных произведений останутся постоянными в репертуаре пианиста.

Своим посещением и музицированием он превратил в незабываемый праздник собрания у Виельгорского и Одоевского, в доме Е.П. Ростопчиной, хозяйки литературного салона, известной поэтессы, признанной Жуковским и Лермонтовым. Прощаясь, всех обвороживший Ференц увозил с собой её стихотворение «После концерта»; оно заканчивалось следующим признанием:

Уедет он... чрез день, другой
Его забудет город шумный.
Но песнь его слилась с душой
Многотревожной, многодумной!

После его концертов дамы высшего света с гирляндами цветов встречали его на лестнице в Hôtel Couton, где он остановился. Когда же покидал он Северную столицу, петербургская аристократия на особом пароходе поехала провожать его до Кронштадта и даже на взморье Финского залива с оркестром музыкантов.

Акцент успеха в следующий его приезд в Россию пал на Москву. Всё дело в том, что в Петербурге произошёл недопустимый по правилам того времени инцидент. Об этом случае Лист сам рассказывает: «...я был приглашён играть у Николая I; во время моей игры государь подозвал своего адъютанта и стал о чём-то с ним разговаривать. Я перестал играть; наступила тишина. Император подошёл ко мне и спросил, отчего я бросил играть. Я ответил: “Когда Ваше Величество разговаривает, все должны молчать”. Николай I с минуту на меня с недоумением смотрел, потом вдруг нахмурил брови и сухо сказал: “Господин Лист, экипаж вас ждёт”. Я молча поклонился и вышел. Через полчаса в гостиницу ко мне явился полицмейстер и сказал, что через шесть часов я должен покинуть Петербург».

Москва приняла его с истинно русским радушием. Древняя столица словно старалась загладить испытанные им в Петербурге неприятные впечатления. Для выступлений ему был предоставлен огромный зал Большого театра. Успех был феноменальный. «...Ни один ещё артист, бывший в Москве, так не нравился, как Лист», — докладывал своему начальству руководитель московских театров и известный композитор А.Н. Верстовский. Пресса вновь и вновь восхваляла его «дивную, огненную игру». Он же отдал дань восторга народным русским песням и пению цыганских хоров, коими «потчевали» иноземного музыканта московские литераторы. Под впечатлением Лист тут же написал пьесу «Воспоминание о России».

Приезд на Украину в 1847 году для Листа обернётся событием судьбоносным, радикально изменившим не только «линию его жизни», но творчество и мировоззрение. А поначалу он пленён своеобразной красотой старинного славянского города. Для музыканта, для поэта и романтика здесь всё «звучит». Не видится, не ощущается, но именно звучит: и прихотливый ритм его рельефа, и мелодичные извивы старых улиц, бунтующих против любой регулярности, и колоритные созвучья парков по-над Днепром, и гармония архитектурных ансамблей (недаром называют архитектуру застывшей музыкой).

...Три месяца назад Францу исполнилось 35 лет. Он пребывал в расцвете сил духовных и физических. Всем обликом своим известный музыкант расположил к себе киевское просвещённое общество. Любая фотография, даже самая совершенная, не заменит живого свидетельства современника: «Лет тридцать с небольшим, худой, мускулистый; живые карие глаза, светящиеся умом и священным пламенем искусства... безукоризненный туалет, множество маленьких орденов на цепочке в петлице чёрного фрака... Отличное образование, начитанность, учёность, лёгкость красноречиво объясняться и писать на всех европейских языках... При этом богатый, щедрый до расточительности, откровенный и прямодушный...»

На первом же концерте, назначенном на 23 января в Контрактовом доме, Лист, верный своим принципам, играл исключительно один.

Обидно было бы отказаться от возможности заглянуть на страницы киевских газет, сохранивших аромат времени и прелесть давно утраченного наивно-претенциозного стиля. И вот что мы читаем в «Московском городском листке», издававшемся на Украине, за 28 февраля 1847 года. «Контрактная зала представляла в эту минуту любопытное зрелище. Назначенная для купли и продажи, обведённая вокруг каймою лавочек с чепчиками, фарфоровою посудою, гуммиэластиковыми калошами, бухарскими халатами, персидскими коврами и разным мелким дрязгом — эта зала превратилась вдруг в храм, куда пришли поклонники для услыхания неслыханного, для восприятия тайно-действенного глагола звука. Явился и жрец его, удивлённый таким соседством; раздались обычные рукоплескания — в знак приветствия. Лист сел, потрянул своей гривой, положил вещи персты на клавиши, и струны зарокотали. Начался фейерверк звуков, какая-то фантазмагория, где между искрами, радужными лучами, ракетными вспышками и, среди грома, журчания ручейков, трелей и щёлкания соловья проглядывали мотивы из Лучии, Нормы, Шуберта, задумчивые мазурки Шопена, классическое Анданте Бетховена; и всё это фантастическое явление звука пронеслось, как тревожный сон, сверкнув в заключение хвостом хроматической гаммы... галопа».

Два следующих концерта состоялись в зале университета. Они собрали интеллектуальную, интеллигентную аудиторию. Лист был представлен одной из самых знатных дам, любительнице музыки княгине Каролине Сайн-Витгенштейн. Звук имени печалью отозвался в сердце, напомнив ту, другую Каролину, чьим нежным светом озарена его романтическая юность.

Мысль унесла его в Париж, куда приехал он совсем ещё молодым музыкантом, проделав головокружительный путь к осуществлению своей мечты. Родившись в Венгрии, в неприметном местечке Доборьян, где находились охотничьи угодья князей Эстергази, он с детства удивлял

*Доборьян (близ Шопрона). Посещение Ф.Листом родного дома.
С гравюры неизвестного художника*

своей игрой на фортепиано венгерских и австрийских магнатов, выступая перед ними на приёмах. Поражённые необыкновенным дарованием этого чудо-ребёнка, они обязались выделять ему в течение шести лет пособие на образование в размере 600 гульденов. Отец Франца Адам Лист приложил все усилия к тому, чтобы реализовать эту возможность и вывести сына на музыкальный Парнас. Они едут в Вену, где Франц занимается у Карла Черни, любимого ученика Бетховена. Залы, в которых он выступал, бывали переполнены, и успех был совершенно невиданный. В Пеште, где он давал концерт, прощаясь с родиной, люди на улицах приветствовали друг друга не словами «Доброе утро», а вопросом: «Слушали вы уже маленького чудо-человека?»

По прибытии в Париж 11 декабря 1823 года Франца с отцом с первых же шагов постигла неудача. Лист не был принят в Национальную парижскую консерваторию по той причине, что закон решительно исключал обучение в ней иностранцев. Но, как известно, нет худа без добра: студентам консерватории не позволялось в годы обучения выступать в публичных концертах, тогда как именно исполнительская деятельность более всего нужна была молодому пианисту-виртуозу. Маэстро Паэр, у которого брал частные уроки Франц, занимал должность капельмейстера Итальянской оперы в Париже. Он обеспечил своему воспитаннику зал Итальянского оперного театра для «решающего» выступления, для «выхода в большой свет». Современники свидетельствуют, что оркестранты так заслушались игрою пианиста, что пропустили своё выступление в ригурнели. Пресса отмечала: «Орфей зачаровывал зверей в лесу и заставлял двигаться камни, маленький же Лист так потряс оркестр, что он онемел». После многочисленных вызовов он был удостоен редкого вознаграждения: герою вечера предложили совершить круговой обход лож. Переходя из ложи в ложу, он выслушивал похвалы знати, которая чувствовала его как нового Моцарта. Таким образом, перед ним открылись двери богатых дворцов, элитных аристократических салонов Парижа. В свои 14–16 лет венгерский музыкант быстро усвоил свод законов столичного этикета: по каким правилам надлежало одеваться, какому кутюрье следует заказывать костюмы, как раскланиваться и делать комплименты и пр. и пр. Сотворив себя образцом светской галантности, пленяя дамские сердца изысканной любезностью, изяществом манер, загадочной мечтательностью взора, на сцене Ференц эпатировал аудиторию порывистостью жестов, стремительностью выхода к роялю, эффектным взлётом рук при исполнении сверкающих пассажей. В Париже пианист-красавец входит в моду, и дочери респектабельных особ устремились к нему, желая брать уроки музыки. Одной из них стала семнадцатилетняя Каролина де Сен-Крик, дочь графа де Сен-Крика, — крупного сановника, министра в правительстве Мартиньяка. Едва ль не с первого мгновения Лист попадает под очарование её редкой красоты. Она к тому же обладала образованностью и тонким пониманием искусства. Уроки музыки, естественно, преобразились в свободное общение, в беседы о литературе, философии. Они происходили в великолепном парке, окружавшем особняк, с тенистыми аллеями, таинственными гротами, каскадами фонтанов, диковинными цветниками, резными беседками, располагавшими к откровенно-

сти. Их дружба вскоре уступила место взаимной романтической любви. Признание сердца зазвучит мелодией ноктюрна дивной красоты:

Люби, люби,
пока дано любить,
пока любить ты рад...

Впоследствии их станет три, соединённых именем одним — «Грёзы любви».

Мать Каролины, женщина чуткая и деликатная, лишённая сословных предрассудков, относилась благосклонно к их идеальному роману. Однако же идиллии не суждено было осуществиться. Графиня де Сен-Крик внезапно умерла. Отец же, граф Сен-Крик, не отличался склонностью к нежным чувствам. Он грубо отказал от дома молодому музыканту, не удостоив его даже личного объяснения, но передав своё решение через слугу. Подчёркнуто пренебрежительный жест графа нанёс Францу глубокую рану. Он понял: высшее общество, в котором только что он был фаворитом, баловнем, не признаёт в нём человека!

Одно за другим обрушивались на Франца скорбные потрясения. Недавно он пережил смерть своего отца. Теперь — трагедию любви. У Ламартина, в стихотворном цикле «Религиозные и поэтические гармонии», искал и находил он утешение. «В этот период я в течение двух лет был болен, — напишет Лист в знаменательном “Втором письме к Жорж Санд”, по существу задуманном как автобиографическая исповедь. — Мой пылающий лоб склонялся к сырым ступеням церкви Saint-Vincent de Paul. Моё сердце истекало кровью, моя мысль смирилась... Отречение от всего земного стало единственным стимулом моей жизни».

Лист затворился в своей комнате. Нигде не появлялся, никого не принимал. В Париже распространился слух о смерти молодого пианиста, а газета «Etoile» даже напечатала некролог.

Та боль пережитого унижения — не станет ли она одним из поводов «отмщения»? Список покорённых им сердец намного превзойдёт известный «Донжуанский» Пушкина. Он с беспристрастным равнодушием будет наблюдать, как на концертах титулованные дамы вступают в спор, чтобы поднять им сброшенную под рояль перчатку, для них бесценную реликвию. Демонстративно, при собрании посетителей салона, позволит он графине Лапрунареде, похитив, увезти себя в её расположенный в Альпах замок. Вскоре зима занесёт дороги снегом, и они останутся там вдвоём до весны.

При всём при том Лист не забудет первую свою любовь, хоть жизнь и развела их безвозвратно. Каролине после пережитой драмы не удалось уйти в монастырь, как она того желала. Отец настоял на её замужестве с графом д'Артиго, на всю жизнь сделав её несчастной.

Минуют годы в мельканье городов и стран; и вот однажды, разрабатывая маршрут очередных гастролей, на этот раз в Испанию, Лист, ничего не объясняя импресарию, кружком на карте отмечает город По, находящийся на юге Франции. В случайном разговоре накануне он узнаёт о том, что Каролина проживает в уединении в поместье мужа близ

По, о том, что тихая, всегда печальная, она совсем непохожа на жизнерадостную Каролину де Сен-Крик, которую он знал шестнадцать лет назад. Шестнадцать лет!.. Чего только не довелось ему пережить за эти годы, какие только страсти не опаляли его! Но при одном упоминании о той, из-за которой он так страдал, им овладело неодолимое желание её увидеть. Тихой мелодией, как эхо тех минувших дней, пробивался в памяти мотив ноктюрна: «Люби, люби, пока любить ты рад...».

Погожим осенним утром экипаж вёз Листа к дому Каролины д'Артиго. Она встретила его тепло и просто, как любящего брата, единственного друга. Казалось, что они не расставались. Из своего уединения она следила за бурлящей музыкальной жизнью Парижа, за удачами и за карьерой её Франца.

Оба долго смотрели друг на друга. В последний раз... Воспоминанием об этой встрече останется одна из элегичных песен Листа — «Хотел бы умереть в лучах зари вечерней», которую он назовёт своим юношеским завещанием.

Во всей последующей жизни сопровождали Листа женщины. Эстет по натуре, он никогда не оставался равнодушным к чарам женской красоты. Но долговечными любовными влечениями могли быть только те, когда героиня его романа обладала умом и блеском мысли, природной одарённостью. Высокой миссии быть музой, вдохновительницей гения от музыки, решать и направлять его талант судьбою выпало двум женщинам, отдавшим ему долгие годы самозабвенной любви и преданности.

Зимой в конце 1832 года на музыкальном вечере у Шопена произошло знакомство Франца с Мари д'Агу. Мари слыла красавицей. Сама она называла себя Лорелеей: ещё в детстве стареющий Гёте гладил её белокурые локоны.

От отца Мари Катрин Софи унаследовала знатность древнего французского рода де Флавины. По материнской линии она была наследницей банкирского дома Бетман. В брак с графом Шарлем д'Агу она вступила, повинувшись обстоятельствам и отцовской воле. Верный слуга Бурбонов, браваый полковник кавалерии, он был далёк от интеллектуальных увлечений своей супруги. Она же нашла себя в среде утончённых ценителей искусства, создав приобретающий всё большую известность литературно-художественный салон. Сама в нём выступала как писательница; в изданиях — под псевдонимом Даниэль Стерн. Обаятельная хозяйка салона, она прославилась склонностью к театральным эффектам. «Княгиня принимала гостей то в роскошной гостиной, то в белоснежной спальне, напоминающей катафалк невесты и охраняемой чернокожими слугами, то в своей домашней часовне — аскетически суровой, заполненной фолиантами старинных богословских книг. Здесь, склонившись перед распятием, с распущенными волосами она принимала облик кающейся Магдалины».

В гостиной у Шопена горели свечи, освещая лишь поупитр открытого рояля. Вокруг шёл оживлённый разговор об оперном театре. «Внезапно дверь открылась, — напишет позже в мемуарах Мари, — и перед моими глазами предстало чудное видение... большие, цвета морской волны зелёные глаза, которые внезапно вспыхивали, словно луч солнца про-

*Ф. Лист. С портрета карандашом
Огюста Доминика Энгра. 1839 год*

бегал по волнам; страдальческие и в то же время властные черты... рассеянное беспокойное выражение лица, как у призрака, которого каждое мгновение могут позвать обратно силы тьмы...» Таким Мари увидела того, кто станет вечной и единственной её любовью.

Известие о романе графини с Листом потрясло Париж; она ж и не старалась сделать из этого события тайну. Пренебрегая условностями света, Мари приглашает Франца на лето в старинный замок своего имени, и время, проведённое здесь вместе, похоже на осуществившуюся мечту. Весною следующего года Франц и Мари принимают твёрдое решение бежать из Парижа. Лист исчезает из «храма муз» в самом расцвете молодых сил, на пороге славы; графиня д'Агу (в свои тридцать два, будучи на шесть лет старше своего возлюбленного) жертвует

всем, бросая вызов обществу, оставив семью и прочное положение в свете. С тех пор жизненный путь Листа будет надолго связан с судьбою его спутницы, независимо от того, что на предложение Франца узаконить отношения Мари надменно возразит: «Графиня д'Агу никогда не станет мадам Лист».

Местом своего свадебного путешествия влюблённые избирают Швейцарию. Безоблачное счастье, радость, брызжущая через край. В гостиницах их принимали за брата и сестру: оба высокие, светловолосые, с характерным орлиным профилем, одетые со всей изысканностью парижской моды. В регистрационной книге для присутствующих вместо своих имён они делали интригующие записи. На вопрос: «Откуда прибыли?» — следовал ответ: «От сомнения»; «Куда направляетесь?» — «К истине»; «Место рождения?» — «Парнас» или «от Бога к небу».

Неописуемая красота швейцарских гор с вершинами, укрытыми

*Мари д'Агу. С портрета маслом
Анри Лемана*

слепящим снегом, альпийские дуга — готовая законченная пастораль, озёра, бурных рек потоки — все эти впечатления музыкальными пейзажами незамедлительно ложились на нотные страницы. Так, безмятежной светлой акварелью зазвучала пьеса «На Валленштадском озере». Отмеченная самыми тонкими приёмами листовской фортепианной фактуры музыка пьесы сливается с эпиграфом из Байрона:

Гладь озера, простор твой тихоструйный,
Столь чуждый шума, словно шепчет мне,
Что должен я уйти из жизни буйной,
От мутных волн — к прозрачной глубине.

Полёт творческой фантазии подсказывал замыслы оригинальные, предлагая соединить в единый образ литературу, музыку, пейзаж, обогатив взаимно разные искусства, — и этот принцип постепенно станет особенностью стиля композитора. Так поступил он в драматической поэме «Долина Обермана». На географической карте Швейцарии с таким названием долины нет. Лист изумлённо наблюдал за капризами природы безымянной долины, где в течение дня непредсказуемо сменялись грозы, солнце, ливень и просветы, порывистые ветры. «Свободная стихия» вызывала ассоциации с портретом Обермана, героя популярного тогда романа Сенанкура.

Художественный мир романтика не менее волновали народные легенды и предания. Одна из них отражена в развёрнутой фортепианной картине «Часовня Вильгельма Телля» — о национальном герое периода освободительной борьбы швейцарских кантонов. Гражданственный смысл пьесы определён в эпиграфе — «Один за всех, все за одного».

Так зарождалось одно из самых интересных и в будущем любимых публикой фортепианных творений мастера — поэма-цикл «Альбом путешественника». Годами позже он превратится в «Годы странствий». «Швейцария» займёт в нём место Года первого.

Запечатлел «Альбом» и личные события. Здесь в декабре 1835 года появилась на свет старшая дочь Листа — Бландина Рашель. Франца переполняли счастье, гордость и любовь к прелестной девочке, к самой красивой и нежной из его дочерей. Восторг души излился светлым перезвоном в пьесе «Женевские колокола». Бландине посвящает Лист и первый свой романс «Златокудрый ангел мой». С каким возвышенным и благородным упоением звучит теперь мелодия ноктюрна «Грёзы любви»:

И в сердце ты огонь храни, любовь лелея и любя,
пока, ответных чувств полно, другое сердце ждёт тебя!

Лирические настроения возвращали его вновь и вновь к гениальным в своей искренности песням Шуберта. Он делает чудесные транскрипции, и среди них возвышенный, чистейшей красоты гимн «Ave Maria». Он посвятил его Мари д'Агу и постоянно исполнял в концертах «только для неё, для неё одной».

Для Листа время, проведённое с Мари д'Агу в Швейцарии, отмечено решающим событием его жизни. Здесь состоялась профессиональная его

*Бландина, Козима и Даниэль Лист —
дети Ф.Листа и М.д'Агу. С рисунка
А. де Ласепед. 1843 год*

карьера концертирующего пианиста-виртуоза — она-то увенчает его сияющим ореолом славы. Означавала ли Мари или нет, но именно она явилась главным фактором свершившегося. Исходная причина оказалась прозаичной: попросту постоянно требовались деньги, необходимые, чтоб обеспечить совместную жизнь с женщиной, не привыкшей отказывать себе в любом желании, и позаботиться о благополучии горячо любимой им матери в Париже. Присутствовавшая на выступлениях Листа Мари впервые, может быть, по-настоящему оценила гениальность своего друга, сама испытав силу воздействия его искусства. «Его игра взволновала меня; это была подлинно его виртуозность — щедрая, ослепительная, несравненная и всё же такая странная... Где я была? Где были

мы?.. Это была неопишуемая душевная боль». Успех подогревал в нём артистический азарт, который можно было бы назвать высоким честолюбием. Его мечтою стало возвращение в Париж, чтобы там, где выступали Мошелес, Шопен, Калькбреннер, вернуть себе былой авторитет. Но самой затаённой его мыслью было вступить в поединок, в состязание с новой звездой, австрийским пианистом Сигизмундом Тальбергом. Не так уж много приложил усилий Франц, чтобы добиться общего признания: «Тальберг — первый пианист мира, но Лист — единственный». Приезд его в Париж воспринят был как «возвращение с острова Эльбы». Он больше не скучает по провинциальной тишине Швейцарии. Он чувствует — ему нужна большая европейская концертная эстрада.

Гармонию согласия Франца — Мари всё чаще нарушают диссонансы. Проводят ли они лето в имении Жорж Санд Ноане... «Наши дамы повздорили», — заметит Лист, и он-то знает, почему. Отправятся ли в путешествие по Италии... Их творческие романтические души сливались в упоительном восторге от красоты Венеции, Милана, Генуи и Рима, искусства итальянских мастеров скульптуры, живописи, архитектуры. Лист сочиняет здесь Второй год странствий — «Италию». Под впечатлением картины Рафаэля он пишет пьесу «Обручение»; скульптура Микеланджело «Мыслитель» подвигнет на создание музыкально-философского монолога. К этому времени рождается вторая дочь, Козима, а через год — сын Даниэль. Мари д'Агу запомнит это время как самое счастливое в своей жизни. Но то была зарница последней вспышки любви к ней Листа.

Франц-пианист захвачен концертными гастрольными выступлениями. Они по-прежнему — единственный источник денег. К весьма значитель-

ным семейным расходам периодически добавляются непредвиденные, притом немалые. На установление памятника Бетховену в Бонне, для оказания помощи потерпевшим от наводнения в Венгрии, на создание на его родине национальной консерватории. Он постоянно в разъездах, и, договариваясь на два выступления, он, уступая просьбам, играет третий, и четвёртый, и... восьмой концерт. Гром славы, поклонение кумиру, толпы поклонниц — всё это льстило его честолюбию. В каком восторге он от «царского приёма» в Пеште! Его встречают специально сочинённой в его честь приветственной кантатой. Его избирают «почётным гражданином Королевского города Пешта». Он выходит на сцену Национального театра в венгерском национальном костюме (на нём роскошный, расшитый золотом тёмно-красный доломан) и сапогах со шпорами. Буря оваций разражается после блестящего исполнения «Ракоци-марша». Здесь же во время торжественного чествования самыми знатными представителями города ему преподносят памятный дар — украшенную драгоценными камнями старинную рыцарскую саблю. Память об этом событии для Листа осталась священной.

О своих триумфах в подробных описаниях он регулярно сообщает Мари, не забывая приписать: «Где бы Вы ни были, что бы ни делали, о чём бы ни думали, — я принадлежу Вам, только Вам».

Однако эти заверения уж не могли поколебать её решения о разрыве. С детьми она возвращается в Париж к матери Листа. Она возобновит литературный свой салон, где соберутся вновь Делакура, Шопен, Мицкевич, Бальзак и Гейне. Все они в её личных обстоятельствах были на её стороне. Тому способствовал во многом опубликованный ею автобиографический роман «Нелида», где она полностью защищала и оправдывала себя, во всём обвиняя Листа.

С присущим ему тактом Франц воздержался от какого бы то ни было ответа и молча, терпеливо ждал, когда утихнет боль от причинённого ему страдания.

Знакомство с Каролиной Витгенштейн произошло после концерта Листа в зале Киевского университета. Знатная дама, любительница музыки княгиня Каролина Сайн-Витгенштейн, как было принято в те времена, послала в виде поощрения артисту очень крупную ассигнацию. Он посчитал своим долгом лично поблагодарить её за щедрость. (Сколько подобных случаев было в его жизни!) Немногих фраз, которыми они обменялись, оказалось достаточно, чтобы оба почувствовали тонкое созвучье душ. Так, совершенно неожиданно, Лист встретил третью женщину, властно вошедшую в его судьбу. Княгиня Витгенштейн, она — и муза, и возлюбленная, и мудрый друг, умеющий направить путь его в искусстве.

Уставший от своих скитаний, от дорог, часто некомфортабельных гостиниц, от шума восклицаний и аплодисментов, Франц ощутил себя великолепно в Воронинцах, в украинском имении княгини, чьё приглашение он принял с радостью. Он наконец почувствовал себя в уютной и покойной атмосфере дома. Роскошный особняк-дворец, вся обстановка, свидетельствующая о безупречном вкусе хозяйки. Захватывающие дух

*Каролина Витгенштейн с дочерью
Марией. С литографии К.Фишера
по портрету А.Казановы.
40-е годы XIX столетия*

мевало знание иностранных языков, литературы и искусства, чему способствовали путешествия во Францию, Италию, Германию. В семнадцать лет Каролина по настоянию отца вступила в брак с князем Николаем Сайн-Витгенштейном, который вскоре успешно продвигается по службе при императорском дворе в Санкт-Петербурге и станет адъютантом его величества. Брак не был счастливым. После рождения дочери Марии супруги жили раздельно: он — в Петербурге при дворе, она же в родовом имении Воронинцы.

Её влияние на Листа было безграничным. Во всём. Прежде всего в вопросах философии и религии, к которым тяготел он сам ещё с дней молодости. Франц вряд ли мог предполагать, что встретит в своей жизни человека, который глубоко и органично воспримет его собственную идею: религия и музыка, мировоззрение и музыка. Здесь именно, в Воронинцах, под впечатлением взаимных рассуждений рождался грандиозный замысел «Данте-симфонии». Как ни одна из предыдущих женщин, княгиня Витгенштейн почувствовала, оценила всю глубину таланта Листа, таланта композиторского. Не без её резонных убеждений он принимает важное решение: «эти гастролы будут последними в его жизни».

Об этом думал он и прежде, особенно когда играл в аудитории, не обладавшей «благородным» вкусом, понятием о содержательном, серьёзном искусстве музыканта. В те времена артисту, помимо им объявленной программы, предполагалось показать себя ещё в импровизациях, «ответив» на заявки публики. В одном из своих «Писем бакалавра музыки»

катанья по заснеженным просторам на резвой тройке с бубенцами. Как весело, когда по возвращении его встречают хлебом-солью толпы крестьян в национальных одеждах. Какое красочное своеобразие восточнославянского царства!

В гостиной, озарённой мягким светом, звучал рояль, а вечерами в отсветах камина велись неспешные беседы о музыке, литературе, философии.

Княгине тогда было двадцать восемь лет. Она не отличалась красивой внешностью, хороши были только её глаза, привлекавшие пронизательным взглядом. Единственная дочь крупного польского помещика Петра Ивановского, Жанна Элизабет Каролина была воспитана в строгих правилах католической веры. Родители её разошлись. Однако мать, Паулина Потоцкая, позаботилась о достойном воспитании и образовании, что подразу-

Лист оставляет описание: «На моём последнем музыкальном вечере для сбора записок с темами для импровизации у входа в зал была установлена прелестная серебряная чаша дорогой работы, приписываемой одному из лучших учеников Челлини. Когда я приступил к разбору записок, то нашёл среди них, — как и ожидал, — много мотивов Беллини и Доницетти. Затем, ко всеобщему веселью присутствующих, я достал тщательно сложенную анонимную записку, автор которой ни на мгновение, по-видимому, не усомнившийся в превосходстве своего выбора, назвал такую тему: “Il diomo di Milano” (Миланский собор). Ох! — вздохнул я. Кто-то из присутствующих увлекается чтением: этот господин помнит про утверждение мадам де Сталь, что музыка — это архитектура в звуках. Однако публика не выказывала ни малейшего желания возвыситься до слушания моих воздвигнутых из тридцати вторых долей колоколен, моих галерей из гамм и кружев из децим. Я продолжал. Дальше дело шло ещё лучше, ещё интереснее. Один честный буржуа, желающий содействовать прогрессу индустрии, для того, чтобы получить возможность совершить путешествие из Милана в Венецию за шесть часов, предложил мне в качестве темы: “La strada di ferra” (Железная дорога).

Но для разработки этой темы, кроме непрерывных глиссандо, от самых верхних до самых нижних тонов, мне ничего в голову не приходило. Поскольку я всё-таки опасался, как бы в состязании по бегу с железнодорожным составом не сломать себе руку, я поспешил развернуть следующую записку. И что бы, вы думали, я в ней нашёл? Один из важнейших, разрешимых только посредством арпеджио, вопросов человеческой жизни... что лучше: жениться или остаться холостым? Но так как на этот вопрос я мог бы ответить только одними бесконечными “вздохами” и паузами, то я предпочёл напомнить моим слушателям слова одного мудреца: “Какое бы решение ты ни принял: жениться или остаться холостым, — всё равно ты в нём раскаешься”».

Прислушавшись к резонным доводам Каролины, на этот раз Лист в самом деле в одночасье поставил завершающую точку в своей карьере пианиста-виртуоза. Он посвятит себя созданию музыки, искусству избранных.

Старинный благородный Веймар отныне делается их домом. Они устроятся почти что в пригороде, в Альтенбурге, в районе старой части города. Здесь тишина. И воздух здесь пронизан отзвуками органных сочинений Баха. Недалеко — дом Гёте и домик Шиллера с мансардой...

Лист состоялся в Веймаре сначала как дирижёр. Он соглашается на пост главного дирижёра Веймарского придворного театра, отлично понимая, что театр — это обширная арена для борьбы за подлинно передовое музыкальное искусство. За два-три года вдохновенных усилий Листа веймарскую оперную труппу не узнать. В сезон она даёт по пять-шесть новых постановок. Для Веймара это неслыханно. Решительно обогащается репертуар. Здесь ставятся не только лучшие из опер классиков, но и новейшие. Здесь Лист поставил «Лоэнгрин» Вагнера — произведение автора, объявленного вне закона в Дрездене за участие в революционном восстании 1849 года. За «Лоэнгрин» Ференцу пришлось вступить буквально в бой; он выиграл его: премьера состоялась.

Ф.Лист за дирижёрским пультом. С литографии К.Гофмана. 50-е годы XIX столетия

Лист вышел к пульту также дирижёром симфонических концертов. Подобно Вагнеру и Берлиозу, впервые Франц взял в руки дирижёрскую палочку. (Обязанности руководителя оркестра обычно выполнял скрипач, так называемая «первая скрипка»; эта традиция сохранится до наших дней в камерных оркестрах.) Совсем уж смелым жестом стало то, что дирижёр позволил себе повернуться лицом к исполнительскому коллективу. На веймарской эстраде звучали шедевры классики. Все симфонии Бетховена, Шуберта, Мендельсона, Шумана. Целую неделю продолжался цикл концертов из сочинений Берлиоза. Он исполняет музыку А.Рубинштейна, Глинки и свою.

Дом Листа — светлый и просторный, трёхэтажный, с большим красивым садом. Обширная

библиотека с редкой коллекцией автографов. Музыкальные инструменты, на которых некогда играли Моцарт и Бетховен. Портреты, бюсты выдающихся художников, артистов — друзей Листа. Неизменно свежие цветы (даже зимой), конечно же заботой Каролины расставленные в вазах. Лавровые венки на стенах и знаменитая венгерская сабля. Три специально оборудованные музыкальные залы и кабинет —

Веймар. Альтенбург. Дом, где жил Ф.Лист. С акварели К.Гофмана. 50-е годы XIX столетия

любимое место уединения. Знакомые прозвали этот дом «виллой муз».

К прославленному мэтру приезжают музыканты со всех концов Европы. И Россия — не исключение. Окончивший консерваторию в Германии, сопутствуемый громкой известностью пианист и композитор А.Г. Рубинштейн. Годы позже Лист напутствует в большую музыку молодого А.Глазунова. Пианисты нового поколения считают счастьем стать учениками или хотя бы присутствовать на листовских открытых уроках. Маэстро не берёт с них платы; он щедро дарит самого себя: талант, идеи, мастерство. Гостями веймарского дома Листа в разное время будут В.Стасов, А.Бородин, А.Зилоти. Лист восхищался

русской школой: «этой храброй русской музыкальной фалангой» — так называл он композиторов «могучей кучки» — «крупных мастеров, одарённых редкой жизненной энергией».

Всё в «вилле муз» располагало Листа к сосредоточению на самом важном деле его жизни, на сочинении музыки. В огромном перечне произведений для фортепиано, хора, голоса, оркестра явилось миру нечто великое — творение поэта. То были симфонические поэмы. В них Лист осуществил свою давнишнюю мечту-идею — соединить поэзию, живопись и музыку, слить некогда неразделимое в единую гармонию. Числом двенадцать они сумели отразить необозримый мир воображения, литературных впечатлений, мыслей, жизненных проблем.

Над многими из сочинений этих лет витает тень княгини Витгенштейн. Она, с рождения ревностная католичка, умела деликатно набросить на многие сюжеты мистический религиозный флёр. Он как дыхание пронизывает симфонию к «Божественной комедии» Данте, цикл фортепианных пьес — «Поэтические и религиозные гармонии» и чудную поэму «Что слышно на горе», поэму «Идеалы» — в хоральной теме, положенной в основу музыки.

Но песней песен прозвучит поэма, в которой композитор сотворит апофеоз любви земной. «Прелюды» — самая прекрасная из симфонических поэм. Она, начавшись осторожно вопросом мудрецов: «не есть ли наша жизнь...», придёт в своём развитии к торжествующему гимну в коде, который воспёт в фанфарном ликовании преодоление и борьбу, природу (единственную утешительницу в горе) и любовь («когда другое сердце ждёт тебя») — самый великий из даров!

Над ней алмазной диадемой красуется веночек ноктюрнов — «Грёзы любви». «Высокая любовь», «Блаженная смерть» — и именно теперь, в минуты истинного счастья, Лист создаёт тот самый романтический — «O, Lieb»:

Люби, люби, пока дано любить,
пока любить ты рад!

Екатерина Владимировна Бычкова родилась в Коломне. В 2000 году с отличием завершила обучение в Коломенском институте Московского государственного открытого университета по специальности «Менеджмент». С 2007 года является аспирантом Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломенского педагогического института). С 2005 года и по настоящее время работает начальником отдела информации и связей с общественностью в ОАО «Коломенский завод».

Наталья Ивановна Демпке родилась в Коломне. Окончила Московский энергетический институт. По распределению работала в Институте физики полупроводников Новосибирского академгородка. Окончила аспирантуру в Москве, защитила диссертацию на степень кандидата физико-математических наук.

После создания в Коломне общества российских немцев активно работала в организации. Сейчас — председатель Местной немецкой национально-культурной автономии.

Лариса Борисовна Рябкова родилась в Костромской области, выросла в Коломенском районе. После окончания исторического факультета Коломенского педагогического института работает в Коломенском краеведческом музее.

Автор многочисленных работ по истории города. Редактор-составитель сборников «Великая Отечественная война в письмах коломенцев» (Коломна, 2005) и «Коломенские благотворители» (Коломна, 2009).

Екатерина БЫЧКОВА,
Наталья ДЕМПКЕ,
Лариса РЯБКОВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИЙ

СЕРГЕЙ КУСЕВИЦКИЙ,
СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ,
НИКОЛАЙ СТРУВЕ

Струве — фамилия, известная в нашем городе. В середине XIX века военные инженеры братья Аманд и Густав Струве основали в Коломенском уезде машиностроительный завод, продукция которого (мосты в Санкт-Петербурге и Москве, электрические трамваи для Киева, Москвы, Одессы, паровозы, пароходы, дизельные двигатели и первые в мире теплоходы) прославил наш город не только в пределах Российской империи, но и за рубежом. Эта часть истории предприятия известна коломенцам. Но мало кто знает, какую роль сыграли в истории Коломенского края и России дети основателей нашего предприятия. Наш рассказ об одном из них — Николае Струве.

Он родился в Коломне в 1875 году в семье Густава Егоровича Струве и Ольги Фёдоровны, урождённой фон Дризен. Многочисленное семейство жило в доме на Коломенском машиностроительном заводе у станции Голутвин, а после смерти Густава Егоровича в 1882 году — в имении Ибердцы Рязанской губернии. Воспитанием детей (а у Николая было четыре сестры — Александра, Екатерина, Розалия, Мар-

гарита и два брата — Сергей и Василий) занималась их мать, её приёмная дочь Клара Густавовна Греф и Е.И. Петш, обучавшие их немецкому языку и игре на рояле. Несмотря на отъезд семьи из Коломны, жизнь детей Густава Струве продолжала быть связанной с заводом. Достигнув совершеннолетнего возраста, они становились акционерами предприятия и в той или иной степени принимали участие в его работе. Николай, например, был почётным членом Общества развлечений Коломзавода. Возможно, это членство было связано с тем обстоятельством, что Николай получил профессиональное музыкальное образование. В самом начале своего пути он пытался идти по стопам отца, поступив в Рижский политехнический институт, но, не закончив курса обучения, уехал в Москву, в консерваторию.

Затем — Германия, Дрезденская консерватория по классу композиции известного немецкого теоретика и композитора Феликса Дрезеке¹.

Именно музыка связала Николая Струве, «человека высокой культуры и широкого кругозора», с С.В. Рахманиновым. Их знакомство состоялось зимой 1907/08 года в Германии. Софья Александровна Сатина, двоюродная сестра Рахманинова, вспоминала: «В Дрездене он (Рахманинов) оказался совершенно одиноким... К счастью для него, он встретился там зимой с русским музыкантом Н.Г. Струве. Знакомство их скоро перешло в большую дружбу, которая не прекращалась до самой смерти Струве... Кроме взаимной личной симпатии, их крепко связала общая любовь к музыке». О тесных дружеских отношениях Рахманинова и Струве, сложившихся в Дрездене, писал и биограф Рахманинова Оскар фон Риземан: «Изоляция от музыкального мира родины, обоюдное же-

Густав Егорович Струве (1834–1882)

Ольга Фёдоровна Струве, урождённая фон Дрезен

Дом Струве на Коломенском заводе. Село Боброво. Начало XX века

ление обмениваться мыслями о музыке и обо всём на свете, общие интересы, общие друзья и, отнюдь не в последнюю очередь, просто симпатия, тяга друг к другу вскоре привели двух музыкантов, никогда прежде не встречавшихся, к самым коротким отношениям. Эта дружба крепла в долгих прогулках, которые часто уводили их далеко за пределы города.

Дрезден, «симпатичный и музыкальный», стал одним из любимых городов двух музыкантов. В письме другу Рахманинов писал: «Сам город мне очень нравится... и я чувствую себя как дома». Он и его семья стали членами русской православной общины и активно участвовали в жизни местного храма преподобного Симеона Дивногорца. По документальным источникам и воспоминаниям местных жителей, Сергей Рахманинов с Николаем Струве сделали крупное пожертвование на устройство газового отопления церкви, которое до настоящего времени находится в рабочем состоянии. Дрезден не только подружил двух композиторов, он отмечен в творческой биографии каждого. Из дрезденского периода выделяется симфоническая поэма «Остров мёртвых», написанная С.В. Рахманиновым в 1909 году под впечатлением «массивной композиции и мистического сюжета» одноимённой картины швейцарского художника-символиста Арнольда Бёклина. Художественная целостность поэмы сделала её посвоему совершенным творением Рахманинова. На партитуре поэмы

Храм преподобного Симеона Дивногорца в Дрездене. 2010 год

Партитура симфонической поэмы
«Остров мёртвых» С.В. Рахманинова

обозначил: «Посвящается дорогому другу С.В. Рахманинову».

В эти же годы активно гастролировал в Германии русский дирижёр и контрабасист С.А. Кусевицкий. Сергей Александрович родился в 1874 году в Вышнем Волочке в музыкальной семье: отец — армейский дирижёр, мать — пианистка. Музыка, окружавшая Сергея Кусевицкого с детских лет, определила и выбор будущей профессии. В семнадцатилетнем возрасте в 1891 году он отправился из своего города в Москву и попытался поступить в консерваторию. Но приём был закончен, и он поступил учиться в Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества по классу контрабаса к профессору Й.Рамбаусек. Став лучшим учеником профессора, Кусевицкий в 1892 году играл в оркестре Русской частной оперы С.И. Мамонтова, затем в оркестре Мариинского театра, а в 1895 году его зачислили в штат Большого, где он получил звание артиста императорских театров. Пробуя себя в сольных выступлениях, Кусевицкий «создал

стояли слова: «Николаю Струве, в знак дружбы» и дата: «Ende Dresden. 17 April 1909». Как отмечал биограф Рахманинова Оскар фон Риземан: «Ни одно из предшествующих посвящений не отличалось такой теплотой; как правило, Рахманинов был настолько сдержан в изъяснении своих чувств... что малейшее отклонение от принятого им обычая нужно рассматривать как исключение и знак особого расположения».

Впервые это сочинение под управлением автора было исполнено в шестом симфоническом собрании Московского филармонического общества 18 апреля 1909 года². В свою очередь, Николай Струве свой музыкальный цикл «Наброски для голоса и фортепьяно “Из Козьмы Пруткова”»

Партитура «Набросков» Н.Г. Струве

себе имя выдающегося виртуоза». Современники отмечали, что Сергей Александрович играл на контрабасе, «мало подходящем для сольных выступлений инструменте, с необычайным искусством». В эти годы судьба С.А. Кусевицкого свела его с Коломенском краем. Он приобрёл имение в селе Акатьево, куда время от времени приезжал на отдых из Москвы.

Удачная женитьба Сергея Александровича в 1905 году на Н.К. Ушковой, дочери московского купца-миллионера, сделала его финансово независимым. Он смог позволить себе уйти из Большого театра. На прощание Кусевицкий опубликовал в московской газете «Русское слово» статью под заглавием «Новые илоты», где в резких и решительных выражениях обвинил дирекцию императорских театров в «бесчеловечной эксплуатации артистов оперного оркестра, вынужденных отдавать всё своё время и силы за мизерное вознаграждение, обрекающее их семьи на полуголодное существование».

Вместе с молодой супругой С.А. Кусевицкий переехал в Берлин. Его концерты пользовались успехом у европейской публики, но Сергею Александровичу хотелось большего, он стал подумывать о давно привлекавшем его дирижировании. Он ходил на концерты великих дирижёров Артура Никиша, Густава Малера, Феликса фон Вейнгартнера. Наконец, 23 января 1908 года состоялся дебют дирижёра Сергея Кусевицкого. Под его управлением оркестр Берлинской филармонии играл «Ромео и Джульетту» Чайковского, произведения Ганеева, Глиэра, а во втором отделении звучал «Концерт для фортепиано с оркестром до-минор» Рахманинова, в котором солировал автор, согласившийся поддержать дебютанта. Это было не первое сотрудничество двух великих музыкантов: в 1904 году Сергей Васильевич стал дирижёром московского Большого театра, в котором уже служил Сергей Александрович. В период зарубежных гастролей Сергея Александровича 1906–1908 годов Рахманинов, признавая мастерство дирижёра Кусевицкого, охотно играл под его управлением свои фортепианные концерты. Два великих музыканта со временем стали близкими друзьями. В Германии у них появились новые общие знакомые, и не только в среде музыкантов. Этому немало поспособствовал Николай Струве. Жена С.В. Рахманинова, Наталья Александровна, вспоминала: «В Дрездене Струве вели светский образ жизни, и у них было много знакомых в дрезденском обществе». Некоторые представители этого общества стали друзьями и четы Рахманиновых. Исследователь

Сергей Александрович Кусевицкий

из Германии Йохен Хойслер предполагает, что именно в Дрездене весной 1908 года молодая чета Струве — Николай и Вера (в девичестве Пастухова) — познакомили Рахманинова с немецким художником-импрессионистом, профессором и директором Дрезденской академии искусств Робертом Штерлем (1867–1932)³. Вера Струве была ученицей на курсе живописи художника. Отношения ученицы и учителя вскоре переросли в дружбу семейств Струве и Штерля. Роберт Штерль с большой симпатией относился к Николаю Струве. В письме к его жене Vere он писал: «Человек с таким чистым сердцем, каким был он, способен создать для другого рай на земле».

Роберт Штерль. Автопортрет. Из фонда Дома-музея художника в Германии

Постепенно друзья Струве стали друзьями его друзей. Роберт Штерль пригласил Рахманинова в свою мастерскую, а затем прислал ему в подарок один из своих рисунков. В ответ Рахманинов направил Штерлю письмо (от 2 апреля 1908 года), в котором благодарил его за подарок, за возможность познакомиться с работами художника в мастерской, и приглашал к себе отужинать вместе с супругой. В конце послания Рахманинов сообщал, что на ужине будет и семья Струве. Позднее состоялось знакомство Роберта Штерля и с Сергеем Кусевицким.

В компании своих новых друзей немецкий художник провёл немало приятных и интересных вечеров в Дрездене и Берлине. Знакомство с русскими музыкантами подвигло Роберта Штерля отправиться в путешествие по России⁴, по поводу которой он в письмах к жене выражал восхищение. Во время этих путешествий Штерль гостил у своих новых друзей. Дважды (в июле 1908 года и в 1910 году) он посетил имение Струве в селе Ибердцы,

*Николай Струве
(в центре)
с сыном Николаем
и художником
Робертом Штерлем*

от которого пришёл в восторг: «Само имение, усадьба — как королевство... очень-очень много леса и большие дуга. Для живописца — это просто великолепная страна». Весной 1914 года Штерль вместе с Рахманиновым и Струве наблюдал празднование пасхальных дней в Москве. В полночь они присутствовали на торжественной службе в Кремле.

Четырьмя годами раньше, весной 1910 года, Роберт Штерль был приглашён дирижёром Кусевицким сопровождать музыкантов и слушателей во время знаменитого турне «Музыка на Волге». Организацией подобного турне Кусевицкий хотел донести «живую» музыку до самых отдалённых уголков России. Это был один из самых замечательных проектов в истории российской музыки. Художник Роберт Штерль запечатлел все события этого музыкального путешествия и их участников в своих рисунках.

На пароходе «Первый», специально арендованном для оркестра, музыканты и гости проплыли 2300 миль от Твери до Астрахани и обратно. Состав приглашённых был блистательный: А.Н. Скрябин, «король баритонов» В.П. Дамаев, скрипачи А.Могилевский, Л.Цейтлин, виолончелист Р.Эрлих. Из гостей, кроме упомянутого художника Роберта Штерля, на борту парохода были владелец фирмы роялей и заведующий Петербургским концертным бюро «Концертов С.Кусевицкого» Андрей Дидерихс, врач и друг Скрябина Владимир Богородский, американский музыкальный критик Артур Абель, издатель Лейпцигского журнала «Die Signal für die musikalische Welt» Август Шпанут, музыкальный критик и дирижёр Оскар фон Риземан, журналистка Элен фон Тидебель. В программу концертов Кусевицкий включил произведения как русских (Чайковский, Глинка, Скрябин, Римский-Корсаков, Глазунов, Мусоргский, Танеев, Калинин, Гречанинов), так и зарубежных (Бетховен, Вагнер, Сен-Санс, Лист) композиторов. За первым турне по Волге последовало второе, а затем и третье. В программе последнего стояла Вторая симфония С.В. Рахманинова.

Личное знакомство Рахманинова и Кусевицкого повлекло за собой не только долгие годы дружбы, но и творческого и делового сотрудничества. С.А. Кусевицкий с женой давно вынашивали идею основания музыкального издательства, которое бы пропагандировало творчество молодых российских композиторов. Это начинание поддержал С.В. Рахманинов, «всегда глубоко сочувствовавший тревоблениям своих коллег, особенно тех, кто, несмотря на безусловный и незаурядный талант, не мог достигнуть успеха». Финансами эту идею подкрепил купец Константин Ушков, и 16 марта 1909 года состоялось официальное открытие в Москве — Берлине⁵ нового Российского музыкального издательства (РМИ). В апреле об этом важном событии сообщили русские газеты со ссылкой на немецких корреспондентов: «БЕРЛИН. Вчера открыло действия основанное проживающим в Берлине виртуозом Кусевицким и его женой Российское музыкальное издательство. Цель издательства — издание исключительно произведений русских композиторов. Супруги Кусевицкие пожертвовали на предприятие один миллион марок и кроме того обязались давать ежегодно в течение десяти лет 80 000 марок. При издательстве имеется музыкальный совет».

Издательство открыло отделения в Париже, Лондоне, Нью-Йорке. Во главе издательства стоял художественный совет.

Председательствовал в совете Кусевицкий. Как отмечал А.В. Оссовский, «он вёл заседания просто, деловито, был в высокой степени корректен, давал членам совета высказаться до конца, своего мнения никак не навязывал, считаясь с авторитетностью состава совета». Однако «наиболее значительное положение в совете занимал Рахманинов. Он пользовался у Кусевицкого наибольшим авторитетом».

А.Ф. Гедике⁶ вспоминал: «В лице Сергея Васильевича (Рахманинова) Кусевицкий встретил полное сочувствие этой идее и, кроме того, человека, на которого он мог положиться. Сергей Васильевич мог вполне возглавить это дело, помочь Кусевицкому не сбиться с правильного курса, опираясь на его огромный авторитет и руководствуясь его советами в таком сложнейшем деле. В состав художественного совета Сергей Васильевич привлёк А.Н. Скрябина, Н.К. Метнера, меня, Л.Л. Сабанеева⁷, А.В. Оссовского (из Петербурга). Во главе совета был Сергей Васильевич, а секретарём он пригласил своего друга Н.Г. Струве, отличного музыканта и теоретика... Фактически возглавляя сложнейшее дело, Сергей Васильевич не жалел своих сил и обнаружил в этой работе огромный организационный талант, а Кусевицкий мог спокойно заниматься своими концертами, чувствуя себя как за каменной стеной, имея таких помощников, как Сергей Васильевич, Струве, Гришин (начальник Московского отделения Российского музыкального издательства), П.А. Ламм (пианист, музыковед-текстолог, преподаватель, а затем профессор Московской консерватории, доктор искусствоведения) и другие».

На первых порах обязанности, возложенные на членов совета, ограничивались только музыкальной частью: просмотр произведения и определение возможности его издания. Данные для приёма к печатанию были следующие: «талантливость, самостоятельность творчества и, конечно, абсолютная музыкальная грамотность». Позднее каждая поступающая в издательство рукопись музыкального произведения рассматривалась поочередно всеми членами совета, каждым в отдельности. Были выработаны и отпечатаны опросные листы «с вопросами идеологического, художественного и музыкально-технического порядка, которым должно удовлетворять обсуждаемое произведение и на которые член совета давал ответы в “наикраткой формулировке”. Заключительный вывод о принятии рукописи к изданию или отклонение её обозначался просто немецкими буквами *f* (*dafür*, за) и *g* (*dagegen*, против). Опросный лист вручался члену совета с музыкальной рукописью, подлежащей рассмотрению. Результаты голосования подытоживались управляющим делами».

Помимо гонорара за соглашение издательство выплачивало авторам часть прибыли после погашения расходов по изданию. Управляющим делами издательства по предложению Рахманинова стал Николай Струве, который, по воспоминаниям С.А. Сатиной, «всей душой отдался этому делу и целиком ушёл в него». Ей вторил А.В. Оссовский: «Активнейшим членом совета являлся Струве. В качестве управляющего делами РМИ он был его душой. Преданность Струве новому начинанию, его горение интересами издательства были безграничны». И Рахманинов,

и Кусевицкий высоко ценили деловые и моральные качества Струве, а Сергей Сергеевич Прокофьев с некоторой долей иронии назвал Николая Густавовича даже «всемогущим». Возможно, это было связано с тем обстоятельством, что кроме участия в совете, на Струве лежали все административные, организационные, хозяйственные и финансовые дела РМИ, а также ведение переписки, личные объяснения с композиторами, руководство нотными магазинами издательства в Москве и Петербурге. Имея постоянную квартиру в Москве, он постоянно «находился на колёсах», курсируя между Москвой, Петербургом, Берлином и Лейпцигом.

Произведения отбирали и готовили к изданию в России, до 1914 года печатали в Германии (Лейпциг, нотопечатня К.Рёдера), с 1914 года — в Москве (нотопечатня В. Гроссе). Эскизы обложек, стилизованных под русскую старину, выполнял И.Я. Билибин.

Первоначально Российское музыкальное издательство издавало московских композиторов, среди которых особое положение занимал С.И. Танеев: все его произведения принимались без обсуждения. Такого же права удостоились Н.К. Метнер и А.Н. Скрябин. Первым сочинением, переданным издательству Скрябиным, были Три пьесы для фортепиано ор. 52. В последующие годы РМИ опубликовало Пятую, Шестую и Седьмую фортепианные сонаты, «Прометей» и несколько фортепианных пьес. Оказанная издательством Кусевицкого финансовая поддержка Скрябину позволила композитору полностью погрузиться в работу, не заботясь о добывании хлеба насущного. В июне 1909 года в письме к Н.Струве он писал: «Дорожу скорейшим выходом в свет своих сочинений». С 1911 года РМИ начинает сотрудничать с И.Ф. Стравинским. С.А. Кусевицкий и Н.Г. Струве присутствовали на парижской премьере его «Петрушки» 31 мая 1911 года. Они сидели в ложе Стравинского рядом с женой композитора. На следующий день Кусевицкие пригласили на завтрак Стравинских, Струве и создателя декораций и костюмов парижского спектакля — художника А.Бенуа. Затем последовали встречи с композитором в Берлинской конторе РМИ. В итоге, несмотря на разногласия внутри совета, издательство приняло решение приступить к печатанию произведений Стравинского: партитуры, голоса и клавиры балетов «Петрушка», «Весна священная», опера «Соловей». Все переговоры с И.Ф. Стравинским вёл Н.Г. Струве.

Из переписки

И.Ф. Стравинский — Н.Г. Струве
[Кларан]
[25 марта] 7 апреля 1912

Глубокоуважаемый Николай Густавович, прежде всего Христос Воскресе!
Ибо сегодня Светлое Христово Воскресение. Передайте, пожалуйста, наш привет и поздравление Вашей супруге. А теперь пишу о делах. Я Вам отправил клавир «Петрушки», который следовало бы [нрзб.]. За страшную работой, которая у меня не переводится, я пропустил очень много ошибок и потому [нрзб.]. Быть может, Вы найдёте возможным соединить эту корректуру с Бихтеровскою — тогда соедините! <...> Я даже попрошу Дягилева поместить в программах Русского

балета объявление о том, что «Петрушка» вышел в свет и продаётся у Маха. Что касается обложки, то я думаю, лучше всего сделать её из картона серого цвета. Я писал Бенуа о том, чтобы он выслал рисунок Фокусника.

*Н.Г. Струве — И.Ф. Стравинскому
Берлин
февраль 1913*

Глубокоуважаемый Игорь Фёдорович, к исполнению «Петрушки» в Лондоне мы давно уже подготовились: сообщили нашему складу в Лейпциге, отправили 4-ручное переложение, сделали объявление и т.д. Относительно «заглавий» в «Весне» мы сейчас же уведомили нотопечатню в Лейпциге, но не могу Вам обещать, что всё будет сделано, как Вы теперь желаете, ввиду того, что гравировка и вся «подготовка» были уже начаты. Приказ наш гласил: по образцу «Петрушки». Обращаюсь к Вам с большой просьбой высказывать нам Ваши предложения по поводу издания (в деталях) до отправки сочинений в гравировку. Это очень важно во избежание недоразумений и неприятностей. Меня очень интересует, как пройдёт «Петрушка». Пожалуйста, черкните. 1-го февраля в Лондоне давался «Прометей» (2 раза в один вечер!!).

Желаю Вам всего лучшего и сердечно кланяюсь. Экземпляр 4-ручного переложения сейчас же отправляется Вам в Лондон.

Ваш Н.С.

*Н.Г. Струве — И.Ф. Стравинскому
Берлин
28 сентября (11 октября) 1913*

Глубокоуважаемый Игорь Фёдорович!

Клавир 1-го действия «Соловья» мы получили 9-го и в тот же день отправили в гравировку. После обстоятельного обсуждения с Рёдером мы решили не гравировать пока немецкого текста и оставить место только для французского. Ведь к исполнению в России и во Франции немецкий текст не нужен... Я с лихорадочным нетерпением жду «Соловья». Вы меня так заинтересовали, так захватили, Игорь Фёдорович, рассказами о нём! И сюжет, и обстановка, и Ваше увлечение работой, Ваша радость... всё говорит за то, что в сумме должно будет получиться грандиозное произведение, своеобразной, сказочной (звучит немного парадоксально) красоты! И последнее действие — борьба чёрного, холодного, кошмарного со светлым, ясным и вечно живым... Победа, исцеление, залитое всё красным солнцем, с простым «человеческим» «добрым утром»... Это ли не замечательный апофеоз!! Хочется сказать: ничего нет в жизни важного... Всё обыкновенно, мало-важно, временно... Важно только и вечно лишь искусство!.. Итак, счастливого часа, счастливейшего часа — допеть Вам свою «соловьиную песню» на вдохновенной высоте!!

Искренне Ваш Н.Струве.

*Н.Г. Струве — А.В. Оссовскому
Берлин
11/24 октября 1913*

Гравировается сейчас и клавир «Соловья». Сочинение это во всех отношениях будет необыкновенно интересным!..

*Н.Г. Струве — И.Ф. Стравинскому
Берлин
28 октября (10 ноября) 1913*

В субботу заезжал к нам Дягилев. Вечером ездил я к нему в гостиницу и обо всём переговорил. Условия вот какие: Дягилев получает право исполнения «Соловья» в Париже и Лондоне на время с весны 1914 года до августа. Для Англии он просил оставить за ним право «преимущества» для заключения с августа нового условия, если в дальнейших представлениях «Соловья» в течение года оказалась бы потребность. В Париже и Лондоне он ставит «Соловья» не менее трёх раз, хотя если первое представление в Париже пройдёт со скандалом, как «Весна», ему, может быть, и не придётся повторять «Соловья», ввиду того, что спектакли состоятся на сей раз в Гранд-опера. Если же будет большой успех «Соловья», то он предлагает поставить его чаще трёх раз...

Дягилев получил от нас, согласно Вашей просьбе, экземпляр 2-й корректуры 1-го действия «Соловья». Другой экземпляр корректуры отправили Вам уже в пятницу 7-го ноября. 2-е действие получили от Вас сегодня и уже отправили в гравировку. Так как исполнять «Соловья» Дягилев собирается по-русски, то в переводе немецком и французском в данное время потребности быть не может (но в клавири есть уже французское заглавие?!). Будьте добры сообщить мне насчёт «детских песен» — будем ли делать немецкий и французский переводы и какой формат нот Вы желали бы для этих песен: обыкновенный, большой, или — как клавиры — в половину. Всё это мне нужно знать до отдачи в гравировку. Вот пока всё. С сердечными поклонами и наилучшими пожеланиями.

Искренне Ваш *Н.Струве.* 221

*Н.Г. Струве — И.Ф. Стравинскому
Берлин
[18 ноября (1 декабря) 1913]*

Глубокоуважаемый Игорь Фёдорович, только что получил Ваше письмо с двумя страницами корректуры «Соловья». Корректурa (пожелания, сообщённые Вами в карточке от 16 ноября, тоже уже приняты во внимание. — *Прим. Н.Струве*) отправлена сейчас же экспрессом в Лейпциг для присоединения к 3-й корректуре (сделанной нашим корректором; ошибок нашлось ещё много!), которая должна быть завтра готова... Гонорар за Три песенки мы приказали перевести Вам через банк в тот же день, когда получили Ваше письмо с просьбой о переводе. Не понимаю, как Вы ещё не получили перевода! Банк уже уведомил нас, что отправил 799.60 франков (300 рублей) для выдачи Вам. Желаемой Вами нотной бумаги готовой не оказалось. На заказ она обойдётся — 25 листов около 1.20. Времени потребуется около трёх недель.

Вот на сегодня и всё. Новая корректурa партитуры 1-го действия «Соловья» (страницы 3—22) Вам уже отправлена. Скоро будет закончена гравировка клавира 2-го действия. Вся работа по «Соловью» идёт в первую очередь ускоренно.

С сердечным поклоном

Ваш *Н.Струве.*

Как видно из письма, Николай Струве не только решал вопросы, связанные с изданием произведений, он оказывал всяческую помощь

композитору, вплоть до покупки нотной бумаги, а также машинки для нотных линий.

*Из письма Н.Г. Струве И.Ф. Стравинскому
Берлин
1/14 ноября 1913*

Глубокоуважаемый Игорь Фёдорович, относительно Вашей машинки (для нотных линий) я наводил уже справки у Рёдера. Они мне сообщили, что подобные машинки (Patent) существуют уже давно, но ввиду прекратившегося спроса на них вышли из употребления: при получении Вашего «образца», я всё же прозондирую ещё почву...

Сердечный привет.

Ваш *Н.Струве*.

Заметим, что с таким вниманием и тактом Н.Г. Струве работал с каждым автором издательства.

Начавшаяся Первая мировая война принесла свои осложнения в работе. Россия оказалась в состоянии войны с Германией.

*Из письма Н.Г. Струве И.Ф. Стравинскому
Москва
14/27 августа 1915*

Глубокоуважаемый Игорь Фёдорович!

Согласно Вашей просьбе мы перевели Вам (телеграфом) через Азовско-Донской банк 2000 рублей в счёт гонорара за Ваши последние сочинения, полученные нами в Вашем письме от 27 июня / 10 июля сего года. В этот же счёт нами взято ещё из суммы, причитавшейся издательству, как Вы сообщали, 1900 франков.

Можно будет приступить теперь и к печати. Сперва то, что проще и легче печатать, а затем и остальное. Мы принимаемся печатать теперь в Москве. <...> гравюруют хорошо и я надеюсь, что с печатью можно будет добиться хороших результатов. Сейчас мы гравюруем, например, «Всенощную» Рахманинова, сонату и пьесы Метнера. Корректуры Ваши можно будет поручать кому-нибудь из сведущих здесь лиц, чтобы не терять слишком много времени на пересылку.

Все дела издательства, в связи с создавшимся положением, сильно осложнились и частью должны были замереть на время... Да ведь и что делается сейчас на свете!! Что пришлось пережить за этот год, передать нельзя... Что должны были выдерживать нервы!.. Иногда казалось, что вот не хватит сил работать дальше... И впереди всё ещё новые и новые тучи... Из волнений не выходишь — конечно, борьба закончится для нас благоприятно в конце концов, но кто из нас в ней уцелеет? Сегодня я очень спешу отправить это письмо. В следующий раз перескажу Вам о наших делах больше. С переходом к нам гутхейлевского дела делов — удесят�ерилось. В ожидании Ваших дальнейших вестей (по московскому адресу, пожалуйста), с пожеланием Вам всего, всего лучшего.

Сердечно Ваш *Н.Струве*.

Несмотря на возникающие проблемы, Струве оставался верен главной идее создания РМИ.

«Возможно, что некоторые идеи, вызвавшие создание такого учреждения, и не оправдали себя, некоторые за короткое время пережили себя уже, но то, что осталось для дальнейшего, всё же столь крупно, существенно и интересно, что этого достаточно, чтобы продолжить дело с тем же увлечением, с той же любовью, на пользу служения любимому музыкальному искусству».

Первая мировая война отчасти подорвала работу издательства, но совет во главе с Кусевицким не отказался от долгосрочных сотрудничеств с композиторами. В ноябре 1916 года состоялась встреча С.А. Кусевицкого и Н.Г. Струве с С.С. Прокофьевым. Разговор шёл об издании нескольких сочинений композитора. О своей встрече с Н.Струве Прокофьев в своём дневнике записал: «Со Струве... очень обходительным господином башенной величины, мы разговаривали в первый день с одиннадцати часов вечера до часу ночи, а на другой день с трёх часов до десяти...» За разговорами последовали конкретные предложения от управляющего делами РМИ Струве, он гарантировал Прокофьеву выплату 10% с продажной цены экземпляра, начиная со второго издания.

Благодаря щедрой денежной поддержке четы Кусевицких и усердию совета издательство приобрело славу «первопечатника» произведений талантливой российской молодёжи. В 1916–1917 годах в Российском музыкальном издательстве были опубликованы первые произведения М.А. Кузьмина, А.Н. Александрова. С произведением последнего С.В. Рахманинов и Н.К. Метнер познакомились на конкурсе имени С.И. Танеева. Получив похвальный отзыв от музыкальных мэтров, Александров получил и предложение представить свои произведения для Российского музыкального издательства.

Из воспоминаний А.Н. Александрова

«Ко мне пришёл представитель издательства, друг С.В. Рахманинова — Н.Г. Струве и предложил дать ряд вещей для издания. Он сказал при этом, что издательство примет от меня всё, что я дам, но что Сергей Васильевич просил мне передать, чтобы я тщательно отобрал то, что считаю лучшим; Сергей Васильевич не советовал поддаваться соблазну печатать всё мною написанное, чтобы не испытать в будущем огорчения, испытанного им самим.

— Сергей Васильевич, — сказал мне представитель издательства (Струве), — сейчас глубоко сожалеет, что в своё время напечатал некоторые свои слабые юношеские произведения.

Я добросовестно последовал этому совету и не раскаиваюсь».

Как управляющий делами РМИ, Струве принимал самое активное участие в музыкальной судьбе многих российских композиторов, при этом ни разу не воспользовался своим служебным положением. «Будучи отличным музыкантом, свои сочинения, написанные с солидным техническим умением», Николай Густавович печатал в Германии и «по свойственному ему такту ни одной своей рукописи не предложил РМИ».

Работа в РМИ сблизила многих членов художественного совета. С.В. Рахманинов и Н.Г. Струве близко сошлись с Н.К. Метнером — че-

ловеком «необыкновенно привлекательным; беспредельно скромным, тихим, деликатным, застенчивым, с чуткой, возвышенной душой... поистине человеком не от мира сего». Они часто проводили вечера в обществе друг друга. Тому свидетели письма и воспоминания жены Н.К. Метнера Анны Михайловны и Мариэтты Шагинян.

*Из письма
Май 1913 года
А.М. Метнер М.Шагинян*

«В Берлине мы с Колей застряли на два дня... из-за Рахманинова, который совершенно здоров... Коля с ним провёл почти всё время у Струве. Коля его очень любит и всегда рад его видеть и чувствует и ценит хорошее отношение к себе Рахманинова. Рахманинов просил Колю непременно погостить у него это лето в деревне хоть неделю. Я очень жалела, что не могла принять приглашение Струве (с ними я знакома) и таким образом познакомиться с Рахманиновым».

*Из дневника Мариэтты Шагинян
от 15 марта 1916 года*

«Нынче вечером у нас были Сергей Васильевич с женой и Струве... Сперва мы сидели за чаем и говорили о разных несущественных предметах... Потом мы перешли в гостиную. Сергей Васильевич стал просить, чтобы Николай Карлович (Метнер) показал ему новые песни. И вот за роялем: Николай Карлович, слева от него Струве, справа Сергей Васильевич, облокотясь на рояль, и тут же, возле его локтя, примостилась и я. Николай Карлович играл, Струве подпевал, закатив глаза, вслед за ним, а Сергей Васильевич левою рукой играл мелодии песен, каждая нотка падала отчётливо, как бисеринка. Наслаждение я получила незабываемое. Ушли они очень поздно...»

Нередко встречи между друзьями проходили на Коломенской земле, в имении С.А. Кусевицкого.

*Из письма Анны Михайловны Метнер
к М.Шагинян от 7 сентября 1915 года*

«Чтобы не забыть, передам Вам сейчас поклон от Рахманиновых. Мы виделись с ними у Кусевицких, куда нас звали всё лето, и наконец-то мы туда выбрались. Имение старинное и очень уютное. Рахманиновы живут там, кажется, с половины августа, когда вернулись из Финляндии. Сергей Васильевич был в очень благодушном настроении, и Коле рад... Мы провели там с 5 часов вечера до 5 часов другого дня. Сергей Васильевич показывал нам свою одну новую вещь: вокализ для пения без слов. Очень хорошо, и нам всем очень понравилось. Дольше мы там оставаться не могли, так как у Коли были назначены уроки».

Анна Михайловна имела в виду имение Кусевицких в селе Акатьево Коломенского уезда. Это поместье, расположенное на красивом берегу Оки, было приобретено С.А. Кусевицким в 1900 году. До наших дней сохранились двухэтажный дом, флигель, построенные в 1840 году графом Николаем Осиповичем Эберном, и липовая аллея. Некогда в этом загородном имении четы Кусевицких была великолепная библиотека, огромная коллекция фарфора и фаянса. Это было не просто дачное место, куда наез-

Усадьба С.А. Кусевичского. Село Акатьево. Фото конца XX века

жал хозяин в летнее время, а хорошо организованное хозяйство. Нанятый Кусевичким управляющий (из немцев) выращивал в поместье элитные породы коров, свиней, разводил экзотических птиц. Хозяйка имения, Наталья Константиновна, во время пребывания в Акатьево охотно занималась хозяйством. Часть своего времени она делила между выхаживанием инкубаторских цыплят и лепкой скульптуры. Став жителями села Акатьево, Кусевичкие всячески помогали местным жителям — отчасти финансировали содержание местной школы и церкви.

Время, свободное от репетиций, художественных занятий и хозяйства, Кусевичкие отдавали природе. С любимым бульдогом Дролли они

На отдыхе. Слева направо: Н.А. Рахманинова, Е.К. Сомова, С.В. Рахманинов, Т.С. Рахманинова, И.С. Рахманинова, Н.Г. Струве. Гошен. 1920 год

обходили окрестные луга и леса. Нередко в этих прогулках их сопровождали гости, наезжавшие отдохнуть в поместье. По воспоминаниям сельских старожилов, помимо четы Рахманиновых в гостях у Кусевицких был и Ф.И. Шаляпин. Вместе с хозяином знаменитые гости устраивали на веранде дома небольшие концерты: Кусевицкий играл на контрабасе, Рахманинов на пианино, Шаляпин пел. Слушателями этих домашних концертов были местные крестьяне.

Последний раз С.В. Рахманинов гостил в Акатъеве в течение нескольких недель летом 1917 года. Вместе с ним были его дочери — Ирина и Татьяна. С.А. Кусевицкий планировал будущий сезон, повторял старые партитуры, знакомился с новыми. Он ежедневно занимался на контрабасе — предстояло несколько выступлений.

Наступивший октябрь 1917 года круто изменил историю России и жизнь многих россиян. Поначалу радостно встреченная Февральская революция всё отчётливее стала вызывать у Рахманинова тревогу. Конец старой России был для него очевиден. В итоге Сергей Васильевич воспользовался приглашением из Швеции и, взяв всю семью, выехал в декабре в Стокгольм, рассчитывая дать там ряд концертов. На вокзале их провожала только племянница Сергея Васильевича В.Прибыткова. Она вспоминала: «Хмурый осенний петроградский вечер. Финляндский вокзал. Платформа. Большие часы со скупающими стрелками. Перед вагоном стоит Рахманинов с семьёй. Он уезжает из России. Я ещё раз провожаю его — и теперь уже в последний раз... Встречи — всегда были радостными. Последнее прощанье — неизбывная тоска и слёзы». Фёдор Иванович Шаляпин прислал на дорогу банку икры и каравай белого хлеба с кратким напутствием: «До скорой встречи в Москве».

Из Воспоминаний С.А. Сатиной

«Достав в Петрограде без особого труда и хлопот разрешение на выезд за границу, Сергей Васильевич с женой и двумя дочерьми выехал 22 или 28 декабря (1917) в Стокгольм. С ними ехал и друг Сергея Васильевича — Струве. Ехали они все налегке, захватив только необходимые вещи. Немного было взято с собой и денег: по пятисот рублей на каждого члена семьи, согласно разрешения...

Днём Рахманиновы благополучно добрались до Стокгольма. Это было 24 декабря (канун Рождества)».

Не имея представления ни о войне, ни о революции, столица Швеции весело праздновала Рождество. «Рахманинов с женой заперлись в своей гостиничной спальне, им хотелось плакать». О состоянии русского эмигранта в Европе Стравинский в письме к Струве в 1919 году горько писал: «Вся Россия и мы, все русские, разорены и расхищены, все только и думают о том, что ещё продать, чтобы продлить своё существование». Без средств существования остался и Н.Г. Струве. В ответном письме к Стравинскому он пишет: «Имение у меня отняли, всё сожгли, имевшиеся у меня бумаги, деньги — всё отняли. Вознаграждения с издательства я тоже уже больше года никакого получать не могу. Живёшь тоже в долг...»

Не задерживаясь в Швеции, Рахманиновы скоро переехали в Данию и поселились в Копенгагене. Как вспоминал впоследствии сам ком-

*С.В. Рахманинов и Н.Г. Струве.
Дания. 1918 год*

позитор, «в этом выборе помимо других обстоятельств немаловажную роль сыграл и тот факт, что в Копенгагене жил Струве»⁸. Рахманиновы сняли нижний этаж дома в окрестностях Копенгагена, и Сергей Васильевич начал готовиться к предстоящим концертам в Скандинавии. В этот год семья Рахманиновых особенно близко (по-родственному) сошлась с семьёй Струве. Они вместе на лето снимали дачу (место называлось

Шарлоттемлунд), жена Рахманинова, Наталья Александровна, училась кулинарному искусству у воспитательницы сына Струве. Позднее она вспоминала: «...Я брала уроки по телефону и скоро научилась недурно готовить. Бедный Сергей Васильевич вскоре уверял меня, что такого вкусного куриного супа, который я ему давала, он никогда не ел».

Покинув родину, Рахманинов вынужден был отказаться от сочинения произведений. На долгие годы он стал концертирующим пианистом. Он постоянно совершенствовал своё мастерство, упорно занимаясь даже тогда, когда за ним окончательно закрепился титул пианиста номер один в мире. Первый концерт Рахманинова был дан в Копенгагене 15 февраля 1918 года, а закончился концертный сезон 10 июля. В это же время в Копенгагене с большим успехом выступал и пианист Фридман, который дружелюбно встретил Рахманинова, подружился с ним. Частью этой небольшой дружеской компании был и Николай Струве. Очень часто по воскресным дням они втроем собирались на обед у Фридмана.

В эти годы Николай Густавович не оставлял мысли наладить работу издательства.

*Из письма Н.Г. Струве И.Ф. Стравинскому
28 октября 1919 года*

«В середине декабря я, вероятно, поеду в Копенгаген недель на пять, откуда надеюсь, пока хоть частично, возобновить деятельность издательства, в смысле печати распроданного, наладить всякие срочные дела и открыть правильные сношения с Америкой, Англией и другими странами. В новом году имеется надежда приобрести некоторые из неизданных Ваших сочинений и начать публиковать их в Лейпциге, где печать самая дешёвая всё-таки. От Москвы, Кусевицких мы всё ещё отрезаны, что делает положение Российского музыкального издательства всё столь же тяжёлым, неопределённым. Но необходимо держаться и хоть маленькими шагами начать двигаться в смысле возобновления старой деятельности. Будем надеяться, что теперь уже не так долго до выяснения общего положения на родине».

Пребывание Рахманиновых в Европе было недолгим, 1 ноября 1918 года семья отплыла из Норвегии в Нью-Йорк; начался американский период жизни музыканта, насыщенный концертами в Америке и Европе. В эти годы Сергей Васильевич иногда выступал в роли импре-

сарио, организующего концерты русских музыкантов в Америке. В этом ему помогал Н.Г. Струве. В 1919 году Рахманинов пытался организовать американские гастролы И.Ф. Стравинского. Переговоры с композитором вёл Николай Густавович.

*Из письма Н.Г. Струве И.Ф. Стравинскому
Нью-Йорк, 21 сентября 1919*

Метрополитен будет показывать «Петрушку» только в этом сезоне. Они интересуются Вашими сочинениями для следующего сезона. Настоятельно советую Вам принять предложение Геста.

*И.Ф. Стравинский — Н.Г. Струве
Морж, 16 октября 1919*

Дорогой Николай Густавович, только что получил Вашу телеграмму.

Очень тронут Вашим неизменным вниманием ко мне. Спасибо Вам большое за это. Как Вы сами видите из моей телеграммы, я готов приехать, но не раньше, чем узнаю о денежных условиях. Мне трудно ответить определённо. Скажу откровенно, что это далёкое путешествие для меня, привыкшего к ближним европейским сообщениям, несколько страшит. Но, откидывая это в сторону, поговорим лишь о практической стороне этого дела.

В этом году у меня два балетных сезона в Париже, в Гранд-Опера (и сейчас до января в Лондоне). 1-й сезон — январь-февраль, 2-й — май-июнь. <...> в том числе «Песня Соловья» и ещё одна вещь, которую Дягилев просил меня сочинить по музыке Перголези (из ранних, по большей части неизданных и неизвестных произведений Мастера). Это займёт у меня время вплоть до января. Потом думаю ехать в Париж, где кроме этих постановок у меня имелись в виду камерные и симфонические концерты из моих сочинений и под моим управлением. Всё это я принёс бы в жертву американскому делу, если оно для меня в смысле загруженности не было бы (сейчас же ставлю условием — черновые репетиции должны быть приготовлены кем-либо до меня) слишком утомительным, в смысле времени я не потратил бы более января и февраля, с путешествием считая, и, наконец, денежно вознаградило бы меня за эту, так сказать, «жертву», которую я приношу. В смысле денежном, я думаю, что американцы свободно могли бы мне дать за шесть концертов в шести городах шесть тысяч долларов, плюс путешествие туда и обратно. Что же касается сочинений, которые я мог бы предложить для концерта, которые повторю в том же виде шесть раз, я назову Вам:

- 1) сюита из «Жар-птицы»;
- 2) симфоническая поэма «Песня Соловья»;
- 3) «Фейерверк»;
- 4) фрагменты из «Истории солдата»;
- 5) сюита из «Петрушки».

Вот из этих сочинений желательно было бы составить одну программу, которую повторил бы во всех турне.

Виделся с О.Клингом. Он мне сказал, что Вы собирались в ноябре в Лондон. Правда ли это? Если да, то вернётесь обратно в Нью-Йорк когда? Вот бы чудесно совершить это предполагаемое путешествие в Америку вместе с Вами.

Пишите, дорогой, подробно.

Ваш *И. Стравинский*.

Ваш проект приехать дирижировать, разумеется, мне более по душе, чем проект Геста из Сенчари-театр.

*Н.Г. Струве — И.Ф. Стравинскому
Нью-Йорк, 28 октября 1919*

Глубокоуважаемый Игорь Фёдорович, получив Вашу телеграмму от 16 сего месяца, я ежедневно собирался писать Вам, но должен был откладывать, так как создавались всё новые и новые комбинации, из-за которых приходилось наводить справки, выжидать ответ и прочее. 22 октября я получил Вашу вторую телеграмму, сразу изменившую все наши соображения. Пришлось начать новые переговоры, наводить новые справки. Ваши требования показались столь высокими, что в первый момент мы пришли в полное уныние, не надеясь даже близко подойти к Вашим желанием. Но Сергей Васильевич настаивал на продлении переговоров и дальше. По просьбе его же деятельное участие в организации Ваших концертов принял на себя и Стенвей, [а также] г-н Урке, с которым мы рассчитываем устроить Вам ангажементы без уплаты Вами каких-либо процентов. Была неудавшаяся комбинация заинтересовать одного богатого господина гарантировать Вам 6 тысяч долларов за шесть концертов: ведь симфонические общества здесь могут [нрзб.] в исключительных случаях и только немногим из них платят тысячу долларов, на круг же — это почти невозможно. Вчера мы, наконец, пришли к заключению, что нужна более широкая организация концертов для Вас, которую совершить может лишь агент. Конечно, они возьмут как всегда свои проценты, но зато Вам может быть обеспечено большее количество концертов, более крупная общая сумма. Дело это взял на себя известный здесь агент Вольфсон. В ближайшие дни он наведёт все справки и тогда будет отправлена Вам телеграмма с окончательными условиями. Советую Вам не брезговать американскими предложениями, так как Вы, приехав сюда, можете заработать здесь и другими путями (с театрами, кинематографом, Вашей игрой на механических инструментах и прочее) крупные деньги ещё. К тому Вы подготовите себе почву для нового приезда через год-два для постановки Ваших новых произведений и т.д. Январь, февраль и март — как середина сезона — самое лучшее время для Вашего пребывания здесь. Устроиться Вы можете недорого. Брать с собою специального секретаря Вам не нужно. По теперешним временам все артисты путешествуют одни. Да и к тому же в смысле корреспонденции и всякой помощи Вы можете иметь здесь всё, что хотите. Вопрос Вашего представления здесь мы также должны разрешить на месте. Сейчас здесь несколько лиц, являющихся Вашими представителями. Прежде всего это создаёт недоразумения и неудобства, а в конце концов, это просто непрактично для Вас же. ...

Жму Вашу руку и прошу передать поклон Вашей супруге.

Сердечно Ваш *Н.Струве*.

На обратном пути сюда я, может быть, заеду в Лондон, если заставят дела. С Вами надеюсь, значит, увидеться в Нью-Йорке. Надеюсь всё же заманить Вас сюда. Мои личные дела всё ещё в середине комбинации и [нрзб.] не так-то легко заработать теперь хлеб нашему брату...

К сожалению, Н.Г. Струве не удалось закончить переговоры об организации гастролей Стравинского. Возможно, они не состоялись из-за преждевременной его смерти в Париже 3 ноября 1920 года. Это была тяжёлая потеря для С.В. Рахманинова. Долгие годы Струве был для него преданным Санчо-Пансо. Из письма Рахманинова сыну Николая

Густавовича Николаю: «Смерть его меня окончательно сразила; если вы осиротели, то осиротел и я также. Это был мой верный и к тому же единственный друг». Смерть друга усугубила одиночество Рахманинова на чужбине. Его жизнь была омрачена постоянной тоской по утраченной родине. Он признавался: «Лишившись родины, я потерял самого себя». Любя всем сердцем Россию, он так и не смог принять её нового состояния. Об этом Рахманинов говорил в интервью «Всеобщей газете» г. Хемнитц 5 января 1929 года⁹: «Я — русский. Не только по месту рождения и ощущению, но также ещё по старым порядкам родной России, паспорт которой, выданный ещё при царе, у меня есть и им я пользуюсь во время путешествий. С большевизмом я не хочу сотрудничать и держусь от новых господ России подальше. Советы — рабы бесчувственной, разрушительной, вполне варварско-азиатской внушённой им идеи. Несмотря на это мне сообщили, что моему возвращению на родину ничего не мешает, да, что меня даже встретят очень радушно.

Меня можно понять, когда я отказываюсь следовать этому желанию. Я — сторонник и почитатель старого режима, как должен я теперь принять новую родину с такими изменениями?

Нет, я убеждён, что господство большевиков не будет вечным, и я в будущем, до наступления которого я буду вынужден блуждать из страны в страну, вновь увижу свою родину. Я не хочу сказать этим, что я реакционер. Нет, я стремлюсь к прогрессу человечества и разделяю демократические идеи, но то, что происходит сейчас в России, не имеет ничего общего с гуманностью и демократией: сегодня в России господствует класс, который не олицетворяет ни русский народ, ни русскую духовность. Это диктатура маленькой группы людей, преследующей только эгоистичные цели...»

Боль за Россию усугубилась в годы Второй мировой войны. Композитор дал несколько концертов, сбор от которых отослал в фонд обороны СССР. «Хочу верить в победу!» — писал он в документе, сопровождавшем эти деньги. К сожалению, победы Рахманинов не дождался. 28 марта 1943 года Сергея Васильевича не стало. Он был похоронен на русском кладбище в Кенсико, недалеко от Нью-Йорка.

В годы Великой Отечественной войны на зов Родины откликнулся и С.А. Кусевицкий. Он возглавил Массачусетский комитет помощи России, заявив, что «помочь России — это помочь себе, Британии и всей демократии».

Сергей Александрович дольше своих друзей продержался в революционной России. Несмотря на национализацию остатков РМИ, симфонического оркестра, художественной коллекции и миллионного состояния, Кусевицкий пытался стать частью музыкальной жизни новой России. Он активно продолжал концертную деятельность. В огромном помещении цирка Соломонского С.А. Кусевицкий организовал цикл музыкально-поэтических представлений под названием «Утро музыки и поэзии для народа», где выступали поэты Константин Бальмонт, Андрей Белый, Максимилиан Волошин, звучала музыка М.И. Глинки, А.П. Бородина, П.И. Чайковского, А.Н. Скрябина. В 1917 году С.А. Кусевицкий выступал на «концертах-митингах», которые встречали с восторгом. Эти концерты называли «примером музыки для пролетариата». Весной 1917 года С.А. Кусевицкого назна-

чили главным дирижёром и управляющим Петроградского государственного оркестра (бывший Придворный). Концерты Государственного оркестра стали продолжением Конcertов Кусевицкого — «самым ярким явлением музыкальной жизни Петрограда» того времени. В феврале 1920 года Сергей Александрович впервые выступал в Большом театре, дирижуя новой постановкой «Пиковой дамы» П.И. Чайковского. Последней его крупной работой в советской России явилось участие в попытке реформирования отечественного музыкального образования. Московская комиссия МУЗО НКП (музыкальный отдел Народного комиссариата просвещения), куда Сергей Александрович был приглашён А.В. Луначарским в качестве члена художественного совета, разработала соответствующий проект. С.А. Кусевицкий горячо взялся за дело. Однако проект так и не воплотился в жизнь. На этом закончилась творческая жизнь С.А. Кусевицкого в новой России. В начале 20-х годов он с женой навсегда покинул Родину. В России они оставили многое, в том числе и любимое имение в селе Акатьево, из которого они ничего не вывезли, «пожелав на прощание сохранить хозяйство, чтобы им могли пользоваться на благо». В имении остался знаменитый контрабас Кусевицкого и пианино, на котором играл Рахманинов. За пределами родины началась новая жизнь. Издательство, которое в России прекратило своё существование, Кусевицкий воссоздал в 1920 году в Париже под названием «Русское музыкальное издательство»¹⁰. Именно по делам издательства приехал в Париж в ноябре 1920 года Н.Г. Струве. Это деловое путешествие для Николая Густавовича оказалось последним. Он погиб в лифте гостиницы, в которой остановились Кусевицкие. Так нелепо закончилась жизнь нашего земляка, вовлечённого волею судеб в орбиту двух великих музыкантов — С.В. Рахманинова и С.А. Кусевицкого.

Вслед за созданием издательства Кусевицкий создал в Париже и свой оркестр, общество «Симфонические концерты Кусевицкого». В 1921 году Сергей Александрович принял участие в постановке опер М.П. Мусоргского «Борис Годунов» и «Хованщина» в парижской Grand-Opera, в сезоне 1922/23 года дирижировал «Борисом Годуновым» в Барселоне, а в 1928 году снова в Grand-Opera под управлением С.А. Кусевицкого состоялась премьера пятиактной оперы С.С. Прокофьева «Огненный ангел». В 1924 году Сергей Александрович получил приглашение занять пост главного дирижёра Бостонского симфонического оркестра. В то время Бостон находился в музыкальном упадке. Его замечательный когда-то оркестр переживал худшие дни. Под руководством Кусевицкого Бостонский симфонический оркестр скоро стал ведущим коллективом сначала в Соединённых Штатах, а затем и в мире. До 1930 года продолжались и ежегодные весенние парижские сезоны С.А. Кусевицкого. В 1935 году он дирижировал серией концертов с оркестром Би-Би-Си в лондонском Куин-холле.

Неизменно близким С.А. Кусевицкому оставалось творчество соотечественников. Он много исполнял С.С. Прокофьева и Д.Д. Шостаковича (премьера Седьмой симфонии Шостаковича состоялась в 1942-м, Девятой — в 1946 году). Он же был первым исполнителем «Симфонии псалмов» И.Ф. Стравинского. Отмечая заслуги С.А. Кусевицкого в музыкальной жизни Франции 1920–1924 годов, французское правительство награ-

дило его орденом Почётного легиона (1925). В США многие университеты присвоили ему звание профессора: Брауна (1926), Руджерса (1937), Йельский (1938), Рочестерский (1940), Вильямс-колледж (1943), Бостонский (1945), а Гарвардский (1929) и Принстонский (1947) университеты — почётную степень доктора искусств.

С 1943 года Кусевицкий — президент музыкальной секции Национального совета американо-советской дружбы. В 1942 году начал свою деятельность Фонд Кусевицкого, одним из направлений которого была поддержка современного творчества путём заказов новых сочинений американским (и зарубежным) авторам. Как дирижёр Кусевицкий был известен, с одной стороны, своими интерпретациями русской, французской и американской музыки, а с другой — частым включением в программы премьер одарённых молодых композиторов. Умер Кусевицкий в Бостоне 4 июня 1951 года.

На чужбине закончились последние дни героев нашего рассказа. Они оставили яркий след в истории нашей страны. О них помнит Россия, весь мир и древняя Коломенская земля.

Примечания

¹ Дрезеке Феликс (1835–1913) — немецкий композитор, музыкальный критик, профессор Дрезденской консерватории. Принадлежал к кругу передовых музыкантов Германии — Листа, Бюлова.

² Оно было опубликовано фирмой «А.Гутхейль» в 1909 году. Спустя три года, в феврале 1912 года, к этой поэме обратился дирижёр С.А. Кусевицкий.

³ Штерль Роберт Герман — немецкий художник. Его относят к числу наиболее известных представителей немецкого импрессионизма наряду с Максом Либерманом, Максом Слефогтом и Ловисом Коринтом. После учёбы в Дрезденской академии художеств, которую он окончил на «отлично» в 1890 году, Штерль был связан с родным городом до конца своей жизни. Почти три десятилетия, являясь профессором Академии художеств, Штерль оказывал серьёзное влияние на искусство Саксонии. Помимо многочисленных ранних пейзажей из Гессена, огромный интерес в творчестве Штерля представляют его работы, созданные по мотивам поездки в Россию. Роберт Штерль станет автором портрета С.В. Рахманинова на открытке, изданной в 1913 году, к пятилетнему юбилею Российского музыкального издательства.

⁴ Путешествовал в 1908, 1910, 1912 и 1914 годы.

⁵ Адрес в Берлине — Berlin, Dessauer Strasse, Russischer Musikverlag.

⁶ Гедике Александр Фёдорович (1877–1957) — композитор, органист, пианист, профессор Московской консерватории (1909–1957), доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист РСФСР.

⁷ Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968) — русский музыковед, композитор, музыкальный критик и учёный.

⁸ Н.Г. Струве вынужден был покинуть Берлин из-за русского подданства.

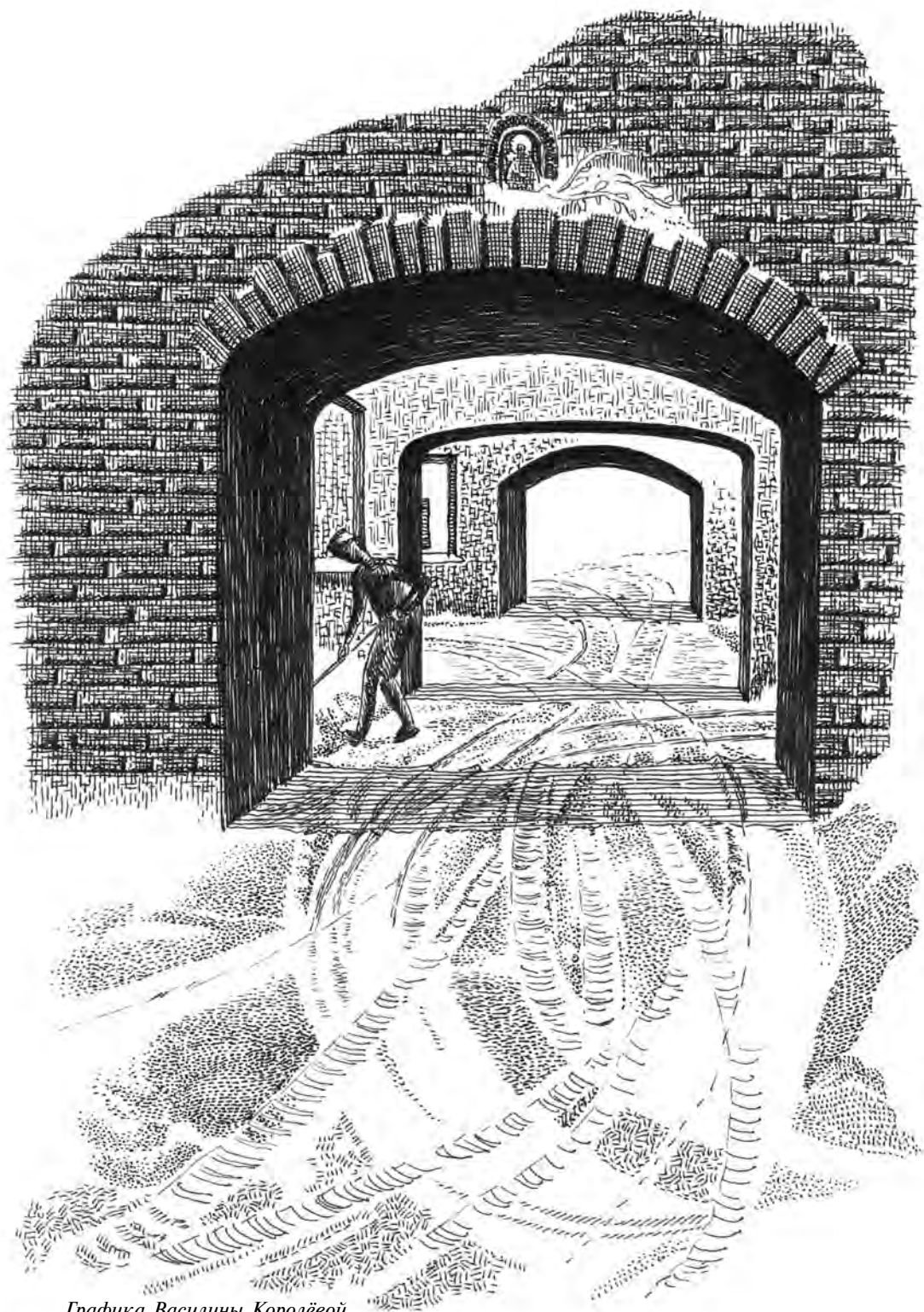
⁹ Перевод с немецкого выполнен Н.И. Демпке.

¹⁰ В 1938 году это издательство было куплено английской нотоиздательской фирмой «Бузи Анд Хокс».

ПИСАТЕЛЬ
О ПИСАТЕЛЕ

Графика Василины Королёвой

Виктор МЕЛЬНИКОВ

ТРИ ПОЭТА

Издревле сладостный союз
поэтов меж собой связует...

А.С. Пушкин

Виктор Семёнович Мельников — прозаик, издатель. И хотя он родился в Казахстане, но «милым пределом» для него стала подмосковная Коломна. В этом городе он не только написал лучшие свои произведения — Мельников основал издание «Коломенского альманаха», настоящего творческого Дома для писателей, поэтов, художников, публицистов Коломны.

Автор девяти книг прозы. Лауреат премии им. И.Д. Сытина (2002), дипломант областной литературной премии им. М.М. Пришвина (2006). В 2010 году удостоен медали «За развитие русской мысли» имени русского религиозного философа И.А. Ильина. Дипломант Международного конкурса «Национальная литературная премия “Золотое перо Руси-2010”». В 2011 году награждён медалью имени И.И. Лажечникова.

Нынешняя публикация представляет писателя в несколько необычном ракурсе — как автора биографических очерков.

Путь и жребий

В Коломне есть очень тихие, настоящие провинциальные улочки. Есть такие и в Щурове — старинном пригороде на правом берегу седой Оки, напротив высоких стрельчатых башен Старо-Голутвина монастыря. Летом здесь всё утопает в зелени садов, зимой — вязнет в сугробах. Пять–десять минут езды от станции Голутвин через мост за реку — и попадаешь будто в другой городишко.

Зарос травой иль меньше стал тот двор,
Теперь здесь наши бегают ребята.
А вид с крыльца волнует до сих пор:
Голутвин-монастырь в лучах заката.
Здесь у забора движется Ока,
Полынь цветёт, невзрачна и горька,
На светлой зорьке точит вдовьи слёзы,
И добрым словом помнят старика,
Что посадил под окнами берёзы.
От суеты, от пыльных, шумных дней
Тут хорошо... И мы, душою дети,
Спешим к окошку матери своей,
Пока оно нам в этом мире светит.

В этой тиши и живёт поэтесса Татьяна Башкирова. Лет двенадцать назад нас познакомил профессор Константин Григорьевич Петросов. Меня «зацепили» её глаза: как порох — чиркни, и вся она загорится! Такой она осталась до сих пор.

За рассветными зорями давними
Улетели мои журавли.

Лиховеи свистали за ставнями,
Но души остудить не смогли.

Поразил в ней редкостный дар — откликаться сиюсекундно на любую человеческую просьбу. Она может всё бросить и побежать на выручку. Не перестаю удивляться: какая распахнутость, какая бескорыстность!

А потом мы стали вместе работать в «Коломенском альманахе». Плечом к плечу с первого номера. За эти годы перебеседовали столько, что другому на целую жизнь хватит. И всё-таки, при всей открытости и искренности, она сумела сохранить таинственность и неразгаданность.

Нет перстней на руках, а в ушах нет серёг.
На моих башмаках — пыль нездешних дорог.
Путь далёкий лежит на рассвете опять,
Горизонт убежит — мне его не догнать.
Затеряюсь в дыму, мне незримом пока,
И на ощупь пойму, как земля велика.
А вернусь — обрету небывалый покой,
Поклонюсь полевому цветку над Окой.

Эти строки — не сочинённые в холодном раздумье: они вылились на свет Божий из пылкого сердца.

Опубликованных стихов у неё много, а вот книжка только одна. И сведения о ней там скупы: член Союза писателей России, вырастила сына...

А ведь жизнь у неё сложилась очень нелёгкая...

Шёл сорок восьмой... Оттремела война,
Но так беспощадно была холодна
Зима — нелюдимка-старуха,
И после четырёхжды клятой войны
От нашей страдалицы вечной — страны
Уйти не хотела разруха.

Как думать — права ли была, не права —
Тяжёлые мама таскала дрова,
На топливо их продавая.
И в чудо не верилось маме самой:
Ведь я родилась не весной, а зимой,
Но я родилась — живая!

А время летело на стрелках часов...
Поэзию разных земных голосов —
Ручья и стального трамвая
Сквозь серые дни я старалась понять.
«Пустое занятие!» — твердила мне мать,
Но я родилась — живая!

Эти строчки будут написаны много позже, в шестидесятые годы. А пока...

Круглые окошки-иллюминаторы под невысоким потолком пропускают в кабину неяркий свет. Баржа немецкая, трофейная, их называют —

«немка». В руках у маленькой девочки, сидящей на казённой кровати, покрытой бесцветным одеялом, — большая железная банка с нерусскими буквами на этикетке. Там нарисованы огромные алые яблоки, а буквы... Некоторые она знает: *a, p*. А дальше?

— Мама, а это какая буква? — спрашивает девочка.

Мать у плиты жарит рыбу.

— Не знаю. Не по-нашему написано.

И думает Василиса: что у них с Фёдором за ребёнок родился? Игрушек много: балуют дочку мать с отцом, потому как — одна. А она — буквы ей назови! Ну, наши, русские буквы, мать может назвать, читает даже по складам — две зимы в первый класс ходила. В глухой деревне жили, а детей в семье много, и она, Василиса, — старшая. Только успевай обхаживать! Муж, Фёдор, — тот, правда, четыре класса кончил... А эта? Ей всего-то — пятый год, ей бы в куклы... Вон сколько нашла их Василиса дочке: и тряпочные, и с пришитыми пластмассовыми головками. Одна даже — покупная: большая, в нарядном платье. Зовут — «кукла Ира». Фёдор принёс — в картонной коробке. Балует дочку отец, да дороги такие игрушки, лучше самой шить...

Впрочем, кукол Таня тоже любит. Ласково их баюкает, напевая песни, слышанные от мамы. Только вот хулиганит, слова переделывает, даже пугаются иногда мать с отцом. Спела как-то:

На столе стоит бутылка,
А в бутылке — Маленков.
Прощай, мама, прощай, папа, —
Уезжаю далеко!

Этой частушке выучил её отец, только ведь надо было: «А в бутылке — молоко»... Не дай бог, услышит кто... Стала Василиса объяснять Тане:

— Доченька, разве можно так? Ведь Маленков — отец наш!

Удивилась Танюха (это мать так её зовёт: «Танюха — не вешай ухо»):

— Как же, мам?.. А наш батя?

— Твой батя — тебе отец. А тот — всего нашего народа! Всех людей, понимаешь?

Нет, ничего не поняла Танюха. Думала: как так может быть — всего народа? Ведь народу-то — ой как много! Вот баржа плавает по реке, плавает, день-другой, остановится — и везде люди. И их много-много! Не то, что на их «немке», — только отец с матерью. Да и на реке вон: и на парходах, и сколько барж разных плавают — а на них людей... Непонятно: как можно быть отцом всего народа? Но посмотрела Танюха на мамино испуганное лицо и частушку петь перестала.

Отец покупал нарядные книжки. Как им рада была Таня! Мама пела песни, рассказывала сказки, истории из своей жизни или чьей-нибудь. Иногда в конце добавляла: «Вот видишь, как получилось... А ты, дочка, не делай так!»

Татьяне в школу пришлось пойти позже, чем другим детям: почти в девять лет. Из-за частых её болезней и тихой, застенчивой натуры мама в интернат для детей водников дочку не отдавала.

В тот год зимовали они в Коломне. Таня пришла в школу в конце ноября. Ребята-первоклассники успели почти весь «Букварь» пройти. Но, к удивлению учительницы, Екатерины Михайловны, и детей-первоклашек, Таня читала, «как большая».

Уроки физкультуры проходили в тёплом школьном коридоре. Девочки снимали форменные платья и фартуки, оставаясь в футболках с коротким рукавом и лёгких тапках. И вдруг: «Ой, а у неё — крестик!» — крикнул кто-то из ребят. Внимание всех устремилось на Таню. Раздались смешки, выкрики... Девочка не знала, куда деть глаза, — впору хоть сквозь землю провалиться! Но подошла Екатерина Михайловна, строгая и спокойная. Она утихомирила ребят, взяла за руку Таню и отвела в класс, а детям что-то долго объясняла. И после этого Таня, как и все, занималась физкультурой, а ученики так себя вели, как будто ничего и не было.

Но крестик пришлось снять. Это объяснила Таниной маме Екатерина Михайловна: «Дома, если хотите, носите, но у нас здесь... другое воспитание».

А недели через две всем классом вступили в октябрюта. Старшие девочки-пионерки прикалывали первоклассникам самодельные картонные звёздочки, обшитые красной тканью (покупных тогда ещё не было). Потом пили чай с пирожными, которые Таня ела первый раз в жизни...

Во второй класс девочка пришла в ту же школу, опять к Екатерине Михайловне. Было обязательное требование: записаться в библиотеку. Таня сначала возразила: «У нас дома много книг!», но потом пошла. «Девочка, что ты любишь читать?» — спросила старенькая библиотекарша. Таня, как и большинство ребят, ответила: «Сказки». Ей дали тоненькую книжечку В.А. Жуковского «Стихи и сказки».

...Её очаровала тревожная музыка стиха. Читала балладу «Лесной царь». Как непохоже это было на то, что они заучивали в школе!

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» —
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в тёмной короне, с густой бородой». —
«О нет, то белеет туман над водой».

Потом спрашивала во всех библиотеках Жуковского и перечитала всё, что только могла достать.

Но второй класс в Коломне закончить не пришлось: заболел и слёг отец. Плаванье на барже пришлось оставить, и они поселились в Щурове, в крохотной комнатке, на самом берегу Оки. Тане было десять лет.

В то время каких только цветов на берегу не было! Около самой воды — чистые родники. Вода до того холодна, что пьёшь — зубы ломит. Домики больше были маленькие, частные. Около домиков — белоснежные по весне сады. Появились у Тани подруги. Но самыми лучшими подругами, как и на барже, оставались книги. И — стихи.

Летний полдень знойный,
Тихая Ока.
Небо голубое,
Я — у родника.

Это написала классе в шестом.

«Систематическое творчество» началось в двенадцать лет. Как раз в день её рождения.

...В сочельник над Окой разгулялась вьюга. Она то чуть стихала, то снова свистела и стучалась в их единственное окно, бросалась снегом. Жарко натоплена чисто выбеленная печь. Мама прилегла на кровати под тёплым лоскутным одеялом: ей скоро вставать, на работу в третью смену. Таня сидит на большом деревянном сундуке, покрытом домоткаными дорожками, и пишет. Под пеньё метели вспоминается: «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...» Пушкинские ли строки навели вдохновение?

В пятом классе стала посещать литературно-краеведческую студию коломенского Дворца пионеров. Руководил Андрей Павлович Радишев. Удивительный человек: внешне совсем не красивый — высокий, худой, чёрный, как грач, с крупным носом, — но какой задушевный, проникающий в душу голос! Сколько у него в облике обаяния и интеллигентности! Он умел замечательно рассказывать, прекрасно играл на рояле, пел, был знаком со многими творческими людьми. Четыре года — с пятого по восьмой класс — Таня смотрела на него с восхищением, ловила каждое слово. Таких людей она раньше не встречала.

Ездили в гости в Москву к писательнице Евгении Таратуте, посещали музеи, читали разные книги...

В восьмом классе она получила паспорт. Подумывала после школы идти работать: мама работала тяжело, денег было мало. Но по совету родных и знакомых решила всё-таки продолжать учиться. Только не в школе, а в техникуме: там и профессию дают, и стипендию платят. Так как с математикой и другими точными науками у Татьяны не ладилось, выбрала Зарайский педагогический.

Татьяна всегда много читала. Сравнивала свои стихи с чужими и понимала: нет, надо не так! Не просто описывать, а... Вот, например, как Людмила Татьяничева:

Раструбили журавли по рощам,
Будто Осень замуж собралась:
Верба платье в золоте полощет,
Лисью шапку примеряет вяз.

Все спешат. Всем приодеться надо,
Выбрать к свадьбе праздничный наряд.
А невеста? Что ж она не рада,
Отчего глаза её грустят?

Разве чувство позднее — не чудо,
Как цветок, раскрывшийся во льду? —

Ни о чём я спрашивать не буду,
И на свадьбу эту — не пойду!

Как удивительно, образно передала вдова-фронтовичка свои чувства... Как созвучны эти строки судьбе матери Татьяны, потерявшей в войну любимого, связавшей свою судьбу с другим, нелюбимым... Уже после смерти мамы Таня напишет:

А что я знаю о войне —
Да ровно ничего...
Ждала девчонка по весне
После войны — его.

Пришёл не он... Другой пришёл.
Ну, жребий, знать, таков!
Сказала: «Ладно. Хорошо».
(У мамы — восемь ртов!)

Стояло лето без тепла,
Подушка — холодна.
И хорошо, что я была
У тех двоих — одна.

Плыл серый свет в моём окне...
Да что я знаю о войне?

246

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ

Окончив техникум в шестьдесят восьмом, пришла с толстой юношеской тетрадкой к наставнику своему, Андрею Павловичу Радищеву, за советом. Посмотрел он. «Вот здесь, — сказал, — рифма не точная. А тут с ритма сбиваешься...» Но Татьяна чувствовала: педагог недоговаривает. Дело совсем не в этом. Больше обратиться за советом она ни к кому не могла: знакомых литераторов у неё не было.

Таня подарила тетрадь со стихами Андрею Павловичу и решила: писать больше не будет. Тем более что жизнь «закружила»: работала то в детском садике — далеко от дома, добиралась на двух автобусах, — то в сельском интернате, куда надо было пешком пять километров ходить. Да ещё заочная учёба на филологическом факультете Коломенского пединститута — тут уж было не до стихов!

20 лет. Позади — техникум

Год 1970-й. Осень. Малая деревенька на берегу Оки — всего несколько дворов — с названием Большое Колычёво. Полуразвалившаяся церковь. Над рекой — только что выстроенное двухэтажное здание из скучного серого кирпича — жилой корпус для воспитанников интерната. Школы помещаются в обычных небольших деревянных домиках: одна — для младших ребят, другая — для старших.

Сюда со всей Московской области привозят учиться детей с пороками в развитии. Несколько воспитанников — чуть более десятка — живут в интернате круглый год. Это сироты.

Воспитательских групп — восемь, по количеству классов. Они небольшие: восемнадцать–двадцать пять человек. Ребята в них старше по возрасту, чем в обычной школе: сначала им дают возможность поучиться со сверстниками, по месту жительства. И если уж ученик «не тянет» — сидит по два года в первом и втором классе — привозят сюда. Некоторых направляют сразу: это дети с ярко выраженными отклонениями и во внешности, и в развитии, которые зачастую не могут обучаться и здесь.

Работать с таким «контингентом» нелегко. Все ребята разные — по развитию, по темпераменту, по характеру.

Татьяне достался третий класс. Четырнадцати-пятнадцатилетние подростки, восемнадцать человек. Девочек в три раза меньше, чем мальчиков. Такое — во всех группах. Девчонки — народ хитрый: если и отстают в учёбе, то стараются и не хулиганят. Поэтому и реже попадают сюда. Мальчишки — другое дело.

Но и с девочками возни много. Вот Люба Дегтярёва — ей шестнадцать лет. У неё эпилепсия. Никто бы и не подумал: внешне такая спокойная. Невысокая, русоволосая, с какой-то «валкой» походкой, хотя вес у девочки в норме, с равнодушным, бессмысленным взглядом.

Даже в этой школе учится плохо. В субботу приезжает отец, а девочка ему: и тот меня обижает, и этот, и эта... Причём жалобы — только отцу, воспитателям — ни слова. Таня наблюдала: если уж эту девочку слишком начнут «докорять» ребята, обронит спокойно: «придурок» — и отходит в сторону. Почему же отцу все уши прожужжала: обижают её... Может, Люба просто хочет, как и многие ребята, чтобы отец забрал её домой, и хитрит? А впрочем, окружение здесь такое... Может, и обижают. Вот и поди разберись, воспитатель!

Марина Сергеева. Маленькая, худенькая. Редкие желтоватые волосы. Широко расставленные светлые глаза на круглом добродушном лице. Огромная плешь на затылке. Татьяна как-то спросила: «Отчего это?» — «От кошки. У меня стригущий лишай был», — охотно объяснила девочка. Так же, без всякой обиды, говорит она об этом всем другим, кто ни спросит.

Марина очень любит мальчишечье общество, и хотя мала и слаба, но если обидают вдруг, может здорово «дать сдачи».

К Марине приезжает мама: худенькая, невысокого роста блондинка. Так же, как и дочка, очень общительна, разговорчива. Постоянно жалуется воспитателям на жизнь: «Вот мы раньше росли — так хорошо было... Наедемся солянки с картошкой, и все были весёлые. А сейчас —

кримплены им подавай! Так дорого... Вот и гонись за модой, за кримпленами этими!».

Что ж, мама Марины права: как ей, простой дворничихе, со своей более чем скромной зарплатой «за кримпленами гнаться»? Да ещё муж есть, а он «выпить не дурак».

Своего отчима Марина зовёт отцом: мама так велит, наверное. Не приезжал ни разу. Но, по рассказам девочки, он неплохой человек, вот только когда «вина накормится»...

Так говорит девчушка. А в семье, наверное, проще и грубее говорят: «нажрётся». Но Марина грубых слов не употребляет. Девочка, словно маленькая слабая былинка, тянется ко всему светлому. Дай-то Бог!

А вот другая: Зина Павликова. Постарше, класса из седьмого. Тоже светловолосая, светлоглазая. Хорошо сложена, с правильными чертами лица. Но есть в этих чертах, во всей её фигуре, в манерах, в походке какая-то резкость, злость. Не свойственно это девочке-подростку. И это здесь — не у неё одной... Воспитатели говорят про таких: «Ну что ж, у них — переходный возраст. Повзрослеют, поймут, станут лучше». Добро бы так...

Зина не постесняется сказать матерное слово ни при учителе, ни при воспитателе. Малышам-первоклашкам, которые ей чем-нибудь не нравятся, направо и налево раздаёт тумаки. Да и со сверстниками не церемонится. Поговаривают, что Люда Заборова, тихонькая круглолицая девочка из их группы, стирает бельё Зины, моет за неё полы в спальне в её дежурство и выполняет за Павликову всякую грязную и неприятную работу.

Рассказывала раз Татьяна своим «третьеклашкам» о подвигах Ильи Муромца. В этой школе дети больше любят, когда им рассказывают: чтение, даже по слогам, даётся им плохо, да и память у многих неважная. Подошла Зина Павликова и вставила в рассказ воспитательницы хлесткую матерщину. Ребята засмеялись. Татьяна сказала:

— Зин, и не стыдно тебе?

Девочка притворно-изумлённо округлила большие светло-серые глаза:

— А чего стыдно-то?

— Как «чего»?! Матом ругаться...

Притворщица сделала вид, что не поняла.

— А я разве матом, Татьяна Фёдоровна? А я вовсе... — и поехало, и пошло. Так наивно доказывает, будто вправду не понимает.

Но ребята больше увлечены подвигами Ильи Муромца, а слов таких нехороших они и дома от пьяных родителей наслушались, и на улице... да мало ли где. Татьяна продолжает рассказывать, не обращая больше внимания на Павликову. Той неинтересно: отошла...

Глядя на некоторых детей, Татьяна недоумевала: эти-то почему здесь? В её группе есть Коля Павлов из Реутова, одиннадцати лет. Внешне производит впечатление нормального, интеллигентного мальчика: с воспитателями «ладит», с ребятами зря не дерётся. Высокий, стройный, может быть, несколько худой; выразительные тёмные глаза, правильные черты лица. В отличие от других здешних ребят (ну разве «углядит» вос-

питатель!) Коля явно следит за своей внешностью: всегда подтянутый, опрятный. И лишь знакомясь с характеристиками ребят, Татьяна с удивлением прочла на листке в клетку: «Павлов Николай. Реутово. 11 лет. Шизофрения».

У него есть ещё сестрёнка, лет семи. Мать до сих пор носит её на руках: у бедняжки большое сердце...

Саша Бахарев из совхоза «Сергиевский». Приятный светловолосый мальчик с веснушками по всему лицу. Общительный и разговорчивый, очень любит сказки. В группе он лидер: помогает иногда воспитателям «навести порядок». Одно плохо: часто пускает в ход кулаки, особенно по отношению к более слабым.

Саша часто «коверкает» слова. Совхоз у него — «хавхоз». Он и пишет так.

Очень любит маленькую сестру. Когда в начале учебного года в интернате выдавали воспитанникам новую одежду (еда, одежда для таких детей — бесплатно), все мальчики, в том числе и Саша, получили модные красивые джинсы. Кладовщица тётя Тоня Агафонова, выдавая одежду, объясняла мальчишкам, что вещи надо беречь, не рвать: через год ребята вырастут, получают всё новое, а это отойдёт малышам. Саша Бахарев сказал: «А я джинсы не отдам! Отвезу своей Иринке». Все засмеялись.

Бахарев — бойкий мальчик. Даже чересчур. Однажды сам сбежал из интерната и увёл одноклассника, тоже Сашу, Тарасова. Тот живёт в селе Хорошово, что по Московской дороге. По правилам интерната, у кого из воспитателей сбежал ребёнок, тот иди ищи и приведи. В своё нерабочее время. Сашу Бахарева Татьяна привела, соответственно предварительно сильно отругав его: ведь в дороге и со взрослым-то человеком мало ли что случиться может! Другого мальчика, Тарасова, привела в интернат мама: худая, малорослая, очень усталая женщина с огромными синими кругами под глазами. Работает в колхозе круглые сутки. Отец мальчика в заключении, и не в первый раз...

Почему же дети, которых вроде бы и не обижают в интернате, да и кормят хорошо (Татьяна, как почти все воспитатели — их сорок человек, — питается в интернатской столовой; не сказать, чтобы готовка ахти какая, но всё добротное, всё с мясом), да и одевает-обувает их государство бесплатно, — бегут домой? Ведь дома-то зачастую — нищета, теснота, пьяные родители... Но дом есть дом. Так уж природой, видно, заведено: малая птаха и та своё гнездо имеет.

Вот когда убежал Бахарев, пришла к ним Татьяна. Убогая деревенская изба, почти пустой скоблённый стол. Сидит Саша, намазывает маргарином кусок чёрного хлеба (масла-то по бедности не покупают!). Рядом — бабушка старенькая с любимой его сестрёнкой Иринкой на руках. И так смешно тянет к братцу Иринка маленькие пухлые ручки! «Дай ей, дай ей!» — говорит мальчику бабушка. Тот отломил половину, протягивает Иринке. Девочка улыбается. Улыбается и Саша...

А в интернате — что? Как ни стараются воспитатели согреть теплом своих душ холодные кирпичные стены — не получается. Потому-то и за-

видуют детдомовские тем ребятам, у которых какие-никакие, а есть мама и папа...

Но, к сожалению, родители тоже разными бывают. Есть (правда, не в Таниной группе) девочка одна — любимица всех взрослых, да и ребят, — Лола Очилова. Очень редко приезжает к ней мама. Оно и понятно — с родным отцом Лолы мама девочки не живёт, а в другой её семье есть малыш, которому — всё внимание. А Лола вроде бы уже большая...

Отец девочки — то ли киргиз, то ли туркмен, а мама русская. Такие браки, как правило, недолговечны. Мама Лолы, когда приезжает, зовёт дочку Людой.

Девочка учится в четвёртом классе. Смуглая, складненькая. У неё красивые глаза южанки: немного раскосые, чёрные, удлинённые к вискам. Нежный, мелодичный голос. Приятный, общительный характер. Даже самый отчаянный хулиган во всём интернате не обидит Лолу.

Таня иногда наблюдает за ней, и так становится жалко эту девочку! Тут налицо педагогическая запущенность. Была бы Лола в хороших руках — учиться бы ей в «нормальной» школе, дружить с нормальными детьми, жить дома...

Конечно, круг знаний девочки ограничен. Услышала как-то слово «концлагерь» и спросила: «А там хорошо?» Это ученица-то четвёртого класса! Лола знает только слово «лагерь».

У Татьяны не раз возникала мысль взять девочку в свой выходной к себе домой. Показать город, покормить сладостями. Пообщаться просто, поиграть. Ведь у самой Тани никогда не было ни брата, ни сестры. Но мысль о тесной (одиннадцать с половиной метров) комнатухе в их коммунальной квартире останавливает благие намерения. И ладно бы Татьяна одна там жила, а то с больной мамой, которая к тому же работает по сменам...

А вот сладости девчужке иногда Таня приносит. К другим-то родители каждое воскресенье приезжают с гостинцами, а к ней?..

— Ешь, Лола, ешь, в следующий раз я тебе мармелад принесу.

— А какой он? — наивно спрашивает Лола-Людила.

Пройдёт лет десять, и в своём дворе Таня увидит девочку. Одинокую при живых родителях. И появится стихотворение «Оксана».

Отец с весны бывает дома редко,
К другому в город зачастила мать.
Как хорошо, что в мире есть соседка, —
Она возьмёт Оксану ночевать.

Вечерний воздух стынет в зыбких тнях,
И мир вокруг огромен и непрост.
А ты качаешь куклу на коленях
У тоненьких растрёпанных берёз.

А у подруг весёлые заботы —
Пятнистый мяч гоняют на лугу.
«Пойдём, Оксана! Не идёшь чего ты?» —
«Я доченьку оставить не могу!»

И ещё горькие стихи о жизни мальчика в семье. Но ведь семьи-то, как и дети, разными бывают.

Что-то в мире нелёгком творится,
Стало небу от туч тяжело.
Ветка тополя раненой птицей,
Вся измокшая, бьётся в стекло.

Ей согреться хотя б на немного,
В электрический розовый свет.
В этом доме троим одиноко,
От бессонницы бледен рассвет.

Что у этих двоих за плечами —
Третий мал и не знал ничего.
Но застывшее в доме молчанье
Погасило улыбку его.

Поднимается день, как в болезни, —
Хмур ли, ясен ли он, — всё равно...
Ветка тополя так бесполезно,
Так беспомощно бьётся в окно.

И, как шуточно называет Таня одно из своих стихов — «Анти-педагогическая поэма». Потому что все кричат: «Улица! Улица... Берегите детей от влияния улицы!».

Девочку воспитывает улица.
Девочка приветливая, умница.
Мальшам за детскою игрою
Объяснит она названья трав.
Если дети ссорятся порою —
Разберётся, кто из них не прав.

Во дворе поётся ей, хохочется,
Только вот домой не очень хочется...

Но это будет написано позже, когда Татьяна уже уйдёт из интерната, будет работать в другом месте. А впечатления тех лет не покинут.

Это потом...

А сейчас — бесприютные, голые стены комнаты отдыха. Кучка ребят — кто стоит, кто сидит, а кто и лежит прямо на полу, у телевизора. За окном — печальное серое небо, грустный дождь октября, тихо падают жёлтые листья с деревьев на грязную, сырую деревенскую дорогу. У окна стоит смуглая девочка с продолговатыми чёрными глазами — Лола-Людмила. Она смотрит на длинную унылую дорогу, размытую дождём: вдруг сегодня приедет мама?..

А время шло, и вот уже сама Татьяна стала мамой. Появившийся малыш доставлял уйму хлопот. Из интерната пришлось уйти поближе к дому — устроилась машинисткой в тепловозный институт. Здесь-то и произошло событие, перевернувшее всю её судьбу: встреча с поэтом

Олегом Кочетковым. После долгого — почти десятилетнего — перерыва стала писать стихи.

У Олега в издательстве «Молодая гвардия» только что вышла тоненькая книжечка. Взяла как-то Таня почитать — и изумилась. Олег ведь — почти её ровесник... А пишет как! Вот стихотворение «Овца». На первый взгляд сюжет наивен и прост: приезжают внучата к деду, и тот решил заколоть овцу.

Но не сам, в сердце дрожь,
А сосед был мастак,
Усмехнувшись, взял нож...

А ребяташки всё это видят...
И жалко им овцу, и меркнет в ребячьих душах радость встречи с долгожданным деревенским раздольем, с любимым дедушкой.

С сыном. 1975 год

252

Не приехать бы нам —
И овца бы жила.

А вот стихи о поздней осени — любимом времени года Олега Кочеткова. Но молодой поэт не просто описывает разбитую дождём сельскую дорогу, низкие облака на мутном небе.

...и высокая сила
Меня понесла над дорогой разбитой,
Над стылой и липкой предутренней мглой,
Над этой суровой,
извечной землёй,
В которую будем однажды зарыты,
Но мы и тогда не станем с ней квиты...

Какая глубокая мысль, а ведь автору всего лишь тридцать лет!
Олег организовал в Коломне литобъединение «Зелёные цветы» в память о любимом поэте Николае Рубцове. Татьяна посещала занятия, стараясь не пропускать ни единого.

И вот тогда, в тридцать лет, почувствовала: у неё получается!

Уметь понять молчание воды
И то, о чём тоскует подорожник.
Последний луч бледнеющей звезды
Ласкать пытливым взглядом осторожно,
Услышать песню ивы над ручьём
И гимн скворца — весенний, вдохновенный,

И ощутить перед лицом Вселенной
Короткий миг, который мы живём...

Более десяти лет, с самого создания литобъединения, Татьяна — активный его участник. Печатается в «Коломенской правде», в «Ленинском знамени», в журнале «Смена». Положительную рецензию на стихи получила в альманахе «Истоки». О чём те строки? В них — ностальгическая грусть об ушедшем детстве, попытка осмысления своей судьбы.

Гружёная баржа плывёт,
Свет лампы в казённой каюте,
Не грезившей об уюте...
А баржа плывёт на восход.

У лампы — отец мой и мать,
А я — пока с куклой и тенью —
Стараюсь их речи понять,
Постигнуть своим разумьем.

И полдень прошёл, и рассвет,
И молодость смотрит в старухи.
У суетно прожитых лет —
Шаги незаметны и глухи.

Сбежав от забот и тоски,
Дам волю усталому сердцу:
Я выйду на берег реки,
Как в не позабытое детство.

Свет лампы далёкой зовёт,
Но даль укрывают туманы.
И баржа к закату плывёт,
Но нет ни отца там, ни мамы...

В поэзии мужчина — это восхищённый певец, выражающий и воплощающий страсти свои. Вот, например, пишет Олег Кочетков:

Как полынно тебя целовал,
Как медово меня целовала!
Был твой рот запрокинутый ал.
И душа моя к Богу взывала.

А вот Татьяна Башкирова. Она женщина, хранительница близости двух существ; ей — разгадывать нюансы души, а её любовные мечты есть мера ответственности за будущее.

Унесло покой апрельской ранью.
Стынет дом без моего тепла.
.....
В ночи твоё дыхание горячо.
Шальным ветрам ты даришь стены дома,
Чужой судьбине — мужнино плечо.

На интимной поэзии Татьяны Башкировой лежит печать стыдливости и гордости, её самостоятельности и великой отзывчивости. Она никого не обременяет переживаниями, а просто делится мыслями.

Поэзия — самый красивый и в то же время самый коварный жанр. Её можно сравнить со скрипкой — беспощадным инструментом, не терпящим неумелости и фальши. Сами поэты утверждают, что поэзия — это состояние души. А ещё это обострённое зрение и неповторимость. Разве можно выразить такие чувства прозой?

О моём закате, душу рая,
Мне сказали правду зеркала,
Чтобы я одумалась когда-то,
Позабыв свою любовь-беду...
Перед целым светом виновата,
В ноги горьким травам упаду.

Это стихи Татьяны Башкировой. Её строчки привлекают прежде всего внутренним максимализмом. Она и по жизни максималист, и в дружбе...

Будни с утра до вечера — за пишущей машинкой, по воскресеньям — занятия литобъединения. Власти выделили молодой семье комнату в коммунальной квартире. Кухня — на троих, правда, большая: и стирали там — каждая у своей плиты, поскольку дом старый и ванн не было. Но после ужасной тесноты в маминой комнатухе Таня и этому была до смерти рада. И всё же...

День свернулся тёмно-серым котом,
Стынут звуки, уходя за дом,
А соседка мне в пятнадцатый раз:
«Иванова со своим развелась!»

В нашей кухне на троих, в суете,
Чайник бесится на тесной плите,
А сосед Матюша весел и пьян:
Надрывается усталый баян!

Мне бы в комнате укрыться скорей,
Да «болеет» старый дед за хоккей:
Открывает новый счёт за стеной —
Телевизор там орёт, как шальной.

В коридоре подрались малыши,
А соседка на работу спешит.
И, укрывшись от обиденных зол,
С головою муж в газету ушёл...

Скоро ль полночь в наши окна втечёт,
Станут звуки непривычно тихи...
Коммунальную квартирою чёт
Наградил нас за большие грехи!

А грехов у неё — ой как много! Не послушалась мать, не бросила, выйдя замуж, своё «стило»! (Это у Маяковского: когда его поучали, он говорил: «Вот вам моё стило // И пишите сами».) Но Маяковскому легко было говорить: он был — «громадина», а Таня? «Тоща, как моща», — смеялась мать. Но, хотя и ругала дочку, по мере сил помогала.

Вечер звенел комариной струною,
Белая церковка гасла вдали.
Мама до ночи сидела со мною —
Мы про коробушку песню вели.
В сумраке поле широкое стыло,
В речке дрожала колючка-звезда...
Что же ты, мама, себе изменила,
Или тебя изменили года?
Мне говоришь: «Ты гляди — похудела...
Боже, за что, за какие грехи?
Танька! Опомнись — твоё ль это дело:
Тридцать уж с лишком, а ты — за стихи!
Недосыпаешь... Здоровья-то нету...
Малый ребёнок... По дому дела...
А если хочешь ты, дочка, в поэты, —
То для чего же семью завела?»
Что я порой возражаю несмело —
Слушать не хочешь. Твердишь: «Помолчи!» —
Будто не ты мне «Коробушку» пела
В дальней, тобою забытой ночи.
Хмурая ты. Улыбаешься еле.
И ни о чём-то тебя не спроси.
Как мы давно вечерами не пели
Песен, что долго живут на Руси!

От наставлений куда же мне деться? —
Я с головою — в далёкое детство:
Вечер звенел комариной струною,
Мама до ночи сидела со мною...

Вот бы сейчас — с головою в детство! Да нет, ушёл тот поезд... выросла. На хлеб надо зарабатывать. Поэт Анатолий Жигулин как-то сказал: «Стихи не кормят: поят, и то не всегда». С работы придёшь — стирка, готовка, ребёнок... Когда писать-то? Только ночью...

Но это — если на работе не очень устала. А если квартальный отчёт листов в полтораста, да табель срочно сдавать в бухгалтерию, да... много чего. Тогда, по словам Олега Кочеткова, «...ляжешь, провалишься в праведный сон».

Да и квартира коммунальная: вечно шум. Далеко за полночь, нарабавшись за день, утомонятся наконец соседи. Уснёт муж. Теперь, слава Богу, можно писать, не слыша его нареканий. Но мужа легко понять. Простой деревенский парень, он недоумевает: а что это за работа такая — стихи писать? Лучше бы кофточка вязала, как некоторые заводские женщины. Этим подкальмить можно, и неплохо. А от стихов какой толк?

Ещё строже судят соседки. Но Таня мало с ними общается: времени нет, да и неинтересно сплетни разбирать поселковые.

— Тань, а Тань... — спросила как-то соседка по кухне, маленькая блондинка Валентина. — Ты не знаешь: Галька Куценко со своим развелась или нет?

— Не знаю... — равнодушно бросает Таня. Потом припоминает: — А какая это Куценко?

— Да ты что?! — громко возмущается вездесущая Валентина. — Ведь вы с ней в одном классе учились!..

— Не знаю, — повторяет Таня. — Что-то не припомню я. Лет-то сколько прошло...

Валентина, усмехнувшись, крутит пальцем у виска.

— Ну, Танька, ты и правда такая... Ты что, не в этом мире живёшь?

— Может, и не в этом... А мне в моём, другом мире, лучше! — с лукавой улыбкой отвечает Татьяна.

Совсем обиделась соседка. Отошла. Покраснела даже... Да что с Танькой говорить? «С приветом» она, как есть «февраль», — в февралето дней не хватает!..

Все друзья у Татьяны — на работе. А здесь — женщины сильные, жилистые: отстояв смену на заводе, они успевают ещё трудиться на «дачах», как шутливо называют свои садово-огородные участки. Какие уж там стихи? Они, верно, считают Татьяну лентяйкой, любительницей «лёгкой копейки» (некоторые из них уверены, что за стихи много платят). А иначе, по их мнению, что и силы зря тратить...

Однако рвущиеся наружу строки пересиливали Танину усталость. И не переставала гореть маленькая настольная лампочка на письменном столе. В квартире тихо. Все улеглись. За окошком летят белые хлопья, напоминающая далёкие детские сказки. И встают в памяти воспоминания детства...

...Зимовали они в Коломне. Баржа стоит в затоне, а Таня с родителями живёт в подвале деревянного дома возле Пятницких ворот, на улице Пушкина. Татьяне десять лет, и учится она во втором классе.

Низенькое окошко подвала их домика. Из него видны только пушистые белые сугробы да ноги прохожих. Но живётся там дружно и весело.

У соседей — мальчик Саша, одиннадцати лет. Воспитывают его мама и бабушка. Саша, как и Таня, очень любит читать. Они обмениваются книгами и... играют в куклы! Поскольку мальчик получил, так сказать, «женское» воспитание. Мама Саши любит вязать, и ребятишки вместе наряжают в сделанные ею чепчики и платья своих крошечных кукол, выдумывают разные игры: «в школу», «в больницу», «в гости»... А бабушка печёт пирожки, ватрушки и рассказывает интересные сказки. От неё Таня впервые услышала, ещё не читая Андерсена, о гадком утёнке и Снежной королеве.

И снится Тане: то она — смелая и отважная девочка Женя из книги «Тимур и его команда» (хотя на самом деле Таня была нерешительной и робкой), а Тимур — Саша. То — Герда из «Снежной королевы», и Кай — конечно же, Саша... Отважно бредёт девочка по бескрайним холодным снегам, чтобы выручить Кая, спасти от колдовства Снежной королевы... Кто-то сказал, что стихи растут из снов. Стихов тогда Таня не писала. Но, наверное, из тех удивительно прекрасных детских снов слагались потом её строки.

Чтение стихов на вечере памяти Есенина

Есть ещё одна у Тани особенность: много говорит, слова льются потоком, как из рога изобилия. Бывает, просто неудержимо. У другого двух слов клещами не вытянешь, а здесь, как говорится, разговора «на десять лет тюрьмы». Я до некоторого времени к этому относился с негативным раздражением, пока однажды не прочитал у Пастернака: «...поэзия не рождается в молчании. Только там, где много слов, — там есть поэзия». Я всегда слушаю её внимательно. И нередко улавливаю в её словах заготовки будущих стихов.

Жизнь продолжается. Ставит новые проблемы, приносит радости и горести — всего щедрой рукой. И как сказал поэт Николай Рубцов:

Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что звонко запоёшь...

И рождаются строки. Разные, непохожие. То грусть охватывает душу, то радость (великое свойство поэта — радоваться просто солнечному лучу, просто земному цветку, радоваться умению выразить всё — своё, прочувствованное).

Кликну Музу — пусто у ворот.
А её дыханье горячо!
Мне звездой сияет и зовёт
Стих мой, не написанный ещё.

На презентации своей книги

Рвутся строчки в облачную высь,
Чтоб упасть — цветком иной весны...
Дай-ка, Осень, мне рябины кисть —
Я зажгу сугробы седины!

Эту картину Таня помнит всю жизнь.

Вечерело, но солнце, склоняясь к западу, ещё было по-летнему красно-горячим, ярким. По щуровскому мосту сплошным потоком летели машины. По берегам зеленели деревья. И окна домостроительного комбината, ловящие лучи заката, светились тут и там жаркими вспышками, точно плавилась.

Они с мужем шли по мосту. Шли неспешно, по тротуару вдоль ажурного парапета, и разговаривали. Между ними катился велосипед. Собственно, велосипед вёл муж, а она шла, помахивая сумочкой, поглядывая на тёмную воду и на редких прохожих.

Они не спеша шли по мосту, и словно не было рядом ни потока машин, ни шума города. Оба с интересом смотрели, как внизу по Оке неслышно скользит очередная баржа с песком. На корме её сидел мальчик с белой собакой.

Баржа проплывала уже под ними, стали видны рваные кеды на ногах мальчика, нечёсанные выпцветшие вихры, а у собаки — верёвка вместо ошейника. Неожиданно мальчик, увидав взрослых с велосипедом, приветливо помахал им рукой. Таня сразу же ответила. Словно только этого и ждала, словно увидела родную душу...

Баржа удалялась на фоне заката, как таинственное, неразгаданное видение. И было невозможно продлить это очарование. Таня в последний раз приветливо вскинула руку. Словно детству своему махнула.

Золотая нить Кочеткова

Когда погружаешься в историю культуры нашего города, то не покидает ощущение, что перед тобой огромный ковёр с многоцветным узором: цветущие луга с шелковистой травой, белые берёзы, упирающиеся в облака, сверкающая в изгибе речка... Все нити переплетаются, цепко держат друг друга, и убрать хотя бы один узелок уже невозможно: нарушится рисунок.

Основа литературной истории Коломны выткана во времена «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище». Каждое столетие, каждый год прибавляли новые нити и узелки, создавая неповторимый коломенский узор. И в наши дни продолжается эта кропотливая работа. Наше поколение тоже вплетает в полотнище духовной жизни Коломны свой рисунок. Золотой нитью в нём — творчество Олега Кочеткова. Поэт давно вошёл в историю русской литературы. И надеюсь, надолго в ней останется. Такого мастера слова у коломенцев, наверное, ещё не было. И вряд ли скоро появится.

Но чтобы выяснить, что именно и каким образом повлияло на своеобразие таланта Кочеткова, надо заглянуть в истоки его судьбы. Поэт ро-

дился в Коломне, но родовые корни его — в Рязанской земле, в деревне с таинственным названием Дулов дуг. И это не простое географическое совпадение. На заре своей истории, на протяжении двух, а то и трёх веков Коломна входила в состав Рязанского княжества. И напевная мощь этого края — не только не чужда нам, она органична и естественна.

В детстве он каждое лето уезжал туда, и этого есенинского воздуха, раздолья ему хватило на всю жизнь. Отсюда — от рязанского детства, от дедовского простора — размах и земное тепло кочетковских строк.

Я ладонь положил на равнину,
И сквозь кожу пошёл смутный гул...
Долго слушал я песню едину,
Пока в пряной траве не заснул.
А заснул — так приснилось такое,
Чему имени нет и конца:
Раздвигал я пространство рукою
До забытого ветром крыльца.

И дальше — удивительно цельный образ единения земли и неба, когда связующим звеном между ними становится сердце поэта.

...Я лежал средь притихшей полыни,
Окуная лицо в облака.
И лежала рука — на равнине,
А на сердце — другая рука!

*Выпускной класс школы рабочей молодежи № 1.
Третий слева в первом ряду — Олег Кочетков.*

...И приходят стихи

на размышления о великом и малом, о мгновенном и вечном...

Самая заветная святыня для Кочеткова — это Россия. Какой пронзительной простотой и любовью веет от стихов! Нет, это не просто пейзажная лирика:

Встану рано сегодня,
И вокруг оглянусь:
Боже, это ведь — Родина!

Ах, ты Мать моя — Русь!

Беспросветная грусть...

В одной этой щемящей строке — весь многострадальный путь России. «Беспросветная грусть...». Здесь — и отзвуки стародавних столетий, и наша нынешняя трагическая неустроенность, и события сравнительно недавние. Гражданская война получает у Кочеткова неожиданное осмысление. О чём думает поэт перед картиной страшного поля братоубийственной битвы?

Да, за веру они и царя
Свои буйные честно сложили!
И погибли, наверное, зря,
Но Отечество крепко любили!

.....

Сам Кочетков признаётся, что ему сложно запоминать свои стихи. И это действительно нелегко — настолько они полновесны по мыслям и образам. В его строках есть какая-то исконная — державинская — громоздкость. Стихи Кочеткова нельзя пробежать безразлично, так, слегка, чтобы «время убить». Нет, они требуют концентрации, работы мысли. И если вчитаешься — тебя захватывает первобытная мощь; в единстве, в слиянии мелодии и слова открываются неожиданные, ранее неведомые пласты смысла.

Стихи Олега Кочеткова — это поэзия искренней, незащищённой души, открытой всем вселенским ветрам. В его строчках — боль за родную Россию, тревожная, нелёгкая любовь к женщине, пронзительное ощущение родства с окружающей и такой близкой ему с самого раннего детства природой. Его стихи невольно наводят

...Осуждать никого не берусь,
И ни тех, и ни этих, пожалуй.
Только кто растворит мою грусть,
Хотя срок уже канул немалый?
Так случилось. Вيني — не вيني...
Лишь одним свою душу спасаю:
Что я дрался б в те страшные дни,

А на чьей стороне вот — не знаю!

И автору — веришь. В его гражданской лирике заключена правда. Это не позиция профессионального плакальщика, когда румяный и жизнерадостный сочинитель бичует врагов, а на практике с ними отлично уживается. У Олега — иначе. В его стихах — настоящая боль, неподдельный патриотизм, когда человек готов отвечать за свои слова и судьбой, и жизнью.

Эта мужественная открытость миру, может быть, — главное достоинство поэта.

Я открыт, ну а мне на просторе
Всё открыто: и слёзы и смех,
И рассветная радость и горе
Распопынное. Весь я — для всех!

Олег Кочетков в кругу московских литераторов. 1984 год

Читать Кочеткова действительно не просто — он требует по отношению к себе того же усердия и пристального внимания, с каким создаёт свои стихотворения. В его поэзии нет искромётной импровизации: поэт прилежно выращивает слово за словом, строку за строкой, как овощи на грядке. Эту мудрую неспешность он, может быть, наблюдая крестьянский труд, перенял в детстве у деда, и она прочно вошла в его стиль, манеру.

Иногда мы говорим: «публицистика» — и неосознанно ставим под сомнение художественные достоинства того или иного произведения.

Происходит инфляция понятия. Но ведь настоящая поэзия, впрочем, как и вся литература, должна быть публицистичной.

На встрече с читателями. Москва, Симонов монастырь. 1985 год

А Родина — это дорога,
Которою грезит стопа,
И запах прогорклого стога,
И дедовская изба.
А Родина — это причина
Скупых, набегающих слёз.
Невысказанная кручина
Смеркающихся берёз.

Мудро и в то же время просто, как сама жизнь. Самое главное — нет подражания. Всё своё, им самим пережитое.

Особая страница кочетковского творчества — стихи о любви. Я много раз задавал себе вопрос: какая энергия питает нас всех, позволяет удерживаться на грани существования? И только в стихах моего друга нашёл этот ответ. Не каждого посещает любовь, не каждому удаётся её найти, и всё же человек стремится к ней, ибо такова сущность его природы, извечная надежда. Олег описывает женщину целомудренно, молитвенно, обожествляя, возвышая её... Я читаю эти стихи бесконечно. Многие из них пересекаются с моей жизненной дорогой. А в других я нахожу то, чего ещё не понял и не осознал. Как какое-то открытие, как исповедь воспринимаю эти строки. Прислушайтесь...

Попросил подвезти. Он повёз.
И трясло и болтало в кабине.
И он задал вопрос:
«Чего нету в помине?»
Усмехнувшись, ответил: «Любви!»
И я сразу забыл про ухабы.

.....
И подумал я сразу о той,
О которой устал уже думать.
Тут хоть волком завой,
Ей на это — лишь плюнуть!

Нет, любовь — она всё-таки есть!
Я судьбою за это ручаюсь.
Вот мне ею оказана честь,
Что сижу и терзаюсь,
Что меня её реющий свет
Не оставил в покое.
Обоюдной вот нет,
Это — дело другое...

К шестидесятилетию поэта на его родине, в Коломне, вышла книжка стихов. Тот год был для Кочеткова вдвойне юбилейным — ведь родной город тоже отметил круглую дату — 830 лет. А духовная связь, взаимопроникновение двух юбиляров несомненна:

Ничего я не знаю, что помню,
А что помню — о том не слыхал!
Закачусь я в родную Коломну,
В колыбель моих самых начал!
Да по ветхим пройдуся переулкам,
Вдоль обрыва, над древней рекой.
Где в пустующем сумраке гулком
Разливается зыбкий покой.
Постою пред Успенским собором,
И порывом скользнёт вдоль виска
Грустный воздух Отчизны, в котором
Настоялись века и века!
И я, словно причастный к ним тоже,
Что-то смутное в сердце храня,
Вдруг почувствую вздрогнувшей кожей —
Как они — сквозь меня, сквозь меня!

Не берусь подытоживать его жизнь. Да и не время ещё. Человек, достигший такой вершины, сам может дать содеянному и прожитому единственно верную оценку.

Объяснить поэта трудно... Да и нужно ли? Поэт не есть нечто законченное. Он всегда в пути. Выпьем с тобой лучше, дружище, «на посошок» и отправимся дальше, крепко ступая по своей родной земле!

Перо и плуг

Фамилия Квашниных имеет древние корни. Когда Дмитрий Донской формировал свои полки перед Куликовской битвой, «боярину великокняжеского совета Ивану Родионовичу Квашне» достался костромской полк. «Вернейший паче всех» — так отличали его летописцы. Квашня действительно был одним из любимцев Дмитрия Ивановича. Недаром ещё в 1371 году, когда перед отправлением в Орду князь московский на всякий случай составил духовную грамоту-завещание,

А за окном стелется Русь...

Квашне в числе избранных послухов было доверено присутствовать при скреплении грамоты печатью. Боярин происходил от полубылинного уже именитого киевлянина Родиона Нестеровича; тот, рассказывали, пришёл на службу к Калите почти с двухтысячной дружиной»¹.

А в наше время свою поэтическую рать для службы русской поэзии неподалёку от Коломны, в селе Лукерьино, собирает яркий, самобытный поэт Вадим Квашнин — может быть, действительно потомок древнего славного рода. И дело вовсе не в фамилии, а в той уверенной мощи, которую излучает и сам поэт, и его стихи.

«Тихо греются травы у ног...»

Одна строка — и встаёт в воображении былинный богатырь. А Вадим такой и есть — и ростом, и крепко

сложенной фигурой, а ещё более — трудом своим: землю нашу, совсем было позаброшенную в постперестроечные времена, поднимает. Работал трактористом, после окончания заочного отделения сельскохозяйственного института — агрономом. Трудится на земле и сейчас. И потому в низком поклоне благодарности склонились у ног его травы, и греются они теплом его души.

Когда-то Вадим Квашнин был замечен В.В. Кожиновым и доказал своим творчеством, что строгий и взыскательный литературовед не ошибся в оценке его таланта. Стихи поэта публикуются в центральных изданиях, он стал лауреатом Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина.

«...Жизнь вся — дорога» — таково мироощущение Вадима Квашнина. И стихи его выросли близ сельской дороги: свежие, со своим неповторимым терпким ароматом, они чуть горчат.

Россия! Ни крика, ни вздоха,
Ни слова упрёка судьбе.
На отчих полях и дорогах
Нас мучает боль о тебе.

Той болью сыновнего права
Полна мать сырая земля,
Полынная горькая слава
И вечная доля твоя.

¹ Лошиц Ю. Дмитрий Донской. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 253. (ЖЗЛ).

Такова судьба Отчизны... А судьба поэта? Николай Рыленков сказал когда-то:

Невесёлою долей поэта
Наделяет судьба на Руси.

Мятежный герой Вадима Квашнина с безоглядной русской удачью готов поспорить с судьбой, переиграть её:

Так однажды сказалось и слышится,
Что никто от судьбы не уйдёт...
... Чу, мохнатые ели колышутся,
Да звенит под копытами лёд.

.....
Надвигайся, судьба окаянная,
А! — никто от тебя не бежит!
Собирай свою свору крикливую,
Расстилай на дороге змею.
Но, весёлая, но, торопливая!
И — проскочим свою полынью!

Проскочим... И кризис, и наркоманию, и безработицу, и другую какую опасную «полынью», коли не перевелись ещё на Руси такие богатыри, умеющие и землю пахать, и стихи писать!

Прав Олег Кочетков:

Землю попашешь — стихов не попишешь,
Лажешь, провалишься в праведный сон,
И самого-то себя не услышишь:
Труд не ложится на труд испокон.

Действительно, это не просто — возделывать землю своими руками и жить в мире «звуков чудных». Крестьянская страда — она даже для сна времени не оставляет. В вечных земных заботах что-то остаётся невысказанным. И не распаханным до конца остаётся самое главное поле — Поэзия. И остаётся недодуманной какая-то мысль, не оформленным в слово какое-то движение души...

И всё-таки поэтическое видение мира прорывается сквозь обыденность — как в это ясное и тихое июньское утро, всё в каплях животворной росы:

От лугов прохлада и медвяный дух.
Выгоняет стадо молодой пастух.
Рядом с ним девчонка — тоньше василька:
Белая юбочка, лёгкая рука.
.....
Ласковое утро, и со всех сторон —
Голубое небо, златотканый звон.

Это Царь-Солнце, могучее светило, «златотканым звоном» своим приветствует юного пастуха и его подругу. Любите, трудитесь, молодые!

Счастья вам, радости на многие лета! Ведь пока живы любовь и труд, не сгинет земля Русская.

* * *

Помню, во время презентации ещё первого номера «Коломенского альманаха» Олег Кочетков заметил мне: «Обязательно найди Квашнина. Он живёт в Лукерьино. Без него коломенская поэзия будет всегда не полной». И я его отыскал. Прочитал.

Помню, после первого прочтения была такая оглушённость, словно заболел. А я его читал и перечитывал. Я чувствовал, что открыл для себя чужую, но необыкновенно родственную для меня душу.

Поэтов чаще всего сравнивают с птицами. У Антонио Мочадо есть сравнение с цветами. Мне кажется, Квашнин похож на дерево. Этаким крепкий могучий дуб. В отличие от птицы, дерево, конечно, не может подняться высоко в небо, да и горизонт его невелик. Но у него есть корни. Глубокие и крепкие. Которые подпитывают ствол и крону земной силой и красотой. Вадим и сам это понимает:

И тебе за ушедшее лето
Будет время подумать всерьёз:
То ли волей отцовских заветов,
То ли сам в эту землю пророс?

266

У Квашнина очень много талантливых и блистательных стихотворений. Но творческий потенциал поэта отнюдь ещё не кажется выявленным до конца, и это главное для любого художника: финишная черта — далеко впереди, в зачарованном тумане грядущих лет.

* * *

Тугие строчки Квашнина бурлят ярким и яростным жизнелюбием. Поэт умеет видеть мир и восхищаться им. В его поэзии отчётливо

*С мамой, Анной Михайловной.
Деревня Каменка. 1962 год*

слышится рубцовская нота: та же боль за Россию, та же русская интонация, те же ритм и рифма. Но закваска своя, квашнинская. Читаешь — и хмелеешь.

Путь Вадима Квашнина, поэта-землепашца, с первых шагов пролёг по русской равнине. Его связь с родной землёй — корневая, неразрывная.

И рассвет с несерьёзной хмурью,
И недолгая праздность дорог.
Мягко шурился небо лазурью,
Тихо греются травы у ног.
.....
Здесь рождённое сердце впитает
От лесных и пшеничных корней.

Такие строчки нельзя выдумать: ими нужно жить. Поэзия Вадима — это его судьба. Потому — западают в душу прочувствованные слова печали и боли о родном, потерянном:

Признайся под небом свинцовым,
Глотая Отечества дым, —
То поле, что было отцовым,
Да разве не стало твоим?
Хлебнувшее страха и боли...
Виновное — вашей виной...

Сергей Есенин, предвидя послереволюционные изменения в жизни крестьян, с горечью писал: «Я последний поэт деревни». То же чувство в стихах Квашина, певца «постперестроечной» сельской жизни:

И вот я здесь, права была молва,
Что умер дом. Какое запустенье?
И сразу безнадежные слова
Слагаются в моё стихотворенье.
.....
Одна только дверь не закрытая,
Холодная печка не топлена,
Пустынна, как жизнь позабытая...

Как тут не поверить, что история развивается по спирали: один поэт написал горькие строки о русской деревне в начале века, другой — в конце его...

* * *

Люблю наблюдать за Вадимом Квашиным. Это не хлюпик в очках, а пахарь земли Русской. Он всегда погружён в свои мысли, даже когда кругом все веселятся. Он всегда налит земным притяжением.

Помню, как-то выходили мы из подъезда дома его сестры, и там,

На вручении Есенинской премии Анна Михайловна была рядом с сыном. Константиново. 2003 год

Это вечное поле...

268 где стоит мусорный ящик, увидели груды сваленных в кучу книг. Были выброшены Блок, Есенин, Маяковский, Твардовский.

— Интересно, а какие они себе книги оставили? — вздохнул Вадим, оттирая томики от пыли и складывая в свой пакет.

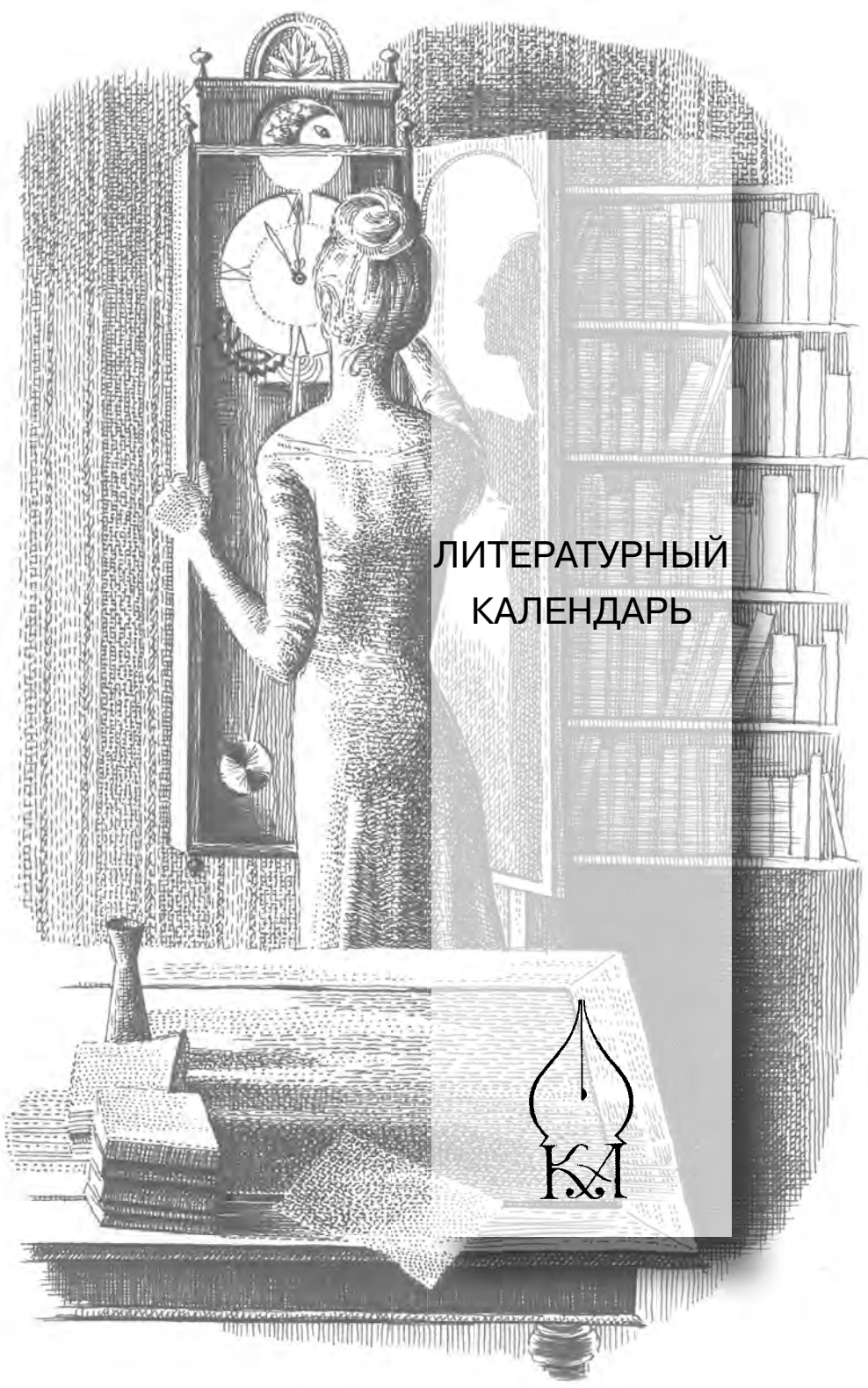
— А может, ничего не оставили, — высказал я догадку. — Просто очистили место под компьютер. Он для них теперь важнее книг.

Вадим зло сплюнул.

Мы долго шли молча. Вадим — чуть впереди, крепко прижимая к груди стопку спасённых книг.

* * *

Вадим Квашнин, безусловно, самый мощный, самобытный поэт Коломенского края за всю его историю. Тут можно вспомнить Федерико Гарсиа Лорку с его знаменитым «Когда ещё родится — и родится ли? — такой андалузец?». Уют родного Лукерьяна, бесконечные просторы коломенских полей, леса и древние сёла — всё это отразилось в напевных стихах Квашнина. Дело даже не в многочисленных публикациях и наградах, которые стяжали ему достойную славу. Дело в удивительном таланте, данном от Бога.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

Графика Василины Королёвой

Иван ЩЕБЛЫКИН

СЛУЖЕНИЕ ОТЧИЗНЕ

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М.В. ЛОМОНОСОВА

За то терплю... чтобы выучи-
лись россияне, чтобы показали
свое достоинство.

М.В. Ломоносов

Иван Павлович Щеблыкин родился в 1928 году в селе Урланово Западно-Сибирского (ныне Алтайского) края. Окончил Вильнюсский университет, работал в школах Ростова-на-Дону преподавателем литературы.

Заведующий кафедрой журналистики Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Союза писателей России, лауреат премии Правительства Российской Федерации (1999), лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2004), автор многих публицистических статей и книг, в том числе «Классика и современность», «У истоков русского исторического романа», «М.В. Ломоносов. Биография писателя», «М.Ю. Лермонтов. Очерк жизни и литературного творчества», «Грани великих дарований», «Страницы лермонтоведения», «М.Ю. Лермонтов. Русская мелодия».

О Ломоносове обычно пишут как о личности, наделённой многими дарованиями. «Ломоносов, — писал Пушкин, — обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник» [1, 65].

Действительно, любовь к науке была сильнейшей страстью великого помера. Однако её генетические истоки, причины, породившие её уникальную масштабность, в работах о Ломоносове получают весьма общую характеристику и, в сущности, не объяснены с достаточной определённостью.

По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик —

читаем о Ломоносове у Н.А. Некрасова [2, 106]. И это, конечно, тоже верно и по-своему неповторимо, если иметь в виду условия XVIII века.

И всё-таки феномен Ломоносова как учёного, поэта и общественного деятеля состоит не в самой страсти к науке и даже не в том, что ему удалось овладеть её вершинами, а в *направленности* этой страсти. Служение отчизне

(в различных сферах и формах) рассматривалось учёным как высшая нравственная цель общественного бытия на любых этапах исторического развития. Это и определило в конечном итоге его место в истории нашего отечества как единственного в своём роде, ни с чем не сравнимого гения.

Мало того, есть основания полагать, что ни у кого из великих людей России, действовавших во все её времена в науке, в искусствах, в общественных и производственных сферах, патриотическое чувство не являлось столь же приоритетным, как у Ломоносова. Неслучайно Ф.М. Достоевский рядом с Ломоносовым по значимости сделанного для отчизны — и вообще по великости таланта — мог поставить только Пушкина и (с оговоркою) ещё Гоголя... Да и

сам Пушкин также считал, что имена Минина и Ломоносова «перевесят, может быть, все наши старинные родословные» [1, 229].

Последние годы жизни М.В. Ломоносова в полной мере подтверждают данное суждение. Его известность как учёного и незаурядного человека распространяется в этот период и за рубежом, в особенности после избрания его (1760) почётным членом Шведской академии наук. Несколько улучшилась репутация учёного при дворе, тем более что в его поддержку, хотя и нечасто, выступали такие влиятельные при Елизавете Петровне, отличавшиеся образованностью и умом царедворцы, как И.И. Шувалов и М.И. Воронцов.

В 1751 году Академия наук издаёт «Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михаила Ломоносова» (первая книга). В 1752 году он строит фабрику для производства разноцветных стёкол и бисера, в 1755 году была закончена работа по подготовке «Российской грамматики» и в том же году учреждён по проекту Ломоносова университет в Москве, ставший центром развития российских наук.

К сожалению, все эти и другие начинания Ломоносова, хотя и способствовали укреплению его позиций в академии, отнюдь не избавляли от конфликтов. Они то затухали ненадолго, то возгорались с новой силой, превосходящей по остроте предшествующие стычки.

Причиною тому — вовсе не характер, не темперамент Ломоносова, хотя многие противники упрекали его именно за это, а сама система управления, преобладание в научных учреждениях людей, далёких от интересов дела. Засилье иностранцев в Петербургской академии наук, возникшее с первых дней её существования, усугублялось интригами при-

М.В. Ломоносов. Гравюра Э.Фессера и Х.А. Вортмана с портрета работы Г.К. Преннера. 1757 год

дворных, часто менявших свою тактику по соображениям карьеры или личной выгоды. Чаша весов в этих условиях то склонялась в пользу Ломоносова, то резко падала, нередко доходя до кризисной точки. Показателен, например, такой эпизод. В феврале 1755 года Теплов и Шумахер подготовили проект нового регламента, по которому заметно ограничивались права рядовых работников академии. Узнав об этом, Ломоносов воспротивился и потребовал, чтобы регламент был обсуждён в присутствии ведущих академиков. Теплов прибег к наговору и склонил президента академии графа К.Г. Разумовского подписать распоряжение об отстранении Ломоносова от участия в Академических собраниях. И только после вмешательства И.И. Шувалова несправедливое решение было отменено, но с соответствующим «внушением». Такие инциденты случались часто, осложняя работу и изматывая силы учёного. Ломоносов, отстаивая справедливость, старался не терять присутствия духа, иногда даже подбадривал себя:

Хоть полк против меня восстань,
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань,
На Бога полагаюсь [3].

И.И. Шувалов. Гравюра Е.Чемесова по портрету П.Ротари. 1760 год

Граф К.Г. Разумовский. Гравюра Г.Ф. Шмидта по оригиналу Л.Токе. 1762 год

Но правду защищать было чрезвычайно тяжело. К середине 50-х годов к постоянным конфликтам с «недоброхотами наук российских» в академии добавились трения с высокопоставленными священнослужителями.

Ломоносов не был атеистом в нынешнем понимании слова, о чём свидетельствуют его многочисленные переводы библейских духовных псалмов, выполненные с большим мастерством. Переводы, основное содержание которых связано с нравственными проблемами добра и зла, ясно показывают, что Ломоносов признавал наличие в Природе изначально-верховой силы божества. Но не отрицая могу-

щества и беспредельности Святого Духа, Ломоносов как учёный отнюдь не отождествлял его с иконописным воплощением.

Между тем отношения с Церковью всё-таки осложнились, так как многие священники, в том числе члены Синода, служили не только духовным идеалам, но нередко — и даже в большей степени — «земным» прихотям, расчёту. Конечно, великие учителя Церкви и подвижники были всегда. Они вносили большой вклад в укрепление единства народа, его нравственности, культуры. Но были и такие, которые использовали высокие и чистые религиозно-христианские идеи в личных корыстных целях. Так что конфликт Ломоносова с консервативной частью церковнослужителей был неизбежен. Он обострился, когда научные открытия Ломоносова получили широкое распространение и стали восприниматься отдельными влиятельными церковниками как подрыв христианского учения.

В 1753 году он написал «Письмо о пользе стекла», адресовав его своему высокому покровителю И.И. Шувалову. «Письмо» было отпечатано отдельной брошюрой и вскоре попало в руки церковнослужителей.

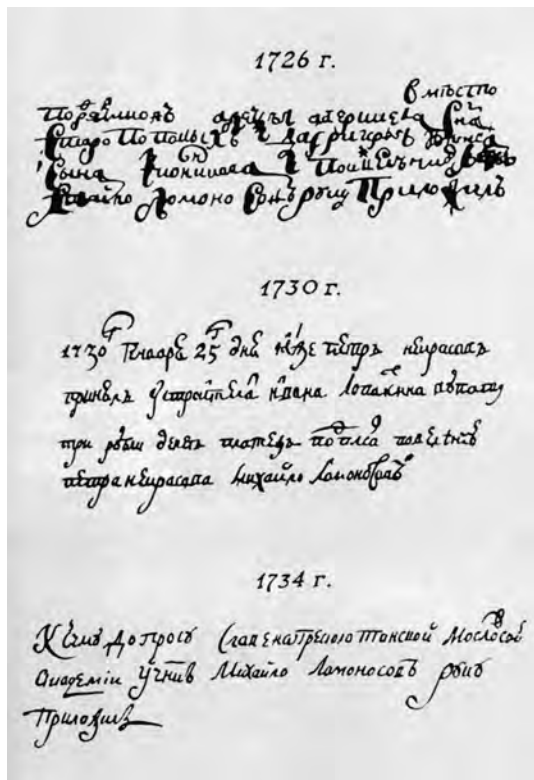
Жанр послания покровителю или «высокому» лицу был распространён в русской литературе ещё до Ломоносова («Моление Даниила Заточника», «Послание архиепископа Новгородского Василия ко владыке Тверскому Феодору о рае» и др.). Но ломоносовское «Письмо о пользе стекла» заметно отличается от предшествующих посланий. Во-первых, оно написано стихами. Во-вторых, частная, личная тема в нём почти отсутствует, если не считать начальных строк стихотворения: «Неправо о вещах те думают, Шувалов, // Которые Стекло чтут ниже Минералов» [3, 196].

Основное содержание «Письма» связано с характеристикой новых философско-материалистических взглядов на мир и человека. Описывая

*Деревня Мишанинская Куростровской волости, где родился
М.В. Ломоносов. Рисунок. XIX век*

Образцы почерка М.В. Ломоносова разных лет

это учёный древней эпохи. С помощью телескопа он «сводил» с неба на землю огонь, за что и пострадал от невежественных «варваров» (жрецов). «Вели всегдашню брань с наукой лицемеры», — делает вывод Ломоносов. И так всюду, говоря о стекле, его практическом применении в жизни, Ломоносов не забывает подчеркнуть важность и необходимость научного дерзания в борьбе за прогресс против невежества.

Важно отметить ещё, что научное освоение мира Ломоносов противопоставлял человеческой злобе, таким общественным порядкам, которые способствуют подавлению слабых. Целью науки, вообще всякого прогресса он считал не «пользу» в её абсолютном значении, а «добро». Вот почему, рисуя картину разорения индейских племён, наступившего после открытия Америки, Ломоносов с горечью восклицает:

О коль ужасно зло! На то ли человек
 В незнаемых морях имел опасный бег,
 На то ли, разрушив естественны пределы,
 На утлом дереве обшол кругом свет целый,
 За тем ли он сошел на красны берега,
 Чтоб там себя явить свирепого врага?.. [3, 200]

Таким образом, в «Письме о пользе стекла» Ломоносов выступил как защитник человеческих прав, справедливости, признавая научными

сообщает автор, мы узнаём о многих «тайностях... невидимых частиц и тонких в теле жил». Посредством телескопа, его гигантских стёкол обозреваем «величество небес», далёкие и чудные миры. Большое сочувствие у поэта вызывает Коперник, обосновавший гелиоцентрическую теорию движения Земли — «презритель» зависти и «варварства» соперник.

Осуждая невежество, учёный горячо ратует за прогресс, рассматривая и самую историю человеческого рода сквозь призму борьбы светлых сил с гонителями добра, просвещения. С этой борьбой, по его мнению, связаны также многие древние мифы, в частности греческий миф о Прометее, который похитил у верховного бога Зевса огонь и принёс его людям. По характеристике Ломоносова,

лишь те открытия, которые способствовали процветанию жизни людей, а не разрушению. Добавить можно, что такая позиция была самой передовой в 50-е годы XVIII века, притом — в масштабах всей Европы.

Но гуманистический смысл нравственно-философских, эстетических установок Ломоносова вряд ли был до конца понят современниками. Ведь что «человечно», а что «бесчеловечно» в научно-техническом прогрессе — и сейчас одна из самых острых дискутируемых проблем. В «Письме о пользе стекла» без всякого труда можно было уловить просветительский пафос сочинителя, несоответствие его представлений о мире господствующим теософическим (сугубо религиозным) объяснениям мира. У Ломоносова, конечно, нет вызова Богу, но сферу и суть его деяний учёный трактовал часто в материалистическом духе, что не могло не породить подозрения церковников. Вскоре возникли и прямые столкновения.

13 сентября 1756 года Святейший синод обратил внимание на публикацию поэмы английского поэта А.Попа «Опыт о человеке». Переведённая на русский язык учеником Ломоносова А.Поповским, она содержала в себе места, противоречащие церковному учению. Поэтому в декабре 1756 года Синод обратился с просьбой к царице подготовить указ, по которому бы «никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противной... не отважился» [4, VIII, 1062].

Всё это не могло не встревожить Ломоносова, тем более что в некоторых придворных проповедях стали проскальзывать намёки и на пагубность его научных открытий.

Императрица Елизавета Петровна в начале царствования. Портрет работы К.Внлоо. 1743 год

Но Ломоносов не имел возможности действовать официально. Пришлось прибегнуть к средствам литературного памфлета, сатиры — причём анонимно. В самом начале 1757 года в Петербурге распространилось в списках стихотворение под названием «Гимн бороде». Неизвестный автор под видом восхваления бороды как признака «степенства» остроумно и едко нападал на невежественных, косных церковников, прикрывавших священным саном свою ограниченность и злобу.

Несомненно, тут был некоторый «перехлест» со стороны памфлетиста. Но императрица считала, возможно, в силу своей набожности, что Ломоносов высмеивал не именно святость церковного сана, а случаи его осквернения, поэтому по докладу Синода не приняла никакого решения. К тому же

она не хотела осложнять отношения с Шуваловым и Воронцовым, которые покровительствовали учёному.

Антиклерикальные «гимны» Ломоносова показывают, в каких трудных условиях приходилось отстаивать ему свои принципы, прогрессивные идеи века. Чего же он хотел, к чему стремился? В сфере науки, производства широко известны его планы, проекты, настойчивые попытки склонить «монаршую милость» в пользу просвещения, благосостояния народа. Но существовала ещё сфера социально-политическая, напрямую связанная с государственным управлением, структурой общественных отношений (отношений между классами, сословными прослойками).

Ломоносов был достаточно убеждённым монархистом, то есть исходил из представлений о том, что во главе государства должен стоять государь, применительно к России — царь. Самой инициативной и потому господствующей прослойкой учёный признавал дворянство. Эти убеждения были свойственны многим философам, мыслителям XVIII века, что усиливало активные выступления Ломоносова в защиту справедливости и гуманизма. Были случаи, когда он спорил с венценосцами, критикуя (конечно, в пределах возможного) их действия. Так, в трагедии «Тамира и Селим» (1750) он осудил «алчбу» правителей, жажду «имения и власти», вследствие чего в мире возросли «зависть и коварство». «Исчадием» такой «алчбы» в конце концов оказываются и «кровавые войны», оставляющие после себя «одни развалины и ямы» [4, 340].

Для понимания общественной позиции Ломоносова важно обратиться к его переводной (Ж.Ж. Руссо) оде «На счастье», которая начинается словами:

Доколе, счастье, ты венцами
Злодеев будешь украшать?
Доколе ложными лучами
Наш разум хочешь ослеплять?
Доколе, истукан прелестной,
Мы станем жертвой, нам бесчестной,
Твой тщетной почитать олтарь?
Доколе будем строить храмы,
Твои чтить замыслы упрямы,
Прельщенная словесна тварь? [3, 222].

К кому обращены эти строки, кого венчает «слепое счастье» (судьба) своими щедротами, вводя в заблужденье массы, обманутые «прелестным истуканом»? Строки многоадресны, их символика — многозначна. В широком, философском смысле здесь подразумевается судьба, шестые века, вследствие чего кто-то награждается незаслуженным счастьем, а кто-то оказывается под колёсами безжалостной фортуны. Но есть в переводе Ломоносова и более конкретный план, угадываемый в логике философского повествования. Он связан с обличением тиранов власти, обманывающих и подчиняющих своей воле доверчивые массы. В данном случае не важно, усматривал ли поэт таких злодеев в прошлом (скажем, Дмитрий Самозванец) или в настоящем (Фридрих II, король прус-

ский, один из виновников тяжёлой Семилетней войны). Важно другое: Ломоносов не приемлет такого порядка вещей, когда судьба людей может зависеть от случая, когда счастьем (правом власти) наделяется «истукан прелестной», то есть деспот, тиран или манипулятор, вознесённый на немислимую высоту своим саном, когда бессильны истина и добродетель. Ломоносов клеймил «злодеев» века как бы от имени народа, всеобщей справедливости, с позиций высоких гуманистических идеалов.

Наглядно это ощущается в «Оде 1762 года», посвящённой воцарению на престоле Екатерины II. Ода написана в связи с тревогой Ломоносова по поводу антипатриотических, можно сказать, антигосударственных, действий выученика голштинского двора Петра III, оказавшегося на русском престоле (он приходился внуком Петру I). Критикуя политику свергнутого царя, когда Россия «под игом области чужия лишилась власти, славы, сил», Ломоносов на примере скоротечного правления Петра III предупреждал венценосных правителей:

Услышите, Судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы.
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,
То Бог благословит ваш дом [3, 131].

Никогда ещё русская поэзия не отваживалась на такую крайность: напомнить порфирородным особам о святых законах — законах правды и добра, нарушение которых может повлечь за собою карающий гнев не только Бога, но и народа. Как отнеслась к этим «наставлениям» новая царица Екатерина II? Едва ли с похвалою: уж слишком явным было превышение дозволенного в дерзких намёках академического пиита. Но Ломоносов был неуязвим, поскольку выступал от имени общего мнения — российского патриотизма, декларированного самой же Екатериной II при вступлении на трон. Всё это давало возможность обратиться и к самому острому, мучительному вопросу — о засилии иностранцев на русской земле:

А вы, которым здесь Россия
Дает уже от древних лет
Довольство вольности златя,
Какой в других державах нет,
Храня к своим соседям дружбу,
Позволила по вере службу
Беспреткновенно приносить;
На толь склонились к вам Монархи
И согласились Иерархи,
Чтоб древний наш закон вредить?
.....
Обширность наших стран измерьте,

Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте:
Не вам подвергнуть наш предел [3, 132].

Как видим, Ломоносов далеко выходит за рамки личных обид или амбиций. Он выступает за единство нации, за сплочение её прогрессивных сил в условиях, когда «в противность истины вещей» приглашённые или прибывшие в страну по своей воле иностранцы умышленно вели дело к «попранью нашего закона», к «рушению народных прав».

Но Ломоносов не всё рассчитал: ведь Екатерина II сама была немка, и слишком пылкое осуждение иностранного засилья, здравый смысл в этом вопросе ей были неприятны. Кроме того, она не могла принять политических наставлений от «плебея», пусть и талантливый, на счёт необходимости «народных льгот», сочетания правды с щедротами и добротой. Это было воспринято как проявление непочтительности. Последствия скрытого неудовольствия новой императрицы не замедлили сказаться.

Придя к власти, Екатерина II постаралась вознаградить не только участников переворота, но и сочувствующих: дворяне получали имения, придворные и служащие — повышения в чинах. Обласканы были Теплов и Тауберт, напечатавшие манифест новой царицы в Академической типографии. Ломоносов не мог рассчитывать на какие-либо милости, так как не был связан с дворцовыми событиями, приведшими Екатерину II к власти. Однако по срокам своей службы в Академии, а тем более вклада в развитие наук и просвещения он давно уже мог получить чин статского советника. Во всяком случае, люди, менее его достойные и более молодые (например, Тауберт), уже имели такую степень. Ломоносов же оставался в звании коллежского советника. Учёный не был тщеславен. Но пошатнувшееся здоровье, неуверенность в будущем при новой императрице заставляли его подумать о более прочном обеспечении. «Тяжкая моя болезнь, — писал он графу М.Н. Воронцову 24 июля 1762 года, — не даёт мне покоя и свободы не токмо из дому, но ниже и с постели вытти... Бороться больше не могу, будет с меня и одного неприятеля, то есть недужливой старости. Больше ничего не желаю, ни власти, ни правления» [5, 139]. Болезнь была настолько серьёзной, что Ломоносов соглашался даже на отставку в случае, если бы дело о «награждении пенсиею» и повышении в ранге решилось положительно. В таком духе он обращался в июле 1762 года и к Екатерине II, не надеясь на выздоровление. В прошении он перечислил свои заслуги в науке и просвещении: «...по свидетельству разных академий и великих людей учёных, принёс я <...> знатную славу отечеству во всем учёном свете, чему показать могут подлинные свидетельства, и таковым учением, одами, публичными речами и диссертациями пользовал и украшал я вашу Академию перед всем светом двадцать лет» [5, 140].

Нас не должны смущать в прошении Ломоносова самооценки типа «принёс» славу, «украшал» и т.д. Надо учитывать, что всё это было написано в предчувствии близкой смерти. К тому же у Ломоносова не было никого, кто бы мог смело защищать его интересы, сказать правду о нём императрице, когда Воронцов и Шувалов потеряли свой вес при дворе.

Шли недели, месяцы, а дело с произведением в статские советники и выдачей пенсии не решалось. Одно утешало: Ломоносову удалось всё-таки выздороветь, хотя и не полностью. В январе 1763 года он приехал в Академию, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. Но здесь его поджидал новый удар. Тауберт в отсутствие Ломоносова получил у президента Академии К.А. Разумовского ордер на передачу Географического департамента под начало академика Миллера.

Этот департамент был гордостью Ломоносова, его усилиями был превращён в образцовое научное учреждение. И вот теперь всё передавалось Миллеру. Последний никогда не скрывал своей неприязни к Ломоносову, а главное, по роду своих основных занятий, будучи историком, не мог с пользой для дела возглавить департамент, который занимался не только составлением карт, но и разработкой перспективных направлений в освоении богатейших угодий Российского государства. К чести Ломоносова, он призвал на помощь всю свою выдержку и в специальных записках в адрес Академической канцелярии, а также на имя президента академии Разумовского доказал незаконность своего отстранения от руководства Географическим департаментом. Документы подтверждают, что Ломоносов так и не передал управление департаментом, хотя Тауберт располагал уже соответствующим распоряжением, подписанным, правда, без ведома императрицы, в августе 1762 года, то есть в момент болезни Ломоносова. Бесчеловечность закулисных действий слишком была очевидной, поэтому, встретив решительный протест учёного и боясь широкой огласки, Разумовский и Тауберт вынуждены были отступить. Ломоносова оставили в покое, но ненадолго.

Мы не знаем всех подробностей внутриакадемической борьбы, однако хорошо известно, что давление на великого учёного со стороны Тауберта и Теплова усилилось с приходом к власти Екатерины II. Уже 2 мая 1763 года она подписывает распоряжение по Сенату: *«Коллежского советника Ломоносова милостливейше пожаловали мы в статские советники и вечною от службы отставкою с половинным по смерть его жалованьем»* [6, 541]. Внешне получалось, что императрица удовлетворила то, о чём просил Ломоносов ещё в июле 1762 года. Но тогда учёный был тяжело болен и почти не надеялся на восстановление сил. Теперь же, летом 1763 года, состояние здоровья улучшилось, он мог и хотел работать. И вот — отставка! Учёный пришел в ярость, отказался сдавать дела и в большом раздражении отбыл в своё имение под Петербургом. Всё это тотчас же было доложено во дворец, и, будучи очень осторожной, Екатерина II поняла, что поступила опрометчиво. Ломоносов был гордостью, славой русской науки, расправа над ним могла повредить репутации «просвещённой монархии», каковой очень хотелось прослыть расчётливой императрице в глазах европейской общественности. Указ, отменённый 13 мая, Ломоносов добивался дополнить новым проектом, где бы говорилось: *«...пожаловали мы нашего коллежского советника Михаила Ломоносова за отменное искусство в разных науках и за принесённую тем нашей Академии честь и пользу нашим действительным статским советником с произвождением годового жалованья по тысячи осьмисот рублёв и до наук надлежащие академические департаменты, кои по силе генераль-*

Дом М.В. Ломоносова на Мойке. Акварель. XIX век

ного регламента поручены были от президента по сие время в его особое смотрение».

Всё-таки победа осталась за Ломоносовым, но какими усилиями она добыта! Несколько ободрённый тем, что новый чин давал ему больше независимости, Ломоносов с прежней энергией старается претворить свои замыслы в реальные дела. Трудится над составлением российского атласа, значительную часть времени посвящает завершению мозаичных картин в домашней мастерской. Его увлекает также идея создания живописных картин на темы русской истории. Он набрасывает сюжеты для двадцати пяти картин, значительная часть которых должна была отражать легендарные и летописные эпизоды древней русской истории. Часть из них впоследствии была воспроизведена выдающимися русскими художниками (В.Васнецовым и др.).

Летом 1764 года произошло событие, беспрецедентное за всю историю русской науки и литературы в XVIII и XIX веках. В дом «статского советника и профессора господина Ломоносова» пожаловала сама Екатерина II, императрица государства Российского. Понятно, что визит должен был укрепить личную репутацию государыни. Но как бы то ни было, необычный визит подтверждал и заслуги Ломоносова.

Беседа государыни с хозяином дома прошла в непринуждённой обстановке и, видимо, не была чисто деловой, сопровождалась «откушиванием» домашних щей, приготовленных супругой Ломоносова, а также осмотром его мозаичной мастерской. Между тем учёный давно готовился к встрече с императрицей, чтобы изложить своё решительное несогласие с тем, как ведутся дела в Академии, в каком состоянии находится русская наука. Но разве об этом можно было говорить с «гостьей», какую мило прикинулась государыня? Рамки светского этикета исключали такую возможность. Всё свелось при встрече к обмену любезностями. Ломоносов получил даже приватное приглашение во дворец. «Щи у меня, — добавляла всесильная правительница, — будут такие же горячие, какими

*Визит Екатерины II к М.В. Ломоносову.
Рисунок. Вторая половина XIX века*

чив место адъюнкта академии, Шлецер повёл себя вызывающе. Всё сделанное до него в изучении русской истории, в том числе Ломоносовым, он счёл недостойным внимания. Свои же описания русской истории, основанные на теории норманнского происхождения славянских княжеств, Шлецер выдавал за образец подлинно научных изысканий. Вскоре обнаружился и тайный замысел новоявленного учёного — снять копии с древнейших рукописных документов и вывезти их в Гейдельберг. Узнав об этом, Ломоносов забил тревогу. Он обратился в Сенат с уведомлением о бесконтрольной передаче материалов русской истории в руки Шлецера, о недопустимости их вывоза за границу. Корыстные и даже преступные по отношению к государственным интересам России действия Шлецера и Тауберта получили, таким образом, огласку. Это затрагивало репутацию и «дворцового» президента академии графа К.Г. Разумовского, поскольку «конфуз» произошёл в подведомственном ему учреждении. Разумовский потребовал от Ломоносова объяснений, на каком основании он «утруждал» Правительственный Сенат в таком деле, которое относится якобы лишь к заботам президента академии. Ломоносов не утратился грозного запроса и дал такой ответ, в котором были посрамлены не только Шлецер, но и его высокие покровители. Шлецер, писал Ломоносов, был принят в академию «не токмо не в силу

потчевала нас ваша хозяйка» [6, 547].

Ломоносову, однако, было не до дворцовых визитов. Здоровье его ухудшалось с каждым днём, жизнь уходила, а ещё так много нужно было сделать! Между тем обстановка в Академии не становилась лучше. Напротив, замечая физическое угасание Ломоносова, противники его усилили давление. Последний и самый неприглядный эпизод произошёл с назначением Шлецера историографом Петербургской академии наук.

А.Шлецер, впоследствии известный историк, был приглашён в Россию в 1762 году из Германии буквально со студенческой скамьи Гёттингенского университета. Об этом постарались Миллер и Тауберт, стремившиеся закрепить своё господство в Академической канцелярии. Прибыв в Петербург и полу-

регламента» (то есть с нарушением правил академии. — *И.Ш.*), но и в «предосуждение российскому народу» [5, 329], так как получалось, что заняться российской историей никто из «природных россиян» не в состоянии. Главный же мотив, заставивший Ломоносова обратиться в Сенат, заключался в том, что Шлецер с презрением относился к стране, приютившей его, и даже намеревался вывезти с собою ценнейшие «манускриптов копии для своей корысти» [5, 330]. В этих условиях нельзя молчать, тем более что «не токмо в отсутствие ваше, — поясняет Ломоносов Разумовскому, — но и в бытность здесь вашего сиятельства мои вам представления, служащие ко всенародной пользе и к исправлению академического состояния, весьма укуснительно (то есть очень плохо. — *И.Ш.*) в действие производятся, а иные и вовсе без действия оставлены» [5, 331].

Это было прямое обличение в попустительстве. Так с придворными вельможами никто из академических служащих не отваживался разговаривать. Но Разумовский — не И.И. Шувалов. Он не терпел возражений из уст подчинённых, даже таких, как Ломоносов. Поэтому, словно в отместку за непочтение, президент оставил дело Шлецера без всякого внимания, хотя и было предписание Сената разобраться в нём. Ни Тауберт, ни Шлецер не понесли наказания за расхищение древнейших рукописей, а несколькими месяцами позже Шлецер был даже поощрён чином и жалованьем ординарного профессора с преимуществами. Всё это было сделано в обход академических правил и в пику Ломоносову. Враги торжествовали. Тогда-то и пришлось вспомнить о приглашении во дворец. Ломоносов задумывает встретиться с государыней, но, конечно, не для того, чтобы отведать вкусных царских щей: невозможно было более терпеть произвол правителей академии! Сохранились наброски плана, по которому учёный намеревался повести разговор с императрицей в случае, если приём состоится. В плане одиннадцать пунктов (подготовлены, видимо, ещё в марте 1765 года), среди которых есть и такие: «показывать свои труды...», «за то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого...», «ежели не пресечете (коварство недоброхотов русской науки. — *И.Ш.*), великая буря восстанет» [5, 154]. Подразумевалась, конечно, буря общественная. Но увидеть её Ломоносову так и не пришлось, как, впрочем, и побывать в апартаментах её величества с горестным докладом.

Долгие годы борений сказались на здоровье учёного. С января 1765 года обострились его недомогания. В академию он ездил редко, зная, что там, хотя и обходились с ним внешне почтительно, втайне радовались его угасанию. «Друг мой, — говорил он Якобу Штелину, — я вижу, что я должен умереть, и спокойно смотрю на смерть. Жалею только о том, что не мог я свершить всего того, что предпринял я для пользы отечества, для приращения наук, и теперь при конце жизни моей должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мной» [7, 58].

Однако в те часы, когда силы возвращались к великому человеку, он вновь приступал к действию и вновь — на пользу отечества. В последние месяцы Ломоносов обратился к выполнению своего последнего долга. Он решил написать историю Петербургской академии наук, открывая потомкам, всем доброжелателям России ту страшную правду о плачев-

ном состоянии отечественных наук, которую тщательно скрывали придворные.

Этот труд почти не известен широким читательским кругам, однако знать о нём надо бы и школьникам. Перед нами исповедь и страстный наказ великого учёного: не допустить надругательства над честью страны, сохранить и защитить от расчётливого выпалывания только что завязавшиеся ростки отечественной науки. От этих ростков зависело и будущее целого народа.

Конечно, существуют глобальные, объективные законы общественного развития, и каждый народ в конце концов выходит на ту дорогу, которая соответствует его потенциальным возможностям. Но это общее положение, которое не проявляет себя фатально, то есть не устанавливается как обязательное и неизбежное следствие. Очень многое зависит от «случайного», от действия *каждого*, в том числе и тех, которые поступают своекорыстно, в ущерб общим интересам. Нельзя с абсолютной уверенностью сказать, могут ли такие силы кардинально менять линию объективного национального развития вплоть до его полного искажения. Однако когда раздумываешь об эпохах монголо-татарского ига на Руси или гитлеризма в Германии, то такая мысль не кажется абсурдной. А в чём нельзя сомневаться, так это, пожалуй, в том, что корыстные, антипатриотические силы в определённые моменты могут достигать такого влияния на общий ход вещей в государстве, что перспективы его развития могут оказаться весьма смутными. Именно с таким ощущением умирал Ломоносов, анализируя всё то, что происходило с ним и с русской наукой в её главном штабе — Петербургской академии наук.

Ломоносов, конечно, верил в монархию, сильную власть двора, которую основал Пётр I. Но что такое монархия и двор сами по себе, без наук, производства, разумного использования природных богатств и последовательной борьбы за развитие творческих дарований народа? Между тем Петербургская академия наук, за исключением отдельных её членов, была не только далека от этих задач, но и сознательно тормозила их решение.

Сейчас невозможно читать без боли и волнения многие страницы «Краткой истории о поведении Академической канцелярии». В них крик души истерзанного человека, призыв понять смысл происходящего на маленьком, казалось бы, островке государства Российского, каким являлась Академия наук, как нечто исключительно важное для всей России, её будущего.

*Якоб Штелин фон Штроксбург.
Гравюра И.Штенглина по оригиналу
Г.Ф. Шмидта. 1762–1764 годы*

Оказывается, правда может быть не только обойдена, скрыта, «обижена», но и *попрана*, а зло, искусно маскируясь под добродетель, в состоянии хозяйничать, утверждать свои законы, десятилетиями помыкая истинной добродетелью и получая в этом поддержку власти. Страшное открытие сделал Ломоносов и решил обо всем рассказать откровенно. И вот мы узнаём, как бесчинствовали на протяжении тридцати лет в российской Академии наук Шумахер и Тауберт, как они систематически не допускали русских людей в академию, не давали им учёных должностей, выписывая из-за границы своих родственников и знакомых. Мы становимся свидетелями нескончаемого потока злоупотреблений, вплоть до присвоения Шумахером и его подручными казённых средств, предназначенных для обучения русских студентов, попыток вывезти за

границу древнерусские рукописи. Самое же поразительное в том, что «недоброхотам» наук российских удавалось скрыть свою бесплодность, создать видимость дела, большой активности якобы на пользу всенародных благ. Истинные же творцы науки подвергались гонению. Их чернили в глазах двора, обвиняли во всевозможных пороках, «необузданности» темперамента, тщеславии и т.п. Отсюда и трагедия Ломоносова, осознавшего невозможность развития русской науки в условиях, когда ключевые посты находились в руках иноземцев, а также людей, прислуживавших им. Ломоносов воспринимал это как величайшее национальное бедствие России, грозившее подточить её жизненные основы. Понятно, что перед нами не личная «вкусовая» реакция раздосадованного учёного, а прозрение патриота, посчитавшего своим долгом ударить в набат, предупредить общество, народ русский об опасности скрытого отторжения отечественных интеллектуальных сил от сфер просвещения и науки. Ломоносов был едва ли не единственным русским человеком XVIII столетия, который понимал, что политика национального геноцида в культуре и просвещении, насаждаемая иноземцами, несёт смерть

*М.В. Ломоносов. Бюст работы Ф.И. Шубина.
1793 год*

и разрушение русскому народу в ближайшей исторической перспективе. Вот почему он с такой подробностью и тщательностью характеризует не только злоупотребления шумахеров и таубертов, но и тактику, приёмы их смертоносного двурушничества.

Как выяснилось впоследствии, тревога учёного была небеспочвенной. В новых исторических условиях другому мыслителю и художнику пришлось уже во вселенском масштабе поставить вопрос о легионах «миметизма» (приспособленчества), демонах зла, разрушающих то тут, то там под флагом борьбы за прогресс основы национального благополучия. Я имею в виду ярко выписанный образ профессора Грацианского (роман Л.Леонова «Русский лес»), изощрённая деятельность которого направлена на уничтожение богатств родины и её истинных учёных (профессор Иван Вихров), обеспокоенных судьбами отчизны. Всё это говорит о том, что Ломоносов не случайно обратился к проблеме, решение которой растянулось на целые столетия. И лишь в контексте «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» становится понятна глубокая скорбь великого учёного, выраженная в стихотворном переложении (1743) одного из библейских псалмов. Там мы находим следующее обращение к Богу:

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой;
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.
Вещает ложь язык врагов,
Десница их сильна враждою,
Уста обильны суетою;
Скрывают в сердце злобный ков.
Но я, о Боже, возглаголю
Тебе песнь нову повсечасно;
Я в десять струн тебе согласно
Псалмы и песни приношу.
.....
Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти:
Их речь полна тщеты, напасти;
Рука их в нас наводит лук [3, 152].

«Чужой народ» — это, конечно, не только иноземцы, получившие неограниченную власть в Петербургской Академии наук, хотя их происки дали основу для образа «чужих народов власти», но и вообще те отечественные приспособленцы, которые так или иначе способствовали ослаблению, а в иных случаях и закабалению родины. Историческая заслуга и величие Ломоносова в том, что он сумел провозгласить идею патриотизма во всех деяниях человека, в том числе в русле научных и культурных преобразований, как основную идею развития страны и государства. Услышат ли её потомки?

До конца Ломоносов не был понят своими современниками. Он умирал, мучимый сомнениями. В такие минуты казалось, что «беречь нечего», всё погублено недоброхотами и «нет к лучшему надежды».

Оставалось лишь упование на «всемилоштивейшую государыню», которая, «может быть, рассмотрит и отвратит сие несчастье. Ежели ж оно не воспоследует, то верить должно, что нет божеского благоволения, чтобы науки возросли и распространились в России» [5, 91]. Эти строки свидетельствуют о том, что великий учёный и патриот умирал не только от физических страданий...

Жизнь Ломоносова оборвалась 4 апреля (по старому стилю) 1765 года, когда ему не было даже пятидесяти четырёх лет. И всё же о себе он не скорбел. «...Я не тужу о смерти, — записал он перед кончиной, — пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют» [4, X, 357]. Так оно и случилось. Смерть его болью отозвалась в сердцах многих русских людей, они чувствовали, хотя и не осознавали во всём объёме, значение деятельности Ломоносова, что ушёл из жизни не просто выдающийся человек, но и защитник, символ русского патриотического начала. «С болезнию сердец тебя воспоминаем, гробницу зря твою слезами орошаем», — писал о своём учителе поэт И.Голеневский. Современники свидетельствовали, что хоронили великого учёного при огромном стечении народа. Больше всего было простых людей. И это понятно: жизнь и деятельность Ломоносова вдохновлялась мыслью о народе и отдана на алтарь его будущего развития.

Примечания

288

1. Пушкин А.С. О литературе. М., 1962.
2. Некрасов Н.А. Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1953.
3. Ломоносов М.В. Стихотворения. М., 1984. С. 138. Далее цитаты, кроме оговоренных, приводятся по этому изданию с указанием в квадратных скобках номера и страницы.
4. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1959.
5. Ломоносов Михайло. Избранная проза. Изд. 2-е, доп. М., 1986.
6. Цит. по: Морозов А. Ломоносов. М., 1965.
7. М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / Сост. Г.Е. Павлова. М.; Л., 1982.

Геннадий ГОРЛАНОВ

«ЛИТЕРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ МОЯ ЖИЗНЬ...»

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В.Г. БЕЛИНСКОГО

Геннадий Elizарович Горланов родился в 1941 году в городе Пензе. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского, аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина.

С 1966 года по настоящее время работает в Пензенском государственном педагогическом университете. С 1986 года — декан филологического факультета.

Печатался в журналах «Октябрь», «Волга», «Литература в школе», «Сура». Автор одиннадцати литературоведческих и двенадцати поэтических книг.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова. Автореферат его докторской диссертации о Лермонтове есть в Интернете.

Член Союза писателей России.

В 1848 году в один из последних дней мая в самой дешёвой части Волкова кладбища хоронили какого-то бедняка. Провожающих в последний путь было немного, около двадцати человек, из них пять-шесть писателей (Некрасов, Грановский, Панаев...). Речей не произносили. После свершения положенного в таких случаях панихидного обряда опустили гроб в сырую могилу, и над могильным холмиком вырос обычный деревянный крест. Трудно в это поверить, но хоронили одного из великих сынов России, чьё имя составит славу и гордость Отечества.

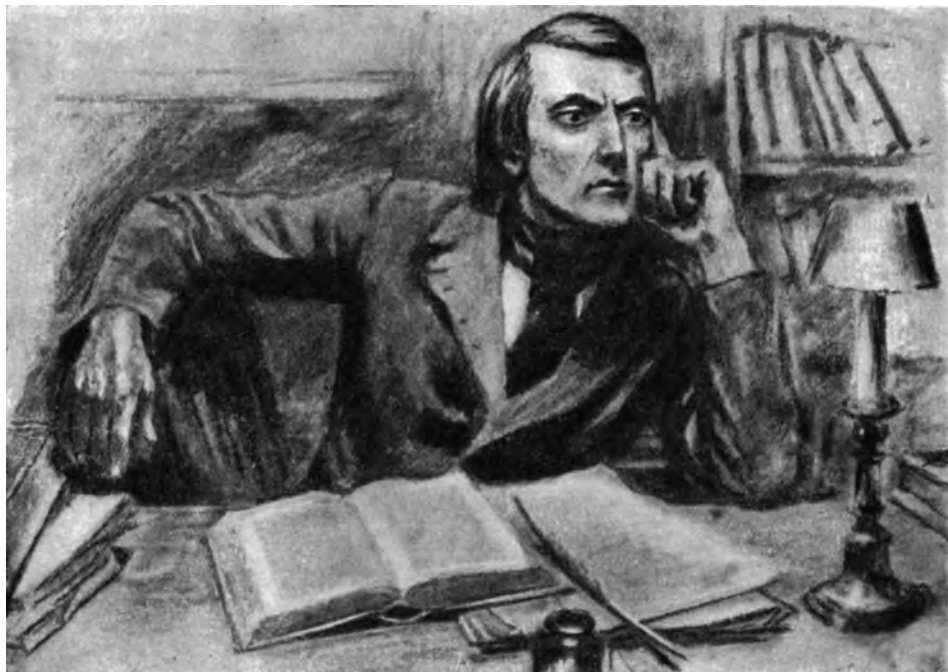
Об этих похоронах никто бы не знал, если бы не было несколько коротеньких некрологов в журналах «Отечественные записки» и «Современник», где в разные годы работал умерший. Вот сообщение журнала «Современник» того далёкого от нас 1848 года. В шестом номере, в разделе «Смесь», читаем: «*В Петербурге, 26 мая в 5 часов утра, после продолжительной болезни скончался известный литератор Виссарион Григорьевич Белинский, на 39 году от рождения. Литература составляла исключительное его занятие и была для него единственным средством к существованию. Плоды его непрерывной осьмнадцатилетней деятельности весьма*

многочисленны. Без сомнения, невозможность прекратить занятия, при упадке сил, было одною из главных причин пагубного действия чахотки, которая при условиях более благоприятных, может быть, и не обнаружила бы столь решительного быстрого влияния, если взять в соображение лета покойного».

В самом деле, за столь короткое время им было сделано очень много. И не за 38 лет, как ошибочно сообщает «Современник», а за 37 лет (год его рождения ошибочно относили к 1810 году). При этом необходимо учесть всяческие преграды, воздвигаемые при публикации статей. В то время как соратники и единомышленники, вся передовая общественность с чувством глубокой скорби переживали обрушившееся на них горе, официальные правительственные круги с радостью восприняли известие о кончине ненавистного им свободолюбца. Власти запретили издавать сочинения и даже упоминать его имя в печати. «Неистовый Виссарион» и после смерти был для них страшен. За одно только чтение знаменитого письма Белинского к Гоголю военный суд приговорил многих петрашевцев к каторжным работам и ссылке в Сибирь.

Однако, как ни старалось жандармское III отделение, заглушить смелый голос крамольного сочинителя не удалось. Память о нём постоянно жила в сердцах лучших людей страны. Известный методист русской литературы и педагог, участник торжественного совещания в Пензе В.П. Острогорский в мае 1898 года в честь 50-летия со дня смерти Виссариона Григорьевича оставил любопытные воспоминания о гимназических годах. «Гимназистами, — вспоминает Виктор Петрович, — мы читали Белинского украдкой. В старших классах мы уже знали всего Белинского, хотя имя это не могло ещё проникнуть в гимназические программы. Но мы его и в гимназии слышали. Однажды мой учитель в 3-й гимназии, Стоюнин, пришёл в класс подготавливать нас к экзамену. “Знаете ли, какой сегодня день? Сегодня — двадцать шестое мая, годовщина смерти Белинского!” Мы знали, мы были подготовлены и услышали в гимназии живое, убеждённое слово Стоюнина, того Стоюнина, которого вместе с Ушинским, Пироговым и Водовозовым нужно считать преемником Белинского в области русской педагогики, куда они внесли идеи и заветы великого критика».

Родословная В.Г. Белинского по отцовской линии связана с Пензенским краем. Его отец, Григорий Никифорович Никифоров, выходец из семьи священнослужителя, жил в селе Белыни Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии. Поступив в 1797 году в Тамбовскую духовную семинарию, он получает фамилию по родному селу — Бельнский. Сын же его, Виссарион, при поступлении на учёбу в Московский университет слегка смягчил свою фамилию, заменив неблагозвучное «ы» на мягкое «и». Юного Григория из Белыни не удовлетворяла перспектива священнослужителя, он мечтал о медицине. Упорство способного юноши в достижении своей цели вознаграждено: он становится студентом Петербургской медико-хирургической академии. После окончания учёбы

Молодой Белинский. Рисунок Б.Лебедева. 1947 год

он получает назначение в Кронштадт, корабельным лекарем. Молодой врач женится здесь на дочери флотского офицера Марии Ивановне Ивановой. Вскоре супруги переезжают в крепость Свеаборг, где и родился 30 мая (11 июня) 1811 года их первый сын Виссарион. Будучи военным врачом, Григорий Никифорович участвовал в Отечественной войне 1812 года, за мужество получил серебряную медаль на голубой андреевской ленте, а после изгнания французских захватчиков с русской земли, в 1816 году, переезжает с семьёй на родину и поселяется в Чембаре, получив должность уездного штаб-лекаря.

Виссарион любил свой тихий и зелёный городок, любил бродить по его окрестностям, собирая вместе с отцом лечебные травы и цветы, привязанность к которым сохранил на всю жизнь. Грамоте сын штаб-лекаря учился у частной преподавательницы Е.П. Ципровской и у своего отца. Вскоре его любимым занятием стало чтение книг. В 1822 году он поступил учиться в только что открывшееся уездное училище. Учился мальчик с большим желанием, получал похвальные листы «за успехи и прилежание». О степени подготовленности будущего критика можно судить по «Заметкам для биографии Белинского» автора популярного романа «Ледяной дом» И.И. Лажечникова, работавшего в 20-е годы директором училищ Пензенской губернии. «Во время делаемого мною экзамена, — пишет Иван Иванович, — выступил передо мною мальчик лет 12-ти... смотрел он очень серьёзно. На все делаемые ему вопросы он отвечал скоро, легко, с такой уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал большей

частью своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казённом руководстве... Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывной цепью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством».

Архивные документы доказывают талантливость его преподавателя Авраама Александровича Грекова, получившего хорошее по тем временам образование в лучших учебных заведениях. В чембарский период молодой Виссарион читал М.В. Ломоносова, И.И. Дмитриева, М.М. Хемницера, В.К. Третьяковского, Г.Р. Державина, И.Ф. Богдановича, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина и др. Словом, уже в те годы Белинский был осведомлён о писателях XVIII века, что помогло ему впоследствии в написании статей об их творчестве.

Учёба в Пензенской гимназии знаменует следующий этап накопления знаний (1825–1828). Учился он охотно и упорно, очень много занимался самостоятельно. Кстати, обучаясь в старшем классе, он давал уроки будущему знаменитому лингвисту Ф.И. Буслаеву. Вместе с тем целеустремлённый и начитанный юноша перерос своих наставников. В 1828 году он не стал держать переводного экзамена, а приступил к самостоятельной подготовке в университет. В середине августа 1829 года Белинский вместе с дальним родственником отправился в Москву. Ехали они через Нижний Ломов, Старую и Новую Рязань, Коломну и Бронницы. Для провинциала из Чембара всё было интересно и ново. Любовался он реками Цной и Окой, окрестностями Коломны. Свои впечатления от увиденного Белинский описал в письме к А.К. и Е.Н. Ивановым, которое он озаглавил «Журнал моей поездки в Москву и пребывание в оной». Вот какие впечатления остались у него от проезда через Коломну: «...Наконец, мы выехали (из Рязани. — Ред.) и через день или два приехали в Коломну (уездный город Московской губернии).

Коломна хуже Рязани, но лучше Пензы, и вся состоит из двух- и трёх-этажных домов. В ней живёт по большей части купечество. Мы только проезжали через этот город. Он имеет порядочную крепость, но услужливые господа французы разорили оную, и теперь она находится в самом жалком положении».

Поразила юношу Москва с её историческими памятниками, о которых читал в книгах. В письмах на родину он восторженно делился своими впечатлениями: «...Из всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, озаменованный печатью священной древности, и зато нигде сердце русского не бьётся так сильно, так радостно, как в Москве».

С осени 1829 года Белинский становится студентом престижного учебного заведения. Бурно проходила жизнь в Московском университете. Студенческая молодёжь объединялась в кружки, горячо откликалась на все общественно-политические и литературные события. В дружеской товарищеской среде приобретались всё новые и новые знания. «Мы часто бываем вместе, — писал студент Белинский в Чембар Ивановым, — судим о литературе, науках и других благородных предметах и всегда расстаёмся с новыми идеями». В декабре 1830 года Белинский

*В.Г. Белинский читает «Дмитрия Калинина» в кружке студентов.
Акварель В.Милашевского. 1938 год*

написал драму «Дмитрий Калинин». Задумана она раньше, ещё в годы учёбы в Пензенской гимназии, а материалом для содержания послужила чембарская действительность. Автор читал своё произведение в течение нескольких вечеров близким товарищам. Одобрённая в кругу студентов-единомышленников «Литературного общества 11-го номера», драма «Дмитрий Калинин» в январе 1831 года была представлена в цензурный комитет, куда входили университетские профессора. С драмой автор связывал свои надежды избавиться от казённого кошта и поправить материальные дела, но последствия сложились совершенно по-другому, когда юноша принёс в цензурный комитет университета свою вольнолюбивую пьесу. Участь его была решена. «Выходка» студента не могла пройти незамеченной для руководства университета. При первом же неблагоприятном случае автора «безнравственной драмы» исключили из университета.

В.Г. Белинский.
Рисунок Б.Лебедева. 1947 год

ности, а более всего некоторая твёрдость в характере — не дадут мне погибнуть. Не только не жалею о моих несчастиях, но ещё радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастия есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня».

Весной 1833 года Белинский сблизился с известным критиком, редактором журнала «Телескоп» и приложения к нему газеты «Молва» Н.И. Надеждиным, который, почувствовав в юноше незаурядное дарование, предложил сотрудничать в его журнале. На первых порах молодой журналист писал небольшие библиографические статьи и занимался переводами. Первые публикации вышли у него в 1831 году (стихотворение «Русская быль» в журнале «Листок» и рецензия на брошюру о «Борисе Годунове» А.С. Пушкина). Обнаруживший блестящие способности, он уже через год стал во главе критического отдела журнала. Давая обстоятельный обзор развития литературы от Ломоносова, Фонвизина, Державина до Пушкина и Гоголя, автор выдвигает проблему народности творчества. Высоко оценивая произведения писателей XVIII века, он отмечает вместе с тем их историческую ограниченность, сказавшуюся в изображении жизни не народа, а только «общества», под которым разумелось дворянство. К писателям народным причислялись Г.Р. Державин и И.А. Крылов, много тёплых слов было сказано в адрес Д.И. Фонвизина и издателя Н.И. Новикова. Смело отстаивая свои концепции, он не останавливается перед великими авторитетами и отказывает в народности Сумарокову, Хераскову, Брамбеусу (Сенковскому), Кукольникову, идя таким образом вразрез устоявшимся мнениям в литературе. К истинным талантам были отнесены Грибоедов и Пушкин. Сотрудничество в «Телескопе» принесло Белинскому широкую известность талантливого литературного критика, статьи которого сыграли огромное значение в развитии отечественной литературы.

Идея народности в «Литературных мечтаниях» тесно связывалась со всеобщим просвещением русского народа, который, по мнению автора,

Наступила, пожалуй, самая тяжёлая полоса творческой биографии Белинского — он остался без всяких средств к существованию, не имел документа об окончании учебного заведения для устройства на более или менее сносную работу. Перебивался он случайными заработками, жил впроголодь. Вот здесь-то особенно сказались его волевые качества. В письме к матери от 20 сентября 1833 года он сообщает: «Я нигде никогда не пропаду. Несмотря на все гонения жестокой судьбы — чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опыт-

обладал умом, трудолюбием, он «усерден и горяч ко всему благому и прекрасному». Такой взгляд на русский народ для тридцатых годов был смелым, расходящимся с официальной трактовкой идеологов крепостничества и самодержавия о якобы природном превосходстве дворян над крестьянами. В статье есть не только мечты о будущей просвещённой России, но и вера в её осуществление: *«Придёт время, просвещение разольётся в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа».*

Мысли о народности, выдвинутые в «Литературных мечтаниях», критик продолжал развивать в последующих статьях, опубликованных в 1835–1836 годах: «О русской повести и повестях г. Гоголя», «Стихотворения Владимира Бенедиктова», «Стихотворения Кольцова» и др. Этапной в этот период стала статья «О русской повести и повестях г. Гоголя», опубликованная в журнале «Телескоп» в 1835 году. Великому сатирику посвящено двадцать специальных статей и рецензий, не считая упоминаний о нём в других работах. По мнению Н.Г. Чернышевского, статьи критика занимают в русской литературе «столь же важное место, как произведения самого Гоголя».

Отмеченные глубокими мыслями и тонкими наблюдениями, статьи Белинского, публиковавшиеся в надеждинском «Телескопе» и «Молве», имели огромное прогрессивное значение. Смелость, с которой он отстаивал свои демократические взгляды, приветствовалась передовыми людьми и вызывала яркую ненависть сторонников официальной идеологии. За сравнительно короткое время имя его приобрело широкую известность, к нему особенно прислушивалось студенчество.

Правительственные круги сделали всё, чтобы расправиться с неблагонадёжным журналом. Осенью 1836 года «Телескоп» был закрыт. Оставшись без журнала, Белинский лишился почти всех материальных средств. В конце 1839 года в поисках работы Виссарион Григорьевич переезжает в Петербург и становится сотрудником журнала «Отечественные записки», редактором которого был А.А. Краевский, возглавив отдел критики. *«Я теперь в новой крайности, — делится он своими мыслями с друзьями, — это идея социализма. Которая стала для меня идеєю идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Всё из неё, для неё и к ней... Социальность, социальность — или смерть! Вот девиз мой».* Критик пересмотрел свои мировоззренческие взгляды по отношению к философии Гегеля, не принял пассивный характер философии Фейербаха. Он выступал самостоятельным мыслителем, шедшим иным путём, нежели западноевропейские мыслители. «Отечественные записки» за короткое время превратились в боевую трибуну, гуманистическую трибуну передовых людей России.

С переездом в Петербург начался новый этап жизни и творчества великого критика. За семь лет работы (1839–1846) в «Отечественных записках» он превратил журнал в один из самых популярных в стране. Здесь им опубликованы сотни рецензий, множество статей, из которых следует выделить «Бородинскую годовщину», «Горе от ума», «Речь

о критике», «Герой нашего времени», «Стихотворения М.Лермонтова», «Сочинения Александра Пушкина»; кроме того, из-под его пера выходили обзоры русской литературы за 1840–1845 годы. Обращает на себя внимание многообразие жанров: годовые историко-литературные обзоры, монографический анализ отдельных произведений («Горе от ума», «Герой нашего времени»), критико-биографический очерк; не забывал он и художественную литературу для детей, и зарубежную литературу. В «петербургский период» он окончательно утвердился на позициях реализма в литературе и материализма в философии, преодолев влияние идеалистической философии Гегеля, выразившейся в формуле «что действительно, то разумно, что разумно, то действительно», приводившей ранее к ошибочному выводу о «примирении» с социальными порядками в самодержавно-бюрократической России. Твёрдая вера в силу своего народа, сама русская действительность, переполненная противоречиями между имущим и бедным людом, способствовали завершению формирования его материалистических и революционно-демократических убеждений.

Гениальным явлением для Белинского оставался А.С. Пушкин. Критик занимался изучением творчества поэта как учёный-мыслитель, готовивший монументальный титул под общим названием «Сочинения Александра Пушкина»: с 1843 по 1846 год им опубликовано одиннадцать статей, в которых анализируется не только творчество Пушкина, но и литературный процесс допушкинской и пушкинской эпохи. Надо сказать, что и сам поэт обратил внимание на Белинского ещё со времени выхода «Литературных мечтаний»: в 1834 году, в сущности, это была первая статья начинающего критика. Александр Сергеевич пытался увидеть автора статьи, приехав в Москву, но, не сумев это сделать, уже из Петербурга, через П.В. Нащокина послал Белинскому в Москву первый том «Современника». *«Я оставил у тебя два порожних экземпляра “Современника”, — писал Пушкин Нащокину 2 мая 1836 года, — один отдай князю Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от наблюдателей. — П.В.) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидаться».* Позже Пушкин приглашал Белинского сотрудничать в его «Современнике». Однако гибель поэта на дуэли прервала сношения между ними. Печальное известие вызвало приступ негодования критика по поводу злодейской расправы над поэтом. *«Бедный Пушкин! — возмущённо писал критик издателю Краевскому 4 февраля 1897 года, — вот чем кончилось его поприще! Один истинный поэт был на Руси, и тот не совершил вполне своего призвания. Худо понимали его при жизни, поймут ли теперь...».*

Белинский обладал несомненным эстетическим чутьём и большой силой интуиции. Он умел безошибочно открывать дарования. Ему мы во многом обязаны открытием Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова. Причём славу последнему он предсказал, не зная первоначально его имени, когда 30 апреля 1838 года в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» была опубликована «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Песня сразу же обратила на себя внимание критика. *«Не знаем имени автора этой песни, — писал он в “Московском наблюдателе”, — но если это первый опыт молодого поэта, то не боимся попасть в ложные предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и само-бытное дарование».*

«Предсказатель» не ошибся. Вскоре критик узнал имя автора «Песни... про купца Калашникова», познакомился с новыми стихами поэта, публиковавшимися на страницах «Отечественных записок». Каждое стихотворение Лермонтова производило огромное впечатление на Белинского, наталкивало на раздумья, заставляло по-новому посмотреть на окружающий мир и на своё понимание искусства. Вскоре критик упоминает имя Лермонтова в печати в апреле 1839 года по поводу опубликованных в «Отечественных записках» стихотворений «Дума», «Поэт», «Не верь себе» и других, а также повести «Бэла» (она появилась в журнале в марте 1839 года с подзаголовком «Из записок офицера о Кавказе»). *«На Руси явилось новое могучее дарование, — восторженно делился впечатлениями критик. — Пушкин умер не без наследства».*

Белинский был едва ли не единственным, защитившим талант Лермонтова от нападок и со стороны славянофилов, и со стороны западников. Как невозполнимую утрату воспринял он подлое убийство поэта в горах Кавказа.

Трагедия для русской литературы была тем острее, что поэт погиб в начале своего творческого пути. А сколько мог он ещё сделать во славу любимого Отечества. *«Мы лишились в Лермонтове поэта, который по сохранению шагнул бы дальше Пушкина»*, — с горечью сожалел критик в письме В.П. Боткину в марте 1842 года. Он задумал написать большую итоговую работу о своём писателе-земляке, но замыслу, к сожалению, не суждено было свершиться. Однако и то, что сделал Белинский, — значительно. В сущности, его основные мысли о Лермонтове не потеряли своей актуальности: он и в наши дни остаётся непререкаемым авторитетом в изучении наследия великого русского писателя.

Своим гуманным отношением к народу, последовательным отстаиванием демократических позиций Белинский являл образец честного и справедливого борца. Сам он смело заявлял: *«Я — в мире боец — литературе российской моя жизнь и моя кровь!»* Откровенность и прямота этого особенного человека проявлялись не только в правдивых критических статьях, но и в отношениях с людьми. Ни в чём и никогда он не отказывался от своих убеждений. Когда его близкий товарищ К.С. Аксаков стал изменять своим бывшим демократическим взглядам и заигрывать перед консерваторами, как полагал критик, то он порвал с ним всяческие отношения. Так получилось и с В.П. Боткиным, примкнувшим к теоретикам «чистого искусства». В статье «Стихотворения Владимира Бенедиктова» дан уничтожающий разбор творчества Бенедиктова, одного из любимцев читающей публики середины 30-х годов. Принципиальность не позволила ему отмаливаться по поводу книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» — появилось его гневное «Письмо к Гоголю».

*В.Г. Белинский, Н.А. Герцен, А.И. Герцен и П.В. Анненков в Париже.
Рисунок Б.Лебедева. 1947 год*

Не во всех своих помыслах и действиях, как показывает время, прав был «неистовый Виссарион», но в стороне от литературных баталий он никогда не оставался, не отказывался от своих принципов в угоду меняющейся конъюнктуре. «*В этом застенчивом человеке, — с восхищением вспоминал автор “Былого и дум” А.И. Герцен, — в этом хилом теле обитала мощная гладиаторская натура! Да, это был сильный боец!*..» Ни один журнал того времени не имел такого огромного влияния на развитие общественной мысли, как «Отечественные записки» в период сотрудничества в них Белинского. Вдохновенными статьями критика зачитывались все лучшие люди России. Особенно Белинского любила молодёжь. Он был её учителем и знаменем. В истории русской литературной критики и публицистики, пожалуй, не найдётся такого литератора, который бы так влиял на мнение читателей о русских писателях, который бы так умело и страстно управлял литературным процессом эпохи. Чернышевский и Добролюбов называли его своим учителем. Были все основания у Н.А. Некрасова сказать:

...Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени...

В 1846 году из-за обострившихся разногласий с либералом-издателем Краевским критик уходит из «Отечественных записок». В это время Н.А. Некрасову и И.И. Панаеву удалось приобрести право на издание пушкинского журнала «Современник». Друзья пригласили Виссариона Григорьевича в качестве редактора критического отдела. О таком сча-

стве можно было только мечтать. Заметно подорвавший своё здоровье, Белинский с прежним темпераментом включился в работу. Меньше чем за два года он публикует в журнале годовые обзоры русской литературы за 1846 и 1847 годы, статьи о «Мёртвых душах» и «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, более тридцати других статей и рецензий. Не без влияния критика в «Современнике» печатались «Обыкновенная история» И.А. Гончарова, «Записки охотника» И.С. Тургенева, «Из записок доктора Крупова» А.И. Герцена, «Антон Горемыка» Д.В. Григоровича, вошедшие в золотой фонд отечественной литературы. За короткое время журнал завоевал широкую популярность у читателей. Перед критиком открывались новые заманчивые горизонты, но лететь туда он уже не мог — подорванное изнурительной работой здоровье заметно ухудшилось. Весной 1847 года по настоянию друзей и врачей он едет на лечение в Германию, в Зальцбрунн. Ему удалось поправить здоровье, но ненадолго.

В первое время, перенося тяжёлую боль, он продолжал работать над статьями, а когда рука перестала повиноваться его желаниям, на помощь пришла жена Мария Васильевна, записывая последние мысли несдающегося критика.

Не более пятнадцати лет работал в литературе Виссарион Григорьевич, но наследие после себя оставил обширное. Собрание его сочинений вместе с письмами составляет тринадцать обширных томов. Он разработал, по сути дела, новую систему взглядов, открыл широкому кругу читателей новые писательские имена, растолковав значимость их произведений; внёс новые толкования в основные литературоведческие понятия, способствовал превращению художественной литературы и критики в боевое орудие борьбы с нравственным злом. В условиях крепостнической русской жизни 40-х годов слово Белинского было ярким лучом надежды на лучшее будущее России. Его мнением дорожили все писатели, поэты, драматурги, а собратья-единомышленники относились к нему как к высшему непререкаемому авторитету. Сила его передовой мысли и гражданского точного слова дошла до нашего времени и переживёт нас. А научные воззрения навсегда останутся маяками, по которым будет следовать корабль нашей отечественной литературы.

* * *

Мы свидетели и вершители этого желанного времени, которое предсказывал Белинский. Не найдётся сейчас такого дома, где бы не знали славного имени великого сына нашей страны. В 1938 году в доме, где прошли детские годы Виссариона Григорьевича, открыт литературно-мемориальный музей, а в 1969 году он преобразован в музей-усадьбу. Особенно много сделано по увековечению памяти критика в 1948 году: воздвигнуты памятники в Москве и Ленинграде, установлены бюсты в Чембаре (ныне г. Белинский, центр одноимённого района Пензенской области) и Пензе, выпущено (1948–1953) полное собрание сочинений и писем В.Г. Белинского, выходили сборники статей филологов... Идеи критика, способствовавшие утверждению великой национальной культуры России, поныне близки и дороги многим россиянам, неравнодушным к судьбе своей Отчизны.

БИБЛИОТЕКА

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЛОМЕНСКОГО ТЕКСТА

Лажечников И.И. Беленькие, чёрненькие и серенькие. Повесть. Коломна: Лига, 2010. — 302 с.: илл.

Ивана Ивановича Лажечникова традиционно считают выдающимся романистом. А ведь его мемуарная проза нисколько не хуже, а пожалуй, и лучше романов по своему художественному качеству. Обидно, что до сих пор коломенцы практически не знали колоритнейшую книгу «Беленькие, чёрненькие и серенькие», довольствуясь лишь отрывками, цитируемыми в краеведческой литературе.

И вот наконец при поддержке НП «Город-музей» книга вернулась в первоизданном блеске, освобождённая от искажений цензуры, снабжённая подробным комментарием В.Викторовича и А.Бессоновой — своеобразным литературным путеводителем по лажечниковской Коломне.

Макет книги с любовью подготовлен издательским домом «Лига». Томик, как и первое прижизненное собрание Лажечникова, — небольшого формата, в переплёте, стилизованном под старину, бумага — желтоватая, словно с печатью времени, шрифт — середины XIX века. Издание дополняют иллюстрации в духе ампира (художник П.Зеленецкий). Предусмотрена даже такая деталь, как ляссе — золотистая лента-закладка.

Берёшь эту книгу в руки — словно кусочек заколдованного времени ложится в ладонь. Она стала первой в серии «Коломенский текст». А значит, будут и другие тома, полные пленительной коломенской старины.

Андрей Вадимович Грунтовский родился в Ленинграде в 1962 году.

Автор шести книг поэзии, нескольких книг в прозе. В области литературоведения наиболее известна книга «Материк Россия».

Публиковался в «Роман-журнале», «Молодой гвардии», «Встрече», «Авроре» и др.

Работает в Александровской лавре художественным руководителем лаврского культурного центра, где создал первый в Санкт-Петербурге профессиональный православный театр. Ведёт постоянный семинар для православных поэтов.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Андрей ГРУНТОВСКИЙ

СЛОВО О РУБЦОВЕ

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

**«...И... мир устроен
грозно и прекрасно...»**

Предисловие

...Быть может, всё чудо Рубцова только в том и состоит, что он сумел передать ощущение благодати Божией, разлитой в природе и человеке. Не удумать об этом, не вычитать где-то, не имитировать, как иные стихослагатели, а ощутить и выразить. Причём благодати не только вечной (ведь не в раю живём), а и колеблющейся, здешней — готовой вот-вот отойти от грешной Руси.

«Россия, Русь! Храни себя, храни!..», «Боюсь, что над нами не будет таинственной силы...» — это ведь у Небесной Руси благодать не пройдет, а у земной — вот оно, творится...

В глубокой древности искусство (а здесь мы говорим о поэзии) и религия представляли собой единое целое. Благодатная особенность русской поэзии в том, что и по сейчас является она поприщем стяжания Святаго Духа.

В нынешние времена, когда благодать от Руси отходит видимым уже образом, почувствовать «святой остаток» не просто. Оттого и припадаем мы к поэзии Рубцова, чтобы причаститься той, благодатной ещё Руси. Что ждёт Русь в будущем? И туда заглядывал Рубцов — туда, за обрыв, где: «Как странно по-

висли и грустно // Во мгле над обрывом безвестные ивы мои...» Быть может, и его призыв зачтется наряду со святыми молитвами. Как поётся в древнем духовном стихе о Василии Великом:

Ай, Василий Великий, Кесаримский чудотворец!
А твои-то молитвы, яко лютые
стрелы ко Господу Богу прилетают...

Рубцов ещё во многом не прочитан. Отнюдь не только десяток-другой постоянно цитируемых стихов делают Рубцова Рубцовым. Почти всё его зрелое творчество носит печать необычайной, не проявленной до конца благодати...

«Последняя сказка»

Слово первое

Январь — месяц Рубцова. Третьего января — Приход, девятнадцатого — Уход. Тридцать пять лет жизни и тридцать лет после того, как... Отчего же не оставляет и крепнет всё более любовь наша к рубцовскому слову? Отчего чем тяжелее Русской земле, тем яснее и отчётливее тяга к Рубцову? Какое стечение времён и событий, какой такой перст Божий сделал Николая Михайловича Рубцова русским национальным поэтом?

Что есть поэзия Рубцова? Что такое вообще русская поэзия? Чтобы приблизиться к ответам, необходимо оглянуться — и не на миг — на всю многотысячелетнюю историю русской словесности, постичь её образы, уверовать в её идеалы... Мы не дерзаем в кратких заметках проследить этот путь. Да и готово ли современное литературоведение проделать его? Но путь этот — если думаем мы о завтрашнем дне русской поэзии — пройти должно.

Давайте сделаем хоть пару шагов, снимем первый слой: взглянем на поэзию Рубцова глазами фольклориста (и для примера один стих — «Прощальная песня»)... Вот они — знаковые образы, за каждым стоит его генетический пласт: определённая фольклорная традиция. Образы, о которых так туманно (как кажется несведущему) писал когда-то Есенин в своих статьях. Образы-символы, связующие судьбу и слово Рубцова с традиционной народной культурой. Образы суть истинное содержание поэзии, её сакральный язык, отнюдь не форма.

Образ *ребёнка* — образ продления рода, воскресения, спасения души (что дано здесь через поэтику колыбельной). Образ спасения расширяется: *колыбель, лодка, ковчег*. Отсюда образ перехода в иной мир: *река, пристань, пароход*... Образ *Сада* (Благодати, догреховного состояния): сад, цветы, дерево, срубленное дерево — пень. Образ *искушения*: грехопадение, запретный плод. Образ *отъезда*, прощания: изгнание из рая, погибель, смерть, покаяние. Образ *птицы* — связь горнего и дольного (по народным представлениям птицы на зиму улетают в рай, уносят человеческие души и т.п.). Образ *матери* как средоточие рода и Родины (у Рубцова — погибшей матери, то есть подрубленного рода, погибающей

Родины). Вся Россия, со всем её прошлым и будущим, стала матерью для Рубцова. Неразрывно с этим и образ *церкви* (у Рубцова — заброшенной, обрушившейся): церкви-матери, церкви-ковчега, церкви-сада. Эти образы имеют своё происхождение в духовном стихе, в протяжной лирической и обрядовой песнях, в притче, в духовной легенде...

Прислушаемся:

Я уеду из этой деревни,
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Мать придёт и уснёт без улыбки,
И в безрадостном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Слышишь, ветер гудит по сараю,
Слышишь, дочка смеётся во сне...
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...

В народном сознании сон ребёнка оберегают особые мифологические существа: Сон да Дрёма, а также небесные силы: ангелы, Богородица... Так сложилось на Руси издревле, что христианская культура не вытеснила дохристианскую, а вовлекала её в свой внутренний мир:

...Сон идёт по очепу,
А Дрёма по лучикам...
...Баю, баиньки-баю.
Не ложися на краю...
...А на завтре Мороз
тебя стянет на погост...
...Не пугайся, Ваня мой,
Богородица с тобой...
Спи со ангелами,
Со архангелами.
Херувимы, серафимы
Вьются, вьются над тобой,
Над твоею головой...

Именно во сне ребёнок растёт — обретает необходимые для будущего качества. Колыбельная есть оберег этого средоточия будущего, рода, Родины. Смех во сне говорит о том, что ангелы носят душу дитяти на небеса. Дите, по невинности своей, достойно взирать на Бога и от созерцания Благодати — смеётся. Взрослым такие сны не показываются (разве преподобным, которые «как дети»). Но в мире много и нечистой силы, которая топчет «по тропам», таится за спиной, имеющей погу-

бить дитё — будущее, Родину: «Будут ночью поскрипывать двери...» — бес ходит, говорят в народе.

Здесь нужен экскурс в народную поэтику, и ещё шире — в народное православие: бука, кикимора, домовый, баенник, подовинник и т.д., ангелы, угодники, Богородица, Христос — всё это реально, живо, всё взаимодействует, вступает в невидимую брань, наполняет быт и бытие русского человека... «Слышишь, ветер гудит по сараю...» Сарай — одно из мест сосредоточия нечистых. Опасны также окно, ворота, порог, перекрёсток, пристань...

Баю, баю, баю, бай.
Поди, Бука, под сарай!
Под сараем кирпичи —
Буке некуда легчи...

Функционально колыбельная является заговором, заклинанием — то есть народной формой молитвы, долженствующей уберечь. Такова же, по сути, «Прощальная песня» Рубцова. Вслушайтесь: он не поёт, он молится.

А по лесам поют навки, мавки, шулюканы — души погибших некрещёных детей. Это именно их пение («печальные звуки») слышит поэт: мёртвые взывают от земли. Это особая тема у Рубцова.

304

Так зачем же, пришунив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня...

Вот оно — центральный образ драмы: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от древа, и я ел...» Помимо метаисторического грехопадения, здесь то, что бывает с каждым из нас... и каждый раз, отпав от Христа, оказываемся мы «у глухого болотного пня», «на знобящем причале»... Где цветущее дерево и сладкий плод?.. Пень и горькая клюква на ладони.

Не грусти! На знобящем причале
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.
Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.

«Парохода весною не жди...» Образ лодки-ковчега не однажды всплывает у Рубцова, ибо это главное перед грядущим потопом:

Лодка на речной мели
Скоро догнет совсем...

Вглядимся в этот стих внимательнее: «В горнице»... Горница — горнее. Там, где у Рубцова о доме, то — «дом», где об избе — «изба». Здесь: «горница» — место действия задано. Представьте свет реальной звезды (без солнца, без луны) — оттого ли «светло в горнице»? Речь идёт о Спасении, и потому рядом с лодкой другой образ — Матери. Через всю жизнь у Рубцова: «Мать умерла, отец ушёл на фронт...», «Нёс я за гробом матери аленький свой цветок...» — духовное сиротство (разрушенная церковь, ковчег). В свадебном причитании существует так называемый сиротский причет: вне зависимости, жива мать или нет, брак не может состояться без её благословения. Невеста-сирота накануне свадьбы

выходит на угор и, обращаясь к кладбищу, причитает, призывая мать явиться и благословить. И приходит, и благословляет. Это оттуда: «тьнь», «молча принесёт», завтра — «хлопотливый день»...

И вот «в горнице светло», ибо — «матушка» и свет звезды — евангельский свет. И вода, разумеется, не для опары принесена, а для омовения. Завядшие «цветы в садике», «лодка на речной мели» — всё омоется материнской водой покаяния... И будет труд под деревом:

Буду поливать цветы,
 Думать о своей судьбе,
 Буду до ночной звезды
 Лодку мастерить себе...

Удалось ли поэту построить свой ковчег, ковчежец, лодочку? Все творчество Рубцова есть покаянная песнь за наше нераскаянное поколение. Образ потопа, образ дождя, реки, разделяющей эпохи, судьбы, миры... Образ лодки найдёт своё завершение в последнем стихе:

...А весной ужас будет полный:
 На погост речные хлынут волны!
 Из моей затопленной могилы
 Гроб всплывёт, забытый и унылый...

Вот почему «парохода весной не жди...».

Вера в «вечный покой» материалиста отринута. Ковчег, обернувшись гробом, отправляется в путь. Впереди Страшный суд: «Спасись сам, и вокруг спасутся тысячи»:

Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.

Тут не сомнение, а твёрдость в следовании Промыслу. Не «хочу» или «намерен», а — «смогу». Тут и любовь и крест несомый... Все точно настолько, что и читать-то больно, а каково было писать?

Рубцовская песня начинает замыкаться в круг (мы опускаем многое: по каждой строчке можно бы было говорить о связи с воинскими протяжными песнями, оплакивающими отъезд, подвиг, смерть; о связи с обрядовой песней, причетом и т.д.). Обозначим лишь главные корни, связующие стих с Русской землей:

Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю.
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.
Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна:
«Мама, мамочка, кукла какая,
И мигает, и плачет она».

Клюква — пень — плод — любовь — «потерянный рай»... Для человека, чуждого традиции, «кукла» звучит в этом ряду диссонансом. Между тем Рубцов не только выводит на древнейший мифологический образ, но и (подсказка нам) указывает жанр: сказка, более того — «последняя сказка». Вспомните «Хаврошечку» или «Василису»... Деревянная куколка — образ и душа усопшей матери — заступницы и хранительницы. Вплоть до XX века ставили русские люди «куколок» на божницу за иконы. И в сказках «куколки» улыбаются и плачут, как плачет порой Богородица на иконе. Но ведь иконы-то в рубцовском доме нет. Даже в горнице есть «свет», есть «матушка» и «тень ивы» на пустой стене... И хотя ангелы прилетают к дочери, но за отцом по ночным тропам бегут совсем не они... и спасительная лодка «на мели». Такова судьба русского народа в XX веке и таков дар русского поэта: увидеть «в безрадостном сером краю» свет звезды и идти за ним. Есть быт и есть бытие: иконы в поэзии Рубцова нет, но есть Бог — так было с нами.

В последнем четверостишии всё сомкнулось: «Я уеду из этой деревни», но «весь я не умру» — вернётся «последняя сказка»... И уже не мать поёт колыбельную над дочкой, а она сама качает «куколку» — прошлое, которое только одно и может стать будущим. А настоящее?.. По лику Богородицы катится слеза.

Есть и ещё одно ключевое слово-образ у Рубцова, оставшееся в этом стихе за кадром. Помните пушкинское: «На свете счастья нет, но есть покой...» А у Рубцова: «Бессмертных звёзд спокойное мерцанье...», «Я не верю вечности покоя...», «Звезда Труда, Поэзии, Покоя...», «Над вечным покоем...»

А ещё:

Светлый покой
Опустился с небес
И посетил мою душу!
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу...

Или:

Когда душе моей
Сойдет успокоенье
С высоких после гроз,
Немеркнущих небес...

Наконец, Рубцов готовит книгу, которую так и предполагает назвать: «Успокоение». Покой. Это чистая совесть, это жизнь в Боге — «До конца, до смертного креста».

Есть у любимого Рубцовым Тютчева стихотворение «Успокоение» (и не одно!):

...Душа впадает в забытьё,
И чувствует она,
Что вот уносит и её
Всесильная волна.

Что уж тут после Фёдора Ивановича добавишь! Но Николай Михайлович не просто добавил, а воплотил подлинно народное и православное звучание этого слова-образа...

В будущем, вероятно, придётся создать и словарь слов-образов Рубцова. Но пока... пока ещё о другом...

* * *

Сказав о народности рубцовского стиха, пора сказать и о том, ради чего, — то есть о философском или, вернее сказать, богословском его содержании. Оставим ещё разговор о таком генетическом источнике Рубцова, как древнерусская литература, — в другой раз. Но о народном православии Рубцова не сказать нельзя. Народное православие, народное богословие — термины, введённые ещё в начале XX века фольклористами и этнографами. В них отражена та детская, чистая вера, которая реально сложилась в старой деревенской Руси. Городская мещанская религиозная жизнь была во многом иной. О православной жизни аристократии, впрочем, как и столичного пролетариата, к началу XX века говорить не приходится. Естественно, у каждого из этих слоёв русского общества сложилась своя, обособленная, не только религиозная, но и фольклорно-поэтическая культура.

Первое, что отличает наше Православие и народное богословие (а в целом — традиционную форму сознания), — это монизм. Монизм

реализуется именно в Православии, через эсхатологию. Западное христианство новейших времён фактически дуалистично. Сколь угодно долго можно рассуждать, отчего закатилось пушкинское «солнце», «наше всё», отчего у Пушкина нет прямых последователей в русской поэзии (есть-есть, но не на виду!), где ясность и радость мироощущения? Отчего надрыв и расщеплённость сознания, карамазовский бунт постпушкинской литературы? А всё просто: Пушкин через свою приобщённость к Святой Руси, через русское сердце своё, вопреки всему разумному багажу — европейскому, секуляризированному, дуалистичному, принёс в поэзию главное — свой монизм, а иначе — теоцентризм. Напомним, что пушкинская плеяда писателей выросла на западноевропейском Просвещении: Шекспир, Сервантес, не говоря уже о Блаженном Августине, оказались за рамками влияния. Результат художественного дуализма — атеизм, антропоцентризм: опрокидывание всей образной системы, всего языка русской поэзии. Богословское кредо Запада дуалистично:

...Люди гибнут за металл.
И сатана там правит бал...

Действительно, без решения проблемы теодицеи (богопримирения — то есть принятия этого мира как Творения Божьего) преодолеть дуализм невозможно. Потому и карамазовщина, потому и бунтует русская интеллигенция — «возвращает билетки», ибо налицо несоответствие традиционного содержания русской культуры и западного типа сознания, пытающегося содержание это постичь. Алеша Карамазов знает, да объяснить не может, Иван не понимает и бунтует — вот раскол русского сознания, вот камень преткновения: теодицея. Не хотим-де принять этот мир — не Божий он! Нет любви к миру, нет принятия Промысла Божьего, и всё тут. В противовес всему этому двухвековому напору русской литературы — Рубцов, на одном дыхании: «...мир устроен грозно и прекрасно...» Или вот: «...Мне приятно даже мух гудение...» Или: «Ну что там отрадней, счастливей, бывает ещё на земле!» Или совсем конкретно: «...Мы сваливать не вправе вину свою на жизнь...» Тут дух евангельский, и иначе этого не объяснишь.

Отсюда ещё одна особенность: в применении к философии об этом писали многие (от Соловьёва до Флоренского): в центре западной мысли — гнозис, в центре русской — историософия в её православном, эсхатологическом контексте. Но это соображение и вернее, и первичнее по отношению к русской словесности. В новейшей литературе, после провала в XVIII веке, Пушкин и в богословском смысле есть ключевая фигура. Он вовсе не создавал, как учат нас гершензоны, русского литературного языка. Он первый из вновь сложившегося писательского класса (после того как Пётр отлучил православную Русь от литературы), кто научился писать и мыслить по-русски. Узки врата и труден путь русской словесности, ибо требует целостности сознания: целомудрия. Рассечённое сознание пишущей братии и по сей день бродит в потёмках, и имя уклонившимся от пушкинской стези — легион. А что же

Рубцов? Его Господь, быть может, как никого другого, рано вывел на эту стезю и хранил

До конца,
До смертного креста.

Сознание Рубцова, как и должно в русской традиции, эсхатологично, но не раздробленно. Рубцов теоцентричен (что и Есенину не всегда присуще). Историософия как промыслительный смысл истории — главная рубцовская тема. «Молодое вино в старые мехи не вливают» — для явления русского духа, безусловно, необходим именно тот образный строй, тот язык русской поэзии, о котором мы говорили. Потому и пушкинская солнечность или, точнее, православная созерцательность:

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя, что молчаливый?
— А о чём говорить?..

Действительно, нужно ли говорить о метафорах, ритмах и рифмах, если речь о Любви...

Здесь мы видим столь редкое для современной литературы, но истинно православное решение темы свободы выбора, свободы воли. Тема эта в православном богословии ключевая: верное понимание Промысла, основанного тем не менее на свободной воле, — вот подход к пониманию теодицеи, подход к верному пониманию греха, покаяния — и, следовательно, спасения.

* * *

Голос Рубцова...

Сейчас вышло целое море воспоминаний о Рубцове: «Я сидел справа — он слева... Мы выпили то-то и то-то...» Ну что же, для биографа и это важно. Но по сути рубцовской поэзии почти ничего не сказано. Между тем ещё один ключ к сути — голос поэта.

Удивительно: все вспоминают теперь, как замечательно пел Рубцов, и под гармонию, и под гитару, и своё, и не своё. Даже Тютчева и Фета пел... И когда пел? В начале шестидесятых, когда вышли на свет божий все наши барды. И где пел? Чуть ли не в тех же компаниях, где пели и они: в общежитии Литинститута, на квартирах общих знакомых. Отчего же бардовские песни, и хорошие, и не очень, разошлись на плёнках миллионными тиражами, а единичные записи Рубцова канули в Лету?.. Посмеялась московская богемка — «юродивым» обозвала.

Рубцов не был понят. Понят ли он сейчас?

Удивительное пение Рубцова. Пение в манере старинных русских тюремных песен. Этот жанр восходит к протяжной лирической песне, к духовному стиху, к притче, к былинке. Обычно при упоминании о тюремных песнях у современного человека возникает ассоциация с одесским

блатным жанром, но это «две большие разницы». Блатная песня имеет еврейское, отчасти немецкое происхождение — и в мелодическом строе, и в поэтике, и в манере исполнения. Блатная песня во многом повлияла на развитие городского романса в XX веке, вышла наружу в творчестве бардов в 60-х, а сейчас просто заполонила эстраду, явив гибрид блатного жанра с западноевропейской поп-культурой.

Барды пели именно то, что от них хотела слышать столичная, далеко не русская интеллигенция. Были ли эти барды патриотами и талантами или бездарными русофобами, так или иначе, выбранный жанр, весь дух его и стилистика вели их вбок от русского пути. А Рубцов, с его исконно русским пением (и декламацией), был просто не понят и не принят. Посмертная слава Рубцова привела к тому, что за него ухватились профессиональные композиторы: Бог им судья — не ведали, что творят. Мы не говорим уже об исполнении Рубцова на эстраде... Эстрада и Рубцов — вещи несовместные. В фольклорной традиции исполнительская манера не есть форма, она часть содержания, отражающая иной тип сознания. Это, если угодно, совместная молитва. Какая-то часть смысла передаётся помимо текста, непосредственно от исполнителя к слушателям. На бумаге мы её теряем, а при самочинном исполнении губим и остальное.

Рубцова нужно слушать. Надо снова стать русскими людьми, полюбить Россию, а для того от нынешнего песнопения придется «отрекохся — тьфу-тьфу-тьфу». Тогда мы и услышим по-настоящему:

Я уеду из этой деревни,
Будет льдом покрываться река...

«Я в ту ночь полюбил все тюремные песни...»

Слово второе

...Я в ту ночь позабыл
Все хорошие вести,
Все огни и призывы
Из родимых ворот.
Я в ту ночь полюбил
Все тюремные песни,
Все запретные мысли,
Весь гонимый народ...

Вот опять январь. Снежный, холодный. Снова поминаем Рубцова. Упокой, Господи, душу... Да и нашим душам тоже успокоиться бы: вроде и признали уже русского поэта. Печатают. Поют... А всё беспокойно как-то на душе. Чего-то недопоняли мы, кажется. Что-то утерjali...

...Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, моё божество!..

Тут же рядом с рубцовским вспоминается пушкинское: «Не дай мне Бог сойти с ума...» — и дальше, про «пустые небеса»...

Человек слагается (и как поэт тоже) лет где-то до семи. Поэтому не книжное слово (оно вторично), а то, что человек услышал до... важно. Не Литинститут отнюдь Рубцова сделал Рубцовым. Русский фольклор двадцатого столетия — русское слово и русский быт деревни, городской окраины, общезития и казармы — всего того, что было так характерно для нашей Родины, нёсшей запредельно тяжёлый крест всеобщего спасения, заблуждавшейся, надрывающейся и... поющей...

По ставшему классическим определению, данному когда-то Е.Н. Трубецким, древняя иконопись есть «умозрение в красках». В другом месте он сказал «богословие в красках». Перефразируя, скажем: фольклор есть богословие в песнях. Именно выражением народного богословия, воспринятого через устное слово во всём его объёме и многообразии, и стал Рубцов.

Мы настаиваем именно что «во всём объёме». Ну, скажут нам, духовный стих «О Страшном суде» или там «Голубиная книга», это мы понимаем, это действительно явление народной веры. Но вот уж «Камаринский мужик...» — это бог знает что такое!

Но мы всё-таки останемся при своём: низких жанров в подлинном фольклоре нет. Просто всему своё время и место. Есть в народном слове своё таинство и своя благодать, есть соприкосновенность через слово со Словом. И это от Адама ещё.

...От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,
На сотни верст усыпанное клюквой,
Овеянное сказками и былью
Прошедших здесь крестьянских поколений...

И действительно, воцерковленность наша, сиявшая по пустыням и монастырям, еле теплившаяся порой по городам, не до всякой деревни дошедшая, покорежённая реформами Петра и Екатерины, надорванная расколом и многим ещё, при Советах и вовсе опрокинута — благодати всё же не утратила. И верится нам, что не только в церковной ограде и даже не столько в ограде, но и в миру жила Святая Русь. Во всех «прошедших здесь крестьянских поколениях» жила.

Здесь всё тесно переплелось: духовные стихи, былины и поэзия знаменного распева, обрядовая лирика, колыбельная, причет... Есть фольклорные жанры, которые за тысячелетия своего существования, с дохристианских пор, не претерпели, кажется, никакого внешнего изменения. Но это только внешне... Они изначально в Боге укоренены.

Человек, конечно, пал, но не так, как Денница, нечто божественное — образ и подобие — осталось. Вот этот-то образ и подобие и передают нам народный дух и традиция. Слово, обычное, речённое нами, — оно по образу и подобию нашему строится, а потому и закону христианской антропологии подвластно. У слова — *тело* (звук или начертанные буквы), *душа* (образ, за словом стоящий) и *дух*, непосредственно нами

не постигаемый, но от Духа Святого исходящий, «сотворённый прежде всех век».

Если всё же отказаться от секуляризированного нашего литературоведения и попытаться ответить, что отличает подлинную поэзию от прочей скоромимоходящей, — так это дух слова. Он изначален и явлен нам вместе с явлением русского языка (при столпотворении по Писанию). Действительно, образы, ритмы — весь поэтический язык, созданный тысячелетия назад, современным поэтом только угадываются и интерпретируются, что же до духа слова — то он грешным человеком не творится, а только передаётся. Тут главный вопрос — что есть сознание, но мы его раскрывать здесь не будем. Отметим только, что сознание, во-первых, есть проявление Слова... через слово в том числе. Это и есть содержание поэзии, её подлинная, не поверхностная (тематическая, словесно-телесная) воцерковленность.

Рубцовская судьба (с сиротством, невостребованностью и ранней смертью) — это судьба русского фольклора, то есть русского народа в нашем веке. Умирает народное слово, и вот уже уходит, как вода в песок, русский народ, сменяется русскоязычным населением. Чтобы понять, что есть поэзия Рубцова, нужно вслушаться в этот удивительный напев, всмотреться в эту последнюю ускользающую страницу великой летописи русской культуры.

XX век для России (если о политическом говорить и внешнем) — это век революций, прихода коммунизма и его крушения... Если же о сути, о существе, то XX век — это век последнего взлёта, ухода, отлёта куда-то Туда народной культуры (это и в демографии видно: как только отлетела душа народная — начали русские вымирать). Так перед татарским нашествием расцвела и взлетела высоко культура Киевской Руси, прежде чем пасть под «тупой башмак скуластого Батя»...

Что же было, что звучало, пело в этих вологодских, архангелогородских, североморских, питерских, московских скитаниях? Звучали над зыбкой колыбельные матери, звучали молитвы (мать, Александра Михайловна, пела в церковном хоре), звучали песни детских игр и вёчерок. Великая война звучала далёкой — аж до Камчатки — канонадой и причетами, этой древнейшей скорбной поэзией Руси. Потом было то, что в фольклористике называется романсовой культурой: детдом звучал разбойничьими, тюремными песнями...

Вот умру я, умру я,
 Похоронят меня,
 И никто не узнает,
 Где могилка моя.
 На мою да на могилку,
 Знать, никто не придёт...
 Только раннею весною
 Соловей пропоет...
 Пропоет и просвищет,
 И опять улетит —
 Я остался сиротою,
 Счастья-доли мне нет...

И здесь весь Рубцов. Ведь эти «тюремные» песни из духовных стихов идут, из протяжных воинских и обрядовых песен. Здесь — драма (или, по-народному говоря, притча), предчувствие гибели, но и радость, любовь, Родина — чистота какая-то, нам уже недоступная быть может. Иные считают эти песни низким жанром...

Рубцов — драматический поэт. Сущность драмы определяется не тем, насколько развит сюжет, а наличием промыслительного действия — участием Промысла в течении событий. Таким образом, «лирический герой» Рубцова — это драматический герой, а его стихи — «маленькие трагедии».

Морская жизнь Рубцова и пролетарская — по общагам и рабочим посёлкам, — она тоже звучала, и как звучала, в те 40–50-е...

Три гудочка прогудело,
Все на фабрику пошли...

Есть по Чуйскому тракту дорога,
Много ездит по ней шоферов...

Последний нонешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья...

На фоне лживых салонных романсов, на фоне бравурных маршей, несущихся из радио, всё это было как глоток чистого воздуха. И это был голос подлинного, ещё живого, не погребённого русского народа. Созвучен этому голосу и Есенин, так любимый Рубцовым, да и Пушкин, и Тютчев, и Фет... А Вологодская земля ещё хранила свою архаику, свои досюльные песни. Это только, пожалуй, в послевоенную пору и было возможно услышать за одним столом и обрядовый фольклор, и тюремную песню, и... «Катюшу» Исаковского...

Ой ты, молодость моя молодецкая,
Ты куда прошла-прокатилася...
А со мной, с молодцом, не простилася...
Я пойду, молодец, да во конюшенку,
Оседлаю я коня ворона,
Полечу стрелой — ясным соколом,
Догоню-верну свою молодость... —

поётся в старой народной песне. Тут и философская глубина, и... но суть-то не в том, что «прошла-прокатилася», а в покаянии. Тут мы вернёмся к образам русского поэтического языка. В предыдущей главе («Последняя сказка») была обозначена цепочка слов-образов из рубцовской «Прощальной песни»: ребёнок–колыбель–лодка, дерево–сад–женщина, родина–церковь–мать–ребёнок. А здесь — снова вернемся к *саду* и *древу*. О листьях (человек–судьба–лист; ср. псалом 1: «И будет он как дерево, посаженное при потоке вод, которое приносит плод свой во время своё и лист которого не вянет...»):

Так чего ж нам качаться на голых корявых ветвях?
Лучше оторваться и броситься в воздух кружиться...

(Есенин)

А у Рубцова листья уже опавшие (опавший лист — символ смерти, жатвы — эсхатологический образ):

А последние листья
Вдоль по улице гулкой
Вёе неслись и неслись,
Выбиваясь из сил...

Или:

Облетели листья с тополей...

Осень, отлёт птиц. Образ осени у Рубцова особый. У Пушкина это: «*В багрец и золото одетые леса*» — время накануне жатвы, некое торжество. У Рубцова — эсхатология: «*За ограду летят лепестки...*» И —

...в этот день осеннего распада
И в близкий день ревущей снежной бури
Всегда светила нам, не унывая,
Звезда труда, поэзии, покоя...

За отлетом и опаданием наступает покой — один из центральных образов Рубцова... «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего в месте светлом, в месте покойном...» Православная эсхатология — это тоже торжество, но иное — не страх, не ужас. Так у Рубцова:

Светлый покой
Опустился с небес
И посетил мою душу!
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу...

Рубцовская *звезда полей* есть в первую очередь звезда покоя, что через труд даётся и через поэзию явлена. Рубцову чужд дуализм, его сознание теоцентрично: вроде бы «отговорила роща золотая», но есенинского надрыва нет. Значит, тут о чём-то другом ещё...

Есенин и Рубцов. Это настолько очевидно. Об этом писано и говорено. Каждому, кто приникал к их поэзии, чувствуется удивительное родство. Но в чём оно? Рубцов абсолютно самостоятелен, нет у него этой есенинской метафоры, живописности языка. Даже хулиганство их какое-то разное. Есенин сказочен, эпичен, он из мифа, его судьба и поэзия — мифотворчество. Рубцов — персонаж духовного стиха, юродивый. Тут трагедия, притча... Иван-царевич и Алексей — человек Божий. Юродство

не мнимое, подлинное — во Христе. В Есенине это только начинает проглядываться, в Рубцове — поёт. Почти как в стихе об убогом Лазаре:

...я пришел к тебе в дни непогоды,
Так изволь, хоть водой напои.

А что всё же их объединяет? Прямое прикосновение к русскому духу, к душе народной, через образы и суть, а не через метафору и форму.

Тем не менее не по форме — по духу Рубцов продолжатель Есенина, но и Тютчева, и Фета, а также крестьянских поэтов XIX века: Кольцова, Никитина, Плещеева, Сурикова...

Продолжает Рубцов и Пушкина. Если есть у нас в ком-то пушкинская простота и ясность, так это в Рубцове.

Зачем ты, ива, вырастаешь
Над судоходною рекой
И волны мутные ласкаешь,
Как будто нужен им покой...

(Это уже лермонтовская «лодка» сквозь пушкинские «покой и волю» мелькает.)

А есть укромный край природы,
Где под церковною горой
В тени мерцающие воды
С твоей ласкаются сестрой...

Да, «под церковною горой» «воды глубокие плавно текут», но зачем, «зачем крутится ветер в овраге...»? «Обитель дивная», куда «бежит» Пушкин и из которой навстречу — Рубцов.

Образ *покоя* у Рубцова — это образ *храма*:

Живу вблизи пустого храма...

Купол церковной обители
Яркой травой зарос...

С моста идёт дорога в гору,
А на горе — какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь...

Храм пуст не потому, что большевики разорили, а потому разорили, что пуст оказался. Тут не ругаться надо, а каяться... Мёртвый храм — наглядная эсхатология. Из современников ближе всего Рубцову Шукшин: во все переломные моменты судеб его героев (в прозе ли, в кинематографе) где-то на заднем плане — разрушенная церковь. И это не просто констатация, тут глубже: у Константина Симонова есть хорошее стихо-

творение: «Жди меня и я вернусь..», но насколько сильнее в первоисточнике (у Н.Гумилёва): «Жди меня — я не вернусь...»

Птицы отлетели, листья «несутся вдоль по улице гулкой» («сколько их, куда их гонят, что так жалобно поют...» — опять пушкинское слышится), и храм порушен, и... будет хуже «в близкий день ревущей снежной бури...». Но — «как будто спит былая Русь», «я буду скакать по холмам *задремавшей* отчизны». Так сказано — «*ибо не умерла девица, но спит*». Оттого и светлы песни рубцовские, что, сколь бы трагично они ни звучали, есть в них вера в истинное бессмертие. Истинный храм нерушим — для народного сознания Родина и Церковь тождественны: Россия — третий Рим, Дом Пресвятой Богородицы — это с молоком матери. И покаяние перед Родиной, и благодать — через неё:

...О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!..

Усомнившиеся строили (Толстой, Горький и даже Достоевский) «новую церковь», отворачиваясь от старой (порой заслуженно, порой от непонимания), строили, соблазнённые зыбкими миражами западного гуманизма. Есенин — что говорить! — от этой стези не уберёгся, побогоборчествовал до срока. Ничего подобного у Рубцова нет. Покаянный опыт XX века не прошёл даром. Да чист он был, детдомовщиной своей крещённый, «до конца, до смертного креста». Всякое богоискательство ему чуждо. Тот грех от уныния («всегда светила нам, не унывая, звезда труда»), от утраты традиционного мышления (мнизма). Дар Рубцова — и в этом истинное проявление народного богословия — переплавлять в песнях своих земную скорбь в чистую благодать поэзии.

Сколько «знатоков» русской души — и двойственной, дескать, и обращённой сразу и к Востоку, и к Западу (как писал Горький), и с «азиатской рожей» (по Блоку), — сколько писало, и запутывалось, и запутывало, наводило туман на «загадочную русскую душу». Но вот, оказывается, как всё просто:

Мы сваливать не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет, тот и правит,
Поехал, так держись!

Вот и вся теодицея. Вот над чем бился Иван Карамазов, а Алёша только молчал в ответ. Ответил-то Ивану — Николай Рубцов. Другой поэт гадал и так и этак (и неплохой ведь поэт!), а всё выходило: «вся истина в вине». Нет, нет, неправда! В покаянии:

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки...

Русская душа «загадочна» для того, кому её недостаёт. Что такое русская душа? Евангельский идеал, отражённый в просторах России, может быть, не совсем ясно, но неискажённо.

Ходасевич когда-то, разложив Есенина по косточкам, «доказал», что тот «полуязычник». Что бы он сказал о Рубцове? Но по отношению к Есенину это неверно, а по отношению к Рубцову — вдвойне. Ибо авторского тут нет, а есть душа народная, которая «язычницей» никогда не была.

Вернёмся к эпитафии: «Позабыл... все огни и призывы из родимых ворот»... Вообще-то родные ворота уже были — была какая-никакая избушка... и жена, и дочка, но не про это... Был отказ от дома, во имя креста юродства, пути, издревле выбираемого каликами переходящими. Их дом — Россия, и храм их — Россия, и долг их — плакать и каяться за весь народ.

Вечный странник, «неведомый отрок», одному старому солдату-калеке (своему же брату юродивому), да и то в бреду лишь зримый...

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...

И пока скачет — слышится его голос, поёт и трепещет бессмертная душа Рубцова. Ибо бессмертна Отчизна и бессмертна её словесность. А нам — zde сущим, «в близкий день ревущей снежной бури», завещано, как оберег, чтобы

...Всегда светила нам, не унывая,
Звезда труда, поэзии, покоя,
Чтоб и тогда она торжествовала,
Когда не будет памяти о нас.

«Грусть и святость...»

Поэтическое богословие Николая Рубцова

Слово третье

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его...

Евангелие от Иоанна

...И эту грусть, и святость прежних лет

Я так любил во мгле родного края...

Николай Рубцов

Один известный православный литературовед — а их у нас раз, два и обчелся! — назвал Рубцова душевным (читай — бездуховным) поэтом, другой обозвал пантеистом... Жаль хороших в общем-то людей, не слышали они слова рубцовского.

Рубцов «пантеист». Ах, ах, грех какой!

Нет, конечно же ничего пантеистического, тем более языческого в поэзии Рубцова нет. Его восприятие природы, да и всего бытия, носит православный, традиционно народный характер.

Пантеизм не в том, чтобы одушевлять природу. У природы есть душа. Обездушивают природу атеисты. Истинное христианство предполагает в природе и дух («иже везде сый и вся исполняй»), и душу («и чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей»). Так учит нас Писание, так учили святые отцы (подбор высказываний по теме см. у св. архимандрита Луки в его книге «Наука и религия»). Беда наших современных пантеистов от литературы в том, что они вовсе не одушевляют природу, как это в действительности (в согласии с народной традицией) делает Рубцов, а придают ей антропоморфные черты, мыслят природу не Божьим творением, а продолжением (отражением) своего «я». Но:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык... —

прозревал столь любимый Рубцовым Тютчев.

Разница между язычеством и христианством в том, что за одушевлённой природой христианство видит Творца, а само бытие воспринимает как творение. Вот это-то ощущение — как ощущение или прямым текстом — становится лейтмотивом поэзии Рубцова:

Светлый покой
Опустился с небес
И посетил мою душу!
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объёмлет и сушу...

Кто ещё в русской поэзии сумел выразить такое! Здесь «покой» — это и Отец, и Сын, и Дух Святой. И «всякое дыхание» у Рубцова — «хвалит Господа». И как замечательно, что не преступал Рубцов заповеди «Не поминай Имя Господа Бога всуе!», а всякий раз находил слово, точно передающее Божье присутствие и Промысл. (Здесь совсем не в цензуре дело. Сколько раз в те же годы поминали имя Божье в стихах Вознесенский и Евтушенко, и, кажется, ни разу по сути.) Потому-то и нет в поэзии Рубцова богоборчества, столь традиционного для русской литературы последних двух веков, что ощущение Бога у Рубцова — реальность не преходящая. В этом его уникальность и в этом его не явленная со времён древнерусской словесности тождественность народной поэзии.

В чём же он «язычник»? Может, Рубцов где-то хулит Дух Святой? — Отнюдь. Может, проявляет дуализм в своём творчестве? Где же? Или его поэтическая эсхатология оказывается за рамками православной традиции? Нет, и тут у него в десятку. Некий «православный» деятель вос-

пылал гневом, да не на меня, грешного, а на рубцовскую фонограмму, что вставил я в свой рассказ о Рубцове. «...Лучше выпьем с тобой на прощанье // за недолгое счастье в груди...» — пропел в эфире крамольник. Вот язычество-то!

Дай волю нашим деятелям, они не только «Буря мглою небо кроет...» и дальше там про кружку что-то, но и Кану Галилейскую из Евангелия вымарают.

Да и не в этом же дело! Если серьёзно, что всё-таки мешает иным воцерковленным деятелям в восприятии Рубцова? Причём уж и Есенина — со всеми-то грехами! — приняли давно, отмолил, видать, народ. А Рубцова?..

Ну хорошо... «язычник».

А чего мы, собственно, испугались?

Конечно, на нас действует тысячелетняя традиция борьбы с язычеством. Когда-то оно выступало гонителем христианства, потом суровым конкурентом (заметим сразу: не народная традиция гнала, а «мир сей»). Не то теперь. Пора бы оглянуться и понять, что страшны не «язычники», а безбожники. Кто такой «язычник»? Это уже верующий человек, ближайший кандидат на воцерковление. Вот с безбожником сложнее... Но беда в том, что и подлинных язычников давно нет, а есть мелкая игра в неоязычество. За ней, естественно, не традиция, а рефлексия на непонятое христианство, нежелание понять и принять. (Есть в неоязычестве и тяга к народности. Что ж, это потому, что мы, православные, не уделяли народности этой должного внимания. Наш грех.)

Вернёмся к поэзии. Приглядимся...

Где язычники-то? Есенин? Клюев? Нет, это несколько запозитизированное православие. Окруженное Сиринами и Алконостами, но — Православие! Вот Городецкий с Хлебниковым «шаманят» (по выражению Рубцова) — тут есть некая неоязыческая игра (от незнания народа), но кому это надо? Если что-то осталось от них в литературе, то как раз там, где они христиане. И наконец, Рубцов: нет и не было, пожалуй, в нашей поэзии более точного православного катехизиса:

До конца,
До тихого креста,
Пусть душа
Останется чиста!..

Богословие Рубцова может быть раскрыто и понято только через раскрытие народного богословия. Но как далеки мы ныне от последнего...

Нет нужды доказывать, что все мы от Адама, нет нужды говорить о том, что вера в единого Бога присуща всем народам в их первобытной поре (первобытный монотеизм). Тотемизм, пантеизм — всё это результат распада традиции, утери сакральных знаний. Нам видится, что фольклор на подсознательном уровне сохраняет их (знания эти), то есть «Промысл Божий о народе», его онтологическую судьбу. Такова суть национальной поэзии. (Другими словами, суть поэзии — выражение истинной национальной идеи поэтическими средствами.)

Помнится, князь Владимир хотел было многобожие ввести, собрал всех идолов до кучи — думал объединить необъятную державу... Не вышло, и восьми лет не простояли...

У нас неверные представления о язычестве — не из серьёзных этнографических исследований, а из литературных переработок античных поэтов, но это всё... сказки. Ещё из сочинений святых отцов, но там — столкновение с распавшейся, деградирующей традицией. Итак, если говорить о подлинной народной культуре, то это, во-первых, — монотеизм, а во-вторых, и монизм. Вот чего так недостаёт нам, нынешним христианам мещанского сословия. Помните слова апостола, обращённые к язычникам-афинянам: «Афиняне, по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны...» (Деяния).

Конечно, народная традиция была лишь почвой, на которой воздвиглась (не мыслимая, впрочем, вне нации) православная культура. И в наше время без последней, сама по себе эта почва мало что значит. И всё же выпадение народности (по известной триаде), то есть русского национального духа, и есть тот недостаток, что отдаляет нас от подлинно русской поэзии. Не «язычество» Рубцова тому виной (ибо он находится на позициях истинно духовных, православных), а наша удалённость от народных идеалов...

...Не то, что мните вы, природа...

Философско-богословской инерцией, отражающей тысячелетнее противостояние язычеству, является наше чисто русское самоуменьшенное грекофильство. Идущее от святых отцов и так наивно усвоенное нашей «страшно далёкой от народа» интеллигенцией представление о русской душе. К кому ни обратимся мы из философов — творцов «русской идеи», мы видим сочетание (симфонию, а то и столкновение) «православной духовности» и «русской народной душевности». Меж тем история показывает, что «православность» и «народность» есть как **неслиянные**, так и **единосущные** составляющие русской идеи. И каждая составляющая имеет и свой дух, и свою душевность, и свою телесность. Взаимообусловленные и единосущные по Святому Духу, но всё же *неслиянные* составляющие. Слияние народной и церковной жизни — столь любезная — опять-таки русским мыслителям — утопия построения Царства Божьего на земле и в православно-государственной, и в советской форме мы знаем, чем закончилась... Создание будущего православного литературоведения (или, как мы его обозначали, «слововедения») лежит на путях преодоления грекофильства, на путях познания подлинной народности¹.

Короче и проще: русский дух — не пустые это слова (не только там какая-то *народная душевность!*) — есть проявление Духа Святого,

¹ Что подразумевает десекуляризацию литературной мысли. В частности, необходимо ответить на вопрос, что такое «слово» (антропология слова, вариативность...), что такое «сознание» (в том числе «традиционное сознание») и т.д. Некоторые соображения см. в моих работах «Адамова тайна», «Материк Россия», «Потехи страшные и смешные».

«Промысл Божий о народе», а ещё проще — то, что мы называем Родиной. По-русски слово «Родина», как и «Бог», пишется с большой буквы. И действительно, — доказательство тому всё творчество Рубцова — истинное познание Родины возможно только через богопознание.

Вот одно из замечательных мест в воспоминаниях Сергея Багрова (*Багров С. Детские годы Коли Рубцова. Вологда, 2003. С. 27*):

« — Как много здесь русского! Как я люблю эту местность! Откуда всё это? И для кого? Ты не знаешь?

— Не знаю, — ответил я.

— Значит, мне предстоит.

— Что предстоит?

Рубцов показал на двор, огород, ров и ропщущие деревья:

— Узнать: почему всё это так сильно действует на меня...»

Удивительно точная (и программная) для пятнадцатилетнего Рубцова и ключевая для нашего понимания фраза: “Мне предстоит...”»

Отнюдь не такова была общелитературная тенденция восприятия Родины:

«Я оглянулся окрест, — душа моя страданиями уязвлена стала...» (*Радищев*).

«Выдь на Волгу, чей стон раздаётся...» (*Некрасов*).

И совсем уж тупиковая формула при взгляде на Россию: «Куда смотреть не стоит...» (*Бродский*).

Беспросветно. Не «действует всё это...» Приплыли.

У Рубцова: «Когда душе моей // земная веет святость...» (Не приземлённая, а земная, то есть от земли исходящая; тут о культе Богородицы, вмещающем в себя культ Матери Земли, рассказать бы надо), а у них: «Куда смотреть не стоит...» Правда, у наших, по выражению Евтушенко, «больше чем поэтов» за гнётом и стоном впереди — светлое будущее. (Светлое будущее, разумеется, только у *наших*.) Но именно у Рубцова дан истинно христианский взгляд на историю и бытие: эсхатологично не настоящее, а будущее — «Таким всё было смертным и святым, // Что до конца...», «До конца, до смертного креста...».

Что это? Ощущение счастья от присутствия Божия и страх Божий перед грядущим Апокалипсисом и Судом. Причём страх «Божий», а не человеческий... По сути дела, «больше-чем-поэты» всегда давали не истинную, а перевёрнутую (без Бога, секуляризованную то есть) картину бытия: страх и ужас в настоящем и упование на построение «Царства Божьего» «своею собственной рукой».

Чёткое православное ощущение богобытия (Адамово, догреховное) было мало свойственно нашей классической поэзии (в отличие от поэзии народной). Пушкин, Лермонтов, Есенин только проложили пути... С наибольшей ясностью это мироощущение явилось именно у Рубцова. Он как бы завершает русскую классическую литературу, смыкая её с народной по существу: преодолевая затянувшуюся на несколько столетий секуляризацию русского литературного сознания. Именно этим Рубцов и дорог народу. И это, конечно, нутром познаётся.

Никакая внешняя словесная наполненность не может сделать поэзию христианской (и народной, русской), если нет в ней этого дара ощущения присутствия Божия, ощущения Промысла, страха Божьего и Божьей любви.

Дар Рубцова в том и заключался, что он ничего не сочинял, а умел прислушиваться и слышал «печальные звуки, которых не слышит никто». Рубцов умел отбросить «голоса» и соблазны и услышать глагол Божий, то есть умел **предстоять**:

...о дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес...

Сначала кажется: *как будто ангел*, но нет, подлинная ангельская ипостась, потому что тут же: «боюсь... **разбить свои крылья**, и больше **не видеть чудес...**» (выделено мной. — А.Г.).

Можно бесконечно долго вчитываться в каждую рубцовскую вещь. Особенно в такую, как своего рода «Памятник», — «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...». Но разбор *такой вещи* превратится у нас в богословский трактат... Мы остановимся на небольшом и редко поминаемом (хотя тоже программном — название стиха вынесено в название книги!) стихотворении «Душа хранит».

Предельно просто и осязаемо доступно открывает Рубцов факт бессмертия души² (выделяем логическую цепочку):

...О, вид смиренный и родной!
Берёзы, избы по буграм
И, отражённый глубиной,
Как сон столетий, **Божий храм**.

О, Русь — великий звездочёт!
Как звёзд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечёт,
Не тронув **этой красоты**,

Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлён
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времён...

(Да, — между строк, — чего стоит фраза «Как сон столетий, Божий храм»!)

Итак: **красота** отражается вроде бы **глубиной** воды, но **красота**, по Рубцову, есть **Божий Храм**, а глубина, оказывается, это и есть **душа**, кото-

² Интересно проследить все шесть стихотворений, вынесенных Рубцовым в заглавие книг: «Мачты» (книга вышла с редакторским названием «Лирика»), «Звезда полей», «Душа хранит», «Сосен шум», «Зелёные цветы», «Успокоение». В каждом из них развит свой образ: корабль, звезда, храм, дерево... но связующей нитью проходит идея бессмертия.

рая одна и способна хранить **красоту**, причём **всю красоту**. Параллельно развивается целое древо образов. Так, например, *храм над водой* — ковчег, лодка. *Русь-звездочёт* — страна, чтящая звёзды (небо) и в переносном смысле, и в прямом (см. культ рождественской мистерии в народной поэзии: колядки, фольклорный театр, эпос... образ звезды). *Избы по буграм* в общем контексте поэзии Рубцова — тот же ковчег, та же память о потопе («От всех чудес всемирного потопа...»).

Первое четверостишие, которое мы не случайно опустили:

Вода недвижимее стекла.
И в глубине её светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло, —

может показаться лишь экспозицией, призванной снять философскую напряжённость стиха. Но уже здесь дана истинно богословская предпосылка: «*и в глубине её светло*». А дальше поэт как бы готовит место («и свет во тьме светит...») для отражения предстоящей красоты:

О, вид смиренный и родной! —

взгляд не по принципу «я оглянулся окрест...» (значит, до этого не видел ничего?), а истинное видение того, что отражено в **светлой глубине**. Бессмертие души прямо следует из бессмертия красоты, где бессмертие носит не условно-эстетический, относительный характер, но абсолютный.

Отсюда и «сон столетий» — это не буквально. Это мысленное «скаканье» («мыслю по древу») «по холмам задремавшей отчизны». Разумеется не о «русской лени» — столь любезной интеллигентской поэзии лжи на русского человека — здесь речь. А речь об уровне поэтического взгляда, когда *земное* представляется лишь сном по отношению к *небесному*.

Вернёмся к эпиграфу. Святость богоданной красоты Отчизны очевидна (стоит, стоит «смотреть!»), но почему грусть...

Может быть, «выдь на Волгу» и... «Как скучно жить на белом свете, господа...» Нет, это не про русский народ, это про «господ». Словом, как говаривал сам Рубцов: «Грусть, конечно, была, да не эта...»

У Валентина Непомнящего есть верное замечание: в Пушкине-де содержится «эмбрионально» вся русская литература. Верно, хотя, конечно, не в Пушкине, а в Боге, что через Пушкина (а главным образом через фольклор) и отражено. Действительно, у Пушкина есть как бы рубцовские строки (а странно, пушкинских у Рубцова нет...). Тут не заимствование, разумеется, — тем более обратное во времени! — просто тому и другому дана была общая истинная нота:

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;

И ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.
Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать счастливых много лет...

О, сколько можно было бы припомнить здесь рубцовского! Тут, понятно, и:

Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда...

Но главным образом:

Мне грустно оттого, что знаю эту радость,
Лишь только я один, друзей со мною нет...

Нет, на самом деле он знал, что мы есть, мы придём и радость эту разделим. Иначе зачем же всё! Но это *здесь*, а *Там*... «Многими скорбями Царствие Небесное даётся...»

Потому что здесь — «Сон столетий...», «Я буду скакать по холмам задремавшей...», «...как будто спит былая Русь». Это не про летаргию... Это про павший и ветхий, а потому только и **грустный**, но тем не менее прекрасный, а потому и **святой**, — ибо не богооставленный! — наш здешний мир... И ещё — про зримый и слышимый сквозь него мир иной, «жизнь будущего века»...

Когда душе моей сойдёт успокоенье,
С высоких, после гроз, немеркнувших небес.

.....
Когда душе моей земная веет святость
И полная река несёт небесный свет...

Или («В святой обители природы»):

...Усни, могучее сознание!
Но слишком явственно во мне
Вдруг отзовется увядание
Цветов, белеющих во мгле.
И неизвестная могила
Под небеса уносит ум,
А там — полночные светила
Наводят много-много дум...

«...Много-много дум», «...и полная река несёт небесный свет...» и «...незабываемые виды! Незабываемый покой!»... Вот отчего «так сильно

действует»... Рубцов вполне ответил на вопросы, которые перед ним поставил Господь.

И к другому эпиграфу вернёмся и продолжим:

«...Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о свете...»

Акафист России Николая Рубцова

Слово четвертое

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...

Поскольку выше слово о стихе этом замолвлено было, то, значит, и нельзя не сказать о нём теперь...

О чём, собственно, речь? Один из авторов воспоминаний о Рубцове отсылает нас к «холмам» Бродского.

Это вряд ли.

Вряд ли бродские «холмы» могли хоть как-то привлечь внимание Рубцова. В тех «холмах» вопросы скорее для психоаналитика, чем для поэта. Безусловно, — и не косвенно, а вполне прямо — Рубцов отсылает нас к Бояну из «Слова о полку Игореве»:

Боян бо вещей,
Аще кому хотяше песнь творити,
То растекашется мыслию по древу,
Серым волком по земли, шизым орлом под облакы...
Скача славлю [*то есть песнею, поэзией*] по мыслену древу,
Летая умом под облакы,
Свивая славы оба полы сего времени
[*то есть свивая песнопения прошлого и настоящего*],
Рища в тропу Трояню
[*Троян — языческий бог, некая предтеча Троицы*]
Через поля на горы...

Вот мысленное «скакание» по древу бытия:

Я буду скакать по следам миновавших времён.

Это весьма развёрнутый образ в поэзии Рубцова, овеванный

...сказками и былью
Прошедших здесь крестьянских поколений.

Или ещё:

...То по холмам, как три богатыря,
Еще порой проскачат верховые...

Тут эпос, былинный дух. Тут многие строки аукаются со «Словом»: «*Рыща... себе чти, а князю славы*» — «*Как прежде скакали на голос удачи капризный*»... «*Восторженный сын удивительных вольных племён*»...

Или вот самое очевидное: «*Взбегу на холм*...» — и... открывается историческое зрение. «*С моста идёт дорога в гору, а на горе*...» и т.д. Здесь речь о горнем («*По косогорам Родины брожу*...»), и не только о горнем... Вся онтология России строится из движения по косогорам (холмам) истории.

О «Сне» отчизны мы уже писали не раз. Это удивительная рубцовская тема: «*Как будто спит былая Русь*...» Здесь сон есть некая остановка времени: «*Уж на часах двенадцать прозвенело // И сон окутал Родину мою*...»

Художник останавливает время, ибо сей мистический акт необходим ему для свершения «мысленного» скачка по дереву времён. Здесь («*Я буду скакать по холмам*...») явлено время мифологическое, подвластное автору и присутствующее днесь в его поэзии, но отнюдь не очевидное нам.

Нас, читателей, автору ещё предстоит ввести в своё временное измерение.

Первое четверостишие заканчивается многоточием, что у Рубцова знак особый — некий внутренний период:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времён...

Далее мы, не вдаваясь в подробности, посмотрим, что происходит в этих периодах, отмеченных многоточием: 4 строки, 8, ещё 8, 7, 5 и 8 строк.

Итак, второй период: «*Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность*» — из мифологического прошлого мы переносимся в прошлое недавнее, в счастливое детство... Вроде бы реальное и памятное читателю, но... не менее мифонасыщенное время: былинный председатель, доблесть, труд, честность жнеца (жито, житницы — см. и фольклорные, и евангельские притчи). Наконец, «*майский костюм*» — чуть ли не Адамов.

Вот как выглядит этот скок по холмам в одном из самых ранних и удивительных стихов Рубцова — «*Деревенские ночи*», где скачет герой в «*майском костюме*», вызываемый «*сумерками полей, мерцанием звёзд, ржанием коней*...» (всё это вместе выльется потом в «*голос удачи*»):

...Для меня, как музыкой, снова мир наполнится
Радостью свидания с девушкой простой...

В семнадцать лет писано! Перекликается со зрелым уже Пушкиным: «...одной любви музыка уступает, но и любовь мелодия...»

«*Веселье воскресных ночей*...» — да не покажется вам сие лишь плотским движением души. И здесь Бог — ибо заповедь первая: «*Плодитесь*

и размножайтесь». С ужасом задумываешься об этом «во мгле над обрывом» вымирающей России. И девушки есть хорошие, и парни, а страна вымирает: «радости» нет — мир «музыкой не наполняется»... Или наполняется, да не той...

Вернёмся ко второму периоду: «*пенье и смех на лужке*» — рай, райские кущи, но... «*мимо неслись в торопливом немолкнушем шуме*» — это восьмистишие заканчивается образом потопа: «...в немолкнушем шуме (заглушающем постепенно «пенье и смех». — А.Г.) весенние воды, и брёвна неслись по реке...»

Сразу предстают многочисленные «потопы» из Рубцова: «...из моей затопленной могилы // гроб всплывёт...»

Следующий период (ещё один временной скачок — в настоящее):

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!³

Россия после схлынувшего потопа. Тут не только о катастрофе российской судьбы XX века. Не так уж и плох был XX век: и рай был с «пением и смехом», «а мимо неслись» — то есть рядом бушевало... Но не только об этом. Тут уловлена более глобальная катастрофа:

Пустынно мерцает померкшая звёздная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели...

Вот и брошенный после потопа ковчег. Что же случилось вследствие «померкших звёзд»? А вот что — рухнувший храм и растоптанная корона:

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей...

Звезды померкли, померкли и поля. Еще о звёздах: «А надо мной бессмертных звёзд Руси...», «Светятся тихие, светятся чудные...», «как звёзд не свергнуть с высот...» — почему же «*Пустынно мерцает померкшая звёздная люстра*»? Возможна ли гибель «бессмертных звёзд Руси», то есть гибель Руси небесной и, значит, безвозвратная уже гибель Руси земной? Вот о чём задумывается автор, но отложим пока...

Итог восьмистишия: «*Но жаль мне, но жаль мне...*» Этот период, характеризующийся понятием **ныне**, закончен. Это «ныне» настолько кратко, что, если бы не «пенье», его можно было бы определить как «безвременье».

Еще скачок — и возникает следующий временной период — **присно** (если вернуться к ещё более могучему и великому древнерусскому языку) — то есть дрящееся настоящее:

О сельские виды! О дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!

³ А вот в «Слове»: *Ничит трава жалощами, а древо с туюю к земли преклонилось...* — и далее: *Уныша цветы жалобою...*

А что открывается рубцовскому взгляду из-под купола небес? Россия. Дом Пресвятой Богородицы, Россия-храм, Россия — третий Рим. Это уже не взгляд Радищева: «Я оглянулся окрест...» (или, как в стихе «Однажды Гоголь вышел...» — взгляд Гоголя). Здесь, в этом временном измерении, — обращение к нам. Здесь не о 40-х или 60-х. Тут, всякий раз обращаясь к этим строкам, мы будем внимать, чего там — участвовать прилично в молитвословии Рубцова. И это уже на века — Покаянный канон:

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы...

Словно отзвук на слова молитвы Святому Духу: «...иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны...» (И сколько раз об этом у Рубцова: «Светлый покой, простираясь окрест, воды объемлет и сушу...»)

Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом...

Антипотоп — засуха Апокалипсиса...

Что всё понимая, без грусти пойду до могилы...

Строка многого стоит. Это — «Путь без солнца, путь без веры...». Или в Писании: «...ели, пили и веселились...» и «внезапно Судия приидет и коегождаго деяния обнажатся...» и — «...ибо не знаете часа...» и т.д.

Или короче, по-рубцовски: «Скот размножается, пшеница мелется...» Словом — «без грусти пойду до могилы», то есть без страха Божьего. (Опять-таки эхо «Медного всадника»: «...И станем жить, и так до гроба // Рука с рукой дойдём мы оба...»)

И снова скачок — на седьмой строке, многоточие переносит нас в новое временное измерение: **и во веки веков** (неограниченно длящееся будущее). Здесь в пяти строках заклинание, здесь молитва об отчизне и воле:

Отчизна и воля — останься, моё божество!

Воля у Рубцова категория богословская, онтологическая: «вольная птица» — ангел. Если сказать в простоте, то в чём суть христианства? Через все заповеди, молитвословия, таинства и прочее осуществить волю Божию — то есть спастись! Тут, в грехопадшем мире, воля Божия всегда искажена, и мы молим: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...»

В этих строках у Рубцова совсем не та бесшабашная воля, которая «вольному — воля, спасённому — рай». Тут именно воля-рай, то есть «яко на небеси». Поэтому «Отчизна и воля», по Рубцову, — божество. Ибо только такую отчизну он и приемлет, которая «яко на небеси». (Божья воля бывает противоречит воле земной. И о том часто у Рубцова: «...не умчатся, глазами горя... не порвать мне мучительной связи...»)

Далее — само молитвословие, ради которого (ради приснодействия которого) и написан стих. Это уже не покаяние, а акафист России.

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды! —

то есть останься, Россия-храм!

Останься, как сказка, веселье воскресных ночей! —

это о народном, фольклорном начале, но это и радость первой райской заповеди: «радости свидания» — мир, «наполненный музыкой».

Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!.. —

«иное зерно упало при дороге, иное на места каменистые, иное в тернии, иное на добрую землю, и дало и тридцать, и шестьдесят, и сто зёрен, а те — погибли...»

Тут многозначие, тут надо перевести дух...

Осталось восемь строк. Некая духовная мистерия во имя сохранения России ныне, присно и во веки веков — сотворена.

Осталось выйти из инобытия в бытие. Вернее, не выйти (поста покидать нельзя!), а просто бросить взгляд на себя самого, присно скачущего, «не нарушив ночного дыханья», снова тем самым отроком, который в «майском костюме», и тем самым «восторженным сыном», что рыскал «через поля на горы»... И этот скак уже недоступен глазу.

И лишь юродивый нашего века: калека-десантник, прошедший пекло войны, «расскажет в бреду» о чудесном видении. Снова многозначие... Конец? Нет. Можно вернуться к первой строке. Кольцо в сорок строк запаяно навечно. Перечитайте сразу, не откладывая... и с каждым витком будет вскрываться нечто.

Интересно сравнить этот скак со скачкой у Высоцкого: «вдоль обрыва, по-над пропастью», «от волков», «укажите мне край...» — постоянная скачка от гибели в поисках Святой Руси, в которой Рубцов просто родился и вырос и... не умер, а скачет, скачет «в тумане полей». И нет края, нет обрыва у Святой Руси. Ныне, присно и во веки веков.

«...Но жаль мне, но жаль мне порушенных белых церквей...»

Рубцов и Православие

Слово пятое

Красным, белым и зелёным
Заливаем сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам:
Неужели Бога нет?

Рубцов и Православие. Именно об этом и были все наши предыдущие статьи. Безусловно, в той мере, в какой выразил Николай Рубцов русскую идею, в той мере, в какой воплотил он в поэзии православное богословие, нет в русской литературе более православного поэта.

Это по существу.

О чём, например, тут — в эпитафии: мысль о том, что Бога нет, названа «сладким бредом». Куда уж определённое! А потому здесь мы будем говорить о самом поэте, о том, что называется воцерковленностью.

Начинать надо с предков поэта, ибо «как ношено, так и рожено», и «яблоко от яблони», и «каков поп, таков и приход»...

Родители Николая Рубцова происходили из деревни Самылково, что на берегу реки Стрелицы (приход села Спасского Тотемского уезда Вологодской области). В Спасском два храма — престольный, во имя Преображения Господня, и ещё — во имя Рождества Богородицы. В 1870 году при храме открыто церковно-приходское попечительство, председателем которого избран крестьянин деревни Самылково Михаил Васильевич Рубцов — «человек честный и к церкви Божией усердный» (здесь и далее цитирую по книге Андрея и Марины Кошелевых «Что вспомню я?»). 12 сентября 1899 года в этой же деревне в семье Андриана Васильевича Рубцова и его жены — Раисы Николаевны родился сын Михаил — будущий отец поэта. Крещён приходским священником Феодосием Малевинским. Отец Феодосий — потомственный священник, выпускник Вологодской духовной семинарии, рукоположен в 1895 году. Его стараниями при церковно-приходской школе была открыта библиотека-читальня, а из учениц школы организован женский хор... Среди поющих была и прихожанка из деревни Загоскино Александра Михайловна Рычкова, 1901 года рождения, вышедшая в 1921 году замуж за Михаила Андриановича Рубцова. Отец Феодосий был большим любителем народного пения: записи народных песен сохранились в его книге о Спасо-Преображенской церкви: «За два дня до свадьбы бывает скрутник. Невеста ходит во всей скруте (в самом лучшем платье). Она причитает:

Неси-ка ты, матушка,
Мою скруту добрую,
Платьецо разноцветное,
Да носи во светлую светлицу,
Во светлую горницу...»

«Не отсюда ли — волшебная в своей красоте песня “В горнице”?» — продолжают А. и М. Кошелевы.

Отец Феодосий арестовывался трижды: в 1918, в 1932 и в 1937 годах. Он принял мученическую кончину (был расстрелян) на «крещенские розы» — 19 января(!) 1938 года.

Мученицей была и Александра Михайловна. Прожив сорок один год (скончалась от сердечной болезни), она родила шесть детей: Надежду (1922–1940), Галину (1928–2009), Альберта (1932–1984), Бориса (1937 — год смерти неизвестен), вторую Надежду (сентябрь 1941 — май 1942) и Николая Михайловича Рубцова (1936–1971).

Был ли Николай Рубцов крещён? Нам неизвестно. С одной стороны, как и многие советские граждане, он мог быть крещён тайно при рождении. Но в Емецке, где он родился, в Няндоме, где жил после, по-

близости не было действующих храмов. Впрочем, известны случаи тайного крещения и на дому... Но это маловероятно. Гораздо вероятнее, что Николай мог быть крещён в период, когда Александра Михайловна была прихожанкой храма Рождества Богородицы в Вологде в 1941–1942 годах. По воспоминаниям соседей Рубцовых — Наместниковых, а также со слов сестры поэта — Галины Михайловны, Александра Михайловна пела в церковном хоре этого храма. Надо было иметь большую истинную веру, чтобы отстоять, отпеть службу на клиросе: на руках дети (она брала младших, Колю и Борю, с собой на службу), война, муж всё время на работе (а в 1942-м призван на фронт), больное сердце, беременность (в сентябре 1941-го родится её вторая Наденька). Об этом я рассказывал нынешнему настоятелю храма (в 2006 году). Батюшка записал Николая Рубцова, как прихожанина своего храма, на вечное поминание. У нас нет документальных свидетельств, но можно полагать, что крещение Николая Рубцова могло иметь место в 1941 году в храме Рождества Богородицы в Вологде.

Итак, в Самылкове имелся действующий храм, замечательный батюшка, знаток народного пения, а позже — новомученик, принявший смерть, как и сам Рубцов, 19 января. Но... Промыслом Божиим Рубцову было предназначено написать:

С моста идёт дорога в гору.
А на горе — какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь...

И ещё:

Живу вблизи пустого храма...

Или:

И, отражённый глубиной,
Как сон столетий, Божий храм...

И — многое, многое. И потому Господь повёл его по тем местам, где храмы были порушены или закрыты: Емецк, Няндом, Никола... и сейчас до ближайшего действующего храма от николевских руин — сто вёрст. Да, была благодать посещения храма Рождества Богородицы в Вологде, но благодать эта промыслительно слилась с памятью о войне, со смертью матери, с уходом отца — сначала на фронт (и Коля долго думал, что отец погиб), а потом и в другую семью, с потерей братьев и сестёр, со смертью (видимо, на Колиных глазах) младшей сестрёнки... Потом — детдом... В семь лет Коля пишет уже свой первый стихотворный шедевр: «Вспомню, как жили мы с мамой родною...»

Однако Господь Колю хранил — каких добрых, чутких людей посылал: воспитателей детдома, а позже — учителей в техникуме (да и на литинститутских преподавателей грех жаловаться). Документальный

фильм «Зелёные цветы» сохранил образы Колиных детдомовских учителей. Были ли среди них люди верующие, воцерковленные?.. Мы не знаем. Но благодать Божья на этих лицах очевидна — они отогрели Колю, спасли — в самом прямом, христианском понимании. Помимо киноленты, сохранились воспоминания друзей Николая по детдому, по учёбе, воспоминания его учителей (см. например, воспоминание учительницы Нины Николаевны Алексеевской). А порой Господь посылал Рубцову и верующих людей, с которыми, как рассказывала Нинель Александровна Старичкова, Николай Михайлович очень любил общаться. Большой радостью для него было, если кто-то дарил ему икону (а где их было достать тогда?) — пусть расколотую, ненужную, — это было для Рубцова подарком. (Нинель Александровна вспоминает, как, копая огород, Николай нашёл бронзовый образок. С радостным криком: «Это моё!» — выхватил он его из земли.)

Одна из таких встреч описана матерью Александра Романова — Александрой Ивановной (см.: Последняя осень. М., 2004. С. 303):

«Только ты укатил в Вологду, а к вечеру, смотрю, какой-то паренёк запостукивал в крыльцо. Кинулась открывать. Он смутился, отступил на шаг: “Я к Саше. Рубцов я”. Ведь я его не видала, да догадалась, что это он. Стоял на крыльце такой бесприютный, а в спину снег-то так и вьёт, так и вьёт. Ну, скорей в избу, пальтишко-то, смотрю, продувное. Расстроился, конечно, что не застал тебя. А я говорю ему: “Так и ты, Коля, мне как сын. Вон надень-ко с печи катаночки да к самовару садись...” Гляну сбоку, а в глазах-то у него — скорби. И признался, что матушка его давно умерла, что он уже привык скитаться по свету...

А он стеснительно так подвинулся по лавке в красный угол, под иконы, обогрелся чаем и стал рассказывать мне стихотворения. Про детство свое, про старушку, у которой ночевал, вот, поди-ко, как у меня, про молчаливого пастушка, про журавлей, про церкви наши Христовые, поруганные бесами... Я спугнуть-то его боюсь — так добро его, сердечного, слушать, а у самой в глазах слёзы, а поверх слёз — Богородица в сиянии венца. Это обручальная моя икона... А Коля троеперстием-то своим так и взмахивает над столом, будто крестит стихотворения...

Поутру он встал рано. Присел к печному огню да попил чаю и заторопился в Воробьёво на автобус. Уж как просила подождать горячих пирогов, а он приобнял меня, поблагодарил и пошёл в сумерки.

Глянула в окошко — а он уже в белом поле покачивается. Божий человек...»

Многочисленны воспоминания, где упоминается о том, что Николай Михайлович совершал крестное знаменье, проходя мимо церкви, поздравлял друзей с церковными праздниками (особенно он любил Пасху), присылал поздравления с Пасхой по почте... Всё это было в 50–60-х годах для круга общения Рубцова из ряда вон выходящим. Слово «Пасха» у Рубцова в тексте написано с большой буквы. Между тем друзья-поэты рубцовские в те времена не только не знали о том, с какой буквы надо писать, но и вообще не догадывались о существовании подобных праздников.

Существует мнение, что Рубцов был малообразован. В институте отучился кое-как и т.п. Однако знание знанию рознь.

Приведём здесь одно из высказываний близкого друга Рубцова — Сергея Багрова:

«Философствовать Николай любил. Гегель, Кант, Аристотель, Платон... Трудно поверить, что Николаю, при всей его внешней беспечности, почти безалаберной жизни... удавалось познать их работы...» (Россия. Родина. Рубцов. Вологда, 2005. С. 84).

Просто не с каждым встречным писателем любил пофилософствовать Николай Михайлович, не с каждым это было и возможно. А то, что поэзия его наполнена глубочайшими философскими, богословскими мыслями, сомневаться не приходится — полагаю, это достаточно показано в предыдущих главах.

О более раннем периоде (кировский техникум) практически то же самое, что и С.Багров, рассказывал нам друг Рубцова — Николай Никифорович Шанторенков: «Любимыми его книгами были книги по философии и Библия». О литинститутском периоде мы читаем в воспоминаниях Михаила Шаповалова: «Два раза только видел я Рубцова с книгой в руках. Поэтому и помню: книгами этими были Библия и Пушкин...» (Последняя осень. С. 194).

Да... Рубцов прогуливал лекции, у него были сложности с преподавателями общих дисциплин (но не по поэзии!) — но... чему мог он научиться у московских профессоров. Вернее бы было им учиться у него.

Из письма Николаю Сидоренко. Село Никольское:

«...вообще, зачем это сидят там, в институте, некоторые “главные” люди, которые совершенно не любят поэзию, а значит, не понимают и не любят поэтов. С ними даже как-то странно говорить о стихах! Они всё время говорили со мной только о том, почему меня вывели откуда-то, почему, почему... как будто это главное... Они ничего не понимают, а я всё объяснял, объяснял, объяснял...»

И ещё:

«...Только я вот в чём убеждён: поэзия не от нас зависит, а мы зависим от неё. Не будь у человека старинных настроений, не будет у него в стихах и старинных слов, вернее, поэтических форм. Главное, чтоб за любыми формами стояло подлинное... которое, собственно, и создаёт, независимо от нас, форму...»

Во всём остальном... я не имею никаких убеждений... Записать любыми стихотворными словами могу что угодно. Но найдёт ли на меня, осенит ли меня... это не от меня зависит...»

Совершенно иному Рубцов учился у простых верующих людей (это была его истинная школа), таких, как мама Александра Романова — Александра Ивановна или «добрый Филя», ставший персонажем его стиха... Кстати, удивительное по своей философской насыщенности стихотворение «Русский огонёк», так похожее на посещение дома А.Романова, было написано ещё до этого. Словом, как сказано в другом стихе: «...ищу предмет для поклоненья в науке старцев и старух...» Вот эти-то самые

старцы и старухи, «в простой одежде, с душою светлою как луч», и были истинными учителями Рубцова, с ними он раскрывался, с ними он был самим собой...

Притчей во языцех стала история с каким-то партийным секретарём. Вот она в версии Виктора Астафьева:

«Забрёл как-то Коля пьяненький в горком... Среди колонн стоит... и малость дремлет ещё... Так вот, партиец на него... “Ты кто такой? Вы почему здесь пьяный стоите?” Коля открыл глаза и говорит: “Пошёл ты...” <...> Долго потом разбирались, потащили его к какой-то шишке, заведующему отделом агитации, тот начал права качать, а Коля: “Чего вы ко мне лезете? Я к нему не лез. Стою и думаю, как примирить две идеологии: учение Христа и Ленина, а он лезет...” За голову схватились: “Две идеологии”. С Колей разбираться — это Господи помилуй!» (Последняя осень. С. 383).

Виктор Петрович несколько, по обычаю своему, огрубляет, но... история эта повторяется. По другой версии, фразу о Христе и Ленине Рубцов выдал онемевшему соседу по квартире — также партийному работнику... Видимо, история повторялась не однажды и не дважды... Итогом было то, что партийное руководство, ценившее талант Рубцова, помогло ему получить отдельную квартиру.

Перу В.П. Астафьева принадлежит воспоминание о том, как причащался Рубцов:

«Мы втроём сорвались на самолётик и улетели в Усть-Кубену — Витька Коротяев, он и я... (Далее описывается малоудачная рыбалка. — А.Г.) ...а вдали там работающий собор был, так, на высотке стоит. Коля говорит: “Ну ладно, вы рыбачьте, я пошёл...” И вот он ушёл, долго его нет... А нам улетать вечером... Смотрим — идёт. Ме-едленно так идёт... Благостное лицо, сияющие глазки такие, излучают какой-то свет... “Ребята! Как я погулял-то хорошо, в храме был, книжки старинные смотрел, с попом разговаривал, а на обратном пути началось во мне стихотворение...”» (Там же. С. 386).

Ряд исследователей поставил под сомнение факт причастия Рубцова (в другом издании об этом прямо пишет Астафьев): как мог причащаться Рубцов, да и крещён ли он, да и опоздал к исповеди, да и не постился накануне и т.д. Замечания справедливые, но вспомним те времена... да заодно и апостольские правила вспомним: причастие и исповедь — два независимых таинства. В современной практике к чаше подпускают только прошедших исповедь. В шестидесятые, когда в храмах многолюдства не отмечалось, священник мог пригласить к причастию всех желающих — в этом нарушения канона нет. С автором этих строк был похожий случай, когда в советское время сам, будучи невоцерковленным, зашёл с товарищем в храм к концу службы (маленький провинциальный храм в г. Вельске). Батюшка пригласил нас к чаше: я, как не крещённый ещё в ту пору, отказался, а друг с удовольствием принял причастие (он был крещён в детстве). Даже и в наши времена, если вы подойдёте к священнику и попросите принять исповедь, предупредив, что не готовились,

не постились, но очень надо исповедаться, то вам не откажут. История, изложенная Виктором Петровичем, весьма правдоподобна.

Из воспоминаний в воспоминание кочуют, обрастают подробностями указания на пьянство Николая Рубцова. Да, случалось. Но не будем осуждать — и нынешняя православная пишущая братия (а тогда-то!) от мечает порой (ведь это работа такая непростая — писать стихи, что редко кто удерживается в абсолютной трезвости). Нет, Рубцов не был алкоголиком, грубияном, невоспитанным хамом (как пишут иные, а в особенности убийца поэта). Истинный облик поэта виден в воспоминаниях его близких друзей: С.Багрова, Н.Старичковой, А.Романова и многих других, а те, иные... не узрят пока в глазу своём бревна.

Каким-то недобрый мистицизмом окутана (в их подаче) гибель поэта. Во многих изданиях повторена ложь убийцы о том, что во время убийства (которого, с её слов, и не было как-то) Рубцов спровоцировал драку, уронил стол, с которого упала-де икона Николая Чудотворца и раскололась. Во-первых, воспоминаниям Л.Дербиной-Грановской, многократно уличённой во лжи, нельзя доверять — это и неэтично, да и с научной точки зрения недопустимо для исследователя творчества поэта. Во-вторых, иконы Николая Чудотворца у Рубцова не было. Имелась икона деисусного чина (в середине Христос, а по сторонам Богородица и Предтеча, внизу Георгий Победоносец и святой Никита) — даже человек далёкий от храма поймет разницу. Икона действительно расколота — я сам держал её в руках, — но расколота давно, лет сто-двести назад. Как рассказывала Нинель Александровна Старичкова (на квартире которой, в частном музее Н.М. Рубцова — г. Вологда, ул. Зосимовская, д. 2, кв. 6, — вплоть до её кончины в 2008 году хранилась эта икона), икону, как расколотую и негодную к богослужению, Рубцов выпросил у какой-то из бабушек. После гибели Рубцова Нинель Александровна забрала икону с собой⁴.

Что же касается измышлений Л.Дербиной — они давно опровергнуты следствием (материалы дела опубликовал М.В. Суров: «Рубцов...», Вологда, 2006; там на с. 391 воспроизводится упомянутая икона). Ознакомившись с материалами уголовного дела, мы убедимся, как удивительно менялось изложение событий со слов убийцы: от «я убила» до «мы были одарённой мистической парой — а он умер от пьянства или сердечного приступа». И не унимается... по сей день в печати, в Интернете появляются её всё более невероятные версии. Однако все они были следствием отклонены, кассационные жалобы в Верховный суд рассмотрены и также отклонены (см. издание М.В. Сулова). Осуждённая на восемь лет, отбыв пять, была она досрочно освобождена (видимо, по хлопотам Е.Евтушенко и других «заступников», которые доселе не оставляют убийцу вниманием). Из всех документов мы процитируем только один, дабы показать истинное лицо убийцы, называющей себя вдовой, женой великого поэта (у Н.М. Рубцова была только одна жена — Генриетта (в крещении Ксения) Михайловна Меньшикова). На странице 605 в суровском издании помещена докладная записка в органы КГБ от

⁴ В настоящее время икона хранится в Санкт-Петербурге, в квартире дочери поэта — Елены Николаевны Рубцовой.

Книги Н.М. Рубцова

зам. начальника оперчасти со слов агента: «Мною... 20 июня 1974 года... получены новые сведения о поведении ос. Грановской».

Источник, будучи с Грановской на прогулке, имела с ней беседу. В процессе таковой источник спросил: «Люда, ты мужа своего сама убила. Зачем, не жалко теперь его тебе?» На это Грановская высказала недовольство и ответила: «Я бы его и ещё раз убила. Всю жизнь мне сломал. Пьяница, никчёмный человек. Видите ли, поэт... учил меня. А мои стихи не хуже, а намного лучше. Но ничего, в Ленинграде есть люди — и за меня вступятся, и за границей тоже знают. Вспомнят ещё Людку Дербину».

Вот это маниакальное «мои стихи лучше», «вспомнят ещё» и движет до сих пор не раскаявшейся убийцей. Стихи же Дербиной, как замечал ей сам Рубцов, — патологичны и — добавим мы — не отмечены печатью таланта.

И ещё одна цитата из уголовного дела (Суров, с. 549):

«Объяснение Грановской Л.А. о том, что Рубцов Н.М. в этот вечер собирался убить её, опровергнуто материалами дела. Утверждение Грановской Л.А., что Задумкин, Лапин, Третьяков предлагали ей спрятать нож, опровергнуто этими свидетелями.

Утверждение Грановской Л.А. о том, что потерпевший бросал в неё горящие спички, опровергнуто актом осмотра... Утверждение Грановской Л.А. о том, что потерпевший в течение 5 часов искал предметы для того, чтобы совершить убийство, неправдоподобно...»

Мы бы и не стали поминать всё это, но пора уж давно очистить имя поэта от клеветы, продолжающей оставаться в многочисленных изданиях, звучащей с телеэкрана.

Не был Рубцов опустившимся пьяницей, весь беспорядок в квартире, о котором всё вспоминает Дербина, явился там с её появлением, потоп, который устроил якобы Рубцов, на самом деле произвела дочка Дербиной — Инга... Не было и неприличных надписей на рабочем столе Рубцова, не разбивалась в момент убийства икона Николая Чудотворца. Очень многого не было.

Убийство было. Было попущено...

Что ещё было... Уместно вспомнить — те немногие! — действующие храмы, что отмечают путь Николая Рубцова: во-первых, Рождества Богородицы в Самылкове, где Николай должен был бы родиться, где прихожанами были его предки, где пела мама. Затем — Рождества Богородицы в Вологде, где он бывал на службах, где — возможно — был крещён (а значит, и принимал таинства). Потом ещё два богородичных храма: Ферапонтово, столь любимое поэтом, воспетое им в удивительных стихах:

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте...

И храм Рождества Богородицы в Питере, на Васильевском острове (угол Малого проспекта и Пятой линии), где под ветвями берёз, на фоне старинного белокаменного храма (что для питерской архитектуры редкость), Николай Рубцов любил сидеть с друзьями, читать стихи (по воспоминаниям Лидии Дмитриевны Гладкой). Все храмы Богородичные. Случаен ли этот далеко не полный перечень? Не о Рубцове ли эти древние слова Богородичной молитвы:

«Царица моя Преплагая, надеждо моя Богородице, приятилице сирых, и странных предстательнице, скорбящих радости, обидимых покровительнице, зриши мою беду, зриши мою скорбь: помози ми яко немощну, окорми мя яко странна: обиду мою веси, разреши ту, яко волиши: яко не имам инья помощи разве Тебе, ни инья предстательницы, ни благия утешительницы, токмо Тебе, о Богомати, яко да сохраниши мя и покрыеши, во веки веков, аминь».

Ведь сколько раз Рубцов был на краю гибели — не помощь ли Заступницы Небесной, не молитва ли материна спасала? Как бы ни коротко прожил он свою жизнь, а главное — должное сумел написать. Как сказано другим поэтом (высоко ценившим творчество Рубцова): «В гости к Богу не бывает опозданий...»

2001–2008

Библиотека

«...БЫТЬ ЧЕСТНЫМ С СОБОЙ И РОССИЕЙ»

Ауэр А.П. Перед лицом вечности... Статьи о художественном мире Б.А.Пильняка. Коломна: КГПИ, 2009. — 212 с.

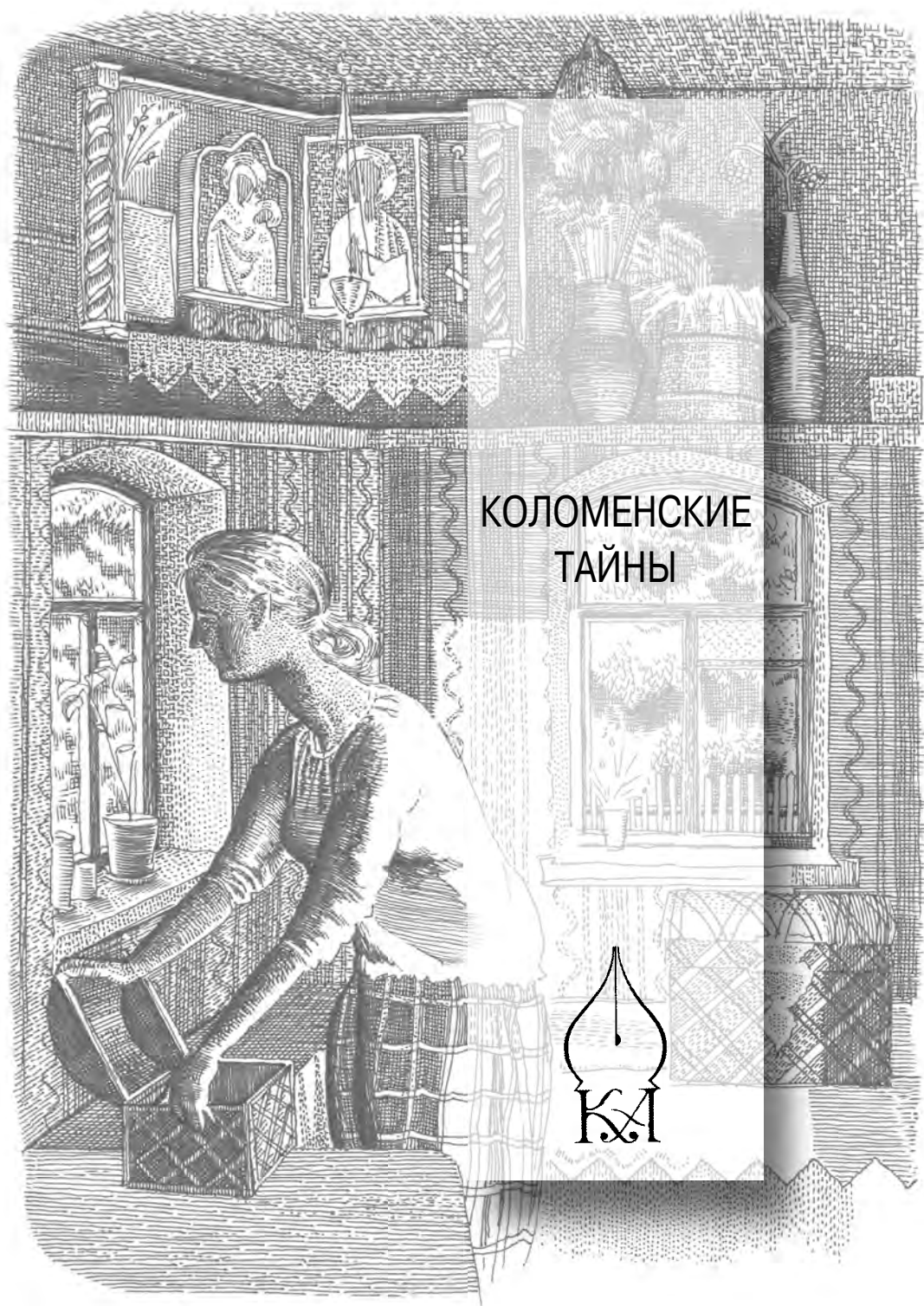
Имя Бориса Пильняка не затерялось и не потускнело: интерес к его творчеству год от года возрастает, о чём свидетельствует множество статей, докладов, диссертаций. Свидетельство тому и книга А.П. Ауэра, изданная в 2009 году в Коломне, где вот уже много лет на филологическом факультете Московского государственного областного социально-гуманитарного института проводятся Пильняковские чтения.

Книга А.П. Ауэра объединяет работы разных лет (с 1984 по 2009 год), посвящённые исследованию художественного мира Б.А. Пильняка, многолетние наблюдения и размышления автора над загадками творчества одного из самых изысканных прозаиков XX столетия. Однако перед нами не просто сборник отдельных статей — книга

имеет тщательно продуманную структуру, внутреннюю логику и некий идейный стержень, важный для исследователя, более четверти века изучающего поэтику Б.А. Пильняка.

А.П. Ауэр не случайно отказался от расположения материалов по хронологическому принципу. Очевидно, что автор прежде всего стремился достигнуть композиционной стройности и внутреннего единства. Единство это достигается благодаря нескольким концептуальным положениям, которые, по мысли автора, определяют своеобразие художественного мира Б.А. Пильняка и потому красной нитью проходят через всю книгу.

Автору удалось счастливо избежать сухой академичности. Стиль А.П. Ауэра отличается эмоциональностью, свободой изложения мысли, что, конечно, является следствием серьёзных авторских размышлений и глубины постижения художественного мира Б.А. Пильняка. Писателя, до конца оставшегося честным с собой и своей страной, писателя, разделившего судьбу своего народа, достойно занявшего, как писал Б.Л. Пастернак в стихотворении, посвящённом Пильняку, «вакансию поэта», которая «опасна, если не пуста».

КОЛОМЕНСЬКІ
ТАЙНИ

Графика Василины Королёвой

Роман Вадимович Славацкий родился в Коломне в 1957 году. Поэт, прозаик, литературовед, церковный историк, журналист.

Работает заведующим отделом церковной истории и беллетристики в газете «Благовестник». Заместитель председателя творческого объединения профессиональных писателей города Коломны.

Автор семи поэтических книг. В первом номере «Коломенского альманаха» опубликована повесть «Пожарник». В 2007 году в издательстве «Лига» вышла в свет поэма в прозе «Мемориал». Издал около полутора десятков краеведческих книг и буклетов, посвящённых истории Подмосковья.

Член Союза писателей России.

КОЛОМНЫ ПОТАЁННЫЙ СКЛАДЕНЬ

Этот город похож на старинный резной ларец. Сколько прекрасных тайн сокрыто в нём! Пленительные предания Коломенской земли, потаённые сокровища, клады, реликвии церковной древности и воинской славы... Словно драгоценные камни, мерцают они в заветном ларце. Город настолько древен, что буквально зачарован столетиями: он, словно сказочный дракон, дремлет и грезит о своих богатствах.

Но насколько верны старинные повести? Есть ли историческая подоплёка — документальные свидетельства — под бесчисленными сказаниями? Давайте же вместе откроем резные кипарисные створы и всмотримся в самоцветные отблески прошлого.

Тайна имени

Загадочное слово **Коломна**... В самом этом названии скрывается секрет, связанный с дославянской историей нашей земли. Когда-то здесь жили финно-угорские племена. Они-то и дали местным рекам свои прозвища (Москва, Коломна, Ока...). А тысячу лет назад сюда пришли славяне. Они не изгнали здешних жителей, а смешались с ними.

Так темноволосые и темноглазые славяне-арийцы приобрели балто-финно-угорские черты, их глаза приняли цвет северного неба, а волосы сделались русыми, но язык и культура

остались прежними, славянскими. Лишь названия рек и озёр говорили о прошлом. На одном из местных языков корень «кол» означал «рыба». Для рыбной реки — логичное слово. Хотя существует и множество других гипотез; вряд ли учёные придут в этом вопросе к единому мнению.

Зато надёжные свидетельства — археологические находки, повествующие о незатейливом быте финно-угров — охотников и рыболовов, часто попадались археологам 30-х годов на сквере «Блюдечко».

Думали, что и славянская крепость была основана здесь же. Но во время раскопок конца XX века следов древней крепости не нашли.

Памятниками долетописной истории остались лишь языческие курганы в окрестностях города. В них находили серебряные украшения древних вятичей: гривны, подвески, браслеты и кольца...

Но где же находился кремль XII века?

Тайна летописей

В северо-восточном углу кремля сохранилось пространство, ещё не исследованное археологами. Здесь-то, как полагают, и выстроили когда-то небольшой коломенский детинец. Стоящие тут же Пятницкие ворота издавна почитались главными, парадными. Отчего так? Были ворота и покрасивее, и поближе к Москве.

А дело в том, что в начале своего пути Коломна была рязанской крепостью. И главное укрепление — надвратная башня — возвышалась над самым опасным местом: Владимирской дорогой и «живым» наплавным мостом через Москву-реку. А смотрели главные ворота в сторону столицы — Рязани.

Вступление князя Всеволода в Коломну. Радзивилловская летопись

Причины защищаться от Владимира были весомые. В 70-х годах XII века, после гибели Андрея Боголюбского, рязанцы вмешались во владимирские дела. Дошло до того, что в Рязань увезли главные русские святыни: Владимирскую икону Божией Матери, меч святого Бориса, доугою церковную утварь. Правда, в 1176 году реликвии пришлось возвращать. А потом начались распри в самой Рязани. В 1177 году (первое летописное упоминание города) великий князь Всеволод Большое Гнездо подошёл к стенам Коломны. Войско рязанцев было разбито, князь Глеб попал в плен. А Коломна стала удельным княжеством, формально — в составе Великого княжества Рязанского, а фактически — под протекторатом Владимира.

Коломенский Китеж

Первого января 1238 года к стенам города подошла монгольская армия во главе с Батыем. Ей противостояло союзное русское войско: дружины из Владимира, Суздаля, Коломны, Москвы, Пронска, Новгорода Нижнего, остатки рязанских отрядов... В ожесточённом сражении русичи были разбиты.

Когда же монголы стали всходить на стены беззащитной крепости, то коломенцы, ища спасения в храме, взмолились, чтобы церковь избегла поругания. И на глазах изумлённых захватчиков храм погрузился под землю. С тех пор, говорят, длится там, в глубине, невидимая Литургия, а старики святой жизни могли раньше, приложив ухо к земле, слышать звон подземного колокола.

Это место близ Пятницких ворот действительно глубоко. Здесь когда-то был водоём; и деревянные вещи XIII века, законсервированные влагой, попадали в руки археологов.

Древнее городище. Реконструкция Н.П. Третьякова

Храм в Городищах

крепости, вызывают ощущение бесконечной древности. Исследователи позапрошлого столетия даже датировали городищенскую церковь как памятник домонгольской эпохи. Предполагали, что тут была загородная резиденция коломенского князя, а некоторые даже считали, что первоначально Коломна находилась именно здесь, а после Батыева нашествия её перенесли на другой берег Коломенки.

Рассказывали, что после Коломенской битвы на поле брани нашли тело князя Романа Коломенского. В знак уважения к мужеству своего врага Бату-хан приказал похоронить его по русскому обычаю с особыми почестями — в храме Божиим. А чтобы никто не осмелился нарушить покой воина, велел царь Батый поставить на стене знак охраны — единорога.

Всё это — легенды. Не водружал здесь Бату-хан свою печать, поскольку храм построен во второй половине XIV века, через полтора столетия после Коломенской битвы. И всё же реальная основа под этим сказанием есть. Действительно, был князь Роман Коло-

И не только в кремле показывают места подземных святынь. Есть такие «китежи» и в пригороде — в Городищах и в Коломенском крае...

Батыева печать

На северной стене храма Иоанна Предтечи-в-Городищах — древнейшем каменном здании Подмосковья — есть камень с изображением фантастического зверя, похожего и на барса, и на единорога. В народе этот рельеф называют «Батыевой печатью».

Бугристые, грубо сложенные стены из огромных белокаменных глыб, узкие окна, похожие на бойницы

Икона св. кн. Романа

менский, погибший в январе 1238-го у стен города. Что мешало похоронить его в Городищах, в тогдашнем деревянном храме?

С именем князя Романа связана некая загадка. Он канонизован Церковью, но житие святого не кажется достоверным. Оно почти дословно списано с жития зарайских мучеников. Якобы князь Роман Рязанский пришёл к Батью на переговоры и пал жертвой мучителей.

В реальности не было никаких переговоров ни в Рязани, ни в Коломне. Князь Роман («Урман» арабского летописца Рашид ад Дина) действительно погиб у стен Коломны. Здесь его похоронили. Возможно, позднее у могилы стали совершаться чудеса. Его стали почитать как местного святого, а потом полководец был прославлен в лике русских святых. Но к тому времени события золотоордынского нашествия уже забылись, и агиографы составили ему «типовое» житие по зарайскому образцу. Думается, что коломенцам стоит лучше исследовать судьбу князя-воина и воздать ему должное почитание.

Но вернёмся к истории храма.

После учреждения в 1353 году Коломенской епархии Городищи стали загородной резиденцией епископа. Тогда и выстроили здешнюю церковь, соединив её деревянным переходом с домом владыки. Но откуда явился единорог на домовую владычную церквь? Вероятнее всего, это часть внешнего убранства храма. В древнерусской символике подобные изображения означали животный мир, подчинённый воле Творца.

Не исключено, что единорог стал геральдическим символом города. В XV веке у нас чеканили монету, и на «денге коломской» изображён похожий зверёк.

Позднейшие предположения о том, что у храма находится «клад Ивана Грозного» (единорог изображался на личной печати царя), следует признать уж совсем фантастическими.

В 30-е годы XX столетия загадочный рельеф перенесли в Краеведческий музей. А в Городищах находится его копия.

Батьева печать

Присоединение к Москве

Святой благоверный князь Даниил Московский, младший сын Александра Невского, имел крошечный удел, но характером и воинскими талантами пошёл в отца. Поэтому, когда князь Константин Рязанский решил устроить против Москвы «маленькую победоносную войну», он очень просчитался. Даниил не только разбил рязанское войско, но и самого Константина взял в плен. Так в 1300 году Коломна вместе с огром-

ным уездом (от берегов Оки до Бронниц) включается в состав молодого Московского княжества.

Недолго Коломна управлялась святым князем. В 1303 году Даниил скончался. Но таинственная связь его с нашим городом сохранилась. В XV веке, когда погребение благоверного князя в московском Данилове монастыре затерялось, именно жителю Коломны выпало счастье обрести забытую могилу. Частица мощей св. Даниила хранится в нашей церкви Богоявления-в-Гончарах.

Тайны святого Димитрия

Почему летописцы называют Коломну «любимым градом» Димитрия Донского? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к загадкам Коломны, связанным с его именем.

Где родился Димитрий Донской? В самом деле: сведения о начале его жизни крайне скудны. Никто ведь не рассчитывал, что он сядет на московский трон. В столице правил великий князь Симеон Гордый, у него подрастали наследники... Но страшная чума скосила князя и его семью, и право наследования перешло к брату — Ивану Красному. Он был женат на Александре Вельяминовой, дочери московского главнокомандующего (тысяцкого) Василия Вельяминова. Вельяминовым в Коломенском уезде принадлежало село Никульское. А Димитрий, по местному преданию, появился на свет в соседнем Черкизове.

Св. Даниил Московский

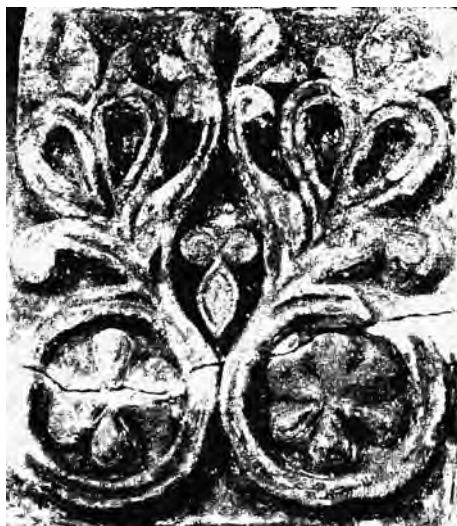

Св. Димитрий Донской

Венчание. Коломенцы традиционно называют местом венчания Димитрия Московского и Евдокии Суздальской храм Воскресения Слоvensкого на Соборной площади. На самом деле этот каменный дворцовый княжеский храм построен на рубеже XV–XVI веков. Но свадьба святых Димитрия и Евдокии — реальный факт, она состоялась

в Коломне в январе 1366 года. Где же совершилось венчание? Вероятно, в деревянной церкви-предшественнице. То, что храм существовал в эпоху Димитрия, — бесспорно. В Третьяковке хранится икона Воскресения, изъятая из нашей церкви; образ датируется XIV веком.

Но почему таинство произошло именно в Коломне? А дело в том, что тогда это был стратегический центр, ничем не уступающий Москве, что называется — «соцарственный град». К тому же столица была опустошена чумой и страшным пожаром. А резиденция в Коломне оставалась нетронутой.

Часть фризa Воскресенской церкви

Тайна княжеского пояса

Во время свадьбы произошло роковое событие. Дядя великого князя, тысяцкий Василий Вельяминов, подменил княжеский пояс своим, менее богатым. Это заметил московский боярин Пётр, но делу не стали давать ход, чтобы не поднимать распрю. А ведь похищенная драгоценность обладала мистической силой. Как думали наши книжники, она была как-то связана с властью над Коломной и могла сама карать своих похитителей. Зловещий отблеск этого пояса ещё сверкнёт в нашей истории.

Тайны Успенского собора

Нынешний кафедральный храм Московской епархии, торжественный, пятиглавый, стал в XVII веке подлинным украшением не только нашего кремля, но и всей Московии. Однако эта святыня скрывает в себе остатки по крайней мере двух гораздо более древних построек... Первая из них была заложена в 1353 году, вместе с основанием Коломенской епархии — первой в Московском государстве. К тому же наша кафедра была викарной; коломенские владыки, как правило, занимались делами Русской Церкви в отсутствие Митрополита всея Руси.

Как назывался тот храм, как выглядел? Загадка... Пожалуй, коломенская соборная церковь напоминала московский храм Спаса-на-Бору. Приземистая, с мощными стенами, окнами-бойницами. Возможно, что и посвящался храм, подобно московскому, Христу Спасителю. Единственное, что сохранилось от этого здания, — несколько резных белокаменных блоков с геометрическим и растительным орнаментом.

Зато второй собор мы можем представить гораздо ярче. «Как бы парящий» над арочным гульбищем и лестницей, он венчался переплетением закомар и тремя главами. Заложили храм после победы над золотоордынцами на реке Воже в 1378 году, а закончили уже после Куликовской битвы, в 1382-м.

Так же как и во Владимире, и в Москве, главный престол здесь был освящён в честь Успения Богородицы, а придел — в память Дмитрия Солунского. Долгое время тут хранился памятник Куликовской битвы — Донская икона Божией Матери с Успением на обороте. Как полагают, образ написан для коломенского собора самим Феофаном Греком. Возможно, что он и расписывал собор в 1392 году.

Не зря храм считается памятником Донской победы. Ведь в 1380 году именно на Успеньев день собралось под Коломной союзное русское войско. Почему именно здесь? Именно тут проходил самый короткий путь из Орды в Москву. Характерная деталь: летом центральная глава практически готового храма рухнула. Но это не помешало св. Димитрию посетить храм и присутствовать на молебне перед походом.

Здесь, на Соборной площади, в княжеском дворце, св. Димитрий с воеводами планировал путь русского войска на Дон.

Тут служил митрополит Михаил (Митяй Тешилов), духовник великого князя и хранитель княжеской печати. Человек необыкновенных дарований, с противоречивой и яркой натурой, он был по настоянию св. Димитрия избран главой Русской Церкви. Но по дороге в Константинополь умер загадочной смертью, может быть, отравленный в Орде.

Супруга Донского, св. Евдокия Московская, также оставила в Коломне свой след. После кончины Димитрия в 1389 году она не ушла в монастырь, а твёрдой рукою продолжала править государством. Не её ли стараниями украшен Успенский собор в 1392 году? С именем благоверной Евдокии связаны две коломенские вотчины: Бабышево и Репенское.

Реликвии

Тайной окутана судьба драгоценных святынь Коломны. В Успенском соборе хранились святые мощи, среди которых особо почитались зуб Иоанна Предтечи и ребро Стефана Саваита. В ризнице сохраняли драгоценную утварь, шитые ризы и пелены, иконы и дорогие оклады, боль-

*Успенский собор XIV века.
Реконструкция Н.Н. Воронина*

шую библиотеку. В Голутвине Богоявленском монастыре почитали ризы преподобного Сергия, его посох, икону в рост, написанную на гробовой доске.

Куда исчезли эти реликвии? Были они разграблены в смутные времена? Или коломенцы успели укрыть их в потаённых местах, и наши святыни до сих пор скрываются в земле?

Явление пояса

В 1433 году княжеский пояс вновь сыграл свою роковую роль. Похищенный тысяцким Вельяминовым, он, как приданое, попал в семью князя Юрия Звенигородского, сына Димитрия Донского и дяди великого князя Василия II. Во время свадьбы сына Юрия, Василия Косого, боярин Пётр увидел на женихе украденный пояс и сообщил о том великой княгине Софье Витовтовне. Гордая Софья возмутилась и прилюдно сорвала с Косого драгоценный пояс.

Юрий вступился за сына: явился в Москву и сверг с престола юношу-

Иван Великий

Славянские украшения

племянника. В удел ему он дал Коломну. Василий II поселился в здешней резиденции. Но москвичи не захотели служить узурпатору. Все столичные жители переехали в Коломну.

Юрий вынужден был оставить столицу. И сам он вскоре умер, и сыновья его — Василий Косой и Дмитрий Шемяка — потерпели поражение в борьбе за власть. Так пояс коломенский вернулся в княжеский дом.

Тайны Ивана Великого

У Ивана III долгое время не было детей. Он вынужден был развестись с первой женой и стал свататься к греческой царевне Софии Палеолог, которая тогда жила

в Риме. Посредником выступил художник, ювелир и хитрый дипломат Джан-Баттиста Вольпе (Иван Фрязин). Вольпе своего добился. Софию привезли в Россию, но самого Фрязина за какие-то тайные вины отправили в коломенскую тюрьму. Впрочем, скоро выпустили.

Меж тем и у Софии тоже не было детей... Иван с женою паломничал и в Троице-Сергиев, и в Коломну, которая в то время была выдающимся церковным центром. Приносили обеты. Наконец у них родился наследник, Василий. София в благодарность вышила пелену в Успенский собор, а в своей коломенской вотчине, Бабышеве, построила церковь Зачатия святой и праведной Анны.

Государева библиотека

От эпохи Ивана Великого сохранились предания о Государевой библиотеке. Некоторые, по незнанию, называют её «Библиотекой Ивана Грозного». Это неверно. Грозный ничего не привозил в Коломну, только забирал. А вот при Иване III город становится выдающимся центром русской культуры и книжности. Здешние монастыри и церкви славились большими, в сотни томов, библиотеками. Тут существовало несколько мастерских, где переписывались не только богослужебные книги, но и рукописи энциклопедического характера.

Профессором А.Б. Мазуровым в государственных хранилищах обнаружено несколько манускриптов, сделанных в Коломне. Одним из центров книгописания была дворцовая церковь Воскресения Словущего, что стоит на месте деревянного храма, в котором венчался св. Димитрий.

Здешний священник Феодот создал немало произведений книжного искусства; два из них дошли до нашего времени.

Рассказывали, что в подклете Воскресенского храма скрывались книги, которые не следовало читать простым коломенцам, ибо тут встречались сочинения оккультные и даже еретические. Иоанн Васильевич после покорения Новгорода переселил в Коломну несколько бояр; вместе с ними якобы и явилось у нас иноземное вольнодумство.

А кстати — когда построили каменную Воскресенскую домовую церковь? Многие учёные датируют её началом XVI века, нам же более вероятным кажется XV век. Именно концом столетия датируется антиминс храма, его литургический плат. И возведение церкви имеет свою логику. Ведь в 1480 году было свергнуто золотоордынское иго. Так, может быть, Словущенский храм стал таким же памятником победы, каким за столетие до того был соседний Успенский собор?

Никола Зараский

В 1512 году, сберегая от возможного набега крымцев Корсунскую икону святителя Николая, чудотворный образ перенесли из Зарайска в хорошо укрепленную Коломну. Здесь один святотатец, серебряник Козлок, похитил у святыни драгоценный оклад. Тогда сам святитель Никола

явился одному «расслабленному» коломенцу, Созонту Киселёву, и указал место, где скрыто украденное. Парализованный поднялся и своими ногами пришёл к епископу. Потрясённый владыка повелел крестным ходом идти в Запруды, и там действительно обрели сокровище. А на возврате глухонемой нищий, Климент, узрев икону святителя, стал слышать и говорить.

В память об этих чудесах великий князь Василий III приказал выстроить в Коломне церковь Николы Заразского и поставить в нём образ, а копию отправить в Зарайск. Но святитель Никола рассудил иначе: список остался в Коломне, а подлинник непостижимо оказался в Зарайске.

Скептики могут сколько угодно сомневаться, но этот случай подробно записан в «Повестях о Николе Заразском». Сохранялась в Коломне и помянутая церковь. Когда же Заразский храм разрушился от времени, его престол перенесли во второй ярус Крестовоздвиженской церкви, что у Пятницких врат. Оттуда чтимый список Николы Заразского попал в Коломенский музей, а сейчас он хранится в московском музее им. Андрея Рублёва.

Василий III

Тайны Коломенского кремля

Каменный Коломенский кремль выстроен в 1525–1531 годах по указу Василия III. Ходили легенды, что эта крепость имела не только военный, но и духовный смысл, и государь создавал кремль в память о своём чудесном рождении. Закладку и освящение строительства совершал владыка Вассиан (Топорков), духовник и друг Василия Ивановича. Конечно, символический смысл имелся; всё русское средневековое сознание было религиозным и символичным. Не случайно на Ивановских воротах находилась резная белокаменная икона Богоматери с Богомладенцем и предстоящим Иоанном Богословом; рядом в кремле находилась церковь во имя апостола Иоанна.

Также и Пятницкие ворота не случайно поставлены на своём месте. Здесь некогда находились деревянные ворота, в которые в 1380 году въезжал в крепость Димитрий Донской. Посему именно отсюда началось строительство цитадели.

Иван Грозный

Но помимо духовной символики существовали ещё и народные предания, особенно — о подземных ходах. Рассказывали, что такой ход вёл из Брусенского монастыря к Успенскому собору, а от Собора — к Пятницким воротам. Говорили также, что из подземелий Воскресенской церкви можно добраться к Пятницким воротам, а оттуда — на Посад. Говорили, что существует таинственный ход, проложенный от Бобренева монастыря под Москвой-рекой — в кремль. А внутри башен тоже есть подземные галереи, в которых таятся несметные сокровища.

Конечно, это фантастические легенды. Но любопытно, что под ними скрывается реальное основание. В частности, недалеко от

княжеского дворца находился Тайник — мощный выступ из крепостной стены, внутри которого шли галереи к Москве-реке. Осада была не страшна: крепость имела прямой доступ к воде.

Кроме того, каждая крупная башня имела отводные галереи, так называемые «слухи». Во время осады в них сидели специальные люди, чтобы слушать — не идёт ли подкоп. В этом случае можно было заложить контрмину и взорвать врагов. Любопытно, что и в Маринкиной, и в Грановитой башне остались заложённые проходы в эти подземелья. Скрываются ли там под обрушенными толщами земли какие-то сокровища? Вряд ли. Но мысли о них до сих пор берегут сердце отважных кладоискателей.

Грозненские тайны

Иван Грозный — самая противоречивая фигура коломенского средневековья. Если в начале своего царствования он совершил полезные деяния: собрал русское войско на Девичьем поле, подобно своему предку, Димитрию Донскому, и деду — Ивану Великому; если отсюда отправился на покорение Казани и в память о победе поставил шатровую Успенскую церковь в Брусенском монастыре, то позднее мы видели от него только злое.

Царь увёз в Москву чудотворную Донскую икону Богородицы. Вразумлённый таинственными знаменьями, он, правда, заказал для города два списка. Один поставил в соборе на прежнем месте, а другой водрузил на Пятницких вратах, изнутри кремля.

А в 1568 году совершились в Коломне ужасные дела. В поисках «измены» царь с опричниками нагрянул в Коломенский уезд, погубил множество невинных людей. В самом городе опричники встретили сопротивление. И началось ужасное истребление жителей. В Свибловой башне находилась тюрьма, но там собрали только наиболее знатных горожан. Их пытали в соседней Застеночной башне. Потому соседняя кремлёвская слободка называлась Шемиловкой. А вне кремля, на берегу Москвы установили плахи, на которых рубили головы «изменникам». Простых людей топили в реке, сбрасывая их с наплавного Бобреновского моста.

Марина Мнишек

Три дня после этого Москва-река текла кровью. Большинство жителей были убиты или разбежались. Даже спустя почти десять лет после этого погрома город так и не восстановился. Писцовые книги то и дело говорят о «пустых дворовых местах». Опустел и Бобренов монастырь...

Царь разорвал завет между Москвой и Коломной, положенный ещё в 1300 году, и был проклят. Умер он лютой смертью, а род его пресёкся. На Руси наступала Смута...

Царица-колдунья и её клад

Самые романтические предания о Смутных временах связаны с именем Марины Мнишек. Венчанная царица Московская, она действительно жила в Коломне в 1611–1612 годах. Рядом с кремлём находился польский лагерь. Остатки его прозвали Таборами или Марининым городком. Когда подошли русские ополчения, Марина Юрьевна бежала в Рязань, затем в Астрахань, где и была пленена.

Перед бегством царица погрузила награбленные богатства на возы и приказала снять створы с Пятницких ворот. Под Коломной велела она ископать яму, сложили туда казну и накрыли ямину створами ворот. Марина заколдовала клад, и с тех пор всякий, кто пытался его отыскать, сходил с ума.

По преданию, Марину привезли в Коломну и заключили в Коломенскую наугольную башню. Там она умерла с тоски по воле около 1613 года. С тех пор эту башню нарекают Маринкиной. Говорят, душа её могла оборачиваться вороной и ночью вылетала на свободу из бойницы, в то время как тело оставалось в башне. Однажды ночью стрельцы-охранники окропили темницу святой водой. Рвётся ворона в башню —

и не может войти; святая вода не пускает. Бездыханное тело схоронили в подземельях, а душа царицы до сих пор мечется в коломенском небе и не может найти упокоения.

Впрочем, монахи Брусенского монастыря рассказывали, что содержали пленницу не в Коломенской башне, а в соседней, Грановитой. Но кто сейчас это проверит?

Коломенский Грааль

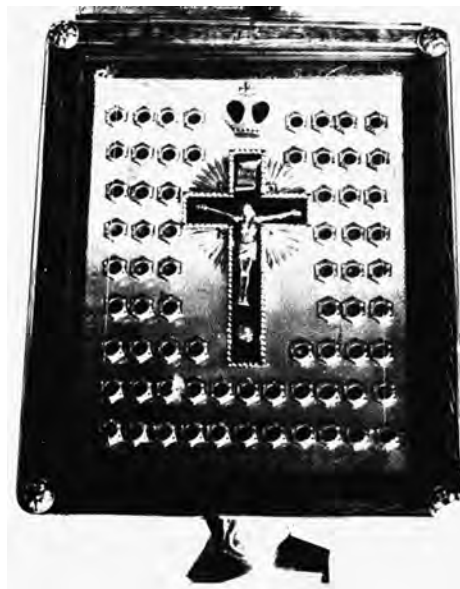
В храме Богоявления-в-Гончарах, рядом с главным алтарём, хранится таинственный ковчег. В нём несколько десятков частиц святых мощей, по которым можно изучать всю историю Церкви! Три евангелиста, первомученики, Отцы Церкви, великие избранные святые, русские благоверные князья и подвижники веры. И здесь же — великая драгоценность — частица Крови Господней, а в середине ковчега — крест, под которым сокрыт кусочек Животворящего Крестного Древа...

При созерцании этой святыни умственный взор невольно обращается к событиям Страстной седмицы, к неизречённым тайнам Божественного страдания и Крестной жертвы. Во время мучений Спасителя Кровь высыхала на Его Теле. Во время Воскресения, когда Христос, подобно ослепительной вспышке, прошёл сквозь гробные пелены, эти россыпи запёкшейся Крови остались внутри Плащаницы. Разве могли апостолы, пришедшие ко Гробу Господню, остаться равнодушными к этим частицам? Конечно же нет! Ведь в Израиле всегда считалось, да и доселе считается, что любая кровь посвящена Богу, и её никогда не оставляют в небрежении. Тем более это относилось к Учителю! Несомненно, запёкшуюся

Кровь бережно собрали, вероятно — в одну из чаш, которыми пользовались на Тайной вечере. Позднее в западном предании эту чашу назвали Граалем и рассказывали, что она сделана из драгоценного камня. Такие предания могут вызвать только улыбку. Не было в обиходе Спасителя драгоценной посуды. И Грааль — это обычная деревянная чаша, выточенная, скорее всего, из кипариса или кедра.

Позднее, когда апостолы отправились на евангельскую проповедь, они, очевидно, брали с собой драгоценные частицы Крови Учителя. Неведомыми путями одна из них попала в Россию.

Поистине чудо, что мы, находясь на границе тогдашнего ци-

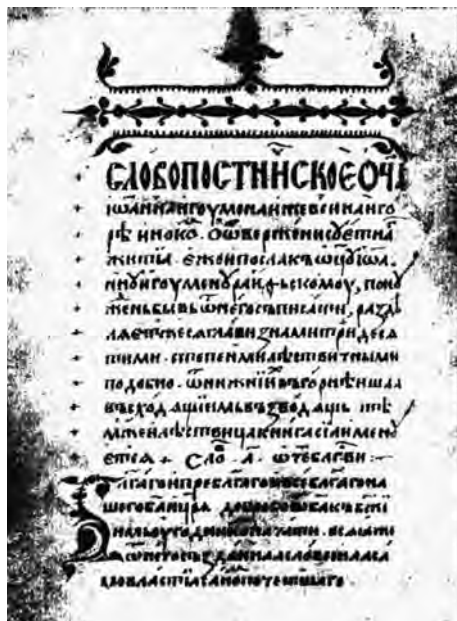

Ковчег из Богоявленской церкви

визированного мира, можем прикоснуться к тайне Воскресения Христова!

Но каким же образом эта святыня попала в Коломну?

Богоявленская церковь не закрывалась даже в пору самых жесточайших гонений. Имелся у неё в середине XX века староста — Василий Чурзин. Это был чрезвычайно авторитетный человек в церковном мире. Во время своих паломничеств он обретал частицы святых мощей. Затем все они были собраны в доске от старинной иконы и укреплены на особой подставке наподобие аналая. Недавно этот ковчег вынесли из бокового придела и поставили в главном храме. Удивительная благодать ощущается в этом месте даже нецерковными людьми! Можно сказать, что само пространство старинного храма изменилось, исполненное непостижимой и таинственной силой.

Коломенская «Лествица»

Посадские сокровища

Каждая из церквей Коломенского Посада — историческая жемчужина. И настоящее сокровище среди них — церковь Богоявления-в-Гончарах. Мало того что она не была разорена в советское время, она ещё и приумножила число своих реликвий. Это не только коломенский Грааль, о коем речь была выше. Это иконы, связанные с именами престолов, то есть с событиями XV–XVI веков, произошедшими ещё до каменного строительства. А само строительство? А время Филарета, великого церковного деятеля, который родился в этом приходе в 1783 году? А росписи той эпохи, обнаруженные совсем недавно? А знаменитая Страстная икона? Её почитали в Ямской слободе, а после закрытия Троицкой церкви перенесли сюда, к Богоявлению.

Никита Мученик: всё дышит здесь воспоминаниями Н.П. Гилярова-Платонова... Здесь хранились реликвии князя Д.М. Пожарского. Чтимая Силуанская икона Божией Матери, сотни частиц святых мощей — где всё это? Бог весть!

Ещё в старину на Посаде пропала церковь Алексея человека Божия, основанная, говорят, самим Алексием Митрополитом, исчез и храм Симеона Богоприимца. Последний погиб во время пожара. Недавно археологи сделали потрясающее открытие. Обнаружена часть литургиче-

Гробница Григория Голутвинского

ского набора — средневековое копие, которым извлекались частицы из богослужебных просфор.

В Коломне издавна почитали резные иконы: Николу Коломенского (по типу Можайского — с мечом и градом), Параскеву Пятницу, Христа в темнице. Большая часть из них погибла во время гонений, но чудом сохранился до нашего времени каменный рельеф с бывших Ивановских ворот. После разрушения Ивановской башни в 30-е годы XIX века образ попал в храм апостола Иоанна, что на Житной площади. Сейчас это древнейшая икона Коломны, поистине уникальная. И не только потому, что средневековые каменные изваяния вообще в России наперечёт. Но потому также, что сюжет образа нигде больше в мировом искусстве не встречается. Апостол

356

Иоанн «в духе» созерцает Богородицу с Младенцем и сжимает в руке Книгу — или самое таинственное из четырёх Евангелий, или, скорее всего, Апокалипсис. Рельеф сделан не без влияния итальянцев, но осмыслен через православное умозрение.

Кто строил Вознесенскую церковь? Или сам М.Ф. Казаков, или его ученик по проекту мастера. До сих пор остаются загадкой астральные символы на монастырских оградах Коломны. Словно ожерелье стоят на границах Старого города храмы Троицы-на-Репне, где прошло детство митрополита Филарета (Дроздова), Петра и Павла, около которого непостижимым образом сохранилась могила славного рода Дроздовых, Михаила Архангела — чудо ампира, Бориса и Глеба, в котором крестили И.И. Лажечникова...

А старинное Щурово? Где-то здесь таится клад боярина Кикина, а рядом — клад разбойника Голбина. Само название интересно: как говорят — от славянского родового божества Шура. И конечно же, потрясающей красоты неовизантийский храм, так удивительно перекликающийся через Оку с Богоявленским Старо-Голутвиным монастырём. В земле этой обители, по словам старожил, тоже спрятано немало сокровищ....

Закрываются створы потаённого ларца. Но обаяние его загадок не оставляет нас.

Поистине удивительна древняя Коломна! И многие её тайны ещё ждут своих исследователей.

Валерий Альбертович Ярхо родился в Коломне в 1964 году. Окончил среднюю школу № 4. Его юмористические и детективные рассказы печатались в газетах «Российские вести», «Московский комсомолец», «Коломенская правда». В творчестве Ярхо удачно сочетаются художественная проза, научный поиск, «архивный детектив». Широко известен блестящими историко-краеведческими очерками.

В 2008 году опубликована его монография «Три времени Щурова».

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

Из копилки городских тайн

Самая актуальная и волнующая воображение загадка вполне сгодилась бы для завязки сценария очередного фильма о приключениях профессора археологии и крутого парня Индианы Джонса. Речь идёт об исчезновении святынь Старо-Голутвина монастыря: чудотворной иконы преподобного Сергия Радонежского и его посоха. По преданию, икона была писана на одной из досок гроба преподобного Сергия, разобранного на части после обретения нетленными его мощей. Посох же попал в монастырь ещё при жизни святого, когда на исходе XIV века святой старец посетил голутвинскую обитель, первым настоятелем которой был его ближайший ученик преподобный Григорий, — ему на память Сергий Радонежский и оставил свою дорожную палку, с которой исходил множество путей.

Оба этих священных предмета самым загадочным образом пропали в двадцатых годах прошлого века, и по сию пору о них ничего не известно. Производивших реквизиции церковных ценностей представителей советской власти прежде всего интересовали золото, платина, серебро, драгоценные камни, использовавшиеся для украшения храмов, утвари и облачений причта. Сами по себе иконы для коммунистов и комсомольцев были лишь «раскрашенными деревяшками, которым поклоняются реакционные дикари»,

а посох авторы рубрики «Уголок атеиста» в местной газете называли не иначе как «чёрная корявая палка». Никаких сведений об особых указаниях насчёт того, как поступать с иконами и прочими «малоценными предметами культа», судя по всему, дано не было. Власти либо вовсе не интересовались ими, либо относились к ним с крайним пренебрежением, — создаётся впечатление, что их мог взять каждый, кто хотел. Сейчас внуки и правнуки тех верующих, которые когда-то, после закрытия обители, разобрали иконы по домам и хранили их долгие годы, уже возвратили монастырю несколько спасённых от поругания и уничтожения образов святых.

Ещё больший оптимизм внушает история с обретением частиц мощей древних святых, ныне находящихся в Сергиевском храме Старо-Голутвина монастыря. Долгие годы их вместе с другими святынями, переданными ему на хранение, укрывал пожилой священник, прошедший советские лагеря и ссылку. В последние годы жизни почтенный батюшка служил в храме, находившемся в Удельной, который после возрождения Старо-Голутвина монастыря был сделан монастырским подворьем. Хранитель святынь счёл возможным передать игумену одну из порученных ему реликвий, и теперь эти столь долго укрываемые частицы мощей, помещённые в позлащённый ковчег, находятся в монастырском храме. Возможно, так же когда-нибудь вернуться к людям чудотворный образ преподобного Сергия и его посох, кем-то и где-то спрятанные «до лучших времён».

Впрочем, нельзя исключить вероятность того, что они по сию пору сокрыты на территории самого монастыря — обители шестьсот с лишком лет: мало ли в ней мест, где можно было бы устроить небольшой тай-

358

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

ник? Весьма удобны для того были бы склепы древнего монастырского кладбища — оно снесено с поверхности, но в земле-то всё осталось. Ещё одно вероятное место укрытия святынь — подземелья храмов, которые, судя по некоторым указаниям, имели несколько уровней. Изгнанные из своих келий монахи поселились именно там и жили в подземельях ещё в 1929 году, о чём с негодованием сообщала местная газета. Позже храмы были разрушены, тупо превращены в руины, по развалинам которых лазили только мальчишки, но далеко в подвалы не решались забираться даже они — это было просто небезопасно: того гляди могло завалить. Такое положение сохранялось многие десятилетия, а теперь, когда столько дел по восстановлению, до исследований просто не доходят руки. Словом, загадка исчезновения иконы и посоха по сию пору остаётся неразгаданной, но надежды на её разрешение имеются. Остаётся только дожидаться какого-нибудь Индианы Джонса, энергичного и образованного археолога-авантюриста, способного потратить время, силы и деньги на подобные поиски.

* * *

Другая историческая тайна связана с подлинными сокровищами нации: летом 1812 года в Коломну из Москвы, к которой шла армия Наполеона, была вывезена царская сокровищница. Французы очень рассчитывали захватить её — после занятия Москвы их поисковые команды облазили все закоулки Московского Кремля, заглянули во все подземелья и казематы, но сокровищ нигде не нашли. Они были переправлены из Москвы ещё загодя, сразу же после того, как пала Вязьма. Люди мо-

сковского главнокомандующего графа Ростопчина увезли драгоценный груз с простым обозом, без усиленного конвоя, буквально под носом у наполеоновских шпионов. Не привлекая к себе внимания, обоз добрался до Коломны, где уже были приготовлены барки, — люди, нанявшие их, говорили, что суда нужны для перевозки железных изделий. На эти барки были погружены ящики с драгоценностями, которые по Оке перевозили в Нижний Новгород, где они и пробыли всё то время, пока им не пришла пора вернуться в Москву. Секретность, которой была окружена эта эвакуация ценностей, соблюдалась столь строго, что об этих событиях упоминается буквально в нескольких строках мемуаров, посвящённых событиям 1812 года, и тайна осталась тайной. Не ясно, кто именно в Коломне заказывал барки, — кому доверили этот секрет? Очевидно только, что это был кто-то из лиц купеческого звания — но кто именно? Ящик с сокровищами перегружали здесь, в Коломне, — но где, как, когда? До сих пор всё это тайна.

Так же тайной остаётся место клада адмиралтейц-советника Кикина, сокрытого где-то в Щурове. Соратник Петра Великого, ставший организатором побега его сына, царевича Алексея, Александр Васильевич Кикин после того, как царевич был обвинён в составлении заговора и все его друзья были арестованы, также попал в застенки. Его казнили в Москве, четвертовав на плахе; имущество Александра Васильевича было конфисковано, но в документах Тайной канцелярии сохранились показания, в которых сказано: *«Как казнили Кикина, тело его выкупили за 300 червонцев и погребли в вотчине Щурово... Взято было у него 80 тысяч рублей, а ещё у него осталось 40 тысяч, в которой он погребён вотчине, в Щурове, в каменных палатах заделано, в стене поставлено»*. Итак, где-то в подклете

боярского дома спрятаны сорок тысяч серебряной монетой — сколько это в пересчёте на нынешние деньги, с учётом антикварной и нумизматической ценности тех денег, подсчитать весьма затруднительно. Но вот беда — никто не может сказать, где стояла усадьба Кикиных. Описание её имеется в мемуарах иностранных корабельщиков, которые, направляясь на Воронежские верфи с господином адмиралтейц-советником, гостили у него в вотчине: родовой терем Кикиных имел белокаменный низ и деревянный второй этаж. Указывалось также, что стоял он недалеко от берега Оки. После конфискации имения у Кикиных оно несколько раз меняло хозяев, и разные владельцы сносили старые дома, возводя на новом месте свои собственные усадьбы. Так след кикинского терема и затерялся, а стало быть, и клада тоже. Если показания арестантов Тайной канцелярии верны, то сорок тысяч серебряной монетой и теперь остаются там же, где их замуровали в 1718 году.

* * *

Весьма соблазнительна для исследования территория в самом центре города — там, где некогда находился мужской Спасский монастырь. Сама обитель погибла ещё в XVIII веке — сгорела седьмого мая 1739 года, когда от пожара, занявшегося в Ямской слободе, выгорела вся Коломна и погибли многие её жители. Каменные монастырские храмы сильно пострадали, деревянные кельи, хозяйственные строения и ограда сгорели полностью. Просуществовав ещё некоторое время в весьма убогом виде, в конце восемнадцатого века монастырь был упразднён, а его братия переведена в одну из мужских обителей в Уфу. Монастырский собор перестроили, сделав большой Спасский храм приходским. Эту церковь при советской власти полностью разрушили так, что от неё нет нынче и следа. Какое-то время на этом месте был городской рынок, теперь там авторынок и всякие лавочки, а вот под ними... много что сокрыто под землёй и тонким слоем асфальта! Автор книги «Прогулки по древнему Коломенскому уезду» Иванчин-Писарев в прибавлениях к своему сочинению, опубликованных журналом «Москвитянин», сообщал о том, что в 1844 году под Спасским храмом осыпалась земля и открылся вход в древние пещеры. Пробравшись через полукруглую кирпичную арку, ведущую внутрь, любопытствующие недалеко от входа наткнулись на два высеченных из камня гроба. Никаких надписей на них не было, и чей прах покоился в этих саркофагах, неизвестно: ясно было только, что похоронили их много веков назад: одежды и обувь на них истлели без всякого следа, а от тел остались только голые черепа и кости скелета. Сначала любопытных было много: думали, что в подземелье нашли мощи святых. Но когда убедились, что это не так, интерес к ним пропал. Иванчин-Писарев пишет, что пещеры и ходы шли под всей церковью, а возможно, и далее, но охотников исследовать не сыскалось. Провал опять засыпали да и забыли о находке.

Существование вялого торжища на таком «нажитом» месте равносильно топке печи дровами из карельской берёзы или жаренью шашлыков на углях из красного дерева. Гораздо уместнее там масштабные

археологические раскопки, которые вполне могут превратить Коломну в один из мировых культурных и туристических центров. Археологические памятники являются невероятной силы приманкой для туристов — примеров тому несть числа! Кабы не усилия британских и французских археологов, которые своими находками и открытиями привлекли внимание миллионов людей к Египту, на месте большинства тамошних курортов, отелей, сувенирных лавочек и ресторанов по сию пору так и стояли бы грязные арабские деревни, наполненные прозябающим в нищете населением. Коломне хватит и малой части египетских коммерческих успехов, а то, что в этом смысле у нашего города весьма неплохие шансы, видно из приведённого выше рассказа о коломенских тайнах иных времён.

* * *

Но что там подземелья монастыря, упразднённого в XVIII веке, — по сию пору окутана полнейшей тайной история сохранения остатков стен и башен Коломенского кремля. События эти так здорово забыты, что малюсенький след этой загадки отыскался нами в совершенно неожиданном месте — среди материалов по истории... Зарайска. Как это часто бывает в исследовательской работе, ищешь одно, а находишь совсем другое. Пополняя коллекцию сведений о Зарайском уезде, имея в виду отдалённую перспективу продолжения вышедшей уже книги «Три времени Щурова», натыкаешься на удивительный материал, имеющий самое прямое отношение к нашему городу. И не просто к городу, а к его жемчужине и гордости — Коломенскому кремлю. А вышло это так. Газета

362

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

«Московские ведомости» в № 156 за 1859 год опубликовала корреспонденцию из Зарайска, датированную «27-м днём июня», в которой речь шла о всяческих зарайских бытностях и происшествиях. Неизвестный автор (тогда не принято было подписывать статьи такого рода) среди прочего помянул о печальном состоянии Зарайского кремля. Сетуя на то, что хоть и построена крепость во время оно была весьма крепко, но, простояв не одно столетие, всё же разрушается, и остановить этот процесс никто не желает. Далее автор пишет поразительные строки: *«Вероятно, с Зарайским кремлём будет то же, что и с Коломенским: в Коломне древняя крепость разрушалась год за годом, пока градское общество не присудило её вовсе разобрать. Такое решение, несомненно, было бы исполнено, если бы не предстательство (заступничество) одного значительного лица, случайно в это время проезжавшего через Коломну»*.

К великому сожалению, анонимный благодетель, вскользь помянув о Коломне, не оставил даже малейшего намёка на личность «значительного лица», остановившего планы разрушения кремля в Коломне, или хотя бы указания на то, когда примерно это происходило. Теперь же перед нами самая настоящая историческая загадка, включающая в себя два вопроса: кто и когда?

Временной промежуток для предположений весьма широк — целых полсотни лет. Впервые распоряжение о сносе всех городских крепостей в Московской губернии было издано в самом конце правления императора Павла I, на рубеже XVIII и XIX веков. В Серпухове и Звенигороде с разрушением старых крепостей вполне управились, и сейчас от них нет и следа. В Коломне же по какой-то причине стены и башни разобрать не успели, и они долго ветшали сами по себе. За это время многое было разрушено самочинно — из старых стен добывали кирпич и камень для новых построек. Однако организованное разрушение башен было предпринято уже ближе к середине века, когда свалили Свиблову и Застеночную башни, стоявшие вдоль берега Москвы-реки, и устроили по этому поводу превесёлый праздник. Кстати говоря, именно после уничтожения Застеночной башни, под которой находилась подземная тюрьма, прицепившаяся к ней легенда о содержании в неволе Марины Мнишек перекинулась на Коломенскую башню, которую теперь иначе как Маринкиной и не называют. Изначально ведь приезжим показывали «башню у моста, под которой было шесть этажей подземной тюрьмы». Застеночная как раз и стояла возле Плашкоутного моста, а через не запруженную тогда ещё Коломенку, бывшую размером с большой ручей, был перекинут лёгонький деревянный мосток, и назвать Коломенскую башню «стоявшей возле моста» никому и в голову не приходило.

Старые башни сносили по решению городских властей, и самое занятное в этом предприятии было то, что подобная инициатива была дерзким самоуправством. Сохранилось свидетельство, согласно которому, начиная с 1848 года, коломенское городское выборное самоуправление неоднократно поднимало вопрос о сносе стен и башен, «по ветхости ставших опасными», и использовании полученного при сносе материала. Однако резким противником этих планов стал сам государь император Николай I, который приказал оставить и саму мысль о сносе стен кремля

364

В Коломне, а повелел вместо того стараться тщательно поддерживать эти руины старины. Таким образом, мы получаем крайние даты — 1848 и 1859 годы, когда предположительно могли произойти заинтересовавшие нас события. Но загадка личности спасителя кремля от того не становится проще.

Кто же он мог быть, этот человек, заступившийся за старый кремль? В зарайском материале «лицо» было названо «случайно проезжавшим», и скорее всего это именно так и было: некто просто оказался в нужное время в нужном месте. Судя по всему, авторитет этого проезжающего был чрезвычайно велик, если даже не приказ, а одна его просьба, заступничество возымели такое воздействие на «отцов города», уже решившихся разрушить крепостные стены и башни. Из всех известных личностей, чей голос имел вес в Коломне, на эту роль никто не подходит — их биографии тщательно изучены, множество раз перелопачены их мемуары и воспоминания о них современников, и всё, что можно было выжать из этих материалов, давно выжато до последней капли. При этаккой тщательности проработки биографий представить себе, что факт участия кого-либо из известных персон в деле сохранения крепости прошёл мимо внимания нескольких поколений исследователей, совершенно невозможно. Чрезвычайно соблазнительна фигура императора, запретившего сносить башни, — но и её приходится отвести по той простой причине, что проезд Николая Павловича через Коломну расписали бы во всех подробностях, и если бы он «накрыл» местных жителей в то самое время, когда они, вопреки его высочайшему пожеланию, крушили башни кремля... О, отголосок такого скандала до сих пор медью звенел бы в истории города! Покойный государь был

человек «сурьёзного нрава» и так бы просто ослушникам его фортелей не спустил.

Нет, точного ответа на этот вопрос на данный момент пока не имеется. Хотя, честно говоря, и само свидетельство о том, что кто-то конкретный встал на пути разрушителей, отыскалось случайно и совсем недавно. Специальное исследование в этом направлении вряд ли будет затеяно в обозримом будущем. Остаётся надеяться, что загадка будет разрешена тем же самым образом, каким и возникла: при поиске и «фронтальном» просмотре материалов посреди какого-нибудь текста вдруг всплывёт фраза, прозвучит заветное имя. В этом и заключается азарт исследовательского поиска, весьма похожий на сыщицкий или рыбацкий. Только «удить» или «искать следы» приходится в такой загадочной субстанции, как прошедшее время.

Коломенские гастроли господ «кукольников»

В 1878 году, летом, в Центральной России обнаружился наплыв фальшивых денег. Их почти ежедневно присылали в столицу на экспертизу из разных городов. Большею частью подделывали билеты 25-рублёвые и однорублёвые, а также очень качественно изготовленные трёхрублёвки. При проведении экспертизы банковские работники пришли к выводу, что поддельные купюры, хотя и приходили из разных мест, сделаны на одном станке, и тут действует одна шайка фальшивомонетчиков, якобы орудующая в Коломне.

Полиции был дан приказ: если вдруг где-то появились фальшивые купюры, сообщить об этом «благодетелям». Во главе розыска встал пристав Серпуховской части Ребров, прославившийся при ловле преступников в самой Москве. Осведомитель поставил его в известность о предполагаемой сделке: два «барыги» предложили ему купить у них поддельные «четвертные» и «рублёвые» ассигнации. Когда «продавцы» передавали свёрток с фальшивыми купюрами «покупателю», пристав Ребров арестовал сбытчиков, доложив об их задержании куда следует, и дело передали следователю прокуратуры Победимову. Тот сформировал специальную розыскную группу. В неё вошли Ребров, а также квартальные надзиратели московской полиции: капитан Муравьёв и поручик Виноградов. В Москве тогда ещё не существовало сыскного отделения как подразделения полиции. В случаях особо важных формировались команды полицейских. Они-то и производили розыск и дознание.

Хотя пытки в то время были уже давно под запретом, с арестованными уголовниками обращались жестоко. Полицейские закрывали на это глаза. Считалось нормальным избить при допросе обвиняемого. В тех случаях, когда высокое начальство требовало результатов, полицейские прибегали к насилию. Но от сбытчиков полицейским удалось узнать мало: ведь товар те получали не напрямую, а из третьих рук. Но кое-кого они всё-таки назвали. Три месяца шла команда следователя Победимова по следу фальшивомонетчиков. Им удалось установить конспиративную

квартиру, где беглые каторжники «пекли блины» (так блатари называли изготовление фальшивых денег).

Внезапно сыщики явились по установленному адресу. Всех, кого застали на конспиративной квартире, арестовали. При проведении обыска заглянули в колодец во дворе дома и обнаружили там части печатного станка новейшей конструкции и другие вещи, необходимые для печатания фальшивок. Тут-то арестованные не смогли уже отпереться! На допросах они выдали тайник, где находились доски с выгравированными образцами 25-рублёвых купюр.

Победимов отметил про себя, что ни один из арестованных гравёром не был. Они сами не могли сделать такие образцы. Он допросил «типографщиков», от кого они образцы получили. В конце концов главарь шайки рассказал, что купил их в Коломне: там есть держатель собственной «фабрики», некто Добычин, который потом «прикрыл» это дело.

На другой же день в Коломну из столицы прибыла полицейская экспедиция. В неё входили следователь Победимов, пристав Ребров, надзиратели Муравьёв и Виноградов, а также целая команда рядовых полицейских. Они решили не извещать местную полицию: боялись, что сведения будут известны в небольшой Коломне, где множество людей или состоят в родстве, или просто очень хорошо знают друг друга. Естественно, полицейских из столицы в Коломне не ожидали. Нагрянувшая внезапно в небольшой город полиция уже знала из показаний арестованных в Москве, что Добычин имеет дом и лавку в Коломне. Они пришли в его лавку, но хозяина там не застали. Приказчики доложили полиции, что Добычин пошёл пить чай в ближний трактир. Немедленно сыщики двинулись туда и действительно застали хозяина лавки за чаепитием.

Он сидел не один: с ним был городской голова. Купец Добычин очень удивился, когда полицейские приказали ему следовать за ними: от удивления он даже слова не смог произнести. Его тут же арестовали, известив об этом факте коломенскую полицию.

А коломенская полиция была очень удивлена этим событием. Больше даже, чем арестованный Добычин. Все его дружки полагали, что он крупный торговец, честный человек, отец семейства. Никто из них не догадывался, что Добычин получал прибыль от продажи фальшивых денег и таким образом открыл своё дело. Под благообразной внешностью купца скрывался преступник, главарь шайки. Семья его тоже была вовлечена в это неблагоприятное дело.

Добычина сразу же арестовали, и коломенские и столичные полицейские повели купца к нему домой, чтобы произвести обыск. Несколько полицейских с той же целью отправились в его лавку. Подходя к дому, увидели лицо молодой женщины в одном из окон: это была дочь Добычина. Когда полиция приступила к обыску, дверь в комнату дочери оказалась запертой. Пристав негромко постучался, попросил открыть полицию. Ему ответили из-за двери, что, поскольку хозяйка одевается, войти нельзя и не смогут ли они подождать немного. Полицейские тем временем стали производить обыск в других комнатах. Вдруг кто-то со двора крикнул: «Пожар!» Это городской из внешнего оцепления дома Добычиных заметил чёрные клубы дыма, вырывающиеся из окна дочери арестованного купца. Полицейские сначала выскочили во двор, но потом вернулись в дом и пытались проникнуть в двери комнаты, откуда шёл дым, но им это не удалось: двери были чем-то крепко изнутри подперты. Тогда двое здоровых мужчин с разбегу ударили плечами в дверь

и выбили её. Все увидели, как дочь Добычина, боясь сорваться с высоты второго этажа, высунулась наружу, потому что дышать в помещении из-за дыма было прямо-таки невозможно. На полу комнаты, посередине её, горел костёр из бумажек. Так дочь купца хотела уничтожить готовый «товар», который находился в её комнате. Увидев из окна, что отца ведут под конвоем, она таким образом хотела спасти его.

В истории изготовления фальшивых денег дочь купца Добычина играла значительную роль. Впоследствии выяснилось, что сам купец, который имел дом и торговую лавку в Коломне, хотел ещё большего богатства. Пользуясь тем, что в его дочь влюбился способный гравёр, Добычин и затеял всё это дело с фальшивыми купюрами. Ему удалось уговорить будущего жениха способствовать прибавлению богатства семьи, куда он готовится войти. Молодой человек на пару со своим товарищем, который тоже «вошёл» в это дело, полгода прожил в потайной комнате будущего тестя. Там всё было готово для них, и даже слуги не догадывались о том, что в доме живёт посторонний. Ночью молодые люди выходили в сад на воздух, размяться и подышать. Доски, которые таким образом в укрытии изготовили гравёры, были вполне пригодны для изготовления высококачественных купюр.

Молодые люди собрали станок, обустроили на чердаке дома печатню и приступили к изготовлению фальшивых денег. Боялись они лишь шума, который шёл при работе станка: его ведь могли услышать прохожие! Но молодые люди приспособились печатать деньги днём, когда дочь хо-

зяина играла на фортепьяно шумные пьесы. Эти бойкие музыкальные произведения исполнялись вперемежку со страстными романсами. Соседи купца, люди наивные, думали: «Добычинскую девушку черти раздирают оттого, поди, что замуж хочет: ишь как голосит-то!»

До того как дочь купца Добычина, исполняя романсы, сорвала глотку, купец решил остановить производство фальшивых денег: он считал, что им и этого хватит. Мошенники изготовили 800 «четвертных» и 10 тысяч рублёвок. Было сработано также 200 фальшивых трёхрублёвок. Расчёт с гравёрами произошёл их же товаром. После этого хозяин отпустил их, разобрал станок, а потом сжёг его за городом.

Изготовленные же купюры некоторые спрятал, а некоторые ловко пустил в ход на ярмарках и базарах.

Образовавшийся таким образом немалый капитал давал купцу Добычину стать первым коломенским торговцем. С ним стали дружить лучшие семьи Коломны. И всё было бы хорошо, но... купец не уничтожил гравировальные доски, а надёжно, как он думал, припрятал их. Когда гравёры сбывали в столице ими самими сделанные купюры, неожиданно познакомились с беглым С. Тот по достоинству оценил качество «бумажек». Естественно, он сам захотел делать такие. Тогда молодые люди привели своего знакомца к Добычину. Купец, узнав, сколько ему хотят заплатить (а деньги тот обещал немалые), продал доски. Но уголовные попались. От них-то и потянулась в Коломну ниточка...

14 ноября 1878 года был несчастным днём для семейства купца Добычина: в этот день полицейские допоздна производили обыск в его доме. Но они не нашли ничего. Хитрая дочка Добычина почти все деньги спалила. Полицейским удалось найти в спальне дочери купца одну плохо сохранившуюся рублёвую бумажку. Найдены были и другие «бумажки», но для экспертизы они оказались непригодными. Там, где шесть месяцев тайно жили и «работали» мошенники-гравёры, нашли лишь следы станка. Нашли также предметы, необходимые для их работы. Но увы, эти «улики» были лишь «косвенными»! Множество народу осматривало усадьбу купца. Кроме полиции, были 30 солдат-артиллеристов из квартировавшей в Коломне части. По приказу городского Москвы Эглиса солдаты перекопали весь сад, а также протыкали всю землю железными штырями-щупами. И им удалось наткнуться на что-то твёрдое в глубине сада. Там, под густыми зарослями малинника, стали копать и нашли ящик из железа. При свете керосиновых фонарей, которыми пользовались солдаты, обыскивая сад, следователь приказал вскрыть ящик. В нём лежали фальшивые деньги — «четвертные» и «рублёвки»; при пересчёте их оказалось там на десять тысяч рублей. Позже в банке провели экспертизу, которая доказала: эти купюры печатали при помощи тех самых гравировальных досок, которые уже изъяли в столице.

Почти всё семейство Добычиных провело ночь в коломенской тюрьме. Оттуда их рано поутру отвезли в Москву под строгим конвоем. Там их заточили в Губернский тюремный замок. В прежние времена он располагался на Таганке. Таким образом, заключённые присоединились к другим арестованным по этому делу. Их насчитывалось более полутора десятков человек: все ожидали следствия, суда и каторги на долгие годы.

Питейное дело

Царь Алексей Михайлович в середине XVII века, желая расширить свои владения, успешно воевал с Прибалтикой. Он захотел также присоединить к своим землям и большую территорию Малороссии. Но не все одобряли такую политику царя: у него было много сильных про-

тивников. Однако на Украине началась война. Русские воеводы боялись удара с юга крымских татар, которых «разжигали» поляки и турки, потому и усиливали войско на рубежах, которые охраняли столицу с опасной стороны. В 1653 году, чтобы усилить гарнизон в Коломне, туда прибыл отряд иностранных солдат-наёмников (большинство из них были немцы). Командовал ими майор Андрей Романович Цей.

Наёмники были профессиональными военными, которые с давних времён находились на службе у великих князей и русских царей. Это были ударные подразделения, похожие на нынешние элитные части. Они во многом превосходили стрельцов и ополченцев выучкой и сноровкой, так как для стрельцов и ополченцев военная служба была дополнением к их основным занятиям: хлебопашеству, торговле, ремесленничеству и т.д. Но особое положение этих войск, а самое главное — неподчинённость их русским военачальникам (чужестранцами занимался Иноземный приказ) как бы сами собой позволяли наёмникам пренебрегать законами и вести себя, как оккупанты в завоёванной стране.

В европейских армиях войска обеспечивались всем необходимым обычно за счёт населения. При этом часто между закупками и прямым грабежом не было особенной разницы. Потому в европейских странах население смотрело на солдат, как на разбойников. Так оно в большинстве случаев и было: некоторые наёмники лихо переходили из солдат в разбойники или наоборот. Рекрутов вербовщики обычно набирали по кабакам, базарам и т.п. За каждого поставленного «воина» получали деньги. Потому и в армии наёмников служили люди, достойные шайки грабителей и головорезов. Такие вот «солдаты» и прибыли в Коломну для несения службы.

Как в любом другом русском городе, в Коломне хмельные напитки продавались только «в кабацких избах на Кружечном дворе». Это был особо прибыльный промысел. Он полностью контролировался государством. Торговавших в кабаках-«кружалах» купцов считали состоящими на государственной службе и называли целовальниками (перед тем как приступить к делу, эти люди давали присягу верности и «на том целовали крест»). Голова Кружечного двора распоряжался всей торговлей вином в городе. Тогда им был Микифор Прохоров, который торговал с товарищами.

Им велено было по государеву указу «с Коломенского Кружечного двора государеву казну, соборные за вино деньги собирать на государеву веру, в правду». Согласно присяге, закреплённой целованием креста, фирма «Микифор Прохоров со товарищи» могла торговать напитками только в оговоренные в царском указе часы и дни: «...а в Великий пост и о Светлой неделе; и в Успенский пост тоже; и в воскресные дни во весь год, а Рождественского и Петрова постов, в среды и пятки, с того Кружечного двора продавать не велено».

Всё было хорошо, да в Коломну нагрянул отряд иноземных наёмников. Те сообразили, в чём дело, и стали перед воскресными и прочими днями, когда Кружечный двор не торговал, делать большие закупки вина. Наутро же они приходили к питейному месту, которое, согласно указу, было закрыто, и продавали вино «в разлив по чаркам», но со значительной надбавкой цены. Потом со своим «товаром» они стали ходить по торгу и Посаду, по слободам и дворам. Не один раз их отлавливали подчинённые Микифора Прохорова, приводили к майору. А тот своих солдат не наказывал никогда.

У них была своя клиентура. В тех дворах, где чужеземные солдаты стояли на постое, делали брагу и перегоняли вино. Каждый день в избах Кружечного двора наёмники играли «в зернь» (кости), несмотря на то, что эта игра была строжайше запрещена. Прохоров, как человек, ответственный за порядок на питейном дворе, попросил майора наказать беззаконников. Но Цей не сделал этого. Микифор Прохоров мог производить обыски, чтобы обнаружить «незаконное вино», и изымать такой «товар». Как хозяин питейного двора, он провёл несколько обысков с реквизицией. Среди наёмных солдат это вызвало огромное недовольство. Между ним и солдатами отряда возник конфликт. Солдаты не потерпели такого обращения. Они жестоко бранились, когда их гнали с питейного двора. Часто даже лезли в драку и кричали, что убьют Прохорова вместе с его приказчиками.

Шестого декабря 1653 года двести наёмников отряда Цей не в первый уже раз затеяли на Кружечном дворе ссору: они упрекали в чём-то служителей двора. Две кабацкие избы даже пострадали от погрома. Солдаты били дубинками кабацких служителей, ломали столы, прилавки, били посуду, разливали питьё. Увидев всё это, Прохоров велел своим подчинённым звонить в колокола, чтобы собрать народ. Сам же кинулся с другими служителями двора спасать казну. Казну спасли. Но в этой драке покалечили целовальника Аввакума Раменикова и ярыгу Ивана Долгова.

Им проломили головы, переломали руки и ноги. Прохоров приказал покалеченных отнести с питейного двора прямо к воеводе, вместе с формальной жалобой на солдат, но воевода направил кабацких служителей к майору Цею. Те же не захотели слушать Прохорова, притворившись, что не знают, из какой роты эти солдаты-разбойники.

Этой же ночью прибежал в государеву Казённую избу целовальник двора Викул Ильин, жалуясь, что пятьдесят солдат во главе с офицером пришли к его двору, двое перелезли через забор и открыли ворота. Вся ватага хлынула в открытые ворота и грозилась убить Ильина. Но он «ухоронился от них в казёнку, под печь». Эти разбойничьи действия происходили на виду у «окольных людей». Викула Ильин рассказал, что запомнил в лицо того офицера — предводителя нападающих, и сможет узнать его.

* * *

После такого происшествия между Казённой избой и Кружечным двором майор Цей распорядился установить посты, будь то день или ночь, для охраны. Подчинённые ему солдаты не пускали шедших в кабак за вином горожан. Их останавливали и продавали им вино прямо на посту. Майор Цей с барабанным боем, во главе отряда в пятьдесят человек, с мушкетами и пиками, по три-четыре раза приходил на Кружечный двор неизвестно зачем. Это вселяло страх в жителей города: при виде отряда все бежали «от греха подальше». Покупателей же вина у Прохорова наёмники ловили, избивали, отнимали и выливали вино.

Майор Цей, кроме «винного промысла», занимался со своими подчинёнными, говоря современным языком, рэкетом: *«...вечером, после барабанного боя и по ночам ходят по улицам и, посадских людей схватив и связав, отводят к майору. Запирают их в подклет и мучают, и батоги бьют для своей корысти. А повелел им всю ночь ходить майор»*. За Микифором Прохоровым и его людьми наёмные солдаты прямо охотились. Те ходили теперь большой компанией, чтобы отбиться от иноземных солдат. Утром, отпирая Кружечный двор, или вечером, при возвращении по домам, подчинённые Прохорова слышали угрозы солдат, которые стояли на постах. В значительный упадок пришла от таких действий торговля вином в Коломне. Боясь ответственности за это, Прохоров написал государю царю и великому князю Алексею Михайловичу челобитную. В ней он и описал все вышеизложенные события. Челобитная дошла до царя, и тот приказал разобраться в этом деле боярину Илье Даниловичу Милославскому, который ведал делами Иноземного приказа, да дьякам того приказа: Василию Ртищеву, Матвею Куретьнову и Меркурию Крылову. Но майору Цею была послана из Иноземного приказа после этой челобитной лишь бумага увещательного характера. Там было написано, что в Москве осведомлены о его делишках: про оптовые закупки вина с Кружечного двора, про продажу его в розницу через солдат, и потому майор — *«незаконный винопродавец»*. Ему указано было: *«Ты то делаешь не гораздо»*. Пригрозили *«то дело на Коломне сыскать»*. Призывали его: *«Как к тебе сия память придёт, ты впредь так не делай, смотри и то»*

варищам своим, начальным людям, заказ учини накрепко, чтобы они потому же смотрели и того береглись. Чтобы солдаты, будучи на Коломне, жили смирно и бережно, воровства от них коломенским посадским и всякого чинов людям не было, и сами б они меж собой не дрались и жили мирно».

Этим, может быть, всё бы и закончилось, но майор Цей не успокоился. В январе 1654 года в столицу поступила бумага с жалобой на него уже не от торговцев. Царю «били челом» архимандрит Коломенского Спасского монастыря Иона с братией, соборный протопоп Василий Ефремов с братией, поповский староста Леонтий Матвеев, и вместе с ними все попы и диаконы городские и загородские, стрельцы и пушкари коломенские, городские воротники, староста посадских людей Пимен Комуралов и все посадские люди. Они жаловались «на майора Андрея Романова сына Цея со товарищи, солдатского строю начальных людей» и на их подчинённых. Эти «служилые люди солдатского строю», оставив в покое торговлю вином, ходили теперь по ярмаркам и базарам и там бесчинствовали: отнимали товары, не гнушаясь и просто грабить на улицах прохожих горожан.

* * *

Патрули наёмников в вечернее и ночное время грубо останавливали попов и тех должностных лиц, которые отвечали за сбор казённых пошлин и других денежных сборов: целовальников и просто зажиточных людей иных званий. Приведя их на двор к майору Цею и заперев в подвале, солдаты издевались над ними, требуя «откупных денег: мучили, избивали. Напуганные горожане по воскресным и праздничным дням

373

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

боялись ходить в церкви Божьи. Солдаты Цея, имевшие в городе неограниченную власть, могли подкараулить и избить фактически всякого прохожего. По всем перекрёсткам стояли укреплённые блокпосты наёмников. Они назывались «съезжими». Улицы были перегорожены этими постами, и никто из прохожих не был уверен в том, что и его не схватят и не изуродуют наёмники. Но и солдаты боялись коломенцев: целыми ночами жгли костры, чтобы «охраняемые» ими улицы были освещены. В городе были израсходованы на это все запасы дров. Таким образом, цены на дрова в Коломне выросли. Дрова стали стоить дороже хлеба. Бедные коломчане в зимние морозы не могли себе позволить топить печь. Люди мёрзли от холода в своих избах.

Когда челобитная пришла к царю, он увидел под ней подписи хорошо ему известных людей духовного звания. Он приказал голове московских стрельцов Осипу Васильевичу Костяеву провести в Коломне следствие. Такое следствие называлось тогда «повальным обыском». Костяев, согласно закону, должен был опросить всех, кто поставил подписи под челобитной. Царь велел допросить посадских людей, которые терпели от наёмников разные обиды, а также разузнать, какие товары грабили наёмники и кого заточали в подвалы и там истязали. Костяев с подчинёнными ему людьми должны были всё это подробно описать; духовные люди и «люди обысканные», а также сам Осип Васильевич, должны были поставить под всем этим подпись и печать и везти бумагу государю в Москву. Копию этих «обыскных листов» государь повелел передать в Иноземный приказ боярину Илье Даниловичу Милославскому и подчинённым ему дьякам.

* * *

Мы не знаем, что стало с провинившимся майором Цеем и его солдатами. Из документов сохранился только царский указ начать «повальный обыск». Но, видно, лихой вояка Цей смог искупить на поле брани все свои бывшие прегрешения. Лет через тридцать после этих событий частями иноземных солдат, которые воевали в Малороссии, командовал сын майора Цея, Андрей Андреевич.

Иллюстрации к статье взяты из комплекта открыток «Коломна: Прошлое и настоящее» (Коломна, изд-во «Инлайт»).

- № 23. *Старо-Голутвин мужской монастырь*
- № 11. *Москва-река. Устье речки Коломенки*
- № 24. *Река Ока. Щурово. Троицкая церковь нач. XX века*
- № 10. *Южная часть стены кремля*
- № 2. *Речка Коломенка. Маринкина башня*
- № 4. *Успенская улица*
- № 22. *Пятницкая улица. Женская гимназия*
- № 21. *Репинская улица. Городская больница*
- № 8. *Брусенская (Почтовая) улица. Брусенский женский монастырь*
- № 20. *Житная торговая площадь*

РОДИМАЯ
СТОРОНА

Графика Василины Королёвой

Ольга Александровна Юрикова родилась в Коломне, в селе Протопопово в 1957 году. Окончила Коломенский педагогический институт, работала учителем. Но главное дело её жизни было связано с Девичьим полем в Коломне — тем самым местом, где накануне Куликовской битвы великий Московский князь Димитрий устроил смотр русских войск.

В 1994 году Юрикова создала Общественное объединение — Историко-культурный центр «Девичье поле», отстаивая это историческое место от застройки жилых домов. По её инициативе каждый год в сентябре проводился общегородской праздник «День Девичьего поля».

Член Союза писателей России, член Союза ветеранов Афганистана. В 1991 году выпустила книгу стихов «Умею ли любить». Автор многих статей о судьбах исторических памятников России, а также телеочерков, показанных на Центральном телевидении. Умерла 20 сентября 2010 года. Похоронена в Коломне.

ДНЕВНИК ПОХОДА НА КУЛИКОВО ПОЛЕ

Предисловие

В конце мая 2000 года по инициативе тульского музея-заповедника «Куликово поле» был организован музейно-театрализованный поход «По пути Дмитрия Донского». В нём приняли участие многие военно-исторические клубы городов Центральной России, а также гости из Прибалтики, Украины и Белоруссии.

Поход был приурочен к 620-й годовщине Куликовской битвы и повторял исторический путь, по которому двигались русские рати, ведомые 30-летним великим Московским князем Дмитрием.

Маршрут начинался с Красной площади Кремля и пролегал к югу до Коломны, где на обширном Девичьем поле в канун битвы был назначен смотр собранных воедино русских ратей. Именно здесь была выработана тактика предстоящей битвы с полчищами хана Мамаю.

После переправы через Оку русские рати двинулись к югу в сторону Тульской земли — мимо Епифани к селу Монастырщино, поблизости от которого располагалось просторное Куликово поле — место, где впервые объединённые силы русских княжеств одержали историческую победу, окончательно укрепившую самосознание русского народа.

Давно мечтала пройти этот судьбоносный для России путь, наверное,

с момента прочтения «Прогулки по древнему Коломенскому уезду» Н.Д. Иванчина-Писарева. А тут Бог подал... И конечно же, вместе со своими вещами я положила в рюкзак тетрадку, чтобы вести дневник этого дивного похода.

Конечно, мои родные отговаривали: здоровье слабое и всё такое прочее... Но я стояла на своём: это происходит первый раз за шестьсот лет, да и тема моя, напрямую связанная с Девичьим полем.

24.05.2000

Встала рано утром и начала сборы к великому походу — «По пути Дмитрия Донского». Предстояло ещё погладить русский костюм, сложить рюкзак, сделать последние звонки. Накануне был беспокойный день: продумывала, какой пакет документов по Девичьему полю передать в дар музею-заповеднику «Куликово поле», снимала копии с документов (как всегда, в этом очень помогла моя сестра Вера Шерстнёва), потом захала в интернат попрощаться с детьми и воспитателями. Домой приехала уже часов в девять вечера: готовилась к экскурсии Москва–Коломна, делала выписки из книг по этому маршруту. Созвонилась с Алисией Дарэ (моей ученицей по русскому языку, аргентинкой), договорились встретиться в 10.30 у Васильевского спуска.

Итак, утром мы с моим мужем Володей, который тащил мой тяжёлый рюкзак, поехали на метро до «Театральной». Вышли к Красной площади. Но она, к несчастью, была перекрыта усиленными нарядами милиции, поэтому к Васильевскому спуску нам удалось добраться только в 10.45. Выходим, а там никого!!! Я была страшно удивлена: ведь накануне созвонилась с Тулой, уточнила время и место сбора (было решено: Красная площадь, Васильевский спуск — с 10 до 11 часов). Я переживала за Алисию (ещё подумает иностранка, что я её обманула), побегала по переходам. И вдруг смотрю: она на

С Красной площади начинается наш поход на поле Куликово. 24 мая 2000 года

другой стороне Васильевского спуска разговаривает с милиционером. Я махнула рукой, и она (о чудо!) меня увидела.

А тут и автобусы из Тулы подъехали, и всё пошло своим чередом: с транспорта шла разгрузка оборудования, реквизита, лошадей, телег. Готовились площадки для выступления, устанавливались шатры, производился монтаж оборудования.

Театрализованное представление началось у Государственного Исторического музея: сначала выступал фольклорный ансамбль из Тулы. Я делала для Алисии спонтанный перевод на русский, очень часто в текстах песен звучало слово «гулять», к огромному удовольствию моей гостьи (это было одним из первых понятий русского характера, объяснённых мною ученице и с радостью ею воспринятых). Мы немного погуляли в Александровском саду, а затем пообедали в торговом центре «Манеж», в «Русском бистро».

Но вначале мы, разумеется, посетили часовню Иверской Божьей Матери, поставили свечи к иконе за удачное странствие на Куликово поле.

Мы возвращаемся к ГУМу. Представление уже началось. Перед глазами собравшихся оживали картины русской жизни XIV века: детство князя Дмитрия Донского, его возмужание, борьба с ненавистным игмом, батальные сцены, финальный выход всех участников акции (членов военно-исторических клубов из разных городов России), прохождение военно-боевым порядком участка пути вдоль ГУМа. Эта картина вряд ли оставила равнодушными людей.

Итак, мы начинаем марш с исторической Красной площади. Я ещё не знаю людей, идущих со мной в одной колонне. Но откуда это удивительно волнующее ощущение: слияние со всей новой русской ратью, уходящей на Куликово поле, радостное чувство сопричастности чему-то очень важному, что должно изменить мою жизнь.

Отъезд с Красной площади в 17 часов; Наташа Смирнова (моя подруга — директор Культурного центра «Сергиев Посад») еле успела в последнюю минуту вскочить в автобус. Ехали по Каширскому шоссе во избежание пробок, в колонне также следовали фургоны с лошадьми, «КамАЗ» и две «газели».

Экскурсию вела сначала Наташа, потом я. Познакомились с тульскими молодцами: Олегом Заидовым, Сергеем (Штабом), Денисом (Фоксом). Пообщались с Михаилом Бегелевым, сотрудником музея-заповедника «Куликово поле». Выяснилось, что он собирает карты, и я подарила ему мою карту Коломенского района.

Прибыли в Коломну уже около восьми вечера — и сразу на Девичье поле, хотя у «Белого дома» (здания городской администрации) нас ждал сотрудник администрации Александр Васильев. Но движение по главной улице перекрыто (делалась свежая дорожная разметка к приезду губернатора Московской области Б.В. Громова и митрополита Коломенского и Крутицкого Ювеналия). Наш автобус прибыл первым, пришлось ждать других (отстал фургон с лошадьми и «КамАЗ»).

На поле уже кипела жизнь: был разбит лагерь, расставлены палатки, работала походная кухня. Поужинали макаронами, которые принёс

Василий Цветков, наш местный активист. Очень кусали комары и мошкара. Решали оргвопросы: где найти оглобли, дрель, розетку для зарядки аккумулятора.

Два заказных автобуса сразу уехали в Тулу, а мы с Наташей Смирновой, Николаем Травиным (зам. директора заповедника «Куликово поле»), артистами и фольклорной группой из Тулы пересели в третий «Икарус» и поехали размещаться в 17-ю школу в Колычёво.

Около одиннадцати вечера разместили всех людей в школе, создав проблемы завучу Нине Петровне Кузьминой (первоначально планировалось поместить всех на ночлег в одно помещение, но пришлось поселить актёров в «пионерскую», а юного Дмитрия Донского с мамой в наш школьный музей — «Думную» комнату). Предложила Николаю переночевать у нас дома, но он отказался: поехал в лагерь к своим ребятам — отмечать свой день рождения.

25.05.2000

Утром в 7.30 была опять в школе, откуда мы, забрав гостей, уехали на бивак на Девичье поле завтракать. Поле представляло собой картинку «живой истории»: лошади, пасущиеся на вольном просторе, просыпающийся лагерь, развевающиеся на ветру хоругви у каждой из палаток.

Я сделала несколько фото, позавтракали вместе с Любой Потловой; еда из походной кухни: гречка с тушёнкой и какао. Познакомилась с новгородцами Дарьей и Юрием; очень красивый у них стяг с изображением Божией Матери.

Зарядили у местных жителей аккумулятор для видеокамеры тульского ТВ (за деньги — вот ведь какие времена настали!).

В 10.00 началась автобусная экскурсия по городу, в которой приняли участие фольклорные коллективы, актёры, водители транспорта, ребята с тульского телевидения. Экскурсовод Татьяна Башкирова — руководитель нашего школьного музея — «Думной». Николай Травин дал нам на всё про всё полтора часа. Я переживала, понимая, что уложиться будет трудно, покрикивала на народ. И, конечно, мы не уложились.

Татьяна начала экскурсию с улицы Лажечникова, рассказав о коломенском купечестве, быте, занятиях, обычаях коломенчан, а потом повела всех в Брусенский монастырь. Гости слушали экскурсию внимательно, задавали много вопросов. «Кто разрушил стены Коломенского кремля?» — вопрошал с негодованием какой-то паренёк. И я, помогая экскурсоводу, объяснила, что всё это дело рук не современных варваров, а произошло это в XVII веке — кремль потерял своё оборонное значение, и предприимчивые местные купцы разобрали обветшавшие стены на амбары.

Мы вошли в шатровый Успенский собор Брусенского монастыря — самый древний храм города Коломны, поставленный Иваном Грозным в честь покорения Казани.

Потом посетили выставочный зал «Лига» с целью покупки сувениров, а затем направились к Маринкиной башне, и там я с удивлением увидела Наталью Смирнову в сопровождении двух коломенских горожанок. В су-

Коломна, Брусенский монастырь. Участники похода: слева — Люба Потлова, справа — Ольга Юрикова. Фото Ю. Колесникова

ете этого дня я не захала домой, чтобы захватить подругу на экскурсию, но она, похоже, совсем на меня не обижалась, а пребывала в отличном настроении по поводу гостеприимства коломчан — пока она добиралась на трамвае до Кремля, её дважды приглашали в гости.

Татьяна продолжала увлечённо повествовать о чём-то героическом из истории Коломны. Я показала ей на часы: мол, время! Татьяна заторопилась, но экскурсанты заверили нас, что Николай разрешил им посетить ещё и Соборную площадь.

На древней площади стояли церковные хоры и большая толпа зрителей. Участники похода быстро смешались с толпой, так что извлечь их из этого пёстрого столпотворения уже не представлялось возможным.

Я ещё рассказывала оставшимся со мной экскурсантам о Ново-Голутвином и Бобреновом монастырях, как зазвонили колокола, и из врат Успенского кафедрального собора вышел сонм духовенства: три митрополита, архиепископы, епископы и сорок священнослужителей. Прозвучали приветственные речи митрополита Коломенского и Крутицкого Ювеналия и главы администрации города Коломны В.И. Шувалова, затем грянул хор...

Короче говоря, экскурсанты сели в автобус только после полудня, но на всё воля Божья.

В 14 часов в краеведческом музее открылась выставка «Лес и степь», созданная сотрудниками музея-заповедника «Куликово поле», а затем центр событий переместился на площадь Советскую, где наших ратников из разных городов России приветствовал губернатор Московской области Б.В. Громов. Позже они приняли участие в масштабном шествии, которое завершилось на Соборной площади. Мне к этому времени уже передали, что Травин недоволен поздним возвращением экскурсантов в стан, но тут, по счастью, я его встретила и покаялась, он улыбнулся

и простил меня (впоследствии мне не раз приходилось убеждаться в его добром, отзывчивом характере).

Праздник прошёл замечательно!

Уже потом, в бесконечных разговорах в стане на тему дня, проведённого в Коломне, все отмечали это. Сюжет театрализованного представления абсолютно гармонировал с Коломенским кремлём: юный Дмитрий Донской (в исполнении Данилы Небольсина), бой на «Куликовом поле» при участии коломенских ратников из центра «Святогор» под предводительством Александра Егорова, праздничный фейерверк в конце программы, замечательные фольклорные ансамбли из Тулы.

Да и коломчане тоже лицом в грязь не ударили: участники фольклорных ансамблей, девушки из «Школы ремёсел» были просто на высоте. Перед представлением я заглянула на Соборную площадь, где шёл праздничный концерт, и встретила там знакомого — коломенского фотографа Юрия Колесникова, который работал на празднике с раннего утра. Мы немного перекусили и прошлись по кремлёвским улочкам. Тут и там прогуливались, словно павы, коломенские девицы в русских одеждах. Они были так хороши, будто ожили стародавние предания о самых красивых коломенских девушках, водящих хороводы на Девичьем поле. Юрий делал фотографии. Мы говорили о благолепии Соборной площади (на нашей памяти было время её запустения), об органичности русского костюма в древнерусской архитектурной среде. Перед театрализованным представлением «Отблеск великих деяний», в котором выступали все мы — участники музейно-театрализованного похода, Юра сделал ещё несколько снимков, а больше не получилось. «Поздно начали, на час бы пораньше», — досадовал фотограф.

Вечером наша организация — общественное движение «Девичье поле» — принимала руководство заповедника «Куликово поле». Приглашены

*Ольга Юрикова в Коломенском кремле. 25 мая 2000 года.
Фото Ю. Колесникова*

были также Анатолий Иванович Кузовкин, Алексей Фёдоров, Александр Васильев, представители археологической службы Коломны. Совместили приятное с полезным — на посиделках в доме у нашей активистки Любы Потловой переговорили о дальнейших совместных планах на будущее: проектах, туристическом семинаре, совместных изданиях, обмене информацией, археологических изысканиях. Гости отметили, что город им очень понравился: «А что, у вас такая чистота только к празднику или каждый день?» Ах, если б не комары да мошки, тучи которых заполнили город и атаковали участников похода два дня подряд! Прямо настоящее какое-то...

Мы предложили нашим тульским друзьям размещение в домашних условиях, но они, уже вовлечённые в процесс реконструкции Куликовской битвы, предпочли ночевать в полевых условиях — в палатках.

Так прошёл этот напряжённый, но очень важный день.

26.05.2000

Утром проснулась рано и ещё раз перепаковала рюкзак. Вчера, побывав на бивуаке, я поняла, что нужно взять пластиковое ведёрко и кувшин — нам с Любой они очень понадобятся. Настроение было отличное: наконец-то сбудется моя мечта побывать на Куликовом поле! К тому же заканчивался участок пути, где мы, коломенцы, выступали принимающей стороной, и теперь можно было почувствовать себя единичей, маленькой частицей единого собора. Николай Травин накануне дал указание прибыть в стан на Девичьем поле в 10.00, и вот мы с Любой с благословения моей мамы, которая дала мне в последний момент шерстяные носки, шествуем с рюкзаками за спиной по залитому солнцем Кольчёву на зависть идущим на работу горожанам. Ну и «походник» же я! Шею уже ломит, а ведь это только начало пути.

На Девичьем поле палатки собраны (недолго они радовали глаз), ребята уже в автобусах. Пока мы размышляли, в какой же транспорт бросить вещи, судьба сама всё решила: шофёр с проезжавшей мимо «газели» пригласил нас в кабину для доставки в Новомосковск и поддержания беседы. Водитель весёлый, разговорчивый — отставной майор спецназа Сергей. Я тоже в тон ему шучу, говорю, что веду летопись похода и возьму у него интервью. А он воспринимает серьёзно:

— Задавайте вопрос.

— Что вы любите?

Минутное раздумье.

— Я отвечу: свою жену, страну — Союз, Россию... понимаете, я — патриот. Когда развалился Союз, очень переживал и не стал давать присягу второй раз: ушёл в отставку, теперь шоферу, а присягать можно только единожды. Сейчас работаю на себя, — показывает на свою кормилицу «газель». — Помогаю ребятам в походе.

Сергей применяет свой излюбленный шофёрский трюк: вешает на лобовое стекло белый листок, включает передние фары, и мы с ветерком (за три часа) доезжаем от Коломны до Новомосковска. За окном мель-

кают населённые пункты бывшего Коломенского уезда, отнесённые в 1929 году к Ступинскому и другим районам. Ближе к Тульской области пейзаж меняется: меньше леса, больше степи. По дороге Сергей покупает нам тульский пряник (смородиновый). Он мягкий и тёплый, такой вкусный, кажется, ничего вкуснее не ела. Правда, на выезде из Коломны тоже продавались, но разве такие?

Мы слушаем подобранную для себя Сергеем музыку — от шофёрских песен до арий из опер; под Беллини и Верди несёмся по необозримым тульским просторам.

Водитель шутит: «Хан увёл с Девичьего поля двух полонянок». Мы протестуем: «Повышай статус, согласны только на жён!».

Сергей принимает правила игры и в дальнейшем трогательно заботится о нас: ставит палатку, расстилает спальники и трапики (специальные коврики, чтобы не шёл холод от сырой земли), приносит еду (завтрак, обед, ужин), даже прикрикивает на подходящих к нашей палатке мужчин, всячески оберегая наш покой.

На следующий день он неоднократно задаёт мне, а на самом деле самому себе вопрос: «О чём думал хан Мамай перед битвой?» Я молчу, а у меня мысли примерно в том же направлении: что чувствовали ратники во время 11-дневного перехода с Девичьего на Куликово поле? А нам до Куликова поля остаётся, как в сказке, три дня и три ночи.

И вот мы в Новомосковске. Городу семьдесят лет, архитектура довольно невыразительная, однообразная, много «хрущёвок». На центральной площади — мощный концерт народных коллективов: фольклор, танцы, казачество, ансамбли «Росинка», «Сударушка», «Русичи», «Сказ», Народный театр песни городского Дворца культуры, мальчишки из интерната прекрасно играют на гармонии. Костюмы — выше всяких похвал.

«Вот она, Россия, — думается мне, — сколько талантов!» Развёрнута выставка-продажа изделий народных промыслов. Всё очень дёшево. Я покупаю соломенную куклу за четыре рубля, гобелен за шестьдесят. (К слову сказать, и обед — пельмени, овощи, сок — в кафе Дворца культуры обошёлся мне в тринадцать рублей.) Народ в Новомосковске простой, открытый, доброжелательный. Женщина с ребёнком проходит мимо; узнав о том, что мы идём из Москвы на Куликово поле, говорит: «Прямо мурашки по коже».

В конце концерта ведущая призвала зрителей брать пример с артистов — плясать вместе с ними. Потом была наша историческая постановка (театрализованное представление «Отблеск великих деяний»), и мы с Любой впервые приняли в ней участие: выносили с поля боя раненых...

После представления все мы: женщины — на телегах, с песнями, а мужчины — пешком, с хоругвями — проследовали через весь город; детишки тучей спешили за нами, кто-то побойчей забрался на телеги. Один паренёк на роликах прицепился к нашей телеге да так и ехал с нами до конца городского парка, где нас поджидали автобусы. Гостеприимные горожане, расспросив, куда мы идём, выразили полную

поддержку нашей акции, сокрушались, что в городе не было информации о нашем спектакле. Потом рассказали о своём житье-бытье: оказалось, что Новомосковск пострадал от последствий взрыва Чернобыльской АЭС, поэтому зарплату они получают регулярно, у детей в детских садах бесплатное питание. Одна женщина преподнесла нам всем букет тюльпанов.

Попрощались с Олегом Заидовым — археологом из Новомосковска (у него прекрасная экипировка: иранский щит и оружие), он должен ехать в археологическую экспедицию в Серпухов.

В этот день я поделилась впечатлением с Андреем Наумовым: «Чувствую себя бродячей артисткой или членом цирковой труппы».

27.05.2000

Восход солнца в степи.

Проснулась рано оттого, что слышала чириканье, пение, посвистывание, кваканье — одним словом, многоголосый хор тварей Божиих. Послышалось ржание коней, а потом вступила кукушка, предрекая всему нашему спящему стану «многая, многая лета». В душе зазвучала молитва: «...И ныне и присно и во веки веков, аминь». Выбралась из тёплого спальника и приоткрыла, ещё лёжа, заднюю стенку нашей военной палатки. Было туманно, на траве лежала роса, светила старая бледная луна. Солнце ещё не взошло, но уже хорошо просматривался лесостепной пейзаж — «степь да степь кругом»: безлесная опушка поля, поросшая травами и сухим камышом. Округлые кроны вётел у верховья реки Дон, которую трудно назвать в этом месте рекой, больше подходит название речушка — чуть шире ручейка.

Встала и вышла на дорогу встречать рассвет. Дорога в утреннем свете казалась чёрно-чернозёмной. Стан ещё спал, кони мирно паслись у машин, к которым были привязаны. Обрывки пенки облаков на востоке начали румяниться, а небесная голубизна нежнеть, зеленеть и блёкнуть; над нашим мирно спящим лагерем простёрлись два светлых облачных ангельских крыла.

Розовый тон неба перешёл на запад: через полчаса небо на востоке совсем просветлело, птицы запели ещё отчаяннее, громче, и вдруг в лесополосе, которая тянулась на восточном горизонте, замелькали две живые маленькие звёздочки. Ещё минут через десять посередине, в просветах крон тёмных деревьев, загорелся солнечный костёр, который неуклонно поднимался вверх, принимая очертания шара, и, наконец, над всей лесополосой взошло золотое пульсирующее светило.

Наши спали. Вместе со мной это могли наблюдать только экипажи самолётов, параллельными, но разносторонними курсами (небесная дорога, похоже, столбовой курс, — после пролёта двух самолётов появились другие).

Пошла к костру. Из палатки, шатаясь, вышел мужик в зипуне, подкинул в костёр поленце, сел и стал греться, а потом совсем заснул. Возникло ощущение, что стёрлись грани веков — так было, есть и будет

всегда. Потом ребята сказали, что парень — приз зрительских симпатий Сергей Павликов (г. Калуга); а уж когда и я познакомилась с Сергеем, тот уточнил, что одежда называется жупан и где-то случайно найдена в скомканном и грязном виде (может, какой театр выбросил); он её постирал и теперь постоянно носит. Удобно, тепло, практично (да, знали наши предки, во что одеваться!).

Я стала сушить над костром промокшую от росы обувь, а тут подошёл водитель Сергей, попенял мне за то, что я не разбудила его встретить рассвет; но я не знала, что он расположился на ночлег в кабине своей машины. Села в кабину машины, любезно освобождённую для меня водителем, записать утренние впечатления. Опять стало клонить в сон.

После завтрака долго пыталась сотрудников музея-заповедника «Куликово поле» о травах, птицах, зверюшках, о чёрных археологах с металлоискателями...

Сейчас мне кажется, что жизнь лагеря вошла в своё русло: люди общаются, отдыхают, поют, играют на музыкальных инструментах. В наших рядах папа с восьмилетним ребёнком — девочкой Соней. Устроена помывочная для женщин (два бака — холодная и горячая вода), женщины смешивают её, помогая друг другу, льют на головы, и Люба Потлова с ними. Юра Гончаров — надежда и опора новгородцев, помогает своим девушкам, поливает им из ковша. Вот — настоящий мужик!

Кони мирно пасутся, дует прохладный ветерок, а я пишу дневник. Лепота — всё это напоминает мне цыганский табор в русском варианте. Мужчины чувствуют ответственность за женщин, которые разделяют с ними тяготы странствия, заботятся о нас, и это здорово! Я чувствую — что-то изменилось, возникает гармония двух начал: мужского и женского.

Дикое поле гармонизирует нас, мы начинаем жить в соответствии с природным ритмом.

На обед — щи, перловая каша с тушёнкой, какао.

Ветер раздувает края нашей палатки, и я вижу приоткрывающуюся панораму: поля, редкие перелески вдаль, яркий солнечный день, огромные облака в блёкло-голубом небе, коней, пасущихся на воле.

Народ начинает отъезжать на ежедневное представление. У Сергея с трудом заводится машина (сел аккумулятор), другой шофёр помогает завести её. Грузят реквизит (сундук, который выполнял роль единственной мебели в нашей с Любой палатке). Ветер настолько сильный, что иногда порывы его уносят одежду, а Люба ходит вокруг и пытается привязать края нашего укрытия к кольшкам. Виктор Гаврилин вызывается ей помочь.

Я изредка отрываюсь от своего «писательства» и люблю лесостепным пейзажем: зелёная майская трава с жёлтыми одуванчиками, небо, ветер доносит музыку (это ребята играют на рожке). Сегодня мы с Любой не поедem в Узловую: хочется побыть наедине с Диким полем, хочется отдохнуть и поработать, восполнить пробелы в записях вчерашнего долгого дня.

Кстати, в нашей рати есть и ещё коломенцы: вчера в Новомосковске к нам подошёл парнишка из района Кольчова, примкнувший к тулякам

в Коломне. Это Павел Пальков, учащийся ПТУ № 30 ЗТС (завода тяжёлого станкостроения).

28.05.2000

Кажется, сегодня Сергей, водитель «газели», получил ответ на вопрос: о чём думал Мамай, почему проиграл битву? Вечером я перешла в двухместную палатку, так как она была теплее. Сергей вжился в роль хана и стал искать пропавшую «жену». Короче, сегодня утром он нашёл ответ: хана беспокоила неверная жена (просматривался явный намёк). Мы с Любой накрутили ему на голову полотенце в виде чалмы и сфотографировались на память.

У ребят много хлопот с организацией похода, поэтому иногда они могут немного отдохнуть и расслабиться. Михаил Бегелев вчера всю ночь отмечал День пограничника (пел песни с ребятами в соседней палатке). Я проснулась в шесть часов утра, вышла на свет Божий и разговорилась с Михаилом, который в этом походе работает с военно-историческими клубами, отвечает за людей. Поговорили о том, как древние люди ставили идолов (славяне и прибалты — на восток–запад, угро-финны — на юг–север), о церковных делах (возили ли с собой князья походные храмы?). Выпивали ли воины во время походов? И что пили? Михаил рассказал мне о «вершине средневекового воинского искусства» — битве на реке Пьяне, где московская и нижегородская рати разжились медами и покидали брони свои на телеги. Арапшах покрошил их «в крошку». Михаил порекомендовал мне также книгу «Язычество» В.Тимашук и Русанова (М., 1993).

После завтрака я поговорила с Юрием — вождём новгородцев, предложила рассказать об истории Коломны — сегодня или в другой день. Юрий очень сожалел, что практически не увидел Коломны. Я пригласила новгородскую дружину посетить Коломну в любое удобное время, пообещала помочь с размещением, договорились обменяться координатами.

Потом все поехали на представление в Донской. Городок небольшой, похож на украинский населённый пункт — каштаны, трёхэтажные многоквартирные домики. Представление должно было состояться на стадионе. Пробежала пару кругов по беговой дорожке.

Завтра утром мы уезжаем в Епифань, а ещё через день начнётся пеше-конный переход на Куликово поле. Днём стояла нестерпимая жара. Сидим в тени дерева с Сашей Шековым, главным специалистом по охране памятников археологии (НПУ «Реставратор»). Он рассказывает о своей работе над книгой о верховских княжествах.

Вечером разожгли костёр, слушали ирландские мелодии, которые исполняли на блок-флейтах, гитаре и бубне ребята из Санкт-Петербурга. Сергей Павликов в зипуне танцевал, подпрыгивая с палкой. Мы с Любой тоже попробовали научиться, но у нас не получился этот замысловатый танец.

Жрут комары, но мне не до этого — весь вечер веду опрос. Игорь Бурцев — сотрудник музея-заповедника «Куликово поле», делится со

мною интересной информацией. Борис Савков в этом походе представляет клуб из Тулы «Авега», который занимается исторической реконструкцией военного снаряжения, старых боевых искусств, славянскими обрядами, мифологией, краеведением. Борису двадцать лет, по специальности он электронщик, но собирается быть историком. Очень его волнуют философские вопросы: откуда мы пришли и куда идём? Реконструкция быта славян — откуда это в нём? Наверно, зов крови. Дед-туляк, печник по профессии, показал ему, как вязать верёвки, секрет кладки печей, как плести сети-бредни, шить по старой технологии при помощи крючка и шила обувь, например, свиной щетиной. Борис мечтает получить высшее образование, и мы обсуждаем, как ему в этом помочь.

На закате к нам подсаживается Сергей Егоров, старший по клубу «Финист» из города Калуги. Его клубу полтора года, в нём десять человек, которые занимаются историческим фехтованием и реконструкцией старого быта. Они изучают калужский фольклор, историю Руси X–XIII веков, древнее оружие, костюм, а также проводят ролевые игры (моделирование ситуаций, детскую программу «вечёрки»), и... весомый вклад в проведение занятий вносит Сергей Львович Павликов, наш старый знакомец — «мужик в зипуне». Он педагог дополнительного образования группы по рукопашному бою и историческому фехтованию. Выяснилось, что именно калужане пригласили в поход музыкантов Александра Снегирёва (блок-флейта и деревянные духовые инструменты), Алексея Кузьмина (играет на всех инструментах), Светлану из Москвы (бубен), Тимура (гитара, флейта). Многие ребята входят в Российский любительский союз фольклорных ансамблей. Какой только музыки мы не переслушали в походе: музыка Ренессанса, ирландские народные мотивы и, конечно, русские плясовые.

Вечером лагерь живёт своей особенной жизнью: беседы у костра, зажжённого в центре нашего бивуака, а там разговоры, песни, шутки-прибаутки. Сегодня артисты-туляки травят анекдоты, а моя Люба смеёт-

Ратники — участники похода

ся громче всех. На закате ратники из клуба «Авега», встав в круг в своих русских рубахах, стали перекидывать друг другу огромный меч, практиковать приёмы воинского искусства. Это была завораживающая картина из прошлого, настоящего, будущего...

29.05.2000

Сегодня едем в Епифань и после представления расстаёмся с водителем Сергеем — нашим добрым ангелом-хранителем. И я уже пою: «Растаются друзья, остаётся в сердце нежность».

Проезжаем Кимовск — типичный шахтёрский городок, село Рождественское — бывшую казачью слободу. В Епифани на площади стоит стук — сносят ветхие торговые ряды, в городок пришла новая жизнь, он прихорашивается к нашему приходу. Правда, есть и недовольные — негде будет торговать.

Нам с Любой повезло — для нас экскурсию провёл Сергей Васильевич Кусакин, заведующий экспозицией историко-этнографического музея посёлка Епифань, существующего с 1578 года. Епифань с самого начала играла роль сторожевой заставы, и верхнедонские казаки, в случае нападения врагов с юга, летели на конях с донесением к следующей заставе — это была продуманная система защиты от неожиданного нападения. Проворонь врагов — не сносить голов сторожам засечной черты! Сергей Васильевич сокрушался, что епифанские храмы сильно пострадали в безбожные времена, и мы сфотографировались на фоне одного из них.

Для интереса приведу типичный распорядок дня нашего похода.

- 29 мая — Епифань
- Подъём — 7.00
- Завтрак (полевая кухня) — 7.30
- Кормёжка лошадей — 8.00–8.30
- Выезд из Донского — 9.00
- Прибытие на место — в пгт (посёлок городского типа) Епифань.
- Разгрузка оборудования, реквизита, лошадей, телег с транспорта — 11.00
- Подгон сбруи лошадей — 30 мин.
- Подготовка площадки для выступления, монтаж оборудования — 1 час
- Обед (полевая кухня)
- Проведение акции на Красной площади Епифани «По пути Дмитрия Донского» — 13.00–17.00:
  - большое театрализованное представление;
  - открытие выставки;
  - реконструкция конного и пешего боя;
  - корабейники, конкурсы и исторические викторины;
  - пиротехнические эффекты;
  - золотоордынские и русские станы.
- Прохождение походно-боевым порядком участка пути по Епифани — 17.00
- Сворачивание:
  - демонтаж реквизита и площадки — 17.30
  - погрузка на транспорт реквизита, оборудования, лошадей, телег, участников — 18.00

Отъезд из Епифани — 18.30
Прибытие в лагерь — 19.30
Обиход и кормление конного состава — 19.30
Ужин участников (полевая кухня) — 20.00
Отдых
Отбой — 23.00

Опять, как и в других городах, наше театрализованное представление имело большой успех у местных жителей, а в конце его рать во главе с воинством, несущим хоругви, пошла-поехала по улицам Епифани, сопровождаемая походными телегами и танцевально-хоровыми коллективами. Для жителей это был настоящий праздник. Можно только представить, какое волнение испытывал идущий в рядах нашей рати единственный представитель Епифани, участник похода Сергей Шуринов (Яндова).

В этот же день произошло ещё одно знаковое событие. В Епифань прибыла делегация из Серпухова с предложением установить памятный знак, посвящённый герою Куликовской битвы серпуховскому князю Владимиру Андреевичу и его дружине на Куликовом поле. Это послужило началом создания Аллеи памяти дружин русских городов, участвовавших в битве.

Мне посчастливилось наблюдать за встречей делегации серпуховчан с директором музея-заповедника «Куликово поле» Владимиром Петровичем Гриценко в историческом доме Байбаковых, интерьеры и мебель которого мне напомнили дом моей бабушки в коломенском селе Протопопово. Наверно, сказались общие древние рязанские корни обоих поселений.

30.05.2000

Сегодня был необыкновенный день. Наверное, мне ещё предстоит осмыслить позже всё то емкое, что было только одним майским днём 2000 года.

Из маршрутного листа, разработанного организаторами музейно-театрализованного похода (Москва — Куликово поле):

Маршрут пгт Епифань — с. Монастырщино (Куликово поле).

Для осуществления пеше-конного перехода от пгт Епифань до с. Монастырщино в рамках музейно-театрализованного похода «От истока Дона к Куликову полю», в целях наибольшей исторической достоверности и наглядной реконструкции перехода русского войска эпохи Средневековой Руси, был выбран следующий маршрут общей протяжённостью 35–40 км через населённые пункты: 1 день — д. Бахтино-Фомино, д. Линовка, п. Казановка, д. Чебыши; 2 день — д. Вишнёвая, д. Милославщино, п. Донской, д. Татинки, с. Монастырщино. По пути следования выбраны грунтовые просёлочные дороги вдоль левого берега реки Дон. Это позволит не только приблизить поход к реалиям XIV века, но и апробировать использование нетрадиционных маршрутов.

Ранний подъём, солнце уже взошло, но ещё прохладно. Скорый завтрак, сворачивание стана. В последний момент приехали ребята с другого

бивуака и привезли мне ковыль, чтоб я знала, как он выглядит. Он светлый, лёгкий, пушистый, как перья экзотической птицы финист. На самом деле на Куликовом поле осталось всего четыре участка ковыля. Я воткнула его в рюкзак и прошла с ним последний отрезок пути. И вот мы движемся по грунтовой просёлочной дороге в сторону Монастырщины.

Накануне смотрели карту Михаила, чтобы определить, как лучше проделать конно-пеший поход. Решено было идти с шести до одиннадцати, потом перерыв на обед, чтобы переждать жару, и — продолжение маршрута.

У села Монастырщина нас должен был ожидать палаточный бивуак. И вот мы идём по долгожданным Куликовым полям. (Сотрудники заповедника считают, что Куликовские поля начинаются сразу же за городком Епифань.)

Ребята и девушки из военно-исторических клубов одеты в русские костюмы и кольчуги, несут стяги, за ними следуют две телеги, запряжённые лошадьми, — на них наши вещи, рядом наездники скачут на лошадях. Нас около пятидесяти человек, а руководит колонной Михаил (я в шутку называю его главнокомандующим Кутузовым).

Как красивы Куликовские поля в свете восходящего солнца: широкие просторы, редкие перелески, пение птиц, благоухание цветов, и над всем этим огромное небо; простор полей обвивает душу, заставляет думать о вечном, великом и одновременно повседневном, насущном, приводя все чувства в гармонию.

Мы идём по просёлочной дороге и разговариваем с москвичом Юрием Коротких, который представляет «Артель кулачных бойцов», возрождающую тверскую традицию кулачного боя.

Юрий — человек верующий, поэтому с ним очень легко, и как-то сами собой возникают в нашем разговоре мысли и слова о грехе, о добродетели, мудрости, познании мира, любви и вере, о значении Куликовской битвы, о казачестве (я передаю ему версию епифанских краеведов о том,

Палаточный бивуак

что донские казаки произошли отсюда, с верховий Дона, заселив впоследствии низовья, а не наоборот). Юрий рассказывает о своих впечатлениях от посещения Оптиной пустыни, от Дивеева. На Куликовское поле мы оба с ним идём в первый раз.

К нам приближается телега. Это Игорь — победитель на бегах в дерби 1998 года. И наград у него много, хотя он об этом скромно умалчивает и фамилии своей не сообщает. Когда люди его особо допекают, он отговаривается: «Я свою вершину взял». Мы его спрашиваем: «Как лошади?» — ведь Игорь отвечает и очень переживает за лошадей с Прилепского конезавода. «Видела фильм “День Сурка”?» — отвечает он.

Игорь предлагает мне устроиться на телеге, что я и делаю, но ведёт лошадь медленно, чтобы не обгонять идущих впереди людей. Естественным образом включается в нашу беседу, и мы продолжаем разговор втроём. Каких только тем не затрагиваем: о жизни и смерти, о семье, любви, лошадях, нашей истории, о Куликовской битве. Игоря волнует вопрос: была ли Куликовская битва в этих местах? Вспоминает теорию историка Фоменко. Игорь рано потерял родителей, рос в Ясной Поляне. С пятнадцати лет был при лошадях, любит жену, детей, сам построил дом. В тридцать лет стал знаменитым диск-жокеем. Держал титул несколько лет. Сам учился, не заканчивал школу.

Мы идём-едем в бодром темпе и уже в пути решаем не делать остановки. Мелькают деревеньки: Федосовка, Казановка, Старая Гать, Чебыши, Вишнёвая, Милославщина... На лугах пасутся кони. Люди приветствуют нас, стоя у порогов своих домов: многие знают о нашем походе — была информация по радио и телевидению.

В двух сёлах делаем короткие остановки, фотографируемся. Наши «ратники» забегают в магазинчики купить воду и сигареты. Стоит жуткая жара. Шутим: наверное, с нашим походом в сельпо будет недельная выручка.

*Храм Рождества Пресвятой Богородицы на месте погребения русских воинов, павших на поле Куликовом.
Село Монастырщино Тульской области*

Чем ближе к Монастырщине, тем больше сёл с пасущимися лошадьми. Игорь боится, что наш конь может сорваться: крепко держит поводья.

Когда мы достигаем лагеря, то выясняется, что шли всего пять часов и в лагере нас ещё не ждут, поражены таким блиц-рывком. Мне же кажется, что прошло минут тридцать. А изначально, как видно из маршрутного листа, этот переход планировался на два дня! Не посрамили мы наших далёких предков и поняли, что и они продвигались к полю Куликову достаточно быстро... В мыслях целая жизнь пролетела — столько важных проблем успели обсудить.

Люба Потлова потерялась, шла одна. Говорит, не боялась и пела песню «Ой ты, рожь»; дорогу спрашивала у старушек — они-то и указали ей путь на Монастырщину. Она по-своему отвечает на вопрос, о чём думал Дмитрий Донской перед Куликовской битвой: «Какие же у нас просторы!».

А вот ещё трое отставших: двое ребят сопровождают товарища — он в кровь стёр ноги. Ещё троих заблудившихся подобрали на машине, которая привезла нам полевую кухню.

Лагерь разбит на красивейшем месте у реки Непрядвы. Выше стоит храм на месте захоронения воинов, павших в Куликовской битве, — храм Рождества Пресвятой Богородицы.

Я помогаю Саше Шекову ставить палатку, и затем мы отправляемся с Юрой на экскурсию по окрестностям. Два-три раза переходим Непрядву и Дон: они очень узкие здесь, можно перебрести. Живописная деталь, глазам своим не верю: на Непрядве гуси-лебеди. На самом деле это гуси, но так похожи на сказочных лебедей!

Плету красивый венок, и мы являемся к Михаилу как бы разведчиками русского войска. Местные тоже наведываются в наш лагерь — мужики на лошадях, с жеребёнком. Все уже слышали по местному ТВ и радио о нашем походе и таким образом нас приветствуют. Многодетное семейство Кузминых явилось в полном составе с кучей мал-мала детишек. А потом они катались на мотороллере с прицепом по склону села Монастырщина. Жарища, обед, отдых в тени деревьев, ребята купают коней, ловят раков.

Епифанский парень, участник похода, часа два на лагерной поляне упражняется с мечом — всё по интересам. Я лежу на трапике, постеленном на бережке Непрядвы, и любуюсь изгибом этой небольшой, но важной для каждого русского сердца реки. От свежего воздуха, аромата разнотравья, пережитых впечатлений дня глаза смыкаются, хочется спать. И я заснула, а когда проснулась, солнце уже село, а на противоположной стороне горизонта, над рекой, очень живописное небо: розоватое снизу, дальше — зеленовато-голубое, сверху — серое.

Скоро ужин, и я начинаю приводить в порядок палатку ко сну. Стелю трапики, спальные мешки. На ужин гречка с тушёнкой (очень вкусная) и какао. После ужина беседуем с Борисом Совковым. Прогуливаемся по дороге, ведущей в лагерь. Он показывает мне останки дуба (около метра в диаметре). Чему был он свидетелем, что видел? Может быть, ему четыреста лет...

Борис хочет понять, что же происходило здесь много-много веков назад. О чём думали ратники перед битвой? Мы возвращаемся в ла-

Ольга Юрикова и участники похода на Куликовом поле у храма Рождества Пресвятой Богородицы Село Монастырщино Тульской области

жок с «чекистскими» стаканчиками в руках.

Народ проснулся (подъём сегодня поздний). Бренчит гитара. Валера в ударе. Много шутит, рассказывает анекдоты. Я сижу у его палатки, так как там хорошая тень от деревьев. Жара днём невыносимая, я уже испугалась в Непрядве.

Днём отдыха («днём сурка») это можно назвать относительно. Все готовятся к завтрашнему дню: стирают рубахи, чистят одежду, шлемы и мечи, одним словом: «кто кивер чистил — весь избитый, кто штык точил...»

Приехала на автобусе рать из Ельца (соседняя Липецкая область) и стала станом рядом с нами. Сейчас идёт тренировка воинов в поле и стане. Зрелище яркое, потрясающее. Все одеты в русское (варяжское?) — это очень достойно, органично. Двое ребят-туляков рядом со мной машут топориками. «Восьмёрками надо делать — 30–35 градусов, тогда амплитуда получится!» — делятся ребята секретами воинского мастерства. Вообще-то у ребят много ран даже от упражнений. К сожалению, часто ругаются матом.

герь и, стоя напротив тёмного силуэта храма Рождества Богородицы, говорим о мужестве и чести, о справедливости, добре и любви. Завтра будет день отдыха и постирушки.

31.05.2000

В лагерь прислали посылку: стиральный порошок и фотоплёнку для меня. В Епифани обошла все магазины и не нашла.

Десять часов утра. Солнце уже начинает припекать; хотим разыграть Женю, который ночевал у нас сегодня (якобы он к нам приставал). Наш профессиональный актёр Самарского драмтеатра Валера Маркин предлагает сценарий. Он в исторической постановке играет роль Боброка Волынца. Именно его-то мы и встретили на Девичьем поле в сопровождении двух друзей, органично вписавшихся в бере-

*Ратники у храма Рождества Пресвятой Богородицы.
Село Монастырщино Тульской области*

Завтра будет интересный день. Скоро уже ужин, готовлюсь и я. Передала записку Владимиру Петровичу Гриценко с моей просьбой поехать на Красный холм. Обещали помочь завтра.

Юру-кулачника не видела целый день. Оказалось, он после завтрака ушёл, чтобы совершить индивидуальное паломничество на Куликово поле. Вернулся к ужину, часам к пяти, поделился впечатлениями. Помогла ему сориентироваться карта, взятая у Миши. Говорит, идти было нелегко — много кочек, местность пересечённая. Чувствовалось какое-то давление атмосферы. Он шёл, как считает, путём хана Мамая. В поле продувал ветерок. Юра посетил Красный холм, музей в храме. Впечатление от Куликова поля огромное — чувствуется его необычайная аура. К вечеру народ всё ещё подтягивается и подтягивается; атмосфера всеобщего подъёма.

Ложусь спать пораньше, так как хочу отдохнуть перед завтрашним трудным днём, получше выглядеть, насколько это возможно, после стольких дней похода: лицо после нашего пеше-конного перехода приобрело красный оттенок, щёки и нос горят, губы распухли и потрескались. Я приггла раны чистотелом, они почернели — вот такая красота.

За палаткой всеобщее возбуждение. Наши мужики «расслабляются» (поют песни, а у общего костра идут съёмки передачи «От 16 и старше»). Сплю беспокойно. Постоянно просыпаюсь.

1.06.2000

Проснулась около пяти часов и вышла из палатки. У костра Михаил Б. (как он только мог выдерживать столько бессонных ночей) и Алексей (медик). Прошу супрастин или димедрол (думала, что отёк лица аллергический). Алексей даёт лекарство, но я не иду спать, а выхожу в по-

Финал похода — поле Куликово

стро восходит вверх, появляясь над всем необозримым горизонтом золотым светилом. «Золото, золото», — так называю я этот восход. Наверное, начинает действовать лекарство, и я решаю прилечь на час.

Согреваясь после утренней прогулки, проваливаюсь в сон и просыпаюсь оттого, что... пора вставать. В палатке уже душно, и много дел надо ещё сделать, а главное, не опоздать на службу в храм: во сколько же она будет — в восемь или в девять? Никто не может ответить определённо. Подхожу к руководителям похода и получаю программу сегодняшнего дня.

**Программа торжественных мероприятий, посвящённых
650-летию Дмитрия Ивановича Донского, 620-летию Куликовской битвы**

1 июня 2000 года

С. Монастырщино, Кимовский район, Тульская область

с 8.00:

— Богослужение памяти Благоверного великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского в храме Рождества Пресвятой Богородицы.

— Крестный ход от с. Монастырщино до Красного холма.

с 12.00:

— Торжественная встреча участников музейно-театрализованного похода «По пути Дмитрия Донского».

ле, чтобы подышать свежим воздухом, побродить по росе, встретить восход солнца на поле Куликовом.

Лёгкий утренний туман рассеивается, и над всем необозримым горизонтом появляется розовая лента — предвестник скорого света, тепла. Бегу к палатке за фотоаппаратом, чтобы запечатлеть это завораживающее мгновение, которое происходит каждый день, но, как в калейдоскопе, уже не повторится.

Лагерь спит. У догорающего костра никого, и я обращаюсь с молитвой за всех спящих к стоящему на холме храму Рождества Пресвятой Богородицы, по преданию, построенному на месте захоронения воинов, павших в Куликовской битве.

Опять в просветах крон деревьев на горизонте загорается одинокий костёр и бы-

- Театрализованное представление «Отблеск великих деяний».
- Митинг, посвящённый памяти великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского.

Умываюсь, немного гримирую лицо, насколько это возможно, причёсываюсь, надеваю длинную юбку, подпоясываю свою льняную кофту радужным тканым пояском, покрываю волосы ярко-красным платочком.

Пожалуй, на службу из всего лагеря пойдём только мы с Любой да Юра. Вдруг решается с нами идти ещё и Саша Шеков, который с утра наблюдает за моими сборами и заражается моим энтузиазмом. Он даже извлекает впервые за всё это время из рюкзака помятые джинсы и рубашку. И вдруг из нашей низины я вижу, что к храму на холме подходит процессия людей с хоругвями. Мы с Любой бросаемся к Непрядве, снимаем обувь и переходим реку (сколько раз мы уже форсировали её за эти дни).

Саша отстаёт, видно, что-то важное удерживает его в лагере, да так и не приходит.

На холме села Монастырщина у храма стоит группа людей. Молодой мужчина с бородой рассказывает историю этих мест и храма. Церковь все эти дни была закрыта, только изредка звонили колокола, но сегодня двери распахнуты, к алтарю ведёт дорожка из свежескошенной травы, окантованной полосками, составленными из цветов сирени, сорванной в церковном саду. По преданию, именно в этом саду стоял древний храм, сооружённый над братской могилой воинов, павших в Куликовской битве. Но даже если битва и захоронение были несколькими километрами дальше или ближе от этого места и оно неизвестно, разве храм в селе Монастырщине — не памятник всему полю? И стоит он, пожалуй, на самом красивом месте.

Мы на службе, которую ведёт архиепископ Богородицкий Кирилл и около десятка священнослужителей. Все в золотых и красных одеяниях. Литургия очень торжественная. Обряд наложения риз происходит не в алтаре, а прямо на наших глазах. Глядя в окна, смотрю на необозримые дали Куликова поля и представляю себе, что храм — огромная ладья, проплывающая над всем летним полевым простором. 650 лет назад родился Дмитрий Донской; и 620 лет назад русичи покрыли вечной славой Куликовское поле. Дважды зачитываются во время службы имена павших из синодика, среди них два женских имени. Запомнилась княгиня Дарья. Надо бы спросить об этих женщинах у священников или музейных работников. После литургии и причастия крестный ход обходит церковь, останавливаясь с четырёх сторон, и один из священнослужителей читает Евангелие, окропляет верующих святой водой. Затем у входа в храм читаются молитвы о ниспослании дождя (очень жаркая и засушливая неделя стоит — плохо для урожая).

После службы мы с Любой возвращаемся в стан, но людей там нет, кроме Михаила, охраняющего лагерь. Все переоделись и отправились на праздник через мост. Что ж, мы быстро сориентировались: я надеваю костюм от Лены Пелевиной, и опять переправа через Непрядву. Наши стоят на горе у села Монастырщина и ждут сигнала к началу праздника.

Это, пожалуй, кульминация нашего похода. Как органично, естественно смотрятся участники похода над вечным простором Куликова поля! Ратники в кольчугах, новгородские девушки в длинных льняных платьях, лошадаики с телегами... Солнце вдруг заходит за тучи, дует резкий холодный ветер, развевая плащи и накидки воинов.

Я чувствую, что мы теперь не просто знакомые люди, мы — единое целое. Неделя похода сплотила нас, и мы поддерживаем друг друга. Люба мёрзнет — и ей тут же предлагает плащ девушка из Великого Новгорода. Перехожу от одной группы людей к другой, выясняю какие-то последние детали, которые ещё не успела прояснить для себя за весь поход. Например: как кроются накидки? А новгородские девушки советуют: читайте энциклопедию «Мы — русские». Уже пять изданий вышло.

Фотографирую жокея Игоря на фоне храма и сама снимаюсь в шлеме умельца из Ухты Андрея Кетова. Свою кольчугу он делал несколько лет по принципу реконструкции. Рядом стоят викинги из Ельца — военно-исторический клуб «Копьё». Лица у ребят не такие загорелые, ведь они присоединились к нам только вчера. Но они тоже наши, я вспоминаю из Библии: «И последние будут первыми». И я для себя понимаю, что именно так собиралась рать перед Куликовской битвой. Нас много фотографируют подоспевшие со всех сторон корреспонденты.

По дороге от храма к нам бежит взволнованный Николай Травин, одетый в белый костюм. Сегодня они с Владимиром Петровичем Гриценко много представляют, их рвут на части журналисты с ТВ и из газет. Он даёт отмашку — «Можно выступать!»

Мы дружной колонной шествуем к храму, где уже собралось много народа. В голове мелькает мысль: а всё-таки сбылось, свершилось, состоялось!

Представление проходило под дождь, о котором мы молились утром. Но в конце дня небо развеивается, опять появляется солнце.

Последний выход, представление участников похода. Гриценко и Травин вручают нам благодарственные письма, значки и сувенирные ладанки с изображением Георгия Победоносца. Ко мне подходит сотрудник Виталий Шмелёв и предлагает помочь с поездкой на Красный холм. Он тут же подсаживает нас с Любой в автобус.

Солнце жарит, мы посещаем музей (храм Сергия Радонежского), брыуловский памятник, с которого просматривается бесконечный простор Куликовских полей. В трапезной подкрепились пряничками и квасом. Неожиданно вижу знакомое лицо: Алла Трифоновна Годлевская из Москвы с делегацией людей из ВООПИК (их маршрут: Куликовское поле — Ясная Поляна — Поленово). Алла Трифоновна удивляется, что я решилась на такой поход. Я немного рассказываю о пережитом в музее. Обратнo в стан нас подбрасывает водитель Алексей, чудесным образом объявившийся на автодороге.

Складываю вещи. Готовясь к отъезду, ложимся спать пораньше: чувствуется усталость, к тому же идёт сильный дождь. Вечером дома разговариваем с Сашей Шековым и Сергеем Б. из Епифани. Я говорю, что очень мне понравилась Епифань, расспрашиваю: нельзя ли туда поехать отдохнуть на недельку. Сергей говорит, что приезжать лучше в сезон

На поле Куликовом

Ровно в полдень приходят автобусы, но они не могут спуститься в лагерь — дорогу развезло. Трактор забирает рюкзаки. Мы бредём под дождём по размокшей дороге. Садимся у храма в Монастыршино (один автобус в Москву, другой в Тулу).

В последний момент мы с Любой решаем не ехать в Москву, так как Николай Травин приглашает нас заехать на один день в Тулу, отдохнуть, посмотреть город (ни я, ни Люба там ни разу не были). Мы ночуем в доме Николая и его жены Светланы. Вечером сидим на кухне, делимся впечатлениями, подводим итоги в лучшей комнате, выделенной нам на ночлег гостеприимными хозяевами. А утром едем с Николаем в «офис» — музей-заповедник. Сергей показывает нам музей, а потом город, кремль, музей оружия и музей самоваров.

После обеда мы отправляемся на автобусе в Москву. Нас до последнего сопровождает Николай Травин, дай ему Бог здоровья. Все впечатления похода ещё очень свежи. Возможно, всё будет выглядеть по-другому, но это уже потом, позднее. Но что это был необыкновенный поход — мне ясно уже сейчас. Уходя в него, я не представляла, как всё будет, но теперь кажется, что всё должно было быть так и никак не иначе.

Я записывала впечатления каждый день, возможно, кто-то делал то же самое. Хочется, чтобы наш поход был первой ласточкой в череде походов, которые объединят российские города, сплотят разные организации и свяжут русских людей в единое целое, как когда-то и... поход Дмитрия Донского на Куликово поле.

яблок, в августе. «А сейчас там будет строиться гостиница», — говорит Сергей. Надо мне туда поспешить с отдыхом, а то все узнают и поедут отдыхать вместо юга в Епифань, так там и яблоку негде будет упасть.

Завтра уже отъезд, но даже не верится: так привыкла к переменам походной жизни, кажется, это будет продолжаться вечно.

Утром завтракаем, делаем последние сборы, прощаемся со всеми друзьями: в палатке Саша, Сергей, Люба, Юра из Новгорода, Женя, Князь, Володя, Михаил, Валера (актёр), Игорь-Бурменталь и другие... Мы пьём пиво за всеобщее здоровье.

СВЕТ ДЕВИЧЬЕГО ПОЛЯ

Памяти Ольги Юриковой

*В холодной смеси воздуха и цвета
Есть неземная, тайная игра;
В паденье листьев в плавном,
осторожном
Есть вечности непреходящий след;
И представляю...
Вот меня уж нет,
Минует много бесконечных лет,
А листопад в аллеях парка тот же.*

*Не потеряй, мгновенье, новизны
И вечности — не потеряй окраску!
Уйдём — о нас прошепчут листья
сказку.*

Ольга Юрикова

Вся жизнь Ольги связана с Деви́чим полем, с Протопоповом, с его оврагами и родниками. Былинная слава этой земли навсегда сроднила её с воинским прошлым: и с праздником Успения, когда

да в 1380 году русские полки собирались на «великих полях коломенских», и с днём Рождества Богородицы, на который пришлась Куликовская битва. Воинским духом этих священных дней крепилась её душа. Эта сила помогла ей и её друзьям отстоять древнее Протопопово. Его в 80-х годах уже начали сносить, и остановить варваров смогло только общественное движение, которое создала и возглавила Ольга Юрикова.

И как всё это совмещалось в ней! С одной стороны — лиризм и чуткость настоящего поэта, и в то же время — удивительное упорство и стойкость, умение невзирая на лица отстаивать правду. Спасти Сергиев колодец, установить воинский мемориал, создать культурный центр... Сколько сил пришлось потратить на эти, казалось бы, такие естественные дела!

И Господь особо отметил её. 20 сентября 2010 года, в тот самый вечер пред Рождеством Богородицы, в половине шестого, когда Церковь воспекает гимны Царице Небесной, душа её отошла к Богу. 620 лет назад, таким же вечером, Димитрий Донской с воеводой Боброком осматривал поле будущей сечи. И так же, накануне «Госпожина дня», ушла в таинственный дозор наша воительница...

Вечная ей память!

Коллектив редакции

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Снова в Коломне

Далеко безумная Москва.
Мирно дремлет зимняя Коломна.
В снежные одета кружева
За сугробами церквушка скромная.

А над нею куполом огромным
Золотое небо Рождества.

Я пройду заснеженной дорожкой,
Поклонюсь старушке по пути,
Постою на паперти немножко:
«Здравствуй, Боже! Можно мне войти?»
М.Пробатов

Так уж вышло, что Коломна ближе всего оказывается мне зимой, хотя бывал здесь и в другие времена года.

Поехали с другом и в этот раз зимой. Он попросил выбрать для путешествия такой город не очень далеко от Москвы, чтобы там были Россия, старина и достопримечательности. Я, не задумываясь, выбрал Коломну. Всё-таки из наших подмосковных городов приокского юга — Серпухов, Кашира, Коломна, Озёры — самый значительный — Коломна, хотя и иные города каждый по-своему вальяжны и значительны.

Сочетание мощи духовной и исторической сосредоточено в Коломне. Это крепкий «Москвы уголок». Три краеугольные силы в нём, хранящие Былое: православные святыни, жилия старина и завод — покуда прочны. В них крепко и доньше дух здоровой жизни, внешне неуловимый, а внутренне чувствительно осязаемый очень сильно.

Алексей Борисович Вульф родился в Москве в 1963 году. В 1988 году окончил музыкально-педагогический институт им. Гнесиных в классе композиции Н.И. Пейко.

В 1989–1992 годах работал в Союзе композиторов СССР с Г.В. Свиридовым и Б.А. Чайковским. Один из организаторов Первого фестиваля отечественной хоровой музыки. Хоровые произведения А.Б. Вульфова высоко оценены Г.В. Свиридовым.

Совместная работа и общение с великим русским композитором Г.В. Свиридовым оставили неизгладимый след в жизни А.Б. Вульфова. Алексей Борисович — автор книги воспоминаний о Г.В. Свиридове «Теперь лишь вспоминать». Его маленькие повести и рассказы печатались в журналах «Русский дом», «Роман-журнал XXI век» и «Наш современник».

Сегодняшняя подборка рассказов — вторая публикация автора в «Коломенском альманахе».

Это пока ещё русский город. Это по-прежнему так!

Приезжаешь из столиц в такие места, живущие собственным естеством, и сразу чувствуешь, что они глубоки по настрою жизни, самодостаточны. Все в них друг другу знакомы, все семья, всё своей традицией живёт. Это города-организмы, совершенно живые существа, как люди. Течение жизни в них и времени идёт по местному правилу. Города-настроения.

Силуэт Коломны, знакомый мне видом с поездов со времён далёкой теперь уже юности, практически не изменился. Более того, восстановление и новая жизнь торжественно поднявшихся храмов опять очень приблизило его к исконному, старому облику, к тому бытию, которое на картинах провинциальных музеев. Понятно, и здесь теперь — сайдинг и всё такое прочее, и цветистая пластмасса московская с рекламами, но это всё бросово-внешнее, объёмное, одноразовое, хотя и — никуда не денешься — черта эпохи. В конце концов реклама — это совсем неплохо, это символ мира, символ жизни, бегущей, хотя, быть может, и шатко и валко, но зато без сильных потрясений. И новые трамваи, заменившие старый, незабвенный, трогательнейший в мире коломенский трамвай, — это тоже удобство для людей и движение вперёд, неизбежная новая частица быта — вот и всё.

Но над заборами и старыми огородами с проглядывающим из штукатурки бурым кирпичом глядят главы позолоченные. Днём — от солнца и света, ночью — от негаснущих прожекторов сияет куполами кремль, светятся словно изнутри соборы вдоль Москвы-реки, далеко видимые из пробегающих поездов, заставляя пассажиров отвлечься, пристальнее припасть к окну и спросить: «Что это за город мы проезжаем?» Чудом каким-то, восставшим из небытия, сверкает золото святынь. Но не только они создают здесь душе напряжение. Есть и другое. И угрюмые своды цехов, дымящие трубы, закопчённые каменные стены и промышленные ограды тянутся вдоль берега Москвы-реки, сурово и официально по-прежнему глядит на мир труженик-завод, снабдивший Россию на века всяким разумным железным изделием — не хватает только гудка, отдалённых дыханий пара в машинах... И народ говорит с совершенно неповторимым протяжным коломенским распевом, которому лет, может быть, пятьсот или восемьсот. Глядит по сторонам мягко, по-крестьянски, и городом своим пользуется по-хозяйски, с привычкой, как домом родным. И дети всё так же восторженно катятся с гор — специально сооружённых ледяных гор в центре в большом сквере, и бегают по деревянным теремкам, счастливо обсыпанные снегом. И ограды и мостовые обвалены белыми «кружевами», и народ вдоль строя низеньких каменных домиков спешит в шубах и высоких шапках, как на картинах Кустодиева, и женщины основательны в пути, неторопливы, спокойно горды и солидны, как многоопытные домашние птицы, идут и паром покашливают в варежки, скрипят красивыми зимними сапогами, раскрасневшиеся, как боярышни в старину. Так не хватает рысаков и лихачей, гула полозьев, опавшего сена и навоза на езженном снегу! Истинно, истинно — чтобы почувствовать до конца Россию, нужна зима!

Вот мы и поехали зимой. У меня давно была мечта побывать в Бобрёвене монастыре — и непременно чтобы зимой, выйти на 113-м и пойти через поле. Вот, видать, Господь этот час послал. Брали билет на Казанском в традиционном полумраке пригородных касс, в царственном подвале этом, я спросил кассиршу: «Мы, поди, одни, кто до 113-го взял?» Она смеётся: «Одни...».

Январь, число 15-е, 2010-го наступившего года. В морозец крещенский, в обильное снежье приехали утром, часов в пол-одиннадцатого, и сошли. Хорошо — теперь в электричках не мёрзнешь, как раньше, выходя не ёжишься, не жмёшься. Похрустели ботинками по льду совершенно пустой платформы, проводили глазами бесшумно пропыливший снегом встречный скорый с лакированным электровозом во главе и красочно обледенелыми вагонами, еле нашли единственный спуск, перебрались через пути. Долго хоть каких-нибудь колея в ту сторону искали, да так и не нашли, лишь послал нам Бог милостью своей два широких следа от снежката в сторону монастыря; по ним кое-как побрели зябким пустым полем вдоль мёрзлых кустов. От ветра и непогоды были по милости Его избавлены — только мороз был мягкий и снег, кругом него тёмная белизна, покуда синевы и лучей не выглянуло, но небо высокое и спокойное, с кремовым разливом на перьях, солнца ждёт. Так и пошли на обитель, на купол, на россыпь сельских крыш — как люди на Руси испокон пешим ходом передвигались, не боясь дали и хлопот ходьбы, радуясь спокойствию оттого, что уже видят место и что приближается оно. По длинному мосту через Москву-реку за спиной всё время шли с сумрачным всеохватывающим гулом поезда, и это было, как всегда, волнующе и романтично.

Пока шли, открылось первое чудо: Коломна встала в профиль вдоль громадного поля и поймы Москвы-реки тонко рисованными силуэтами, вся в дымных струйках дымов, величавом контуре куполов и строений, с крепкой фигурой кремля — всё это представало в чистом и обильном морозном мареве, в сиренево-седом облике ясного утра. Силуэт этот зачаровал, заставил встать и смотреть долго. Какая-то суровая, но добрая сила присутствовала в нём. Как-то всего было в этом достаточно и на месте. Подумалось, что такой силуэт потускнел бы и даже умер бы без колоколен и храмовых куполов, в нём тогда главного смысла не было бы, его ничто бы не венчало, он остался бы просто россыпью насущного без основы. С радостью железнодорожника поглядел на живущий как бы то ни было завод, его обычную сумрачную мощь, исторический профиль облика, напоминающий о дымных временах, о целых промышленных веках, ощутил его всегдашнюю трудовую нахмуренность. О многом знающий, но помалкивающий бывалый старик-труженик, не болтающий с первым встречным!

По приближении к обители спокойно вышло, полилось звонким светом, поплыло радостным кругом золотое солнце по лазури, всему вокруг даря ясный цвет, состояние восторженного покоя. Огненным бликом отозвался купол Бобрёвенева. Краски сразу появились радужные, палехские такие! Зазвенели сосульки, как колокольцы, искрами закипели, зашумели снега! Белизна их как сразу попрозрачнела, поневесомела! И яр-

ко так засияли лоском голые брёвна и наличники изб в посаде при монастыре, заслепили стёкла стоящих автомобилей, обильные, настоящие сугробы гладким запылали! Да тут ещё в нос свежий дым из печных труб! Боже ты мой милостивый, спасибо тебе! Зимой, зимой, ясной зимой надо постигать Россию!

Запомнилось, что в тридцатиградусный мороз с ограды обители капала капель на солнечной стороне. Долго мы гадали — как такое быть-то может в январе, да так ни до чего и не догадались.

Щедро, с радостью помолившись в Бобренева, подробно обойдя эту восставшую из небытия, заново народившуюся, к великому счастью, обитель, отчего все эти живописные посады, всё это сокровенное место словно бы вместе с ней воедино восстало из пустоты безличия, двинулись к городу, к обширным силуэтам и дымам его, древним башням и стенам, к утлону мосту через Москву-реку. Побрели мирно, в безветрие, при явной улыбке Божией, спокойной смёрзшейся дорогой в широком поле, по гладкому снежному изобилью колеи. И такие под мостом были полыньи! Настоящие полыньи. От них живительным, студёным так веяло! В зиму-то не видать, как на самом деле грязна, мутна вода в Москве-реке.

По приближении к городу близко восстал над нами тёмный и светлый кирпич и чёрные доски домов, контуры крыш и заборов, уличные нагромождения снизу вверх от реки к крепости. Они и доныне живописны, хотя во многом утратили старину, умертвили её современной отделкой. И всё-таки — низкорослость, горбатые ряды, окошки малые! Коломну спасает то, что много старинных домов в ней — каменные.

Так подходили люди к городам в старину, поднимая голову по приближении к строениям всё выше и выше, оглядываясь по сторонам и любопытствуя, миновав заставу...

Не стану рассказывать коломенцам о Коломне, скажу лишь, что нигде больше на свете нет такой соборной площади, такого старинного, даже древнего вида на заречную даль, на поля и Бобренев монастырь, на пеший мост через Москву-реку, словно на картинах Аполлинария Васнецова, такой радостной величественности возрождённых соборов, их прекрасного, благолепного и могущественного вида, такой широты, простора и вместе с тем достаточности, как в Коломне. «Ну, в других местах есть своё», — справедливо возразят мне. Да, да, конечно! — и всё-таки центр Коломны — явление, и доныне побуждающее настроение жить, помнить, и думать, и дышать, и умудряться. Туда попадать — каждый раз событие, сила душе. Выйти из дверей, из-за оград монастырских, пройти под громадными белыми соборами и высокими стенами, замёрзшими, опудренными снежьем богатырскими деревьями, пройти под полукруги ворот, маленько отогреться в храме, носом подёргать, скованными пальцами записку написать, побыть у иконы с Богом, со свечой наедине, и с собой, и с очередным этим мгновением жизни — таким ласковым по Божьей милости. Скромной лесенкой после поклонов спуститься из храма, нахлобучивая шапку, а тут же детки с деревянной горки катаются, прямо в монастырском

дворе, со стенами над ними! И как добра была к нам женщина в одинокой церкви «скромной» на широкой дороге к Маринкиной башне (подумать только — Марина Мнишек жила в этой башне, той самой!), с какой не сегодняшней лаской и вместе с тем с пережитостью рассказывала нам о своём храме, только что возрождённом из полного небытия...

Конечно, старым городом походили «заснеженными дорожками», с радостью встречая ранее знакомые улицы и находя, что город этот и доньше действительно старый, по-прежнему старорусский приокский город, совсем не утративший самобытной значительности в лихолетья, в смены времён. Попались по пути и табличка на крашеной одноэтажной избе — Борис Пильняк жил здесь, и невероятной красоты церковь Николая Чудотворца со множеством кружев, пребывавшая в ту пору в лесах, выглядела уже сиреновой, вся в мягком инее была в наступавших покойно-счастливых сумерках, и на «Коломенскую пастилу», конечно, набрели — пустычок, чепуха, дороговизна, а всё-таки очень приятно, что делается это во славу старины, в такое немного смешливое напоминание о ней, пусть и корысти ради, да что поделаешь — такие времена. Всё-таки живинка какая-то, все люди улыбаются.

Ах ты, городок, Москвы уголок... Совсем покидать его не хотелось.

Однако всё-таки доехали из центра трамваем от бывшего круга у станции Коломна, внутри которого когда-то росла на грядках картошка, до вокзала Голутвин с пересадкой на какой-то большой и совершенно современной площади с некими решительно трепетавшими транспарантами, в новом уже вагоне, а не на прежнем наитрогательнейшем коломенском шарабане с красными боками и гнутым бугелем, окунувшись в современность, как в привычный омут...

Подкатил рязанский экспресс к совершенно тёмной платформе Голутвина, близя луч прожектора к добродушному язычку ясного зелёного сигнала светофора. Добежали до двери в свой второй класс, вскарабкались, кряхтя, дёргая носом, и пощипанные, и разгорячённые морозом, вошли в яркий тёплый вагон, сбросили пальто, с удовольствием согрелись в креслах. «Осторожно, двери закрываются! Следующая остановка — Москва, Казанский вокзал»...

Но это всё была присказка. А сказать вот что хочется на прощание.

Когда делаешь такой вот шаг в поезд, покидая дальше Подмосковье и следуя в столицу, мгновенно оставляешь всё состоявшееся позади и, не доехав ещё до Москвы, уже в вагоне находишься в ней. Отчерчена граница впечатлений! Но тут и наступает момент сокровенности, а она, в данном случае Коломна, остаётся *там* — вся в себе, в привычной своей жизни, совсем-совсем другой, не столичной. И продолжает быть столь же неторопливым, сонным, пустынным и горделиво самобытным в течении своего времени городом. И немного завидуешь его жителям, никуда никогда не спешащим, живущим в вальяжном покое, в совершенно стороннем и старинном царстве всего-то в ста двадцати километрах от Москвы, говорящим с распевом, который, быть может, помнит ещё речь Олега Рязанского...

Вот уплыли назад лучи прожекторов, ярко освещающих кремль и соборы, урюмо и глухо загремели пролёты моста через Москву-реку, который наблюдали мы пешей нашей утренней дорогой к Бобреневу. Доброй ему, этому чудо-городу, покойной ночи.

2010

За картой

Последнее время, по недавнему снятию секретов, много продают повсюду топографических карт областей Центральной России. Наверное, это одно из весьма немногочисленных добрых обретений минувших перемён... Я охотно покупаю красивые цветные карты. Взял сегодня вечером такую с полки, разложил на столе и, немало табака выкурив, пробыл с нею наедине целые часы времени, остановившись взглядом на одном из квадратов карты.

«Сплошные горизонталы проведены через 50 метров. Проекция равноугольная, поперечно-цилиндрическая Гаусса» — как замечательно! Восхитительно непонятный язык точного ремесла.

Сплошь трогательные прямоугольники деревень и мистическая вязь грунтовых дорог. Редко наметится червонный сосудик асфальтового тракта. Невеликую по нашим понятиям местность изображает квадрат 150 на 150 всего-то вёрст — впрочем, вполне достаточных для существования целой области иного государства. Увлекаясь, волнуясь, живо воображая вид таинственной местности, общался я с картой.

Какая огромная панорама глуши! Что за обездоленная территория! Бежит карандаш по чёрному волоску наверняка в реалии непроезжей, заросшей дороги в лесу. Вот деревни по пути: Старые Дегтяри (нежилое), Громково (нежилое), Озёрки (нежилое), Шутовка (нежилое). На полсотни вёрст всё нежилое. Отчего же нежилое? Ведь показывает карта в этом краю и смешанный лес — здоровый, без болотины, на высоком месте стоящий, и худенькую речку Боровскую Робью, и недалеко от неё из ничего в никуда проложенный «ус» узкоколейки. Что-то двигалось в этих землях? Но нет здесь ныне жизни. Рядом, за пунктирами просек, лишь опять смотришь — одинокая речка Язвищенская Робья и деревня Большие Язвищи — вот имя, прости, Господи! — а тут же: Рябково, Кошели, Жглово — всё опять (нежилое). На запад за шоссе ложится смутное, географически неясное пространство, а за ним непроходимое болото Рдейское, у болота — озеро Рдейское, напоминающее контуром человеческое сердце. А бегут к тому озеру одни зимники; на берегу же его карта рисует крест и надпись: «бывш. Рдейский монастырь». Вот и он — бывший... И куда ни побреди далее взглядом по точной живописи карты, всё большие да малые водоёмы и всё лес, лес, болотины, урочища, зимники, гати, редкие кресты церквей в деревнях, кое-как связанных между собой паутинкой чёрных дорог. Кажется, от самого листа карты пахнет сыростью, мхом, печным дымом. Ах, бедная, бедная Родина! Неужели в сегодняшние времена

разноцветная карта краше истинного состояния её необычайной местности? В край сей не поедет нынче ни беглый человек, ни даже патриотически настроенный бородатый интеллигент со своей пассией, ни респектабельный дачник на «Жигулях» из столиц, вознамериваясь основать жилище, ни смешливый забулдыга-турист со звоном ёмкостей в рюкзаке и ветхой гитарой — больно уж пусто и глухо тут. Усопший край; застывший край.

Торжественно кажет карта розовые ленты по пунктирам границ соседствующих областей, словно деля земли государств. Новгородчина, Псковщина, тверская Голубая Русь. Одни имена печальных губерний заставляют подумать о чём-то призрачном, вечно туманном, не в добрый час родившемся на свет у кордона мирозерцаний. Вековая неприбранность, вековое безвременье, вековая одинаковость бытия. Встаёт ли над краем сим солнце? Жива ли в лесах сказочная нечисть? Колдует ли вещунья в урочище? Спит ли где прекрасная царевна? Ох уж, скорее нет их более. Нет.

Словно на самолёте, на отчаянной деревенской «антошке» иду над картой, слышу — тарыхтит мотор над ней симпатичной картинкой, покачиваются тряпичные крылья близ узора земли. Поверяю свой путь, как пацан-пилот с четвёртым классом в свидетельстве, по милым пометам карты. Со мною движется ночь за окном и всегда ласковые взгляды её добродушных издали огней. Какое чудо — одиночество за картой. Я — здесь, рядом город, чашка чаю на клеёнке стола; а там, довольно далеко, под кромкой выглядывающих ёлок спит, как скончавшийся праведник, несчастная эта, дивная эта, родная эта местность, бедная моя, жалостливая, наказанная от века за что-то, прекрасная, восхитительная Родина!..

1993

Деревенский поезд

В Рязани пересел на мичуринскую электричку. Еду в деревню Шевцово.

Начало января. Резкий из-за влаги мороз, мало снега кругом, ветви яблонь дымчатые. Закат блёкнет под сероватыми облаками грядущей оттепели. Насуплена во мгле пустая станция, суровы её заледеневшие платформы и красные огни. Посвист маневрового...

В сумерках и сыри стоит, словно салом натёртая, Рязань.

Благословенно электрическое тепло вагона после вокзального беспокойства. Деревенский запах в поезде, который ходит по дороге вдоль однообразных холмов и полей, по редколесью, мимо бедных сёл с низкими избами, кое-как пристроившимися у оврагов и шустрых речек. Ходит он по бывшей Рязано-Уральской дороге.

Возят в этом поезде скарб для дома, городской хлеб, поросят, яблоки, картошку. В вёдрах возят и мешках, по-крестьянски. Дети добираются на этом поезде в школу.

Вспоминаются разрозненно строки Есенина при каждом взгляде в подмёрзшее окно.

В пути встретятся нашему поезду станции Чемодановка, Ряжск, Кочетовка. Очень идут такие имена означенным местам, их облику: озорная Рязано-Уральская дорога, бойкая, пахнет жжёным углем, сладкой землёй, солёными огурцами! А Мичуринск-то раньше назывался Козлов...

Целы ещё станционные монументы водонапорных башен с надписью «1881 г.», закопчённые кирпичные вокзалы с «гребешками» на крышах, теремки сараев и туалетов, бурые паровозные колонки. Бетонные уродцы-столбы контактной сети не могут поколебать величественный дух минувших железнодорожных лет.

Во вдохновении, закрыв глаза, воображаешь себе, раскачиваясь вместе с отчаянно скачущим вагоном, клопочущее шипение былых паровиков, удар колокола, возглас и эхо ночного свистка, плеск кипятка в обжигающей кружке, зелёное марево семафорного огня под россыпью звёзд, чад вагонной коптилки, тулуп кондуктора; ночная муть, лохмотья пара за узким окном, тревога пути... Так, должно быть, происходило это здесь раньше.

Вспоминаю никогда не виденное. А колёса тем временем грохочут, моторы поют.

В тамбуре востроносые деды винцо попивают и кашляют, как каркают, в табачном дыму, а сдобные удалые бабы золотыми зубами им склабятса, со смехом на них во весь голос ругаются. Бодрый гомон в вагоне, все мягковато произносят «г». Кажется милым этот говор в двухстах верстах от столицы. Много детей-ангелов с матерями, похожими на хохлаток. Чёрная старуха в углу горестно вздыхает. Глаза красавицы напротив, словно лукавые ягоды, — ах, хороша, прямо боярышня! Всяк едет с авоськой, с мешком — есть, стало быть, что везти. Пахнет в вагоне истинной, взаправдашной жизнью.

Всё бытие, какую-то сокровенную жуть российскую ярче, быть может, чем в церкви, постигнешь в тёплом вагоне зимнего пригородного поезда. Полтора ста лет так; как строка романа: «в жарко натопленном вагоне...». С нехитрым уютом внутри и мистической безмолвной далью снаружи, исполненной необъяснимого напряжения. Что Россия со своим пространством без железных дорог? Невообразимо... Вечный вздох её расточается под задумчивый стук колёс...

Сойти уже в полной тьме на свежий наст платформы в Шевцове, остановиться у двери покосившегося вокзального терема с острым запахом печки, с одиноко светящимся служебным окном, закурить не спеша. Послушать гул, долго уносимый убегающим поездом, лай убогой собачонки, наконец, стылую тишину. И пойти от переезда через поле к старому низенькому дому. Прихватит дыхание, усы заледенеют дорогой...

Всё это есть у меня. Какое счастье! Милые мои пути; милые мои дороги...

Маленький поезд

Словно стряхнув деловую московскую круговерть, условился встретиться с другом на Савёловском вокзале утром в воскресенье, чтобы поехать наконец в Подмосковье.

Декабрь, валится густой снег, в нём вытоптаны глубокие тропинки на платформах; немного морозит. За перекладами тупиков еле различимы заметённые поезда. Выбираем вагон, где натоплено, долго отряхиваемся в тамбуре, радуясь здоровой зиме и предстоящему пути. Пар изо рта!

Снегопад сильнее и сильнее, гуще сумрак, хоть и к полудню время.

В Икше предстоит пересесть на маленькую электричку, которая ходит вокруг Москвы по таинственной Большой кольцевой дороге. В пути сперва кроссворд с ленивой отгадкой нескольких слов, затем беседа — такая, будто сто лет не виделись. Вот и Москву покинули — проехали Марк.

Хорошо, когда самый интересный момент маршрута ещё впереди. Предвкушение впечатлений порой сильнее их самих.

Вот Икша, мир её пустынного вокзала. С моста через пути видно — вон он стоит! — маленький поезд с круглой улыбающейся головой.

Улёгшийся на крышах ближних дач снег выглядит, как на рождественской открытке. Народ передвигается хлопотливо и трудно, разбрасывая валенками снежную пыль, будто лопатой. На быстром ходу уносящиеся поезда художественно раздувают за собой перья позёмки.

От избытка снегов, вида старинных строений и тихой станции, от внезапной тишины Подмосковья с ясно различимыми отдельными звуками покойно, светло делается на сердце. Сладко дышится чистой влагой снегопада. Смагивая снежинки и притоптывая, покупаем у вокзала бутылку белого вина и бредём к поезду, который должен не спеша доставить нас в уединённый край, пребывающий в дачной дремоте в полста верстах от Москвы, от её обыденности, от всех забот...

Трогается маленький поезд и устремляется в сплошную белизну — в настоящую зимнюю глушь. Кажется, что это и не Подмосковье вовсе, — час, век вокруг словно другой. Отдаляется призрачная ветвь в сторону от сурового ряда опор Главногохода...

В распахнутых зимних одеждах представляешь себе большим и значительным. Ледяное сладкое вино, изумительный вкус подмёрзших бутербродов будоражат ретивое в пахнущем вагоном тепле. Вагон только что после ремонта, обшит внутри свежим лакированным деревом, и оттого в нём совсем уютно.

Старушка в шинели идёт по поезду, не боясь тряски, с кем-то из многих пассажиров весело здоровается, обстоятельно продаёт билеты. Катается она здесь до Кубинки одна-одинёшенька, радуясь, наверное, что пребывает по сей день на серьёзной службе. Не найдёшь теперь, подика, нигде больше во всём Московском узле проводницы в электричке.

От вина ли, от погоды ли, а может, от вида чёрного сукна шинели вдруг проносятся в воображении словно кадры немого кино — не электричка это, а допотопный пригородный шарaban бывшего подмосковного

паровика бежит по рельсам, не позёмка это, а дым стелется при пути, не проводница это, а кондукторша с лицом скульптурной героини из метро! Она выискивает притаившихся «зайцев», свеча трепещется в её копилке, мечущей по мрачным бокам вагона тревожные жёлтые пятна... и вновь в окне современность...

Рельсы встречного пути не видать — замело. Лес идёт высок, великолепен. Всё в беспокойной ауре снегопада кажется зыбким и невесомым. Небеса совсем слились с землёй.

Поезд движется гулко, подвывает как живой, когда буксует на разгоне. То вдруг подсвистнет, словно маленькая птица. Без этого подсвиста непредставимо Подмосковье.

Сумрак снегопада угрюм, но не страшен. Люди, дороги, дома близко. Не пропадёшь, если что. Хорошо вот так ехать, полусловом-полувзглядом болтать с другом старым и глядеть в окно. «Много ли всё-таки надо нам в этой жизни?..» — и так далее. Хочется задремать, а может быть — очнуться?.. В такую минуту кажется просторно на земле и в душе. Печка замечательно как жарит снизу через лавку! Глядим в окно с застенчивым любопытством человека, который из надёжного уюта наблюдает за непогодой.

Пусть мимолётный, но до чего желанный час, словно добрый сон.

Задремать, не стесняясь улыбки, и вспомнить невиденное, вообразить невообразимое и забыть обо всём, обо всём, хоть ненадолго войти во вполне осязаемое согласие, в удовольствие безмятежности...

Вечером встретит Москва — очередная насущность, очередной звонок телефона. Закрутит, навалится; помчатся недели! Однако почему-то уцелеет в памяти кадрами немного кино — маленький поезд, его трогательный уют, стена важных деревьев в наряде тяжёлого снега, валкий ход вагона, старушка в шинели...

1996

Как хорошо!..

Помнишь ли, как это было хорошо?

Помнишь тот день наивысшего расцвета весны с приветливо машущей всюду листвой, изготовленной как будто из цветной бумаги? С первым запахом трав... Гудящий, свежий, радующийся день в белёсой дымке, создавшейся из-за возбуждения природы, лежащей на грандиозном просторе нагретой земли.

Помнишь тень столетнего дуба, укрывающую старый вокзал в Озёрах? В этой тени можно было, благодушествуя, передохнуть перед новым витком странствия; ненадолго присесть на почтенную скамейку «МПС», остывая, как локомотив после шального, стремительного пути, вольготно распахнуть рубаху и слушать музыку птиц, погружаясь в блаженную кратковременную статику. Смену эпох своей жизни порой ощущаешь с таким вот распахиванием рубахи...

Помнишь кипучую субботнюю площадь, удалой рынок, а на нём солидных пожилых женщин в чёрных одеждах подле молочных бидонов и

посудин с творогом — как они утирали загорелые лбы, и ярко-цветастые их деревенские платки, которые сильнее окрестных патриархальных домишек являли собой старину, сугубо крестьянский край? Над площадью этой высится в небесах голубая глава церкви, под которой само людское бытование кажется добродушнее...

Помнишь задумчивый гром понтонов моста на Оке по дороге в Зарайск, замершие при них, как жуки, востроносые катера, бредущие себе понемногу зеленоватые воды застенчивой реки? Помнишь ликующий хор одуванчиков, выглядывавших, словно весёлые дети, из травы над рельсами?

Помнишь встречный ветер дорожного приволья, не утомлённый ещё зноем, не тронутый ещё пылью? — Ветер мая, ветер-юноша...

А как вишня цвела в тот день? Есть ли красивее что-нибудь её цветов, рассыпанных среди бревенчатого жилья... А эту пахнущую подсохшими грядками жару?

Как ехалось нам, как говорилось в пути, как колёса звончато колотили? Как почти слышимо смеялось солнце? Как ослепительно нарядно блестели на нас форменные знаки отличия, которые всё же — сила!

Как в яростном и изящном бреющем долго-долго обгонял наш поезд настоящий степной сокол...

Словно колокол восторга гудел — сам собою, без особых событий, истории — тот день, тот путь.

Это всё была наша Родина. Наша в ней жизнь, молодость.

1996

Какой это город?

Давным-давно... невообразимо, бесконечно давно... совсем уже далеко... брели когда-то по нашей земле русские люди-странники; святым ли местам поклониться, или на заработки, или по иному какому-нибудь жизненному зову. Брели дальней дорогой — той самой, про которую столько сложено песен: «Уж одна ты в поле широкая дороженька да пролежала»...

Брели от зорьки до заката — вечным пыльным большаком. Горами брели, долами, лугами, берегами, по тридцать вёрст вышагивали в день по назначенной стезе. Плыли размеренно им за спину столбы и заставы, отмеряли не зря траченный путь...

Брели странники, замечая и понимая всё вокруг себя — вольготно-ласковый поклон колоса пшеницы, выпархивание диковинных птиц прямо из-под лаптей, приметы дикого зверя. Шли они сквозь стены ярко-зелёных боров, влажных от рос и древесных соков, от изобилия чистоты и прели, с россыпями весело глядящих ягод и грибов, с роскошными мхами. А на открытом месте, в поле, улыбались и почти вслух что-то говорили странникам попутные цветы, незлобиво шумели шмели и куз-

нецы. Ветер то шептал, то гудел, и такими травами был напитан, такими дыханьями земли...

И великое, непостижимое, нигде более на свете не существующее приволье то и дело открывалось странникам, — они, казалось, не замечали его, но на самом деле всем существом замечали и постигали, совпадая с ним в единое и неразлучное. Тогда рождалось приволье в душах, и песня сама слагалась. Блаженное волненье, переживательная просьба чувства необъяснимо обращались в слова и звуки. Теперь уже никто не знает, не скажет, как такое получалось, — как широкая песня слагается...

Полон жизнью, нетронуту свеж был мир вокруг, до краёв насыщен всем достаточным и важным. Бездонным казался запас живого в пространстве. Простор немислимый; и незачем было на том просторе страннику спрашивать или волноваться о том, ради чего существовать, ради чего мир и жизнь, — хотелось лишь радоваться им, благодаря за них Бога.

Брели, брели — свои среди своих, по земле своей, и не знали они и не хотели иной. Поверяли неторопливыми шагами и думами дорогу, неутомимы и терпеливы были в ней. И зорьке, и закату радовались.

А когда близился им очередной город, большой или малый, возносились далеко на горе колокольня, тропы на подходе множились, в дымке намечались посадки, околицы... Тогда спрашивали странники у встречного человека: «Какой это город?» И отвечали им — свои своим, не без горделивости, нараспев: «Нерехта», или: «Кологрив», или: «Юрьев-Польской». И каждый каждого понимал — земля людей, и люди землю, и люди друг друга... От рядов до рядов, от слободы до слободы, от колокольни до колокольни...

Каждый город нёс в себе особенный дух, самобытное скопление куполов и крыш, и говорили в каждом на разный распев, однако в чём-то самом главном, до конца словами невыразимом едины были эти города — как и вся земля, на которой они лепились столь уместно и укладно. И хотя в одном городе знаменитые делали гармошки, в другом — картузы, в третьем — сундуки и бочки, всё же одной жизнью всем в них жилось, одною молитвой и песней. Крепко существовалось тогда людям на своей земле, казалось — незыблемо, во веки веков.

А не было у той земли ни начала, ни конца, и ничто её не делило; была она огромным разноцветным целым, для всех равным и достаточным, вся в себе охваченная единой жизнью, которой наполнилась через край, хранимая единым Богом, небесным Главою. И не было в ней на самом деле ни глуши, ни столиц, ни границ, вообще ни в чём не было существенных пределов и отличий; едина — и непостижимо велика, далека она была от луга до поля, от деревни до села, от утреннего до вечернего звона... Бесконечна при тогдашней неторопливости перемещения. И дальше времён, событий длилось её бытие — долгая творящая дорога, а на ней вечный странник.

И топали лапти, пыль клубили, и глухо стучали посохи; вполголоса напевали странники, шагая, негромкий разговор вели на привалах; отзывчиво отражали глазами бескрайнее небо... Просто, путно брели...

И когда намечалась на горе очередная колокольня, спрашивали они встречного человека, поклонившись: «Какой это город?» — «Гаврилов Посад». «Какой это город?» — «Солигалич»...

2002

«Невский экспресс»

В конце апреля ехал из Питера в Москву на вечернем «Невском экспрессе» — в роскошном новом вагоне, обтекаемом, с зеркалами, стеклянными дверьми, коврами, телевизорами и прочими теперешними благами. Осторожно пробравшись по жгуту путей Московского вокзала, сразу же за Обводным каналом экспресс понёсся стремительно, подхваченный локомотивом с огромным разгоном хода, и до самой Москвы почти нигде особенно не снижал скорости, электронное табло над коридором иногда высвечивало цифру под двести километров в час. Впрочем, в купе движение вагона было почти неощутимо, потому что он закупорен от внешней среды, словно капсула, оснащён кондиционерами и биотуалетами, а удары колёс и неровности пути немедленно поглощаются целой командой балансиров, рессор и пружин и до пассажиров не добираются. Лишь когда ахали в окно встречные поезда, с шипеньем открывались автоматические двери в тамбурах и затяжелевшей дробью прогрохатывали длинные мосты, в вагон врвался гул дороги, и тогда можно было постичь, насколько велика скорость и сила движения экспресса. Вид в окне энергично перемещался назад, словно кадры ускоренного кино, как будто кто-то нарисовал их на некоем полотне и теперь, натянув это полотно за окнами с рулона на рулон, быстро крутил его.

Сквозь чистейшие и тонированные к тому же окна вагона живописно гляделось прозрачное летящее небо. По нему были раскинуты плотные, контрастно очерченные по краям клёчки облаков, побелее снаружи и потемнее посередине. Ближе к заходу солнца при первом же порыве высокого ветра они готовы раздуться, затуманиться, растянуться небесной пряжей, нарядными полосами, которые к ночи тонко порозовеют, вседобрый покой и усладу принесут миру и взгляду... А земля была, какой она всегда бывает в это время года, — сплошь бурой, неясной, покрытой густыми кудрями прошлогодней соломы. Красные новгородские глины ещё сыры, все в художественных руслах от потоков только что стаявшего снега. Лес пока не залоснился, не засверкал, он был, несмотря на присутствие солнца, матов и отчуждён. В чёрной глубине чащey под деревьями во многих местах покуда виднелись серые понурые сугробцы прошлогоднего снега. Тревожный осинник после Тосно сменился пестрением сосняка, по большинству молодого, часто проросшего ёлкой и берёзкой, плотного, яркого, приветливого для глаза. Радующий душу бег сплошного дикого леса! Столбам вольготно шагать вдоль него, рельсам пролегать и блестеть, гореть светофорам. Вдруг лес кончился, и открывались долины больших рек. Волхов и Волга отозвались взгляду мутной, светло-чёрной, сонно двигавшейся водой, совсем открывшейся

ото льда. По Мсте ещё плыли льдины, на великолепном обозрении с невероятной высоты моста вся она была в разводах и полосах ледохода. Такое редко увидишь! А озёра проплывали сиренево-белые, пока не растаявшие, как огромные лепёшки из сухого порошка льда и снега, казалось — сверху они лежат на земле, а не в глуби её. Кое-где ещё виднелись на озёрах рыбаки — самые фанатствующие. В такую пору они уже как анахронизм...

Простором весны, чистотою дикого воздуха, пахнувшего согревшимися сухими деревьями и сыростью открывшейся земли, мягким и смущённым её обликом полнился вечер, долго не меркнувший, не терявший яркости света, весь окрашенный розовым, светло-бордовым. И поезд с довольным устремлением врывался в него торжествующей головой, громко голося, словно молодой счастливый мустанг, обдавая мимолётной роскошью своей сверкающей гирлянды попутный пейзаж, гулом далеко наполняя чащи и огромные косматые дали, за горизонтом которых ещё долгие-долгие пространства глуши...

Я глядел и глядел в окно, стоя в коридоре, позабыв о фильме «Гладиатор» и трёх видах лёгкой музыки в стереонаушниках из индивидуального пакетика, пребывая в удовольствии от скорости и удобства пути, узнавая километр за километром давно знакомую дорогу, которая одушевлена для меня, как человек. И чем ближе, понятнее становилось мне состояние природы, весьма особенное в эту пору весны, тем отчуждённее на его фоне выглядело людское бытие. Деревеньки на валдайских холмах, все в берёзовых ожерельях, с повисшими сизыми паутинками дымов из труб, огранённые ясным предвечерним светом, издали казались трогательными и даже идилическими благодаря своим очерченным наличникам, ставенкам, оградкам, голым огородам, а вот вблизи... Сколько мусора всюду возле путей, грязи, нарочитой неприбранности. Как слезливы и безнадежны изрытые грунтовые дороги. На всех станциях склады полны пилёным лесом — невиданное, неслыханное идёт его количество. Скоро, наверное, сведут последние боры и совсем в России исконного леса не станет... Старые вокзалы, чудом оставшиеся в живых после «реконструкции» дороги, едва на ногах держатся, припёртые заборами-уродцами. Поглядел в Березайке: бедный теремок, помнящий здесь всё со времён Николая Первого... Старинные дома в посёлках, чёрные скорбные существа, узнаваемые по особым фигурным контурам окон, всё более дряхлеют, тут и там рушатся, их уже не хотят красить, подновлять: конец близок. Новые же дачные дома — это не архитектура, не история, не национальная черта, не живая составляющая пейзажа, это лишь предназначенное для чего-то человеческое сооружение, чуждое всему на свете, и, кажется, себе самому в том числе...

Вся магистраль в каких-то тупых щитах изгородей с дырами и провалившимися секциями, в заброшенных стройках, проросших пустым кустарником и топнувших в болотинах, в россыпях раздробленного кирпича порушенных клейнмихелевских казарм... В Окуловке нынешний начальник дороги снёс исконный вокзал — я отворотился от окна, когда пролетали сквозь Окуловку, словно от зрелища казни. Во многих, многих местах уже непросто узнать мне было дорогу. Лишь небо над ней, леса,

пустоши, реки, озёра, «моховые болота и пни» те же, всё те же — там, где не тронул их человек, где отделён от него, первозданен чистый мир. А места такие есть пока, и много их и донныне между столицами одной шестой части мира, не говоря уже о куда более дальних краях. В России у нас запас жизни, Богом данный, есть ещё на многие тысячи лет — хорошо и светло можно было бы философствовать о будущем, стоя у окна роскошного вагона экспресса Петербург–Москва, если бы не всеобщая мировая воронка суеты, не круговорот роковых событий...

Я заметил, что в вагоне почти никто не глядел в окно — все были затворены за стёклами дверей купе от натурального мира: кто-то дремал в широком кресле нога на ногу с проводами в ушах, кто-то улыбочиво болтал по мобильному телефону, кто-то прихлёбывал хорошее иноземное пиво, перелистывая химически яркий лакированный журнал, кто-то смотрел по телевизору фильм, но каждый так или иначе был уединён в себе самом, закрыт своим панцирем. Ясный лес и небо с говорящими облаками мчались за окном, светлый вечер, весна в нём плыли, щедро даря возможность сколько угодно глядеть на себя, но почти никто не отзывался им. Казалось, вообще не принята отзывчивость в обиходе у этих по большинству молодых, богатых, официально-вежливых, говорящих и одевающихся подчёркнуто по-современному людей, не особенно прилично им откликаться на всё, что не причастно к стилю и повадке их жизни. Равнодушны были все пассажиры нашего вагона и к целостно развёрнутой за окном панораме быта огромной, донныне деревенской и глухой страны этой. Разве что один жизнерадостный курчавый латиноамериканец в соседнем купе, беспрестанно жевавший жвачку и обнимавший левой рукой свою всем довольную цветастую подругу с шоколадными коленками, вдруг ни с того ни с сего, продолжая обнимать, правой рукой поднёс к глазу фотоаппарат «мыльницу», висевший у него на шее, и, почти не целясь, пару раз щёлкнул в окно растянувшийся под насыпью пространный сельский вид в Лыкошине...

Никак, ничем не сочетались два этих мира — несущийся экспресс и всё, что было за окнами его. Как нездешний пришелец, как иногалактическая комета был наш поезд меж рассечённых дорогой густых полотен леса, мчась сквозь ветер с запахом оттаявшей земли, полей, дымов из труб, тревожа покрывала покойных речных туманов, проносья мимо вечерних звёздочек-огоньков невесомых деревень и в них детишек в грязных курточках, пускающих с кривых мостков кораблики и машущих изо всех сил стремительной ракете поезда.

Что происходит? Да ничего не происходит. Просто сильно изменилась жизнь. Шутка ли — век другой, новая тысяча лет настала. Всё правильно. Просто ещё дальше человек от земли.

БИБЛИОТЕКА

НАУЧНЫЙ ПОДВИГ

Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого: В 2 т. СПб., 2009. Т. 1 — 715 с.; Т. 2. — 615 с.

В Санкт-Петербурге в престижной серии «Литературные памятники» вышли воспоминания Н.П. Гилярова-Платонова. Это значительное явление в литературном мире России. Но для Коломны издание мемуаров Гилярова — событие поистине эпохальное. Никита Петрович — выходец из коломенской церковной среды. И первый том его воспоминаний целиком посвящён Коломне. А картина старинного провинциального города рубежа XVIII–XIX веков настолько ярка, что по силе воздействия не уступает художественным произведениям о нашем городе Лажечникова и Пильняка.

Гиляровым были зафиксированы мельчайшие подробности коломенского и прежде всего церковного быта. Загадочные легенды, предания, рассказы старожилов собраны здесь в причудливую мозаику, что создаёт не «открыточный», а подлинный образ древней Коломны.

Печальный парадокс заключался в том, что этот бесценный исторический источник на протяжении почти столетия оставался практически недоступным для краеведов. Зачисленный в разряд «церковных реакционеров», Гиляров не переиздавался. И лишь с крахом коммунистического режима начались работы по возвращению трудов этого замечательного философа и церковного писателя потомкам. Основная роль в переиздании гиляровских мемуаров принадлежит талантливому питерскому учёному, едва ли не лучшему современному гиляроведу Андрею Петровичу Дмитриеву. В «Литературных памятниках» опубликованы не только воспоминания «Из пережитого» (1886–1887), но и дневники 1837–1843 и 1859 годов, подборка писем 1887 года и юношеские прозаические опыты. Надо ещё учитывать, что главы из воспоминаний публиковались при жизни Гилярова в изданиях «Русский вестник», «Дело», «Современные известия», каждый раз подвергаясь цензурной правке и редактированию. А.П. Дмитриеву пришлось собрать целые горы публикаций и рукописей, сличить их, чтобы выявить авторский текст и составить подробный комментарий.

Сложно представить гигантский объём труда, который пришлось совершить А.П. Дмитриеву и его коллегам! Нам остаётся лишь восхититься этим научным подвигом и поздравить составителя с выходом в свет многострадальной книги, которую коломенцы так ждали.

Лилия ПАВЛОВА

Лилия Константиновна Павлова окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Продолжила образование в аспирантуре Государственного историко-архивного института (ныне РГГУ). Более трёх десятилетий проработала в органах охраны памятников истории и культуры.

Автор и разработчик ряда законодательных и нормативных актов по сохранению объектов историко-культурного наследия. Автор книги «Наследие» (1997), автор и разработчик курсов лекций для вузов по истории отечества, отечественной культуры и культурологии. Преподаватель семинарии Николо-Угрешского монастыря.

Живёт в посёлке Красково Люберецкого района Московской области.

СКАЗАНИЕ О БОБРЕНЕВЕ МОНАСТЫРЕ

От редакции

Богородице-Рождественский Бобренов монастырь — выдающийся исторический памятник Коломенского края. По преданию, он основан в честь Куликовской победы, спустя год после неё, в 1381 году. Сегодня мы отмечаем 630-летие со дня его основания. Этой дате посвящена статья известного исследователя Л.К. Павловой. Нам хотелось бы предварить эту публикацию небольшим вступлением.

Вначале следует упомянуть о распространённой в научной литературе ошибке. Почему-то Бобренов монастырь многие учёные упорно именуют Бобренёвым. Это странное и неприятное коломенскому уху искажение кочует из книги в книгу. А между тем в Коломне всегда называли эту обитель Бобреновской и никак иначе.

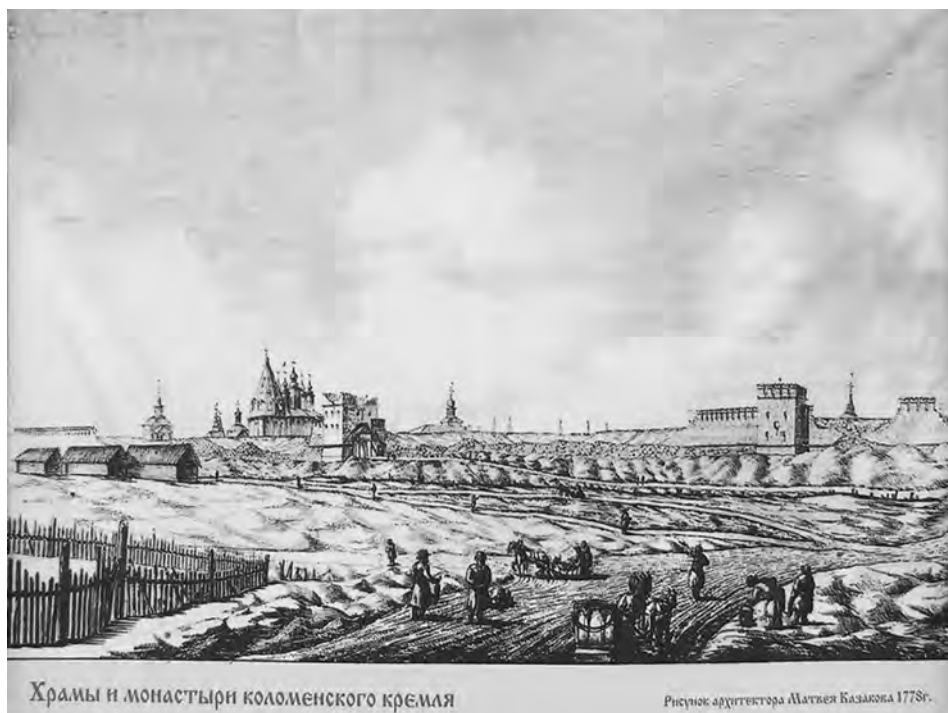
Есть версия, производящая название монастыря от семейного прозвища выдающегося полководца Д.М. Боброка-Волынского — Бобрена. Впервые о возможной связи монастырского имени с князем Дмитрием Боброком сказал в 40-е годы XIX века Н.Д. Иванчин-Писарев в своём дополнении к знаменитой «Прогулке по древнему Коломенскому уезду». Позднее эта версия обросла мифами и легендами. Рассказывали даже, что Боброк принял постриг в этом монастыре и здесь похоронен. Думается, что это предположение не более реально, чем фантастическая легенда о «подземном ходе», якобы идущем от Бобренева монастыря в Коломенский кремль.

Одно очевидно: Богородице-Рождественский Обетный Бобренов монастырь, несомненно, является мемориалом Куликовской победы и действительно основан в конце XIV века, как свидетельствуют данные археологии.

Однако тайны древней обители не дают покоя пытливым исследователям. Коломенцам наверняка будет любопытно познакомиться с ещё одним взглядом на историю святыни, столь важной для нашей земли.

Я очень люблю идти к Бобренову монастырю по полю, напоённым запахом цветов и трав... Оглянешься — и перед очами, как сказочный град Китеж, кружевным силуэтом плывут очертания Коломны; а впереди, «среди долины ровныя», надёжной защитой городу вот уже более шести веков стоит Богородице-Рождественский монастырь.

Столетиями хранит свои тайны эта древняя обитель. Только одно обстоятельство в истории монастыря не вызывает сомнений. Из поколения в поколение передаются предания об основании святыни во времена великого князя Московского Дмитрия Донского, о связи Бобренова монастыря с событиями 1380 года, когда в день Рождества Богородицы русские воины одержали победу на Куликовом поле. Однако надо иметь в виду одно очень важное обстоятельство. Историк В.Шавырин остроумно заметил, что «книгами, посвящёнными Куликовской битве, можно выложить всё поле, на котором она произошла»¹. Но всё написанное восходит к трём *литературным*, а не документальным первоисточникам: краткой

Вид на Бобренов монастырь. Рисунок Матвея Казакова. 1778 год

летописной повести о Куликовской битве, поэтической «Задонщине» и риторическому «Сказанию о Мамаевом побоище».

В этих источниках звучат отголоски народных песен и устных преданий, эпической поэзии и фольклорных сказаний. Строго говоря, это скорее некие предания, а не исторические свидетельства.

Ещё в 1983 году А.Д. Горский отмечал: «Как это ни странно, несмотря на давний интерес исторической науки к Куликовской битве, до самого последнего времени не было работ по историографии этого события»². За последнюю четверть века мало что изменилось.

Крайне скудны летописные свидетельства. Рогожский летописец Тверского сборника XV века сообщает лишь о богатой добыче, взятой русским воинством. Симеоновская летопись XVI века лишь мимоходом сообщает о «побоище иже на Дону». Список можно продолжить. Да и само поле стало называться Куликовым лишь в XIX столетии. Наиболее часто место сражения называют Мамаевым лугом.

Конкретно и точно сказано в исторических источниках лишь о смотре войск, который проводил князь Дмитрий Иванович в Коломне в 1380 году, перед решающим сражением с Мамаем.

Не вызывает сомнения и время основания Бобренева монастыря (конец XIV — начало XV века), установленное археологическими изысканиями, которые проводились во второй половине XX столетия под руководством архитекторов-реставраторов С.П. Орловского и В.В. Ковельмахера. Значительный вклад в изучение истории монастыря внёс архитектор-реставратор Б.Л. Альтшуллер.

Как известно, история — наука относительная. И может быть, именно упомянутое обстоятельство делает эту область знания столь привлекательной и загадочной.

С течением времени тот или иной факт чуда русской истории либо приоткрывает завесу времени и обстоятельств, либо ещё больше скрывается за ней. Либо уходят в небытие, либо возвращаются имена и события, возникают новые загадки и гипотезы, восполняются утраты.

До сих пор молятся в Богородице-Рождественском монастыре о воинах, защитивших Отечество наше на поле Куликовом. Канонизирован Русской Православной Церковью князь Дмитрий Иванович Донской.

По сути, поход Мамаю на Русь не был очередным татаро-монгольским набегом. Как известно, кроме монголов в его войске были фряги, генуэзцы и другие воины стран Западной Европы. А сама военная кампания была благословлена папой Римским. Это был своеобразный крестовый поход против русской культуры, против русской идеологии, против православной веры. Русь в конце XV века была раздираема междоусобицами. Но медленно и верно крепло Московское княжество, и, несмотря на распри, князю Дмитрию Ивановичу удалось убедить князей забыть о вражде, объединиться и дать отпор Мамаю.

Можно предположить, что именно здесь, на месте Бобренева монастыря, от которого шла дорога к парадному въезду в Коломну со стороны Москвы, и проходили полки русских князей. Видимо, не случайно дорога к наводному мосту через Москву-реку начинается именно от ворот обители. Возможно, издревле здесь было небольшое военное укрепле-

ние, так называемый городок, обеспечивающий не только охрану князей, отправляющихся на «полюдье» (сбор дани), но и стратегические функции.

Как известно, храмы и монастыри на Руси никогда не ставились на случайных местах, их основание всегда имело под собой серьёзную причину.

Именно начальный период существования Бобренева монастыря представляет особый интерес, так как история не сохранила нам документальных свидетельств тех времён (или они пока ещё не найдены).

Монастыри на Руси были не только центрами духовной культуры, но и военными крепостями, опорными пунктами защиты наших рубежей от мирского и духовного зла. И сегодня Богородице-Рождественский монастырь несёт в своём облике воинственный дух, некую охранительную и защитную функцию.

В XIV веке здесь, на окраинной части коломенских земель, там, где река Москва сливается с Окой, сложилась целая система обороны, в которую органично войдёт в конце столетия и Бобренев монастырь.

Эта уникальная система, прилегающая к левому берегу реки Оки и включающая в себя города Серпухов, Каширу, Лопасню, Ростиславль и Коломну, имела два названия — «Берег» и «Пояс Пресвятой Богородицы».

Система обороны выполняла важнейшую стратегическую задачу, которую поставили перед собой великие московские князья, — защиту богатых юго-восточных земель от грабежа и политики агрессивной исламизации, которую в XIV веке проводила Орда.

Конечно, ключевым городом в этой уникальной оборонной системе была Коломна. В течение 30–35 лет в конце XIV века в городе и окрестностях, наряду с крепостью, возводятся четыре монастыря: Голутвин, Спасский, Бобренев и монастырь за рекой Коломенкой (предположительно обитель была посвящена апостолам Петру и Павлу; вскоре она была упразднена). Все они территориально находились в границах оборонительной системы «Берег», стояли на важных торговых и военных дорогах, усиливая стратегическое положение Московского княжества.

В этих монастырях появляются храмы, которые называют «загадочными постройками» времени Дмитрия Донского. Это тип бесстолпного храма с пристенными столбами, без боковых членений, который неожиданно исчез уже в первом десятилетии XV века. Фундамент именно такого храма был обнаружен в церкви Рождества Богородицы в Бобренево монастыре на глубине 50–60 см от уровня пола в XIX веке.

В созидании оборонительной системы активное участие принимал незаслуженно забытый ныне герой — двоюродный брат князя Дмитрия Ивановича, князь Владимир Андреевич Серпуховской. Только немногие знают, что «Задонщина» — раннее сказание о битве на Куликовом поле, имеет и иное название — «Похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу».

Князь Владимир Андреевич прославил своё имя не только ратными подвигами. Это был дипломат и воин, полководец и созидатель, стратег и политик; он вошёл в нашу историю с почётными прозваниями

«Донской» и «Храбрый» после победы на Куликовом поле, где командовал знаменитым засадным полком и после контузии великого князя Дмитрия фактически возглавил русское воинство. Известный историк М.Н. Тихомиров приписывает расстановку сил в Куликовской битве одному Владимиру Андреевичу, не без основания считая его лучшим военным стратегом того времени³.

Рядом с Владимиром Андреевичем в Засадном полку воевал воевода Дмитрий Михайлович Волынский, по прозвищу Боброк. Именно с ним изустное предание связывает название Бобренева монастыря. Никаких доказательств данной версии нет ни в исторических, ни в литературных, ни в каких-либо других источниках.

Автор рассматривает данное обстоятельство как доказательство того, что эпическое прошлое народа сохраняется и раскрывается в форме так называемого национального предания, которое представляет одну из форм фольклора и народной молвы. Национальное предание не следует обобщать с такими важнейшими категориями, как Священное и церковное предания. Священное Предание — учение Христа и апостолов, а предание церковное включает в себя «сочинения лиц, не авторизованных Церковью, по истории Церкви, а также агиографические записи местных устных сказаний»⁴.

Автору не удалось обнаружить агиографических богословских исследований, поддерживающих версию наименования Богородице-Рождественского монастыря у Коломны именем волынского воеводы Боброка.

С позиции исторической грамматики даже в «прерывистой непрерывности» древнерусского, книжно-славянского, старорусского и современ-

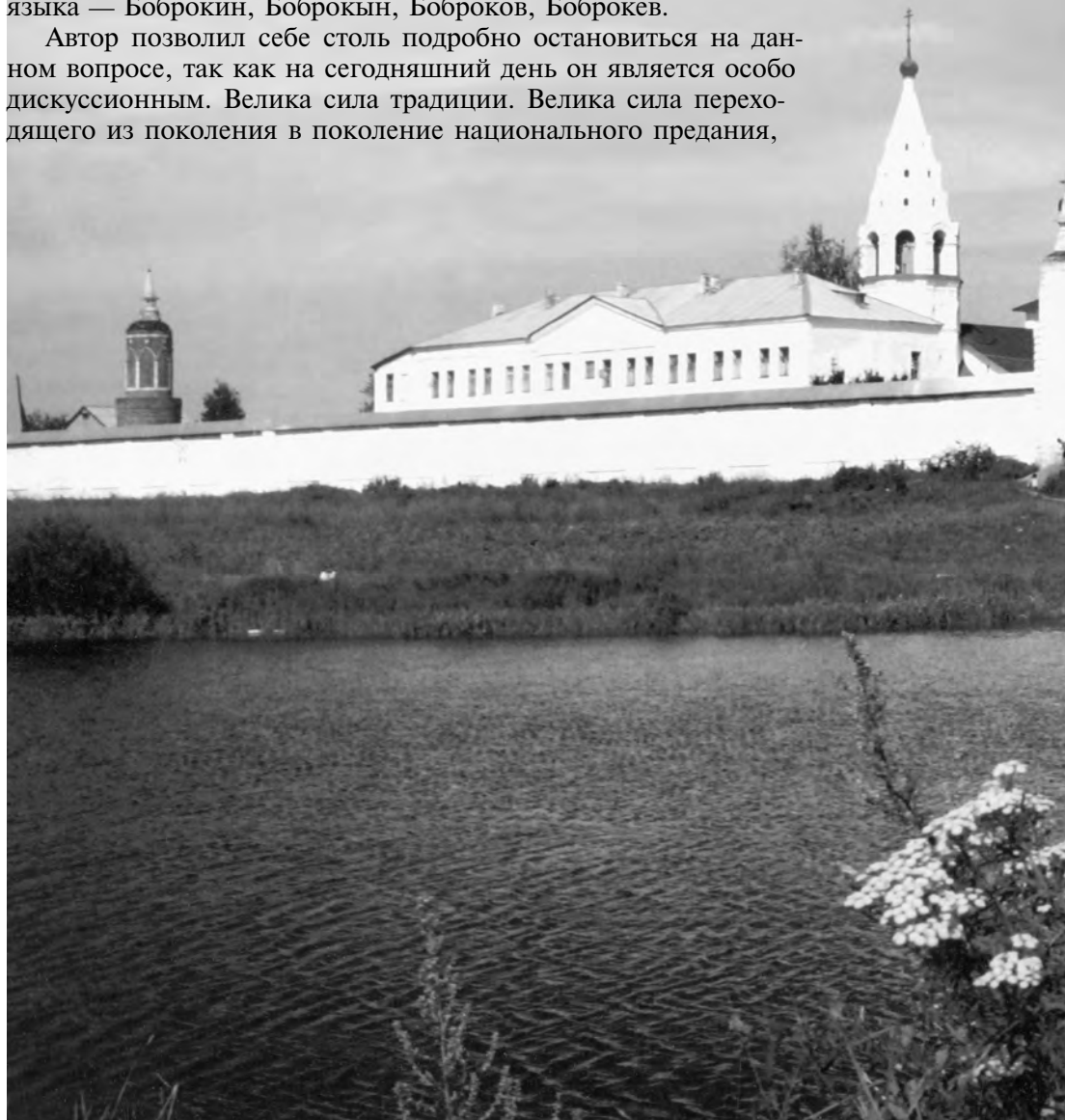

Виктор Маторин. Герой Куликовской битвы Боброк Волынский

ного русского языка законы лингвистики не позволяют транслировать слово Боброк (-ово, -овский) в Бобренов (-ево, -евский). У этих двух слов при наличии одной производящей основы (бобр) различные суффиксы и окончания (так называемые словообразовательные морфемы). В слове «Боброк» морфема — «ок», а в слове «Бобренов» морфема — «ен».

Слово «Боброк» — имя существительное с так называемым нулевым окончанием (название лица). При образовании из него притяжательного прилагательного, указывающего на принадлежность предмета единичному лицу, применяются суффиксы -ин (-ын) и -ов (-ев). Таким образом, притяжательные прилагательные от названия лица «Боброк» по лингвистическим законам русского языка — Боброкин, Боброкын, Боброков, Боброкев.

Автор позволил себе столь подробно остановиться на данном вопросе, так как на сегодняшний день он является особо дискуссионным. Велика сила традиции. Велика сила переходящего из поколения в поколение национального предания,

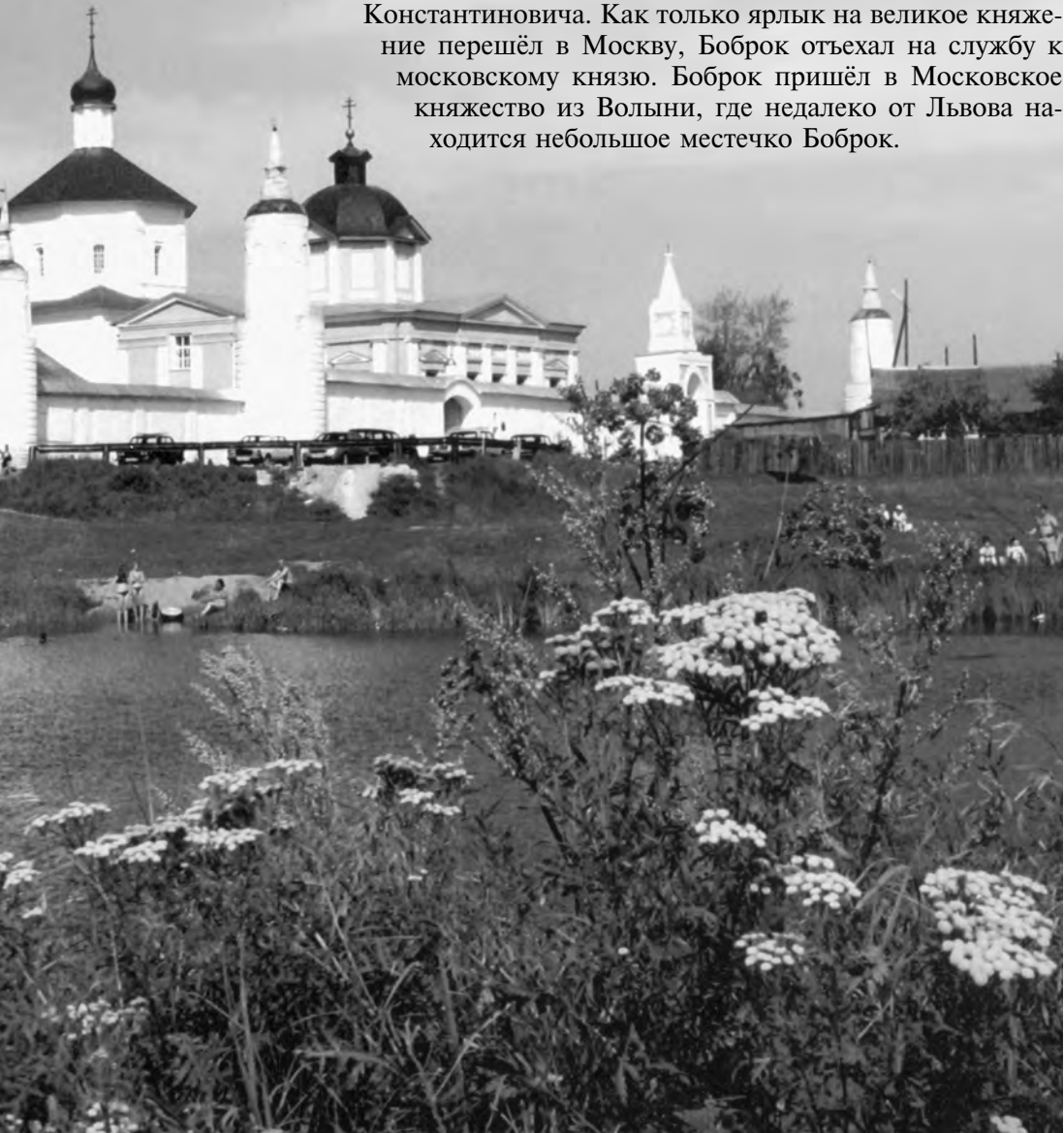

даже если оно не подтверждено никакими фактологическими данными.

Автор ни в коем случае не стремится к ниспровержению существующих представлений, а лишь предлагает читателю свой взгляд на данную ситуацию.

Дмитрий Михайлович Волынский был женат на сестре князя Дмитрия Ивановича и, по мнению доктора исторических наук В.Л. Янина, только этим родством заслужил себе высокий титул⁵.

Боброк — опытный воин. Однако смущает то, что он был наёмником и до службы у великого князя Московского был тысяцким у суздальско-новгородского князя Дмитрия Константиновича. Как только ярлык на великое княжение перешёл в Москву, Боброк отъехал на службу к московскому князю. Боброк пришёл в Московское княжество из Волыни, где недалеко от Львова находится небольшое местечко Боброк.

Можно предположить с определённой долей осторожности, что Бобренов монастырь является обетным, то есть возведённым по обету, данному Дмитрием Донским перед Куликовским сражением. Многие исторические источники говорят о данном князем обете. Но является ли именно этот монастырь первым памятником победы на Куликовом поле?

Название «Богородице-Рождественский» подтверждает эту версию, так как победа была одержана в день Рождества Богородицы. Но одноимённый монастырь был основан и на самом Куликовом поле. Есть свидетельство о том, что в благодарность за победу князь построил монастырь на реке Дубенке. Является обетным и Николо-Угрешский монастырь.

Но только в Бобренове монастыре найдены фундаменты, относящиеся к «загадочным постройкам» времени Дмитрия Донского. Это обстоятельство, наряду с названием обители и фактом смотра войск перед сражением в Коломне, позволяет высказать гипотезу о том, что Богородице-Рождественский монастырь является памятником победы русского оружия на поле Куликовом. Проведённые автором исследования позволяют сказать, что в соответствии с древней традицией обитель получила своё второе имя по названию старинной деревни Бобреновой (нынешнее Старое Бобреново), чья история насчитывает не одно столетие.

Предание о причастности к основанию монастыря воеводы Боброка Волынского относится к жанру героического эпоса в устной традиции, воспевающей подвиги героев-богатырей. Не претендуя на абсолютную истину, автор высказывает своё мнение о том, что ктиторами монастыря могли быть князья Дмитрий Донской и Владимир Андреевич Донской Храбрый. Именно им принадлежит победа на Куликовом поле, только князьям было по силам строить каменные храмы в XIV веке. Можно предположить, что и Боброк имел отношение к строительству монастыря, но только косвенное.

Говоря о жизни Бобренова монастыря в период XV–XVII веков, нельзя не сказать о том, что если центром средневековой культуры Запада был университет, то у нас на Руси этим центром был монастырь. Монастыри создавали не только крепчайшее оборонительное кольцо, но стали опорными пунктами переселенческого движения, средоточием знаний и ремёсел.

Монастыри контролировали транспортные магистрали, были узловыми точками оповещения. Из монастырей пришла русская медицинская школа. Здесь жили переводчики и проповедники. Здесь были центры церковного искусства и летописания. Монастыри распространяли прогрессивные методы земледелия и шадящего землепользования.

Бобренов уже в XV веке располагал богатой библиотекой, вокруг него широкое распространение имел гончарный промысел. В 70-х годах XVI века монастырь владел двенадцатью пунктами в Микулинском стане и 869 четями земли (четь — 0,56 га).

Вystоял Богородице-Рождественский монастырь и в Смуту XVII столетия. Возможно потому, что Патриарх Никон взял Коломенскую епар-

хию в патриаршее управление, хотя в XVII веке деревня Бобренево стала раскольничьей. Здесь противились никоновским реформам.

В XVIII веке, когда в России начался процесс дехристианизации, Бобренев монастырь, как и вся Русская Церковь, не избежал репрессий со стороны властей. Пётр I считал монастыри «гангреной» общества, было отменено Патриаршество и Церковь подчинена государству.

Екатерина II продолжала эту политику. В 1764 году все монастырские земли были отняты и отошли в казну, Бобренев монастырь был объявлен «заштатным», то есть лишился всех своих владений и какой-либо помощи со стороны государства.

Только чудом можно объяснить тот факт, что в 1790 году были завершены строительные работы в Рождественском соборе и закончено строительство колокольни. В 1795 году вокруг обители воздвигнуты стены в стиле модной тогда русской готики. Но в 1800 году, на пороге так называемого «железного века», Бобренев монастырь теряет свою самостоятельность и приписывается к Богоявленскому Старо-Голутвину монастырю. До середины 1802 года в стенах нашего монастыря проживал лишь один монах.

Возрождение Богородице-Рождественского монастыря начинается со второй половины XIX столетия, и связано оно с именем замечательного человека Давида Ивановича Хлудова (1822–1886). В отличие от современных «спонсоров», благотворители прошлых времён не ждали никакой прибыли и совершали свои благодеяния лишь во славу Божию, для спасения своей души и во имя славы Отечества.

В 1860 году воздвигнут храм в честь Феодоровской иконы Божией Матери. Знаменитый «поющий храм», где не только твой голос, но и твоё дыхание повторяют стены. Д.И. Хлудов не оставляет своим попечением монастырь до конца своей жизни, и его затраты на восстановление монастыря составят 150 000 руб. Колоссальная для тех времён сумма!

В 1865 году Бобреневу монастырю возвращается самостоятельность. К концу столетия братия монастыря составила 32 человека, и обитель возрождает свою просветительскую миссию. В 1903 году здесь открывается церковноприходская школа. В монастырь за медицинской помощью обращаются болящие.

В 1908 году братия обрела из вод Москвы-реки список с Феодоровской иконы Божией Матери. Православная традиция связывает этот местночтимый образ с помощью в обретении спутника жизни и чадородии.

Бобренев монастырь закрыли в начале 20-х годов XX века. Придя к власти, Ленин объявил, что главным врагом нового строя, кроме мирового империализма, является Бог. В первые месяцы после октябрьского переворота 1917 года погибло более 12 тысяч священников. Их распинали на крестах и Царских вратах, живыми закапывали в землю, вешали и расстреливали. Ленин говорил о духовенстве: «Мы должны подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение десятилетий»⁶.

И мы не забыли... Не забыли, что, несмотря на репрессии, до 1930 года в Бобреневе продолжали лечить больных, а потом монахи-врачи вынуждены были покинуть родные стены. Не забыли, как разорили мона-

стырский погост для строительства теплиц. Не забыли о том, как в алтаре одного из храмов устроили гараж. Не забыли о том, как использовали страницы древних книг монастырской библиотеки в качестве «упаковочного материала». В конце 60-х годов принимается решение о создании в Бобрёнове монастыре туристического центра. Но вместо музея устраивают в монастыре свалку. Свозят сюда падёжный скот и бытовой мусор.

После 1991 года, когда Богородице-Рождественский монастырь был возвращён Церкви, с территории обители было вывезено полторы тысячи «КамАЗов» перегнившей дряни. Работы по восстановлению монастыря взяла на себя община московского храма Всех Святых, что на Соколе. Возглавил это благое дело староста храма Б.С. Кудинкин. Его имя смело можно поставить рядом с именем Д.И. Хлудова. Борис Сергеевич Кудинкин — настоящий герой нашего времени, продолжатель великого дела сохранения духовного и нравственного потенциала нашего Отечества.

Храм Всех Святых на Соколе — особый храм. Здесь в течение многих лет ведётся работа по увековечению памяти воинской славы России. Община храма во главе с настоятелем о. Анатолием Казновецким рассматривала Бобрёнов монастырь как мемориал памяти воинам, павшим за Веру и Отечество на Куликовом поле. Именно поэтому прихожане взяли на себя почётную обязанность возрождения обители. Жаль, что после кончины Б.С. Кудинкина эта молитвенная связь ослабла...

Богородице-Рождественский Бобрёнов монастырь силён своим внутренним содержанием. Разрушаясь во дни ослабления веры, он всегда хранил в себе дух России, дух Православия. Он всегда оставался сторожевым монастырём, охраняя высокую духовность — главное богатство нашего Отечества.

Я люблю идти к Бобрёнову монастырю полем, напоённым запахом цветов и трав... И чем ближе к нему подходишь, тем зримее становится величественный образ духовной крепости — нерушимого памятника Святой Руси!

Примечания

¹ Шавырин В. Неделимое поле // Родина. 1997. № 3/4. С. 94.

² Цит. по: Кожин В.В. История Руси и русского слова. М., 2001. С. 367.

³ См.: Кучкин В.А. Сподвижник Дмитрия Донского // Вопросы истории. 1979. № 8. С. 115.

⁴ Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. II. С. 1889.

⁵ См.: Кузьмин А.В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка Вольнского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 112.

⁶ Цит. по: Солоухин В.А. Под «крышей» мавзолея. Тверь, 1988. С. 176.

Уильям Крафт Брумфилд в 1973 году защитил докторскую диссертацию по русской литературе XIX века в университете Беркли (Калифорния). Преподавал в Гарварде, университетах Висконсина и Вирджинии. В настоящее время — профессор славистики и истории искусств университета Тулейн (Новый Орлеан).

Автор и фотограф многочисленных книг, среди них фундаментальная «История русской архитектуры», серия «Открывая Россию», несколько альбомов по Вологодскому региону («Великий Устюг», «Кириллов. Ферапонтово»).

Фотографии памятников русской архитектуры профессора Брумфилда экспонировались во многих галереях и музеях мира и составляют часть фотографической коллекции Национальной галереи искусств в Вашингтоне.

В 2002 году Уильям Брумфилд избран зарубежным членом Российской академии архитектуры, в мае 2006 года — почётным членом Российской академии художеств.

ОТКРЫВАЯ РОССИЮ...

Путешествие в Коломну

Каждый, кто интересуется развитием средневековой русской архитектуры и историей государства Московского, не может не признать исключительного значения Коломны. Действительно, в границах этого сравнительно небольшого региона можно обнаружить подлинную антологию средневековых и неоклассических архитектурных стилей.

Коломна особенно богата памятниками XVIII и начала XIX столетий — как домами, так и церквями. Именно это чувство ансамбля даёт редкую возможность заглянуть в русское культурное наследие. Несмотря на разрушения исторической застройки в годы советской власти, Коломне удалось сохранить свой гармоничный облик. В чрезвычайно сложную и тонкую архитектурную среду этого необыкновенного города органично вписались и изящные деревянные домики в стиле модерн, и конструктивистские здания.

Я видел великолепные церковные купола и монастырские башни из окна поезда поздним весенним вечером в 1980-м, когда возвращался из «нелегальной» (без визы) поездки в Рязань, где мы с Алексеем Комечем, ушедшим недавно из жизни выдающимся искусствоведом и самоотверженным защитником наследия, смотрели архитектурные памятники. Но увиденное по дороге из Рязани через пыльное окно электрички осталось только дразнящим воспоминанием.

*Уильям Брумфилд с Алексеем Ильичом Комечем,
директором Государственного института искусствознания. 1995 год*

В 1992 году я задумал включить Коломну в новую книгу «Потерянная Россия». Увы, моя первая поездка в октябре 92-го начиналась неблагоприятно. Сон, более похожий на кошмар. Вечером накануне Виктор Пирейко, мой водитель из Москвы, стал жертвой ограбления. Его автомобиль был разбит и едва не угнан. Он позвонил мне на следующее утро и объяснил, что подсоединил генератор и аккумулятор, но дворники в это мрачное, пропитанное дождём октябрьское утро не работали.

Я не один год жил в предвкушении встречи с Коломной и, несмотря на грозящие опасности, не желал упустить редкую возможность. И вот более двух часов мы двигались со скоростью около 50 км/ч, и не было конца моим восторгам по поводу того, как здорово Виктор видит сквозь крошечный просвет в заляпанном стекле. Мы непрерывно уверяли друг друга, что действительно начинает проясняться, светлеть. Мы прибыли около полудня, когда облака начали расходиться.

В этот памятный понедельник коломенский автосервис отдыхал. Как только мы добрались до большой современной ратуши, я направился в офис мэра. Его представитель, который обещал показать мне город, сначала провёл меня к мэру через комнату просителей, выглядевших персонажами русского романа XIX века, и описал наше плачевное состояние. Городской глава быстро написал записку, и Виктор получил возможность обратиться в государственный гараж, который оказывал частные услуги за плату. Я между тем имел краткий и вежливый разговор с мэром, который одобрил одну из моих публикаций о русской архитектуре и объяснил, что город хочет сделать всё возможное, чтобы сохранить остатки своего исторического облика.

Затем мы проехали к южной границе Коломны, в Старо-Голутвин монастырь, чьи кирпичные стены были перестроены Матвеем Казаковым в псевдоготическом стиле в 80-е годы XVII столетия, в ознаменование визита в Коломну Екатерины Великой. Я давно хотел увидеть этот экзотический архитектурный феномен. В то время монастырь ещё не был возвращён церкви и эксплуатировался неким спортклубом — ещё один печальный пример небрежности или неразумия. И всё же русско-готические башни сохраняли в кирпиче и известняке фантазию своего создателя.

Вернувшись в центр города, я направился в Ново-Голутвин монастырь, который не только обновлялся, но и приютил духовное училище. Семинаристы жили в простом, но ухоженном общежитии. Во всём ощущались дисциплина и уважение к монахиням-насельницам, выказываемые всеми — от семинаристов до рабочих. Сильный ветер не позволил мне фотографировать по пути в монастырь, и я с радостью принял приглашение разделить полдневную трапезу с двумя преподавателями. Была приготовлена и подана простая питательная еда, а в разговоре об иконах и архитектуре мои собеседники проявили изрядную осведомлённость.

Хозяева, однако, были обременены обязанностями, я же заметил с едва скрытым нетерпением появление солнца. Его свет имел невыразимый блеск, который часто наблюдается после осеннего ненастья в России. Я быстро ходил по улицам посада, стараясь заснять как можно больше. Результаты были блестящими, но нужно было возвращаться в Москву — Виктор не любил ездить после захода солнца. На обратном пути снова нависли октябрьские тучи, но дождя не было. Дворники уже исправно работали.

Моя вторая поездка в Коломну, в августе 1996-го, оказалась куда менее драматичной. Это была однодневная экскурсия, которую я организовал для небольшой группы американских коллег — университетских преподавателей и историков. Никаких происшествий не случилось, но погода была снова пасмурной. За несколько часов мы посетили четыре коломенских монастыря, а также несколько церквей в центре. В сравнении с тем, что я видел во время своего первого приезда, были заметны скромные результаты реставрации.

Я не думал тогда, что до следующей моей поездки в Коломну пройдет много лет. Вероятно, я сюда и не вернулся бы, если бы не счастливое вмешательство судьбы в лице профессора Коломенского государственного педагогического института Владимира Викторовича, который, узнав через Интернет о моих исследованиях творчества Достоевского, предложил мне представить статью для публикации и принять участие в конференции по Достоевскому в августе 2003 года. Так открылась новая страница в моих связях с Коломной.

Россия — необъятная страна. Для того чтобы максимально запечатлеть на плёнке и изучить её архитектуру, я всегда старался следовать такому принципу: ехать туда, где коллеги готовы принять меня и предлагают эффективный план сотрудничества. В этом отношении мой коломенский опыт оказался чрезвычайно удачным. Я имел возможность

Выступление перед зрителями

430

УИЛЬЯМ БРУНФИЛД

продолжить съёмки, и не только в Коломне, но также в Зарайске и в имени Достоевского Даровом.

Наша совместная с коломенскими коллегами работа в области русской литературы и архитектуры привела меня сюда снова в декабре 2003 года, а с тех пор приводит уже десятки раз. В 2008 году в московском издательстве «Три квадрата» вышла десятая книга в моей серии «Открывая Россию», посвящённая Коломне. Я считаю Коломну одним из наиболее сохранившихся исторических городов России.

Северные сокровища

В повести Александра Солженицына «В круге первом» упоминается о том, как представитель советской элиты, увидев руины одной из разрушенных церквей, задумался о судьбе, ранее им не испытанной. Видимо, некоторые цивилизации повязаны со своими руинами, реликвиями, призраками и тенями. Россия — одна из таких цивилизаций. Американский Юг — вторая. Как заметил великий американский писатель Уильям Фолкнер, «прошлое не умерло. На самом деле оно даже не является прошлым». Сходство между Россией и американским Югом впервые поразило меня во время посещения Ленинграда в 1971 году. Красота города, даже при всей его немощи, преследовала меня и напоминала о Новом Орлеане, основанном в 1718-м, через пятнадцать лет после основания Санкт-Петербурга. Первоначальный облик обоих городов многим обязан французской военной инженерии.

Позже, уже после написания книг о русской архитектуре, я обратил своё внимание на Русский Север. Я посетил и сфотографировал множество утасающих деревень, в архитектуре которых сохранилась жизнерадостная и творческая атмосфера ушедшего столетия.

Во время моих путешествий по России я часто фотографировал военные мемориалы, которые существуют почти во всех русских селениях, даже в маленьких деревнях. Во многих американских городах есть похожие памятники тем, кто пал в бою. Воспитанный на Юге с его многочисленными мемориалами, посвящёнными битвам времён американской революции и Гражданской войны, я приобрёл первые знания по военной истории, которые позже помогли мне понять Россию и русский менталитет. Споры о сражениях и стратегиях, о победах и поражениях были частью моего образования, и в России я нашёл похожий интерес и сильное желание понять грандиозные конфликты прошлого. Поехав на Север, я вернулся на Юг.

Чтобы понять Россию, нужно переосмыслить представления о времени и пространстве. Страна живёт вне времени из-за своих габаритов и дорог, которые покрывают это пространство.

Затем климат. На всё уходит больше времени, когда температура минус 20, когда каждый шаг по дороге, покрытой тёмным льдом, может привести к катастрофе. Или короткие, но яростные летние периоды, когда нет никакой защиты от 50-градусной жары, кроме как скрыться в тени и оставить серьёзную работу на другое время.

За последние сорок лет я побывал с научными целями в самых отдалённых частях России. Например, на Крайнем Севере, где я проникся огромным уважением к водителям всех возрастов, которые позволили мне туда попасть. Кроме собственных способностей, у них есть ещё один очень важный союзник — российский автопром. «Новые русские» могут ездить на «мерседесах» и «чероки», но настоящий знаток русских дорог предпочтёт уазик, русский эквивалент классического джипа. Четыре колеса, два привода, жёсткая подвеска, приличные габариты — вот он, русский УАЗ. Максимальная скорость — 100 км/час — вполне адекватна для просёлочных дорог с колдобинами, для которых и создана машина. Нигде в России больше нет таких дорог, как в Архангельской области...

Хотя начало моего исследования Русского Севера относится к 1988 году, когда я совершил поездку в Кижы, по-настоящему я этим занялся в 1995-м, после путешествия в Вологду. Я с фотокамерой изъездил Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую области, Карелию, чтобы запечатлеть потрясающие, но находящиеся под угрозой разрушения архитектурные памятники Русского Севера: Каргополь, Феропонтово, Сольвычегодск, Кириллов, Тотью, Великий Устюг, Соловки...

Новый горизонт для моих исследований России открылся в 1999 году, когда Библиотека Конгресса и её директор Джеймс Биллингтон пригласили меня принять участие в совместной русско-американской культурной и образовательной программе под названием «Смыкание границ». Программа была основана на предположении, что, несмотря на все очевидные различия в истории и культуре России и США, существуют па-

раллели в русском движении на восток и американском движении на запад в погоне за национальной, трансконтинентальной судьбой. Факт в том, что эти два национальных продвижения, закончившиеся в Тихом океане, привели к «смыканию границ».

Цель программы — создание двуязычного сайта в Интернете с большим количеством материалов по истории американского Запада и русского Востока, включая визуальные материалы и документы из библиотек обеих стран. Этот сайт доступен всем, у кого есть Интернет, но целевая аудитория — студенты и преподаватели. Моя роль заключалась в фотографировании и описании традиционной русской архитектуры как основы для размышлений над продвижением России на Восток, с Крайнего Севера на Дальний Восток, с XV по XX век. Предыдущие годы работы в качестве фотографа и историка дали мне обширные знания европейских традиций русской архитектуры, но теперь я должен был увидеть эту культуру с иного ракурса — в евразийском стиле. Семнадцатого августа 1999 года, сев в поезд на Ярославском вокзале Москвы, я достал снимки, плёнки и копии моих опубликованных работ и направился на восток. Конечный пункт — Сибирь... Никакой другой географический объект не имеет больше стереотипов, по большей части негативных. Во многих языках это слово ушло от традиционного смысла и стало означать место ссылки.

Мой путь проходил по старой дороге из Москвы через Владимир и Нижний Новгород, а оттуда до Вятки (ныне Киров). Появляется чувство границы, когда поезд движется на восток, мимо величественных разливов Волги, и оставляет позади её высокий западный берег у Нижнего Новгорода. Это широкий канал, по которому купцы с Востока и завоеватели из Азии направлялись к землям древних славян. С другой стороны русские купцы, охотники, казаки и другие поселенцы направлялись на запад. Азия всё ещё далеко, но Евразия, кажется, совсем близко.

И всё-таки это Европа. Сам Киров, расположенный в живописной холмистой местности, с панорамой на реку Вятку — это даже не начало конца европейского континента. Этот древний город, упомянутый в русских летописях под названием Хлынов, появился на реке Вятке, населённой в те времена финно-угорскими племенами, задолго до того, как здесь появились первые славяне. Как и другие столицы областей, Киров пытается модернизировать свою экономику и сохранить культурное наследие. Здесь, так же как и во время путешествий по западным регионам, местные специалисты были предупреждены о моём приезде, что помогло нам в совместной работе.

Из Кирова я направился в Пермь. Большую часть пути железная дорога идёт вдоль реки Чепцы, притока Вятки. Красивые округлые холмы перемежаются с полями и лесами. Августовская погода в этой части света весьма разнообразна. Во время моего восьмичасового путешествия массивные дождевые облака сменялись солнечными лучами, которые блестяли ещё больше на листьях, покрытых каплями дождя. Живописные деревни, как правило состоящие из бревенчатых домов, сменялись широкими полями. Наконец, поезд пересёк мощную реку Каму и ворвался на станцию Пермь около полудня.

Пермь — привлекательный город с широкими бульварами. Что касается традиционной архитектуры, то в небольших городках Севера, таких, как Соликамск, Чердынь, Нироб, можно встретить большое разнообразие памятников. Во время моих восточных путешествий я обычно начинал со столицы региона, затем перемещался в более древние исторические поселения. Местные коллеги всегда помогали добраться до места.

Я вернулся в Пермь, сел на поезд до Екатеринбурга и, наконец, пере- сёк Уральский хребет, уехал из Европы и оказался в Азии. Однако Екатеринбург не показался мне менее европеизированным, чем Пермь. Для изучения советской (особенно конструктивистской) архитектуры в Екатеринбурге (прежнем Свердловске) мы найдём большое количество интересных памятников. Даже Москва не может похвастаться таким количеством зданий в стиле конструктивизма.

Местные архитекторы предлагают прокатиться в исторические места на севере — Невьянск и Верхотурье, основанные как важные транзитные пункты по дороге в Сибирь для первых русских колонистов, которые спускались вниз по реке Тура в Тобольск. Я регулярно совершал путешествия на север, чтобы прочувствовать настоящую сибирскую дорогу, проложенную значительно севернее «московской дороги», появившейся в конце XVIII века. Символом того, что русские власти распространили своё влияние на Верхотурье, служат кремль и церковь Троицы, возвышающиеся над рекой Турой. Троицкий храм уникален не только из-за необычайного расположения, но и вследствие интересного соединения элементов итальянского Возрождения, средневекового московского стиля, украинского барокко и особого художественного вкуса, проявившегося в отделке фасада керамическими элементами. Хотя внутреннее убранство пострадало из-за грабежей и только недавно там начат ремонт, внешне церковь в прекрасном состоянии.

Моё настоящее знакомство с Сибирью произошло в Тюмени, также стоящей на реке Туре. Сейчас Тюмень наводнена нефтяными деньгами, но городу удалось сохранить уникальную деревянную архитектуру исторического центра, и некоторые храмы сейчас восстанавливают. Особенно впечатляющие церкви в стиле «сибирского барокко» начала XVII века с украинскими влияниями.

Из Тюмени я снова отправился на север, на этот раз в Тобольск — сибирскую столицу XVII века. С обрывистого берега

Перед слушателями

могучего Иртыша горделиво смотрит тобольский Кремль с ансамблем церквей и башен — один из самых впечатляющих памятников Сибири. Большинство из городских церквей XVIII столетия всё ещё не функционируют, хотя некоторые и были восстановлены в качестве приходов, как, например, польская римско-католическая церковь.

Я подвёл итоги сибирского путешествия в Омске, также расположенном на Иртыше. Центр Омска (население около 1,2 млн человек) достаточно неплохо сохранился и отражает процветание Западной Сибири начала XX века. Театры, гостиницы, банки, торговые галереи выглядят потрясающе. Помимо обновлённых православных церквей в Омске есть действующие мечети и красиво отреставрированная деревянная синагога.

Отправляясь на север по реке Иртыш, я посетил Тару, ещё одно раннее поселение (1594 год), охранявшее путь на восток. Только одна церковь из более десятка не была разрушена здесь в советский период. Посмотрев на дореволюционные изображения этих мест, можно понять, какое богатство было потеряно. Мы свернули с дороги в деревню, маленькие бревенчатые домики которой напомнили мне фотографии домов американских поселенцев XIX столетия.

Из Омска я направился в Новосибирск — важный железнодорожный центр, построенный в конце XIX века и являющийся теперь самым крупным мегаполисом Сибири. Здесь богато украшенные бревенчатые дома начала века стоят бок о бок с авангардными конструктивистскими архитектурными сооружениями и огромными зданиями сталинского пе-

У.Брумфильд и В.Мельников. Псков. На реке Великой

риода. Большая часть интеллектуальной энергии приходит из расположенного неподалёку научного города-спутника Академгородка, где работники Музея истории сибирской культуры показали мне свою знаменитую коллекцию доисторических мумий алтайского региона, которую посетила и Хиллари Клинтон.

Дальше на моём пути были Барнаул, Томск, Красноярск и Енисейск. По дороге из Барнаула в Томск мой поезд кружил по холмистой местности, и я смог в полной мере насладиться красотой осенней листвы, которая сильно контрастировала с разрухой в деревнях, раскинувшихся вдоль железной дороги. В Томске меня встретил мой друг из прекрасного университета, старейшего в Сибири. Томск знаменит своими деревянными домами с искусной декоративной гравировкой начала XX века. Многие ещё стоят, особенно в татарском квартале, где реставрировали Белую мечеть. Как и в других частях Сибири, я наблюдал здесь многоэтническое сообщество, что примечательно для региона, где почти все приезжие.

Во время моего пребывания в Красноярске я проехал 340 километров на север до другого исторического города — Енисейска. В XVII веке Енисейск был одним из основных русских укрепленных пунктов в Сибири, и сохранившаяся архитектура напоминает о былом величии города. Как и повсюду, многие церкви были варварски разрушены в советский период.

Из Красноярска я направился в Иркутск, центр которого сравнительно неплохо сохранился со времён дореволюционного расцвета. Для меня было большим удовольствием проконсультироваться у профессора Иркутского университета и специалиста по истории польских ссыльных в Сибири Болеслава Шостаковича (он из той же семьи, что и великий композитор). Несмотря на разрушения советской эпохи, в Иркутске сохранилась самая интересная церковная архитектура азиатской части России,

включая православную церковь XVIII века, фасады которой украшены декоративными элементами, созданными под влиянием буддистского искусства. Несмотря на лёгкий мороз, иркутскую золотую осень начала октября можно было назвать идеальной — лучшим примером «золотой осени» и самой подходящей для посещения одного из природных чудес света — озера Байкал.

Иркутск обозначил конец первого этапа моего сибирского вояжа. После продолжительных исследований в Архангельской и Вологодской областях зимой, весной и в начале лета я вернулся в Иркутск в начале сентября 2000-го для проведения третьей части моей работы для Библиотеки Конгресса — за месяц я должен был добраться до Владивостока. Я присутствовал при освящении нового католического костёла Непорочного Зачатия в Иркутске и видел, как восстанавливают буддистские храмы и монастыри в прибалтийских районах, населённых бурятами. Я проехал через Улан-Удэ, Читу, Нерчинск, Хабаровск — каждый из них был по-своему интересен.

И вот Владивосток, который грелся в лучах солнца, что было особенно приятно после серии тайфунов, зародившихся в ту пору в Японском море. Местные специалисты по сохранению исторического наследия показали мне также близлежащий Уссурийск и местный парк на острове Русском.

В 2001 году я продолжил мои путешествия по Русскому Северу, но дополнительным пунктом моей летней программы стало изучение архитектуры Самары, включая Сызрань. Меня особенно поразила долина Волги и знаменитые Жигули. В мае 2002-го я впервые увидел Якутск, далее был Хабаровск, затем по реке Амур в Комсомольск-на-Амуре, где сосредоточена уникальная советская архитектура 30–50-х годов XX века, оттуда — в Благовещенск — город, богатый архитектурными памятниками конца XIX — начала XX века. Позже мне посчастливилось много работать в Воронежской области и Татарстане, не забывал я и о моём любимом Русском Севере.

Во время всех своих поездок я был приятно поражён местной атмосферой, особенно в плане упорства энтузиастов-краеведов. Растущий интерес к региональной истории необходим сильному и цельному государству, состоящему из многих автономий. На мой взгляд, на обширной территории России ощущение местного пространства — это основа чувства русскости в целом (то же верно и в отношении Соединённых Штатов).

Я нашёл множество способов поделиться фотоматериалами и исторической информацией, собранными за десятилетия российских странствий. При поддержке Института Кеннана мои фотографии, снабжённые русскими и английскими текстами, получили новую жизнь в серии «Открывая Россию».

Русскую народную и традиционную архитектуру стоит изучать независимо от того, что когда-то создали в Европе. Современный опыт убедительно доказывает, что всегда необходимо напоминать о ценности архитектурного наследия и угрозах его существованию. Но возможно, как настоящий сын американского Юга, я слишком близко к сердцу принимаю непреходящую ценность архитектуры...

Нисон Семёнович Ватник родился в 1948 году в городе Кишинёве. В 1966 году переехал в Коломну. Окончил исторический факультет Коломенского педагогического института. Работал в средней школе села Парфентьева (Коломенский район).. С 1977 года преподаёт в Коломенском педагогическом институте на историческом факультете.

В 1985 году защитил диссертацию о движении учащейся молодёжи в годы первой русской революции. В 1991–2006 годы — заведующий кафедрой истории.

Имеет около ста печатных работ, посвящённых истории среднего образования в России на рубежах XIX–XX веков, социальному поведению учащейся молодёжи этого времени, истории Подмосковья, истории коломенской геральдики.

В настоящее время — доцент кафедры истории Московского государственного социального гуманитарного института г. Коломны.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ СЕНСАЦИЯ

В этом году наш город отмечает памятную дату — 20 декабря 1781 года указом императрицы Екатерины II был утверждён герб Коломны. Коломенский герб можно считать одним из старейших в Московской губернии — ведь это гербовое изображение на полвека ранее его законодательного закрепления за городом появилось на знамени Коломенского полка.

...Событие, произошедшее 280 лет назад, — 8 марта 1730 года в Санкт-Петербурге, вполне может претендовать на статус одного из важнейших для российской геральдики: в этот день указом Правительствующего Сената был утверждён Знаменный гербовник. Он содержал рисунки государственного и столичного гербов, а также восьмидесяти пяти гербовых изображений для полковых знамён. Среди других был утверждён и герб Коломенского полка. Приведённое в указе описание этого герба гласило: «*В золотом щите, на голубом поле, белый столб, с золотыми: подножием и короною и, по бокам его, две золотые звезды*». Исполняя решение Сената, Военная коллегия приступила в том же году к изготовлению для полков знамён с рисунками из Гербовника, а для губернаторов — аналогичных печатей. Со временем полковая символика была идентифицирована с городами, давшими полкам имена, и превратилась в полноправные городские гербы.

В столь почтенную для герба «круглую дату» представляем читателям два интересных источника, пришедших к нам из XVIII века.

Первый — это хорошего качества цветной рисунок герба из известной специалистам копии Знаменного гербовника 1730 года, которая хранится в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1411. Оп. 1. Д. 1). Здесь уместно подчеркнуть, что ранее исследователи истории нашего города располагали только чёрно-белыми опубликованными изображениями герба Коломны (часто искажёнными).

Второй — нагрудный знак (с гербовой эмблемой) офицера Коломенского полка, хранящийся в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. Этот экспонат особо важен, потому что впервые мы получили представление об использовании гербового знака в снаряжении офицера Коломенского полка.

Для того чтобы была оценена значимость обеих находок, рассмотрим подробнее обстоятельства появления в XVIII веке коломенского герба. Напомним читателям, что начало формирования в России системы гербов (в том числе территориальных) относится к эпохе Петра I. Занималась этим Герольдмейстерская контора, где с 1722 года в должности товарища герольдмейстера служил пьемонтский дворянин граф Франциск Санти, специально приглашённый для составления гербов. В августе 1724 года, в связи с реформой суда, в контору поступил указ из Сената об изготовлении печатей с гербами «для судебных мест», находящихся в губерниях, провинциях и городах. При отсутствии же гербов предписывалось «нарисовать приличные вновь». Значимость поручения возросла с появлением

вскоре указа о помещении гербов на знамёнах расквартированных в этих городах полков. Согласно замыслу царя-реформатора, полки должны были получить названия по месту своего постоянного «квартирования» (прежние названия определялись по фамилии и чину полкового командира), причём денежное содержание воинских частей предполагалось производить из доходов провинций и городов.

По данным современного исследователя Н.А. Соболевой, основную работу по созданию гербовых рисунков выполнили Санти и «определённые» к нему помощники живописцы П.Гусятников и И.Чернавский. Для составления эмблем требовались сведения «о всякой губернии, провинции и городе по рознь». В местные канцелярии бы-

*Офицер пехотного полка
1700–1732 годов*

*Мушкетёрские обер-офицер
и сержант, grenадер и grenадерский
обер-офицер пехотных полков
(1731–1756 годы)*

ли направлены запросы из восьми пунктов, и первый пункт был такой: «Сколь давно и от какого случая те города построены, и от каких причин какими именами названы которых языков и в тех языках те речения не значают ли какого свойства».

Из Московской губернии «доношение» прислала только канцелярия Серпухова. Поэтому составление герба Коломны и других «отмолчавшихся» городов Ф.Санти с помощниками производили согласно геральдическим правилам и состоянию знаний об объекте. В их распоряжении были первый российский гербовник — «Титулярник» 1672 года, европейские гербовники, российский Знаменный гербовник 1712 года, знаменные и геральдические книги, сборник «Символы и эмблемата» с более чем 800 рисунками геральдических эмблем. По

всей видимости, привлекалась также информация из географических карт и атласов, книг по истории. За три года геральдистами было составлено 97 городских гербов и 43 герба на полковые знамёна.

Но судьба гербов зависела не столько от квалификации и усердия составителей, сколько от политической ситуации в империи. При Екатерине I (1725–1727) ликвидируются многие элементы городского суверенитета, и, следовательно, герб как признак особого статуса города становится ненужным. С приходом к власти Петра II (май 1727 — январь 1730) полкам возвращаются названия по фамилиям командиров, однако уже осенью, по предложению Военной коллегии, этот порядок отменили и восстановили территориальный принцип наименований. И хотя о финансировании городами полков речи не было, наличие у воинских частей собственной символики стало очевидным. Так гербы вновь оказались востребованными, правда, исключительно для военных нужд.

Теперь ведала гербами Военная коллегия, ибо Герольдмейстерская контора сделать это была не в состоянии вследствие ареста графа Санти в июне 1727 года и расстройств документации (отсутствовали гербовые рисунки и справочные комментарии к ним). Непосредственное же сочинение гербов происходило в Конторе инженерного правления привлечёнными Военной коллегией живописцами под руководством обердиректора над фортификацией графа Б.К. Миниха. К лету 1728 года проекты полковых знамен были подготовлены, и в июне издаётся указ Верховного тайного совета о введении в полках «после конфирмации» (утверждения высшей властью) знамен «с изображением Российского госу-

По-видимому, не обладая объяснением имени Коломны, Ф.Санти предпринял изыскания для выяснения древности и значения названия города в прошлом. Информацию легче всего было получить из известных европейских географических карт и книг, что соответствовало логике первого пункта запроса Герольдмейстерской конторы.

Отправившись по предполагаемому пути Ф.Санти, мы получили интересные результаты. Оказалось, что на географических картах и в книгах XV–XVII веков название «Коломна» передавалась в латинском варианте. Так, на карте Баттисты Аньезе (изд.: Венеция, 1525) в месте впадения р. Москвы в Оку обозначен город «Columna» — первый отображённый европейскими картографами город Московского края. То же название в версии «Kolumna» читаем на картах Антония Вида (1537; Базель, 1542–1555). Топоним «Columna» представлен на картах Сигизмунда Герберштейна (Вена, 1546, 1556), Иоганна Магина (Венеция, 1596; Кельн на Рейне, 1600), Меркатора (Дюссельдорф, 1594; здесь в слове пропущена буква «т»; в устье Москвы-реки изображена крепость, а на левом берегу — церковь, вероятно Бобреньевский монастырь). На картах Якова Гастальдо приводится два варианта имени города — «Cologna» («География Птолемея», Венеция, 1548, 1561) и «Columna» («Записки о Московии», Венеция, 1550, 1566). Подпись «Columna» мы видим и на карте Гессилия Герритса (Амстердам, 1614), составленной под наблюдением царевича Фёдора Годунова. На карте английского купца Энтони Дженкинсона (1562), посещавшего Московию, город назван «Kolom».

Аналогичная картина наблюдается и в европейских историко-географических сочинениях XV–XVIII веков. Посетивший «землю Русскую» в 1474–1477 годах посол Венецианской республики Амброджо Контарини в «Путешествии в Персию» (Венеция, 1483, 1543) сообщает о городе «Colonna», который расположен на берегу впадающей в Волгу (Volga) «реки Mosco» и где «построен мост». Другой венецианец — купец и дипломат Иосафат Барбаро, побывавший в Московии в 1479 году, упоминает в «Путешествии в Тану» (Венеция, 1543) город «Colona», расположенный от Рязани вверх по реке и «укреплённый деревянными стенами»; автор уточняет: на расстоянии от города «трёх дней пути течёт значительная река Москва, на которой стоит город того же имени». Итальянский историк Павел Йовий Новокомский в «Книге о посольстве» (Рим, 1525) называет существовавший во времена Василия III город «Columna», под которым «Москва, протекая на юг, изливается в большую реку Оку (Ocha)». Город под именем «Columna» неоднократно встречается в «Записках о Московии» С.Герберштейна (Вена, 1556–1557; Базель, 1563–1567). Австрийский писатель И.Фабри в «Религии московитов» (Базель, 1526) называет «Columna» одной из епископских резиденций Московской Руси. Англичанин Дженкинсон в «Записках о путешествии в Россию» (1562) рассказывает о проезде в 1558 году через город «Collom», находящийся в 20 лигах от Москвы и лиге от реки «Осса» (Ока). Правильная передача имени города — «Colomna» — утверждается в литературе с середины XVII столетия.

Таким образом, у Ф.Санти были все основания считать Columna (Kolumna, Colona, Colonna, Cologna, Columm) древнейшим названием

города. В латинском языке это слово означает «колонна» — вертикальная опора, столп, столб. Исходное латинское «Columna» считалось в XVIII веке архаичным, а его использование в старых картах и книгах для обозначения Коломны воспринималось как свидетельство её древности. Так «древнее» (в интерпретации XVIII века) имя города в латинском варианте «колумна», отчасти созвучном с «Коломна», само подсказывало сюжет герба.

При изучении деталей происхождения «коломенской колонны» выяснилось важное обстоятельство. Ещё с 1712 года в Знаменном гербовнике Петра I колонна как эмблема использовалась в знамёнах трёх полков — Невского, Симбирского и Шлиссельбургского. С началом работы Герольдмейстерской конторы судьбы этих знаменных колонн сложились по-разному. Золотую корону, украшенную якорями, убрали с герба Шлиссельбургского полка. «На белом столбе золотая корона» стала основой для созданного Ф.Сантти герба Симбирска. Закрепилась колонна и на знамени Невского полка — «столб синий, шпага серебряная, эфес золотой, ключ золотой же, поле красное».

Гербовые изображения на знамёнах Симбирского и Коломенского полков оказались очень похожими. Такое дублирование, допущенное Сантти или его преемниками, готовившими после ареста графа знамёна для Военной коллегии, противоречило принципу индивидуальности герба. И здесь уместен вопрос: что заставило геральдистов в случае с Коломной пойти на явное нарушение правил? На наш взгляд, самым вероятным объяснением повторения в коломенском гербе существующего с 1712 года «симбирского сюжета» являются исключительные, древние, «именные права» Коломны на эту эмблему. «Права», вытекающие из имени города («Columna» — колонна) в старинных книгах и картах. А визуально дистанцироваться от герба Симбирска помогает включение в коломенский герб двух плоскостных звёзд (сначала одним, а позднее — двумя лучами вверх). Видимо, свою роль сыграли и эстетические мотивы: звёзды придавали гербовому изображению равновесие, устойчивость и законченность.

Итак, в 1730 году последовало распоряжение об изготовлении полковых знамён с изображениями утверждённых Сенатом гербов.

Но согласно введённым Петром I правилам полковой герб размещался не только на знамёнах. Он воспроизводился на воинской

Мушкетёрский обер-офицер и мушкетёр, гренадер и гренадерский обер-офицер пехотных полков. Зимняя форма (1756–1762 годы)

*Шейный знак (горжет) офицера
Коломенского армейского полка
капитана Возницына
(середина XVIII века)*

*Фрагмент шейного знака (горжета)
офицера Коломенского армейского полка
капитана Возницына
(середина XVIII века)*

амуниции, оружию и обмундированию — барабанах, патронных сумках, оружейных пирамидах, прикладах мушкетов и ружей, медных бляхах гренадерских шапок, ротных значках и офицерских знаках. К сожалению, из множества предметов, принадлежавших Коломенскому полку, до настоящего времени ничего не сохранилось. И это не случайно. Дело в том, что полк был сформирован в Москве 11 (13?) ноября 1727 года на базе гарнизонного полка Коробова, пополненного батальоном распущенного полка фон Гадда. Дислоцировался трёхбатальонный Коломенский полк постоянно в Москве в статусе гарнизонного пехотного. Такие части служили резервом для армии и использовались для «охранения внутреннего спокойствия». К примеру, известно, что в 1731–1735 годах два батальона полка поддерживали порядок на всём протяжении Ладожского канала от Новой Ладоги до Шлиссельбурга (канал введён в строй весной 1731 года). В 1764 году Коломенский полк был разделён на 1-й, 2-й и 3-й Московские внутренние гарнизонные батальоны и прекратил своё существование¹. И если учесть, что с момента расформирования Коломенского гарнизонного полка прошло 245 лет, то обнаружение любых полковых предметов является большой редкостью.

¹ Здесь уместно упомянуть, что в русской императорской армии воинское подразделение с названием «Коломенский» появилось вновь через 100 лет. В 1863 году был образован 119-й пехотный Коломенский полк на базе резервных и бессрочноотпускных чинов Алексопольского пехотного полка. Коломенский полк входил в состав 4-го армейского корпуса и дислоцировался в Минске. Однако в его полковой эмблеме отсутствовали какие-либо признаки «родового» имени.

К таким раритетам в полной мере относится нагрудный офицерский знак (шейный знак или горжет). Заметим, что как элемент воинского обмундирования этот знак обозначал принадлежность к офицерскому чину (наряду с офицерским шарфом). Обычно размеры его составляли примерно 20×12 см, и выполнен он был из металла в форме полумесяца. Носился знак поверх мундира и закреплялся под воротником при помощи ленты — андреевской (голубой) или георгиевской. В зависимости от чина он мог быть серебряного или золотого цвета, аналогично варьировались и цвета помещённого на знаке полкового герба: для обер-офицеров (прапорщик, подпоручик, поручик, капитан) — поле серебряное и герб золотой, для штаб-офицеров (майор, подполковник, полковник, бригадир) — поле золотое и герб золотой.

Что касается нашего случая, то офицерский знак образца 1731 года выполнен в виде полумесяца с одинарным ободком. По данным музея — хранителя экспоната, размеры его составляют 18,7×17,8 см, материал — серебро 750-й пробы; в учётных документах музея он значится как «офицерский знак капитана Возницына». Год изготовления знака неизвестен, возможная датировка — 1731–1762 годы. Как видно на фотографии, пластина горжета имеет выпуклую форму, на серебряном поле знака хорошо выделяется позолоченный картуш, в центр которого помещён полковой герб. Неизвестный мастер в целом достоверно воспроизвёл рамку картуша и, главное, все детали герба — столп, капитель, корону, шестилучевые звёзды. Правда, при переносе элементов гербового рисунка на металл мастером были допущены некоторые искажения. А именно: валик колонны явно завышен; на короне не отражены камни обруча, удлинены треугольные и расширены листовидные зубцы; поле капители перегружено сложными фигурами; обе звезды развёрнуты одним лучом вверх, а звезда справа изображена несимметрично и с небольшим наклоном.

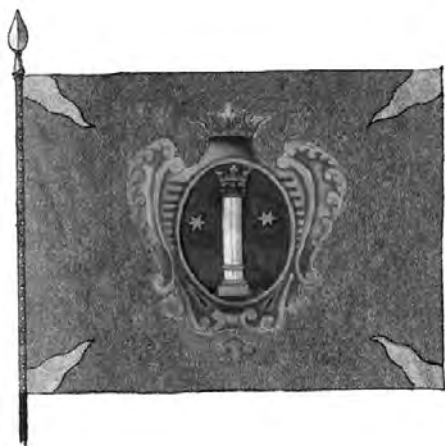
Несмотря на ряд неточностей, представленный горжет Коломенского полка, несомненно, является произведением декоративно-прикладного искусства своей эпохи, он эстетически безупречен и производит самое благоприятное впечатление.

Что даёт обращение к рассмотренным источникам?

Располагая гербовым рисунком, можно попытаться реконструировать внешний вид знамени Коломенского полка 30-х годов, а точнее — семи знамён, так как каждая из семи положенных по штату рот имела свой вариант полкового знамени. У первой роты это было полотнище белого цвета, в его центре располагался двуглавый орёл со щитом, на котором находился полковой герб. По углам помещались фламы — выполненные в форме пламени небольшие куски ткани красного цвета. Остальные шесть рот обладали знамёнами разных цветов:

Рисунок герба для знамени Коломенского полка. 1730 год (по А.В. Висковатову)

*Ротное знамя Коломенского
армейского полка (реконструкция)*

оранжевого — с зелёными флагами, жёлтого — с красными, синего — с жёлтыми, лазоревое — с красными, зелёного — с красными, красного — с жёлтыми. В центре каждого ротного знамени располагался полковой герб. Размер знамён был следующим: по древку 2 аршина 9 вершков (184,5 см) и по длине полотнища 3 аршина 12 вершков (270 см). Как видим, в армейских знамёнах XVIII века соотношение ширины к длине полотнища практически соответствовало современным стандартам, то есть 2:3. Древка знамён были с двумя золотыми шнурами и кистями.

Сравнение эмблем на рисунке Знамённого гербовника и шейном знаке свидетельствует, что уже в XVIII веке при копировании оригинала возникали неточности, которые, закрепившись, могли на практике привести к искажению облика герба в целом. Поэтому не случайно, что изображение герба на многих коломенских раритетах XIX — начала XX века (например, на печатях городской управы, уездного дворянского предводителя, дома призрения) весьма далеко от истинного.

Как следует из приведённых выше фактов, Коломенский полк был сформирован через пять месяцев после ареста Санти, и, следовательно, полковое знамя составлялось без графа. Таким образом, расширяется круг персон, причастных к появлению герба нашего города. Это не только Санти как самый вероятный сочинитель рисунка с «коломенским сюжетом», но и его преемники: граф Б.К. Миних, а также живописцы А.Баранов, Г.Гзель, П.Гусятников, И.Чернавский. Однако высказанные здесь предположения нуждаются в тщательной проверке.

Наличие в архивах двух прекрасно сохранившихся изображений коломенского герба демонстрирует перспективность источниковедческого поиска. Вполне возможны находки гербовых эмблем на амуниции или оружии Коломенского полка, в текущей документации органов местного самоуправления и любых связанных с нашим городом общественных или предпринимательских структур.

Очевидна и полезность изучения истории Коломенского гарнизонного полка, которая известна лишь в самых общих чертах.

Если же иметь в виду практическое использование обеих гербовых эмблем сегодня, то можно надеяться, что их изображениям найдётся достойное место в новой экспозиции коломенского музея Боевой славы.

ГУБЕРНАТОРСКИЙ ОРКЕСТР НА СЦЕНАХ КОЛОМНЫ

Губернаторский оркестр — это творческий коллектив с высоким художественным уровнем. С момента создания молодой коллектив уже дал свыше двухсот концертов. Он принимал участие во всех крупных событиях официальной и культурной жизни Подмосковья, среди которых — инаугурация губернатора Московской области Б.В. Громова, празднование Дней славянской письменности и культуры в Коломне, постановка под открытым небом балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро» на реке Сестре в Клину... К чести руководителей оркестра (главного дирижёра О.Лебединского, директора оркестра, заслуженного артиста РФ В.Аникина, дирижёра К.Черчика), Губернаторский оркестр предстал коллективом, соединяющим мастерство, содержательность, театральную сценичность формы.

Выступление этого коллектива (и не единожды, а трижды!) у нас в Коломне стало неординарным событием в культурной жизни всего города. Второй концерт состоялся в концертном зале музыкального колледжа. Огромная слушательская аудитория, с трудом вместившаяся в зал, восторженно воспринимала весь двухчасовой концерт.

Третий концерт оркестра состоялся на сцене Дворца культуры «Коломна». В программе концерта прозвучала музыка Италии, Испании и Латинской Америки. Все номера были исполнены с тонким пониманием истоков музыкальной культуры испанского и итальянского народов, с уважительным сохранением песенных традиций и традиций праздничных гуляний. Отраднo заметить, что для коломенцев выступление Губернаторского оркестра особо значимо и дорого, поскольку три выпускника 1-го Московского областного музыкального колледжа — К.Черчик, Р.Егоров, Я.Данилин — его участники.

Любители музыки Коломны искренне благодарили Губернаторский оркестр за предоставленный праздник музыкального общения, надеясь на дальнейшие творческие встречи.

СВЯТЫЙ БАЗИЛИЙ

ГРАЖДАНИН
КОЛОМНЫ

Графика Василины Королёвой

*Северный ветер (фрагмент).
1998 год*

ПАМЯТИ МАСТЕРА

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой...

Анна Ахматова

Ушёл от нас академик живописи, народный художник России Михаил Георгиевич Абакумов. Горестная утрата для отечественного искусства... Но особенно остро, невыразимо горько ощущается эта потеря в Коломне. Ибо Михаил Георгиевич Абакумов не просто наш земляк. Его картины — зримое воплощение коломенского духа. В известном смысле он и сам был Коломной.

Абакумовская Коломна — особый феномен. Глядя на эти полотна, мы узнаём и в то же время не узнаём свой город. И не только потому, что перед нами идеализированный художественный образ, возвышенная «вторая реальность». Но и оттого также, что сам город изменился. Коломна шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых годов ушла в прошлое. Разрушены многие дома, бездарным строительством искажена дивная панорама. Недаром сам художник говаривал: «Сегодня в Коломне писать нечего».

Но древняя крепость, словно сказочный Китеж-град, сияет в холстах живописца. Она бессмертна. И это бессмертие подарил ей Михаил Абакумов. Как сегодня, читая Лажечникова, мы видим старинных героев в «декорациях», созданных графикой Казакова, так и спустя десятилетия, века наши потомки будут представлять себе современные словесные образы в том мире, который нарисовал для них чудесный

пейзажист. Скончался художник, и нас не станет, но абакумовская Коломна будет всё той же — прекрасной и бесконечно таинственной.

Абакумов был великим мастером пленэра — живописи на открытом воздухе. Он сочетал в своём творчестве яркость импрессионизма и глубину русской классики. Трудно среди современных живописцев найти равных в этом жанре нашему славному земляку.

Объём его картин — от крошечных этюдов до огромных полотен — складывается дерзкими мазками — стремительными, словно грозовой ливень. Но эта цветовая мозаика непостижимым образом всегда собирается в цельную картину — яркую, выпуклую. Речная вода, небо и облака,

купы деревьев и каменные гребни крепости — всё это **живое**, наполненное дыханием...

И нам выпало удивительное счастье — не только созерцать эту красоту, но и видеть, как она создается, возникает на наших глазах как бы из ничего. Современники Феофана Грека поражались удивительной внешней лёгкости, с какой он создавал свои шедевры. Мастер мог во время работы свободно расхаживать, беседовать о чём-то, а его чудесная кисть в это время словно сама собой творила дивные образы.

И подобно ему спустя шестьсот лет наш современник, Михаил Абакумов, с такой же непостижимой лёгкостью подходил к мольберту, разговаривая, обращаясь к собеседнику, а тем временем из-под его кисти, точно по волшебству, возникал натюрморт или портрет необычайной живости и силы.

Время обладает удивительной способностью корректировать память об ушедших от нас людях. Наш скромный «свод воспоминаний» о художнике составлен «по горячим следам» — пусть Михаил Георгиевич предстанет в наших рассказах и мыслях не «приглаженным», а живым, будто во время работы над новой картиной.

*Аркадий АРЗУМАНОВ,
директор Коломенского
краеведческого музея*

Абакумов на Посаде

Многие воспринимают Абакумова как всероссийскую и даже мировую величину. Но для меня он навсегда останется человеком Посада, такой же неотъемлемой его частью, как Гончары, Покровская слобода, Дом воеводы или Никола-на-Посаде...

В последние годы мы встречались с Михаилом Георгиевичем если не каждый день, то два-три раза в неделю точно. Хотя раньше бывали периоды, когда не разговаривали месяца по три. Абакумов был человек горячий, мог в запале всякого наговорить. Но проходило какое-то время, и Ася Георгиевна звонила:

— Аркаша, ты что-то не звонишь, не заходишь?

— Так ведь он...

— Но ты же должен понимать, ты должен быть умнее...

У меня в голове не укладывалось: «Я?! Умнее Абакумова?!» Но позднее понял: у гения могут сохраняться черты ребёнка, он может нагрубить, не думая о последствиях. К тому же Абакумов фантастически работоспособен (недаром его любимая поговорка была: успех — это девяносто девять процентов труда и только один процент таланта). Он творит каждый день, и это напряжение накапливается, так что он может сорваться, «разрядившись» даже на близком человеке. И надо понимать — не гений должен приспособливаться к нам, а мы к нему.

По поводу труда вспоминается такой случай. Утром отправляюсь на работу часам к восьми. Навстречу машина Абакумова. Останавливаемся.

— Ты куда в такую рань, Михаил Георгиевич?

— Не «куда», а «откуда!» Смотри.

Подводит меня к машине, открывает капот, а там — три свежих, ещё не высохших этюда. И среди них одна композиция — «Золотые дожди», просто шедевр, который стал потом его «визитной карточкой».

Михаил гордился своей сноровкой и не прочь был ею похвастаться. Рассказывал такой анекдот из жизни.

Договорились несколько художников о творческой командировке в Поленово. Приезжают несколько заслуженных мастеров и начинают не торопясь, вальяжно искать место с хорошей панорамой и освещением. Нашли, мольберты поставили — и вдруг видят: какая-то тряпица валяется, очень характерная, вроде той, какой художники кисти вытира-

ют. Что же получается? Кто-то их опередил? Тут одного осенило: ну-ка Абакумову позвоним.

— Михаил Георгиевич, мы тут в Поленово приехали...

— А, ну я уже там был. Четыре этюда написал.

Познакомились мы в электричке: он ехал из Суриковского, я — из Воскресенска. Подсел к нему, представился. Он пригласил меня в «Лигу» на выставку. А я как раз в это время сделал у себя дома маленький выставочный зал в одной комнате. Первая выставка — рисунки Сергея Степановича Смирнова. Пригласил на неё Михаила. «Кто такой? Я приду».

Пришёл и с удивительным интересом долго рассматривал рисунки. На первый взгляд — непонятно: Смирнов и Абакумов — величины несопоставимые. Первый — наивный любитель, второй — признанный мастер. Откуда же этот интерес? Мне кажется, он высматривал мотивы Старой Коломны, дух города пятидесятих годов, уже безвозвратно ушедшего, но живущего в графике покойного Смирнова...

С тех пор Абакумов бывал у меня на каждой выставке. Однажды увидел бледно-зелёные паспарту, покритиковал: «Плохо!» А потом сам стал делать такие же — вот весь он в этом!

Постоянно приглашал меня в мастерскую, слушал похвалы (видимо, как художнику ему это было необходимо). Но однажды я осмелился высказать критическое замечание: «Вот этот пейзаж будто неживой. Ты бы внёс какую-то деталь, ну хоть бы дымок за тем лесом».

Что тут началось! Абакумов зарычал: «Кто ты такой?! Кто ты такой, чтобы мне тут советы давать?!» Пришлось с позором ретироваться из мастерской.

Через пару дней заглядываю к нему. Всё в порядке: вьётся дымок за лесом, картина ожила.

Во многом именно благодаря Михаилу артгалерея «У Николы-на-Посаде» не угасла после первой же выставки. Он не только идеи давал, но и сам принимал участие в процессе подготовки, делал замечания, поправлял. И сам несколько раз выставлялся. Запомнились его персональные выставки: «Индонезийские акварели», «Семейный круг»... Давал работы и для тематических выставок: по истории Богоявленской церкви, «Успенев день», «Троица» и многих других. Приносил вещи свежие, только что написанные.

Однажды я, как всегда, пришёл к нему заказывать «картинку к выставке». Принёс фотографию конца XIX века: Пятницкие ворота, праздник. Абакумов буркнул: «Писать не буду, некогда». Я вздохнул: «Ну что же, закажу другому художнику»... Он меня уже на улице догнал, выхватил фотографию: «Ладно, напишу». Сколько раз потом он эту работу выставлял — удачная получилась!

Я бесконечно счастлив, что Господь послал мне радость дружбы с таким человеком. Сейчас главное — сохранить это тепло, создать музей, в котором не просто находились бы его картины, а сохранялся бы дух мастера, ощущение его присутствия... И что-то подсказывает: мы непременно сделаем это.

*Владимир ВИКТОРОВИЧ,
профессор Московского государственного
областного социально-гуманитарного института*

Музей Абакумова — это наш долг

Перед смертью, конечно, все равны. Не все равны перед Памятью: кого-то она любит больше, кого-то меньше. Про одних скажут: «ушёл в небытие», про других: «ушёл в вечность». Самые счастливые фавориты Памяти — художники, за них говорит не только имя в истории. Если повезёт — их «часть большая от тлена убежит».

Обласканный своею музой — так я воспринимал Михаила Абакумова. Он мог себе позволить необдуманность в речах — как бы в продолжение той свободы, с которой писались, будто сами собой, его картины. От них идут и идут волны света и радости жизни, иногда вопреки авторским наиданиям. К этому источнику хочется приходить снова и снова.

И вот тут начинаются печальные опасения. Очень скоро из мастерской художника разойдутся по всему свету его любимые полотна, осядут где-нибудь в частных коллекциях, убажывая тщеславие толстосумов. Риторический вопрос: что лучше — размазать наследие художника тонким, еле заметным слоем или сконцентрировать эти лучики в одном месте? Без сомнения, нужен Музей Абакумова, и где ж ему

быть, как не в родном городе, где пока ещё ждут своей судьбы осиротевшие творения.

Надо отдать себе отчёт: ушёл из жизни Мастер, вклад которого в национальную культуру ставит его в один ряд самых замечательных коломенцев. Лажечников, Гиляров-Платонов, Пильняк... Ни у одного из них нет музея, но если художники слова могут жить в переизданиях книг, то графика, и особенно живопись, не помещается в репродукции.

Если мы, коломенцы, упустим сейчас шанс обретения новой славы нашего города, Музея Абакумова, грош нам всем цена. И в особенности тем, кто сосредоточил у себя власть и деньги: им тоже не мешает подумать о вечном. Вероятно, не обойтись без общественной инициативы, без формирования фонда будущего музея. Народному художнику — народный музей!

Я, кажется, понимаю смысл повторяемой Михаилом Георгиевичем фразы: «Я не коломенский художник». У нас в каждом уезде свои классики, довольные самодостаточным кружком почитателей и коллег. Абакумову, очевидно, было душно в тесном, хотя и уютном, пространстве. Талант и труд требовали общенационального простора. Другое дело, что он, как говаривал Пильняк, *думал и писал Коломной* (как и Вологодой, впрочем).

Теперь, после смерти, открывается иной смысл этой его колючей фразы. Оценит ли Коломна дарованное ей преимущество? Не подтвердится ли в очередной раз правота библейской истины «нести пророка в отечестве своём»?

Никогда в его душе не было пустоты

Безусловно, это большая потеря для города. Когда-то ещё родится у нас другой Михаил Абакумов... Называя личность крупной, мы хотим, чтобы она была без сучка и задоринки, этакий идеал... Но в жизни чаще бывает, что мы с нею не просто общаемся, а спорим, порой не находим общего языка, ссоримся. Самые мудрые мирятся с недостатками большой личности.

У Михаила Георгиевича был непростой характер. Цену себе он знал. Правда, кто-то на похоронах высказал мысль, что, может, наоборот, его грызли сомнения, потому так непросто и складывались у него отношения с людьми. Думаю, что это неверно. Общаясь с ним в течение почти тридцати лет, не раз наблюдала ситуации, когда проявлялась его полная уверенность в себе. Однажды, когда мы говорили о специфических вещах в его творчестве, он с хитрецей в голосе, как это часто бывало, спросил: «Ну что, вошёл я в историю русской живописи?» — «Ну, если последние альбомы по истории искусства не обходятся без тебя, значит, вошёл». Вопрос-то был риторический, какой будет ответ на него — Михаил Георгиевич не сомневался. Не раз повторял, что его масштаб не коломенский, а российский. И очень огорчался, что в родном городе нет постоянной экспозиции его произведений. Думаю, что теперь уж и не будет. Время для её создания упущено.

Он обладал тонко настроенным аппаратом восприятия. Первым видел красоту обычных, казалось бы, вещей. Скажем, жёлтых осенних косягов, перечёркнутых северными жердяными изгородями, окаймлённых рамкой леса на горизонте... Или раскисшего от дождей просёлка, припорошённого первым ноябрьским снежком, и необъятного хмурого неба над ним. После я видела несколько интерпретаций этих сюжетов у других художников.

Но Михаил Георгиевич не только шёл за интуицией, решая свои специфические художественные задачи. У него в этом плане хорошо работала и голова. Впрочем, о его художественных открытиях пусть скажут искусствоведы. А вот в общественной жизни он был безоглядно увлекающимся человеком — порой без раздумий полагался на первое чувство. Ну, скажем, стал ярым демократом, когда случилась перестройка, когда мы все были полны радужных надежд и нас ещё не оставили в дураках те, которые потом стали именоваться олигархами и политической элитой. Получив хорошую порцию обмана и унижения от новой власти, превратился в ярого же монархиста. Ну а потом стал православным ортодоксом... И всегда искренне веруя, не замечая своей непоследовательности. И уж во всяком случае эти метаморфозы не были продиктованы какими-то материальными соображениями. Просто никогда в его душе не было пустоты.

Никогда он не боялся обидеть человека, резко высказав своё мнение. Часто даже провоцировал собеседника на бурную реакцию, получая как будто некое удовольствие от созерцания, как тот негодует. Эпатировал общественное мнение, высказывая нечто прямо противоположное принятой норме. Ну, например, про дедовщину в армии говорил так: «А как же без неё? И я учил, и меня учили...» И смотрел с хитрецей, как, мол, реагировать будешь? Надо было знать эту его особенность, чтобы не обижаться.

С такими людьми общаться нелегко. Но сто раз был прав тот, кто сказал про него: «Мы все будем гордиться, что жили в одно с ним время». И это сущая правда.

*Галина ДРОЗДОВА,
директор Культурного центра «Дом Озерова»*

Великий маэстро

Коломна всегда была моей alma mater, главным источником творческого вдохновения. Здесь я родился и вырос, тут жили мои родители, здесь я начал рисовать и сформировался как художник, здесь я всю жизнь живу и не собираюсь отсюда уезжать.

Михаил Абакумов

Тридцать лет назад, в 1980 году, в Коломне впервые появился городской выставочный зал, и у его истоков стояли такие видные мастера, как Игорь Солдатенков, Геннадий Сорогин, Борис Нахалов, Сергей Циркин и, конечно, Михаил Абакумов. Энергичный, молодой, активный — он был в самой гуще событий. Художники помогали строителям: ломали перегородки, обдирали обои, спешили открыть выставочный зал к большой памятной дате — 600-летию Куликовской битвы. И как радостно было открывать первую выставку, как много коломенцев побывало на ней в первые же дни! Какой азарт появился у художников: теперь их работы можно «выносить на суд зрителей»...

Спустя два года в «Доме Озерова» состоялась первая персональная выставка Михаила Абакумова, и опять неутомимый художник готовит зал. За ночь перекрашивает стены — так лучше будут смотреться работы. В этом он весь и весь его характер. К каждой своей выставке он подходил с такой же тщательностью — название выставки («Русский лес», «Путешествие в Коломну», «Замело тебя снегом, Россия», «Родина — это судьба...»), название работ («Всходит луна», «На свет Божий», «Солнце марта», «Упала радуга с небес», «Время черёмух», «Ангелы поют...») — это всегда поэзия, повод к размышлению.

Открытие выставки — радостное мероприятие. Гости, друзья, зрители... Праздник плещется через край. После вернисажа, когда все гости

разойдутся, Михаил Георгиевич ещё раз пройдёт с нами по залу: «Ну как, получилось? Удалось!!!»

Его выставки сразу становились событием. Шли на Имя: что покажет Мастер, чем удивит. Посетители часами ходили по выставке — любовались, спорили... Ходили семьями, компаниями друзей, коллег, поодиночке. Абакумов всегда «сопровождал» свою выставку, всегда старался быть рядом, чтобы рассказать что-то, объяснить, а то и поспорить. И эти моменты общения с художником — самое большое впечатление от выставки! Послушать рассказы о его работах, задать вопросы: где написано, как, почему... Отдельная категория зрителей — это художники, собравшись по цеху. Они всегда смотрели долго и пристально и, в отличие от посетителей, рассматривали работы чуть ли не под лупой: как он пишет такими размашистыми мазками, как смело кидает краски и как правдиво и уверенно всё получается. Есть чему поучиться.

Выставки Абакумова стали в «Доме Озерова» традиционными. Обязательно в феврале (в день его рождения) делалась персональная выставка. Михаил Георгиевич каждым летом говорил нам: «Что там у вас в планах на следующий год? Я уже работаю над выставкой, запишите-ка в планы». И мы всегда знали, что Абакумов придумает что-то особенное, необыкновенное, интересное.

Все события жизни Мастера отражались в его творчестве. Всё выплёскивалось в работы, и, конечно, следом были выставки в «Доме Озерова». Присвоение званий заслуженного художника России и народного художника России, награждение золотой медалью Российской академии художеств, потеря любимой жены, поездка на Русский Север или за границу... И обязательно новые работы — это его размышления, итоги, это его сопричастность времени, отклик его души. И каждая выставка — как разговор художника со всеми зрителями, разговор строгий и серьёзный или радостный и праздничный.

Как и положено, в «Доме Озерова» он чувствовал себя как дома. Обязательно забежит посмотреть новую выставку, за чашкой чая обсудить последние новости мира искусства, а то и поработать. «Девчонки, у вас такой прекрасный вид из окна... Как замело снегом сквер!». Или: «Какая улочка, вы только посмотрите — надо написать».

И тут же открывает мольберт, отодвигает штору в зале, и уже нет никого поблизости, не мешают посетители: они не дыша двигаются по залу. Сотрудники из-за дверей посматривают на работающего Мастера, изредка осмеливаясь пройти мимо. Лицо художника освещается мягким светом белого листа, кисть летает, ложатся краски — как прекрасен Мастер, когда он творит! И вот через полчаса: «Вот, смотрите, шедевр!» Мы смотрим и не верим, что так быстро можно перенести красоту мгновения мира на холст. И это подвластно только ему...

Особые страницы в жизни «Дома Озерова» — организация выставок молодых художников, и самые памятные — выставки работ учеников Михаила Абакумова. Когда он преподавал в Суриковском институте, частенько организовывал пленэры в Коломне. «Надо показать молодёжи настоящую русскую красоту, прекрасный старинный город!» Студенты работали в разных уголках города. Он сам — «жаворонок» — стаскивал

их с кроватей ни свет ни заря и сам работал вместе с ними, «заряжал» и подгонял их. Все работали по максимуму.

Приносил народные костюмы и заставлял писать портреты на пленэре. «Ну посмотрите, Катюша (Катя Королёва в русском костюме) — настоящая русская красавица! Это **надо** писать!»

По итогам творческой летней практики — обязательно выставка в «Доме Озерова». Все посетители удивлены, очарованы — студенты написали Коломну так, что заставили местных жителей поразиться: неужели действительно так хороша... А сам Мастер ходит по выставочному залу, улыбается с прищуром: «Вот как удивили! То-то...»

Незаметно течёт время. Вот уже 2009 год и выставка «15 лет спустя». Те же ученики со своим педагогом. Но это уже не молодые «птенцы» — это настоящие художники, создающие современное искусство России. А какие звучат слова признательности своему Учителю! Он раскрыл талант каждого, не «задавил» своим авторитетом (чего греха таить: у больших мастеров это бывает частенько), открыл глаза, научил чувствовать, видеть и оставаться самим собой. И сам Абакумов до слёз рад встрече и горд за своих учеников: «Вот какие мои! Как выросли! Я ими всеми горжусь!»

Из таких моментов и состоит наша работа: перелистываются, как листки календаря, странички жизни, выставки сменяют друг друга... Будут новые имена, но Михаил Георгиевич Абакумов всегда останется в этом **Доме**. Так и кажется, что сейчас «влетит» в зал и скажет: «Что тут у вас, какие планы?..»

*Василина КОРОЛЁВА,
художник*

Дядя Миша

Я пыталась вспомнить, сколько лет я знаю Михаила Георгиевича. Получалось — лет восемнадцать-девятнадцать. Для кого-то это немного, но для меня — почти вся жизнь. Сначала было моё советское детство, а потом, когда я только-только начала осознавать себя, задумываться о своём пути, в моей жизни появился Михаил Георгиевич Абакумов — «дядя Миша», друг моего отца Валерия Васильевича Королёва, и с тех пор был в ней всегда.

Однажды отец взял меня с моей младшей сестрой Катей в гости. Снова, как тогда, в первый раз, вижу мастерскую с простыми белыми стенами, пропитанную лёгким запахом красок, лаков, растворителей и, самое главное, от пола до потолка заставленную и завешенную картинами, этюдами, эскизами. На них — Коломна, с детства знакомые виды кремля и такие укромные уголки, местоположение которых я, коренная коломчанка, определяю с трудом. В этих картинах дует ветер, по небу

проносятся облака, солнце играет мелкой речной волной, и на одной из них, особенно живой и свежей, борется с ветром крепкая кудрявая берёза с тонкими прядями на концах веток — «абакумовская», удивительно точно найденный образ этого дерева, не такая, как «саврасовская» или «левитановская»; и с этого дня я, встречая такую берёзку, всегда вспоминаю картины Абакумова.

Помню: мне, ещё не вполне оправившейся от первого восторженного впечатления, Михаил Георгиевич подаёт чистый холст: «Ты ведь рисуешь, учишься? Вот, посмотри, — ромашки (в простой стеклянной банке, на фоне белой стены, стена кажется серо-сиреневой) — пиши! Вот масляные краски, вот разбавитель, палитра, кисти, кисть вытираешь об тряпку — всё просто! Никогда не пробовала? Ну надо же когда-то начинать!»

Я трясущимися руками вожу кистью по палитре грязную лужу, которая должна стать этим самым сероватым фоном. Краски не слушаются, не желают перемешиваться по моему указу. Но как же на картинах у дяди Миши всё так просто сделано? Я смотрю по сторонам, перевожу взгляд с картины на картину, потом на свой холст, кисть как бы сама начинает смешивать на палитре краски, и — о чудо! — на моём холсте начинает проступать какое-то бледное, но всё же подобие поставленного букета. Михаил Георгиевич смеётся: «Ого! Не спеши, не спеши, внимательней. Смотри — вот тут ошиблась. Но всё равно молодец. Главное — не бояться. И что это ты здесь за серость развела? Запомни, живопись — это красное и зелёное! Даже если пишешь белые цветы на серой стене, всё равно ищи красное и зелёное!»

Потом были ещё натюрморты. Михаил Георгиевич никогда не ставил их нарочно: «новогодний» — наряженная ёлка отражается в старинном

резном зеркале, «плотницкий» — рабочий уголок Михаила Георгиевича, где он делал подрамники и подгонял рамы: верстак, на нём рубанок, кое-какие инструменты, и всё это засыпано роскошными золотыми стружками. «Красный угол» — тёмная икона с зажжённой к празднику лампадой. Нельзя сказать, чтобы Михаил Георгиевич постоянно со мной занимался; он мог подойти всего раз-другой и сказать несколько слов, но слова эти были «не в бровь, а в глаз».

Я рисовала, а вокруг продолжалась жизнь. Абакумов приходил и уходил. Здесь же работал над своими картинами его коллега В.П. Губарёв. Иногда заходила супруга Михаила Георгиевича, чудесная Ася Георгиевна, внимательно рассматривала мою работу, а потом спрашивала: «Может, поесть хочешь? Давай попьём чайку?»

А бывали праздники, когда мне было ужасно обидно сидеть в углу со своим натюрмортом, тогда как за круглым столом, у самовара, в плетёных креслах располагалось целое общество. Как тяжело, когда все веселятся, пьют чай, разговаривают об интереснейших вещах, а мне остаётся только делать вид, что всё это мне безразлично. Но ничего не поделаешь: Михаил Георгиевич, человек феноменальной работоспособности, пытается убедить меня, что живопись — это (кроме красного с зелёным) ещё труд на девяносто процентов и вдохновение на десять.

В конце концов взрослые смягчаются, зовут меня к столу, и вечер продолжается и для меня тоже.

Помню один из таких дней — праздник Святой Троицы. Мы пришли в гости к Абакумовым с веточками берёзы. Взрослые разговоры о политике и об искусстве заканчивались обычно песнями (вся наша семья поющая). Пели старинные русские песни, романсы. Михаил Георгиевич больше слушал, но удивительно тонко и изысканно вливался в наш хор голос Аси Георгиевны Абакумовой, какой-то чистый и хрустальный. В такие минуты мы были счастливы, растроганы до слёз, и нам казалось, что мы часто-часто будем вот так сидеть все вместе в окружении картин, петь, глядя, как последние лучи солнца за окном золотят купола и кресты Богоявленской церкви, и так будет всегда.

У Абакумова была традиция — его друзья (художники, люди искусства) расписывались на белой стене мастерской на память. Помню, как папа чётко и уверенно поставил яркой коричневой краской свою подпись: «В.Королёв». Михаил Георгиевич глянул на меня, улыбнулся: «А ты что смотришь? Тебе пока рано».

Никогда не забуду один день — 5 мая 1995 года. Я учусь на первом курсе Рязанского художественного училища. Большая перемена, студенты высыпали в коридор. Вдруг навстречу мне идёт Абакумов. Он здоровается и, не глядя в глаза, говорит: «Подожди меня, поедем домой, папа нездоров». Проходит в кабинет директора В.И. Колдина, и они долго о чём-то разговаривают. Потом мы едем на машине домой, и до конца пути Михаил Георгиевич так и не решается сказать мне, что мой отец умер в этот день рано утром.

Была у нас ещё одна дорога. В 1999 году мы ехали с Абакумовым из Вышнего Волочка с академической дачи, где я, студентка первого курса МГАХИ им В.И. Сурикова, проходила практику, а Михаил Георгиевич

был нашим руководителем. Мы направлялись в Коломну, а затем в Рязань, где на защите дипломов в Рязанском художественном училище (защищались мои однокурсники) Абакумов являлся председателем комиссии. Михаил Георгиевич сам вёл машину, и путешествие, кроме красоты тверских пейзажей, запомнилось небольшой аварией — в нас на ходу врезался задремавший за рулём водитель, который скрылся, прежде чем мы успели разглядеть его.

К этому моменту Абакумов уже несколько лет преподавал в институте Сурикова и даже уже привозил в Коломну своих студентов. Но я оказалась под его воздействием впервые. Все достоинства преподавания Михаила Георгиевича исходили из его опыта практикующего художника. Он сам видел в природе множество красивых мотивов, тонких сочетаний цвета и учил этому нас. Но самыми незабываемыми уроками были те, когда Михаил Георгиевич становился рядом с нами, раскладывал свой этюдник и начинал писать тот же мотив или постановку, что и мы. Его работа говорила больше любых слов, и многие стоящие перед нами технические проблемы живописи после таких мастер-классов разрешались сами собой.

Я давно перестала называть Абакумова «дядей Мишей» и даже немного стеснялась нашего знакомства, научившись ценить его и считать незаслуженным подарком. Я начала сторониться Михаила Георгиевича, тогда как он после смерти отца стал больше интересоваться моими делами, словно у него появилось какое-то чувство ответственности за меня, за то, как сложится моя творческая судьба. После окончания Суриковского института Абакумов пригласил меня преподавать в КГПИ на отделение Изобразительного искусства, где тогда работал. Когда пришла пора вступать в Союз художников России, дал мне рекомендацию. Самим своим существованием в то время, когда я уже стала старше и самостоятельней, он очень много определял в моей жизни, почти в неё не вмешиваясь. И даже тогда, когда от волнения я не задавала каких-то вопросов и не обращалась за советом, я знала, что всегда могу это сделать и получить совет и помощь.

Это сознание поддерживало меня в жизни, и это то, за что я благодарна Михаилу Георгиевичу и за что я никогда не смогу его забыть.

*Михаил КОСТРУЛЁВ,
предприниматель*

На его работы я могу смотреть часами

Михаил Георгиевич был очень хорошим коммерсантом. Наверное, по наитию... При таком мощном таланте художника великолепным галерейщиком мог бы быть. Идеи схватывал, развивал. Умел себя пиарить. Вообще умел дела вести. Если бы не авантюрные отчасти действия Абакумова, выставочного зала в «Глобусе» не было бы. И Культурный

центр «Дом Озерова» при его активном участии открыт.

У него есть работы, на которые я могу часами смотреть. Пейзажи, например, сделанные в поездке 80-х годов по комсомольским стройкам Сибири. Такая мощь! Камни, вода живая, сосны — мне очень нравится. Из этой серии мало работ осталось: все, наверное, распроданы. Один из самых интересных его этапов. Он же и в технике экспериментировал. Акрилом начал писать в Коломне первым. Эта техника давала возможность колоссальной скорости.

Друзья в Москве называли его «мистер». С нужными людьми говорил аккуратно, умел себя «зажать». А здесь, в Коломне, мог сказать художнику: «Ты чего мои этюды рисуешь? Ты

все мои сюжеты перерисовал». Очень противоречивый был человек. Он и восхищал, и поразал.

Увлекающаяся натура. Решил жене Асе сделать памятник. Он мог бы и купить, но поехал, привёз смальту. Сам колол, сам фактически всю мозаику делал. Конечно, талант великолепный...

Любил «стильные» вещи. Как он мог себе рубашку подобрать, галстук! В шестьдесят лет! Обувь — из настоящей крокодиловой кожи... Ему хотелось быть непохожим, оригинальным. Самое страшное — быть как все. Комфорт любил, но мог обходиться и без него. Купил квартиру в «Арбатской Слободе». Сам дизайн придумывал. Колоссальный вкус, опыт. В момент творения — горел. Подвесил кресло плетёное к потолку в мастерской: «Правда, красиво?» Поехали мы с ним камни смотреть для дорожки перед домом. Его осенило: «А вот ванну сделать из гранита?» Через неделю эта идея пропала, слава Богу. Быстро принимал решения. Скрупулёзно, но быстро выбирал материалы: «Я сказал так!» Светлый ламинат покупаем — он: «Чёрные плитуса!» Сделали — и правда, красиво! Но если обои чуть отклеились, не обращал внимания: «Этого никто не заметит! Мы сюда картину повесим». Сделал великолепный выставочный зал в доме, внизу. Он его и делал потому, что не надеялся, что в городе будет.

Было в нём что-то от подростка. Появляется техническая новинка — он её тотчас должен иметь. Смартфон, например. Я тоже люблю новинки техники, но такой тяги нет. Где-то он мог «жмотничать», а потом спустить деньги просто для того, чтобы первым владеть. А иногда он был до комичности рассеянный. Как-то подъехал с другом к берегу Волги, поставил машину на бетонном съезде. Пошли писать этюды. В этот момент машина скатилась в воду. Всю ночь сушили салон феном.

Жадный был до жизни. Он по-другому жить не мог, влюблялся, горел. Последние два года жил в каком-то бешеном ритме: выставки в Рязани, в Тамбове, во Ржеве, в Управлении делами президента, в Центральном доме художника... Всё это за каких-то три месяца. У барда Вадима Егорова об этом сказано: «Спешите жить», — сказал мудрец. Я эту истину учёл».

*Игуменья Ксения,
настоятельница Свято-Троицкого
Ново-Голутвина женского монастыря*

Он жил как художник

Несколько слов памяти Михаилу Георгиевичу Абакумову не исчерпывают всей благодарности художнику, с которым монастырь связывает большая и многолетняя дружба.

Ещё в 90-х годах невероятное усилие сестёр над созданием небольшого выставочного зала в стенах монастыря было увенчано первой выставкой Михаила Георгиевича. На что наша иностранная насельница с восхищением сказала: «Теперь я понимаю, почему в русских сказках за ночь дворцы строят, ковры ткут, а здесь в такой короткий период возник такой прекрасный зал».

Мы много рассуждали о смысле творчества, о призвании художника, этот вопрос был интересен и Михаилу Георгиевичу.

— Я над этим вопросам думал — как рождается художник. Большое значение имеет среда, где он рождается. Если он рождается в тюрьме — он такой же останется, мне так кажется.

Мы около храмов выросли, купаться бегали мимо Успенского собора на Москву-реку. Та среда архитектуры храмов, та красота, которую они воплотили, хотя многие храмы и были разрушены, но они поражали воображение, они «сильно говорили», и я как-то впитал, как художник, завершённость любого пейзажа храмом. Я всё время это и пишу, потому что прекрасней этого нет — на холсте отобразить храм, и знаете, как он завершает пейзаж! Он стоит на таком месте — не прибавить, не убавить. В завершении пейзажа — храм. Все дороги туда ведут. Так же все древние города наши строились: храм — и все дороги к нему — верная система. Поэтому среда воспитывает художника.

Первая выставка Михаила Георгиевича состоялась в 93-м году и открыла совершенно новое направление в жизни монастыря. Искусство, как способность говорить в разных формах мышления и восприятия, — это и путь к познанию души человеческой, это открытие той глубины, где можно встретиться с Богом. И Михаил Георгиевич, выступая на открытии выставки погибшей знаменитой художницы Л. Сошинской, которую мы с её родственниками подготовили в выставочном зале «Дома Озерова», сказал:

— Когда уходит человек из жизни — это очень печально, а когда уходит художник — это вообще, я считаю, огромная трагедия. Людмила Сошинская ушла из жизни. После неё осталось прекрасное наследие. Чтобы это наследие жило, нужно объединение наших усилий, чтобы наши сердца были вместе. Художник — это человек, у которого бьётся сердце. Такой человек — нужен.

«В благословение к трудам на благо святой Церкви» Михаил Георгиевич Абакумов был награждён в 1999 году Патриаршей грамотой, а в 2005 году — медалью Русской Православной Церкви «преподобного Сергия Радонежского I степени». Награждение происходило в стенах нашего монастыря, по нашей просьбе и обращению к митрополиту Ювеналию, чтобы он ходатайствовал перед Патриархом о столь высокой оценке его трудов.

Михаил Георгиевич часто писал пейзажи и в монастыре, радовался его преображению, восстанию из руин. Созданная керамическая мастерская, в которой стали трудиться сёстры, требовала и обучения, на что он с радостью отозвался, преподавая рисунок и живопись, задавая довольно напряжённый ритм работы и требуя внимания и усердия, «пока не получится». Он знакомил монастырь со своими друзьями и мечтал о многих

проектах. Оператор В.М. Шукшина, А.Саранцев, его давний искренний друг и почитатель, так рассказывает об Абакумове:

— Абакумовские пейзажи! Посмотрите. Этот фантастический пейзаж называется «Дом напротив». Это дом в деревне, в котором я сейчас живу. Здесь нет никакой условности, это реализм. Я смотрю, и я верю. Михаил Георгиевич фантастически работоспособный человек. Он приехал и увидел напротив дом и стал писать из окна. Он жил как художник. Мы вечером побеседовали, пообщались, и я утром пришёл, а он говорит: «Я написал, “Дом напротив” называется». Такая же «объёмность» и ясность, как и в поэзии:

Чуть слышится ручей, бегущий в сей дубраве.
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях...

Мы сразу видим, что это — документ, который великий художник, как Абакумов, взял и запечатлел.

Отпевание в Покровском храме Ново-Голутвина монастыря собрало многих людей, искренне скорбящих о расставании с таким большим другом и замечательным художником, и слова молитвы об упокоении сливались со словами благодарности его таланту, благодарности его большому сердцу и чуткой доброте.

*Виктор МЕЛЬНИКОВ,
главный редактор «Коломенского альманаха»*

Коломенский гений России

Коломенский Посад — особенное место в истории Коломны. В самом его сердце, на улице Островского, стоит небольшой домик — мастерская русского художника Михаила Абакумова. Это действительно важное место для всех нас, потому что вместе с художником прославлена и наша родина. Вскормленный древней Коломной, вдохновлённый её сказочной реальностью, Абакумов смог живо и многообразно воспеть в своих полотнах красоту нашего вечного и древнего города. И даже бывая за пределами России, в других странах, он везде оставался русским живописцем...

Любая его выставка всегда оказывалась в центре внимания прессы и всех тех, кто интересовался искусством вообще и русской живописью в частности. О его работах говорили, спорили, ими восхищались. Они впечатляли, создавали настроение. В картинах Михаила Георгиевича была тайна, недосказанность, которая открывала простор для воображения любого зрителя...

Многие называли Абакумова поэтом русской провинции. Я бы назвал его просто правдивым художником, который показывал нам тот мир,

в котором мы имеем счастье пребывать. Абакумов был художником от Бога. Он знал радость работы, которую выполнял в полную меру сил. «Знал» — больно, но приходится теперь говорить о мастере в прошедшем времени. И всё же... То, что сделано им, сделано надолго, на многие столетия переживёт своего создателя, сохраняя в сознании живущих его облик, черты судьбы.

Народного художника Михаила Абакумова нельзя было упрекнуть в однообразии, хотя на первый взгляд могло показаться, что слишком часто встречаются одинаковые композиционные решения, сходная среда («Золото России», 1991; «Россия», 1993). Его живопись, по существу, имела много граней, с трудом вписывающихся в его палитру: необычен взгляд художника на мир, на способы его отображения. Большинство его картин лиричны («Утраченные россы», 2004; «Апрельский вечер», 2004; «Вечная дорога», 2004). Но есть и другая сторона его творчества, продиктованная высшим смыслом. Это чувство ответственности за всё, что видел и чувствовал художник («Осень в Коломне», 1988; «Тучи с запада», 1990–1993; «Последний дозор», 1995). Он однажды сказал: «Художник должен отражать красоту Божьего мира». И это были не просто красивые слова, это был девиз всей его творческой жизни. Но как труден этот путь! Надо было не отойти от себя, от своей правды. И это была настоящая битва! Стоит вспомнить слова Михаила Анчарова: «Бетховен в самый тяжёлый для себя момент написал, ломая белый грифель о чёрную доску: “Жизнь есть трагедия, ура!” Не в том смысле “ура”, что он приветствовал несчастье, а в том смысле, что трагедия — это всегда битва света против тьмы... Поэтому трагедия всегда оптимистична, и да здравствует эта битва!»

В этой битве Михаил Георгиевич многое успел сделать, многого добился. У него ещё хватало времени помогать другим... Помню, как трудно

создавался первый номер «Коломенского альманаха». Катастрофически не хватало денег на его издание. На Горбатовом мосту в Москве шахтёры требовали выдачи заработной платы. А мы у себя в уездном городишке ходили с шапкой по кругу и просили денег не на хлеб, а на книгу. Выручил Михаил Георгиевич: он выставил на продажу две свои картины, чтобы полученные деньги передать для выпуска коломенского журнала. Точно так же поступили его братья по цеху: Сергей Циркин, Евгений Гринин, Алексей Фёдоров. Так во время войны поднимались из окопа и поднимали в атаку своих бойцов командиры.

Не одними картинами накапливается биография художника. Ещё и поступками. Случай с финансированием альманаха помог мне увидеть нравственное начало Абакумова. Или по меньшей мере почувствовать его особенность, его, если так можно выразиться, код. Я стал воспринимать абакумовские произведения иначе и судить о них, исходя из авторского внутреннего замысла, не пытаюсь подобрать какие-то неподходящие ключи.

Дивной, но невидимой магнетической силой обладают земля и человеческое сердце. Абакумовское сердце именно такое. Будь оно другим, он, наверное, прожил бы лет на тридцать больше. Сердце его было щедрым и добрым. Когда Михаил Георгиевич под Вологодой построил себе дом, он не мог наслаждаться дикой красотой Русского Севера один, а вёз с собой на лето коломенских друзей. Так побывали в тех краях писатель Валерий Королёв, художник Евгений Гринин. А мне он привёз оттуда дивный сюжет для рассказа «Отпуск в одиночку», который я, конечно же, посвятил дарителю.

Антуан де Сент-Экзюпери однажды сказал: «Наши близкие не умирают, они просто становятся невидимыми». Давайте и мы так жить и чувствовать, что Михаил Георгиевич живёт среди нас. Не торопитесь отходить от его картин, постойте в магнитном поле абакумовского солнечного света. И вы непременно ощутите живое присутствие рядом с вами великого маэстро русской живописи.

*Ольга МИЛОСЛАВСКАЯ,
генеральный директор Культурного центра «Лига»*

История несостоявшейся галереи

После ухода из жизни народного художника России Михаила Георгиевича Абакумова ведётся много разговоров о необходимости создания в городе галереи, посвящённой его творчеству. Но мало кто знает, что в 2006 году Культурный центр «Лига» находился буквально в одном шаге от реализации этой идеи.

В 2005 году Культурный центр «Лига» открыл в доме № 5 по улице Лажечникова малый выставочный зал, помимо двух, которые уже дей-

ствовали к этому времени, — в здании артгалереи по тому же адресу и в старом здании «Лиги», что в Брусенском переулке, 31.

Трёх залов, предназначенных под сменные выставки (а они открывались с периодичностью раз в месяц), было более чем достаточно, и мы задумывались о новых проектах. Хотелось создать постоянные экспозиции, интересные не только коломенцам, но и гостям города. Идей было несколько, но наиболее привлекательной виделась мысль о создании персональной галереи М.Г. Абакумова. Её предполагалось разместить в выставочном зале старого здания «Лиги».

Особая атмосфера стен бывшего келейного корпуса Брусенского монастыря как нельзя лучше подходила для экспонирования работ Абакумова. По нашему видению галерея должна была состоять из двух разделов: первый — постоянная экспозиция ретроспективных работ художника, второй — сменная экспозиция, она могла бы стать площадкой для выставок разного характера, возможных тем и жанров. Эта часть экспозиции, вдохновлённая неуёмной фантазией Михаила Георгиевича при его умении выстраивать интересные художественные проекты, менялась бы раз в два месяца. В это собрание вошли бы не только давние работы, но и созданные им на прошедших пленэрах, в рабочих поездках и, конечно, совсем новые, только вышедшие из-под кисти мастера. Зная, как Михаил Георгиевич любил выступать продюсером выставок талантливых художников со всей России, здесь же предполагалось устраивать и выставки приглашённых художников — его друзей под рабочим названием «В гостях у галереи Абакумова».

По замыслу деятельность галереи должна быть интерактивной: предполагалось проводить мастер-классы от Михаила Георгиевича, встречи со студентами, школьниками, творческие вечера художника. Хотелось, чтобы галерея была живым организмом, чтобы в ней кипела творческая жизнь, воплощались интересные проекты, и в центре всего этого процесса жила бы яркая личность художника как движущая сила и генератор идей всего происходящего в галерее.

Здесь же возникала уникальная возможность для выражения всех ипостасей мастера: художника, продюсера, учителя, мэтра, публичной личности...

Вот с такой идеей я и пришла к Михаилу Георгиевичу в конце 2005 года, рассказала о большом желании сделать всё без проволочек, о возможностях быстрой раскрутки галереи в СМИ и сети Интернет. Мне представлялось важным, чтобы о её создании узнало как можно больше людей за пределами города. Мечталось, что «на Абакумова» специально будут ездить в Коломну, и город получит ещё один центр притяжения туристов, а абакумовская галерея станет очередным «брендом» нашего города.

Михаил Георгиевич отнёсся к идее со сдержанным интересом. Сама идея галереи, её структуры, характера работы ему понравилась, хотя масштаб выставочных площадей, которых, по мнению Абакумова, было недостаточно, вызвал у него настороженность. Ему хотелось больших залов, светлых помещений, чтобы иметь возможность выставлять крупные работы, а камерные залы здания «Лига» в Брусенском не позволяли

этого сделать. Смущало его и то, что здание находится на территории монастыря и перспективы его принадлежности были неясны.

Я ждала этих вопросов, была готова к ним. То, о чём он говорил, безусловно, могло стать реальностью, но у меня была абсолютная уверенность, что создание галереи здесь и сейчас — реальность ещё большая, поскольку все проблемы, которые действительно существовали, могли быть решены. Мой главный аргумент состоял в том, что *надо с чего-то начинать*. Когда же всё получится и все увидят работу галереи, а затем — в чём не было сомнения! — появятся благодарные отклики и отзывы, может быть, и найдётся помещение, более подходящее для наших целей, — отдельный особняк, как мечтал Михаил Георгиевич.

Я убеждала Абакумова: давайте начнём, пусть с малого, но если этого не сделать сейчас, если продолжать ждать, пока город построит или отреставрирует подходящий дом, пройдут годы, отнюдь не прибавляющие сил. В общем, разговор оказался непростым, но, зная характер Михаила Георгиевича, понимая остроту темы, я и не ждала ничего другого. Абакумов взял тайм-аут на раздумья и советы.

Он позвонил через две недели, сказал, что согласен, выставил определённые требования, вполне реальные и выполнимые. Мы встретились, поговорили об улаживании формальностей, о подписании бумаг, о сроках всех подготовительных работ.

Одно из условий Михаила Георгиевича — он сам найдёт человека, который будет руководить галереей. Кандидатура была им названа, у нас она не вызвала возражений. Мы обсудили и финансовую сторону проекта, определили принципы работы галереи, главным из которых была полная творческая свобода художника и отсутствие постороннего вмешательства в формирование выставок.

Но несмотря на то что мы уже обсуждали совершенно конкретные действия по открытию галереи, у меня было ощущение, что Михаил Георгиевич до конца в эту затею не верит и его душу точит сомнение. Ощущалось, что у него не было абсолютной уверенности в правильности принятого решения, не было той одержимости идеей, которая сметает все преграды на пути к осуществлению цели. Это настораживало, поскольку было не лучшим началом дела.

Администрация города идею галереи поддержала. Через некоторое время было подписано распоряжение главы города Коломны Валерия Ивановича Шувалова о создании выставочной галереи народного художника России Михаила Георгиевича Абакумова на базе помещения КЦ «Лига» по адресу: Брусенский переулок, 31. Тогда же были выделены небольшие средства на ремонт и оснащение выставочных площадей, и мы незамедлительно приступили к работам по подготовке зала. Заменяли обивку стен, выкрасили их в белый цвет, как хотел Михаил Георгиевич, сделали хороший верхний и точечный свет,

изготовили систему подвески работ.

Казалось, всё идёт хорошо, ещё немного — и галерея будет открыта. Произойти это должно было осенью 2006 года, но судьба галереи удивительным образом повторила судьбу Музея Константина Васильева, с которого и начиналась история Культурного центра «Лига». Тогда, в 1991 году, когда почти всё уже было готово для открытия музея, семья художника отказалась передать работы, потому что им пообещали создать музей в Москве. Аналогично Михаил Георгиевич отказался от галереи в Культурном центре «Лига», потому что очень надеялся, что в новом выставочном зале, который в 2006 году начал строиться в торговом комплексе «Глобус», у него откроется персональная галерея. Однако этого не могло произойти — зал изначально задумывался и строился для организации больших выставок разных авторов с возможностью показа крупноформатных работ. С кем он говорил, кто обнадежил его? Ему никто ничего не обещал, он и не называл имён: я думаю, их просто не было.

Это была его мечта, в которую он поверил как в реальность. Как знать, может быть, когда-то эта его мечта и осуществится?

А тогда всё закончилось тем, что городской выставочный зал в «Глобусе» открылся персональной выставкой Михаила Георгиевича, на смену ей

пришли выставки других авторов, а мы начали подготовку к открытию музея Брусенского монастыря в стенах несостоявшейся галереи.

Такая вот получилась история, грустная не только для Культурного центра «Лига», но и для всех почитателей таланта великого художника. Теперь уже никогда галерея Абакумова, если она будет открыта, не будет наполнена энергией его присутствия, обаянием его личности, живым общением с ним, восторгом новых выставок. Это будет совсем другая история, но кто знает: может быть, у этой истории будет иной, счастливый, конец.

*Галина МОИСЕЕВА,
искусствовед, научный сотрудник Коломенского краеведческого музея*

Драгоценный фонд русского реалистического искусства

Творчество Михаила Георгиевича Абакумова несомненно войдёт в историю русской живописи. Художника называют «золотой кистью России». В зале с его картинами зрители светлеют лицами, испытывая ощущение праздника: царит и ликует природа в сиянии звонких красок! Живопись Абакумова — густая, пастозная, темпераментная, с энергичным фактурным мазком, заряжена оптимизмом и радостным мироощущением. Воздушность и живость импрессионизма смело соединяется с яркой орнаментальностью народной традиции и основательностью реализма.

Родом из крепких зажиточных крестьян, он с детства впитывал атмосферу традиционного русского быта: цветущий сад под окнами деревянной избы, пламенеющие ягоды калины и шиповника, разноцветные овощи, лукошки с ароматными грибами... Любовь к русской земле, богатой и щедрой, к природе, многообразной и неповторимой, к русскому городу с историческими памятниками славной старины — вот главные составляющие миропонимания художника.

Всемирным лучшим в жизни и творчестве Абакумов обязан родной Коломне. Много прекрасных этюдов написано в Италии, Швеции, Индонезии, но трепетными и чарующе лирическими получаются переулки, знакомые с детства, купеческие дома с резными воротами, с палисадниками, в которых пена сирени и рябиновое узорочье. Художник открыл немало живописных уголков, создавая красочную поэму о Коломне. В работах «Март в Коломне» (1985), «Последние цветы» (1988), «На свет Божий» (1991) зримо присутствует особый «коломенский колорит», узнаваемый, характерный, который сердцем чутко уловил художник. В пейзажных панорамах города башни Коломенского кремля, колокольни и купола церквей становятся ключевыми опорными точками. Художник прекрасно чувствует особенности городского ансамбля. В своей статье, обращённой к начинающим художникам, он писал: «Архитектурный облик русского города — это главенство храма, к которому стекаются улицы... В таком пейзаже выражается русская национальная религиозная идея.

Если вы пишете любой другой городской пейзаж, ищите центральный образ, характерный для данного города». Он принципиально не изображал разрушенных храмов. «Художник утверждает то, что он пишет», — любил повторять Михаил Георгиевич. Он писал Россию прекрасной, со светлыми храмами и сверкающими куполами; такой она будет жить на его полотнах и в душе его зрителей.

Поистине удивительно, что в нашей стране много и народных художников, и членов Российской академии художеств, но такого яркого, многогранного образа русской провинции конца XX — начала XXI века, созданного нашим современником и земляком — Михаилом Георгиевичем Абакумовым, нет! Древнерусские города, кремли и посады, которые написал Абакумов, мы ещё можем видеть, мы живём в них, дышим сиренью и шиповником и являемся свидетелями их исчезновения от неумолимого времени и лубочных реконструкций. Это особенно зримо в цикле работ, посвящённом Коломне. Многие картины представляют уже историческую ценность: на них оживают деревянная пристань на Москве-реке, густо заселённые кремлёвские улочки, забытый коломенцами старый центральный рынок и женщины, продающие осенние цветы... Всё это написано с той пронзительно точной интонацией, свойственной человеку, душа которого накрепко связана с самобытной народной культурой.

Художник много путешествовал, особенно любил Русский Север — Псков, Великий Устюг, Вологду, Тотьму. В старинных городах Михаил Абакумов проводил каждое лето, работая на пленэре. Северная природа покорила его быстрой сменой состояний, суровыми бурями, грозами, ветрами, — это близко темпераменту художника и романтической направленности его творчества. Контраст, излюбленный приём романтизма, всё чаще используется в колористическом решении. Ярко-розовые, оранжевые лучи закатного солнца медленно гаснут в тёмной синеве об-

лаков... Таинственные превращения ночи в утро, сумеречные сказки, ночные всполохи зарниц — большую серию работ можно было бы объединить в цикл «Феерия ночи».

Работа над этюдом занимает главное место в творчестве художника. Предпочтение отдаётся маленькому размеру. Михаил Георгиевич — один из немногих художников, у которых этюд — самостоятельное и законченное произведение искусства. Композиционная задача решена с основатель-

ностью, а свет и воздух появляются как бы сами собой, в вихре быстрых точных мазков. Впоследствии этюд может послужить для создания картины: акцентируется самое важное, стирается случайное... В ряде известных полотен Абакумов поднимается до эпического осмысления пейзажа — «Тучи с Запада» (1990–1993), «Северный ветер» (1997), «Окно в вечность» (1987–1992), «Вечная дорога» (2004).

Что бы ни писал Михаил Абакумов — лесную глушь, цветущие поля, деревенские избы, старые крепости, любимые города, — на его полотнах мы всегда видим прекрасную дивную Русь, которую с неизменным восторгом открывает для себя и для нас художник.

Размах выставочной деятельности был поистине огромен: персональные выставки проходили в лучших залах Москвы, ежегодно открывались в Коломне, в больших и малых городах России, за рубежом. Велико и само художественное наследие: картины, этюды, сотни рисунков, офорты. Всё требует изучения и бережного хранения. Это часть драгоценного фонда русского реалистического искусства, это мощный пласт национальной культуры.

Страшно подумать, что такое наследие можно растерять, расплыть по частным коллекциям, частным музеям, продать за границу, — это была бы невосполнимая утрата для наших потомков. В последнее время художник обдумывал проект галереи, которая смогла бы стать культурным центром, где поместилась бы коллекция его картин и этюдов и могли бы работать и выставляться молодые художники, продолжающие традицию русской реалистической школы живописи.

Галерея, или музей-мастерская, безусловно, стала бы интересным туристическим объектом. Творчество Михаила Абакумова имеет общероссийский масштаб. В Европе его имя связано с красотой русской природы, с искусством гуманистическим и жизнеутверждающим. Галерея Абакумова в Коломне могла бы послужить и во славу мастера, и во славу города, и во славу русского искусства.

Утрата

Ушёл из жизни замечательный русский художник Михаил Абакумов. Всё произошло как-то быстро и неожиданно. До последнего момента хотелось верить, что болезнь на какое-то время отступит и Михаил ещё порадует жизни и порадует нас своими работами. Он очень торопился жить, практически всё время отдавая работе. Живопись для него была самым главным делом всей его жизни, и буквально до последнего дня Михаил Георгиевич не выпускал кисти из рук.

После него остались жить его произведения, в них весь Абакумов — яркий, восторженный, задиристый, всегда в поиске художественной истины. В этом художнике счастливо сочетались одарённость от природы и неуёмная трудоспособность.

До сих пор невозможно говорить о Михаиле Георгиевиче в прошедшем времени. Не покидает чувство, что он просто уехал на этюды и расставание носит временный характер. И это действительно так.

Чувство утраты обострилось, когда мы приехали на Вологодчину, в деревню Синяково, где многие годы были соседями и дружили. Русский Север — одна из основных тем в творчестве Абакумова. Приехав в Синяково этим летом, вольно или невольно вспоминали: вот здесь он написал эту работу, а здесь вместе писали... Посреди деревни стоит киот, сделанный и поставленный его руками в честь престольного Преображения Господня, при въезде в деревню стоит охранный крест — тоже творение его рук.

Дом Абакумовых находится в самом центре деревни, на высоком месте, окнами на Кубену, столько раз изображённую на его работах. И забывшись, думаешь: вот он пройдёт мимо нашего дома с утречка пораньше с написанным этюдом, а то и с метровым холстом.

Михаил Георгиевич просыпался очень рано, и все рассветы были его. Художника очаровывала природа Кубенского края.

Впервые я поехал с Михаилом Георгиевичем в те места в июле 1984 года. В то время добраться до места назначения в этих краях было приключением. Ехали мы в гости к Дмитрию Фёдоровичу Касьяненко, который приходился родственником Михаилу Георгиевичу по линии жены Аси. Надо сказать, что Ася родилась и выросла в городе Соколе на реке Сухони Вологодской области.

У Дмитрия Фёдоровича был автомобиль «Запорожец» с ручным управлением, выданный ему как инвалиду Великой Отечественной войны. Свой автомобиль дядя Митя водил виртуозно: местные мужики говорили, что он сможет проехать даже по отвесной скале. Вот на этом «Запорожце» с Дмитрием Фёдоровичем нам и предстояло добраться до Синякова. В маленьком автомобиле должны были поместиться четыре взрослых человека, двое детей, рюкзаки с продуктами на месяц, вещи, этюдники, холсты и т.д. Но самое главное в комплектации машины — это лопата, лом, кувалда и лебёдка. Погрузив всё, мы тронулись в путь. До деревни Чернухино десять километров по асфальту, а дальше вброд через реку Сить. Потом лесной дорогой, разбитой тракторами, с огромными лужами и непролазной грязью, — до села Ивачина. Дмитрий Фёдорович действительно виртуозно вёл свою машину по этой безумной трассе: где разгоняясь, где останавливаясь, чтобы высадить пассажиров, где еле-еле двигаясь. Но вот и Ивачино. Дальше — мимо фермы вниз по берегу Кубены, каких-то пять километров, — и мы у цели. Эти пять километров мы преодолевали несколько часов, используя где лом с кувалдой и лебёдку, где лопату, где восстанавливали мост через ручей, что давало возможность двигаться дальше. Изрядно промокшие и уставшие, мы наконец-то въехали в Синяково.

В тот год с погодой нам не повезло. Весь месяц лил мелкий, нудный северный дождь. Пелена дождя висела над рекой, над лесом, над лугами с прошлогодними чёрными стогами, а когда дождь прекращался и ветер разгонял хмарь, висевшую над землёй, тогда открывались многокилометровые дали поймы реки Кубены. Не влюбиться в эти места было невозможно! Деревня была живая, почти в каждом дворе держали скот: коров, овец. Все дома были окружены изгородями, на усадьбах стояли стога сена — красота да и только! Такое забыть невозможно, и уже через некоторое время Абакумовы приобрели здесь дом. Это было старое здание деревенского клуба. С появлением у Михаила Георгиевича дома поездки в Синяково стали регулярными. Харовская земля притягивает к себе творческих людей, и не случайно, что именно здесь жили и работали знаменитый ленинградский график А.Пахомов, писатель В.Белов, сценарист и режиссёр А.Саранцев, кинооператор А.Заболоцкий, вологодский художник В.Страхов и многие другие.

И именно здесь открылась ещё одна грань таланта Михаила Абакумова.

Ушло половодье

Мы познакомились с Михаилом Абакумовым заочно. Мой отец, Вадим Гацко, журналист, сделал про него несколько очерков. Они очень тесно познакомились, даже сдружились, и частенько позванивали друг другу. Отец был спорщик и человек задорный, Абакумов — ещё задорнее. Было забавно наблюдать, как они чуть ли не час орут друг на друга по телефону: то из-за творчества Константина Васильева, то из-за перевода церковной службы на русский язык, то, к примеру, по поводу русской монархии. Наорутся, бросят трубки, а глядишь, через месяц опять беседуют как ни в чём не бывало.

Что же до меня, то наши пути с Мастером пересеклись в начале девяностых, в «белом доме», на встречах общественности в защиту памятников истории. Помнится, тогда спросил его: не пора ли заниматься созданием в Коломне отделения Фонда культуры? Абакумов отсоветовал: похоже, он инстинктивно чувствовал в этом некую духовную опасность.

Михаил Георгиевич стал приглашать меня в мастерскую, показывал циклы работ, иногда просил написать стихи к вернисажу. И я действительно сочинил стихотворение к выставке «Русский лес», а одна из картин привела меня к появлению трогательной вещи: её название — «Души небесные» — совпадает с именем картины. Довелось мне и очерк про него написать в одну из региональных газет.

Помнится чудесный цикл итальянских этюдов. Я тогда сочинил к нему триптих в духе акмеизма, но мэтр их, кажется, не оценил. Ему нравилась поэзия в есенинском стиле, а Славацкий или, к примеру, Мещеряков казались, наверное, слишком изысканными. Хотя, к слову сказать, он выбрал для стихотворной иллюстрации пару моих сонетов, когда готовил подборку открыток со своей графикой.

Недавно задумали мы один интересный проект — серию цветных открыток с его картинами и моими стихами. Жаль, не успели.

Помнится его мастерская на улице Островского, в старинном флигеле, поднятом из руин руками самого художника и его друзей. Всё забито старинными коломенскими вещами: комод громоздится, под потолком сияет огромная труба, резное дерево, посуда. А у стен — неизречённое множество холстов. И хозяин — лобастый, невысокий, плотный и очень подвижный — достаёт одну картину за другой и ставит передо мною, наверное, чтобы «накачать» впечатлениями, чтобы стихотворение получилось ярче...

Ему была свойственна поразительная витальность, жизнь кипела в нём и выплёскивалась в холсты. И это ощущение жизни в его картинах ни с чем не сравнимо!

Глядишь на Николу Посадского сквозь снежные ветви рябин — и словно слышишь скрип снега, чувствуешь сладкую горечь схваченных морозом ягод, и в этом зимнем узорочье особенно яркими кажутся му-

равленные изразцы и сверкание золотых крестов.

Как величественны абакумовские панорамы, вмещающие беспредельность неба, грозную мощь кремля, тайны речной переправы! Вот великолепный вид на вешний Бобренов монастырь... Разлив — ширь такая, что дух захватывает. В ослепительно синем небе плывут облака, словно льдины, а река, наполненная ледяным крошевом, затопила всё вокруг, она будто стремится вырваться за грани полотна. И в этом бурном разливе древняя обитель — точно корабль, точно сказочный остров, на мгновение ставший центром коломенского мира!..

Больше никто *так* не напишет Бобреновское поле... И река уже не та, и художника, чей талант подобен бурному весеннему напору, уже не сыщешь. Ушло половодье...

Конечно, Михаил Георгиевич был сложным человеком. Заядлый спорщик, он мог придаться к любой фразе, накричать не совсем по делу, наговорить резкостей. Но друзья терпели его характер, лишь посмеиваясь за глаза. И не только потому, что гений имеет право на известную жёсткость мнений. Но и потому, что все понимали: Абакумов — это рыцарь российской реалистической школы. Сколько ревнителей «свободы творчества» и моральных уродов развелось в российской «богеме»! Но никто из них не решался связываться с Абакумовым, с его авторитетом, незыблемым, точно гранитная глыбина.

Его называли «живым классиком». Сегодня ирония неуместна: он стал просто классиком. Никто не сделал столько для возвеличения имени Коломны в мировом искусстве, как Михаил Абакумов. И невольно возникает вопрос: а что можем сделать мы, чтобы хоть немного отблагодарить согражданина, который свой талант отдал родному краю?

Городу нужна улица Абакумова. Коломна растёт, и одну из новых трасс можно наименовать в честь нашего почётного гражданина. Хотя вообще-то самым разумным было бы убрать с карты Старого города нелепое название Ветеринарной улицы и наречь её в честь великого человека, который столько лет здесь прожил. Впрочем, у этой идеи найдётся достаточно противников: сразу заноют, что «это очень дорого». А разве память не дороже?

Надо мемориальную доску устанавливать на мастерской Абакумова. Хотя, по большому счёту, всё это полумеры.

Тут в пору думать о создании дома-музея «Мастерская Абакумова». Но здесь огромная ответственность ложится на детей Мастера. Проще всего распродать наследие гениального отца, но хотелось бы надеяться, что потомки Абакумова смогут преодолеть это искушение. И одной семье здесь не справиться. Может быть, есть смысл городу обратиться к областным властям за поддержкой? Да и на федеральном уровне у нашего земляка большой авторитет. Министр культуры Авдеев был с ним дружен, у Церетели были с Михаилом Георгиевичем хорошие отношения. Есть шанс, что финансовая сторона может быть урегулирована, во всяком случае, попытаться стоит.

Кончина Абакумова ещё раз с особой остротой заставила почувствовать: нет в Коломне мемориального кладбища. Недаром греки говорили: «Могила героя — украшение Отечества». Художники приезжают к нам, чтобы увидеть город Абакумова, а мы скрываем погребение нашего героя на задворках. А ведь место чете Абакумовых — у Петра и Павла. Неужели даже почётные граждане не заслужили погребения на старинном городском некрополе, овеянном славой древности?

В конечном счёте — не Абакумову нужны почести. Они нужны нам; и лишь в той мере, в какой мы отблагодарим Михаила Георгиевича, Россия будет судить о нашей совести и о нашем патриотическом чувстве.

А он... Он сделал всё, что мог, и ушёл на покой. Отзвучали слова прощальной панихиды, в последний раз художник прошёл от врат Ново-Голутвина монастыря — по улице Лажечникова. Яркой синевой горело коломенское небо, жаркие лучи солнца отражались в стекле портрета во главе траурной процессии и бросали отблески на дома: музей, старую почту, бывшую Управу...

А вечером природа простилась с ним рыдающей грозой, бурной, как на его картинах.

Нет больше с нами Михаила Георгиевича...

Помолимся о нём.

*Сергей ЦИРКИН,
заслуженный художник России*

Яркая звезда Михаила Абакумова

Я познакомился с Михаилом Абакумовым в начале 70-х годов. В 1971 году, после моего возвращения на родину, в посёлок Пески, я с первого же дня приезда начал работу по организации в Коломне художественной мастерской отделения художественного фонда Московского областного Союза художников. Для этого нужно было создать сильный

коллектив, способный серьёзно работать. Михаил Георгиевич Абакумов в то время был совсем молодой художник, ещё не очень уверенный в себе. В то время в городе главным вершителем судеб был очень талантливый выпускник института Сурикова конца пятидесятых годов Геннадий Павлович Сорогин, к тому времени уже известный всей России художник, автор интересных жанровых картин и очень тонких и поэтичных пейзажей в стиле замечательного русского советского художника Виктора Григорьевича Цыплакова. Абакумов дружил с Сорогиным, часто бывал у него, советовался по работам. Несомненно, Геннадий Сорогин помог ему в его творческой работе. Помню и я первые ра-

боты Абакумова, небольшие, простые по мотивам: уголок террасы, стол в саду, цветы, фрукты (жил Михаил Георгиевич в те годы в частном деревянном доме). Жемчужно-серебряные его ранние этюды запоминались. Молодой художник советы слушал внимательно. Потом пошли первые выставки. Абакумова замечают, узнают его работы, которые становятся более серьёзными, яркими и подчас гладкими, что ли, и та тонкость первых работ постепенно сменяется всё более и более праздничными для глаз красками.

В 1989 году (через восемнадцать лет мытарства) мы наконец-то открыли в Коломне творческую мастерскую фактически отделения Союза области. В городе сложился хороший коллектив художников: Геннадий и Ирина Савиновы, А.Червяков и Т.Шелест, А.Симонов, В.Пименов и другие. Хорошие художники, участники многих российских выставок.

Михаила Георгиевича избирают в правление Союза художников области, затем России, известность его растёт. О нём, его творчестве рассказывает журнал «Художник». С конца 90-х годов появляются распространители творчества Михаила Абакумова. О нём пишут и говорят как о живом классике. Принесло ли это пользу художнику? Думаю, нет. В творчестве Абакумова идут повторы, его работы становятся более фотографичными и в названиях тоже всё более эффектными: «Стражи», «Ветер с Запада». Что-то творится, уходит то поэтичное, что намечалось в ранних работах. Я как-то сказал ему: «Михаил, напиши свою “Зиму” Коровина, “Сиверко” Остроухова, тот же “Мостик”, тоже Коровина». Но не написал. А может быть, что-то и есть. Там, где-то в глубине годов, в тех, пусть и маленьких, этюдах.

Стремление в последние годы везде быть первым, нетерпимость к другим художникам, уверенность в неоспоримости своих суждений, ду-

маю, внедрённые в него извне, не позволили ему раскрыть то светлое, что, несомненно, было в его душе. Но тем не менее и то, что было сделано Абакумовым, неповторимо. А Время определит место и значение его творчества в нашей культуре. Хотя и оно ошибается, как и все мы. Несомненно, жизнь Михаила Абакумова — великий пример самоотверженного служения русскому искусству. И конечно, будем и будем говорить о том, что городу необходима картинная галерея. В Коломне немало талантливых мастеров, но где можно увидеть их работы? Нужна постоянная экспозиция. И думаю, мысль сделать мастерскую Михаила Абакумова мемориальной, доступной для посетителей, очень хороша. В других городах есть подобные. Творчество Михаила Георгиевича Абакумова должно быть всегда доступно. Мастер это заслужил своей жизнью. Это нужно и нам, и будущим поколениям.

*Георгий ШУВАЛОВ,
гражданин Коломны*

Михаил Георгиевич, прости!

Я был дружен с Михаилом Георгиевичем около тридцати лет. Дружба наша была во всех её проявлениях: праздничные торжества, семейные юбилеи, застолья по случаю выставок, наград, титулов, а самое главное — долгие беседы, а часто и споры в мастерской художника. Говорили о самом разном, но в основном о творчестве, искусстве, российской национальной культуре, Православии, русской цивилизации. Абакумова особенно волновало: куда движется Россия? И он имел свои определённые твёрдые суждения и взгляды, своё мнение. Безразличие — это не в его натуре: свою позицию он отстаивал и оспаривал вплоть до того, что хоть разругаться и разойтись, что и случалось иногда. Потом на очередном мероприятии мирились, какое-то время — затишье, и опять принципиальная позиция.

Мне довелось быть очевидцем, с какой радостью и с каким вдохновением Михаил Георгиевич работал однажды над одним заказом. Группе художников в составе трёх человек (уже знаменитых, титулованных художников) поручили украсить зал переговоров с иностранцами, где предполагалось эти переговоры, в случае их успешного проведения, завершить фуршетом. Одна из трёх стенок в этом зале была отдана Абакумову в полное распоряжение. Конечно, поразила быстрота исполнения этого заказа. Другие ещё работали над эскизами, а Михаил Георгиевич представил приёмочной комиссии готовую работу. Это был триптих больших размеров. Условно мы его называли «Русь изначальная». Центральная композиция была светлой и радостной: на ней изображён народный праздник в летнее время. На переднем плане — озеро, центральное место занимает величественный храм. По сторонам раскинулись цветущие луга, а до линии горизонта простирается лес. И над всем этим благо-

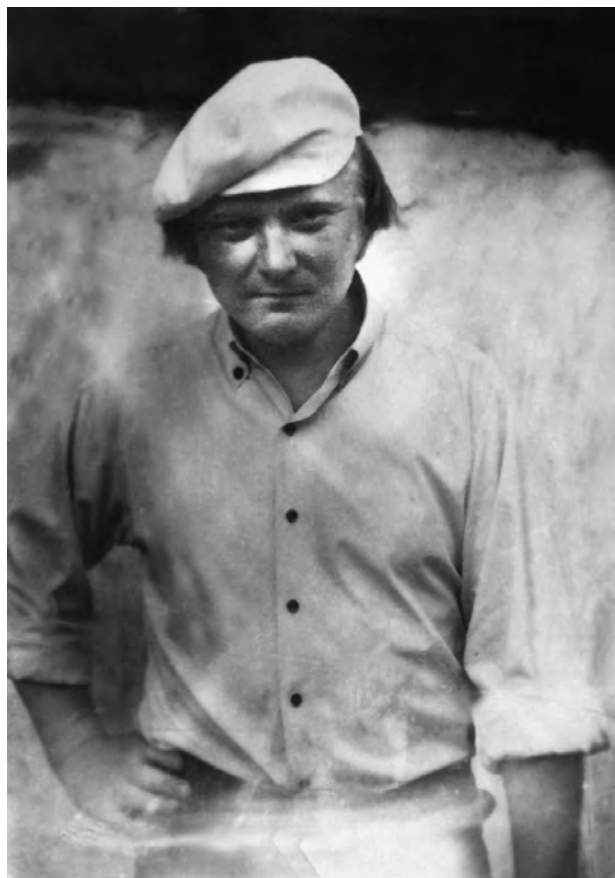
лепием — чистое голубое небо. На лугу, на переднем плане и далее, на покато́й возвышенности, маленькими группками на траве веселятся люди, где-то в кругу пляшут под гармошку. Очевидно, после долгого пребывания в храме, прежде чем идти домой и приступать к трудам праведным, народ за обильным угощением, с русской удалюю и широтой гуляет во славу праздника и величия уклада русской жизни. От всего веет стабильностью, надёжностью, уверенностью в завтрашнем дне, в правоте жизненных позиций, защищённостью от невзгод, государственной могущественностью народа. Нужно работать, рожать детей и просто жить с распахнутой доброй душой.

Боковые картины чисто пейзажные. На одной изображено лесное озерцо с подболоченными берегами в окружении дремучего леса в пред-рассветной пелене раннего утреннего рассвета, и вас окрыляет сила пробуждающейся природы, у вас вырастают крылья и появляются необъятные силы для эпохальных свершений. На другой — вечерний закат, почти сумерки, когда солнце спряталось за верхушки деревьев где-то далеко за горизонтом, а вокруг громоздятся могучие вековые деревья с непролазным буреломом на переднем плане. И вас охватывает ужас от чувства, что наступает ночь, а вы одни, бессильны, и не знаете, что делать и как спастись.

Впечатление ошеломляющее. Поражала проникновенность передачи состояния природы, времени года и суток, разнообразие цветовой гаммы, цельность в развитии сюжета с одновременной самостоятельной жизненной силой каждой части триптиха отдельно. Даже мысли не возникает подойти посмотреть, какое направление мазков, как наложены разные

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

*Фотографии
Юрия Колесникова,
Юрия Имханицкого,
Александра Дудкина,
Бориса Щербакова*

цветовые краски, какой переход тонов и полутонов, какова ширина мазков, интенсивность цвета. Не главное, где лессировка, а где пастозное письмо, не возникает вопросов о технике живописи. Всё поглощает эстетическое впечатление от цельности передачи простой жизненной ситуации, гармоничного сочетания явлений девственной природы и результатов человеческой деятельности, их взаимное проникновение и мирное существование. Я знаю нескольких художников, которые умеют писать свет, но Абакумов в числе первых. Он обладал величайшим даром так написать картину, чтобы свет лился на каждую деталь, каждый цветок, каждый лепесток, каждую сюжетную линию и построение; чтобы свет давал наполненную жизненную силу изображаемому сюжету, пропитывал саму картину и оттуда светился и исходил на зрителя, без видимых и физически ощутимых явлений.

Михаил Георгиевич нашёл и разработал только ему присущее изображение и сочетание цвета, света, объёма, тонов, полутонов, теней с использованием всего разнообразия, всей полноты и широты палитры. Художник добился такой глубины цветового решения в своих работах, что у любителей живописи захватывало дух от восторга от увиденных красот и проявления чудес и явлений в природе, которые оказалось возможным отобразить на холсте. Художники старались и пробовали перенять находки у Михаила Георгиевича и применять их в своих работах. Колористом Абакумов был от Бога. Наследие он оставил такое большое, что необходимо время, чтобы в спокойной обстановке изучить, проникнуть, охватить, понять и найти пути использования и применения художественных приёмов и находок в творчестве Михаила Абакумова для обучения следующего поколения живописцев земли Российской.

Михаил Георгиевич, зачем ты так торопишься жить? Ты нам нужен сейчас на Земле, ты так много ещё хотел сделать! В наших сердцах есть место для памяти о тебе. Ты уже стал достоянием истории. А при жизни ты нам был дорог как творец, как символ Коломны. Не успел ты при жизни осуществить свою мечту — организовать музей своего творчества... Народная мудрость гласит, что зависть умрёт, но завистники останутся. А у тебя хватало и завистников, и недоброжелателей: по-видимому, мало-мало было бескорыстных помощников. Сейчас мало кто вспомнит, кто находился у власти, когда творили Рембрандт, Веласкес, Ренуар. Нам ближе период, когда создавали свои шедевры Кипренский, Суриков, Васнецов, Репин. Ещё ближе или совсем рядом Угаров, Пластов, Цыплаков. Правителей не помнят, зато большинство образованных людей вспомнят картины этих художников. Тест на гражданственность и патриотизм: будет ли Музей Абакумова в Коломне, настоящий музей, а мастерская художника должна сохраниться как памятник, как реликвия.

Перед твоей памятью припадаю на колени и прошу простить мои прегрешения, вольные и невольные, снять с меня чувство вины перед тобой. Теперь понятно, что надо бережнее относиться к людям, которые являются редкими талантами.

Вечная память тебе, Абакумов Михаил Георгиевич!

БЛАГОДАРИМ

Издание выходит при поддержке главы
городского округа Коломна **В.И. Шувалова**
и коломенских меценатов:

Николая Тимофеевича ВОРОНИНА — генерального директора
ОО ПКФ «ДОММ»;

Николая Николаевича СИДЕЛЁВА — директора межрайонного
автотранспортного предприятия «Автоколонна 1417». Филиал ГУП
МО «Мострансавто»;

Михаила Яковлевича АРЕНЗОНА — учредителя Издательского
дома «Ять»;

Сергея Сергеевича СЕРГЕЕВА — генерального директора ООО
«ТЕХНО-АС»;

Валерия Семёновича КОССОВА — генерального директора ОАО
«ВНИКТИ»;

Игоря Викторовича ЧИРКОВА — индивидуального предпри-
нимателя;

Сергея Анатольевича АСТАПОВА — директора негосударствен-
ного образовательного учреждения дополнительного образования
«Коломенский компьютерный центр»;

Юрия Михайловича УГОЛЕВА — генерального директора ООО
Экологическая научно-производственная фирма «Новатор»;

Натальи Николаевны ДРАНЕЕВОЙ — заместителя председателя
правления Коломенской городской организации общества «Знание»;

Евгения Владимировича ЗАХАРЧЕНКО — генерального директора ООО «Теплогарант-Плюс»;

Эдуарда Насибулловича ТУМЕРКИНА — директора ООО «Ракурс»;

Ильи Георгиевича ЛЕБЕДЕВА — директора ООО «Ликъ»;

Людмилы Платоновны РЫБАЛКА — директора магазина «Электрострой»;

Игоря Валерьевича ШАХ-НАЗАРОВА — директора ООО «Тираж»;

Дмитрия Александровича СМАГИНА — индивидуального предпринимателя;

Геннадия Анатольевича КЛЮЕВА — директора ООО «Технология ТР и ОД».

Даяние не убыточно, плод милостыни произрастает обильно.
Свт. Григорий Нисский

Жестокие удары постсоветского прошлого разорвали нить русской традиции. И таланты наши, словно камни из драгоценного ожерелья, рассыпались по просторам Отечества. Иные из них сохранили прежний блеск, а большинство исчезли бесследно, попранные толпой...

Мы дожили, слава Богу, до такого времени, когда ожерелье собирается вновь, когда некогда забытые имена опять занимают место в сверкающей цепи, а рядом с ними искрятся словесные жемчужины современных прозаиков и поэтов.

«Коломенский альманах» — это и есть та «вре́мён связующая нить», на которую нжутся создания коломенской культуры. И именно от помощи благотворителей-меценатов зависит прочность этой нити, соединяющей прошлое, настоящее и будущее.

Редакция «Коломенского альманаха» от всего сердца благодарит вас за неоценимый вклад в литературную историю России. Имена ваши никогда не изгладятся на скрижалях коломенской летописи.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
«КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.С. МЕЛЬНИКОВ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Р.В. СЛАВАЦКИЙ
В.В. УШАКОВА
А.А. САХАРОВ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
А.Г. ВАСИЛЬЕВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А.П. Ауэр, С.А. Астапов, Т.Ф. Башкирова (*редактор отдела поэзии*),
Е.С. Гринин, А.М. Дудкин, С.В. Калабухин,
О.В. Кочетков (*референт главного редактора*), **А.И. Кузовкин, В.Н. Леонов,**
Е.А. Новикова (*редактор-библиограф*), **С.И. Патрикеев,**
И.Е. Ракша (*шеф-редактор аналитических проектов*), **М.М. Сигал,**
О.Ю. Шилов (*шеф-редактор гуманитарных проектов*)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕДАКЦИИ

Л.И. Бородин — писатель
В.Н. Ганичев — председатель Союза писателей России
В.Н. Крупин — писатель
С.Ю. Куняев — главный редактор журнала «Наш современник»
В.В. Личутин — писатель
А.Б. Мазуров — ректор Московского государственного областного
социально-гуманитарного института
Н.В. Маркелова — председатель Комитета по культуре
городского округа Коломна
С.М. Харламов — народный художник России
Л.И. Хитяева — народная артистка СССР
В.И. Шувалов — глава городского округа Коломна
Е.Ю. Юшин — главный редактор журнала «Молодая гвардия»

В оформлении обложки использован фотозтиюд Юрия Колесникова
Штриховой рисунок выполнен художником Евгением Грининым
На с. 2 — награда альманаха, медаль имени русского философа
И.И. Ильина «За развитие русской мысли».

Редакторы *А.Г. Васильева, В.В. Ушакова*
Художник *Е.С. Гринин*
Компьютерная вёрстка *Е.Ю. Ерофеева*
Корректор *О.И. Киреенко*

140402, Московская область, г. Коломна, ул. Калинина, д. 49. Тел. (8-496) 614-81-55;
e-mail: melnikov-vs@yandex.ru

Электронная версия альманаха: www.kolomna.biblio.narod.ru

Подписано в печать 22.03.11. Формат 70×100/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 38. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство журнала «Москва». 121918, г. Москва, ул. Арбат, д. 20.

Тел. (8-495) 691-83-91, 691-71-10. Факс (8-495) 691-07-32.

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская область, г. Коломна, ул. Третьего Интернационала, д. 2а